ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1913—1914.

(съ приложеніемъ двухъ таблицъ и съ двумя рисунками въ текстѣ).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *Б. Фармаковскій.*

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ТОМА.

СТРАН.

Статьи и Замѣтки.

Критика и Библіографія

Списокъ рецензированныхъ книгъ.

а) На русскомъ языкѣ:

б) На восточныхъ языкахъ:

в) На европейскихъ языкахъ:

ТАБЛИЦЫ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Засѣданіе 31 января 1913 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, И. Ю. Крачковскій, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, Н. Д. Мироновъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ.

Гости: А. А. Лорисъ-Калантаръ, И. Ю. Марконъ, П. А. Фалевъ, С. М. Шапшалъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 20 декабря 1912 года.

II.

Читанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Отдѣленія въ 1912 году.

III.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, отъ автора, слѣдующаго изданія:

И. Крачковскій. Къ описанію рукописей Ибн-Ṭайфӯра и аṣ-Ṣулӣ (оттискъ изъ «Записокъ» Отдѣленія, т. XXI).

IV.

Управляющій Отдѣленіемъ отъ имени коммиссіи, избранной въ предшествующемъ засѣданіи, по вопросу объ изысканіи средствъ для печатанія

«Записокъ» Отдѣленія, внесъ слѣдующія предложенія: 1) въ виду того, что въ текущемъ году оканчивается пятилѣтній срокъ, на который Обществу было назначено добавочное пособіе изъ средствъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ 2000 р. въ годъ, войти въ совѣтъ Общества съ предложеніемъ возбудить ходатайство, съ указаніемъ на нужды Отдѣленія, о назначеніи пособія на слѣдующее пятилѣтіе въ увеличенномъ размѣрѣ; 2) для покрытія расходовъ по печатанію «Записокъ» въ текущемъ году, во-первыхъ, воспользоваться процентами съ принадлежащаго Отдѣленію капитала, во-вторыхъ, заимствовать нѣкоторую сумму, не свыше 1500 р., изъ самаго капитала, причемъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы эта сумма впослѣдствіи была возмѣщена изъ средствъ Общества. Опредѣлено: одобрить предложенія коммиссіи.

V.

По предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ опредѣлено: избраніе секретаря Отдѣленія и члена совѣта отъ Отдѣленія отложить до слѣдующаго засѣданія, причемъ продлить на этотъ срокъ полномочія В. В. Бартольда и Н. Я. Марра.

VI.

И. Ю. Крачковскій сдѣлалъ сообщеніе: «Къ вопросу о шіитствѣ династіи Хамданидовъ».

Докладчикъ отмѣтилъ, что послѣдній изслѣдователь вопроса о ші‘итствѣ династіи ḫамда̄нидовъ (Horowitz въ Der Islām — II, 409 слѣд.) не коснулся ближе поэзіи кружка Сейф-ад-даула. Отдѣльныя указанія на принадлежность ḫамда̄нидовъ къ ші‘итамъ можно извлечь даже изъ произведеній ал-Мутанаббӣ (сравненіе Сейф-ад-даула съ ‘Алӣ, терминъ *ал-васӣ* въ примѣненіи къ послѣднему и др.); у Абӯ-Фира̄са одна піеса даетъ традиціонное перечисленіе ші‘итскихъ имамовъ (дӣва̄нъ, изд. 1900 г., стр. 45), другая направлена противъ ‘аббāсидовъ и посвящена злоключеніямъ ‘алидовъ (стр. 135—138). Изъ менѣе извѣстныхъ поэтовъ докладчикъ остановился на ал-Ва’ва̄ дамасскомъ, критическое изданіе произведеній котораго онъ готовитъ въ настоящее время; помимо термина *ал-васӣ*, у ал-Ва’ва̄ встрѣчается эпитетъ *ал-батӯл* (дѣвственница) въ примѣненіи къ Фа̄ṭимѣ, который тоже ші‘итскаго происхожденія и отражаетъ христіанскій догматъ о Приснодѣвѣ Маріи.

По мнѣнію докладчика отсутствіе непосредственныхъ историческихъ свидѣтельствъ при такихъ данныхъ не даетъ еще права сомнѣваться въ ші‘итствѣ династіи ḫамда̄нитовъ.

VII.

По поводу прослушаннаго сообщенія, докладчику предложили нѣкоторые вопросы В. В. Бартольдъ, Н. Я. Марръ и А. Н. Самойловичъ.

Засѣданіе 28 февраля 1913 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, Н. Д. Мироновъ, Н. А. Окуневъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, І. А. Орбели, К. К. Романовъ, М. И. Ростовцевъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, Б. А. Тураевъ, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: Д. Н. Воронецъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, А. А. Лорисъ-Калантаръ, І. А. Кипшидзе, И. Ю. Марконъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 31 января 1913 года.

II.

Произведено избраніе секретаря Отдѣленія, причемъ большинствомъ 11 голосовъ противъ 2 избранъ И. Ю. Крачковскій. Секретарь Отдѣленія благодарилъ за оказанную честь и выразилъ надежду на помощь со стороны болѣе опытныхъ членовъ Отдѣленія, въ частности В. В. Бартольда, отказъ котораго отъ должности секретаря вызываетъ общее сожалѣніе.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ отъ имени Отдѣленія и своего лично принесъ глубокую благодарность В. В. Бартольду за многолѣтніе труды на пользу Отдѣленія въ должности секретаря. С. Ѳ. Ольденбургъ отмѣтилъ важное значеніе исполненной В. В. Бартольдомъ работы по редактированію указателя къ XI—XX тт. Записокъ Восточнаго Отдѣленія. В. В. Бартольдъ отвѣтилъ, что трудъ значительно облегчался, съ одной стороны, исполненіемъ его по идеѣ покойнаго бар. В. Р. Розена, а съ другой, участіемъ въ немъ нѣкоторыхъ спеціалистовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и С. Ѳ. Ольденбургъ.

IV.

Произведено избраніе члена Совѣта отъ Отдѣленія, причемъ большинствомъ 12 голосовъ противъ 2 избранъ В. В. Бартольдъ.

V.

Н. Я. Марръ прочиталъ сообщеніе: «Поѣздка въ Абхазію».

Послѣ краткаго описанія путешествія до селенія Джгерды, гдѣ велась главная работа, и характеристики дѣятельности переводческаго комитета, докладчикъ подвелъ итогъ достигнутымъ, благодаря содѣйствію самихъ абхазовъ, результатамъ по изученію абхазскаго языка, цѣли поѣздки, и остановился на лингвистическихъ явленіяхъ, имѣющихъ существенное значеніе для очередныхъ этнологическихъ вопросовъ Кавказа. Таковы явленія, свидѣтельствующія о движеніи абхазовъ-яфетидовъ съ юга на сѣверъ; прежде всего это переживанія абхазскихъ формъ и словъ не только въ сванскомъ, а также въ южныхъ яфетическихъ языкахъ, но и въ аріизованныхъ языкахъ Арменіи. Лингвистическимъ анализомъ соотвѣтственнаго термина устанавливается, что этотъ яфетическій слой образовалъ знать, по его этническому названію получившую свое наименованіе à-amǝs-ϑa. Изученіемъ показателей мн. числа вскрывается послѣдовательность наслоеній различныхъ яфетическихъ племенъ въ абхазской народности. Намѣчается хронологія наслоеній, особенно позднѣйшаго и первичнаго; въ связи съ послѣднимъ создается почва для правильнаго толкованія географическихъ названій Кавказа, сохранившихся въ древнѣйшихъ сказаніяхъ грековъ. Наконецъ, сравнительная фонетика яфетическихъ языковъ, получающая новое развитіе съ изслѣдованіемъ абхазскаго, окончательно подтверждаетъ мѣстное происхожденіе греческаго термина Ἡνίοχοι, собственно грецизованнаго ḥen+°/ᵢ-q̇, многочисленныя разновидности котораго отложились въ мѣстныхъ названіяхъ различныхъ эпохъ и различныхъ странъ, начиная нѣдрами Арменіи и кончая сѣверной окраиной Абхазіи.

VI.

Въ обмѣнѣ мнѣній по поводу прослушаннаго сообщенія приняли участіе В. В. Бартольдъ, К. Г. Залеманъ, кн. И. А. Джаваховъ и М. И. Ростовцевъ.

VII.

В. А. Жуковскій прочиталъ сообщеніе о книгѣ Henry-René D'Al-

lemagne, «Du Khorassan au pays des Backhtiaris. Trois mois de voyage en Perse», T. I—IV. Paris MCMXI[1]).

VIII.

По поводу прочитаннаго сообщенія были предложены нѣкоторые вопросы В. В. Бартольдомъ и Я. И. Смирновымъ.

IX.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о выходѣ въ свѣтъ 4 выпуска XXI тома Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

Засѣданіе 28 марта 1913 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, В. Л. Котвичъ, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, І. А. Орбели, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, К. В. Хилинскій.

Гости: Б. Барадійнъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, г. Рудовъ, кн. Д. Э. Ухтомскій, С. М. Шапшалъ.

I.

Прочитанъ и увержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 28 февраля 1913 года.

II.

В. Л. Котвичъ прочиталъ докладъ: «Поѣздка въ долину Орхона лѣтомъ 1912 года».

Поѣздка была предпринята В. Л. Котвичемъ, совмѣстно съ Ц. Ж. Жамцарано и К. А. Масковымъ, при содѣйствіи Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи и С.-Пб. Университета, и имѣла цѣлью продолженіе начатыхъ прежними экспедиціями археологическихъ изслѣдованій, главнымъ же образомъ производство пробныхъ раскопокъ, которыя вообще въ С. Монголіи не производились.

---

1) Сообщеніе предположено къ напечатанію въ «Запискахъ» Отдѣленія и поэтому здѣсь не излагается.

На пути изъ Урги въ Эрдэни-дзу въ урочищѣ Их-хўшо̄ту, въ мѣстности Баин-тухумъ близъ г. Онгон-Хайрханъ былъ найденъ неизвѣстный ранѣе памятникъ съ древне-турецкою (орхонскою) надписью. Онъ представляетъ собою плиту сравнительно небольшихъ размѣровъ ($1{,}9 \times 0{,}61 \times 0{,}16$ метр.), съ 3 сторонъ покрытую орхонскими письменами: O—13 строкъ, W—10 и S—4 строки. Верхняя часть памятника осыпалась; имѣется немало осыпавшихся и вывѣтрившихся мѣстъ.

Раскопки производились главнымъ образомъ въ Хара-балгасунѣ на Орхонѣ съ 17 іюля по 10 августа. Было раскопано 5 кургановъ двухъ преобладающихъ въ городищѣ типовъ: 4-угольнаго (повидимому, остатки болѣе солидныхъ сооруженій-храмовъ или вообще общественныхъ зданій) и продолговатаго (остатки частныхъ домовъ). Всюду оказались слѣды сильнаго пожара, отъ котораго, вѣроятно, погибли какъ городъ, такъ и крѣпость. Постройки имѣли основу глинобитную съ поперечными и продольными балками въ фундаментѣ; эти балки большею частью сохранились въ полуистлѣвшемъ видѣ. Болѣе солидныя постройки были крыты не обожженою черепицею, обломки которой въ большомъ количествѣ виднѣются даже на поверхности 4-угольныхъ кургановъ. Дерево играло большую роль въ надстройкахъ и скрѣпленіяхъ. Кое-гдѣ найдены остатки штукатурки, окрашенной въ красный и желтый цвѣта. По краямъ 4-угольныхъ кургановъ обнаружено много каменныхъ квадратныхъ плитъ (въ крѣпости—съ конусообразнымъ орнаментомъ), служившихъ, очевидно, подставками для деревянныхъ колоннъ. Цѣлыхъ предметовъ почти не найдено; даже черепица и кирпичи разбиты. Всюду масса костей (бараньихъ и отчасти конскихъ); довольно много кусочковъ желѣза, мѣди, обломковъ глиняной не обожженой посуды, частью съ орнаментомъ. Въ продолговатыхъ курганахъ найдены 3 китайскихъ чоха (два года правленія Кай-юань, 714—741 г. по Р. Хр., и одинъ типа у-чу).

Найдены слѣды, повидимому, погибшаго китайско-уйгурскаго памятника передъ воротами крѣпости.

Осмотръ на обратномъ пути Хўшо̄-цайдама показалъ, что памятникъ въ честь Кюль-тегина въ полной сохранности и помѣщенъ въ особомъ павильонѣ, построенномъ по приказанію ургинскаго амбаня Санъ-до весною 1911 г. Но отъ каменнаго жертвенника отколото около трети. Найдена одна незамѣченная прежними путешественниками статуя, которая и вывезена въ С.-Пб.

Для выясненія строенія древне-турецкихъ могильниковъ въ крайнемъ могильникѣ, лежащемъ къ сѣверу отъ могильника Кюль-тегина, былъ раскопанъ саркофагъ, причемъ на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ метра оказалась ямка, заполненная

слежавшимся углемъ; она діаметромъ въ 80 сант. и толщиною въ центрѣ въ 10 сант.

III.

По поводу прочитаннаго сообщенія докладчику были предложены нѣкоторые вопросы В. М. Алексѣевымъ, А. Д. Рудневымъ, Н. И. Веселовскимъ, В. В. Бартольдомъ, А. И. Ивановымъ, Н. Я. Марромъ, А. Е. Любимовымъ и кн. Д. Э. Ухтомскимъ.

IV.

А. Н. Самойловичъ въ дополненіе къ предшествующему докладу сдѣлалъ предварительное сообщеніе объ открытомъ В. Л. Котвичемъ памятникѣ съ орхонскими письменами. Двѣ большихъ надписи находятся на западной и восточной сторонѣ, одна малая на южной. Въ виду сильной порчи памятника, надписи въ бóльшей своей части прочитаны быть не могутъ. По своимъ начертаніямъ знаки вновь открытаго памятника приближаются къ знакамъ памятника Тоньюкука и другихъ раннихъ орхонскихъ надписей. Съ ними же сближаетъ ново-открытый памятникъ и раздѣленіе строкъ врѣзанной чертой. Западная и восточная надписи посвящены описанію военныхъ подвиговъ шадапыта тардушей Кюли-чура, который былъ извѣстенъ до сихъ поръ изъ надписи въ честь Бильге-хана, гдѣ онъ названъ среди вельможъ, присутствовавшихъ при восшествіи на престолъ отца Бильге-хана. Повидимому, обѣ большія надписи представляютъ одно цѣлое, при чемъ текстъ начинается на западной сторонѣ и кончается на восточной. Малая надпись посвящена описанію похоронъ Кюли-чура и сооруженію ему памятника. Имя мастера не поддается чтенію. На одной изъ большихъ надписей упоминается Тоньюкукъ; среди присутствовавшихъ на похоронахъ названъ сынъ Кюли-чура Іигенъ-чуръ.

Такимъ образомъ, открытый В. Л. Котвичемъ памятникъ входитъ въ серію раннихъ орхонскихъ памятниковъ и представляетъ интересъ какъ въ историческомъ, такъ и въ языковомъ отношеніяхъ. Надпись содержитъ между прочимъ рядъ словъ, еще не встрѣчавшихся на памятникахъ долины Орхона.

V.

Докладчику предложили нѣсколько вопросовъ Н. И. Веселовскій и А. Д. Рудневъ.

Засѣданіе 25 апрѣля 1913 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, І. А. Орбели, В. Д. Смирновъ, Я. И. Смирновъ.

Гости: г-жи С. Давтянъ и С. А. Лорисъ-Калантаръ, гг. С. А. Гамаловъ-Чураевъ, І. А. Кипшидзе, А. А. Лорисъ-Калантаръ, А. А. Смирновъ, С. М. Шапшалъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 28 марта 1913 года.

II.

В. В. Бартольдъ, какъ представитель Общества въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи, доставилъ въ библіотеку Общества слѣдующія изданія: Протоколы засѣданій. 1912 годъ № IV и 1913 годъ № I.

III.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества изданій:

1) Труды Общества Русскихъ Оріенталистовъ. №. 1. С. Д. Эльмановичъ. Законы Ману. Переводъ съ санскритскаго. С.-Пб. 1913 г. (отъ Канцеляріи Общества).

2) Три отдѣльныхъ оттиска статей И. Ю. Крачковскаго изъ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія» т. XXI, вып. 4 (отъ автора).

IV.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ письмо редакціи журнала «Вѣстникъ Азіи» съ предложеніемъ обмѣна изданіями и объявленіями въ 1913 году.

Опредѣлено: рѣшеніе вопроса объ обмѣнѣ изданіями отложить до ближайшаго ознакомленія членовъ Общества съ журналомъ.

V.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ отношеніе Толстовскаго Общества въ Москвѣ отъ 5 апрѣля 1913 года съ приложеніемъ письма г. Сондуева и образцовъ перевода послѣднимъ произведенія Толстого «Мысли ве-

ликихъ людей» на бурятскій языкъ. Общество проситъ сообщить отзывъ Отдѣленія относительно качества перевода.

Опредѣлено: передать образцы на разсмотрѣніе спеціалистовъ среди членовъ Общества, съ просьбой сообщить свое мнѣніе Толстовскому Обществу.

VI.

А. А. Лорисъ-Калантаръ прочиталъ иллюстрированный діапозитивами докладъ: «Изъ поѣздки въ Эриванскую губернію (развалины церкви Имирзека, памятники Сурмалинскаго и Нахичеванскаго уѣздовъ)».

Лѣтомъ минувшаго 1912 г. докладчикомъ совершены двѣ поѣздки въ Эриванскую губернію: по порученію Императорской Академіи Наукъ въ Имирзекъ и по порученію Этнографическаго отдѣла Рус. Музея Императора Александра III къ курдамъ-Езидамъ.

Развалины Имирзека (нынѣ небольшого турецкаго селенія) находятся въ Эриванскомъ уѣздѣ на правомъ берегу р. Гарни-чай (древн. Азатъ) въ ущельи Мили. Изученіе обильнаго эпиграфическаго матеріала церкви Имирзека, обратившаго на себя впервые вниманіе проф. Н. Я. Марра, было главною цѣлью поѣздки докладчика.

Мѣстоположеніе церкви, отъ которой уцѣлѣли только нижнія части стѣнъ, построенной на скалѣ надъ ущельемъ, способствовало бо́льшей разбросанности обломковъ ея, разсѣявшихся по всему склону и по сосѣднимъ ущельямъ. Какъ это обстоятельство, такъ и широкое использованіе мѣстными жителями развалинъ (они помѣстили на нихъ и пристроили къ нимъ рядъ саманниковъ и хлѣвовъ) и свалившихся обломковъ церкви въ качествѣ строительнаго матеріала—очень затрудняли изученіе.

При помощи 2-хъ опытныхъ рабочихъ изъ Ани докладчику удалось послѣ 3-хъ недѣльной работы совершенно очистить мѣсто и открыть развалины; всѣ архитектурныя части и надписи, откопанныя кругомъ развалинъ, и большая часть тѣхъ, которыя были разбросаны по скату и ущелью—ими собраны и расположены въ церкви на западной ея сторонѣ и окружены стѣной-оградой для бо́льшей ихъ охраны.

Эпиграфическій матеріалъ, въ количествѣ 64-хъ надписей, прочитанныхъ докладчикомъ, даетъ новыя свѣденія о мѣстности. Надписи (строительныя, дарственныя и надгробныя) всѣ имѣютъ отношеніе прежде всего къ самой церкви. Древнѣйшая изъ нихъ—надпись о построеніи, датированная «временемъ Атабека Иванэ» т. е. не позже 1227 г. Строителемъ былъ Давидъ-духовный глава (aȓad̂nord) Араратской провинціи. Выясняется также названіе церкви («Богородицы»), древнее названіе Имирзека (Vanəstan),

упоминаются имена извѣстныхъ въ исторіи Арменіи и Грузіи лицъ, рядъ географическихъ названій и т. п. Помимо этого, Имирзекскія надписи въ отношеніяхъ палеографическомъ (между прочимъ частымъ примѣненіемъ вязи) и лингвистическомъ (древне-литературный — һайскій съ діалектизмами) представляютъ большой интересъ.

Архитектурный матеріалъ, добытый докладчикомъ, даетъ ясное представленіе о типѣ Имирзекской церкви и ея декоративныхъ украшеніяхъ. Церковь, въ планѣ продолговатый четыреугольникъ, небольшихъ размѣровъ, отличалась изяществомъ. Она типичная постройка XIII в. — эпохи возрожденія и расцвѣта новаго армянскаго искусства. На фотографическихъ снимкахъ и діапозитивахъ докладчикъ познакомилъ собраніе съ видами развалинъ и декоративными деталями церкви, показывающими богатство и красоту архитектурной отдѣлки, разнообразіе орнаментовъ, цѣлый рядъ интересныхъ рельефовъ. Въ рельефахъ кромѣ фигуры въ позѣ молящагося, въ которой докладчикъ склоненъ видѣть строителя церкви Давида, бросаются въ глаза изображенія орловъ (одноглаваго, двуглаваго), павлиновъ, грифа, сфинкса, драконовъ и др. Декоративная рѣзьба состоитъ по обыкновенію изъ розетокъ, плетеній и геометрическихъ рисунковъ.

Имирзекская церковь даетъ матеріалы по вопросу о взаимоотношеніи церковной и гражданской архитектуры. Помимо этого, и въ вопросѣ о культурномъ общеніи христіанскаго Востока съ мусульманскимъ новыми матеріалами устанавливается тождество теченій въ этой части Арменіи и въ Ани (имѣя въ виду данныя послѣднихъ раскопокъ въ Ани). Обнаруженное въ Ани, пока въ первый разъ, украшеніе лицевой стороны алтарнаго возвышенія церкви сплошною декоративною рѣзьбою — наблюдается и здѣсь.

Другая поѣздка, совершенная докладчикомъ къ Езидамъ въ Сурмалинскій уѣздъ Эриван. г., имѣла главнымъ образомъ этнографическую и отчасти археологическую цѣль. Вкратцѣ упомянувъ о результатахъ своихъ занятій по этнографіи особенно же по изученію религіи Езидовъ, онъ перешелъ къ памятникамъ древности Сурмалинскаго и Нахичеванскаго уѣздовъ. Памятники упомянутыхъ мѣстностей, изслѣдованные докладчикомъ, почти исключительно армянскіе. Списано имъ много надписей X—XIII вв., сняты фотографіи съ развалинъ древней базилики въ сел. Зорѣ по типу V—VI в., древняго каравансарая, относимаго докладчикомъ къ XIII-ому вѣку и крѣпостей.

Въ заключеніе докладчикъ обрисовалъ плачевное положеніе дѣла охраны археологическихъ памятниковъ въ краѣ, что и иллюстрировалъ снимками.

VII.

Въ обсужденіи прочитаннаго доклада приняли участіе Н. Я. Марръ, кн. И. А. Джаваховъ, В. Д. Смирновъ, С. М. Шапшалъ, І. А. Орбели и Я. И. Смирновъ.

VIII.

Произведены выборы членовъ въ коммиссію для избранія кандидатовъ на медаль бар. В. Р. Розена (§ 3 Положенія о медали). Большинствомъ голосовъ оказались избранными В. В. Бартольдъ (8), Н. Я. Марръ (8), В. А. Жуковскій (7), С. Ѳ. Ольденбургъ (7) и Н. И. Веселовскій (6). По предложенію В. В. Бартольда предсѣдателемъ коммиссіи признанъ Н. Я. Марръ, какъ старшій изъ получившихъ наибольшее число голосовъ.

IX.

І. А. Орбели прочиталъ сообщеніе: «Серебряный ковшъ XVI вѣка съ армянской надписью».

Сообщеніе было посвящено описанію и опредѣленію мѣста изготовленія ковша 1549 г., фотографіи съ котораго были присланы въ редакцію «Христіанскаго Востока» изъ Кіева г. Пальмовымъ.

Ковшъ, прекрасной работы съ ложчатымъ дномъ, имѣетъ по борту и на ручкѣ рельефную армянскую надпись красивыми иниціальными буквами съ лигатурами. Нѣкоторыя діалектическія формы, встрѣчающіяся въ надписи, какъ напр.: isa *это, этотъ*, ilin *полный*, har *отецъ*, hür *его*, приводятъ докладчика къ заключенію, что надпись составлена на польско-армянскомъ нарѣчіи и что, слѣдовательно, ковшъ изготовленъ польскимъ армяниномъ. Широкое развитіе серебряныхъ дѣлъ мастерства среди польскихъ армянъ утверждаетъ докладчика въ его заключеніи; вопросъ о польскихъ армянахъ—серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерахъ и объ ихъ большомъ и рѣшающемъ значеніи въ исторіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ прекрасно освѣщенъ въ книгѣ Владислава Лозиньскаго Złotnictwo Lwowskie (XV—XVI вып. Bibliot. Lwowsk.). Надпись, выцарапанная на ручкѣ ковша, позволяетъ докладчику предположительно приписать ковшъ мастеру Петру Чечотовичу (о которомъ см. у Лозиньскаго).

Попутно докладчикъ коснулся ковша, принадлежащаго Императорскому Эрмитажу (коллекція Великаго князя Владиміра Александровича), помѣченнаго 1586 г. и украшеннаго греческой рельефной надписью съ лигатурами. Удивительное сходство въ отдѣлкѣ и техникѣ этихъ двухъ ковшей наводитъ докладчика на мысль, что и этотъ ковшъ изготовленъ въ польско-

армянской средѣ. При этомъ, однако, остается открытымъ вопросъ о діалектическихъ формахъ, встрѣчающихся въ греческой надписи.

X.

Въ обсужденіи прочитаннаго сообщенія приняли участіе Н. Я. Марръ, В. Д. Смирновъ и Я. И. Смирновъ.

XI.

Н. Я. Марръ, со словъ возвратившагося изъ за-граничнаго путешествія С. Ѳ. Ольденбурга, указалъ на повторяющіеся случаи неаккуратной разсылки «Записокъ Восточнаго Отдѣленія» заграничнымъ ученымъ и учрежденіямъ.

Опредѣлено: просить Управляющаго Отдѣленіемъ обратить вниманіе Секретаря Общества на желательность болѣе исправной разсылки «Записокъ Восточнаго Отдѣленія», въ особенности за границу.

Засѣданіе 3 октября 1913 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, В. А. Жуковскій, Д. К. Зеленинъ, А. И. Ивановъ, В. Л. Котвичъ, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, Н. Я. Марръ, І. А. Орбели, А. Н. Самойловичъ, В. Д. Смирновъ, А. Э. Шмидтъ, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: М. Ѳ. Алешинъ, Б. Б. Барадійнъ, г. Заваринъ, І. А. Кипшидзе, П. А. Фалевъ, С. М. Шапшалъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 25 апрѣля 1913 года.

II.

По предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ опредѣлено обмѣнъ изданіями съ журналомъ «Вѣстникъ Азіи» отклонить.

III.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества отъ автора слѣдующихъ оттисковъ изъ № 50 «Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи»:

А. Самойловичъ, Пѣснь о крымскихъ событіяхъ, Симферополь 1913, и онъ же, Бахчисарайскій пѣвецъ, поэтъ, лѣтописецъ и метеорологъ Хабибулла Керемъ, Симферополь 1913.

IV.

Доложено о присылкѣ Н. П. Остроумовымъ рукописи на туркменскомъ языкѣ «Изъ туркменскихъ преданій» съ предложеніемъ напечатать ее въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія.

Опредѣлено: просить А. Н. Самойловича дать въ одномъ изъ Засѣданій Восточнаго Отдѣленія отзывъ о научномъ значеніи означенной рукописи.

V.

Доложено письмо Антропологическаго Общества въ Бомбеѣ, переданное Совѣтомъ Общества въ Отдѣленіе для отзыва относительно обмѣна изданіями.

Опредѣлено: обмѣнъ изданіями отклонить.

VI.

Доложено по порученію Совѣта Общества отношеніе Парижской Школы Живыхъ Восточныхъ Языковъ съ просьбой о высылкѣ нѣкоторыхъ изданій Общества и съ предложеніемъ въ обмѣнъ изданій Школы по прилагаемому списку. Совѣтъ Общества постановилъ ходатайство Школы по мѣрѣ возможности удовлетворить и предлагаетъ Отдѣленію указать тѣ изданія Школы, пріобрѣтеніе которыхъ для библіотеки Общества можетъ быть признано желательнымъ.

Опредѣлено: просить членовъ Отдѣленія указать по прилагаемому списку изданій Школы желательныя для полученія въ библіотеку Общества.

VII.

В. Д. Смирновъ прочиталъ сообщеніе «Турецкая рукопись начала XIV вѣка, находящаяся въ Британскомъ музеѣ»[1]).

VIII.

Въ обсужденіи прочитаннаго сообщенія приняли участіе А. Э. Шмидтъ, А. Н. Самойловичъ, П. А. Фалевъ и С. М. Шапшалъ.

1) См. ниже, стр. 107—125.

IX.

А. Н. Самойловичъ прочиталъ сообщеніе: «О двухъ турецкихъ рукописяхъ въ Парижской Національной библіотекѣ» [1]).

X.

Въ обсужденіи прочитаннаго доклада приняли участіе В. Д. Смирновъ, В. А. Жуковскій и П. А. Фалевъ.

Засѣданіе 31 октября 1913 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, В. Л. Котвичъ, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, Н. Я. Марръ, С. Ѳ. Ольденбургъ, І. А. Орбели, В. Д. Смирновъ, Я. И. Смирновъ.

Гости: П. А. Фалевъ, С. М. Шапшалъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 3 октября 1913 года.

II.

По поводу прочитаннаго протокола А. Н. Самойловичъ извинился предъ Отдѣленіемъ и докладчикомъ на прошломъ засѣданіи В. Д. Смирновымъ въ томъ, что онъ ошибочно сослался на двѣ рукописи Британскаго Музея, упомянутыя въ каталогѣ Rieu (Catalogue of the Turkish Manuscripts, London 1888, стр. IX), назвавъ ихъ болѣе древними, чѣмъ рукопись, изслѣдованная В. Д. Смирновымъ. Ошибка произошла оттого, что указанныя у Rieu даты сочиненій были приняты за даты рукописей.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что одновременно съ засѣданіемъ Отдѣленія происходитъ въ Москвѣ торжественное засѣданіе «Восточной Коммиссіи» Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества по

---

[1]) Сообщеніе предположено къ напечатанію въ ЗВО. и поэтому не излагается.

случаю 25-лѣтія ея основанія и 45-лѣтія учено-литературной дѣятельности предсѣдателя-основателя Коммиссіи академика Ѳ. Е. Корша. Управляющимъ Отдѣленіемъ отправлена по этому случаю привѣтственная телеграмма отъ Отдѣленія.

IV.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ письмо книгопродавца Otto Harrassowitz'а въ Лейпцигѣ съ просьбой выслать «Калмыцкія сказки», изданныя А. М. Позднѣевымъ.

Опредѣлено: просить Управляющаго Отдѣленіемъ навести справки въ складѣ изданій Общества.

V.

А. Н. Самойловичъ прочиталъ представленный имъ по порученію Отдѣленія отзывъ о присланной Н. П. Остроумовымъ туркменской рукописи.

Рукопись Н. П. Остроумова, озаглавленная имъ «Изъ туркменскихъ преданій (16 ff. по 10 строкъ на страницѣ), содержитъ въ себѣ произведеніе, приписываемое мервско-текинскому поэту Даван-ша'ыру, жившему въ срединѣ XIX вѣка. Въ другомъ спискѣ того-же произведенія, принадлежащемъ докладчику, оно озаглавлено такъ: «Въ этой книгѣ повѣствуется о пораженіи, нанесенномъ Коушут-ханомъ войскамъ царя Насир-ед-дина» (Матеріалы по среднеазіатско-турецкой литературѣ. I—Краткая опись среднеазіатскихъ рукописей собранія А. Самойловича. ЗВО. XIX, стр. 17, рукопись № 12).

Даван-ша'ыръ описываетъ въ прозѣ персидскій походъ 1860 года въ Мервъ, отмѣчая нѣкоторые моменты стихотворными вставками. Все произведеніе сочинено въ традиціонной формѣ лубочныхъ повѣстей. Въ обѣихъ рукописяхъ, Н. П. Остроумова и А. Н. Самойловича, одинаковое количество стихотвореній-пѣсенъ: 9; пѣсня 2-ая въ рук. О. была сначала пропущена и затѣмъ приписана на f. 15 b; пѣсня 6-ая въ О. имѣетъ шестой куплетъ, отсутствующій въ другой рукописи; пѣсня 9-ая въ О. не имѣетъ третьяго куплета другого списка. Въ прозаическихъ частяхъ отличія между обоими списками рѣдки и незначительны. Списокъ О. менѣе грамотный, чѣмъ С.

Произведеніе Даван-ша'ыра, извѣстное отнынѣ по двумъ спискамъ, заслуживаетъ быть изданнымъ, какъ первый образецъ туркменской литературы лубочнаго стиля, интересный по содержанію и, до извѣстной степени, и по языку. Въ языкѣ встрѣчаются нѣкоторыя спеціально-турк-

менскія формы и слова. Отрывокъ этого произведенія включенъ въ печатающуюся работу докладчика: «Книга разсказовъ о битвахъ текинцевъ».

Послѣ обмѣна мнѣній опредѣлено: уполномочить А. Н. Самойловича обратиться къ Н. П. Остроумову съ непосредственной просьбой о предоставленіи рукописи для изданія А. Н. Самойловичемъ послѣ сличенія съ имѣющимся у него спискомъ.

VI.

По предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ постановлено: начиная съ печатающагося XXII тома Записокъ Восточнаго Отдѣленія отказаться отъ выдѣленія большихъ статей спеціально во второй-третій выпускъ тома и распредѣлять выпуски сообразно практикѣ, существовавшей до XII-го тома.

VII.

И. Ю. Крачковскій прочиталъ сообщеніе «Арабскія рукописи городской библіотеки въ Александріи»[1]).

VIII.

Докладчику были предложены нѣкоторые вопросы В. Д. Смирновымъ и А. Н. Самойловичемъ.

IX.

В. В. Бартольдъ прочиталъ докладъ: «Къ исторіи персидскаго эпоса»[2]).

X.

Въ обсужденіи прочитаннаго доклада приняли участіе К. Г. Залеманъ, Н. И. Веселовскій и С. Ѳ. Ольденбургъ.

Засѣданіе 28 ноября 1913 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, Д. В. Милѣевъ, А. А. Мироновъ, С. Ѳ. Ольденбургъ,

1) См. ниже, стр. 1—30.

2) Сообщеніе будетъ напечатано въ ЗВО. и поэтому содержаніе его не излагается.

І. А. Орбели, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: г-жа Е. В. Милѣева, Д. Н. Воронецъ, г. Кентаріанъ, І. А. Кипшидзе, А. А. Лорисъ-Калантаръ, г. Микеладзе, Л. Н. Рудовъ, Д. Сергѣевскій, П. А. Фалевъ, С. М. Шапшалъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 31 октября 1913 г.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ посвятилъ нѣсколько словъ памяти скончавшагося 5 ноября дѣйствительнаго члена Общества В. Ѳ. Миллера, указавъ на его заслуги въ области востоковѣдѣнія, въ частности по изученію осетинскаго языка, и предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ.

III.

Доложено письмо Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ отъ 20 ноября 1913 г. съ предложеніемъ избрать представителей на предварительное совѣщаніе въ декабрѣ 1913 года по организаціи III международнаго историческаго конгресса, назначеннаго въ С.-Петербургѣ въ 1918 году. По предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ опредѣлено произвести выборы въ концѣ засѣданія.

IV.

Предсѣдатель Коммиссіи для избранія кандидата на медаль имени барона В. Р. Розена Н. Я. Марръ доложилъ постановленіе коммиссіи, согласно которому въ кандидаты предложенъ докторъ исторіи Востока К. А. Иностранцевъ. Закрытымъ голосованіемъ медаль присуждена К. А. Иностранцеву большинствомъ 15 голосовъ противъ 1.

Опредѣлено: представить избраніе на утвержденіе Общаго Собранія въ декабрѣ 1913 г.

V.

Н. Я. Марръ прочелъ иллюстрированное діапозитивами сообщеніе «XII-ая археологическая кампанія въ Ани».

По ознакомленіи съ составомъ сотрудниковъ (помощникъ, архитекторъ, завѣдующій фотографической частью) и двухъ практикантовъ, студентовъ факультета Восточныхъ языковъ, и послѣ перечня ученыхъ и почетныхъ гостей, докладчикъ сообщилъ, что кампанія длилась съ начала іюня до

20 августа. Лично велъ Н. Я. первую часть; съ 23-го іюля, за его отъѣздомъ въ Сванію, руководство перешло къ І. А. Орбели, которому были поручены наблюденія за ремонтными работами въ Ани и выполненіе экскурсій по опредѣленному плану. Архитекторъ (О. А. Кяндарянцъ) оставался въ Ани до 17-го сентября.

Далѣе были перечислены работы хозяйственнаго характера А) по регистраціи вновь вскрывшихся до начала кампаніи древностей, въ числѣ ихъ по подготовкѣ плана и архитектурныхъ чертежей съ дополнительными раскопками Дворцовой церкви, на изданіе котораго Совѣтомъ С.-Пб. армянскихъ церквей была предназначена ассигновка въ 1000 рублей, В) по ремонту памятниковъ какъ церковнаго (1. откопанная въ 1912-мъ году бо̀льшая церковь, 2. притворъ ц. св. Григорія Тиграна Оненца), такъ гражданскаго (1. зданіе, обращенное въ 1-ое отдѣленіе музея, на что въ дополненіе къ 250 рублямъ, полученнымъ съ читанныхъ Н. Я. совмѣстно съ І. А. Орбели въ Нахичевани лекцій, пришлось истратить 58 р. изъ совѣтскихъ денегъ, 2. уголъ одного зала въ дворцѣ, 3. десять мѣстъ въ княжескомъ или паронскомъ дворцѣ, 4. башня у шахматныхъ воротъ). Послѣдніе ремонты вызваны были нарастающимъ интересомъ къ армянскому гражданскому зодчеству. Тѣмъ же интересомъ былъ опредѣленъ выборъ мѣстъ раскопокъ XII-й кампаніи. Впрочемъ раскопки Лысьяго холма, нынѣ наибольшаго (№ 44) въ Ани, и другого холма (№ 27) близъ грузинской церкви были пріостановлены, чтобы сосредоточить работу около круглаго храма Спасителя въ поискахъ за дворцомъ князя Абул-Гариба. Откопаны пять группъ построекъ: 1) жилой домъ съ часовнею и мавзолей со дворомъ (въ страшно изуродованномъ видѣ), 2) отдѣленная отъ первой группа съ маслодавильнею въ центрѣ, выходившей въ широкій дворъ съ домомъ о трехъ комнатахъ по близости (въ одной изъ нихъ амбары), 3) въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ храмомъ Спасителя: въ центрѣ часовенка; интересна лѣстница въ пристройкахъ, 4) церковь св. Саргиса, возобновленная священникомъ Сарнавагомъ въ 1151 г. по Р. Хр.; по близости комната съ порожними хлѣбными амбарами (найдены каменныя гири), 5) вокругъ самаго храма Спасителя. Какъ здѣсь, такъ въ раскопкахъ четырехъ первыхъ группъ найдены интересныя детали, какъ то архитектурныя декоративныя части, имѣющая значеніе для исторіи культа каменная купель, части звонницы, обломки ковчежца въ видѣ модели церкви изъ обоженной красной глины, мраморный обломокъ, повидимому, такого же предмета, разбитая модель церкви, эпиграфическіе памятники и т. п. Особенную цѣнность представляетъ каменное подножіе надкупольнаго креста храма Спасителя съ армянской датой 791, т. е. 1342 по Р. Хр. Но дворца Абул-Гариба такъ и не оказалось.

На основаніи детальныхъ наблюденій надъ лицевыми камнями, изъ которыхъ сооружены откопанныя позднѣйшія пристройки къ храму Спасителя, докладчикъ приходитъ къ заключенію, что означенный дворецъ былъ разнесенъ въ XIV в., какъ строительный матеріалъ. XII-я кампанія дала новый весьма цѣнный матеріалъ для исторіи водопроводнаго дѣла въ Ани. Изъ дальнѣйшихъ сообщеній о двухъ экскурсіяхъ 1) въ Башъ-Шурагелъ и 2) въ Хәрхкилисэ видно, что вторая обнаружила крестообразную церковь съ армянской надписью краской 1041 г. по Р. Хр.; что̀ же касается первой, то часть отчета о ней, съ матеріалами по христіанскимъ и языческимъ древностямъ, дала поводъ остановиться, съ одной стороны, на значеніи феодальнаго теченія въ армянской архитектурѣ, въ частности и гражданской, съ другой—на возможности реальнаго отношенія мѣстнаго некрополя къ ванскимъ памятникамъ, вплоть до отнесенія его къ урарской культурѣ, въ подтвержденіе чего, между прочимъ, древнѣйшее названіе Баш-Шурагела — Eraz+g-awor-q было истолковано на яфетической лингвистической почвѣ и въ согласіи съ разъясненными на той же почвѣ этнологическими вопросами основа его e-raz-g, равно a-ras-q̇, названія рѣки Аракса, признана этнической и отожествлена съ u-rar-tu (< *u-raш-tu). Докладъ былъ иллюстрированъ діапозитивами, фотографическими снимками и архитектурными чертежами. Экскурсіи I. А. Орбели совмѣстно съ А. М. Вруйромъ и студ. Читая докладчикъ назвалъ интересными по результатамъ, сообщивъ лишь о числѣ фотографій (85). Докладъ былъ законченъ выраженіемъ благодарности нѣкоторымъ кругамъ и лицамъ армянскаго общества, своими вкладами давшими возможность совершить и довести до конца XII-ю кампанію, Совѣту С.-Петербургскихъ армянскихъ церквей (3.500 р.), И. И. Завріевой (200 р.) и присяжн. пов. Н. А. Юзбашеву, приславшему 1175 р., собранные въ Баку.

VI.

Докладчику были предложены вопросы Б. В. Фармаковскимъ, Н. И. Веселовскимъ и Д. В. Милѣевымъ.

VII.

По предложенію нѣкоторыхъ членовъ Отдѣленія опредѣлено: просить быть представителями Отдѣленія на предварительномъ совѣщаніи по организаціи Международнаго Историческаго Конгресса А. А. Васильева, Н. И. Веселовскаго и Б. А. Тураева.

Засѣданіе 19 декабря 1913 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: В. В. Бартольдъ, В. А. Жуковскій, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, И. Ю. Марконъ, А. А. Мироновъ, І. А. Орбели, А. Э. Шмидтъ.

Гости: Ф. М. Коняевъ, С. М. Шапшалъ, П. А. Фалевъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 28 ноября 1913 года.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ въ краткой рѣчи обрисовалъ научную дѣятельность скончавшагося 7 декабря знаменитаго русскаго синолога П. С. Попова, указавъ на значеніе его спеціальныхъ и учебныхъ трудовъ, и далъ характеристику неоконченной работы по комментированному переводу одного китайскаго бытового романа. Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ привѣтствовалъ появленіе органа Общества Русскихъ Оріенталистовъ «Восточный Сборникъ», первая книга котораго (С.-Пб. 1913) препровождена въ Отдѣленіе съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями.

Опредѣлено: войти въ Совѣтъ Общества съ просьбой высылать Обществу Русскихъ Оріенталистовъ «Записки Восточнаго Отдѣленія».

IV.

В. В. Бартольдъ принесъ въ даръ библіотекѣ Общества «Протоколы Засѣданій Русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи» за 1913 годъ №№ II, III и IV.

V.

В. А. Жуковскій обратился въ Отдѣленіе съ просьбой восполнить въ библіотекѣ Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ языковъ при М. И. Д. комплектъ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія», которыя представлены лишь I—VII томомъ.

Опредѣлено: обратиться отъ имени Отдѣленія въ Совѣтъ Общества съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ.

VI.

В. А. Жуковскій прочиталъ докладъ: «Къ исторіи изученія Бабизма» [1]).

VII.

Въ обмѣнѣ мнѣній по поводу прочитаннаго сообщенія приняли участіе Н. И. Веселовскій, С. М. Шапшалъ и И. Ю. Крачковскій.

---

1) Докладъ предположенъ къ напечатанію въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія» и поэтому содержаніе его не излагается.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Отзывъ дѣйствительнаго члена Н. И. Веселовскаго о сочиненіи В. В. Бартольда «Исторія изученія Востока въ Европѣ и Россіи», СПБ. 1911[1]).

Подъ упомянутымъ заглавіемъ В. В. Бартольдъ представилъ намъ полный обзоръ постепеннаго ознакомленія европейцевъ съ Азіею, съ одной стороны — въ лицѣ длиннаго ряда путешественниковъ, туда проникавшихъ, начиная съ Геродота и кончая послѣднимъ временемъ, съ другой—въ изложеніи исторіи открытій и научныхъ изслѣдованій, совершенныхъ тамъ западными учеными и спеціальными экспедиціями. Получилось сочиненіе, которое по пріемамъ работы, по обширности темы и по періоду времени можно приравнять къ энциклопедіи; но только эта энциклопедія исполнена однимъ лицомъ. Чтобы взяться за подобный трудъ для обнародованія его въ печати, нужны, помимо выдающейся эрудиціи, смѣлая рѣшимость и большое самопожертвованіе.

Автору, во-первыхъ, приходилось просмотрѣть громаднѣйшую литературу путешествій на всѣхъ европейскихъ языкахъ, каковы бы ни были достоинства этихъ путешествій; приходилось прочитывать обширныя, иногда многотомныя сочиненія, чтобы затѣмъ характеризовать ихъ двумя-тремя строчками. Во-вторыхъ, авторъ долженъ былъ подробно останавливаться на всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ въ Азіи, чтобы показать ихъ значеніе и ихъ результаты. Получилось очень стройное историческое изложеніе изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи.

Книга дѣлится на двѣ части. Въ первой за опредѣленіемъ понятія объ исторіи, приводятся труды европейцевъ по изученію Востока; во второй — труды русскихъ въ этой области. Каждая часть дѣлится на главы, сообразно съ тою или другою мѣстностью Азіатскаго материка и сообразно съ тѣмъ или инымъ періодомъ культурной жизни народовъ. Въ первой части 11 главъ, во второй — 9. Изученіе Востока излагается въ связи съ развитіемъ научныхъ знаній и съ состояніемъ просвѣщенія у народовъ Азіи.

---

1) [На основаніи этого отзыва В. В. Бартольду въ 1913 году была присуждена большая золотая медаль Общества. *Ред.*].

Поэтому здѣсь отведена роль египтологіи, ассиріологія, арабской культурѣ и т. д.

Въ работахъ подобнаго рода неизбѣжны недосмотры, упущенія, даже промахи, какъ въ области фактовъ, такъ и въ области литературы; но подобныхъ недостатковъ у нашего автора немного. Отмѣчу изъ нихъ такіе, которые наиболѣе бросаются въ глаза. Посольство Игнатьева въ Бухару отмѣчено (стр. 224) 1858 и 1859 годами, между тѣмъ Игнатьевъ уже въ 1858 г. вернулся въ Россію. Относительно похода въ Хиву въ 1873 г. сказано, что были отправлены русскіе отряды съ трехъ сторонъ: изъ Ташкента (во главѣ этого отряда находился самъ Кауфманъ), изъ Мангышлака и изъ Красноводска (стр. 217); пропущенъ четвертый отрядъ, изъ Оренбурга, подъ начальствомъ г.-л. Веревкина (между прочимъ тамъ находился Скобелевъ). Веревкинъ-то и имѣлъ дѣло съ хивинцами и взялъ столицу ханства, при чемъ былъ раненъ. Про Кауфмана сообщено, что онъ управлялъ краемъ 15 лѣтъ (1867—1882 г.),—въ дѣйствительности же это управленіе не превышало 13 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ: онъ прибылъ въ Ташкентъ въ ноябрѣ 1867 г., а 26 марта 1881 г. его поразилъ апоплексическій ударъ, вслѣдствіе котораго Кауфманъ не приходилъ въ сознаніе до самой смерти, послѣдовавшей 4 мая 1882 г.

На стр. 226 сказано, что А. Л. Кунъ передалъ въ Азіатскій музей Академіи Наукъ экземпляръ оффиціальной исторіи хивинскаго ханства, въ дѣйствительности же дѣло происходило нѣсколько иначе: Кунъ оставилъ рукопись у себя и она, послѣ его смерти, была куплена Азіатскимъ музеемъ у наслѣдниковъ Куна.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ исчерпать разомъ печатный матеріалъ во всемъ объемѣ, конечно, нѣтъ никакой возможности. Его еще долго придется пополнять въ послѣдующихъ изданіяхъ, чтобы достигнуть наибольшаго совершенства. И хотя для цѣлей университетскаго преподаванія книга г. Бартольда дастъ много больше того, что требуется, всетаки въ интересахъ широкаго пользованія ею при разныхъ научныхъ занятіяхъ, было бы желательно видѣть въ ней указанія на нѣкоторыя неупомянутыя сочиненія, не совсѣмъ заурядныя; а въ иныхъ случаяхъ не безполезна была бы бо̀льшая точность въ заглавіяхъ сочиненій.

Въ главѣ XII было бы умѣстно упомянуть о работѣ Н. Н. Селифонтова «Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII ст. В. А. Даудова» (Лѣтопись занятій Археограф. ком., вып. V, СПБ. 1871 г.) и указать на Автобіографію В. А. Даудова, помѣщенную Д. Л. въ Русскомъ Архивѣ 1889, кн. 2. В. В. Бартольдъ выразился о Даудовѣ такъ: повидимому, лицо татарскаго происхожденія

(стр. 158). Селифонтовъ же считалъ Даудова армяниномъ, основываясь на именахъ его братьевъ.

Въ главѣ XVII, среди однородныхъ и упомянутыхъ авторомъ сочиненій о русскихъ завоеваніяхъ въ Средней Азіи, было бы полезно указать на изданіе Ф. И. Лобысевича «Поступательное движеніе въ Среднюю Азію въ торговомъ и дипломатическо-военномъ отношеніяхъ», СПБ. 1900.

Въ той же XVII главѣ, при описаніи киргизскихъ степей, слѣдовало бы упомянуть о трудѣ А. Н. Харузина «Библіографическій указатель книгъ и статей, касающихся этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ, съ 1734 по 1891 годъ» (въ Этнографическомъ Обозрѣніи за 1891 г. кн. IX, Прибавленіе) и два дополненія къ этому указателю въ томъ же журналѣ (кн. XI за 1891 г. и кн. XIII—XIV за 1892 г.); а равно и работу А. Е. Алекторова, «Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ» (въ Извѣстіяхъ общества Арх., Истор. и Этногр. при И. Казан. унив., т. XX, 1904 г.).

Въ главѣ XVIII не отмѣчена книга гр. Н. П. Игнатьева «Миссія въ Бухару въ 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева», СПБ. 1897, напечатанная не для продажи, а потому на книжномъ рынкѣ прежде не встрѣчавшаяся (теперь она появилась на рынкѣ); между тѣмъ, она объясняетъ политическія причины какъ посольства самого Игнатьева, такъ и одновременной съ этимъ посольствомъ Хорасанской экспедиціи.

Авторъ оставилъ безъ вниманія показанія нашихъ плѣнныхъ, долго жившихъ въ Средней Азіи, сдѣлавъ исключеніе только для Ф. Ефремова, а подобная литература имѣетъ большое значеніе для изученія быта туземцевъ.

Не всегда указаны переводы на русскій языкъ описаній иностранныхъ путешественниковъ, а такихъ переводовъ довольно много.

Отмѣчу нѣкоторыя неточности въ перечисленіи источниковъ. На стр. 218 упомянутъ трудъ Мейера «Киргизская степь», между тѣмъ полное заглавіе—«Киргизская степь Оренбургскаго Вѣдомства». Относительно сочиненія М. А. Терентьева «Исторія завоеванія Средней Азіи» сдѣланы указанія на I и II томы, тогда какъ оно состоитъ изъ трехъ томовъ. В. Н. Витевскій названъ Витебскимъ (стр. 202), такъ и въ указателѣ.

Эти немногія замѣчанія не могутъ умалить значеніе труда В. В. Бартольда, который сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ нашу литературу о Востокѣ. Потребность въ такой книгѣ ощущалась у насъ давно и появленіе ея въ свѣтъ нельзя не привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что Россія неразрывно связана съ Востокомъ. Императорское Русское Археологическое Общество не можетъ остаться безучастнымъ къ выдающемуся труду своего дѣятельнаго члена и найдетъ средства достойно поощрить его книгу.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Докладъ Коммиссіи по вопросу о присужденіи медали имени барона В. Р. Розена.

Коммиссія по присужденію медали имени барона В. Р. Розена въ шестую годовщину его кончины остановила свое вниманіе на трудахъ по Востоковѣдѣнію К. А. Иностранцева, принимавшаго дѣятельное участіе въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. А. О.

К. А. Иностранцевъ занимаетъ среди оріенталистовъ, изучающихъ мусульманскій Востокъ, особое мѣсто. Онъ избралъ своею спеціальностью исторію культуры и главнымъ образомъ культуры Персіи временъ блестящей династіи Сасанидовъ по арабскимъ источникамъ, трактующимъ о домусульманской Персіи.

Эта отрасль Востоковѣдѣнія разрабатывалась у насъ до К. А. Иностранцева недостаточно полно и какъ бы мимоходомъ, во всякомъ случаѣ много слабѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ. К. А. Иностранцевъ своими изслѣдованіями восполнилъ существовавшій у насъ недочетъ.

По видимости работы К. А. Иностранцева носятъ отрывочный характеръ и какъ будто не связаны между собою. Однако, въ статьяхъ его не трудно отыскать систему. Достаточно остановиться на одномъ изъ послѣднихъ сочиненій К. А., чтобы увидѣть эту систему и оцѣнить методъ нашего изслѣдователя, на «Сасанидскихъ этюдахъ». Всѣхъ этюдовъ четыре.

Первый озаглавленъ: «Персидская литературная традиція въ первые вѣка ислама». Авторъ исходитъ изъ положенія, что могучая персидская культура не могла исчезнуть подъ давленіемъ ислама, она должна была имѣть сильное вліяніе на арабскую литературу временъ халифовъ, и слѣды ея въ томъ или другомъ видѣ дошли и до настоящаго времени; персидская же литературная традиція дѣйствовала и въ эпоху ислама. Сущность этого этюда состоитъ въ разсмотрѣніи четырнадцати книгъ на арабскомъ языкѣ, которыя возводятся г. Иностранцевымъ къ персидскимъ источникамъ. Этимъ отдѣломъ арабской литературы у насъ занимались рѣдко и здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего съ именемъ барона В. Р. Розена: его статьи «Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худâй-Нâмэ», о книгѣ Аинъ-

намэ намъ памятны. Изученіе этихъ арабскихъ книгъ и послужило г. Иностранцеву источникомъ, изъ котораго онъ потомъ черпалъ матеріалъ для своихъ изысканій.

Второй этюдъ: «Сасанидская военная теорія». Давъ обстоятельный комментарій къ переводу военнаго трактата изъ Айн-нāмэ, г. Иностранцевъ остановился на разъясненіи одного выраженія, которое раньше не было объяснено: «держать тетиву (лука) въ двадцати трехъ, какъ бы въ шестидесяти трехъ и крѣпко сжать три». Подмѣтивъ въ данной фразѣ дактилономію, т. е. счетъ по пальцамъ, г. Иностранцевъ разъяснилъ одинъ изъ важныхъ пріемовъ стрѣльбы изъ лука. Такія объясненія являются научнымъ пріобрѣтеніемъ и никогда не утратятъ своего значенія.

Немало цѣнныхъ указаній сдѣлано нашимъ изслѣдователемъ въ главѣ объ «Игрѣ въ поло».

Въ третьемъ этюдѣ: «Сасанидскій праздникъ весны», г. Иностранцевъ возстановляетъ передъ нами картину народнаго праздника науруза въ древнѣйшей формѣ, и въ подробномъ комментаріи даетъ объясненія всѣмъ обрядностямъ, соблюдавшимся въ этотъ праздникъ при персидскомъ дворѣ.

Четвертый этюдъ разбираетъ «Обычаи прикаспійскаго населенія Персіи въ X-мъ вѣкѣ». Здѣсь авторъ комментируетъ обычаи, сохранившіеся отъ древнихъ временъ не только въ X-мъ вѣкѣ, но и много позже. Между прочимъ, онъ даетъ изслѣдованіе о родственномъ бракѣ у персовъ.

Чтобы браться за темы подобнаго рода, надо не только имѣть возможность свободно пользоваться арабскими текстами, но и обладать огромною начитанностью, какъ въ восточной, такъ и въ западно-европейской оріентальной литературѣ; надо быть хорошо освѣдомленнымъ въ религіи, въ обычаяхъ, легендахъ и въ цивилизаціи мусульманскаго Востока. Всѣмъ этимъ К. А. Иностранцевъ обладаетъ вполнѣ, а потому всѣ его труды являются цѣннымъ вкладомъ въ нашу научную литературу по мусульманскому Востоку.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Засѣданіе 10 января 1914 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, А. А. Васильевъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, В. Л. Котвичъ, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, Н. Н. Кротковъ, А. Е. Любимовъ, Н. Е. Макаренко, А. А. Мироновъ, Н. Д. Мироновъ, І. А. Орбели, Н. М. Печенкинъ, А. М. Позднѣевъ, К. К. Романовъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, К. В. Хилинскій.

Гости: А. А. Баіовъ, Д. Н. Воронецъ, Л. А. Зиминъ, С. С. Некрасовъ, г. Рудовъ.

I.

Открывъ чрезвычайное засѣданіе въ 6-ю годовщину со дня кончины бар. В. Р. Розена, Управляющій Отдѣленіемъ предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ.

II.

Доложено объ утвержденіи Общимъ Собраніемъ 23 декабря 1913 года постановленія Восточнаго Отдѣленія 28 ноября 1913 года, согласно которому медаль въ память барона В. Р. Розена присуждена доктору исторіи Востока К. А. Иностранцеву.

Опредѣлено: сообщить о состоявшемся присужденіи К. А. Иностранцеву.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ, что указанный на повѣсткѣ докладъ С. Ѳ. Ольденбурга не можетъ состояться за непредвидѣннымъ отъѣздомъ докладчика въ Москву.

IV.

С. С. Некрасовъ прочиталъ иллюстрированное діапозитивами сообщеніе: «Бахчисарайскій дворецъ въ архитектурномъ отношеніи».

V.

Н. И. Веселовскій выразилъ пожеланіе, чтобы въ будущемъ этотъ замѣчательный памятникъ крымской архитектуры былъ предохраненъ отъ дальнѣйшаго разрушенія.

VI.

Закрывъ чрезвычайное засѣданіе, Управляющій Отдѣленіемъ объявилъ открытымъ очередное.

VII.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о кончинѣ 8 января извѣстнаго этнографа Д. А. Клеменца, принимавшаго участіе въ занятіяхъ Отдѣленія, и, давъ краткую характеристику его научной дѣятельности, предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ.

VIII.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 19 декабря 1913 года.

IX.

Прочитанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Отдѣленія въ 1913 году.

Засѣданіе 27 февраля 1914 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, В. Л. Котвичъ, секре-

тарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, Ф. А. Розенбергъ, Н. Н. Кротковъ, А. Е. Любимовъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, І. А. Орбели, О. Ф. Ретовскій, М. И. Ростовцевъ, В. Д. Смирновъ, Я. И. Смирновъ, бар. А. А. Сталь фонъ-Голстейнъ, К. В. Хилинскій, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: Б. Барадійнъ, Кемаледдинъ-Ходжа, І. А. Кипшидзе, А. А. Лорисъ-Калантаръ, г. Рудовъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 10 января 1914 года.

II.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества (отъ автора) работы: В. В. Бартольдъ. نبيره=правнукъ. СПБ. 1914. (Оттискъ изъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ).

III.

С. Ѳ. Ольденбургъ прочелъ сообщеніе «Обзоръ изслѣдованій сѣверной и западной частей Китайскаго Туркестана въ археологическомъ отношеніи».

IV.

Въ обсужденіи прочитаннаго сообщенія и вызванныхъ имъ вопросовъ приняли участіе К. Г. Залеманъ, Н. И. Веселовскій, А. И. Ивановъ, А. Е. Любимовъ, В. В. Бартольдъ, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, Н. Я. Марръ, Ѳ. И. Щербатской и Н. Н. Кротковъ.

V.

І. А. Орбели демонстрировалъ коверъ персидскаго происхожденія со странной датой 561 годъ.

Засѣданіе 27 марта 1914 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: В. В. Бартольдъ, Б. Л. Богаевскій, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, А. Н. Казнаковъ, І. А. Кип-

шидзе, В. Л. Котвичъ, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, А. А. Лорисъ-Калантаръ, Н. Я. Марръ, І. А. Орбели, А. М. Позднѣевъ, А. Н. Самойловичъ, В. В. Саханевъ, Я. И. Смирновъ, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій.

Гости: С. П. Олферьевъ, А. Г. Шанидзе.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 27 февраля 1914 г.

II.

В. В. Бартольдъ, какъ представитель Общества въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи, доставилъ въ библіотеку Общества слѣдующія изданія Комитета: 1) Извѣстія. Серія II, № 2. С.-Пбургъ, апрѣль 1913 года и 2) Протоколы засѣданій. 1914. № 1.

Отъ него же поступила рецензія на книгу П. Цвѣткова, Исламизмъ. I—IV. Асхабадъ. 1912—1913. (Оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв.).

III.

Произведены выборы Управляющаго Отдѣленіемъ за истеченіемъ срока Н. И. Веселовскаго (§ 56 Устава). Большинствомъ 9 голосовъ противъ 3 вновь избранъ на слѣдующее трехлѣтіе Н. И. Веселовскій.

IV.

Б. В. Фармаковскій прочелъ иллюстрированное діапозитивами сообщеніе: «Обломки каменнаго фриза съ рѣзными фигурами изъ Вана»[1]).

V.

Въ дополненіе къ прочитанному докладу І. А. Орбели сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ и мѣстѣ находки изслѣдуемаго памятника.

VI.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе Б. Л. Богаевскій, Н. И. Веселовскій и Н. Я. Марръ.

VII.

Въ виду важныхъ результатовъ раскопокъ І. А. Орбели опредѣлено, по предложенію Н. Я. Марра, избрать коммиссію для обсужденія вопроса

1) Докладъ составляетъ часть труда Б. В. Фармаковскаго: «Архаическій періодъ въ Россіи». Петроградъ 1914. (=Матеріалы по археологіи Россіи, XXXIV, 15—78).

о продолженіи раскопокъ на Топрак-кале. Предсѣдателемъ коммиссіи избранъ Б. В. Фармаковскій, членами ея Н. Я. Марръ, Б. А. Тураевъ, Я. И. Смирновъ и І. А. Орбели; коммиссіи предоставлено право приглашенія и другихъ лицъ, участіе которыхъ можетъ быть желательно.

VIII.

Управляющій Отдѣленіемъ благодарилъ докладчика за интересное сообщеніе, открывшее блестящую страницу изъ исторіи искусства Передняго Востока при помощи незначительнаго по объему памятника.

IX.

А. И. Ивановъ прочиталъ сообщеніе о полномъ экземплярѣ китайскаго уголовнаго уложенія, поступившемъ въ библіотеку Университета среди книгъ покойнаго П. С. Попова, и о дневникѣ очевидца бѣгства послѣдняго монгольскаго императора, недавно обнародованномъ въ Токіо.

X.

Нѣкоторые вопросы были предложены докладчику А. М. Позднѣевымъ.

Засѣданіе 24 апрѣля 1914 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, архим. Гарегинъ (Овсепянъ), кн. И. А. Джаваховъ, А. А. Дмитріевскій, А. Н. Казнаковъ, І. А. Кипшидзе, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, А. А. Лорисъ-Калантаръ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, І. А. Орбели, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій.

Гости: С. Ө. Тиграновъ, А. Г. Шанидзе, С. М. Шапшалъ.

I.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о выходѣ въ свѣтъ 1—2 выпуска XXII тома «Записокъ Восточнаго Отдѣленія».

II.

В. В. Бартольдъ передалъ для библіотеки Общества оттискъ статьи «Запись о русскомъ посольствѣ въ персидской рукописи» (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, 1914).

III.

Б. В. Фармаковскій, какъ предсѣдатель избранной въ прошломъ засѣданіи коммиссіи для обсужденія вопроса о раскопкахъ на Топракъ-Кале, доложилъ протоколъ засѣданія коммиссіи, представленный на обсужденіе Отдѣленія [1]).

IV.

Б. А. Тураевъ прочелъ составленную имъ по порученію коммиссіи записку о древностяхъ Макинскаго ханства и сопредѣльныхъ областей [2]).

V.

Послѣ обмѣна мнѣній, причемъ Н. И. Веселовскій сообщилъ результаты его предварительныхъ переговоровъ съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, опредѣлено: предложеніе коммиссіи одобрить и уполномочить Н. И. Веселовскаго отъ имени Общества продолжить сношенія съ нужными учрежденіями.

VI.

Н. И. Веселовскій сообщилъ объ отказѣ И. Ю. Крачковскаго отъ должности секретаря и предложилъ произвести выборы секретаря въ ближайшемъ осеннемъ засѣданіи.

VII.

По предложенію Н. Я. Марра избрана коммиссія для обсужденія вопроса о болѣе аккуратномъ печатаніи «Записокъ Восточнаго Отдѣленія». Предсѣдателемъ коммиссіи опредѣлено просить С. Ѳ. Ольденбурга, членами ея В. В. Бартольда, Н. Я. Марра, Управляющаго Отдѣленіемъ и секретаря, съ правомъ приглашенія завѣдующаго Типографіей Императорской Академіи Наукъ.

---

1) См. Приложеніе I.
2) См. Приложеніе II.

VIII.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ, «Объ армянской ктиторской надписи Текорскаго храма въ Карсской области (изъ V въ XI вѣкъ)» и «О клинообразной надписи изъ Ахалкалакскаго уѣзда»[1]).

IX.

Нѣкоторые вопросы были предложены докладчику Б. В. Фармаковскимъ.

X.

Архим. Гарегинъ (Овсепянъ) сдѣлалъ краткое сообщеніе, демонстрировавъ фотографіи нѣкоторыхъ grafitti на скалахъ Арменіи съ изображеніемъ животныхъ.

XI.

Въ обсужденіи приняли участіе Н. Я. Марръ и Я. И. Смирновъ.

XII.

И. Ю. Крачковскій прочиталъ сообщеніе: «Разсказъ аль-Бируни (X—XI в.) о благодатномъ огнѣ въ Іерусалимѣ»[2]). Сопоставивъ сообщенія мусульманскихъ авторовъ съ X по XIV в. о чудѣ огня, происходящемъ въ храмѣ Гроба Господня въ Страстную Субботу, докладчикъ указалъ, что преимущественный интересъ, какъ по древности, такъ и по отношенію къ описываемому факту, представляетъ среди нихъ отрывокъ изъ «хронологіи» аль-Бируни, ставшій извѣстнымъ благодаря недавно пріобрѣтенной рукописи Азіатскаго Музея (л. 113б—114а).

XIII.

Въ дополненіе къ сообщенію Я. И. Смирновъ привелъ нѣкоторыя литературныя данныя о случаяхъ самовозгоранія свѣчей.

XIV.

Нѣкоторые вопросы были предложены докладчику Н. Я. Марромъ и Н. И. Весcловскимъ.

---

1) Первый докладъ напечатанъ въ Христіанскомъ Востокѣ, III, стр. 56—71. Клинообразная надпись будетъ издана въ «Извѣстіяхъ» Кавказскаго Музея.

2) Докладъ напечатанъ въ Христіанскомъ Востокѣ, III, стр. 225—242.

Засѣданіе 2 октября 1914 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, І. А. Кипшидзе, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, А. К. Марковъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, І. А. Орбели, А. М. Позднѣевъ, А. Н. Самойловичъ, И. Г. Троицкій.

Гости: Б. Барадійнъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, г. Невскій.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 24 апрѣля 1914.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о своихъ сношеніяхъ съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ согласно апрѣльскому постановленію Отдѣленія по вопросу о предполагаемой археологической экспедиціи въ область Макинскаго ханства и въ область Вана.

III.

Прочитанъ докладъ избранной въ предшествующемъ засѣданіи коммиссіи по вопросу о печатаніи «Записокъ Восточнаго Отдѣленія». Послѣ обсужденія выработанныхъ коммиссіей положеній, въ которомъ приняли участіе Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ, Н. Я. Марръ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, И. Ю. Крачковскій, по предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ опредѣлено: положенія, выработанныя коммиссіей, утвердить, за исключеніемъ пункта 9, и напечатать ихъ въ протоколахъ засѣданій Восточнаго Отдѣленія[1]).

IV.

В. В. Бартольдъ поднесъ въ даръ библіотекѣ Общества слѣдующія изданія: 1) В. В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана. СПБ. 1914. 2) Протоколы засѣданій Русскаго Комитета для изученія средней и восточной Азіи. 1914 г. № 2.

1) См. Приложеніе III.

V.

В. В. Бартольдъ прочелъ сообщеніе: «О погребеніи Тимура».

VI.

Нѣкоторыя соображенія по поводу сообщенія были высказаны Н. И. Веселовскимъ и Н. Я. Марромъ.

Засѣданіе 30 октября 1914 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, І. А. Кипшидзе, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, А. А. Лорисъ-Калантаръ, И. Ю. Марковъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, І. А. Орбели, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, А. Э. Шмидтъ, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: Л. С. Багровъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, А. Г. Шанидзе, С. М. Шапшалъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 2 октября 1914 г.

II.

Н. Я. Марръ высказалъ пожеланіе, чтобы вопросъ о предполагаемой археологической экспедиціи въ область Вана и Макинскаго ханства былъ нѣсколько ускоренъ въ связи съ измѣненіемъ политическихъ условій.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о возможности возбудить вновь вопросъ объ изданіи лѣтописи Юань-чао-ми-ши, списокъ которой въ свое время былъ переданъ архимандритомъ Палладіемъ профессору А. М. Позднѣеву. По обсужденіи вопроса, въ чемъ приняли участіе В. В. Бартольдъ, А. Д. Рудневъ и А. И. Ивановъ, опредѣлено выбрать коммиссію для выясненія технической стороны изданія въ составѣ Н. И. Веселовскаго,

А. М. Позднѣева, А. Д. Руднева, А. И. Иванова и В. Л. Котвича съ правомъ приглашенія нужныхъ лицъ.

IV.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о поступленіи въ Библіотеку Общества слѣдующихъ изданій отъ авторовъ:

1) А. Д. Рудневъ, Хори-Бурятскій говоръ. Вып. I—III. СПБ. 1913—1914.

2) А. Э. Шмидтъ, ʿАбд-ал-Ваххâб-аш-Шаʿрâній и его «Книга разсыпанныхъ жемчужинъ» СПБ. 1914.

3) В. Бартольдъ, Отчетъ о командировкѣ въ Лондонъ. П. 1914. (Оттискъ изъ «Извѣстій Императорской Академіи Наукъ»).

4) Л. А. Зиминъ, Восемь отдѣльныхъ оттисковъ статей и рецензій изъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» и «Протоколовъ Туркестанскаго Кружка любителей Археологіи». Ташкентъ, 1913—1914 г.

5) И. Ю. Крачковскій, Christiano-arabica въ 1912—1914 г. (Оттискъ изъ «Христіанскаго Востока» т. III).

V.

Н. Г. Адонцъ прочиталъ сообщеніе «О новомъ органѣ армяновѣдѣнія: Шолакат».

VI.

Нѣкоторыя дополненія и соображенія по поводу доклада были высказаны Н. Я. Марромъ и кн. И. А. Джаваховымъ.

VII.

В. А. Жуковскій прочелъ сообщеніе «Разсказъ современника о Халладжѣ».

VIII.

Въ дополненіе къ докладу И. Ю. Крачковскій указалъ на недавно вышедшее изданіе L. Massignon, Quatre textes inédits relatif à la biographie d'al—Hallaj. Paris 1914, гдѣ опубликованы нѣкоторые арабскіе тексты къ исторіи ал-Халлâджа.

IX.

А. И. Ивановъ прочелъ сообщеніе о китайскихъ картахъ и атласахъ на основаніи матеріаловъ, вывезенныхъ Л. С. Багровымъ.

X.

Нѣкоторыя соображенія по поводу доклада были высказаны Я. И. Смирновымъ, І. А. Орбели, кн. И. А. Джаваховымъ и В. В. Бартольдомъ.

Засѣданіе 27 ноября 1914 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: В. В. Бартольдъ, І. А. Кипшидзе, В. Л. Котвичъ, секретарь Отдѣленія И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, І. А. Орбели, А. Д. Рудневъ, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: С. А. Гамаловъ-Чураевъ, С. М. Шапшалъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 30 октября 1914 г.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о положеніи вопроса объ изданіи лѣтописи Юань-чао-ми-ши. Изданіе, при условіи воспроизведенія текста на автотипическихъ таблицахъ, должно обойтись въ 3000 р., а съ русскимъ переводомъ — около 6000 р. Сумма эта можетъ быть разверстана на нѣсколько лѣтъ.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ полученное имъ письмо Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія по поводу организаціи изслѣдованій въ области Вана и въ Макинскомъ ханствѣ. Со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Финансовъ не встрѣчается препятствій къ организаціи этихъ изслѣдованій, но ассигновка испрашиваемой Обществомъ суммы можетъ быть отпущена лишь по окончаніи войны. Н. И. Веселовскій доложилъ также, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отнеслось сочувственно къ экспедиціи въ Ванъ и Маку.

IV.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ о поступленіи въ Библіотеку Общества слѣдующихъ изданій отъ авторовъ.

Отъ I. А. Кипшидзе: 1) Грамматика мингрельскаго (иверскаго) языка съ хрестоматіей и словаремъ. СПБ. 1914. 2) Рец. на Th. Kluge, Beiträge zur Mingrelischen Grammatik (отт. изъ Зап. Вост. Отд. т. XXII). 3) Biṭi do Bozo. Чанское стихотвореніе (отт. изъ Извѣстій Имп. Акад. Наукъ, 1911). 4) Житіе и мученичество св. Антонія-Раваха. (Отт. изъ Христіанскаго Востока, т. II, 1913 г.).

Отъ А. Д. Руднева шесть оттисковъ статей В. Л. Котвича, Г. I. Рамстедта, А. Д. Руднева и А. Н. Самойловича изъ «Трудовъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества» т. XV, вып. 1.

V.

Произведены выборы секретаря Отдѣленія. Избранъ 8 голосами I. А. Орбели.

VI.

Управляющій Отдѣленіемъ высказалъ глубокую благодарность И. Ю. Крачковскому за его полезную дѣятельность въ званіи Секретаря Отдѣленія въ установившихся традиціяхъ. Отдѣленіе присоединилось къ заявленію Управляющаго и выразило И. Ю. Крачковскому съ своей стороны искреннюю благодарность за понесенный имъ на пользу Отдѣленія нелегкій трудъ.

VII.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что въ виду внезапной болѣзни А. Н. Самойловича докладъ его откладывается.

VIII.

А. Е. Любимовъ прочиталъ сообщеніе: «Путешественникъ по Востоку и Московіи въ концѣ XVII в. Ѳ. Авриль и его «Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Paris. 1692».

Въ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ сохранились бумаги о присылкѣ французскимъ правительствомъ въ Москву іезуита-миссіонера Ѳ. Авриля съ просьбой о разрѣшеніи ему проѣзда черезъ Московское

государство въ Китай; московское правительство, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ грамотѣ короля Людовика XIV, адресованной на имя московскихъ государей, — въ царскомъ титулѣ были пропущены слова: «великіе государи» и потому, что русскому послу во Франціи Я. Ѳ. Долгорукому были оказаны «упорство» и «безчестіе», въ пропускѣ отказало. По возвращеніи во Францію, Ф. Авриль написалъ книгу, изложивъ въ ней свѣдѣнія объ азіатской Турціи, Арменіи, Персіи, Поволжьи и т. д. и о путяхъ въ Китай. Особый интересъ, по мнѣнію докладчика, представляетъ приложенная къ сочиненію карта Московскаго государства и Средней Азіи, составленная по оригиналу, хранившемуся въ Посольскомъ приказѣ и утерянному въ настоящее время.

IX.

По поводу прослушаннаго доклада нѣкоторыя соображенія были высказаны Н. И. Веселовскимъ.

X.

Н. И. Веселовскій сообщилъ объ интересныхъ результатахъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Зап. Алтаѣ А. В. Адріяновымъ, на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи. Среди найденныхъ каменныхъ балбаловъ, интересныхъ своими головными уборами и детальной обработкой лицъ, особенно замѣчателенъ одинъ, разбитый на три куска; верхній кусокъ — фигура, нижній предназначался для укрѣпленія въ землѣ, а на среднемъ сохранилась орхонская надпись. Надпись пока-не разобрана въ виду не вполнѣ точной передачи ея на рисункѣ А. В. Адріянова и неудовлетворительности присланной имъ фотографіи. Представляется возможнымъ доставить эту цѣнную находку въ Петроградъ.

Засѣданіе 18 декабря 1914 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: В. В. Бартольдъ, А. И. Ивановъ, В. Л. Котвичъ, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, А. М. Позднѣевъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ.

Гость: Б. Барадійнъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 27 ноября.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ доложилъ, что ходатайство Отдѣленія о напечатаніи въ изданіяхъ Общества лѣтописи Юань-чао-ми-ши встрѣтило сочувствіе въ Совѣтѣ Оощества и что испрашиваемая на это сумма включена въ смѣту. Такъ какъ пока предполагается издать только монгольскій текстъ лѣтописи съ переводомъ и примѣчаніями, Отдѣленіе испрашивало 3000 р. съ разсрочкой на 2 года.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о полученіи имъ письма отъ Туркестанскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества съ просьбой о высылкѣ Отдѣлу Отчета о поѣздкѣ С. Ѳ. Ольденбурга и другихъ изданій, касающихся Туркестана, кромѣ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія». При письмѣ присланы IX и X вып. «Извѣстій» Отдѣла.

Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и передать письмо Отдѣла въ Императорскую Академію Наукъ.

IV.

И. Ю. Крачковскій принесъ въ даръ библіотекѣ Общества свой трудъ: «Абӯ-ль-Фараджъ ал-Ва'вā Дамасскій». Петроградъ. 1914.

V.

А. Н. Самойловичъ прочелъ сообщеніе: «О новомъ англійскомъ переводѣ записокъ султана Бабура».

VI.

По поводу прослушаннаго сообщенія высказались Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ и А. И. Ивановъ.

VII.

В. Л. Котвичъ прочелъ докладъ: «О поѣздкѣ Б. В. Долбежова къ развалинамъ предполагаемаго Бешбалыка» [1]).

VIII.

Въ обсужденіи прочитаннаго доклада приняли участіе Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ, А. И. Ивановъ и А. М. Позднѣевъ.

---

[1]) Докладъ печатается въ I—II вып. XXIII т. «Записокъ Восточнаго Отдѣленія».

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Протоколъ засѣданія Коммиссіи, избранной Восточнымъ Отдѣленіемъ И. Р. А. Общества для обсужденія вопроса объ изслѣдованіяхъ въ области древней Ванской культуры.

9 апрѣля 1914 г. подъ предсѣдательствомъ Б. В. Фармаковскаго присутствовали Н. Я. Марръ, С. П. Олферьевъ, І. А. Орбели, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ и Б. А. Тураевъ.

Предсѣдательствующій указалъ, что поводомъ для избранія настоящей Коммиссіи послужилъ его докладъ объ обломкахъ рѣзного фриза, откопанныхъ на Топрак-кале и привезенныхъ въ 1912 г. І. А. Орбели, и что въ задачи Коммиссіи входитъ обсудить вопросъ о возможности дальнѣйшихъ изслѣдованій на Топрак-кале и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ можно ожидать находокъ памятниковъ древней Ванской культуры.

Н. Я. Марръ настаивалъ на необходимости дальнѣйшихъ изслѣдованій въ Ванѣ въ виду того, что древности Вана имѣютъ важное значеніе для изученія древностей, находимыхъ въ различныхъ мѣстахъ въ предѣлахъ Россіи, и что область Вана естественно представляется такою, гдѣ должны прежде всего работать русскіе ученые, имѣющіе для того необходимую подготовку и лучше, чѣмъ какіе-либо иные ученые, освѣдомленные на счетъ памятниковъ культуры Вана и уже достаточно сдѣлавшіе для ея изученія. Ванъ нельзя исключить изъ области русской научной компетенціи.

С. П. Олферьевъ находилъ, что русскіе ученые въ настоящій моментъ должны были бы обратить серіозное вниманіе на древности въ области древней Ванской культуры, гдѣ старина всюду попадается на глаза и куда жадно устремляютъ взоры европейцы и американцы. Иностранцы стараются дѣйствовать противъ Россіи, боясь распространенія сюда русскаго вліянія, которое можетъ быть, конечно, здѣсь особенно прочнымъ. Хотя до сихъ поръ иностраннымъ ученымъ не удалось получить какой-либо концессіи на археологическія изысканія въ области Вана, но попытки къ тому дѣлаются. Старанія въ этомъ направленіи въ виду археологическихъ богатствъ области вполнѣ понятны. Внѣ всякихъ сомнѣній наука здѣсь должна работать. И вотъ для Россіи во всѣхъ отношеніяхъ было бы очень важно, чтобы въ области Вана работали русскіе. Россіи было бы крайне невыгодно упустить эту область изъ сферы своего вліянія и допустить усиленіе тамъ иностранныхъ вліяній. Археологическія

изслѣдованія надо обязательно взять здѣсь въ русскія руки, и Министерству Иностранныхъ Дѣлъ было бы важно поддержать начинанія русскихъ ученыхъ въ дѣлѣ изученія памятниковъ области Вана. Наиболѣе практично было бы на первыхъ порахъ сосредоточить вниманіе не на самомъ Ванѣ, а на Маку, области, куда распространялась Ванская культура. Въ Макинскомъ ханствѣ русскіе изслѣдователи встрѣтили бы и симпатіи населенія, и благожелательное отношеніе и содѣйствіе со стороны хана, и поддержку со стороны открывающагося въ Маку Россійскаго консульства. Дѣло изслѣдованія облегчается въ Маку тѣмъ, что имѣются уже произведенныя русскими топографическія съемки мѣстности. Макинское ханство полунезависимо, и на него не простираются обязательства касательно археологическихъ раскопокъ, связывающія Персію.

Я. И. Смирновъ выражалъ сомнѣнія, не будутъ ли обязательства Персіи по отношенію къ Франціи дѣйствительны и для Макинскаго ханства.

М. И. Ростовцевъ не раздѣлялъ опасеній Я. И. Смирнова, находилъ устройство экскурсіи для предварительнаго обслѣдованія Маку желательнымъ, но настаивалъ на томъ, что экскурсія должна быть организована серіозно: въ ней должны принять участіе спеціалистъ-ученый, чертежникъ-техникъ и фотографъ. Экскурсія должна будетъ зарегистрировать всякаго рода памятники древности и намѣтить мѣста для возможныхъ въ будущемъ роскопокъ. Въ виду слагающихся благопріятно обстоятельствъ въ данный моментъ, слѣдовало бы организовать экскурсію въ Маку лѣтомъ настоящаго года.

Коммиссія постановила доложить Восточному Отдѣленію, 1) что она находитъ цѣлесообразнымъ и желательнымъ организовать нынѣ лѣтомъ (съ 1 іюня по октябрь) экскурсію для обслѣдованія въ археологическомъ отношеніи Макинскаго ханства и для выясненія въ особенности наличности памятниковъ древней Ванской культуры; 2) что, по ея мнѣнію, лицомъ, наиболѣе подходящимъ для осуществленія указаннаго предпріятія являлся бы I. А. Орбели, который могъ бы пригласить въ экскурсію чертежника и фотографа; 3) что, по ея разсчетамъ, на организацію экскурсіи потребна была бы сумма отъ 3000 р. до 5000 р. (въ зависимости отъ района, который будетъ обслѣдованъ).

Далѣе, Коммиссія просила Б. А. Тураева составить краткую записку о значеніи древнихъ Ванскихъ памятниковъ и постановила вручить записку Н. И. Веселовскому и просить его до засѣданія Отдѣленія переговорить съ В. О. Клеммомъ, непремѣннымъ членомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на счетъ того, возможно ли было бы получить какое-

либо пособіе на организацію археологической экскурсіи въ Маку изъ средствъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ или не нашло ли бы Министерство возможнымъ возбудить ходатайство объ ассигнованіи средствъ на экскурсію изъ десятимилліоннаго фонда.

Наконецъ, Коммиссія постановила обратить вниманіе отдѣленія на то, что ходатайствовать объ ассигнованіи средствъ на организацію экскурсіи можно было бы просить еще Императорскую Академію Наукъ и Министра Народнаго Просвѣщенія.

Предсѣдательствующій затѣмъ поставилъ на обсужденіе вопросъ о возможности осуществленія раскопокъ на Топрак-кале.

М. И. Ростовцевъ указалъ на сложность вопроса объ организаціи раскопокъ и на то, что раскопки на Топрак-кале потребуютъ большихъ средствъ и продолжительныхъ предварительныхъ сношеній съ различными учрежденіями и, между прочимъ, съ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ, такъ какъ необходимо будетъ прежде всего получить отъ турецкаго правительства фирманъ на право производства раскопокъ.

Я. И. Смирновъ полагалъ, что раскопки въ Ванѣ не сулятъ успѣха. По турецкимъ законамъ находимые при раскопкахъ предметы древности поступаютъ всѣ въ собственность Турціи. Думать и разсчитывать, что находки въ Ванѣ какъ-нибудь удастся получить въ Россію и въ русскіе музеи, трудно. А въ такомъ случаѣ у насъ никто денегъ на раскопки въ Ванѣ не дастъ. Производить же раскопки по соображеніямъ чисто научнымъ въ чужихъ краяхъ Россіи рано. У насъ въ Россіи масса памятниковъ гибнетъ, и мы должны прежде всего позаботиться о памятникахъ древности въ Россіи.

Н. Я. Марръ замѣтилъ, что русскіе болѣе иностранныхъ ученыхъ подготовлены производить научныя изысканія въ Ванѣ. Иностранцы не знаютъ, напр., такъ мѣстные языки, какъ ихъ знаютъ русскіе спеціалисты. Русскимъ постоянно приходится опровергать мнѣнія иностранныхъ ученыхъ, объяснявшихъ ванскіе памятники неправильно. Россіи вовсе не рано ставить задачи по ученому изслѣдованію Вана: русскіе ученые имѣютъ на то всѣ основанія и права.

Б. А. Тураевъ указалъ, что изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ въ Ванѣ далеко не представляютъ идеала и могутъ быть названы даже хищническими. Русскіе ученые, конечно, будутъ дѣло вести лучше.

Б. В. Фармаковскій отмѣтилъ, что Восточное отдѣленіе ставитъ своею задачей безъ сомнѣнія чисто научныя изслѣдованія, а не желаніе добыть золота или вообще предметовъ для музеевъ. Если дѣло стояло бы иначе, то, по его мнѣнію, надо было бы оставить мысль о раскопкахъ,

такъ какъ Императорское Русское Археологическое Общество есть прежде всего Общество ученое. Если денегъ на научныя предпріятія у насъ никто не дастъ, Общество поневолѣ должно будетъ бездѣйствовать.

Коммиссія постановила доложить Восточному отдѣленію, что она считаетъ раскопки въ Ванѣ весьма важными и находитъ желательнымъ предпринять ихъ. По ея мнѣнію эти раскопки могутъ быть осуществлены трудами членовъ И. Р. А. Общества. Въ виду чрезвычайной сложности дѣла огранизаціи раскопокъ и потребности въ значительныхъ средствахъ на ихъ осуществленіе Коммиссія полагаетъ, что приступить къ раскопкамъ въ Ванѣ было бы возможно не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ. Въ настоящее же время, по мнѣнію Коммиссіи, возможно было бы начать дѣло о полученіи разрѣшенія отъ турецкаго правительства на право производства раскопокъ на Топрак-кале и разработать смѣту расходовъ, которые потребуются на раскопки, съ тѣмъ, чтобы, по выясненіи ихъ возбудить ходатайство объ отпускѣ средствъ изъ суммъ Государственнаго Казначейства.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Записка Б. А. Тураева о древностяхъ Вана и сопредѣльныхъ мѣстностей.

Наше Закавказье и примыкающія къ нему области Турецкой и Персидской Арменіи были мѣстностью, въ которой въ IX — VI вв. до Р. Х. процвѣтала культура до-арійскихъ жителей Арменіи, находившихся въ родствѣ съ малоазіатской культурной, такъ называемой, хеттской расой и образовавшихъ могущественное государство, средоточіемъ коего былъ Ванъ и въ составъ котораго входили наши Эриванская губернія и Карсская область. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ Россіи и въ мѣстахъ, расположенныхъ въ непосредственной близости отъ русской границы, существовало одно изъ великихъ царствъ древняго Востока, оставившее намъ свои памятники и имѣвшее славную исторію, о которой повѣствуютъ намъ какъ его туземныя надписи, такъ и лѣтописи современныхъ ему ассирійскихъ царей, сосѣдей и соперниковъ его могущества. Туземныя надписи, начертанныя на національномъ языкѣ, но заимствованнымъ у ассиріянъ клиновиднымъ письмомъ въ настоящее время читаются болѣе или менѣе надежно, ассирійскія данныя собраны и изучены, въ недавнее время разобранъ послѣдній изъ пока найденныхъ ассирійскихъ источниковъ исторіи этого государства — описаніе разгрома въ 714 г. Саргономъ города Мусасира; здѣсь перечисляются взятыя ассирійскимъ царемъ во храмѣ и дворцѣ сокровища, и этимъ краснорѣчиво указывается какая высокая матеріальная

культура процвѣтала въ этихъ областяхъ и какое богатство было накоплено въ храмахъ и резиденціяхъ сѣвера Передней Азіи. Хищническія раскопки нѣмецкихъ ученыхъ 1898—9 г. въ Ванѣ и его окрестностяхъ дали обильные результаты, указывающіе на необходимость строго научныхъ и планомѣрныхъ археологическихъ изысканій. Казалось бы, что на русской наукѣ лежитъ прямой долгъ принять на себя руководящую роль въ археологическомъ изученіи мѣстности, входящей географически въ сферу ея интересовъ. Ни одинъ культурный народъ Европы и Америки не находится въ столь выгодномъ положеніи относительно странъ древняго Востока, изученіе котораго въ настоящее время вызываетъ столь понятный глубокій интересъ и является предметомъ благороднаго соревнованія націй. Англичане, французы, нѣмцы, американцы, итальянцы интенсивно работаютъ въ Египтѣ, Вавилонѣ, Месопотаміи, Персіи, Палестинѣ, Малой Азіи, даже въ Арменіи, вдали отъ своихъ предѣловъ, и это не мѣшаетъ имъ дѣлать первоклассныя находки и обогащать музеи своихъ государствъ; нѣмецкая экспедиція уже много лѣтъ работала въ Ассиріи, недалеко отъ нашей границы; есть вѣроятіе предполагать, что они расширятъ свою дѣятельность и на Ванскую область, какъ это имѣло мѣсто въ 1898—9 годахъ. Туда же стремятся и австрійцы, давно уже обратившіе вниманіе на Малую Азію и Арменію. Работы русскихъ ученыхъ ограничивались пока экспедиціями, предпринятыми Московскимъ Археологическимъ Обществомъ 1893—6 годахъ (работы М. В. Никольскаго и А. А. Ивановскаго) исключительно на русской территоріи съ небольшими развѣдками за ея предѣлы, а также командировкой отъ Императорской Академіи Наукъ І. А. Орбели въ Азіатскую Турцію 1911—12 г. Между тѣмъ, интересующая насъ область входитъ въ сферу интересовъ русской науки не только географически. Изслѣдованія Б. В. Фармаковскаго доказали, какое вліяніе имѣла культура Малой Азіи и Ванскаго царства на сѣверный Кавказъ и на нашъ югъ, а затѣмъ и вообще на народы, обитавшіе въ Восточной Европѣ; параллельно съ этимъ академикъ Н. Я. Марръ установилъ родство до-арійской подпочвы Арменіи съ лингвистическими и этническими элементами алародійской («яфетической») Передней Азіи и указалъ на современныя части этой великой вѣтви народовъ, обитающія въ предѣлахъ Россіи до сѣвернаго Кавказа включительно. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ нашего отечества скрываются данныя для уясненія исторіи, языковъ и культуры той все еще загадочной расы, которую принято называть хеттской и представители которой дали жизнь ряду культурныхъ политическихъ и этнографическихъ образованій отъ Ирана (Эламъ) и Кавказа до далекой Этруріи. Изученіемъ остатковъ древности, а также живой

старины этихъ народовъ и странъ наша наука выполнитъ свой долгъ предъ ученымъ міромъ, долгъ, возложенный на нее Провидѣніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она получитъ не мало въ высокой степени важныхъ данныхъ и для освѣщенія отдаленнаго прошлаго родной страны и ея культуры.

I. А. Орбели, командированный Императорскою Академіею Наукъ 1911—12 гг. въ Ванскую область, не располагая достаточными средствами для широкаго выполненія своей обширной программы, въ которую изученіе такъ называемой урартійской старины входило лишь какъ часть, всетаки имѣлъ возможность придти къ важнымъ результатамъ, которые заключаются прежде всего въ признаніи нѣмецкихъ раскопокъ 1898—9 гг. неумѣлыми, хищническими и ненаучными, въ опредѣленіи пунктовъ, которые несомнѣнно таятъ въ себѣ большія археологическія богатства, затѣмъ въ пріобрѣтеніи ряда важныхъ предметовъ урартійской старины, подобныхъ которымъ до сего времени не было извѣстно и которые уже теперь въ рукахъ спеціалистовъ сдѣлались матеріаловъ для весьма важныхъ выводовъ. Необходимо продолженіе начатаго дѣла на болѣе прочномъ основаніи — слѣдуетъ произвести раскопки въ намѣченныхъ I. А. Орбели пунктахъ. Столица великаго древне-восточнаго царства, расположенная у самой русской границы, должна быть обслѣдована русскими учеными. Въ противномъ случаѣ повторятся хищническія раскопки нѣмецкихъ и австрійскихъ археологовъ, ищущихъ предметовъ для наполненія музеевъ и не гнушающихся увозомъ древностей даже хранящихся на русской территоріи, какъ напримѣръ ташбурунская клинообразная надпись, срѣзанная пасторомъ ближайшей нѣмецкой колоніи для берлинскаго музея или подобная же надпись у самаго александропольскаго полигона, едва не подвергшаяся такой же участи.

Благопріятное въ настоящее время стеченіе политическихъ условій на нашей персидской границѣ, позволяетъ распространить археологическія изысканія и на небольшую область, до сихъ поръ нетронутую заступомъ археолога. Макинское ханство, дотолѣ недоступное, теперь открыто для изученія. Еще въ 1910 году дошли свѣдѣнія объ обнаруженіи здѣсь клинообразныхъ надписей, раньше ни разу не доходившихъ изъ предѣловъ Персіи, между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ мѣстахъ Россіи и Турціи слѣды ванской культуры значительны. А. А. Ивановскій въ 1894 былъ въ Маку, но не производилъ археологическихъ изысканій, тогда какъ кратковременное пребываніе въ сосѣднемъ Баязетѣ, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, дало ему возможность обнаружить цѣнные урартійскіе остатки. Южная часть Макинскаго ханства входила въ составъ царства Маннеевъ, до сихъ поръ извѣстнаго намъ только по ассирійскимъ извѣстіямъ; царство

это играло значительную роль въ VIII—VII вв. и представляетъ интересъ въ культурномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Все это даетъ намъ право надѣяться, что экспедиція въ Маку дастъ цѣнные результаты и расширитъ нашъ матеріалъ для изученія Ванской культуры, не говоря уже о христіанскомъ періодѣ Персіи и Арменіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Докладъ Коммиссіи по вопросу о печатаніи „Записокъ Восточнаго Отдѣленія".

Коммиссія по вопросу о регулярномъ изданіи «Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества», избранная въ засѣданіи Отдѣленія 24 апрѣля 1914 года, имѣла одно засѣданіе 20 мая подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Ольденбурга, при участіи Н. Я. Марра, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковскаго и завѣдующаго типографіей Императорской Академіи Наукъ В. В. Нордгейма.

Послѣ разсмотрѣнія вопроса опредѣлено представить на обсужденіе Отдѣленія въ ближайшемъ осеннемъ засѣданіи слѣдующія предложенія коммиссіи.

1) «Записки Восточнаго Отдѣленія» выходятъ два раза въ годъ двойными выпусками около 15 печатныхъ листовъ каждый.

2) Сроками выхода въ свѣтъ опредѣляется 15 апрѣля и 15 ноября.

3) Весь матеріалъ для апрѣльскаго выпуска долженъ быть представленъ въ типографію не позже 1 марта, при чемъ 10 листовъ должны быть представлены не позже 1 февраля. Для ноябрскаго выпуска эти сроки опредѣляются 1 октября и 15 сентября.

4) Печатаніе матеріала, доставленнаго послѣ 1 марта и 1 октября, отлагается до слѣдующаго выпуска.

5) Типографія доставляетъ три корректуры. Срокомъ для возвращенія въ типографію исправленной корректуры въ гранкахъ назначается недѣля, каждой слѣдующей — три дня.

6) При несоблюденіи этого условія печатаніе можетъ быть отложено до слѣдующаго выпуска.

7) При отсутствіи матеріала въ данный моментъ, объемъ выпуска можетъ быть уменьшенъ, но сроки выхода въ свѣтъ сохраняются неизмѣнно.

8) По отпечатаніи выпуска Канцелярія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества принимаетъ мѣры къ немедленной разсылкѣ выпуска, въ особенности тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, списокъ которыхъ можетъ быть составленъ Отдѣленіемъ.

Арабскія рукописи городской библіотеки въ Александріи и дӣвāнъ ʿОмара ал-Маḫḫāра.

I.

(Значеніе современной Александріи для арабистовъ. Библіотека городского совѣта. Важнѣйшія арабскія рукописи. Дӣвāнъ Селāмы-ибн-Джандаля).

Александрія обыкновенно не останавливаетъ на себѣ вниманія арабистовъ, попадающихъ въ Египетъ. Былой центръ эллинистической культуры, заимствовавшей отъ него одно изъ наиболѣе характерныхъ своихъ названій, онъ и теперь влечетъ преимущественно классиковъ. Фаросъ, колонна Помпея, катакомбы, наконецъ богатый музей греко-римскихъ древностей— все это и теперь больше говоритъ сердцу изслѣдователя классическаго міра, чѣмъ исламологу. Арабистъ оказывается правымъ, когда смотритъ на Александрію только, какъ на промежуточную стадію ко «граду владычествующему» *Миср-ал-ḳāхира* — Каиру. Тамъ онъ найдетъ для себя одинаково богатую пищу и въ арабской современности, пульсомъ которой является Каиръ, и въ собраніяхъ памятниковъ древности, какъ вещественныхъ, такъ и письменныхъ. Ничего этого въ Александріи нѣтъ: «городъ биржи и хлопка», интернаціональная проходная дверь въ Египетъ и изъ Египта, онъ предлагаетъ лишь то, на что есть преимущественный спросъ, что нужно міровой плутократіи. Важный финансовый центръ, обычный регуляторъ финансовыхъ отношеній нижняго Египта, въ духовной жизни онъ всецѣло и всегда былъ подчиненъ Каиру. Даже повседневную арабскую прессу ему доставляетъ Каиръ: свои органы въ Александріи слишкомъ незначительны и по тиражу и по затрагиваемымъ интересамъ, чтобы идти въ сравненіе съ широко извѣстными за предѣлами Египта каирскими газетами и журналами [1]).

1) Исключенія, конечно, бываютъ, но они и остаются исключеніями: въ Александріи началъ издавать свой журналъ *ал-Джāмиʿа* арабскій libre penseur Фараḫъ Антӯнъ (см. о немъ «Историческій романъ въ современной арабской литературѣ», оттискъ изъ ЖМНПр. за 1911 годъ, стр. 25—27); въ Александріи же издается А. Аверино первый по времени феминистическій органъ на арабскомъ языкѣ (см. предисловіе къ переводу книги Ḳāсима Амӣна, Новая женщина, С.-Пб. 1912, стр. III).

Каиръ—центръ современной арабской литературы, науки и книжной торговли; мечта всякаго арабскаго ученаго или литератора, въ какой бы части арабскаго міра онъ ни жилъ, попасть въ Каиръ. Въ Александріи и они не любятъ оставаться подолгу; если это случается, то только въ силу внѣшнихъ причинъ, какъ произошло съ извѣстнымъ и въ Европѣ ученымъ дамаскинцемъ Ḫабӣбомъ Заййатомъ, однимъ изъ немногихъ александрійскихъ представителей интеллигенціи ума[1]).

Не можетъ Александрія похвалиться и памятниками арабской древности: Каиръ и здѣсь оставляетъ ее совершенно въ тѣни. Если однѣ мечети послѣдняго представляютъ великолѣпный музей арабскаго искусства, то въ Александріи онѣ какъ то подернуты налетомъ современности. О собраніяхъ, въ родѣ каирскаго музея арабскаго искусства, въ Александріи не можетъ быть рѣчи; что же касается арабскихъ рукописей, то количественно хедивская библіотека и мечеть ал-Азхаръ превосходятъ всѣ европейскія и извѣстныя восточныя собранія. Тѣмъ не менѣе за послѣдніе годы и въ Александріи сдѣлана попытка централизаціи памятниковъ арабской письменности въ видѣ «Библіотеки Городского Совѣта» (كتبخانة مجلس بلدى إسكندرية). На нее и направилось мое вниманіе за нѣсколько дней пребыванія здѣсь въ январѣ 1910 года на обратномъ пути изъ Каира.

Количественно библіотека очень не велика и на ея составѣ ярко отразилась основная черта современной Александріи: европейскій отдѣлъ содержитъ около 13 тысячъ томовъ, тогда какъ арабскій всего около 7. Послѣднимъ завѣдывалъ въ 1910 году шейхъ ʻАлӣ ал-Азхарӣ, почтенный представитель поколѣнія современныхъ арабскихъ ученыхъ, проникнутыхъ сознаніемъ необходимости усвоить не только внѣшніе плоды европейской цивилизаціи. Онъ мечталъ объ изданіи каталога библіотеки по образцу хедивской въ Каирѣ; до этого же приходится пользоваться лишь рукописнымъ инвентаремъ, составленнымъ далеко не всегда удачно. Рукописный отдѣлъ еще незначительнѣе по количеству номеровъ: онъ содержитъ лишь около 300 томовъ. Въ главной части онъ составился случайно, преимущественно изъ библіотекъ нѣкоторыхъ мечетей и частныхъ пожертво-

---

1) У европейскихъ арабистовъ онъ извѣстенъ преимущественно критическимъ каталогомъ дамасскихъ рукописей (خزائن الكتب فى دمشق وضواحيها Каиръ 1902), къ которому отчасти примыкаетъ статья о путешествіи патріарха Макарія (*ал-Машрикъ*—V, 1902, стр. 1009—1020). Принадлежащая ему рукопись хроники Йаḥйи Антіохійскаго вызвала статью (въ Journal Asiatique—с. 10, т. III, 1904, стр. 350—356) и изданіе текста, выполненное совмѣстно съ бар. Carra de Vaux и L. Cheikho (въ Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium). Въ другую область вводитъ его интересное изслѣдованіе о женщинѣ въ доисламской Аравіи (о немъ см предисловіе къ переводу упомянутой работы Ḳāсима Амӣна, стр. IV—V).

ваній. Бо́льшій интересъ представляетъ единственно коллекція второго хедива Ибрāхӣма Паши, которая была пріобрѣтена отъ наслѣдниковъ и доставила почти всѣ болѣе цѣнныя рукописи. Къ сожалѣнію, она перешла не полностью и многіе экземпляры этого собранія погибли, вѣроятно безвозвратно. Какъ можно судить по нѣкоторымъ спискамъ, гдѣ Ибрāхӣмъ Паша величается правителемъ Джедды (والى جدّة), коллекція была составлена во время его борьбы съ ваххāбитами въ Аравіи и уже поэтому могла бы представлять извѣстный интересъ, такъ какъ рукописи изъ Аравіи сравнительно рѣдко попадаютъ въ общедоступныя собранія [1]).

Качественно рукописное собраніе Александрійской библіотеки такъ же незначительно, какъ и количественно. Состоитъ оно преимущественно изъ популярныхъ сочиненій по грамматическимъ и богословско-юридическимъ наукамъ, обыкновенно извѣстныхъ, если не въ изданіяхъ, то въ рукописяхъ другихъ библіотекъ. Наиболѣе древней изъ датированныхъ рукописей является *ас-Сахӣхъ* Муслима, писанный въ 368/978 году; нѣкоторые отрывки Корана, конечно, старше его по возрасту. Историческій и литературный отдѣлъ, которому преимущественно я посвящалъ свои занятія, представленъ еще слабѣе, всего двумя-тремя десятками рукописей. Спеціально въ немъ слѣдуетъ отмѣтить только 6 номеровъ, четыре болѣе извѣстныхъ и два представляющихъ значительный интересъ новизны.

Очень хорошимъ почеркомъ, съ гласными написанъ извѣстный словарь *Ал-Муджмал фӣ-л-луга* Абӯ-л-Хусейна-ибн-Фāриса ар-Рāзӣ [2]). Рукопись подъ № 140 изъ коллекціи Ибрāхӣма Паши распадается на двѣ части: первая до буквы ط писана въ 586 году, вторая въ 601, какъ гласитъ дата въ концѣ: وقع الفراغ من نسخه يوم الجمعة قبيل العصر فى ثالث عشر شوّال من سنة إحدى وستّمائة . . . . وكان قد تقدّم نسخ الكتاب من أوّله إلى حرف الميم فى سنة ستّ وثمانين و خمسمائة و اتّفق إتمامه فى التاريخ المقدّم ذكره.

Среди историческихъ сочиненій останавливаетъ на себѣ вниманіе исторія Ḳазвӣна Абӯ-л-Ḳāсима ʻАбд-ал-Керӣма ар-Рāфіʻӣ (ум. 623/1226), рукопись которой имѣется еще въ Британскомъ Музеѣ [3]). По своему названію كتاب التدوين فى ذكر أخبار قزوين александрійская копія ближе подходитъ къ названію, приводимому у Хāджжи-Халӣфы [4]): تدوين فى أخبار قزوين, чѣмъ заголовку Британскаго Музея كتاب التدوين فى ذكر أهل العلم

1) Однимъ изъ немногихъ примѣровъ служитъ коллекція Амӣна ал-Маданӣ въ Лейденѣ, открывшая не мало цѣнныхъ экземпляровъ и даже уникові.

2) Ум. 395/1005. Ср. Brockelmann, Geschichte der arabischen Literatur — I, 130.

3) Brockelmann, op. cit. — I, 393, № 25.

4) Изд. Flügel'я — II, 254, № 2773.

بقزوين. Рукопись подъ № 64 изъ коллекціи Ибрāхӣма Паши[1]), большого размѣра in 4°, заключаетъ 260 листовъ. Въ началѣ она, повидимому, нѣсколько дефектна, такъ какъ хотя имѣетъ обычныя вступленія بسملة, حمدلة и تصلية, но тѣмъ не менѣе начинаетъ текстъ ex abrupto съ половины фразы: هذا حصن الفزارىّ عن تميم وشيعتة أنّ رسول الله بعث الخ. Вслѣдъ за этимъ идутъ ḥадӣ̱сы, имѣющіе отношеніе къ Ḳазвӣну, л. 2б القسم الثانى فى فضائلها وخصائصها المستنبطة, л. 3б الفصل الثانى فى اسمها, л. 4б الفصل الثالث فى كيفيّة بنائها وفتحها, л. 5б الفصل الرابع فى ذكر نواحيها و اوديتها ومساجدها ومقابرها, л. 7б القول فى بيان من ورد قزوين من الصحابة. Съ л. 19а слѣдуетъ біографическій словарь (القول فيمن بعد الصحابة والتابعين), посвященный сперва всѣмъ носившимъ имя Муḥаммедъ (المحمّدون), затѣмъ إبراهيم, أحمد, إدريس и дальше въ порядкѣ алфавита. Кончается рукопись біографіей нѣкоего يحيى نن زكريا العدل القزوينى أبو علىّ الوزّان. Отсутствіе какихъ бы то ни было приписокъ и біографій лицъ съ именами يعقوب, يوسف показываетъ, что и въ концѣ рукопись не полна. По образцу большинства историческихъ сочиненій, посвященныхъ отдѣльнымъ городамъ, оно представляетъ такимъ образомъ не столько исторію, сколько біографическій словарь знаменитыхъ ḳазвӣнцевъ.

Въ этомъ же родѣ другое историческое сочиненіе, принадлежащее ʿАбд-ал-Бāсиṭу-ибн-Ḫалӣлю[2]), подъ вычурнымъ названіемъ المجمع المفتّن[3]) بالمعجم المعنون. Подъ такимъ же приблизительно названіемъ оно упоминается у Ḥāджжи-Ḫалӣфы[4]), въ другихъ источникахъ извѣстно подъ сокращеннымъ заглавіемъ[5]) تأريخ عبد الباسط или نيل الأمل فى ذيل الدول. По содержанію оно представляетъ продолженіе исторіи аẕ-Ẕехебӣ; въ немъ авторъ задался цѣлью собрать, какъ говоритъ въ предисловіи, «біографіи современниковъ-ученыхъ, халифовъ, царей, султановъ, везирей, валіевъ, правителей, судей, эмировъ, искателей мудрости, людей умныхъ за время съ 744 года до нашихъ дней». Началъ онъ составлять книгу въ 889 году

---

1) Л. 1а послѣ заглавія: هذا كتاب التدوين فى ذكر أخبار قزوين للعلامة الرافعىّ слѣдуетъ приписка: ملك ولىّ النعم الحاجّ إبراهيم تغمّده الله برحمته وأسكنه فسيح جنّته سرعسكر عدد ٢٦٠.

2) Ум. 920/1514. См. Brockelmann, op. cit. II, 54 № 17. (Ссылка на статью Nicholson'a въ JRAS за 1899 г. стр. 909 представляетъ недоразумѣніе, такъ какъ тамъ идетъ рѣчь о продолженіи исторіи аẕ-Ẕехебӣ, *не* ʿАбд-ал-Бāсиṭомъ, а другимъ авторомъ).

3) Рук. المفتن.

4) V, 404 № 11461.

5) Uri, Bibliothecae Bodleianae Catalogus — I, Oxoniae 1787, стр. 175, № 803 и 177, № 812.

и расположилъ біографіи въ алфавитномъ порядкѣ. Александрійская рукопись за № 126 тоже происходитъ изъ собранія Ибрāхӣма-Паши и, къ сожалѣнію, не датирована. О величинѣ всего сочиненія можно судить по тому, что рукопись даетъ только первую часть до буквы ح и содержитъ около 500 страницъ in folio.

Находящаяся въ библіотекѣ подъ № 123 рукопись طبقات الحفّاظ извѣстнаго ас-Суйӯṭӣ (ум. 911/1505) интересна тѣмъ, что скопирована съ оригинала еще при жизни автора, какъ можно судить по припискѣ وكتبت من خطّ مؤلّفها نفعنا الله به وفسح فى مدّته. Въ той же рукописи имѣется и второе изъ его сочиненій[1]) اللآلئ المصنوعة فى الأحاديث الموضوعة, заканчивающееся датой — 891 г.: و وافق الفراغ من تعليقه فى سابع شهر ربيع الأوّل سنة إحدى و تسعين وثمانى مائة. Сборникъ тоже принадлежалъ Ибрāхӣму Пашѣ, о чемъ имѣется обстоятельная запись на первомъ листѣ[2]).

Обѣ рукописи, на которыхъ я счелъ нужнымъ остановиться болѣе внимательно, относятся къ области поэзіи. Первая изъ нихъ даетъ дӣвāнъ до-исламскаго поэта Селāмы-ибн-Джандаля и представляетъ такой значительный интересъ, что я постарался скопировать ее цѣликомъ, несмотря на кратковременность своего пребыванія въ Александріи. Рукопись является выдающимся памятникомъ каллиграфическаго искусства и сравнительно древняя. По первоначальному предположенію я счелъ ее за уникъ, но по возвращеніи изъ Египта въ Бейрутъ узналъ, что какъ разъ въ это время въ журналѣ *ал-Машрикъ* профессоръ L. Cheikho началъ печатать дӣвāнъ Селāмы по константинопольской рукописи и такое же изданіе было обѣщано Cl. Huart для Journal Asiatique. Я предложилъ свою копію въ распоряженіе Cheikho и она была имъ использована при изданіи[3]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появилась работа Huart[4]), менѣе удовлетворяющая требованіямъ научной акрибіи, чѣмъ editio princeps. Спустя нѣкоторое время Cheikho выпустилъ отдѣльнымъ оттискомъ дополненное изданіе съ привлеченіемъ и работы Huart[5]). Такимъ образомъ, въ настоящее время можетъ считаться достаточно выясненнымъ и характеръ дӣвāна и значеніе александрійской рукописи[6]).

1) Brockelmann — II, 146 № 26.
2) هذان قد تملّكهما الوزير الأعظم ولىّ النعم الحاجّ إبراهيم باشا والى جدّة دام عزّه ومجده
3) *Ал-Машрикъ* — XIII, 1910, 171-191.
4) Journal Asiatique — c. 10, т. XV, 1910, 71-105. (Отд. отт. Paris 1910, стр. 39).
5) Beyrouth 1910, стр. II+50.
6) О послѣдней см. Cheikho, op. cit. стр. 4, 24 и passim.

Она представляетъ копію константинопольской и роль ея въ критикѣ текста не велика. Съ другой стороны, внутреннее достоинство и самой константинопольской рукописи не всегда соотвѣтствуетъ ея безукоризненной оболочкѣ; комментарій же отличается иногда вполнѣ очевидной недобросовѣстностью. Этимъ объясняется, что въ обоихъ изданіяхъ число недоразумѣній, вызванныхъ слишкомъ довѣрчивымъ отношеніемъ къ источнику, достаточно велико. Для примѣра я ограничусь однимъ, довольно яркимъ случаемъ. Во второй пьесѣ, гдѣ идетъ рѣчь о пасущихся овцахъ, оба издателя приводятъ стихъ 21-22 въ слѣдующемъ видѣ[1]):

يسمرن وحفًا فوقه ماء الندى   والنبت كلّ علاقة ونطاق
ولقد هبطت الغيث حلّ به الندى   يرفقن فاضله على الأشداق

Такъ они дѣйствительно приводятся въ рукописяхъ, но никакія натяжки въ объясненіи и переводѣ не помогаютъ уничтожить получающейся безсмыслицы. Недоразумѣніе объясняется чисто графически: благодаря одинаковому слову въ концѣ первыхъ полустишій они оказались перемѣщенными, но по счастью вѣрное чтеніе одного стиха сохранено словаремъ *Лисāн-ал-ʻараб*[2]):

يسمرن وحفًا فوقه ماء الندى   يرفضن[3] فاضله على الاشداق
ولقد هبطت الغيث حلّ به الندى   والنبت كلّ علاقة ونطاق

При такомъ чтеніи текстъ не представляетъ затрудненій: замѣна же искаженнаго рукописями يرفقن въ правильное يرفضن избавляетъ отъ нужды въ безсмысленномъ комментаріи константинопольской рукописи, создающемъ невозможную конструкцію глагола رقّ съ предлогомъ على[4]).

Выясненіе всѣхъ аналогичныхъ недоразумѣній въ обоихъ изданіяхъ, конечно, дѣло будущей критической переработки текста: я же остановлюсь еще только на датѣ александрійской рукописи. Дата эта—493/1100, принятая сперва и мной, и Cheikho безъ колебаній[5]), теперь кажется мнѣ сомнительной, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ соображеніямъ. Она писана только цифрами, что представляетъ довольно рѣдкое явленіе[6]), и, можетъ быть, другимъ почеркомъ, чѣмъ заключительная при-

1) Cheikho — стр. 14, Huart — стр. 14.
2) VI, 45.
3) Л'А даетъ чтеніе يرفضّ, но принятое нами легче объясняетъ искаженіе рукописи, гдѣ يرفقن произошло изъ يرفضن.
4) Cheikho — стр. 14, прим. 4.
5) Op. cit. — стр. 4 и 22.
6) Ср. дату въ константинопольской рукописи — Cheikho, стр. 22, 14—15.

писка самого кописта ʻАлӣ-ибн-Муḣаммеда. Между тѣмъ слѣдующая приписка говоритъ опредѣленно, что рукопись писана рукой шейха Валӣ-ад-дӣна ʻАлӣ ал-ʻАджемӣ[1]); сомнѣваться въ основательности этой приписки нѣтъ никакихъ данныхъ, такъ какъ намъ извѣстенъ каллиграфъ ал-Валӣ ал-ʻАджемӣ[2]). Онъ принадлежалъ къ школѣ Ибн-ал-Бавва̄ба, которымъ писана константинопольская рукопись дӣва̄на и, такимъ образомъ, ясно, почему вниманіе и этого каллиграфа направилось именно на нашего поэта[3]).

Такъ какъ ал-ʻАджемӣ умеръ въ 618/1221 году[4]), то и дату рукописи надо читать 593 вмѣсто 493; это возможно и потому, что цифра 4 не вполнѣ ясна въ оригиналѣ.

II.

(Дӣва̄нъ ʻОмара ал-Махха̄ра. Имя поэта, дата смерти, мѣсто дѣятельности. Заглавія большихъ пьесъ въ дӣва̄нѣ. Покровители и корреспонденты поэта. Содержаніе дӣва̄на и его историко-литературное значеніе).

Вторая рукопись Александрійской библіотеки, которой преимущественно и вызвана настоящая замѣтка, переноситъ на семь вѣковъ позже въ эпоху сирійскихъ айюбидовъ ко времени юности князя-историка Абӯ-л-Фида̄. Она содержитъ дӣва̄нъ поэта Ибн-Масʻӯда алеппскаго, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Сира̄дж-ад-дӣна или ʻОмара ал-Маххā̄ра. Эту рукопись приходится считать уникомъ, такъ какъ списковъ дӣва̄на, повидимому, не имѣется въ европейскихъ и болѣе извѣстныхъ восточныхъ книгохранилищахъ; безрезультатными оказались мои поиски на родинѣ ал-Маххā̄ра въ Алеппо, и въ мѣстѣ его жизни ал-Ха̄ма̄, гдѣ теперь забыто даже самое имя извѣстнаго когда-то поэта-земляка.

Рукопись малаго 8° содержитъ 245 листовъ по ±13 строкъ и занесена въ инвентарь за № 221 подъ заглавіемъ ديوان ابن مسعود الحلبى. Этотъ заголовокъ данъ на л. 1ª, гдѣ находится и запись одного изъ владѣльцевъ, но не Ибра̄хӣма Паши, такъ что въ составъ его коллекціи рукопись, повидимому, не входила. Дӣва̄нъ начинается на листѣ 1ᵇ слѣдующимъ образомъ بسم الله الرحمن الرحيم ربّ يسّر قال العبد الفقير إلى الله عمر بن مسعود بن

1) Op. cit. 22,20. Эта приписка объясняетъ безсмысленную запись въ инвентарѣ библіотеки ديوان سلامة ابن جندل بخطّ العجم فى العجمى.

2) Huart, Les calligraphes et les miniaturistes de l'Orient musulman, Paris 1908, стр. 84.

3) Ученикъ копировалъ свой образецъ рабски: въ припискѣ повторена даже ошибка константинопольской рукописи — سلّم вм. ожидаемаго مسلّماً.

4) Huart, Les calligraphes … l. cit.

عمر الحلبىّ الكنانى المشهور بالمّحار عفا الله عنه. Кончается онъ датой на листѣ 244б: تمّ الديوان المبارك بحمد الله وعونه وكرمه وحسن توفيقه فى آخر نهار الأحد خامس عشر من شعبان المبارك من سنة سبع وأربعين وسبعمائة والحمد لله ربّ العالمين وصلواته على سيّدنا محمّد الخ. Эга дата—747/1346 годъ еще болѣе увеличиваетъ значеніе рукописи-уника, указывая, что она была написана вскорѣ послѣ смерти поэта, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго. По своему исполненію рукопись удовлетворительна и читается безъ особаго труда, хотя идеальной названа быть не можетъ. Имѣются нѣкоторыя лакуны (напр., между л. 1 и 2, 72 и 73, 73 и 74, 107 и 108 и др.); по винѣ переплетчика спутаны нѣкоторые листы (напр. 82 слѣд. долженъ находиться, повидимому, за 72). Этимъ, вѣроятно, объясняется несоотвѣтствіе иногда одного заголовка предшествующему. Листъ 245б занятъ другими стихотвореніями, вписанными уже другимъ почеркомъ.

Личность поэта представляетъ достаточно позабытую величину въ исторіи арабской поэзіи и напрасно было бы искать о немъ свѣдѣній въ общихъ курсахъ. Единственная замѣтка имѣется въ цѣнной работѣ Hartmann'a о *мувашшахъ*, но и она отличается большими неточностями, такъ какъ превращаетъ поэта въ двухъ различныхъ лицъ[1]). Въ этомъ виноватъ не столько почтенный авторъ, сколько его источникъ, біографъ ал-Кутубӣ, младшій современникъ поэта (ум. 764/1363). Помѣщая нѣсколько его произведеній съ краткой замѣткой, прозвище поэта онъ приводитъ въ формѣ *ал-Маджжāнъ*[2]); въ двухъ другихъ мѣстахъ при упоминаніи другихъ произведеній это прозвище получаетъ уже форму *ал-Мухтāръ*[3]) и *ан-Наджжāръ*[4]). Послѣднее искаженіе и вызвало у Hartmann'a появленіе поэта ас-Сирāджъ ан-Наджжāръ ал-Халебӣ, отличнаго отъ Сирāдж-ад-дӣна ʿОмара ал-Маджжāна. На самомъ дѣлѣ оба они представляютъ одно лицо, полное имя котораго Сирāдж-ад-дӣнъ ʿОмар-ибн-Масʿӯд-ибн-ʿОмаръ ал-Маххāръ ал-Халебӣ ал-Кинāнӣ; это рѣшается окончательно тѣмъ, что всѣ произведенія, упоминаемыя ал-Кутубӣ въ разныхъ мѣстахъ имѣются въ александрійской рукописи[5]). Такія разнообразныя

1) M. Hartmann, Das arabische Strophengedicht. I. Das Muwaššaḥ, Weimar 1897, стр. 82, № 113 и 114.

2) Изд. 1283 г. — II, 139-144. Ср. Huart, Litterature arabe, Paris 1902, 322.

3) II, 321. Приводимый здѣсь мувашшахъ имѣется въ сборникѣ, изданномъ Ф. Хāзиномъ, яко бы по одной римской рукописи (العذارى المائسات فى الأزجال و الموشّحات Джӯнійе 1902 г. стр. 77-79). Имя поэта тамъ дается въ формѣ *ал-Маджāръ*.

4) I, 98.

5) Этой справкой, которая мнѣ потребовалась уже послѣ отъѣзда изъ Египта, я обязанъ любезности Хабӣба Заййāта.

графическія искаженія объясняются вѣроятно стремленіемъ осмыслить непонятное прозвище ал-Маххāръ[1]); въ данномъ случаѣ приходится слѣдовать за авторитетомъ рукописи дӣвāна, въ которой оно дается въ такой именно формѣ неоднократно, а въ заглавіи даже съ маленькимъ подписнымъ *хā* во избѣжаніе недоразумѣній.

Вторая неточность Hartmann'а касается даты смерти нашего поэта: примѣнительно къ одному лицу онъ относитъ ее къ 700 году[2]), примѣнительно ко второму, помѣщаетъ въ «первой половинѣ VII вѣка или раньше». Въ обоихъ случаяхъ анализъ ал-Кутубӣ приводитъ къ нѣсколько иному результату: въ первомъ мѣстѣ (II, 139) у него послѣ слова سبعمائة оставленъ пробѣлъ для единицъ и десятковъ, очевидно не извѣстныхъ ближе автору; во второмъ онъ совершенно опредѣленно говоритъ о подражаніи ал-Маххāра Айдемуру ал-Мухйавӣ[3]), а не наоборотъ, какъ почему то предположилъ Hartmann. Слѣдовательно время его жизни надо помѣщать *послѣ* первой половины VII вѣка, когда жилъ Айдемуръ[4]). Данныя дӣвāна позволяютъ установить болѣе точную дату, хотя тоже лишь приблизительно: громадное большинство произведеній, при которыхъ упоминается годъ, относится къ послѣднимъ двумъ десяткамъ VII вѣка[5]), самая поздняя дата — 704 годъ (л. $81^{б}$). Она и является terminus post quem для смерти ал-Маххāра; terminus ante quem можетъ служить прежде всего дата написанія рукописи — 747 годъ, когда поэта не было уже въ живыхъ, какъ видно по сопровождающей его имя еулогіи. Однако этотъ terminus можно отодвинуть почти на 40 лѣтъ раньше однимъ соображеніемъ, связаннымъ съ содержаніемъ дӣвāна: въ немъ имѣются пьесы, посвященныя Абӯ-л-Фидā, но не какъ самостоятельному правителю. Между тѣмъ онъ сталъ играть видную роль еще до 710/1310 года[6]). Предшественника Абӯ-л-Фидā египетскаго намѣстника Эсендемура поэтъ упоминаетъ тоже только, какъ правителя Ṭрāбулуса (л. $20^{а}$), но не Дамаска и Хамā, то-есть maximum до 710 года. Такимъ образомъ дата смерти ал-Маххāра можетъ быть помѣщена съ достаточной основательностью между 704 и 710 годомъ[7]).

---

1) Подходящихъ значеній корня классическіе словари не даютъ; прозвище заимствовано, вѣроятно, изъ народнаго діалекта Сиріи, но въ современномъ языкѣ оно тоже совершенно неизвѣстно.

2) Op. cit. 82, № 114 и стр. 229. Ср. Huart, op. cit. 322, гдѣ 1301 годъ.

3) I, 98: وقد عارض هذا الموشّح السراج النجّار الحلبىّ بقوله الخ.

4) Hartmann, op. cit., стр. 13, № 13.

5) 683 — л. $2^{а}$, $3^{б}$; 684—$48^{а}$; 685—$12^{б}$, 49; 687—$54^{а}$, 67; 688—$16^{а}$; 689—$21^{б}$; 690—59; 692—$60^{б}$; 695—$38^{а}$, $39^{б}$; 696—$43^{а}$, $60^{б}$, $61^{б}$; 698—65 и др.

6) Abulfedae Annales (изд. Reiske-Adler) — V, 228 слѣд.

7) Нашъ поэтъ появляется въ تذكرة النواجىّ съ именемъ المختار, гдѣ ему приписывается рядъ *мувашшахъ* л. $43^{б}$—$47^{б}$ (Ahlwardt, Verzeichniss —VII, 383). Его смерть Ahl-

Не меньше даетъ дӣванъ для характеристики обстоятельствъ жизни поэта, про которыя совершенно молчатъ доступные намъ источники. Выясняется, что поэтъ былъ патріотомъ сѣверной Сиріи и въ частности города Ḥамā, которому посвятилъ спеціальное большое произведеніе. Родомъ онъ, повидимому, былъ изъ Алеппо, какъ объ этомъ говоритъ его *нисба* и собственныя слова о томъ, что «сіяніе его свѣтильника блеснуло изъ Ḥалеба»[1]). Умеръ онъ по словамъ ал-Кутубӣ въ Дамаскѣ[2]). Ḥамā въ эту эпоху служила не только политическимъ, но и культурнымъ центромъ, къ которому многіе тяготѣли. Извѣстное представленіе о средѣ, въ которой вращался ал-Маḫḫāръ, даютъ заголовки его произведеній, указывающія кому они были посвящены. Списокъ ихъ позволяетъ нѣсколько оріентироваться въ литературныхъ условіяхъ даннаго времени, почему я и привожу его по возможности полностью.

و له يمدح السلطان الملك المظفّر و يهنّئه بقدومه من مصر سنة ثلاث و ثمانين و ستمائة 2а

وكان الملك الصالح ابن الملك المنصور قلاون رمى له بالبندق .... فقال 3а

و له يهنّئه بعيد الفطر سنة ٦٨٣ 3б

و له يمدح ولده السلطان الملك المظفّر تقّى الدين محمود وقد جاءه التقليد 7а

و له يمدحه ويذكر عودته بعد فتح المرقب 8а

و له يهنّئه بعيد الفطر 9б

و قال يمدحه و يهنّئه لسنة ٦٨٥ 12б

و له يهنّئه بشهر الصوم وقد جاء فى تشرين 14б

و له يهنّئه بسنة ٦٨٨ 16а

و له يمدح الامير سيف الدين اسندمر نائب السلطنة بطرابلس 20а

و قال يمدح السلطان الملك الأفضل و قد جاءه التشريف سنة ٦٨٩ 21б

وله وقد عزم على التوجّه إلى مصر سنة ٦٩٤[3] 22б

وله و قد قدم من مصر يهنّئه بقدومه وزينت له حماة المحروسة سنة ٦٩٤[3] 23б

---

wardt помѣщаетъ ок. 750 г. (X, 283), какъ и всегда, къ сожалѣнію, безъ указанія источника. (Ср. еще *заджаль* Сирāдж-ад-дӣна — ibid. VII, 437, № 8465).

1) Л. 237б: وانا نور سراجى اضا من حلب.

2) I, 139.

3) Дата сомнительна, такъ какъ ал-Меликъ ал-Афдалъ умеръ въ 692 году. Вѣроятно надо читать ٦٩٢. (Ср. Abulfedae Annales — V, 108 слѣд.).

فلمّا أنشده إيّاها بحماة المحروسة أقبلَ عليه وأحسن إليه فكتب إلى بعض أصحابه 27б
بدمشق المحروسة

وله وقد توجّه صحبة ركابه الشريف إلى دير وردان و رأى رسومه و دثوره 31б
وعظيم عمارته فأمره أن يرثيه ويمدح المخدوم

وقال فى طهور غلام صغير السنّ للمقر البدرّى الأفضلى 34б

وكان مولانا السلطان الملك المظفّر توجّه من حلب الى العَمْق بسبب رمى 35б
البندق الخ

وقال وقد زوّج السلطان مملوكه بدر الدين كيكلدى 37а

وقال يمدحه سنة ٦٩٥ 38а

وقال يمدحه وقد توجّه إلى دمشق المحروسة وطلع الملك العادل زين الدين 39б
كتبغا إلى القابون فى أواخر سنة ٦٦٥ .

وكان مولانا السلطان الملك المظفّر شيّد قصرًا عظيمًا ..... ببلد حماة 41а
وأمره ان ينظم فيه أبياتًا الخ

وقال يمدح مولانا السلطان الملك المظفّر ويهنّئه بقدوم التقليد من الملك 43а
المنصور حسام الدين لاجين سنة ٦٩٦

وله يمدح السلطان الملك المظفّر وقد توجّه إلى حلب المحروسة بسبب العدوّ 44а
.... ورد الخبر بهروبهم من الفرات قبل وصوله إلى حلب

وكان قد توجّه الى مصر و صحبته عمّه الملك الأفضل و ورد مبشّر بعودهما 47а
سالمين وإقبال السلطان الأعظم عليهما فقال الخ

و قال يمدح مولانا الملك الأفضل نور الدين علىّ ابن الملك المظفّر قدّس 48а
الله روحيهما سنه ٦٨٤

وقال يهنّئه بعيد الفطر سنة ٦٨٥ 49б

وله يهنّئه بالسلامة و قد عاد من فتوح حصن المرقب 51а

وقال يمدحه وقد قدم صقر الى حماة والمخدوم بدمشق فكتب إليه 53б

وقال يمدحه ويهنّئه بصوم رمضان المبارك سنة ٦٨٧ 54а

وله يهنّئه بميلاد ولده تقىّ الدين محمود سنة ٦٨٧ 55б

وله فى ولده بدر الدين حسن وقد جاءه التوقيع بالاميريّة من مصر 56б

وله وقد عزم الملك الأفضل على التوجّه إلى الحجاز الشريف سنة ٦٨٩ 58ª

وهنّأه بقدومه من الحجاز الشريف سنة ٦٩٠ 59ª

وقال يهنّئ ولده الأمير أسد الدين بمولده سنة ٦٩٢ 60ᵇ

و قال يمدح الأمير عماد الدين ولد الأمير نور الدين الملك الأفضل سنة ٦٩٦ 61ᵇ

وله يهنّئ الأمير بدر الدين ابن الملك الأفضل بعيد الفطر 63ª

وقال يمدح السلطان الملك المظفر سنة ٦٩٨ 64ª

وله يمدحه ويذكر غارته على سيس[1] وهروب تكفور[2] وعوده سالما 66ª

و قال يصف حماة و منازهها ويذكر دارًا بناها السلطان الملك المظفّر سنة ٦٨٧ 67ᵇ

وقال يمدح الأمير فارس الدين الشاد بحماة المحروسة 72ª

وله يتغزّل و يمدح فى سنة ٦٩٧ 74ª

وله أيضًا يمدح فارس الدين متولّى دمشق المحروسة 77ᵇ

وله يمدح شمس الدين محمّد بن منصور الدمشقىّ سنة ٧٠٢ 81ᵇ

وقال يهنّئه بقدومه من مصر بعد اعتقاله بها وانتصاره على أعدائه 82ª

وله يمدح السلطان الملك المظفّر ويهنّئه 83ª

وقال يمدح القاضى زين الدين قاضى القضاة بحلب المحروسة 84ª

و قال يمدح الأمير عماد الدين حسن بن علىّ النشابىّ متولّى دمشق المحروسة سنة ٦٩٣ 85ᵇ

وكتب إلى شهاب الدين العزازىّ الى القاهرة المعزّيّة 86ᵇ

وكان شهاب الدين أحمد العزازىّ كتب أبياتًا فقدمت فكتب إليه جوابًا 88ᵇ

فأجابه عنها وأرسلها من القاهرة الى حماة المحروسة 90ᵇ

و كتب إليه الأديب الفاضل مهذّب الدين مهدى ابن الفراناتى الموصلىّ أبياتًا .... فأجابه 94ª

وكتب إليه مهذّب الدين المذكور من دمشق المحروسة 95ª

---

1) Рук. شيش.

2) Имя تكفور, искаженное نكفور = Никифоръ, не находитъ себѣ подтвержденія въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ хроники Абӯ-л-Фидā (V, 138), гдѣ есть рѣчь про этотъ походъ.

و كتب إليه الشيخ الفاضل شمس الدين محمّد الصائغ بدمشق المحروسة 97a

وكتب إليه أحد الامشاطى من دمشق الى حماة 98b

وكتب إليه سعد الدين الشاعر الصالحىّ 99b

وكتب إلى الاديب الفاضل مهذّب الدين المعروف بابن الفراناتى بدمشق 100b
المحروسة

وأهدى المملوك للصدر الاجلّ نور الدين بن رواحة الكاتب أقلامًا [1] واسطيّة 104b
ومدادا [2] الخ

وكان نقل عنه فى دمشق أنّه مات بحماة المحروسة فبلغه فكتب إلى بعض 105a
أصحابه

وقال يمدح الأمير علاء الدين الشاد ..... ويذكر النيل المبارك 106b

وقال فى حمّام بدمشق المحروسة 118a

وكتب إليه الفاضل محيى الدين ابن قرناص الحموى يطلب شيئًا من شعره 128b

وله يمدح ولده الملك المظفّر تقىّ الدين محمود عزّ نصره 152a

وله يمدح أبا الحسين الجزّار المصرىّ 178b

وله يمدح بدر الدين محمّد الحلبىّ 188a

وله عفا الله عنه جواب الاديب الامشاطى 213a

وكتب إليه أحد الامشاطى والاديب سليمان الخبّاز زجلًا [3] فأجابهما على 215a
القافية

وقال يمدح بدر الدين محمّد الحلبىّ 219a

وله يمدح الأمير عماد الدين وأخاه بدر الدين اولاد الافضل فى عيد 221a
الاضحى

وله يمدح الاديب الفاضل زين الدين الزواوى بمصر المحروسة 224b

وله وقد ورد عليه كتاب الأمير بدر الدين ابن الملك الافضل 231a

وله يمدح المعلم سطنبولى ويذكر عدة صنعته ويثنى عليه 237b

---

1) Рук. اقلام.
2) Рук. مدادا.
3) Рук. زجل.

Изъ этого списка ясно, что главными покровителями ал-Мах̣х̣а̄ра были сирійскіе князья-айюбиды: ал-Меликъ ал-Муз̣аффаръ III, правитель Х̣ама̄ (ум. 698/1299), и его дядя, отецъ историка Абӯ-л-Фида̄, ал-Меликъ ал-Афдаль (ум. 692/1292[1]). Самъ Абӯ-л-Фида̄ въ эту эпоху не игралъ еще сколько-нибудь замѣтной роли (род. 672/1273) и поэтому онъ съ братьями остается въ тѣни по количеству произведеній[2]). Попутно у ал-Мах̣х̣а̄ра появляются иногда и египетскіе патроны айюбидскихъ вассаловъ Сиріи[3]): Кала̄ӯнъ (678-689), Кетбо̄га̄ (694-696), Ла̄джӣнъ (696-698).

Гораздо обширнѣе рядъ именъ ученыхъ и литераторовъ, съ которыми ал-Мах̣х̣а̄ръ былъ въ перепискѣ: нѣкоторые изъ нихъ достаточно извѣстны и изъ другихъ источниковъ, такъ что ал-Мах̣х̣а̄ръ занималъ среди нихъ, вѣроятно, не послѣднее мѣсто. Среди такихъ именъ мы встрѣчаемъ автора *мувашшахъ* Шиха̄б-ад-дӣна ал-ʻАза̄зӣ[4]), комментатора *ал-Бурды* Мух̣аммеда ас̣-С̣а̄ига[5]), извѣстнаго судью-автора знаменитой *ла̄міййи*, Зейн-ад-дӣна ал-Вардӣ[6]), Нӯр-ад-дӣна ибн-Рава̄х̣а[7]), Абӯ-л-Х̣усейна ал-Джезза̄ра[8]). Мелкія различія въ именахъ не позволяютъ нѣкоторыхъ другихъ сразу отождествить съ извѣстными намъ лицами: таковы Саʻд-ад-дӣнъ ас̣-С̣а̄лих̣и[9]), Зейн-ад-дӣнъ аз-Зава̄вӣ[10]), Бедр-ад-дӣнъ ал-Х̣алебӣ[11]), Шемс-ад-дӣнъ ад-Димешк̣ӣ[12]) и др. Цѣлый рядъ лицъ, наконецъ, не извѣстенъ ближе изъ другихъ источниковъ. Интересно, что на ряду съ произведеніями самого ал-Мах̣х̣а̄ра въ дӣва̄нѣ иногда приводятся поэтическіе отвѣты его корреспондентовъ, что конечно, увеличиваетъ цѣнность рукописи[13]).

---

1) У Lane-Poole (Мусульманскія династіи, пер. В. Бартольдъ, С.-Пб., 1899, таблица къ стр. 58) отецъ Абӯ-л-Фида̄ названъ по недоразумѣнію *Музаффаръ* Али, а не Афдаль; См. Abulfedae Annales—V, 110 и 112.

2) Бедр-ад-дӣнъ—$56^{б}$, $63^{а}$, $221^{а}$, $231^{а}$; ʻИма̄д-ад-дӣнъ (= Абӯ-л-Фида̄)—$61^{б}$, 221 Асад-ад-дӣнъ—$60^{б}$.

3) Л. $3^{а}$, $39^{б}$, $43^{а}$.

4) Л. $86^{б}$, $88^{б}$, $90^{б}$. Ср. Hartmann, op. cit. 84 № 121; Brockelmann, op. cit. II, 8.

5) $97^{а}$. См. Brockelmann — II, 9.

6) $84^{а}$. Hartmann — стр. 60 № 80, Brockelmann — II, 140.

7) $104^{б}$. Ал-Кутубӣ (изд. 1299)–I, 168, 266, II, 172. Ср. Journal Asiatique—с. 9, т. III, 404.

8) $178^{б}$. Ср. ал-Кутубӣ—II, 319.

9) $99^{б}$. Вѣроятно, онъ упоминается у ал-Кутубӣ — I, 168.

10) $224^{б}$; вѣроятно у ал-Кутубӣ — I, 297. Ср. Journal Asiatique, с. 9, т. IV, 461.

11) $188^{а}$, $219^{а}$ (можетъ быть, Brockelmann — II, 74).

12) $81^{б}$ (можетъ быть, Hartmann — 84, № 119).

13) Переписка съ ал-ʻАза̄зӣ — л. $90^{б}$, слѣд., отвѣты Мухаз̱з̱иб-ад-дӣна ал-Маус̣илӣ—л. $94^{а}$ слѣд., переписка съ Мух̣аммедомъ ас̣-С̣а̄игомъ — л. $97^{а}$, съ Ах̣медомъ ал-Имша̄т̣ӣ — $98^{б}$, Саʻд-ад-дӣномъ ас̣-С̣а̄лих̣ӣ — $99^{б}$.

Историко-литературное значеніе дӣвāна ал-Маҳҳāра въ особенности характеризуется тѣмъ, что онъ по своему содержанію далеко не шаблоненъ. Первая его часть (л. 1б—133б), дѣйствительно, не даетъ еще ближайшаго повода выдѣлять нашего поэта изъ массы ему подобныхъ современниковъ: она начинается обычной пьесой въ честь Мухаммеда[1]), за которой слѣдуютъ оды съ приведенными выше заголовками. Съ листа 108а идутъ преимущественно отрывки анакреоническаго характера и мелочи[2]); заканчивается эта часть на л. 133б заключеніемъ تمّت المدائح والقطع والمفردات بحمد الله وعونه وحسن توفيقه. Какъ и во всѣхъ аналогичныхъ дӣвāнахъ, эта часть интересна не столько поэтическими достоинствами, сколько историческими и біографическими намеками, объ обиліи которыхъ можно судить по нѣкоторымъ приведеннымъ именамъ. Эти произведенія могли бы служить хорошимъ поэтическимъ комментаріемъ къ послѣднему тому лѣтописи Абӯ-л-Фидā. Болѣе самостоятельный характеръ среди нихъ носитъ только оригинальное произведеніе эпическаго характера въ 102 стиха, посвященное описанію города Ҳамā и построеннаго въ немъ замка (л. 68а—71б).

Вторая часть не только оригинальна, но даже единственна въ своемъ родѣ: она посвящена исключительно произведеніямъ строфической поэзіи народнаго характера, преимущественно *мувашшаҳъ* и *заджаль*[3]). Заголовокъ имѣется на л. 134а الموشّحات والأزجال والبُلّقيّات и 198а, гдѣ кончаются *мувашшаҳāтъ* и начинаются *азджāлъ*: وهذا آخر ما وجد من الموشّحات المختلفة الأوزان المنقولة أوزانها من فضلآء المغرب والمخمّسات الشعريّة ويتلوها الأزجال المنسوجة على منوال الطرائق القرمانيّة. Какъ извѣстно, поэзія этого рода, представлявшая своеобразную реакцію противъ схоластическихъ нормъ традиціи, перекочевавъ изъ родины своей — Испаніи, нашла гостепріимный пріютъ въ Египтѣ и особенно въ Сиріи. Въ послѣдней—VII вѣкъ былъ временемъ особеннаго расцвѣта, вѣроятно не безъ вліянія покровительства со стороны айюбидовъ[4]); именно къ этой группѣ принадлежалъ ал-Маҳҳāръ и вторая часть его дивāна является первымъ крупнымъ памятникомъ этой эпохи и этого направленія, который дѣлается намъ извѣстнымъ. Насколько мало

---

1) Л. 1б: قال عفا الله عنه يتغزّل ويذكر بعض مناقب الرسول صلّى الله عليه وسلّم

شجا قلبه برق من الجزع لائح * فسحّ له دمع من السفح سافح الخ

2) Изрѣдка мелкіе отрывки приводятся и среди крупныхъ произведеній, напр. л. 2а, 3а, 3б и др.

3) О нихъ см. Gies, Ein Beitrag zur Kenntniss sieben neuerer arabischen Versarten Lpz, 1879, и неоднократно упоминавшуюся работу Hartmann'a.

4) Ср. Hartmann, op. cit., стр. 229.

исторія этого теченія разработана въ европейской наукѣ видно уже потому, что два техническихъ термина встрѣчаются впервые въ приведенныхъ заголовкахъ. Первый изъ нихъ *ал-буллуḳійјāт* представляетъ, вѣроятно, только побочную форму къ извѣстному *биллӣḳ* (множ. *балāлӣḳ*), который обозначаетъ особый родъ *заджаля*[1]); относительно второго *аṭ-ṭарāʼиḳ ал-ḳармāнійја* нѣтъ никакихъ данныхъ даже для догадокъ.

Ал-Маххāръ съ особой любовью посвящаетъ себя *заджалю* и здѣсь его талантъ пріобрѣтаетъ весь блескъ. Онъ знаетъ объ испанскомъ происхожденіи его любимой формы: «Я магрибинецъ по рѣчи, но самъ то изъ сирійцевъ»[2]). Почти всегда въ послѣдней строфѣ у него появляется излюбленное прозвище, напоминающее персидскій *тахаллуç*, съ не особенно скромной оцѣнкой своихъ талантовъ: ал-Маххāръ считаетъ себя имамомъ въ избранномъ родѣ поэзіи[3]), съ нимъ не можетъ сравниться Ибн-Рашӣḳъ[4]), имя его превратилось въ поговорку[5]) и никому за нимъ не угнаться[6]). Нужно сказать, что и нѣкоторые современники раздѣляли то же мнѣніе: одинъ изъ корреспондентовъ поэта въ отвѣтномъ произведеніи (л. 103ª—104ᵇ) приравниваетъ его *заджаль* къ твореніямъ Ибн-Ḳузмāна,

---

1) Gies, op. cit. 33.

2) Л. 199ª: مغربى لفظى لكنّى * مـن اهل الـشـام

3) Л. 206ª:

قد جيت فى الزجل امـام فى فنّى * اجـيـد الـغـزل وامدح واغـنّـى

لحـقـت الاول وىّ مـن يتبعنى * يـتّـبـعـنـى ولا يـلحـق غبارى

4) Л. 204ª:

انظر ترى ما ابـدع هـذا الـزجـل * من فكرة المحّـار مـا فـيـه زلـل

قد جـا حـلـو احـلا من العسل * رشـيـق مـا قال مثلو ابن رشيق

5) Л. 219ª:

كـذا تـصـلح الفكر * كـذا يعمل الزجل

فى طـلاوة الخـمـر * فى حـلاوة العسل

وانا هو المحّـار عمر * بيا عاد ضرب المثل

فى المـوشّح والقصيده و الزجل ليس يـلحـق

6) Л. 237ᵇ:

زجـلى مـثـل مـعـشـوقى حـلـو الادب

من يـسـمـع كـلامـه يميـل به طـرب

وانـا نـور سـراجـى اضـا مـن حـلـب

واهل الادب تدرى انّى اى من تبعنى فى فنى تكلف وانا على غيظ رقيبى

نطرب بذكرى حبيبى جلاسى ذكرت الحبيب صلّو

Ср. еще 208ª: ما املح واحلا زجلك يا محّار * كالدرّ واغـلا واعـلى مـقـدار

Случай *тахаллуçа* безъ прославленія л. 202ᵇ:

قوم وغنّى يا محّار قد نطر فى الغزو لى جيش عوينات غزالى.

а *мувашшахъ* Ибн-Бака[1]). Отсюда же узнаемъ, что ал-Маххаръ отличался талантами въ пѣніи и каллиграфіи, мало уступая въ послѣдней Ибн-Муклѣ и 'Али-ибн-Хилалю[2]). Гдѣ кончается въ этихъ похвалахъ истина и начинается комплиментъ, опредѣлить намъ едва ли возможно. Это и не представляетъ необходимости: несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что въ области народной строфической поэзіи ал-Маххаръ долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ среди своихъ современниковъ. Для признанія этого надо, конечно, ожидать ближайшаго знакомства съ дивaномъ, который теперь болѣе или менѣе доступенъ при наличіи александрійской рукописи.

Изданіе дивaна по одной рукописи не представляется особенно рискованнымъ предпріятіемъ, благодаря ея удовлетворительности и сравнительно аккуратному выполненію. Оно явится желательнымъ и для спеціалиста по эпохѣ сирійскихъ айюбидовъ, котораго привлечетъ историческое значеніе дивaна, и для арабиста діалектолога. Подъ руками послѣдняго произведенія ал-Маххара дадутъ такой же цѣнный и разнообразный матеріалъ для изученія сирійскаго говора, какъ въ болѣе раннюю эпоху Ибн-Кузманъ для андалусскаго или въ болѣе позднюю Ибн-Судунъ для египетскаго.

III.

(Образцы произведеній ал-Маххара. Его оды. Пьеса въ честь города Хама. Газели. Мувашшахъ. Заджали).

Не имѣя въ виду полнаго изданія дивaна, я позволю себѣ привести лишь нѣсколько образцовъ, заимствованныхъ по возможности изъ всѣхъ отдѣловъ. Единственная рукопись уже сама по себѣ препятствуетъ критичности изданія и текстъ едва ли вездѣ одинаково удовлетворителенъ. Въ особенности это можно сказать о заджаляхъ, изъ которыхъ каждый заслуживалъ бы спеціальнаго изслѣдованія. Я же, еще съ большимъ правомъ, чѣмъ бар. В. Розенъ, могу повторить: «J'avoue volontiers que je ne comprends pas tous les vers cités»[3])

Изъ одъ мною взяты два небольшія произведенія въ честь главнѣйшихъ покровителей поэта ал-Мелика ал-Музаффара и ал-Мелика ал-Афдаля; по своему характеру они ничѣмъ не отличаются отъ аналогичныхъ произведеній другихъ поэтовъ.

---

1) Болѣе обычное имя этого извѣстнаго андалусскаго поэта Ибн-Баки, см. Hartmann, op. cit. 31-33, № 43.

2) Два знаменитыхъ каллиграфа, создатели школъ, извѣстныхъ по ихъ имени, см. Huart, Les calligraphes et les miniaturistes de l'Orient musulman — стр. 74 слѣд. и 80 слѣд. (Послѣднему принадлежитъ константинопольская копія дивaна Селамы).

3) Notices sommaires—247.

15а وله يهنّئه بشهر الصوم وقد جاء فى تشرين

قد جاءنا الصوم فى أيّام تشرينٍ … فمن ترى فيه عن همّى يسلّينى
أصبحت عن حليَ الكأسات معتزلاً … كرهًا على أنّ لا إكراه فى الدين
و إنّما جاء فى فصل يطيب به … لعب الرياح بأعطاف الرياحين
والماء قد رقّ منه جسمه وصفا … كأنّه دمعة من عين محزون
والشمس قد ضربت أيدى الرياح لها … ركن الغمائم أمثال الصواوين
والقضب قد ذهبت أوراقها وثنت … أعطافها بين تحريك وتسكين
والطير يصدح من بين الغصون لنا … والعود يفصح من بين البساتين
وغادة بضّة الأعطاف تمزج لى … كأسى وتشربها عندى وتسقينى
15б أيحسن الصبر عن هذا أيجمل بى … ترك المدام وهجر الخرّد العين
لا والّذى بعد عيد الفطر يجمع ما … بين الندامى[1] على ورد ونسرين
ومن تيقّنت أنّ الله يعقبنى … خيرًا وأجرًا على صومى ويجزينى
اخلصت للصوم منّى نيّة حسنت … له وفى الصدر منّى قلب مغبون
هذا ولولا تقىّ الدين تغمرنى … جدواه رحت بلا دنيا ولا دين
ملك تصوّر[2] من بأس ومن كرم … وصوّر الناس من ماء ومن طين
يمنّ[3] عفوًا بلا منّ فقاصده … يفوز منه بأجر غير ممنون
تشكو خزائنه الإملاك[4] من يده … والبذل لو أنّ فيها مال قارون
بخل الملوك وأبناء الملوك وقل … من السلاطين اولاد السلاطين[7]
16а يسطو ويصفح عن بأس وعن كرم … مثل المثقّف بين الشدّ واللين
يغشى الوغى[5] فترى الأبطال واجبة … على الثرى بين مضروب ومطعون
بكلّ أسمر لدن القدّ معتدل … وكلّ أبيض ماضى[6] الحدّ مسنون
إذا نطقت بمدح فى خلائقه … نشرت أنفاسه عن مسك دارين
يا ابن الأطائب والأسد الضوارب بال … بيض القواضب والغرّ الميامين
تهنّ بالصوم يا ابن الأكرمين ودم … فى طيب عيش بأمن النفس مقرون
لا زال دهرك بالأعياد متّصلاً … وطول عمرك من حين إلى حين

---

1) Рук. النداما 2) Рук. تصرم 3) Рук. تمن 4) Рук. الافلاك 5) Рук. يغشا الوغا 6) Рук. ماض 7) Смыслъ стиха не ясенъ.

49b وقال يهنّئه بعيد الفطر سنة خمس وثمانين وستّمائة

كلّ يرجّى سلوة ما خلا   قلبى الّذى من وجده ما خلا
و كيف ينشيه هوى آخر   وحبّكم كان الهوى الأوّلا
50a لا تتّهموه عنكمُ سلوة   فما رأى[1] حسنكمُ من سلا
كيف يذوق الصبر عن حبّكم   والشهد من بعدكمُ ما حلا
والله ما أضمرها سلوة   عنكم ولا أكّد إلّا الولا
لا يأتلى بذكركم دائمًا   من غير آيات الهوى ما تلا
أليس قلبى جسدى فى الهوى   ثوب ضنى[2] غادره للبلا
هو الذى كان له المبتلِى   وهْو الذى صار به المبتلى
ومدّعى العشق إذا لم يمت   فى حبّ من يهوى وإلّا فلا
يا جيرة السفح الذى مهجتى   أضحت لهم دون الورى منزلا
لا تحسبوا الودّ الّذى بيننا   يقطعه بعدكمُ والقلا
والله ما خان فؤادى ولا   حال ولا مال ولا استبدلا
وإنما ذا الدهر فى حاله   وقد قصدت الملك الأفضلا
50b ليث الوغى[3] بأسًا وغيث الندا   جودًا وأقمارًا وشمس العلا
أندى بنى أيّوب كفًّا وإن   طالوا الورى ماض ومستقبلا
أكرمها أفضلها محتدًا   أصدقها أعذبها مقولا
قصدته إذ لم أجد لى غنًى[4]   عنه ولا عن بابه موئلا
وأحزم العالم فى رأيه   من يقصد الأكرم والأفضلا
أباحنى من كفّه منهلاً   للّه ما أعذبه منهلا
وكلّما وافيته واردًا   وردت منه البارد السلسلا
ما إن تأمّلت سنا وجهه   إلّا نظرت القمر المجتلى[5]
يغشى الوغى[6] مبتسمًا عابسًا   كمثل ما يشرب كاس الطلا
ما سلّ كالفضّة أسيافه   إلّا طلاها دم تلك الطلا
والخيل ما تكدّ تجيلها   إلّا إذا أوردها القسطلا

---

1) Рук. راء   2) Рук. ضنا   3) Рук. الوغا   4) Рук. غنا.
5) Рук. المجتلا   6) Рук. الوغا.

يثنى على إحسانه دائمًا   ألإنس والوحش وطير الفلا
51a عليه من كلّ ثنا[1] حلية   لله ما أحسن تلك الحلا
مولاىَ نور الدين يا من غدا   لكلّ خلق محسنًا مجملا
تهنّ عيد الفطر واسلم ودم   لكلّ عين مقبل اقبلا

Во всемъ отдѣлѣ хвалебныхъ произведеній у ал-Маххāра наиболѣе оригинальнымъ является большая ḳаçӣда въ честь города Хамā. Къ сожалѣнію, здѣсь одной рукописи оказывается недостаточно и большинство собственныхъ именъ остается неразъясненными.

أحبّ حماة وأوطانها   وطيب هواها وغدرانها
وأهوى معالمها والربوع   ومن حلّ فيها وجيرانها
ديار تربك بها أهلها   مضافًا إلى الحسن إحسانها
أحنّ إلى تلّ صفرونها   إذا ما تذكّرت ميدانها
وأصبو إلى صفحه كلّما   سقته السحائب هتّانها
فكم قد جمعت بأسداسه   تؤام الكؤوس و وحدانها
أروح وأغدو على حتّها   فأمسى وأصبح نشوانها
بل أستغفر الله من زلّة   رجوت من الله غفرانها
وأشتاق من شاقة منظرًا   ومنظرة حسنها زانها
إذا ما أتى حولها حورها   ومال فتحسبه بانها
وغازلها الزهر عن أعين   من الرىّ تكسر أجفانها
ونهر الأرنط إذا ما سقت   نواعيرها منه غيطانها
وهبّت عليها نسيم الصبا   وباتت تلاعب أغصانها
68б وقامت حمامتها فى الغصون   سحيرًا ترجّع ألحانها
فتحسبها لاختلاف اللغات   قيانًا تحرّك عيدانها
و فى يوم أوسنها لو نظرت   رباها وعاينت كثبانها
و قد دبّج الروض كفّ الغمام   وكلّل بالدرّ تيجانها

1) Рук. ثنى.

و قد سبحت من جميع الجهات ظباء تطارد غزلانها
رأيت الجنان وقد أزلفت وحور الجنان و ولدانها
ويا طيب أيّامها إذ تميد إليها السواريب طوفانها
فتجرى مرابطها فى الرياض من اللؤلؤ الرطب عقيانها
وصوت النواعير تصبى القلوب إليها وتظهر كتمانها
كأنّ النحيلة تشكو الجوى وتندب إلفًا لها خانها
تنوح وتبكى على قلبها عساها تخفّف أشجانها
وبين السكور رايت النسيم تجىء فتردع خلجانها
فطورًا تفرّك أثوابها وطورًا تجعّد أعكانها
69a وكم جنّة دون زور الجنان متى زرتها كنت خبّانها
هناك تبسّم ثغر الأقاحى و راح يقبّل ريحانها
وضاها البنفسج خيرتها وبات يفاوح سوسنها
فبتْ فى الجزيرة وانظر بها معانى المغانى وعمرانها
مغانٍ تكاد مصابيحها تريك على البعد سكّانها
ترى البرّ بحرًا بأمواهها وحصن أبى عون بركانها
وتحسب نارنج باب المغار وقد اثقل الحمل افنانها
قبابًا بها رفعت أهلها بأعلى الأماكن نيرانها
وكم بالدُوَيْرَين مستنزه يحىّ بكأسك ندمانها
كأنّ شعاريره واليمام قسوس تخاطب رهبانها
وهيف القدود من الياسمين تماثيل تحمل صلبانها
على أنّ سكّانها لم تزل ترتّل فى الليل قرآنها
وزر أرض زاروبها واجتنى[1] جنىّ الثمار وقنيانها
69b ولا تعْد مشترف الديدبان[2] إذا حلّت الشمس ميزانها
توقّلْه واستجْل من دونه أريض الرياض وريّانها
منازه تهدى إلينا السرور وتنفى عن النفس أحزانها
فيا حبّذا بلدةً خصّها من الخير ما عمّ قطّانها

1) Sic рук. 2) Sic рук.

علتْ رتبة و زكت تربة فأمّنها الحقّ ما شأنها
وزادت أماكنها مكنة وضاعف ذو العرش إمكانها
بدار أدار عليه الاله ستور الجلالة فازدانها
بناها المظفّر عن قدرة و شيّد بالعدل بنيانها
تودّ الكواكب لو أنّها تحطّ لترفع أركانها
وقبّتها لو ينال السها مكانتها فى العلى كانها
نجوم السعادة فى أفقها تدور فتلحظ فرسانها
و واشك أرواحها إن جرت تكاد تحرّك أبدانها
وأتقن من خطّ ألقابه نضارًا فأحسن إتقانها
70a تقىّ الممالك محمودها أبا الفتح ألبا أرسلانها
وضمّخ بالمسك أبوابها وغلّف بالتبر جدرانها
وضوّع من نشر أعوادها شذاها فعطّر أكوانها
وأسبل فيها ستور الدمقس ومن مثله مدّ أشطانها
وما روضة دبّجتها الغيوم لتظهر فى النبت أفنانها
جرى فى الثرى ماءها واحدًا سقاها وخالف ألوانها
بأحسن من وضع ترنيمها وقد زانها منه ما زانها
وعوّض عن بسطها بسطةً وسامى[1] بمعناه سامانها
يقصّر عن مثلها قيصر وتغمد[2] بالعجز غمدانها[2]
وينسيك كسرى وإيوانه إذا ما تأملت إيوانها
و روشنها لو رأته الملوك لأعيا بسداة أعيانها
وكان سبى[3] عقل بلقيسها وآصفها وسليمانها
70b يلوح على عرشه قبّة تكاد تجاوز كيوانها
جرى عرق لؤلؤها فى النضار منيرًا فأظهر مرجانها
تحيّر فى بعض أوصافها عقول الرجال وأذهانها
تروقك حسنًا إذا ما نظرت إلى جانب النهر بستانها
وتجرى جداوله فى الرياض فتروى من الأرض عطشانها

---

1) Рук. ساما 2) Рук. تعمد и عمدانها 3) Рук. سبا

وكم دوحة فيها مثل العروس   تميل فتسبل أردانها
تثنّى حياءً إذا ضمّها النسيم وعانق قضبانها
وضرّج باللثم تفّادها   وكسّر بالضمّ رمّانها
ففى كل وجه لها منظر   يروق من العين إنسانها
يقصّر ذو اللبّ عن وصفها   ولو كان فى النطق سحبانها[1]
فلو لم تكن أصبحت جنّة   ومالكها بات رضوانها
لما كان شرّفها فى البلاد   وعظّم ربّ العلى شانها
71[a] وكمّل بالحسن أوصافها   وأيّد بالنصر سلطانها
وآتاه فى وضعها حكمةً   وحكمًا فأصبح لقمانها
وأعطاه معجزة فى الفخار   فكان له الجود برهانها
فتًى عشقت نفسه للسماح   فلا تعرف الدهر سلوانها
يهلّل بالبشر قاصديه[2]   وجوهًا ببذل الندى صانها
تملّك أحرارها لجميل   فكانت أياديه أثمانها
شجاع إذا حال يوم الهياج   وجدّل فى الحرب أقرانها
ترى بطل الحرب مقدامها   وليث الفوارس شجعانها
ببيض الصوارم ضرّابها   وسمر اللهاذم طعّانها
كأنّ مواضيه قد مثّلت   رؤوس أعاديه أجفانها
إذا ركضت خيله بالشآم   تُزَكّرك بالفرس موغانها
أذلّ الفرنج وأفرنسها[3]   وأردى التتار وقآنها
فسل عنه سيسا وتكفورها[4]   وقد خاض بالجيش جيحانها
71[б] وأخلى البلاد من المارقين   وأفنى الطغاة وطغيانها
⌜و⌝[5] ردّ كنائسها للإله   بيوتًا ونكّس أوثانها
اعاض عن الشرك إسلامها   وعن كفرها المحض إيمانها
وعمّا قليل ترى خيله   الفرات تأمّ خراسانها
وترغب مروًا وأعمالها   وترجف قمًّا وقاشانها

---

1) Sic рук. 2) Текстъ искаженъ. 3) Рук. افريسها 4) См. выше стр. 12, примѣч. къ л. 66[a]. 5) Рук. оп.

فتترك بلطو وأشياعه   بأوّل من خان ألحانها [1]
مهابة ملك تدين الملوك   ...... [2] وتظهر إذعانها [1]
أيا ابن الملوك الأولى أنجبوا   كرام الرجال وفتيانها
ولم يأتلوا فى قراع الخطوب   كماة الحروب وشجعانها
تمـلّ عروسا لأوصافها   محاسن تزهل ..انها [3]
مضمّنه صحف المكرمات   و ذكرك أصبح عنوانها
على كلّ ديوان شعر يطيب   ثناك ويرفع ديوانها
وعش آمنًا من صروف الزمان   قرير النواظر وسنانها

Въ отрывкахъ ал-Маххāра замѣтенъ уже тотъ непринужденный стиль, которымъ отличается его мувашшахъ и заджаль; въ нихъ гораздо больше обнаруживается его поэтическая индивидуальность, съ трудомъ подчиняющаяся схоластическимъ рамкамъ.

110б كتب الهوى بمدامع العشّاق   فوق الخدود رسائل الأشواق
لاتنكروا جمر الدموع فانّها   أروادنا تجرى من الآماق
يال الرجال لقد دهيت من التى   ما للقتيل بسحرها من واق
نظرت عيونى أعينًا سفكت دمى   فبليّتى أبدًا من الاحداق
و بهجتى رشأ إذا لاحظته   عاينت بدر التمّ فى الإشراق
111а إن هزّ فى حلل الجمال قوامه   أ رأيت غصن البان فى الأوراق

112а إن أعرضت ليلَى وشطّ مزارها   عن ناظرىّ ففى فؤادىَ دارها
أحببتها بدويّة ألحاظها   خرصانها وقوامها خطّارها
سفكت دماء العاشقين تعمّدًا   ياللرجال وليس يؤخذ ثأرها
اهًّا على عيش تقضّى لى بها   والدار مشرقة بها أنوارها
112б ماكان ذاك العيش إلاّ سكرة   رحلت لذاذتها وحلّ خمارها

---

1) Текстъ не ясенъ. 2) Въ текстѣ пропускъ. 3) Послѣднее слово не разборчиво.

115б خلعت على عشق الملاح عذارى   وأصبحت من ثوب التكلّف عارى
وأخلصت فى دين المحبّة مذهبى   فبات لباسى ذكرهم وشعارى
وأظهرت فى الأكوان صدق مودّتى   فكان على قطب الجمال مدارى
فأين محلّ اللوم منّى وقد علا   بذكرهم بين الأنام منارى
وحملت أعيان الغرام بمهجتى   وإن شبّ ما بين الضلوع أوارى
116а لعلّ الليالى أن تمنّ بعودة   وتقرب من دار الأحبّة دارى

124а وله فى الياسمين الأبيض

كأنّ الغصون من الياسمين   وأزهاره حين يعلوه طيب
نساء من الروم هيف الخصور   على صدر كلّ فتاة صليب

117б أتانى من جنابكم كتاب   فديت بمهجتى ذاك الكتابا
ففضت ختامه فشممت طيبًا   تضوّع من حديثكم فطابا
فهاج صبابتى وأثار وجدى   وضاعف نار أشواقى التهابا
كتاب ما سمعت ألذّ ممّا   سمعت بطيّه منكم خطابا
ولا أشهى إلى عينى جمالًا   ولا أحلى إلى قلبى عتابا
ظفرت به على يأس كأنّى   وردت به على ظمإٍ شرابا
118а ولو أنّى قدرت لطرت شوقًا   وكنت إليكم عنه الجوابا

Размѣръ приводимаго ниже мувашшаḥа представляетъ слѣдующій видъ (въ порядкѣ арабскаго шрифта): — ⏑ — | — — ⏓ || ⌐—¬ — ⏑ | ⏓ — ⏑ | ⏓ — ⏑ Такимъ образомъ первая часть даетъ полустишіе обычной классической схемы шестистопнаго мутаḳāриба, вторая же составлена изъ по-классическаго сочетанія *маф‘ӯлун* (resp. *фа‘ӯлун*) + *фā‘илун*. Основная тема — *маṭла‘* состоитъ изъ двухъ стиховъ, чередующаяся — *дауръ* изъ трехъ и повторяется пять разъ; и въ той, и въ другой риѳмуютъ между собой соотвѣтственно нечетныя и четныя части стиха.

140б خلعت العذار على الكأس   وأمست مذهبى
مدام أضاءت كمقباس   فى جنح الغيهب

عروس جلاها المدير على خطّابها
141[a] فضاءت كشمس تنير لدى أكوابها
جلاها هلال سفور وحيّانا بها
وأهدى[1] لنا الطيب والآس عن ثغر أشنب
وأبدى[2] لنا الورد والآس بخدّ مذهب
هلال أدار الشموسا على جلّاسه
فأنعش منّا النفوسا شذا أنفاسه
وشعشعها خندريسا لنا في كأسه
ونحن على شاطى بأناس بروض مخضب
بأرغد عيش وجلّاس وأهنا مشرب
أهيم وهلّا أهيم إلى وصل الدمى[3]
و وجد فؤادي قديم بغزلان الحمى
وبى ظبى سرب رخيم سما بدر السما
يرينا إذا مال أو ماس قوامًا يستبى
141[б] فيا من رأى الغصن ميّاس وظبى الربرب
قضيبًا أغار الغصونا بثنى عطفه
وساق لقلبى المنونا بما في طرفه
بخدّ وصدغ سبينا بوادي عطفه
فيا حسن ما قال من قاس إذا لم يكتب
بدر[4] التمّ قد لاح للناس في برج العقرب
وساق يطوف بخمر بها يشفى الألم
تغنّى[5] بأحسن شعر وأشجاها نغم
فقلت وقد مال سكرى برأسى واحتكم
أدرها عقارا فلا آس سواها واشرب
وغنّ على الطاس والكاس وطرّب واطرب

1) Рук. اهدا. 2) Рук. ابدا. 3) الدما. 4) Размѣръ искаженъ.
5) Рук. تغنا.

Первымъ образцомъ заджаля я беру тотъ, которымъ, по словамъ рукописи, ал-Маххāръ началъ въ юношествѣ свою карьеру. *Маṭла‘* состоитъ у него изъ одного стиха, разбитаго на четыре части съ риѳмой между второй и четвертой. *Дауръ*, повторяющійся шесть разъ, содержитъ три стиха, гдѣ каждый по схемѣ представляетъ повтореніе полустишія *маṭла‘* съ общей для всѣхъ четныхъ частей риѳмой; нечетныя части въ первомъ *даурѣ* риѳмуютъ съ четными, въ прочихъ только между собой.

198а وله ممّا ابتدأ به فى عنفوان الشباب رحمه الله

الشتا ولّا من امس وهو عابس   والربيع جانْا بالراجل والفارسْ
جانا فى آخر اذاره   بامطاره
وكسا بهجة نوّاره   بانواره
وقم من حول أنهاره   بازهاره
فترى النوفر شى عايم وشى غاطس   وكذا الأغصان ذا مايل وذا مايس
يا ما ازها بسط الازهار   على اللوان
198б والبنفسج كنّو[1] مختار   من السوسن
والنسيم وفا بالاخبار   عن الريحان
فلا رطب إلا قد هزّو[2] ولا يابس   فهدانا طيب المغروس الى الغارس
بالله خمس اشيا تكفانى   بلا حادث
جلست فى خانة نصرانى   وانا وارث
والشراب والكاس ذا ثانى   وذا ثالث
وحبيبى قلبى هو الرابع وانا الخامس   فالله يجعل وقتى دايم بلا سادس
من هو فى سعدى   ويا سعده
من نحبه يشرب عندى   وانا عنده
ويقول اجنى من خدّى   جنى ورده
واحترز من اسود جفنى فهو الحارس   واعتجب كيف انّه يحمى وهو ناعس
حذرى ما احلا خُنّارى   فى سكراتو[3]
كيف يغنّى لى اشعارى   بنغماتو
199а وتريح منّى اسرارى   باحناتو

---

1) = класс. كأنّه.   2) = هزّه.   3) = سكراتِهِ и т. д.

وايش [1] يكون اهنا من عيشى وانا جالس   وحبيب قلبى يتمالا ويتكايس
انا هو الحمّار فى فنّى   أديب نظّام
لى جزالة أزجال تغنى   عن استفهام
مغربى لفظى لكنّى   من اهل الشام
لا بلدى قفصه [2] هى بلدى ولا قابس   ولا غرناطه تدريها ولا اسفاقس

Особенностью слѣдующаго заджаля является то, что его *маṭла‘*, состоящее изъ одного стиха съ риѳмующими полустишіями, не повторяется въ концѣ. *Даур* въ два стиха повторяется девять разъ; три первыя полустишія имѣютъ въ немъ общую риѳму, четвертое риѳмуетъ съ *маṭла‘*.

204б اذا نام القمرى وغنّا الهزار   رقص البان وصفقت الانهار

انظر الى الغصون اذ تميل   لمّا قالوا صحّ النسيم العليل
كيف قد اومت للروض بالتقبيل   من فرحها والقت عليها الستار

قالوا ضحك الزهر لدمع الحيا   وذا كلّه ما غير نفاق و ريا
والا لما اشرق عليه الصبا   لا بما حاله قد شقّق الاطمار

يا ما ازها زهر الربيع فى ابتسام   لما تجرى عليه دموع الغمام
205а كلّ زهره معقّد الاكمام   الا ورده محلّل الازرار

زمن الورد اطيب الازمان   يسمّا فى اراضى السلوان
وكفوف المنثور على الوان   والجداول عليها مثل السوار

اشرب اشرب واملا لى كاسى الكبير   واياك ان تسقنى بالصغير
فنهار الهنا نهارًا [3] قصير   والا بالله هات بالصغار والكبار

ما ترى الورد بالهنا انكلّل [4]   كنّو [5] وجنات محبوبى حين يخجل
او كانّه وقد علاه الطلّ   الحباب لمّا ان يعومْ على عقار

---

1) = واىشىْء.
2) Рук. قعصه, но см. Йāḳӯтъ (Wüstenfeld) — IV, 151.
3) = نهارٌ.   4) = класс. تكلّل.   5) = كأنّه.

والشحارير بين اوراق الزرجون يبكى شجو المتيم المحزون
والبلابل يغنّى فوق الغصون بطرايق تغنينا عن اوتار

اغنم اغنم بالله هذى الاوقات والبراها[1] قبل ان يقولوا مات
ولا تبكى اصلا على ما فات على درهم ولا على دينار

انا ندرى طرايق الازجال ونشوف فيها احسن الامثال
ويّ[2] من كان يدرى لدى المنوال قال لى والله احسنت يا محّار

Въ послѣднемъ приводимомъ мною заджалѣ *матла*ʿ имѣетъ тоже одинъ стихъ съ риѳмой у двухъ неравномѣрныхъ частей. *Дауръ* изъ трехъ стиховъ, равныхъ по схемѣ первой части *матла*ʿ, повторяется семь разъ съ самостоятельной риѳмой.

211а سافر حبيبى ترى وايش خبره في سفره
سافر وخلّانى بين اضدادى
امواه عيونى ونار اكبادى
نكثر على اثره تردادى
وخذ طريق صبرى بعده دثره من اثره
قلبى على نار هواه يتقلّا
لو سُلِى ما نطيق نتسلّا

211б وطرفى ماغمض جفونه الّا
من نوم غاب المليح عن نظره ينتظره
ترى الذى بالهوى ابلانى
بحاجبيه عقد اجفانى
او زاد الى ليلى ليلا ثانى
او انّه خد منّى ليله سحره في سحره
متى ارى معشوق قد أقبل
و وجه مثل القمر او اكمل
و اقول لمن لامنى اناأمّل[3]

---

1) Рук. неясно. 2) = وايّ. 3) = класс. تاَمّل.

هذا الجمال الذى من نظره   قد بهره
اعطا الغزال النفّار من صدّه
والغصن اخذ منه خطرة قدّه
والروض سرق ورده حمرة خدّه
212ª وامّا بياض الاقاح فى زهره   من ثغره
نهوى الصغير منذ كان فى المكتب
حتى كبر واستوى و اتهذب[1]
فكيف نحد عن هواه لى مذهب
وقلبى يهوى المليح من صغره   لا كبره
كذا الزجل من كلامى يعمل
وسحر بابل فى لفظى يخجل
ويّ[2] من تمعنا فى نظمى يذهل
اذ كل معنى تريد نفتكره   نبتكره

И. Крачковскій.

Финляндія.
Лѣто 1913 г.

1) = класс. تهذّب.   2) = وايّ.

Опредѣленіе языка второй категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей по даннымъ яфетическаго языкознанія.

(Предварительное сообщеніе [1]).

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Европѣ появилось печатное свѣдѣніе объ Ахеменидскихъ надписяхъ, въ томъ числѣ объ интересующемъ насъ языкѣ второй категоріи [2]). Спустя сто съ лишнимъ лѣтъ, именно въ 1836-мъ году, о загадочномъ языкѣ, тогда еще называвшемся мидійскимъ, какъ и о двухъ другихъ, древне-персидскомъ и ассирійскомъ, существовали еще, по выраженію Eugène Burnouf'a, лишь «смутныя и малоудовлетворительныя свѣдѣнія» [3]). Съ тѣхъ поръ тѣми же памятниками языка 2-й категоріи занимается, вотъ уже второе столѣтіе, длинный рядъ оріенталистовъ. Здѣсь нѣтъ надобности повторять ихъ имена. Настойчивыя и систематическія изысканія послѣ Oppert'a [4]) завершились исчерпывающимъ и наглядно представляющимъ всѣ завоеванія науки въ этой области до 90-хъ годовъ прошлаго вѣка трудомъ Weissbach'a [5]) и дающимъ прекрасные снимки скульптуръ и надписи Дарія съ англійскимъ переводомъ изданіемъ совмѣстныхъ усилій King'a, Thompson'a и Budge'a [6]). Все, что могли сдѣлать энтузіазмъ европейцевъ, ихъ непоколебимая вѣрность разъ

---

1) Докладъ, читанный въ Восточномъ Отдѣленіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества 26 апрѣля 1912 г.

2) Chardin, *Voyages en Perse* etc., Парижъ 1811, XIII, стр. 244, примѣчаніе 2-е *Langlès*.

3) *Mémoire sur deux inscriptions trouvées près d'Hamadan*, Парижъ 1836, стр. 2: des notions vagues et peu satisfaisantes.

4) Основая работа Jules Oppert'a по данному вопросу — *Le peuple et la langue des Mèdes*, Парижъ 1879.

5) *Die Achämenideninschriften zweiter Art*, Лейпцигъ 1890.

6) *The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the rock of Behistūn in Persia.* A new collation of the Persian, Susian, and Babylonian textes, with english translations, etc., Лондонъ 1907.

зачатому научному интересу, недосягаемая для насъ легкость организаціи коллективной работы, систематичность, хорошая школа и ея традиціи, все было сдѣлано, все было проявлено, и всетаки нынѣ вопросъ объ интересующемъ насъ языкѣ по существу стоитъ въ томъ же положеніи, какое нѣкогда характеризовалъ Burnouf словами: «смутныя и малоудовлетворительныя свѣдѣнія».

§ 2. За рѣшеніемъ вопроса обращались и продолжаютъ обращаться къ такъ называемымъ «кавказскимъ» языкамъ, прежде всего и бо́льше всего къ одному изъ нихъ, именно къ грузинскому. Но это обращеніе по существу не привело ни къ какимъ реальнымъ, ни къ какимъ прочнымъ результатамъ. И. А. Джаваховъ далъ обстоятельный отчетъ объ этихъ работахъ въ статьѣ: *Обзоръ теорій и литературы о происхожденіи грузинскаго языка*[1]). По обыкновенію, статья грузиновѣда, написанная по-русски, не обратила на себя ничьего вниманія, а въ кругахъ, гдѣ могли ее прочитать, мнѣ приходилось слышать нѣкоторый упрекъ въ недостаточно почтительномъ отношеніи автора къ извѣстнымъ европейскимъ ученымъ, пользующимся авторитетомъ. Между тѣмъ мишенью для удара была выбрана не степень авторитетности ученыхъ, а количество знанія того языка, которымъ они думали пользоваться какъ ключемъ для опредѣленія загадочныхъ языковъ клинописи различныхъ системъ. Правда, рѣчь шла о грузинскомъ языкѣ, почти никому въ Европѣ научно неизвѣстномъ, и менѣе всего кунеологамъ. Но это обстоятельство и заставляетъ насъ вспоминать о необходимости, чтобы изслѣдователь удовлетворялъ извѣстнымъ требованіямъ. Никому въ голову не придетъ публично, устно или печатно, требовать, чтобы языковѣдъ при пользованіи примѣрно, греческимъ языкомъ или санскритомъ зналъ изъ даннаго языка по крайней мѣрѣ склоненіе, отличалъ бы въ немъ 1-е лицо аор. или настоящаго отъ 2-го лица и т. п., не придетъ въ голову говорить о такихъ требованіяхъ, такъ какъ, если бы изслѣдователь, завѣдомо нуждающійся въ такомъ наставленіи, основывалъ рѣшеніе какой либо научной проблемы цѣликомъ на греческомъ или на санскритѣ, его книги кромѣ автора и развѣ еще личныхъ его друзей никто и въ руки не взялъ бы; между тѣмъ изъ грузинскаго языка хотѣли сдѣлать ключъ къ разрѣшенію одной изъ труднѣйшихъ задачъ современной филологіи лица, незнакомыя съ элементами грузинской грамматики, и изъ этихъ хотѣній создавалась и создалась цѣлая какъ бы научная школа, и когда въ такомъ грѣхѣ повинны авторитетные ученые, онъ отъ этого не становится болѣе легкимъ, а, на оборотъ, болѣе тяжкимъ. И въ этомъ смыслѣ я не только готовъ раздѣлить съ И. А. Джаваховымъ упрекъ, направленный противъ него, но

---

1) ЖМНП, Новая серія XVI (1908, № 8), отд. 2, стр. 241—258.

и склоненъ упрекнуть его въ слишкомъ снисходительномъ отношеніи къ авторамъ подобнаго рода работъ. Мысль, на которую они напали, была естественна: отыскать для неизвѣстнаго языка, явно не имѣвшаго по общему признанію ничего общаго ни съ семитическою, ни съ индоевропейскою, ни съ турецкою или, какъ не-туркологи продолжаютъ именовать, урало-алтайскою семьею, ключъ въ языкѣ, также, казалось, ни съ одною изъ перечисленныхъ семей не имѣвшемъ ничего общаго. Но путь, котораго они упорно держались и держатся, анти-научный, ибо наглядно демонстрируется законность рѣшенія проблемъ высшей математики безъ элементарнаго знанія ариѳметики. Въ результатѣ получилось такое положеніе, что не только толкованіе такихъ кунеологовъ не получило общаго признанія, но они возбудили основательное сомнѣніе въ плодотворности самой идеи. Одинъ изъ скептиковъ, именно Weissbach, указалъ даже на рядъ лингвистическихъ основаній противъ возможности родства языка 2-й категоріи съ «кавказскими», по устарѣлой терминологіи, языками. И никто изъ кунеологовъ-«грузиновѣдовъ» не могъ возражать на замѣчанія Weissbach'а, такъ какъ въ такъ называемыхъ «кавказскихъ» языкахъ они были столь же компетентны, какъ Weissbach, который въ числѣ своихъ возраженій—одно (мы попутно, быть можетъ, коснемся и другихъ) формулировалъ такъ: «въ кавказскихъ [какъ онъ называетъ] языкахъ большая бѣдность въ гласныхъ»[1]) при богатствѣ согласныхъ. Это въ извѣстной мѣрѣ правда въ отношеніи грузинскаго, гдѣ однако излюбленныя группы согласныхъ допускаются лишь въ началѣ словъ, но и тамъ, какъ теперь выяснено, это результатъ исторической жизни даннаго языка, именно грузинскаго, гдѣ долгіе и двугласные сократились въ краткіе и простые, а простые и краткіе сократились въ полугласные, которые или исчезали безслѣдно или замѣнялись плавнымъ r. «Кавказскіе», какъ именовалъ Weissbach, или правильнѣе яфетическіе языки изъ числа кавказскихъ (рѣчь идетъ о нихъ), отнюдь не исчерпываются грузинскимъ. Изъ нихъ въ сванскомъ наблюдается богатѣйшее развитіе гласныхъ, въ немъ сохранена долгота и краткость[2]), въ немъ сохранены полугласные, въ немъ обыкновенно избѣгается стеченіе согласныхъ такъ называемымъ ирраціональнымъ звукомъ ə, какъ въ языкахъ Арменіи и т. п. Этого мало. Изъ чистыхъ яфетическихъ тубал-каинскіе, представляющіе раздвоеніе ш-языка, тѣмъ и характеризуются, что въ нихъ излюблено полногласіе, напр. 1) к̔. ďağl-i *собака*—м. и ч̔. ḍoğor-i, св. jeğw, 2) к̔. ṫabl-i *каш-*

1) ц. с., стр. 46 (на основаніи Müller'а): «In den Kaukasischen Sprachen ist die grosse Armut an Vocalen» . . .

2) Долгіе гласные сохранились діалектически и въ грузинскомъ, напр. въ «мт̔іульскомъ» говорѣ, какъ только-что наблюлъ А. Г. Шанидзе.

танъ—м. и ч̔. ṭubur-i, св. [съ перемѣной значенія] heb, шх, чл, тх yeb (||*hebw) *черешня*, 3) к̔. kreba—м. korobua, св. li-q̇wri (тр *собирать* плоды) и др., 4) к̔. ϑreml-i *слезы*—т.-к. ϑ̣ilamur-i, св. qim (вм. *qirm∾qimr, мн. qimr-ăr). Это одно изъ элементарныхъ свѣдѣній по яфетическому языкознанію, теперь извѣстныхъ уже студентамъ 3-го семестра. Правда, Weissbach имѣлъ еще оправданіе: онъ ссылался на Fr. Müller'а, но вѣдь тѣ кунеологи-«грузиновѣды», мнѣніе которыхъ оспаривалось такимъ путемъ, должны же были обладать столь элементарными свѣдѣніями независимо отъ работъ, имѣющихъ библіографическое значеніе для однихъ антикваровъ!

То, что было достигнуто въ этомъ направленіи независимо отъ яфетидологическихъ работъ, лучше всего можно видѣть изъ заключеній Hüsing'а, наиболѣе ревностнаго и часто остроумнаго толкователя языка 2-й категоріи и вообще «эламскаго» на основаніи грузинскаго. «Въ принадлежности эламскаго къ кавказскому стволу языковъ», писалъ онъ еще въ 1905 г. въ OLZ[1]), «болѣе не можетъ быть никакого сомнѣнія, за это ручается поразительное сходство структуры. Вопросъ иной, не скрываютъ ли кавказскіе языки въ себѣ еще другую, исчезнувшую семью языковъ. По отношенію къ эламскому это можно утверждать съ достаточной увѣренностью, такъ какъ первоначально въ странѣ говорили по-сумерски». Не находя однако въ своихъ изысканіяхъ опоры для установленія болѣе близкаго или хотя бы сколько-нибудь яснаго соотношенія съ грузинскимъ языкомъ, Hüsing писалъ (ц. с., стр, 552): «что касается кавказскаго родства, мы не должны забывать огромный промежутокъ времени, который отдѣляетъ древне-эламскій отъ нынѣшнихъ остатковъ древнихъ кавказскихъ языковъ. Древнѣйшій текстъ на эламскомъ языкѣ (изъ Бушеhра) имѣетъ возрастъ около $4^1/_2$ тысячъ лѣтъ. Съ 1200 года до Р. Хр. языкъ не былъ уже въ согласіи съ письмомъ. Слѣдовательно, мы можемъ ждать лишь единства строя съ кавказскими языками, не болѣе». Это не мѣшало однако Hüsing'у пытаться сравнивать и слова, хотя бы и съ рискомъ стать смѣшнымъ (ц. с., стр. 552). Въ концѣ концовъ и онъ выражалъ желаніе, чтобы «кавказское языковѣдѣніе» обратило вниманіе на Эламъ[2]), но никто не чувствовалъ потребности предварительно озаботиться научной постановкой теоретическаго изученія тѣхъ языковъ, которыми хотѣли воспользоваться какъ ключами, никто не интересовался выясненіемъ ихъ исторической и сравнительной грамматики, безъ чего и у спеціалистовъ по «кавказскимъ» языкамъ, въ томъ числѣ и грузиновѣдовъ, не могло быть авторитетнаго мнѣнія.

1) *Zur Elamischen Genitiv-Konstruction*, стр. 553.

2) ц. с., стр. 550: «Henrich Winkler hat vollkommen recht gehabt als er das Elamische den Kaukasussprache zugestellte und es wird nun endlich Zeit, dass auch die Kaukasische Sprachforschung sich um Elam bekümmert».

Впрочемъ въ нѣкоторыхъ языковыхъ матеріалахъ клинописи, случайно привлеченныхъ при сопоставленіи съ грузинскимъ, всплыли разительныя сходства, иногда дѣйствительныя, иногда мнимыя; въ общемъ они продолжали поддерживать и поддерживаютъ всетаки интересъ къ вопросу о связи языка 2-й категоріи съ грузинскимъ. И даже такой скептикъ въ данномъ отношеніи, какъ Weissbach, не довѣряя, очевидно, познаніямъ кунеологовъ-«грузиновѣдовъ» въ нужныхъ ему языкахъ Кавказа, ставилъ вопросъ грузиновѣдамъ-некунеологамъ, чтобы они высказали свое авторитетное мнѣніе.

§ 3. Грузиновѣды не откликались и откликнуться не могли, такъ какъ, во-первыхъ, грузинскій самъ по себѣ не представляетъ данныхъ, на которыхъ можно было бы легко обосновать опредѣленіе языка 2-й категоріи. Здѣсь приходится повторить, списывая буква въ букву, начальныя строки моей работы *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*[1]), если желаемъ характеризовать истинное положеніе дѣла:

«Вопросъ о родствѣ... съ яфетическими не могъ раньше научно быть поставленъ. Въ наукѣ не только терминъ «яфетическій» былъ еще неизвѣстенъ, но не существовало опредѣленнаго и яснаго представленія о самихъ языкахъ, грузинскомъ и родственныхъ съ нимъ, составляющихъ яфетическую вѣтвь ноэтической семьи».

Можно себѣ представить, какъ была бы затруднена задача кунеологовъ, если бы для разбора древне-персидскихъ клинообразныхъ надписей спеціалисты располагали лишь эмпирическимъ знаніемъ одного ново-персидскаго языка, или если бы толкованіе ассирійской клинописи приходилось обосновывать на традиціонномъ знаніи одного эѳіопскаго языка. Какъ для ассиріологіи, какъ никакъ, надо было опереться на грамматику, по возможности сравнительную, семитическихъ языковъ, какъ для дешифровки персидскаго столбца Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей единственной прочной базою являлась сравнительная грамматика арійскихъ языковъ, такъ безъ сравнительной грамматики грузинскаго и родственныхъ съ нимъ языковъ и думать нельзя было отвѣтить на обращенный къ нимъ кунеологами вопросъ.

Съ другой стороны, обоснованіе этой сравнительной грамматики или яфетическаго языкознанія, совершенно независимо отъ кунеологовъ, вело насъ постепенно къ клинописи и, наконецъ, поставило передъ нами вопросъ, которому посвящено настоящее сообщеніе.

§ 4. Достигнутые пока успѣхи яфетическаго языкознанія не то, чтобы облегчили, они въ первый моментъ затруднили дѣло. Манившія и манящія изслѣдователей созвучія оказались случайными явленіями или заимствова-

---

1) Матеріалы по яфетическому языкознанію. V, § 1.

ніями. Во всякомъ случаѣ они потребовали провѣрки путемъ какъ исторической, такъ особенно сравнительной грамматики; только послѣдняя, устраняя миражныя отожествленія, вскрываетъ новыя, уже прочныя нити родства, благодаря образованіямъ, не бросающимся въ глаза первому встрѣчному, и словамъ, отнюдь не созвучнымъ, но для воспріятія ихъ требуется нѣчто иное, чѣмъ одинъ слухъ, удовлетворяющійся созвучіемъ. Нужно знаніе всей весьма сложной гаммы яфетическихъ звуковыхъ переходовъ, чередованія или движенія, какъ то переозвонченія (нисхожденія и восхожденія), паденія и подъема, отупѣнія (дессибиляціи и дезаспираціи) и обостренія (ассибиляціи и аспираціи), раздвоенія согласныхъ (играющаго роль удвоенія), перебоя или взаимообмѣна антиподныхъ звуковъ и т. д. Звуковыя явленія, подводимыя подъ эти отвлеченныя категоріи, какъ они ни обычны въ яфетическихъ языкахъ, незнакомымъ съ ними, съ этими языками, кажутся невѣроятными, и отсюда недовѣріе и сомнѣнія въ состоятельности нашихъ теоретическихъ категорій; однѣ онѣ, эти категоріи, не должны бы вызывать сомнѣнія только потому, что въ нихъ отражается безъ всякихъ теоретическихъ урѣзокъ, безъ прикрасъ дѣйствительность, какъ она есть. Не наша вина, что въ яфетическихъ языкахъ существуютъ такія «невѣроятныя» явленія. Казалось бы, болѣе невѣроятно, чтобы голословно опорачивались утвержденія, основанныя на почти четвертьвѣковыхъ все возраставшихъ и въ ширь и въ глубь наблюденіяхъ и надъ письменнымъ и надъ устнымъ матеріаломъ; невѣроятно, чтобы бросались ихъ автору обвиненія въ томъ, что у него будто всѣ звуки переходятъ во всѣ звуки. Я очень жалѣю, что такое тяжкое обвиненіе, гдѣ-то кѣмъ-то произнесенное и до меня доходившее окольнымъ путемъ, до сихъ поръ не было формулировано научно и не высказывалось печатно. Переходы звуковые дѣйствительно разнообразны, но не въ предѣлахъ одного языка и не въ предѣлахъ одной эпохи, а въ предѣлахъ разныхъ яфетическихъ языковъ и разныхъ эпохъ; принявъ же во вниманіе эти источники разнообразія, мы не можемъ не удивляться, наоборотъ, простотѣ и, если можно такъ выразиться, шаблонности той схемы звуковыхъ соотношеній, которыя констатируются съ одной стороны между различными группами, между различными языками и ихъ различными нарѣчіями и говорами, съ другой — между каждой изъ нихъ въ отдѣльности и семитическими.

§ 5. Въ данный моментъ вопросъ объ отношеніи яфетическихъ къ семитическимъ намъ не нуженъ, но два, три звукосоотношенія яфетическихъ между собою полезно привести, чтобы показать, до какихъ звуковыхъ расхожденій достигаютъ живые, дошедшіе до насъ тѣ истые представители яфетической вѣтви, въ родствѣ которыхъ, по общему впечатлѣнію отъ сродныхъ явленій, никто не сомнѣвался. Уже приведены примѣры соотвѣтствія

к̒арт̒скаго ṫ—тубал-кайнскому ṭ, к̒арт̒скаго ḋ—тубал-кайнскому ḍ̂, к̒арт̒скаго ϑ̇—тубал-кайнскому ϑ̣. Если ограничиться указаніемъ аналогичныхъ соотвѣтствій въ сибилянтахъ и спирантахъ, то достаточно вспомнить—

сибилянтная группа		спирантная группа [1])
s-языкъ (к̒арт̒скій)	ш- (тубал-кайнскіе: мингр., ч̒ан.)	коренной слой сванскаго
sul-i *душа* (‖sun-i)	м. шur-i, діал. шunḍ̂-o [2])	qun (resp. *q̇un < *hun) > раздв. qwin
sam-i *три*	» *шom-i > шum-i	*q̇em (< *hem [3])
съ перебоемъ ш > ɕ ‖ съ подъемомъ ш > ḍ̂		
преф. sa-	* шо-> { 1) діал. ḍ̂o > do: 2) *ɕo > o [4]):	na- (<ya-) > la-
sa-reϑ̇-el-i *постель* [5])	м. do-rϑ̣-el-i	la-rшi-ϑe *для постланія*
sa-sϑum-al-i *изголовье*	м. o-rϑum-el-i	нѣтъ [6]).

Вспомнить развѣ еще о характерномъ сванскомъ соотвѣтствіи, именно спирантѣ h, resp. «y» при к̒арт̒скомъ ṫ и тубал-кайнскомъ ṭ (см. § 11):

yr (li-yr-i > līri)	ṭr (ч̒. on-ṭaru, м. ṭarua)	ṫr (ṫera) *писать*
hd-w (hadw)	нѣтъ	ṫd-l (ṫadili) *желаніе*

Такъ же шаблонны звукосоотвѣтствія въ другихъ рядахъ согласныхъ, а также въ огласовкѣ.

---

1) ʒ- группа, она же спирантная, представлена кореннымъ слоемъ сванскаго языка, да и здѣсь спирантъ, соотвѣтствующій к̒арт̒скому сибилянту s и тубал-кайнскому сибилянту ш,—двоякій въ зависимости отъ отложенія въ немъ двухъ языковыхъ разновидностей—h-языка и y̥-языка: h сохранился подъемомъ въ q̇ > q, а «y» преобразился по закону чередованія въ n > l.

2) Эта діалектическая разновидность сохранена въ яфетическомъ слоѣ hайскаго и армянскаго языковъ շունդ шunḍ̂ > շունթ шunϑ̣.

3) სემ sem представляетъ по 1-му согласному заимствованіе изъ к̒арт̒скаго, см. Н. Марръ, *Заимств. числит. въ яф. яз.*, Изв. Ак. Н., 1913, стр. 789.

4) Перерожденіе «a» въ «o» явленіе чисто тубал-кайнское, но не исконное, что же касается перебоя сибилянта въ спирантъ, какъ позднѣйшее явленіе, онъ не можетъ считаться исключительной особенностью ш-языка, діалектически онъ свойственenъ и s-языку, именно грузинскому, напр. въ ингилойскомъ нарѣчіи, гдѣ какъ разъ префиксъ sa- представленъ однимъ гласнымъ элементомъ a- (М. Джанашвили, საინგილო, Древняя Грузія, II, стр. 231), очевидно, восходящимъ къ *ha-. Если, однако, перебой шо- въ ɕo мингрельскаго и ч̒анскаго языка считать древнимъ, то его придется признать результатомъ вліянія спирантной группы, напр. сванскаго языка, въ его чистомъ видѣ, на языки сибилянтной группы, въ частности мингрельскій и ч̒анскій.

5) Буквально «служащій *для постланія*».

6) Въ сванскомъ вмѣсто утраченнаго коренного эквивалента имѣются заимствованія, одно изъ к̒арт̒скаго: sa-staw-il, другое изъ тубал-кайнскихъ: o-ϑül. Впрочемъ послѣднее слово, судя по префиксу, скорѣе спирантной группы (см. прим. 4).

Эти звукосоотношенія однако осложняются, когда мы считаемся съ нарѣчіями, еще болѣе при привлеченіи говоровъ; осложненіе это въ начальной стадіи разработки сбивало насъ еще тѣмъ, что діалектическими разновидностями говора или нарѣчія даннаго языка часто вытѣснялись его основныя закономѣрныя формы, и это нарушало общую систему звукосоотношеній; между тѣмъ прослѣдить до нарѣчія и до говора такія врѣзывающіяся въ стройную систему диссонансомъ явленія не всегда можно путемъ наблюденія, такъ какъ многія изъ такихъ нарѣчій и говоровъ исчезли подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ; особенно пострадалъ въ этомъ отношеніи k̔арт̔скій языкъ, лежащій въ основѣ грузинскаго литературнаго языка и подъ вліяніемъ послѣдняго утратившій всѣ свои нарѣчія. И можно себѣ представить, какое разнообразіе звуковыхъ явленій представляла Грузія въ эпоху сохранности ея діалектовъ, если въ маленькой Сваніи, протяженіемъ въ 15 верстъ по воздушной линіи въ длину, сейчасъ имѣемъ возможность наблюсти четыре нарѣчія, почти каждое нарѣчіе съ рядомъ говоровъ и подговоровъ[1]).

Этого однако мало. Скрещеніе діалектическихъ явленій происходило не только въ предѣлахъ каждаго языка особо; скрещивались различные языки одной и той же группы, скрещивались и языки различныхъ группъ, въ языкѣ одной группы отливались діалектическія явленія другихъ группъ. При этомъ въ однихъ случаяхъ скрещивавшіеся элементы оказывались въ такихъ соотношеніяхъ, что получался яфетическій языкъ мѣшанаго типа: таковъ прежде всего, напр., сванскій языкъ, въ которомъ коренной слой спирантной группы, сродный съ яфетическимъ слоемъ абхазскаго, успѣлъ съамальгамироваться съ слоемъ тубал-кайнскимъ, т. е. съ слоемъ ш-языка сибилянтной группы. Въ другихъ случаяхъ вліяніе иной группы хотя и не достигало такой степени, но всетаки преображало значительно его морфологію, какъ, напр., вліяніе какого-то яфетическаго языка, какъ раньше казалось, одного изъ тубал-кайнскихъ, именно ш-языка, на грузинскій въ образованіи мн. числа[2]). Значительно въ свою очередь вліяніе грузинскаго или k̔арт̔скаго на языки общей съ нимъ группы и на языки другой группы. И вообще нѣтъ яфетическаго языка, который не подвергался бы въ той или иной степени вліянію другого яфетическаго языка не только въ лексикѣ, но и въ грамматикѣ. Дѣло изслѣдователя осложняется еще тѣмъ, что, съ одной стороны, нѣкоторые яфетическіе языки завѣдомо вымерли, или не оставивъ никакихъ слѣдовъ или сохранившись въ переживаніяхъ языковъ особаго мѣшанаго типа, когда съ яфетическимъ сливался индоевропейскій, куда относятся, напр., оба языка Арменіи, и һайскій, и армянскій, или когда съ яфетиче-

1) Н. Марръ, *Изъ поѣздокъ въ Сванію*, ХВ, II, стр. 16.

2) Рѣчь идетъ о такъ называемомъ вульгарномъ мн. ч. на -eb.

скимъ, притомъ мѣшанаго типа, смѣшивался языкъ, на первый взглядъ, какой-то иной семьи, куда относится, напр., абхазскій. Съ другой стороны, въ чистыхъ или пока кажущихся таковыми представителяхъ яфетической вѣтви, такъ, напр., въ грузинскомъ, замѣчается такой лингвистическій слой или во всякомъ случаѣ такіе лингвистическіе матеріалы яфетическаго происхожденія, которые ни одному изъ дошедшихъ до насъ яфетическихъ языковъ нельзя никакъ присвоить. Естественно было оглянуться, для выясненія этихъ наносныхъ яфетидизмовъ, на неразгаданные языки клинописи, когда-то господствовавшіе въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Отсюда нашъ вновь народившійся интересъ къ клинообразнымъ надписямъ. Занимался я ими давно, почти со студенческой скамьи, но путь сличенія ихъ съ грузинскимъ языкомъ, освѣщеннымъ лишь его матеріалами, не приводилъ меня, какъ и слѣдовало ожидать, ни къ какимъ прочнымъ результатамъ [1]). Только опираясь на данныя яфетическаго языкознанія, въ которомъ грузинскому отводится лишь одно мѣсто, хотя и весьма почетное, но всетаки одно изъ многихъ, можно было достигнуть того, что пока достигнуто. Но и по разработкѣ яфетическаго языкознанія, не сразу удалось стать на правильный путь. Обращаясь отъ современныхъ представителей яфетической вѣтви, древнѣйшіе памятники на которыхъ не идутъ глубже VI—V-го вѣка по Р. Хр., къ языкамъ клинописи, къ языкамъ VI-го, а то и VIII—IX вѣковъ до Р. Хр., а иногда значительно болѣе древнимъ памятникамъ, я первое время мнилъ найти въ нихъ бо̀льшую сохранность, полноту формъ, наглядное оправданіе всѣхъ тѣхъ недостающихъ звеньевъ, теоретически возстанавливаемыхъ, которыхъ не досчитывались, напр., въ грузинскомъ. И только сравнительное изученіе наличныхъ яфетическихъ языковъ и ихъ діалектовъ, углубленіе въ анализъ ихъ состава выяснило, что для яфетическихъ языковъ новый періодъ, періодъ разложенія, наступилъ за тысячелѣтія до Р. Хр. [2]), что самые первые культурные представители яфетиче-

---

1) Можно только сожалѣть о напрасной тратѣ труда и времени, когда и въ настоящее время, при существованіи яфетидологической литературы, возникаютъ такія наивныя попытки, имѣвшія нѣкоторое оправданіе четверть вѣка тому назадъ. Въ соотвѣтствіи съ современнымъ положеніемъ науки можетъ показаться работа Мих. Церетели, სუმერული და ქართული *Сумерскій и грузинскій* (ვაირვვაბი, Тифлисъ 1912, стр. 27—117), болѣе пространно имѣющая появиться на англійскомъ языкѣ, однако, и въ основѣ ея не лежитъ дѣйствительное знаніе яфетидологіи, и, по моему глубокому убѣжденію, она на Западѣ посодѣйствуетъ прежде всего воспріятію неправильнаго представленія о степени лингвистической разработки грузинскаго языка.—Статья настоящая шла къ сверсткѣ, когда я увидѣлъ, что начало названной работы М. Церетели уже появилось въ англійской переработкѣ (Journal of the Royal Asiatic Society, 1913, окт., стр. 783—821: *Sumerian and Georgian: a Study in comparative Philologie*).

2) Н. Марръ, *Кавказъ и памятники духовной культуры*, Изв. Ак. Наукъ, 1912, стр. 81.

скихъ языковъ наиболѣе пострадали морфологически, что и тутъ оказались такія же соотношенія, какія наблюдаются въ области семитическихъ языковъ, гдѣ языки древнѣйшихъ памятниковъ отнюдь не могутъ поспорить по богатству формъ, по ихъ сохранности, съ такимъ молодымъ по культурности языкомъ, какъ арабскій. Грузинскій языкъ оказался среди яфетическихъ въ извѣстной степени—въ положеніи арабскаго среди семитическихъ. Такимъ образомъ для работы открылась совершенно новая перспектива; въ то же время, понятно, мы вовсе не искали и не ищемъ въ неразгаданныхъ языкахъ клинописи ни грузинскаго, ни мингрельскаго, ни чанскаго, ни сванскаго, ни абхазскаго, ни тушинскаго (цова-тушинскаго) или чеченскаго (кистинскаго), а, наоборотъ, недостающихъ намъ по нашимъ лингвистическимъ даннымъ самостоятельныхъ и лишь родственныхъ языковъ. И эти два обстоятельства поставили все дѣло на новыя основанія, и потому-то достигнуто кое-что существенное не только въ отношеніи языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ надписей, но и въ отношеніи языка ванской клинописи, въ отношеніи послѣдняго, быть можетъ, еще больше, но я выбралъ для предварительнаго сообщенія загадочный языкъ Ахеменидскихъ надписей, такъ какъ текстъ, написанный на немъ, сопровождается переводомъ на двухъ опредѣленныхъ уже языкахъ, да и чтеніе сравнительно прочнѣе установлено.

Еще одно замѣчаніе относительно реальной позиціи, которую заставляетъ принять яфетическое языкознаніе, не только вопреки традиціонному грузинскому взгляду о первенствѣ грузинскаго языка, но и вопреки школьнымъ или научнымъ традиціямъ. Дѣло касается не одного грузинскаго, не одного сванскаго, не однихъ мингрельскаго и чанскаго или иныхъ еще реликтовыхъ представителей того же лингвистическаго типа, отложившагося болѣе или менѣе яркими слоями на сѣверѣ въ абхазскомъ, тушинскомъ, чеченскомъ, ингушскомъ и къ нимъ примыкающихъ языкахъ; все это лишь остатки громадной вѣтви языковъ, яфетической, широко разстилавшейся на югъ до семитическаго міра, а на востокъ и на западъ до предѣловъ, которые хорошо намѣчаются и теперь—при наличномъ развитіи яфетидологіи, но прочно могутъ быть отвоеваны лишь дальнѣйшими ея успѣхами. При такой перспективѣ распространенія яфетидовъ естественно предполагать вліяніе ихъ на языки древняго міра, и насъ не должна смущать наличность яфетическихъ матеріаловъ въ не-яфетическихъ языкахъ и за предѣлами Арменіи и вообще территоріи клинописныхъ памятниковъ; при этомъ, быть можетъ, такіе матеріалы найдутъ объясненіе въ наслоеніи простыхъ заимствованій, но, быть можетъ, и тамъ, какъ въ Арменіи, они представятъ собою переживанія яфетическихъ элементовъ, отложившихся въ языкахъ этническихъ

новообразованій сѣдой древности, народовъ, возникшихъ въ незапамятныя времена отъ смѣшенія пришлыхъ не-яфетидовъ съ аборигенами яфетидами.

§ 6a. Языкъ 2-й категоріи я воздерживаюсь называть какимъ-либо этническимъ терминомъ. Лишь послѣ выясненія степени родства съ яфетическими и установленія мѣста его среди нихъ придется дать рѣшеніе вопроса о дѣйствительномъ его названіи, обоснованное не на свидѣтельствахъ классиковъ, мало освѣдомленныхъ въ сложныхъ лингвистическихъ условіяхъ края, а на реальныхъ языковыхъ данныхъ. Быть можетъ, тогда намъ и безъ условности придется вернуться къ старому покинутому термину. Первоначально его называли мидійскимъ, затѣмъ скиѳскимъ, затѣмъ опять вернулись было къ названію «мидійскій», но предпочли именовать сузскимъ, а теперь считается наиболѣе научнымъ терминъ «ново-эламскій», хотя не знаю, насколько научно закрѣплять новое названіе за предметомъ, который самъ по себѣ, по существу, загадоченъ. Что въ языкѣ этомъ имѣемъ рѣчь великаго культурнаго народа, игравшаго и политически большую роль, это видно не изъ мѣста только, второго послѣ языка позднихъ побѣдителей, которое написанные на нёмъ тексты занимаютъ въ трехстолбцовыхъ надписяхъ. Къ этой же мысли возвращаетъ насъ и обсужденіе нѣкоторыхъ сторонъ его лексики, напр., соприсутствіе діалектическихъ разновидностей, усвоенныхъ имъ, какъ общимъ литературнымъ языкомъ, отъ многихъ родственныхъ, т. е. яфетическихъ племенъ и народовъ. Особенно характерно въ этомъ отношеніи появленіе безспорно яфетическихъ терминовъ, напр. itu (§ 65), въ качествѣ идеограммъ.

§ 6b. Вопроса о транскрипціи клинописи, о значеніи клинообразныхъ начертаній, сейчасъ не касаюсь. Готовъ примириться пока съ чтеніемъ, которое кунеологи часто устанавливали наугадъ, особенно въ подробностяхъ. Я хочу только оговориться, что или начертатели клинописи не въ совершенствѣ передавали наличный звуковой составъ языка 2-й категоріи, соблюдая, однако, извѣстную систему, именно давая одно начертаніе не только для трехъ звуковъ одного ряда, напр., глухого, звонкаго и средняго зубного ряда, но и для ассибилованной линіи каждаго ряда, или языкъ уже тогда вымиралъ въ звуковомъ отношеніи, притомъ—въ строго систематическомъ направленіи. Я сейчасъ не останавливаюсь на явленіяхъ въ пользу того или иного рѣшенія. На таблицѣ подъ рубрикой «IV. звуковой составъ языка 2-й категоріи» иллюстрируется фактическое положеніе въ чтеніи кунеологовъ: въ скобкахъ полныхъ и полускобкахъ помѣчены звуки, или утраченные языкомъ 2-й категоріи, или, быть можетъ, не нашедшіе точнаго выраженія въ клинописи[1]). Точно также

---

1) Звонкій g находимъ разъ въ словѣ igi (§ 63,b).

не рѣшается пока вопросъ, есть ли pp явленіе чисто начертательное (графическое) или также фонетическое[1]). Единственное уклоненіе въ транскрипціи, чисто формальное, состоитъ въ томъ, что сибилянтъ š я передаю согласно яфетидологической системѣ черезъ русское начертаніе ш, не нуждающееся ни въ какомъ над- или подстрочномъ дополнительномъ значкѣ, совершенно недопустимомъ въ изображеніи простыхъ спирантовъ или сибилянтовъ.

I. Фонетика.

§ 7. По фонетикѣ вниманія заслуживаютъ нѣсколько явленій: а) подобно һайскому[2]), предпочтеніе глухихъ звонкимъ, систематическая мутуація не только звонкихъ, но и среднихъ[3]), b) подобно һайскому и сванскому, ослабленіе гортанныхъ въ исчезающіе спиранты, c) подобно сванскому проявленіе гортаннаго q (< q̇) вм. небнаго ϑ и въ связи съ этимъ и предыдущимъ, подобно сванскому, проявленіе слабаго согласнаго — исчезающаго спиранта, именно h, resp. y вм. t, d) удвоеніе гортанныхъ вм. раздвоенія, общаго всѣмъ сохранившимся яфетическимъ языкамъ или отсутствіе его.

§ 8. Особый интересъ представляетъ выдвиганіе гласнаго передъ начальнымъ согласнымъ, какъ въ языкахъ Арменіи: inkanna вм. *ni-kanna (§ 13), irшara вм. *ri-шara, urman вм. *ruman, resp. *human (§ 35).

§ 9. Исчезновеніе q̇ въ началѣ слова передъ v, напр., Q̇varasm->Maraшmiy-ap и др. (Bh I, 13) имѣло большое распространеніе въ одномъ изъ яфетическихъ, какъ часто то же самое наблюдаемъ въ отношеніи сванскаго въ картскомъ, армянскомъ, а также въ самихъ сванскихъ діалектахъ со звонкимъ g̃, напр.

св. ღვინალ g̃win-al[4]) *вино* > ვენახი ven-aq̇-i *виноградъ* (раст.), абх. ꝡə (a-ꝡə *вино*).

» ღვაზ g̃waz > ვაზი vaz-i, resp. waz-i, арм. վազ vaz *лоза виноградная*.

» ღვაჭ g̃wat̥ > арм. մաճ mat̥ *ручка плуга*.

» ღვაჲ g̃waj > к. ვაჲი vaj-i *отрокъ*.

» ღოშგინ g̃oшg-in *назадъ* > ჳეშგინ weшg-in (< *oшg-in) id.

Этотъ законъ паденія касается не спеціально средняго q̇ или звонкаго g̃, а вообще всѣхъ твердыхъ ассибилованнаго и аспированнаго ря-

1) Объ этомъ впрочемъ придется еще говорить при обсужденіи словъ appa *что* (§ 23), һuppapi *господа* (§ 36).

2) Можно бы прибавить: «и лентехскому говору сванскаго языка».

3) makuш *магъ*, niku (Bh I, 5, 8) *мы*, Kukkanakan (Bh II, 5) Kuganakā, Karmapattaш (Bh III 16) Garmapada, tuniш *онъ пожаловалъ* см. § 27, Tupala (Bh III, 27) Dubala, Pápila (Bh III, 47) Bābilu.

4) Отсюда и г. ღვინოჲ g̃wn-o-y, но ново-г. ღვინო g̃vin-o *вино*.

довъ, въ данномъ случаѣ аспированнаго съ h, resp. съ γ, т. е. k̇ > ğ > q̇: примѣромъ паденія k̇ > ɜ можетъ служить основа глагола alp- *убивать*: въ ней мы имѣемъ форму qamn[1]) отъ трехсогласнаго корня *ɜlp, восходящаго къ *k̇lv ∾ *k̇vl, что̀ представлено въ кӑртскомъ съ дезаспираціею k̇—klv ∾ kvl (аор. ვკალი v-kal-i<*v-kalv-i *я убилъ его*, н. ვკლავ v-klav *убиваю, рѣжу*, отгл. имя კვლაჲ kvla-y *убиваніе, убивать*), а въ тубал-каинскихъ съ паденіемъ k̇, resp. тубал-каинскаго его эквивалента ḳ, въ ɕ—ɕvl (м. ჩვილუა ɕvil-ua *убиваніе, убивать*, въ чӑнскомъ и безъ паденія: ოკვილუ o-k̇vil-u id.), причемъ въ тубал-каинскихъ спирантъ также исчезаетъ—ɕvl > vl (м. პვილენქ p-vil-ənq *я убиваю*), допуская въ извѣстной средѣ подъемъ v въ p, какъ въ языкѣ 2-й категоріи,—pl (м. ბპილენქ b-pil-ənq *ты меня убиваешь*). Мы не говоримъ о дальнѣйшихъ діалектическихъ измѣненіяхъ, въ связи съ перерожденіями другихъ согласныхъ. Что касается формы qamn (alp->*ɜalp-) этого глагола въ языкѣ 2-й категоріи (аор. alp-iya|| < *ɜalp-iya), она тождественна съ формою аориста въ кӑртскомъ: *kalv > kal.

§ 10. Паденіе твердаго k̇, resp. ğ или q̇ въ спирантъ ɜ (въ точности прежде всего h, а затѣмъ его эквиваленты, или ɕ на почвѣ діалектическаго чередованія h съ ɕ, или γ, у на почвѣ озвонченія его самого—h>γ, resp. его замѣнителя—ɕ> у) осложняется спеціальной чертой фонетики языка 2-й категоріи. Это—«чередованіе» у съ l, что̀, во-первыхъ, указываетъ на мягкое произношеніе l, въ которомъ мы, слѣдовательно, имѣемъ по точной транскрипціи—l̯; во-вторы̆хъ, въ этомъ проявляется сродство языка 2-й категоріи съ мингрельскимъ, гдѣ также—мягкій l (l̯), чередующійся съ у[2]). Сюда относятся изъ словъ языка 2-й категоріи: a) lapar-uri не *рабъ*, а «мой (суффиксъ -uri—Р. падежъ ед. ч. отъ u[3]) *рабъ*», отсюда *рабъ* lapar (>*yapar), эквивалентъ к̆. k̇mar-, наличнаго въ непереставленномъ видѣ въ словѣ ქმარწვილი k̇mar-ṫwl-i *мальчикъ*, букв. «*отрокъ, сынъ*» и съ перестановкою согласныхъ въ ყრმა k̇rma (< *k̇mra изъ k̇mar-[4]) *отрокъ, слуга*. Новое чтеніе съ огласовкой i (< *o) вм. a (li-

1) См. стр. 71, прим. 1.

2) Напр., м. ჩვილუა ɕvil̯-ua||ჩვიჲუა ɕviy-ua *убиваніе, убивать*, м. ჲადირი ya-dir-i || ლა̄-დირი l̯ā-dir-i *сырой*, к̆. ჴომი hom-i, ново-г. ომი om-i *война*, м. ლიმა l̯im-a (< *yem-a), діал. ლəმა l̯əm-a id., к̆. უბე ub-e, resp. *hub-e *пазуха*, м. ლუბა l̯ub-a (< *yub-a), діал. l̯əb-a, м. ლური l̯ur-i || ჲური yur-i *сонъ* (ср. г. რული rul-i), к̆. ისრი isr-i (< *hisr-i) *полевица*, м. ლისირი l̯isir-i (< *yisir-i), но и ისირი isir-i, см. также ლანგური l̯angur-i *Ингуръ* вм. ჲანგური yangur-i при к̆. ენგური engur-i (< *hen-gur-i). Теперь впрочемъ см. у I. Кипшидзе (*Грам. м. яз.*, § 21) многочисленные случаи при образованіи мн. числа словами, въ единственномъ числѣ утратившими плавный исходъ l̯, а во мн. возстанавливающими или его (-l̯-eф-i) или его эквивалентъ у (-у-еф-i), а также ц. с., § 109. Этому явленію параллельно и съ нимъ сродно чередованіе n (> l) съ у, свойственное сванскому.

3) См. Hüsing, *Zur Struktur des Elamischen*, OLZ, 1905, стр. 50.

4) Ср. Н. Марръ, *Вступ. и заключ. строфы Витязя въ барсовой кожѣ*, стр. XXXIV, прим. 3. Вообще часть съ экскурсомъ о ყმა k̇rma *рабъ* и ყრმა k̇rma (слѣдовало также ყმა k̇ma) *слуга* (ц. с. стр. XXXIV—XXXVII сл.) подлежитъ пересмотру, разъ появляется новый фактъ

par-uri, см. Hüsing, ц. м.) свидѣтельствуетъ лишь о тубал-каинской перегласовкѣ (о вм. а) съ послѣдующимъ діалектическимъ перебоемъ о въ i, какъ часто въ мингрельскомъ; усѣченная основа lipa- въ формѣ отвлеченнаго понятія lipa-me имѣетъ полную параллель въ ქმა k̇ma (< k̇mar), также утратившемъ третій коренной r. Въ высшей степени цѣнно указаніе Орб., что месхи ქმარწვლი k̇mar-ṫwl-i произносили მარტვლი mar-ṫwl-i, т. е. во второй части съ дессибиляціею ṫ, столь излюбленной въ языкѣ 2-й категоріи (§ 14), а въ нашемъ словѣ k̇mar- съ паденіемъ k̇ въ исчезающій спирантъ ꜧ *ꜧmar- > mar[1]); наличность спиранта, какой бы въ точности онъ ни былъ въ месхской рѣчи (въ к̔арт̔скомъ—h при мингрельскомъ «y») и давала реальную почву для, казалось бы, неожиданнаго въ данномъ словѣ появленія l, въ языкѣ 2-й категоріи, очевидно, чередовавшагося съ «y», какъ въ мингрельскомъ; b) основа глагола marr- *схватывать*, *держать*, съ варіантомъ maur (resp. mawr), имѣетъ первый изъ двухъ r лишь по ассимиляціи вм. звука l, восходящаго также къ k̇ черезъ «y», съ которымъ чередуется w. Словомъ, основа marr, resp. malr [< mayr] || mawr образована отъ трехсогласнаго корня myr (> mlr) || mwr, эквивалента к̔арт̔скаго mk̇r > pk̇r, отъ котораго к̔. მკარი mk̇ar-i *твердый*, аор. II пор. 2 л. იპკარ i-pk̇ar *ты схватилъ*, *держалъ*, სამკაროჲ sa-mk̇aro-y *твердь*, საპკარი sa-pk̇ar-i *одержимый (болѣзнью)*, *разслабленный*, *калѣка*.

§ 11. Для двойного фонетическаго явленія, наблюдаемаго и въ сванскомъ, именно перебоя ассибилованнаго ṫ въ аспированный его антиподъ k̇ и затѣмъ его паденія въ h, resp. y (§ 5), языкъ клинописи даетъ прекрасный примѣръ, параллельный тому, что наблюдаемъ въ сванскомъ въ отношеніи a) ლīრი līri < ლი-ჲრი li-yri *писать*, гдѣ h, resp. y вм. *k̇, въ свою очередь перебойнаго эквивалента к̔арт̔скаго ṫ (წერა ṫera *писать*) и т.-к. ṭ (ṭar-: ч. ონჭარუ on-ṭaru, м. ჭარუა ṭar-ua *писать*), или еще b) ა̄მ ām *ѣсть* вм. *yam, resp. *ham, паденія *k̇am, перебойнаго эквивалента к̔. *ṫam (въ h. ծամել ṫam-el *жевать*, въ грузинскомъ подъ т.-к. вліяніемъ ჭამა ṭam-a); въ самихъ т.-каинскихъ впрочемъ этотъ глаголъ проявляетъ, помимо закономѣрной перегласовки a > o, второй коренной k, во всѣхъ прочихъ яфетическихъ язы-

---

изъ памятника V-го вѣка до Р. Хр. по вопросу. Существа дѣла этотъ пересмотръ не коснется, но въ деталяхъ измѣненія неизбѣжны. Въ частности въ параллель къ перемѣщенію *k̇mra въ k̇rma укажу на qmra > qrma въ Н. падежѣ ქრმად qrma-d, напр., Чахр., V, 30,1, вм. ქმრად qmra-d отъ ქმარი qmar-i *мужъ*.

1) Тубал-каинскій эквивалентъ к̔арт̔скаго k̇mar- съ его полногласіемъ долженъ былъ представить при діалектической перегласовкѣ *k̇omor-, безъ перегласовки—*k̇amar-, но ни того, ни другого не имѣемъ. Въ языкѣ 2-й категоріи слово появлялось, очевидно, и съ усѣченіемъ послѣдняго коренного—lipar > *lipa, отъ чего и произведено отвлеченно понятіе при помощи суффикса -me: lipa-me *служба*.

кахъ исчезнувшій безслѣдно, очевидно, опять таки по паденіи k, resp. k̔, въ ɜ: м. ტკომუა ṭkom-ua *ѣсть*, ч. ოტკომუ o-ṭkom-u id.[1]).

Случай въ языкѣ 2-й категоріи осложняется однимъ, а то и двумя еще звуковыми явленіями. Во-первыхъ, чередованіе y, resp. h, когда онъ не исчезаетъ, съ l (точнѣе l̯), такъ—lam (<*yam-) *пожирать, уничтожать* (lamakka *онъ былъ уничтоженъ)*, эквивалентъ перечисленныхъ выше яфетическихъ основъ св. ām (<*yam), k̔. t̔am, resp. ṭam, т.-к. ṭkom[2]). Во-вторыхъ, въ дополненіе къ чередованію тѣхъ же звуковъ — перемѣщеніе l-r въ r-l, какъ это наблюдаемъ въ грузинскомъ и др.[3]). Такъ—основа ril, resp. *lir (<*yir) *писать* отъ корня lr||yr, эквивалента перечисленныхъ выше яфетическихъ корней: св. yr (ლი̄რი līr-i<li-yri), k̔. t̔r (წერა t̔er-a), т.-к. ṭr (ч. ონტარუ on-ṭar-u, м. ტარუა ṭar-ua).

§ 12. Однако, наблюдается обратное явленіе, когда вм. слабаго, того или иного спиранта ɜ, исчезнувшаго въ другихъ яфетическихъ языкахъ, въ языкѣ 2-й категоріи всплываетъ твердый гортанный k̔, resp. k[4]), такъ—kir *одинъ* вм. <*ɜir (см. § 24), kutta *и* вм. *ɜutta, св. იდ id (<*ɜid) *еще*, хотя впрочемъ въ послѣднемъ словѣ грузинскій проявляетъ опять-таки также k (а не k̔) вм. ɜ: ново-г. კიდე kid-e *еще*, древне-г. კულავ kul-av (<*kud-av) *еще*.

§ 13. Проявленіе гортаннаго q̔ || q [resp. q̣] вм., казалось бы, общеяфетическаго ϑ̇||ϑ [resp. ϑ] сначала было замѣчено въ сванскомъ, гдѣ, напр., k̔. ცდენა ϑ̇dena *соблазнять, ошибаться* представлено св. ლიყდუნე li-q̣dune, равно св. ლიქდუნე li-qdune, k̔. корень ϑ̇v (ვიცავ v-iϑ̇av *охраняю, берегу)* — св. qb (*скрывать:* св. უქბოჳშ u-qb-ow-ш, м უქბო̄შ u-qb-ō-ш, тх უქობოშ u-qob-o-ш *тайно*). Эту особенность раздѣлялъ, по всей видимости, и одинъ изъ яфетическихъ языковъ Арменіи, именно тотъ, изъ котораго въ качествѣ переживанія въ наличномъ армянскомъ сохранился корень q̔b (խաբել q̔ab-el *обманывать*), эквивалентъ k̔. ϑ̇b (ცბიერი ϑ̇bi-er-i *обманчивый, вѣроломный*[5]).

---

1) Что въ данномъ случаѣ ṭk не представляетъ специфически тубал-кайнскаго раздвоенія картскаго t̔, что корень первоначально былъ трехсогласный, видно изъ семитическаго его эквивалента, такъ—араб. طعم ṯkm *ѣсть*.

2) Слѣдовательно, при k̔. წყერი t̔ker-i (<*t̔kwer-i < t̔kuri) *перепелка* и м. ტყორი ṭkor-i id мы въ правѣ ожидать въ языкѣ 2-й категоріи lor, что и сохранилось въ h.-арм. լոր lor *перепелка*. Сванскій въ данномъ случаѣ не сохранилъ своего коренного эквивалента, наличное же въ немъ შკაჯვ шk̔ajw (<*шk̔awj <*шk̔oj, ср. § 46, стр. 81, прим. 2) *перепелка* представляетъ явный тубал-кайнизмъ, именно вкладъ того нарѣчія ш-языка, которому, помимо паденія ṭ въ ш, свойственъ былъ хорошо извѣстный въ тубал-кайнскихъ языкахъ перебой r > j > d̂.

3) k̔. ცალიერი ϑ̇alier-i > ცარიელი ϑ̇ariel-i *пустой*, ძლიერი d̂lier-i > ძრიელი d̂riel-i *сильный*, მადლიერი madlier-i > მადრიელი madriel-i *благодарный*, ჰლური hlur-i > რული rul-i *дремота*. Впрочемъ то же самое въ сванскомъ даже въ заимствованіяхъ: ლივერ liver вм. rivel *револьверъ*.

4) Быть можетъ, k выступаетъ по неполнотѣ клинообразнаго письма, не имѣющаго особыхъ начертаній для аспированныхъ звуковъ k̔, g̔, q̔ и т. п.

5) ϑ̇b въ грузинскомъ собственно представляетъ усѣченную разновидность полнаго

Эту существенную фонетическую особенность раздѣляетъ и языкъ 2-й категоріи, проявляя k[1]) вм. ϑ̇ въ корнѣ kn, эквивалентѣ k̔. ϑn, при св. q̇l (< *q̇n): inkann-a (< *ni-kan-a) *знакомый*, *пріятель* отъ корня kn, k̔. იცნა i-ϑna *онъ узналъ*, 2-е л. იცან i-ϑan[2]), св. მიხალ mi-q̇al (< *mi-q̇an) *я знаю*.

§ 14. **Дессибиляція** замѣчается во всѣхъ яфетическихъ языкахъ, но болѣе излюбленна она въ яфетическихъ переживаніяхъ hайскаго языка[3]). Языкъ 2-й категоріи и въ этомъ отношеніи примыкаетъ къ до-арійскимъ языкамъ Арменіи, проявляя дессибиляцію въ слѣдующихъ словахъ—tamini *вѣрные* вм. ṫamini (§ 41), ṫaшш-utum *мужи*, *народъ*, *войско* (§ 46), ṫur *сынъ*—г. წული ṫul-i *сынъ*, появляющееся съ сванскимъ раздвоеніемъ u въ wi > w въ сложномъ ქმარწვლი kmar-ṫwl-i, ново-г. ქმარწვილი kmar-ṫvil-i, равно ქმაწვილი kma-ṫvil-i, ქმაწული kmaṫul-i *мальчикъ*, гдѣ въ месхской діалектической формѣ также наблюдается дессибиляція: მარტვლი mar-twl-i (§ 10).

§ 15. Языкъ 2-й категоріи проявляетъ, какъ тубал-кайнскіе и болѣе, чѣмъ тубал-кайнскіе, r вм. l, такъ a) Arpera (какъ впрочемъ и въ др.-перс. Arbairā) при асс. Arba'il *Арбела*, b) ṫur см. § 14, c) iṫrur см. § 52.

II. Склоненіе.

§ 16. Склоненіе — чисто яфетическое съ сохраненіемъ общеяфетическаго гласнаго характера Р. падежа (i), причемъ согласнымъ элементомъ языкъ 2-й категоріи примыкаетъ къ коренному слою сванскаго языка, проявляя n, напр., Р. -in[4]).

Какъ въ яфетическихъ языкахъ, напр. въ ново-грузинскомъ, гласный характеръ Р. падежа i послѣ гласнаго исхода основы исчезаетъ, и какъ въ грузинскомъ языкѣ, окончаніе Род. падежа -in въ опредѣленіи получаетъ эмфатическое a (-in-a, послѣ гласнаго: -na), отсюда, напр., *Ормузда* Uramaшta-na < [*Uramaшta-yn-a <] *Uramaшta-in-a, совершенно такъ же, какъ

трехсогласнаго корня съ послѣднимъ слабымъ n, resp. съ чередующимся съ n плавнымъ l: ცბუნება ϑ̇bun-eba *соблазнять*, ცბილი ϑ̇bil-i (< *ϑ̇bin-i) *ложь*, *клевета*, вульг. ცილი ϑ̇il-i id.

1) Еще разъ повторюсь. Мы ожидали бы q̇ || q, resp. q: k появляется или по мутуаціи языка 2-й категоріи или потому, что въ клинообразныхъ письменахъ этой категоріи нѣтъ начертаній не только для аспированныхъ, въ числѣ ихъ и q̇, но и для простыхъ среднихъ, значитъ и q.

2) Сюда же მისანი mi-san-i, собств. მიცანი mi-ϑ̇an-i *знахарь*; родственнымъ и повторяющимъ соотношеніе св. q̣||k̔. ϑ̇ является также корень св. q̣r||k̔. ϑ̇r, отъ котораго въ сванскомъ имѣемъ m-qer, resp. me-qer, основу глагола ლიმყერი li-m+qeri, тх ლიმეყერი li-me+qeri *узнавать*, а въ грузинскомъ მეცარი me-ϑ̇ar-i [*знающій* >] *гадатель* (по лопаткѣ, см. Орб.), что I. Кипшидзе сопоставляетъ съ м. მენწარი me-n+ṫar-i *вѣдьма* (*Мингр.-русск. словарь* подъ ჯე-ჯეთობა). См. также igi *братъ* (§ 63,b), kik *небо* (§ 63,a).

3) Н. Марръ, *Яфет. элементы въ языкахъ Арменіи*. II, стр. 470—473.

4) Н. Марръ, *Гдѣ сохранилось сванское склоненіе* (Изв. Ак. Н., 1911, стр. 1203 сл.).

отъ того же слова въ грузинскомъ мы имѣли бы Uramaшta-is-a [> Uramaшta-ys-a] > Uramaшta-sa. Особенность языка 2-й категоріи состоитъ въ томъ, что такое образованіе Р. падежа съ потерею гласнаго характера (-in-a > na) съ гласныхъ основъ перенесено на согласныя, особенно со слабымъ согласнымъ исходомъ, напр. сибилянтомъ ш: Kuraшna вм. < *Kuraш-ina *Кира*, откуда совпаденіе Р. падежа съ Д. бываетъ чаще.

Какъ въ яфетическихъ языкахъ, Р. падежъ отправляетъ функціи творительнаго, такъ, напр., zaum-in — Р. падежъ, но употребляется въ значеніи Т.: *милостью* (§ 62).

Суффиксъ Д. падежа -an языкъ 2-й категоріи также сохранилъ, но указаніе на него требуетъ долгаго разъясненія; его же сохранилъ во всякомъ случаѣ въ качествѣ заимствованія изъ языка ли 2-й категоріи или прасванскаго грузинскій: такъ называемый Д. мѣстоименный въ грузинскомъ образуется не съ помощью коренного ќартскаго -as (> sa-), а съ помощью заимствованнаго -an.

Окончаніе И. падежа обыкновенно теряется, какъ въ сванскомъ, но гласный характеръ его какъ вторичный i, такъ первичный u, сохранился во мн. числѣ (§ 17):

вульгарный (вторичный)	*архаическій (первичный)*
i	u
Apirt+i-p	Apirt+u-p
Apirt+i-ppe	Apirt+u-ppe (B I, 58).

Какъ въ другихъ яфетическихъ языкахъ, въ языкѣ 2-й категоріи также есть заимствованныя изъ родственныхъ языковъ падежныя окончанія, такъ, напр., a) изъ ш-языка, представленнаго тубал-каинскими, Р. -iш въ значеніи мѣстнаго падежа: human-iш отъ human *городъ* (§ 34), съ послѣлогомъ — almarr-iш ma *въ крѣпости*; b) особаго вниманія заслуживаетъ заимствованіе одного падежнаго окончанія: оно появляется почти во всѣхъ яфетическихъ языкахъ, въ большинствѣ также какъ заимствованіе, пріурочивается же къ одному изъ до-арійскихъ, именно яфетическихъ языковъ Арменіи, отходившему отъ ќартскаго лишь въ степени діалекта. Это собственно окончаніе Р. падежа въ ќартскомъ -is, фонетически дифференцированное подъемомъ согласнаго элемента s въ ϑ (-iϑ [1]), а синтаксически используемое въ значеніи то твор. или исходнаго (въ грузинскомъ), то только исходнаго (въ hайскомъ, армянскомъ, мингрельскомъ и ч̒анскомъ), то направи-

1) Точно такой же подъемъ s въ ϑ замѣчаемъ въ Д. ќартскомъ падежѣ, проникшемъ въ мингрельскій языкъ (I. Кипшидзе, *Грам.*, § 18, d).

гельнаго (въ сванскомъ). Этотъ-то суффиксъ въ непочатомъ видѣ появляется въ качествѣ переживанія въ армянскомъ (-iϑ), а въ к̆арт̆скомъ съ дессибиляціею (-iϑ), но въ ч̆анскомъ, мингрельскомъ и даже сванскомъ съ тубал-кайнскимъ перемѣщеніемъ и перегласовкою—-ϑe, въ мингрельскомъ еще особо -de, наконецъ, въ һайскомъ съ закономѣрною для него мутуаціею ϑ, resp. d въ t — -te‖-ti[1]). И вотъ этотъ-то суффиксъ въ к̆арт̆ской разновидности, конечно, съ мутуаціею (-iϑ>-it) и находимъ въ языкѣ 2-й категоріи, при томъ съ спеціально мѣстнымъ наростомъ -ak: -it-aka, такъ—taшшutum-it-aka *съ людьми*, т. е. *съ войскомъ:* наростъ -aka представляетъ послѣлогъ *вмѣстѣ съ*, букв. *одинъ*; слѣдовательно, на лицо такое же явленіе, какъ въ грузинскомъ Т. -iϑ съ наростомъ -urϑ *вмѣстѣ съ*, буквально означающимъ *одинъ* (urϑ<*werϑ): что касается яфетическаго толкованія aka въ значеніи *одинъ* см. § 24. Кстати, въ значеніи *одинъ* aka сохранилось въ мингрельскомъ, а родственное съ нимъ a-kə—въ абхазскомъ. Вопросъ, разрѣшеніемъ котораго можно не торопиться, имѣемъ ли здѣсь, дѣйствительно, глухой t, какъ въ һайскомъ, или это—случай обычнаго для нашихъ надписей несовершеннаго начертанія вм. средняго ϑ.

§ 17. Значительно лучше представлено въ языкѣ 2-й категоріи мн. число. Сохранились три показателя множественности, три согласныхъ его элемента: p‖m, n, t[2]).

Показатель множественности обыкновенно — p, какъ въ тубал-кайнскихъ (b, φ) и какъ въ ново-грузинскомъ (b): огласовка — его e (-pe), какъ въ одномъ изъ тубал-кайнскихъ, именно ч̆анскомъ (-φe), или i (-pi), хотя этотъ i въ pi, вѣроятнѣе, есть вторичный характеръ И. падежа. Этому окончанію иногда предшествуетъ гласный i (i-p) или u (u-p), но это, какъ и въ ч̆анскомъ, несомнѣнно сращенный гласный характеръ именительнаго падежа.

Безъ именного окончанія или вообще безъ спеціальной огласовки исходнаго согласнаго образуютъ мн. число гласныя основы и имена съ послѣднимъ согласнымъ губнымъ m и плавнымъ r[3]). Изъ плавныхъ основъ въ образованіи мн. числа особаго вниманія заслуживаетъ основа kar‖kur, представляющая интересъ и въ семасическомъ отношеніи (§ 43).

---

1) Н. Марръ, *Два яфетическихъ суффикса -te (‖-ti > -t) въ грамматикѣ древне-армянскаго (һайскаго) языка* (Изв. Ак. Н., 1910, стр. 1245 сл.). Здѣсь нѣтъ указанія на м. -de, появляющееся въ значеніи Исх. падежа въ мѣстоименіяхъ (І. Кипшидзе, *Гр. мингр. яз.*, § 45).

2) Повидимому, и четвертый показатель k (§ 63,a). Кстати, къ тому, что извѣстно въ яфетидологической литературѣ о сродномъ съ послѣднимъ показателѣ множественности въ яфетическихъ языкахъ—q въ сванскомъ, q въ яфетическихъ слояхъ абхазскаго и һайскаго языковъ, слѣдуетъ прибавить слѣдующее: тотъ же суффиксъ мн. числа сохраненъ грузинскимъ діалектически, именно въ ингилойскомъ нарѣчіи, гдѣ онъ звучитъ k (М. Джанашвили, საინგილო, Древняя Грузія, II, стр. 233—234).

3) Равно, быть можетъ, съ сибилянтомъ ш, напр. tayiuш-pe-na, но это еще вопросъ.

§ 18. Судя по подлиннику, съ глухимъ p въ показателѣ множественности чередовался въ самомъ языкѣ 2-й категоріи m, т. е. вм. -pe появляется -me, напр.: tammutum-pe || tammutum-me (Bh II, 54), шim-me (§ 50).

Показатель мн. ч. p, resp. m не только яфетическаго происхожденія, но теперь уже выяснено, что онъ характеризуетъ опредѣленный кругъ яфетическихъ языковъ. Слѣдящіе за литературою по яфетическому языкознанію освѣдомлены, что кругъ языка съ такимъ образованіемъ мн. числа теперь составляетъ прежде всего ш-языкъ или два выработавшихся изъ него тубал-кайнскихъ языка; однако это положеніе, выясненное чисто эмпирическимъ путемъ, имѣетъ быть пересмотрѣннымъ на чисто теоретическомъ основаніи; теоретическія данныя устанавливаютъ, что какъ ни древне оно для тубал-кайнскихъ языковъ, какъ ни характерно оно для нихъ въ настоящее время, это образованіе не исконное, не коренное тубал-кайнское. Фактъ господства его въ тубал-кайнскихъ языкахъ однако не подлежитъ сомнѣнію, и въ этомъ только смыслѣ отмѣченное явленіе пока можно продолжать называть тубал-кайнскимъ. Въ одномъ изъ тубал-кайнскихъ, именно въ мингрельскомъ вм. ꝑ появляется, какъ въ языкѣ 2-й категоріи, и m, правда, и тамъ подъ вліяніемъ среды, стеченія съ согласнымъ q или s:

м. bom-em-qə (Д. мѣст.)	tariel-em-qə (Д. мѣст.)
ч̔. bome-ꝑe (И.)	tariele-ꝑe (И.).

И во мн. числѣ языкъ 2-й категоріи сохранилъ въ чистотѣ лишь образованіе Р. падежа по нормамъ яфетической вѣтви: +i-p-in-(n)a.

Р. -in (§ 16) > (послѣ гласнаго) -n:

zunkuk+i-p-in+na	tayiúm-pe-⌜i⌝n+a

Въ Р. съ -in чередуется -ir, такъ — *царей* гласитъ zunkuki-p-in-na (Bh I, 1, 1, B, 1, Sz a, 2, F, 14, S a, 1) или zunkuki-p-ir-ra (O, 14, G, 2, K, 11).

§ 19. Показатель множественности n сохраненъ не однимъ грузинскимъ; иногда онъ появляется, очевидно, подъ соотвѣтствующимъ вліяніемъ въ мингрельскомъ, т. е. въ одномъ изъ тубал-кайнскихъ: ტარიე-ლენქჷ tariel-en-qə[1]). Конечно, въ грузинскомъ, особенно въ древне-грузинскомъ, онъ не только болѣе распространенъ, но и господствуетъ; на этомъ основаніи, слѣдовательно, чисто эмпирическимъ путемъ, этотъ показатель и былъ признанъ к̔арт̔скимъ, т. е. кореннымъ грузинскимъ пока-

---

1) I. Кипшидзе, *Хрест. мингр. языка*, стр. 88,28, ср. тамъ же *Грам.*, § 18,а, особенно § 20.

зателемъ мн. числа, между тѣмъ теоретическія данныя сравнительной фонетики яфетическихъ языковъ требуютъ пересмотра и этого положенія, и тогда будетъ указано, откуда онъ усвоенъ грузинами. Пока же достаточно знать, что это образованіе чисто яфетическое, имѣвшее широкое распространеніе. Тотъ же n въ качествѣ показателя множественности характеризуетъ языкъ ванскихъ клинообразныхъ надписей, и, естественно, его встрѣчаемъ и въ языкѣ 2-й категоріи (здѣсь съ предшествующимъ характеромъ И. падежа), но лишь при названіяхъ народовъ, употребляемыхъ въ значеніи странъ, напр.: Parш-+-i-n *Персія*, букв. *персы* (Bh I, 1). Такое употребленіе вообще суффикса мн. числа обычно въ яфетическихъ языкахъ. Въ частности при помощи того же показателя множественности n образованы нѣкоторыя названія яфетическихъ странъ, сохраненныя классиками. И нынѣ въ абхазскомъ суффиксъ n служитъ для образованія названія странъ отъ названій народовъ[1]).

§ 20. Въ яфетическихъ языкахъ имѣется еще согласный элементъ, выражающій мн. число: это зубной звукъ, въ сванскомъ—звонкій d, въ языкахъ сибилянтной группы, именно въ s-языкѣ (ќарт̒скомъ) и ш-языкѣ (тубалкайнскихъ) — средній ϑ; въ абхазскомъ тотъ же средній звукъ сохранился какъ ассибилованный — въ составѣ сугубаго мн. числа ϑ̊a (< ϑ̇-wa) и въ показателѣ множественности объекта въ глаголахъ[2]), такъ дессибилованный — во мн. числѣ мѣстоименій[3]); тотъ же звукъ, но ассибилованный, т. е. ϑ̇, имѣемъ въ яфетическомъ слоѣ һайскаго древне-литературнаго языка Арменіи, тогда какъ мы ожидали бы во всякомъ случаѣ глухой ṫ, и дѣйствительно глухой, притомъ дессибилованный t на лицо въ цѣломъ рядѣ яфетическихъ переживаній въ томъ же языкѣ Арменіи. Этотъ зубной, именно глухой t, появляется въ качествѣ суффикса мн. числа и въ нашемъ языкѣ 2-й категоріи. Однако, наблюдается отличіе въ употребленіи. Изъ живыхъ яфетическихъ языковъ не-мѣшанаго типа ни одинъ не сохранилъ его въ именахъ: онъ служитъ для образованія мн. числа обыкновенно въ 1-мъ и во 2-мъ лицахъ того или иного времени. Въ древне-грузинскомъ тотъ же суффиксъ обыченъ въ образованіи косвенныхъ падежей мн. числа какъ именъ, такъ мѣстоименій[4]). Такъ обстояло дѣло съ ϑ̇ и въ яфетическихъ языкахъ Арменіи, судя по переживаніямъ въ һайскомъ языкѣ. Въ языкѣ 2-й категоріи суффиксъ t служитъ для образованія мн. числа, по всей видимости,

1) Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 18.

2) Марръ, ц. с., стр. 14.

3) ц. м.

4) Отсюда въ ново-грузинскомъ книжныя формы мѣстоименій მათ m-aϑ, მაგათ mag-aϑ и т. п.

не въ однихъ глаголахъ, гдѣ онъ сочетается съ мѣстоименными основами, напр. hu или u *я*, hut или ut *мы*, напр. hutta hut *мы сдѣлали*, hutti ut *мы сдѣлали*.

Вѣроятно, тотъ же суффиксъ на лицо въ видѣ -ta въ шашша-ta (Bh I, 7) *въ древности*, *издревле*, букв. *отъ древнихъ*, appuka-ta (Bh I, 48, 52, 53) *раньше*, букв. *въ прежнія* (§ 59,a), hupe-ta (D 20) *эти* въ значеніи нашего средняго рода *это*[1]). Разъ вм. -ta въ такомъ же смыслѣ то же мѣстоименіе получаетъ -te (hupe-te C, 13 сл.), возможно, что въ -ta и -te мы имѣемъ разновидности по огласовкѣ того же показателя множественности съ тѣмъ же расхожденіемъ, что к̔. -ათ -aϑ > -თა- ϑa[2]) и сохраненный hайскимъ въ яфетическихъ переживаніяхъ -te > -ti[3]), но колеблюсь пока касательно того, этотъ ли суффиксъ -te имѣемъ въ tayie-te (D 12) въ одной фразѣ, гдѣ te можно толковать, какъ самостоятельное слово со значеніемъ *глазъ* (§ 31). Но все это—подробности, спеціальные вопросы для будущихъ штудій[4]).

III. Прилагательныя.

§ 21. Степень сравненія бросается въ глаза своимъ ярко яфетическимъ способомъ образованія, какъ теперь это выяснено сравнительной грамматикой яфетическихъ языковъ. Сначала въ префиксѣ -უ -u грузинской сравнительной степени (она же и превосходная) мы усматривали извѣстную отрицательную частицу: предполагалось, что форма უდიდესი u-did-eys-i *величайшій* представляетъ цѣлое отрицательное сужденіе «не (u-) есть (-eys-) [болѣе] великій», но сванскій эквивалентный префиксъ ხო- q̇o-, напр. ხოშა q̇o-ϑà *лучшій*, *хорошій* сразу открылъ, что въ обсуждаемомъ к̔арт̔скомъ образовательномъ элементѣ имѣемъ не извѣстную отрицательную частицу უ- u-, а не менѣе извѣстную объективную мѣстоименную частицу Р. падежа უ- u- (< *wi), дѣйствительный эквивалентъ сванскаго ხო- q̇o-, что касается окончанія -eys, то это суффиксъ -e и окончаніе Р. падежа -is (-e-is > eys[5]). Слѣдовательно, г. უდიდესი u-did-eys-i буквально значитъ

---

1) см. также § 57, гдѣ толкуются формы marita, marpita, marpepta.

2) Я здѣсь привожу именно первичную форму суффикса -aϑ, сохраненную грузинскими мѣстоименіями მათ m-aϑ и т. п., которая по перемѣщеніи могла дать -ϑa (ср. Д. падежъ -as > -sa), а не обычный въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ его видъ -თა -ϑa, до сихъ поръ толковавшійся какъ эмфатическая форма при простой -თ -ϑ. Какъ теперь выясняется, и здѣсь мы имѣемъ лишь перемѣщенный видъ вм. -ათ -aϑ, а форма съ -თ -ϑ это просто усѣченная, какъ въ Д. ед. числа -s вм. -sa.

3) Н. Марръ, *Два яфетическихъ суффикса -te(||-ti > -t) въ грамматикѣ древне-армянскаго (hайскаго) языка*, стр. 1248, 1249.

4) Не исключается возможность, что въ hupe-te на лицо сложный видъ мѣстоименія, какъ въ hupi-ri *тотъ*, и въ такомъ случаѣ въ te имѣемъ съ мутаціею двойникъ мингрельскаго мѣстоименія თე ϑe *этотъ* (I. Кипшидзе, *Гр. м. яз.*, § 46, A,b).

5) Рядомъ съ eys при основѣ o — oys, напр. უფროსი u-φr-oys-i *большій*.

«его *великій*» > *величайшій*, а св. ხოზა̀ q̇o-ʒà «его *хорошій*» > *лучшій*. Словомъ, сравнительная степень выражалась въ основѣ синтаксически по формулѣ pronomen+adjectivum въ Р. падежѣ. То же самое мы имѣемъ въ языкѣ 2-й категоріи, именно въ словѣ irшar-ra, означающемъ не *великій*, а «*величайшій*||*старшій* (ir-шar) есть (-ra)» или просто *величайшій*||*старшій* (ir-шara), если два r—чисто графическое явленіе: въ префиксѣ ir- мы имѣемъ мѣстоименную основу 3-го лица (ir- < ri-), равнозначущую картскому უ- u- и сванскому ხო- q̇o-, а въ шar-—основу прилагательнаго *великій*, сохранившуюся и въ сванскомъ какъ усѣченно, съ потерею исходнаго r, въ составѣ сравнительной степени св. ხოშა̀ q̇o-шà *большій*, *старшій*, *великій*, такъ и полностью съ префиксомъ m- въ m-шr, корнѣ глагола ლიმშარი li-m+шari *расширять*, *увеличивать*, *прибавлять*, отсюда н. ხვამშარი q̇wa-m+шari, аор. ოჵმაშრი oʒ-ma-шri, прил. მაშრი ma-шri *широкій*, *просторный*. Ту же основу (шar-) съ усѣченіемъ исходнаго r (шa), какъ въ сванскомъ, но съ перебоемъ сибилянта въ спирантъ ḫ сохранилъ абхазскій (ḫa) въ сравнит. степени ey-ḫà *болѣе*, ey-ḫa-bə *старшій*.

IV. Мѣстоименія.

§ 22. Личное мѣстоименіе 1-го л. ед. ч. и въ языкѣ 2-й категоріи—яфетическая основа. На лицо собственно огласовка (u) съ потерею спиранта; впрочемъ этотъ спирантъ также является въ клинописи въ видѣ h, хотя бы во мн. ч. hu-t.

Въ грузинскомъ мы имѣемъ эквивалентъ u||o въ составѣ выраженія m-o *ко мнѣ*, *сюда*, гдѣ m-—предлогъ *къ*, а «o» (< *ho)—*я*, но возможно, что это адвербіальное выраженіе, какъ и m-i (< *m-hi) *къ нему*, *туда*,—заимствовано (§ 25,a). И, вѣроятно, заимствовано оно изъ языка 2-й категоріи, гдѣ, какъ увидимъ (стр. 53), мѣстоименіе 1-го лица должно гласить не u (< hu), а o (< ho).

Какъ въ грузинскомъ, такъ въ тубал-кайнскихъ обыченъ мѣстоименный префиксъ 1-го лица v, resp. w (< u)||m, по звуковымъ нормамъ, свойственнымъ и языку 2-й категоріи.

Отъ основы m образуется род. mi, въ грузинскомъ употребляемый какъ префиксъ (въ глаголахъ[1]), а въ языкѣ 2-й категоріи какъ суффиксъ въ значеніи притяжательнаго *мой*, напр. Bh II, 55: taшuutumme mi *люди*||*войска мои*, букв. *меня*. Weissbach въ mi нашего текста усматривалъ заимствованіе изъ древне-персидскаго, и совершенно напрасно.

Сванскій сохранилъ эквивалентъ мѣстоименной основы 1-го лица со

1) Въ объективномъ строѣ, напр., მიყვარს mi-kuar-s *у меня* (mi) *любовь* > *люблю* и т. п.

спирантомъ—ћu, съ подъемомъ ћ въ q̇—q̇u, что̀ повседневно въ 1-мъ лицѣ глагольныхъ формъ. Рядомъ съ сванскимъ q̇u > q̇w была цѣлая гамма разновидностей въ различныхъ яфетическихъ языкахъ; эти разновидности сохранились безъ перебоя, какъ то gu, q̣u и др., или съ перебоемъ согласнаго элемента. Отъ q̣u съ закономѣрнымъ перебоемъ q̣ въ ϑ̣ и съ такъ называемымъ к̔артскимъ суффиксомъ мн. числа въ грузинскомъ имѣемъ ჩვენ ϑ̣u-en (<*q̣u-en) *мы*. Во мн. числѣ сванскій располагаетъ еще для мѣстоименія 1-го лица корнемъ n, что̀ появляется въ 1-мъ лицѣ мн. ч. любого времени сванскаго спряженія, преимущественно въ качествѣ объективнаго мѣстоименнаго префикса, причемъ въ различныхъ временахъ съ огласовкой различныхъ падежей безъ предлога (Р. ni-, Д. na- и an- и др.) и съ предлогомъ l- (Д. l+an-), напр., пр. с. ნიყჩა ni-q̣ϑa *мы извратили когда-то*, н. ნალა̈თ na-l̤ät *мы любимъ*, давнопр. ა̈ნყიდა ắn-q̣ida *мы принесли когда-то*, аор. ლანშკად l+an-шkad *мы вспомнили*[1]); въ языкѣ 2-й категоріи въ качествѣ объективнаго мѣстоименнаго префикса мн. числа также находимъ an (§ 29,a). Въ тѣхъ же формахъ грузинскій, а также сванскій пользуются первою основою въ видѣ gu. Самостоятельно, въ значеніи *мы* сванскій пользуется тою же, какъ въ глаголахъ, основою въ видѣ nă, но въ значеніи притяжательнаго *нашъ* у свановъ ნიშგუე niшgwe, что представляетъ Р. отъ И. каждой изъ составныхъ частей сложнаго ni-gu, т. е. соединенія обѣихъ основъ и ni (Р. niш-) и gu (Р. gwe<*gw-eш изъ gu-eш), и вотъ закономѣрный съ мутуаціею эквивалентъ этой именно разновидности nigu и имѣемъ въ словѣ 2-й категоріи Ахеменидскихъ надписей niku, означающемъ *мы*. Языкъ 2-й категоріи допускалъ раздвоеніе u, вѣроятно, произносившагося въ немъ какъ o: только «o» и могъ разложиться въ aw, какъ это наблюдаемъ въ к̔арт̔скомъ, абхазскомъ и др., посему Р. падежъ въ значеніи *нашъ* съ гласнымъ характеромъ i—nikav-i, какъ, пожалуй, и слѣдуетъ читать, а не nikam-i, хотя чередованіе m съ v—возможно; то же самое наблюдаемъ въ грузинской мѣстоименной основѣ ϑ̣u, съ к̔арт̔скимъ раздвоеніемъ u>ve (∾ev) *ϑ̣ev: отъ нея въ Р. пад. вм. *ϑ̣ev-i имѣемъ ϑ̣em-i (<*q̣em-i), эквивалентъ формы языка 2-й категоріи -kam-i въ составѣ сложнаго ni-kam-i.

§ 23. Также реально обставлено и толкованіе другихъ лицъ личнаго мѣстоименія. Я взялъ самый сложный случай для объясненія, но не исчерпалъ всего матеріала. Упомяну лишь мимоходомъ о мѣстоименіяхъ 3-го лица 1) hi||ri, эквивалентѣ к̔арт̔скаго *hi||si (ისი i-si [<hi-si])>ის is *онъ*, *тотъ*, суфф. ი i (<*hi) *тотъ*), абх. i(<*hi)||ri (i появляется и въ к̔арт̔скомъ языкѣ) или 2) a-p *этотъ*, resp. *эти*[2]), эквивалентъ грузинскаго a-m (имѣется и въ

1) Тотъ же корень въ видѣ позднѣйшаго его замѣстителя l (< n) есть обычный префиксъ 1-го лица ед. ч. и въ субъективномъ строѣ.

2) Мн. appi, Р. мн. ч. appi-ne и др.

сванскомъ), абхазскаго a-b, 3) hupe *тотъ* (въ составѣ сложнаго hupiri *тотъ*) съ мн. hupe-ta или hupe-te (§ 20), эквивалентъ абх. ub *тотъ* въ составѣ сложнаго ubri *тотъ* и т. п.

Съ предпослѣднимъ ap лишь случайно созвучно appa, означающее 1) въ качествѣ мѣстоименія a) *что* Bh I, 19, b) *который* (о лицахъ и предметахъ), 2) въ качествѣ союза a) *что* NR 32, Bh I, 25 (быть можетъ, «что за»), b) *чтобы* Bh III, 62. Собственно appa[1]), представляетъ неопредѣленное мѣстоименіе *что либо*, при томъ въ немъ на лицо усѣченная форма (вм. *a-pan, resp. *ha-pan), какъ въ средне-грузинскомъ რომე rome[2]) вм. древняго რომელ ro-mel (<*raw-men)||რომენ ro-men (<*raw-men[3]), также отправляющаго функціи мѣстоименій *что*, *который* и союзовъ *что*, *чтобы*.

Въ რომელ romel (<*raw-men) мы имѣемъ не только семасическую аналогію, но и одну изъ разновидностей того именно слова, которое на лицо въ appa, resp. a-pa (<*ha-pan). Основная, она же первая часть этого сложнаго мѣстоименія (a<*ha, кӑрт. sa||тубал.-к. *ша, равно ra||na) представлена въ грузинскомъ не только въ видѣ sa[4]) или, повидимому, позднѣе усвоеннаго ra, но и, какъ сейчасъ увидимъ, «a»; вопросъ иной, не вошелъ ли этотъ видъ въ грузинскій въ качествѣ заимствованія изъ языка 2-й категоріи или иного языка того же типа. Во всякомъ случаѣ діалектически грузинскій языкъ сохранилъ и ha, resp. he (< *ha-y), именно въ ингилойскомъ нарѣчіи. Вторая часть (pa < *pan), придающая мѣстоименію значеніе неопредѣленности, представляетъ эквивалентъ кӑртскаго men||mel > me, однако съ точной тубал-кайнской перегласовкой; для того, чтобы быть и въ отношеніи согласныхъ вполнѣ тубал-кайнской, разновидности языка 2-й категоріи слѣдовало не подвергать свой начальный m подъему въ p, что̀ впрочемъ одна изъ особенностей ш-языка, слѣдовательно, каждаго изъ тубал-кайнскихъ, на позднѣйшей ступени развитія. Кстати, въ сванскомъ языкѣ его тубал-кайнскій слой сохранилъ эту именно частицу неопредѣленности men не только съ тубал-кайнской перегласовкой «e» въ «a», но и съ подъемомъ m въ b и съ потерею исходнаго n: эту ближайше стоящую къ формѣ (-pa) языка 2-й категоріи, почти тождественную съ нею, разновидность -ba имѣемъ въ сван-

1) Какъ двойникъ его akka, также сложнаго происхожденія, о чемъ въ свое время.

2) Ново-г. რომ ro-m.

3) Разновидность съ n, болѣе архаичная, именно რომენ romen сохранилась по сей день въ имерхевскомъ говорѣ (Н. Марръ, *Житіе св. Григорія Хандзтійскаго*, Дневникъ, стр. 81), см. также въ ингилойскомъ (М. Джанашвили, საინგილო, стр. 227, 229): რემენ re-men.

4) См. Н. Марръ, *Древнегрузинско-русскій словарь къ 1—2 главамъ Марка*, s. v. Къ объясненнымъ тутъ სადა sa-da *гдѣ*, *სანა *sa-na, откуда სანამ sana-m *пока*, можно прибавить სამე sa-me *гдѣ либо, когда либо, слѣдовательно*, напр. въ *Житіи Антонія Раваха*, изд. I. Кипшидзе (XB, II, 94,30).

скомъ словѣ ვოჰაშ wo-ha-ш *порядочно, много,* собств. *нѣсколько*; оно представляетъ, какъ теперь выясняется, форму прилагательнаго (-შ) отъ мѣстоименія wo-ha *нѣкоторый, нѣсколько* изъ wo- *который, кто* и -ha *-нибудь*. Въ сванскомъ ვოჰაშ wo-ha-ш интересна и первая часть wo-, эквивалентъ к̆. ha-, своею тубал-кайнской перегласовкой (a>o); она, означающая *который, кто*, сохранилась еще въ св. ვოდ wo-d (діалектически, именно хл, иӣ, х также ვოდე wo-de) *пока* (ср. г. ვიდ *vi-d въ ვიდრე vi+d-re *пока* отъ ვინ vi-n *кто*[1]) и ვოშა wo-ша *сколько*, букв. «*который* (*сколь*) великій». Итакъ, ограничивая сейчасъ сопоставленія разновидностей занимающаго насъ сложнаго мѣстоименія двумя языками, языкомъ 2-й категоріи и грузинскимъ, получаемъ слѣдующую картину:

языкъ 2-й категоріи	грузинскій[2])		
*ha-pan	*sa+w-men‖*ha+w-men‖	*hay-men	*ra+w-men>ro-men>ro-mel
|	|	|	|
a-pa, resp. appa (-pa‖св. -ba)	*ho-me инг. he-men		ro-me
	|		|
	*ho-m > инг. hum		ro-m>инг. rum

Эта сравнительная таблица и открываетъ передъ нами возможность перенести объясненіе о двухъ pp въ appa на реальную почву, ибо, если это не чисто графическое явленіе, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ и какъ kk въ akka[3]), то въ первомъ изъ двухъ pp имѣемъ эквивалентъ к̆ар̆тскаго w (ap-pa < *haw-pan), а въ к̆ар̆тскомъ, какъ извѣстно, это w есть переживаніе характера И. падежа u, закономѣрно ослабѣвавшаго послѣ гласнаго въ полугласный w.

Въ грузинскомъ безъ r та же (ra‖sa) основа появляется рѣдко, но все-таки есть случай, именно въ словѣ ოდეს o-des *когда*, буквально означающемъ *въ который день*, ибо разлагается оно на части a+w-de-s (*ha+w-de-s), почему мы ожидали бы эквивалента съ r—ra+w-de-s, что̀ на самомъ дѣлѣ и су-

---

1) Н. Марръ, *Древнегрузинско-русскій словарь къ 1—2 главамъ Евангелія Марка,* подъ ვ 3.

2) Въ данномъ случаѣ ставлю *грузинскій*, а не *к̆ар̆тскій*, такъ какъ чисто к̆ар̆тскій sa даетъ мало производныхъ; такія производныя слова вытѣснены особенно въ ново-грузинскомъ мѣстоименіями, происходящими отъ основы ra, а послѣдняя, являясь параллелью т.-кайнскаго na, восходитъ вмѣстѣ съ нею не къ тубал-кайнскому прототипу *ша, а къ *ha одного изъ языковъ спирантной группы и подъ его вліяніемъ и внесена, вѣроятно, въ грузинскій языкъ.

3) Къ графическому мы отнесли бы и то, если, напр., двойное начертаніе pp служило бы для выраженія средняго φ (груз. ფ, арм. փ), двойное начертаніе kk для выраженія q (груз. ყ, арм. ք) и т. п.

ществуетъ въ грузинскомъ, и именно въ ново-грузинской рѣчи въ видѣ როდეს ro-des>როდის ro-dis. Мѣстоименная основа о (<*ha-w) || ro (<ra-w) въ грузинскомъ появляется и самостоятельно въ Д. падежѣ: os||ros *когда*[1]). Но основа а- (вмѣстѣ съ ra), восходящая къ *ha, перебойному эквиваленту к̇ар̇тскаго sa, удаляя насъ отъ к̇ар̇тской группы, приводитъ къ нормамъ языка 2-й категоріи, и это особенно надо имѣть въ виду, когда одинъ изъ грузинскихъ діалектовъ, именно ингилойскій, сохранилъ эту основу со спирантомъ въ мѣстоименіи ჰემენ he-men *который* (М. Джанашвили, საინგილო, стр. 227, 229), гдѣ he, съ его e < ay, восходитъ къ Им. *ha-y, какъ въ томъ же ингилойскомъ г. რომ ro-m, resp. затемнѣніемъ o въ u — რუმ ru-m, представлено въ видѣ ჰუმ hu-m, что опять таки приводитъ насъ къ пра-формѣ ha+w-m, откуда *ho-m > hu-m.

Съ другой стороны и языкъ 2-й категоріи не чуждъ вліянія к̇ар̇тскаго языка, именно s-языка: въ немъ рядомъ съ appa (< *ha-pa, resp. *haw-pa) всплываетъ *sa-pa, однако въ еще болѣе усѣченномъ видѣ sa-p въ значеніи *когда*, *послѣ того какъ*, *такъ какъ*, каковыя значенія присущи и столь же усѣченной формѣ его ново-грузинскаго эквивалента რომ ro-m (< *raw-m || *saw-m, ср. sa+na-m, sa-me).

V. Числительныя.

§ 24. Разновидности слова *одинъ* въ наличныхъ яфетическихъ языкахъ группъ сибилянтной и спирантной (по послѣдней имѣемъ представителей мѣшанаго типа, въ числѣ ихъ и языкъ 2-й категоріи) даютъ матеріалъ для слѣдующей таблицы:

ш-языкъ (тубал-кайнскіе языки)

a) безъ 3-го коренного	b) съ сохраненіемъ 3-го коренного
არი ar-i (< *ʒar-i)	ართი arϑ-i (< *ʒarϑ-i)
[*арм.*: -*ար* -ar (< *ʒar)]	

s-языкъ (к̇ар̇тскій)

a) безъ 3-го коренного	b) съ сохраненіемъ 3-го коренного
ერი[2]) er-i (< *ʒer-i)	ერთი erϑ-i (< *ʒerϑ-i)
*wer	ურთი urϑ-i (< *werϑ-i)
[*арм.*: *իր* -ir- (< *ʒer)]	

---

1) Случай съ os встрѣчается еще у одописца Чахрухадзе, напр. V, 49,3-4: ველის ოს ველსა, ჰვალს ნაჯუვ თვალდ «*когда* (os) она (Тамара) шествуетъ по полю, точно звѣзда освѣщаетъ».

2) Встрѣчается діалектически въ грузинскомъ, такъ, напр., въ гурійскомъ и ингилойскомъ, въ послѣднемъ безъ именного окончанія: ერ er (М. Джанашвили, საინგილო, Древняя Грузія, III, стр. 230,3).

языкъ 2-й категоріи

a) безъ 3-го коренного	b) съ сохраненіемъ 3-го коренного
kir[1])‖pir-u (г. pir-at-i, pir-vel-i)	нѣтъ
[*hайск.* -*կին* -kin	*kint (*կենտ* kent)]

абхазскій языкъ

a) безъ 3-го коренного	b) съ сохраненіемъ 3-го коренного
kər (a-kər) > kə (a-kə)	нѣтъ
*kar > ka (a-ka)	*karϑ[2]).

Въ языкѣ 2-й категоріи *одинъ* гласитъ kir. Діалектически kir въ томъ же языкѣ могъ звучать, на основаніи закона r‖n, и kin, и эту именно разновидность, повидимому, сохранилъ hайскій языкъ въ значеніи *разъ* въ числительныхъ: *մեկին* me-kin «одинъ *разъ*», *կրկին* kər-kin (вм. ərk-kin) «два *раза*» и т. д.

Въ армянскомъ, а отсюда и въ позднѣйшихъ памятникахъ hайскаго языка, сохранились тѣ же основы типа живыхъ яфетическихъ языковъ безъ подъема спиранта въ твердый согласный, именно ir и ar, послѣдняя изъ ш-языка, въ словѣ *իրեար* ir+e-ar, въ живыхъ говорахъ *իրար* ir-ar *другъ друга*, букв. *одинъ одного*[3]).

Если бы подобно другимъ яфетическимъ языкамъ, языкъ 2-й категоріи сохранилъ въ данномъ случаѣ и третій коренной, то *одинъ* долженъ былъ звучать *kirt или діалектически, при чередованіи r съ n, *kint. И такая разновидность слова дѣйствительно существовала, если не въ самомъ языкѣ клинописи 2-й категоріи, то въ одномъ изъ его нарѣчій въ предѣлахъ, весьма близкихъ съ Арменіею, такъ какъ въ одномъ изъ языковъ этой страны, именно въ армянскомъ (а не hайскомъ), сохранилась въ качествѣ заимствованія эта разновидность въ видѣ *կենտ* kent со значеніемъ *одинъ только*, *нечетъ*[4]). Судя по собраннымъ матеріаламъ, это драгоцѣнное слово встрѣчается въ сѣверныхъ говорахъ армянскаго языка, въ областяхъ Арцахѣ, Казахѣ, Лори, но и въ Аштаракѣ (у Саака Аматуни ссылка на писателя Прошяна). Со спеціальнымъ значеніемъ *нечетъ* разновидность эта заимствована и грузинскимъ въ видѣ კენტი kent-i. Грузинскій въ данномъ случаѣ

---

1) О подъемѣ ȝ, т. е. въ данномъ случаѣ h или خ, въ k см. § 12.

2) Нѣтъ и karϑ, развѣ признать таковымъ karϑ въ чанскомъ (атинское нарѣчіе) ქართი ქართი karϑi karϑi *другъ друга* (ср. и архавскій говоръ ართი ქათის arϑi kaϑis), но здѣсь k до сихъ поръ казался по недоразумѣнію возникшимъ вмѣсто q Д. мѣстоименнаго падежа: karϑi karϑi вм. ართიქ ართის arϑiq arϑis.

3) Ср. м. ართიანი arϑi-ani (< *arϑ-i ar-i) *одинъ одного* > *другъ друга*.

4) о. Саакъ Аматуни, *Հայոց բառ ու բան*, s. v.

заимствовалъ и, быть можетъ, именно изъ армянскаго: это можно обосновать на томъ, что рядомъ съ *нечетомъ* и въ значеніи *четъ* по-грузински употребляется заимствованное изъ армянскаго слово ლუწი luṭ-i (арм. լուծ luṭ).

Въ связи съ закономъ соотвѣтствія, въ языкѣ 2-й категоріи, глухого p к̔арт̔скому v||m (см. § 56) приходится вспомнить о словѣ piru, собственно въ письмѣ pirru, до сихъ поръ не только не объясненномъ этимологически, но и не переведенномъ [1]). По самому контексту 2-й категоріи довольно вѣроятно, какъ увидимъ, что pir-u (начертательно: pirru) должно означать *одинъ*. Если бы такое значеніе слова пришло въ голову кунеологамъ, то при тенденціи нѣкоторыхъ изъ нихъ видѣть въ языкѣ турецкій языкъ они въ этомъ случаѣ, при совпаденіи его съ т. bir, усмотрѣли бы одно изъ подтвержденій своей мысли. Но pir-u *одинъ* въ клинописи 2-й категоріи также яфетическаго происхожденія, какъ и kir *одинъ*: наличность двухъ словъ, въ данномъ случаѣ разновидностей одного слова, ничего поразительнаго или необычайнаго не представляетъ; вмѣстѣ съ другими однородными фактами ею доказывается лишь то, что языкъ 2-й категоріи былъ не провинціальный діалектъ, а государственный, широко разливавшійся своимъ вліяніемъ и воспринимавшій разнородные элементы, культурный языкъ. Что касается фонетическаго оправданія p вм. k въ началѣ слова, то можно бы указать на законъ перебоя глухого k въ глухой p (затѣмъ > b > φ) въ яфетическихъ языкахъ. Быть можетъ, это объясненіе другимъ покажется болѣе пріемлемымъ; оно уже иллюстрировано мною въ печати примѣрами изъ к̔арт̔скаго языка и изъ языковъ Арменіи [2]). Но мнѣ кажется, что къ объясненію pirru, resp. pir рядомъ съ kir можно и слѣдуетъ подходить съ другой стороны, со стороны не исторической, а діалектической фонетики. На законѣ взаимной перебойности p||k въ данномъ случаѣ не хочется останавливаться еще потому, что истое фонетическое значеніе клинописнаго начертанія, транскрибируемаго p, конечно, не удостовѣрено: быть можетъ—это глухой p, а быть можетъ — какой либо губной, но не глухой; одно не подлежитъ сомнѣнію, именно то, что p языка 2-й категоріи, какая бы не была степень его звонкости, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ было показано, соотвѣтствуетъ к̔. v; слѣдовательно, разъ kir соотвѣтствуетъ к̔. ერთი erϑ-i (< *ʒerϑ-i) > ერი er-i (< *ʒer-i), т.-к. ართი arϑi (< *ʒarϑ-i) > არი ar-i, арм. ir- (< *ʒir или *ʒer) въ իրեար ir+e-ar, իրար ir-ar, то для pir языка 2-й категоріи въ карт̔скомъ рядомъ съ ერთი erϑ-i < *ʒerϑ-i требовалась бы разновидность

1) pirru ir шarrappa «*вмѣстѣ* собрались» (Bh II, 24, 28, 33, 40, 44, III, 27).

2) о. Галустъ Теръ-Мкртичянъ, *Вишапъ и Ушапъ въ армянской припискѣ XIV-го вѣка*, XB, I, стр. 35, прим. 2. Сюда же г. ბოძალი bod-al-i||კოდალი kod-al-i *стрѣла*, პრწყილი prṭkil-i || კრწყილი krṭkil-i *блоха*.

*werϑ-i. И вотъ эта-то форма, по всей вѣроятности, діалектическая, сохранилась въ древне-грузинскомъ съ закономѣрнымъ к̔арт̔скимъ сліяніемъ ve, resp. we въ u въ двухъ случаяхъ: a) въ качествѣ нароста ურთ urϑ (<*werϑ) на суффиксъ Т. падежа -iϑ, напр. კაცითურთ kaϑ-iϑ+urϑ *«вмѣстѣ»*, буквально *«воедино* съ человѣкомъ», b) въ возвратномъ мѣстоименіи — ურთი ერთას urϑ-i erϑ-as < *werϑ-i *ɜerϑ-as *другъ друга*, букв. *одинъ одного*[1]).

Такимъ образомъ на діалектической почвѣ рядомъ съ kir *одинъ* въ языкѣ 2-й категоріи имѣлась и разновидность pir, resp. съ огласовкою u и при этомъ удвоеннымъ r, — pirru *одинъ*: въ самомъ языкѣ 2-й категоріи появляется pir въ сложномъ pir-шataneka «въ какую-то, куда-то въ даль», буквально «въ одну даль». Но эти діалектическія разновидности языка 2-й категоріи pir и pirru въ значеніи *одного* сохранились въ качествѣ заимствованія въ древне-грузинскомъ и вообще въ грузинскомъ. Прежде всего отъ pir *одинъ* съ помощью k̔. суффикса -vel (<-ver||-ven) образовано порядковое числительное pir-vel-i (<*pir-ver-i) *первый*, но и безъ суффикса -vel основа pir сохранилась въ сложномъ პირმშო pir-mшo *«перво*-родный», а съ суффиксомъ at — pirat — въ основѣ сравнительной степени — უპირატჱსი u-pir-at-eys-i *первѣйшій*.

Изъ числительныхъ въ текстахъ встрѣчается еще, по мнѣнію кунеологовъ — одно, именно *два*, а по нашему толкованію — два, но о нихъ въ связи съ другими словами контекста рѣчь въ корнесловѣ (§ 51).

VI. Союзы и предлоги.

§ 25. Союзы сейчасъ опускаю (впрочемъ см. § 23), а изъ послѣлоговъ обращу вниманіе на два — ma||va *въ, на*; *къ* и ikka *внутри*, *въ*.

a) Первый представляетъ усѣченную форму существительнаго man *домъ* (§ 34), являясь и въ семасическомъ отношеніи и въ формальномъ параллелью ново-грузинскаго послѣлога -ში -шi, остатка слова შინა шina *домъ*; кромѣ того, послѣлогъ ma теряетъ и огласовку и въ такомъ видѣ (m-) служитъ предлогомъ, сочетающимся съ мѣстоименіями 1-го лица «o» и 3-го лица «i»: г. მო- m-o-[2]) *въ меня, ко мнѣ, сюда*, г. მი- m-i- *въ него, къ нему, туда*. Эти адвербіальныя выраженія, служащія префиксами глаголовъ въ грузинскомъ языкѣ, представляютъ собою заимствованія изъ языка 2-й ка-

---

1) Чередованіе ɜ съ w на мѣстѣ перваго коренного даннаго трехсогласнаго корня (ɜrϑ||wrϑ < ɜq̇ϑ||*wq̇ϑ) не исключительно яфетическое явленіе; то же самое наблюдается и въ языкахъ семитической вѣтви, такъ, напр., въ арабскомъ, гдѣ въ эквивалентномъ корнѣ чередуется ء съ w: أحد *одинъ* и وحد, обыкновенно واحد *одинъ*.

2) Діалектически მა m-a.

тегоріи не только ввиду предлога, но и ввиду мѣстоименія 1-го лица о (<ho, см. § 22).

b) Что касается ikka *внутри*, *въ*, являются ли два kk чисто начертательнымъ явленіемъ вм. ịka, или первый k замѣщаетъ спирантъ h по ассимиляціи со вторымъ k (hk>kk), въ обоихъ случаяхъ праформа—*ihka, точный эквивалентъ сванскаго isga *въ серединѣ*, *внутри:* въ словѣ 2-й категоріи мы видимъ послѣдовательно перебой сибилянта s въ исчезающій спирантъ h и мутуацію g въ k. Слѣдовательно, Parшin-ikka (Bh I, 1) *въ Персіи* буквально значитъ *въ персахъ*, *среди персовъ*.

VII. Глаголы.

§ 26. Глаголы въ надписяхъ 2-й категоріи даютъ возможность составить почти полную парадигму и по составу временъ, и по способу образованія яфетическаго спряженія. Система спряженія третичная въ яфетическихъ съ наращеннымъ вспомогательнымъ man или an.

Прекрасно опредѣляются показатель мн. ч. p, два класса яфетическаго спряженія, различно образующіе первыя времена (наст., буд. или прош. несов.), показатель желательнаго и въ то же время прош. несов. t, какъ въ чанскомъ, тогда какъ во всѣхъ прочихъ яфетическихъ языкахъ— звонкій d, показатель увѣщеванія n (-ne), какъ въ древне-г. и сванскомъ и т. д.[1]). Три спряженія, т. е. три способа образованія аориста, одинъ съ характеромъ a-, какъ образуется въ картскомъ аористѣ III-го спряженія, другой—съ характеромъ -i, какъ въ чанскомъ вообще всякій аористъ и въ мингрельскомъ аористѣ I-го спряженія, третій архаическій съ -u, что̀ въ чанскомъ и мингрельскомъ проявляетъ 3-е лицо ед. ч. всякаго аориста.

§ 27. Особенность спряженія языка 2-й категоріи состоитъ въ томъ, что оно допускаетъ въ 3-мъ л. мѣстоименный суффиксъ ш, идеальный тубал-каинскій эквивалентъ картскаго s, тогда какъ въ наличныхъ яфетическихъ языкахъ аор. въ 3-мъ лицѣ кромѣ гласнаго характера ничего не имѣетъ. Впрочемъ грузинскій въ діалектическомъ аористѣ на -i также допускаетъ въ 3 л. ед. ч. прибавку мѣстоименнаго суффикса s, въ параллель ш языка 2-й категоріи, напр.:

яз. 2-й кат.	к.
tun-i-ш (< *tэuniш) *онъ пожаловалъ*	dğun-is *онъ пожаловалъ* ‖ *жалуетъ*
tir-iш (< *tэiriш) *онъ сказалъ*	u-ϑq̣r-is *ему сказалъ онъ*.

1) Если бы пока предположительно толкуемое окончаніе -ta и въ именахъ (§ 32, 1, d) оказалось этимъ же суффиксомъ съ огласовкой «a», то мы получили бы полную параллель груз. и мингр. -da и ч. -ta.

Паденіе гортанныхъ и ихъ исчезновеніе—обычное явленіе, и это едва ли всегда недостатокъ письма. Тотъ же яфетическій корень *жаловать* безъ какого-бы то ни было представителя гортаннаго сохранился въ ћайскомъ въ основѣ глагола դաւնել ďawn-el *дарить*, гдѣ основа ďawn (< *ďwan, resp. *ďэwan), роднясь по качеству согласнаго (ď, а не ḑ) съ картскимъ или s-языкомъ, по огласовкѣ (а) примыкаетъ къ тубал-каинскимъ языкамъ или ш-языку: м. ჯღონა ḑğon-a (< *ḑğwana[1]) и ч. ონჯღონუ on-ḑğon-u.

§ 28. Образованіе страдательнаго залога съ помощью надбавки -k (-q?), напр. шasa-k *былъ увлеченъ*, huttuk *былъ сдѣланъ*, kuшi-k *былъ основанъ*, marri-k *былъ схваченъ* и т. п., какъ будто имѣетъ эквивалентъ изъ яфетическихъ въ иверскомъ или мингрельскомъ, гдѣ съ помощью того же или во всякомъ случаѣ весьма близкаго къ нему -ყ -q въ качествѣ суффикса отъ наст. дѣйствительнаго залога образуется то же время страд. залога, напр. отъ √rk̇—ვერკებუყ v-erk̇+eb-u+q *я разстаюсь съ нимъ*, отъ √რყინ > √რყ — მობრყეყ mo-b-rэqэ-q *виднѣюсь*, III-я пор. ბრყინდეყ b-rэqin-dэ-q *показываюсь*. Но не столько тутъ дѣло въ исходномъ -k, сколько въ предшествующихъ гласныхъ u > i, характерахъ страдательнаго во всѣхъ яфетическихъ языкахъ, и «a», повидимому, характерѣ средняго залога[2]).

§ 29. Но что особенно поразительно, это то, что языкъ 2-й категоріи сохранилъ формы относительнаго спряженія съ префиксами, такъ—

a) съ отношеніемъ къ 1-му л. мн. числа:

an-шutan-ti NR, 48	«[не] *къ намъ* соблазняй *себя*» > «[не] грѣши *передъ нами*».
an-kiri-ne Bh III, 68	«да спасетъ *насъ*» (Ормуздъ[3]).

b) съ отношеніемъ къ 3-му лицу ед. числа:

ma-zten-ti NR, 48	«не сбивайся *съ него*=ma (maz?)».
ma-zzi Bh II, 65	«я отсѣкъ[4]) *у него* = ma (maz?)».
ma-zzi-ya Bh II, 55	«я отрѣзалъ *у него* = ma (maz?)».
ma-zteman Bh II, 69	«онъ оставилъ *его*=ma (maz?)», ср. г. დაუტევა da-u-ʳsˡteva.

1) Н. Марръ, *Яфет. элементы въ языкахъ Арменіи.* VI, стр. 425—426.

2) Впрочемъ къ детальному разбору этого образованія мы въ свое время вернемся: во всякомъ случаѣ самъ по себѣ k, resp. q не есть характеръ страдательнаго залога.

3) Uramaшta-ra, т. е. логическій субъектъ въ Дат. падежѣ (ra || na) при второмъ времени, какъ въ грузинскомъ и вообще яфетическихъ языкахъ.

4) Ср. gi-zza-mana *обрубать*: gi (giz?) — предлогъ.

c) съ отношеніемъ къ 3-му лицу мн. числа:

ap-tiriш Bh III, 37 . «онъ сказалъ *имъ*».
ap-tiriya Bh III, 41 «я говорилъ *имъ*»[1]).

d) 3 л. аор. съ возвр. мѣстоименіемъ ti (§ 66):

tiriш-ti Bh I, 9—10, 15, II, 8 «назвал-*ся* (назвалъ *себя*)».

Въ данномъ случаѣ рѣчи не можетъ быть о какомъ либо особомъ времени, по Weissbach'у прошедшемъ совершенномъ: это — тотъ же аористъ съ наращеніемъ возвратнаго мѣстоименія. Примѣровъ много другихъ. Такимъ образомъ отпадаетъ утвержденіе кунеологовъ (Weissbach, стр. 46), что въ нашемъ языкѣ нѣтъ префиксоваго образованія.

VIII. Словообразованіе.

§ 30. Какъ во всѣхъ яфетическихъ языкахъ, словообразованіе происходитъ съ помощью не только суффиксовъ, но и префиксовъ. Независимо отъ этихъ образовательныхъ частицъ, существенное значеніе имѣетъ форма слова, т. е. огласовка его коренныхъ согласныхъ. Простыя формы — общія у именъ и глаголовъ. Изложеніе классификаціи простыхъ формъ безъ префикса и безъ суффикса затрудняется тѣмъ, что тутъ же пришлось бы осложнить ихъ перечень указаніемъ этимологіи каждаго отдѣльнаго слова и истертости его корней, утраты имъ одного или обоихъ, вообще всѣхъ коренныхъ согласныхъ. Особенно сильно затрудняется въ такомъ предварительномъ сообщеніи изложеніе словообразованія слабыхъ корней, значитъ, корней со спирантомъ ɜ, т. е. h > γ, resp. ɕ, равно w и y въ составѣ, которые или успѣли исчезнуть часто безслѣдно (спиранты h, ɕ, γ) или успѣли слиться (w, y) съ огласовкой въ гласный o‖u и e, какъ въ грузинскомъ, не оставивъ въ такихъ случаяхъ слѣда сліянія хотя бы въ видѣ долготы въ соотвѣтственныхъ гласныхъ, какъ это наблюдаемъ, напр., въ сванскомъ. Наиболѣе излюбленная простая форма словъ — съ огласовкою «a», при полногласіи «a» — «a», послѣдняя, понятно, въ трехсогласномъ, а также съ u, рѣже «i» и «e». При суффиксѣ и префиксѣ форма обходится и безъ внутренней огласовки.

---

1) Какой-то мѣстоименный префиксъ, по всей вѣроятности, имѣемъ въ p глагола ipшiш (Bh I, 39) *онъ испугался*, ipшip (Bh II, 7) *они испугались*, ибо глагольная основа—шi-, наличная въ грузинскомъ непочато въ отглагольномъ имени შიში шi-шi (< *si-шi) *страхъ* и въ глаголѣ ეშინია e-шini-a (< *e-шi-i-a) *онъ боится*.

§ 31. Префиксъ именъ II-й породы при картскомъ si- въ языкѣ 2-й категоріи закономѣрно принимаетъ видъ ḫi [1]) > i [2]). Въ картскомъ это (si-)— обыкновенно префиксъ для образованія отвлеченныхъ понятій, собственно отглагольныхъ именъ II-й породы. Особенность языка 2-й категоріи—болѣе широкое его примѣненіе, чѣмъ въ грузинскомъ, напр. ḫi-ше *имя* (§ 60), i-ssir-um *копье*, букв. *стрѣла* [3]), но то же самое наблюдается въ отношеніи использованія даннаго префикса и въ сванскомъ.

§ 32. Однако, тотъ же префиксъ въ языкѣ 2-й категоріи наличенъ, притомъ, подобно другимъ яфетическимъ языкамъ, въ значеніи образовательной частицы отвлеченнаго понятія, и безъ перебоя s въ h, resp. по большему сродству языка 2-й категоріи съ тубал-кайнскими—ш въ ҫ, болѣе того съ подъемомъ s въ ṫ, resp. дессибилованный t, параллельныя явленія которымъ засвидѣтельствованы въ приводимыхъ ниже случаяхъ изъ тубалкайнскихъ языковъ, съ той для языка 2-й категоріи обязательной особенностью, что его глухіе *ṫ > t соотвѣтствуютъ звонкимъ эквивалентамъ ď > d другихъ языковъ. И вотъ этотъ видъ того же префикса (ti-) представленъ словомъ ti-tukka *ложь* и производными отъ него мн. числомъ въ значеніи собирательнаго ti-tkime, resp. ti-tki-mme, именемъ дѣйствующаго лица ti-tuk-ra, resp. ti-tuku-rra (вм. *ti-tku-ra). Пока вопросъ, происходитъ ли отъ основы этого слова глаголъ titenra въ значеніи *лгать* или отъ tit-me *языкъ* въ значеніи *болтать, нести вздоръ*, но если первое производство, принимаемое кунеологами по догадкѣ, окажется единственно вѣрнымъ, то тогда придется признать, что отыменный глаголъ утратилъ гортанный элементъ (k) корня, т. е. titenra вм. *titkenra [4]). Основа слова безъ префикса — -tuk; по закону расклиниванія согласныхъ гласнымъ она представляетъ видоизмѣненіе прототипа *tku [5]). Вліяніе этого прототипа сказывается въ производномъ ti-tukku-rra (вм. *ti-tku-ra); къ тому же прототипу безъ расклиненія восходитъ съ перебоемъ u въ i мн. ti-tki-(m)me

---

1) Начертаніе ḫ оставляется мною пока условно, какъ принятое кунеологами; реально оно могло бы имѣть значеніе ҫ, поскольку спирантъ этого префикса являлся бы перебоемъ сибилянта, его двойника, не картскаго si-, а присущей языку 2-й категоріи эквивалентной сибилянтной разновидности: ші- (см. § 32).

2) Какъ извѣстно, префиксъ i свойственен и сванскому (იშდჳ i-шdw *ударъ ногою*, იშქჳით i-шqwiϑ *семь* и др.), отчасти и грузинскому (იგავი i-gav-i *притча*, ისარი i-sar-i *стрѣла* и др.), но въ грузинскомъ по существу это или позднѣйшее діалектическое явленіе или заимствованіе изъ родственныхъ яфетическихъ языковъ спирантной группы.

3) Сюда же относится i-tu *мѣсяцъ* (§ 65), внесенное въ текстъ 2-й категоріи въ качествѣ идеограммы.

4) Потеря k, эквивалента картскаго ḱ, какъ въ данномъ случаѣ, наблюдается часто діалектически въ чанскомъ.

5) Н. Марръ, *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи*. VI, стр. 419—426.

вм. *ti-tku-me [1]). Наконецъ, этотъ прототипъ повторяетъ съ возможной для нашей клинописи точностью яфетическую основу tku отъ корня tkw, означающаго *лгать*: г. იტყუა i-tkua *солгалъ*, მატყუარა ma-tku-ara *обманщикъ, лжецъ* [2]), ტყუილი tku-il-i (< *tku-in-i) *ложь* и т. п. [3]). Но такое именно полное созвучіе вынуждаетъ предположить, что тутъ дѣло имѣемъ съ заимствованіемъ. Кто заимствовалъ, это рѣшаетъ видъ префикса: разъ въ ti- имѣемъ дессибилованный видъ ṫi-, а не ṭi-, т. е. подъемъ ќарт̔скаго si-, слово заимствовано языкомъ 2-й категоріи изъ ќарт̔скаго цѣликомъ вмѣстѣ съ префиксомъ. Въ тѣхъ ќарт̔скихъ словахъ съ этимъ префиксомъ si-, которыя заимствованы тубал-кайнскими разновидностями ш-языка, мы также наблюдаемъ равносильный подъемъ и ассибилованный и дессибилованный, но звонкій: s > ď, resp. d, напр. основа съ префиксомъ si- ќарт̔скаго слова სიცინი si+ϑin-i *смѣхъ* въ ч̆анскомъ преобразилась въ ძიცინ ďi+ϑin (ოძიცინუ o-ďiϑin-u *смѣяться*), основа съ префиксомъ si- ќарт̔скаго слова სისხლი si+sql-i *кровь* — въ ч̆. დიცხირი di+ϑqir-i [4]) *кровь*. При звонкомъ (z) произношеніи вм. глухого (s), сибилянтъ префикса поднимался въ звонкій ассибилованный ď, какъ напр., სიტყუაჲ si-tkua-y *слово*, ч̆. ზიტა zi-ta *слово* > ოძიტუ o-ďi+tu *говорить*, но въ языкѣ 2-й категоріи вмѣсто звонкихъ ď > d префиксъ долженъ былъ проявлять глухіе ṫ > t, т. е. звучать ṫi- > ti-, почему въ немъ ќ. *სიტყუე *si-tku-e могло подъемомъ преобразиться только въ *ṫi-tukka > ti-tukka.

Согласно съ составомъ языка 2-й категоріи префиксъ долженъ былъ звучать или ші-, resp. іш-, по бо́льшей близости къ тубал-кайнскимъ, или hi-, resp. ih-||ri-, resp. ir-, по принадлежности къ спирантной группѣ. И въ текстахъ мы находимъ примѣры для иллюстраціи даже непочатаго вида префикса ші-, resp. іш-.

1) Префиксъ ші- на лицо въ словѣ ші-шпе. Это слово въ значеніи прилагательнаго, какъ это дѣлали кунеологи, не можетъ быть истолковано, такъ какъ Д. падежъ -na трудно оправдать при прилагательномъ. Самъ корень въ ќарт̔скомъ трехсогласный шvn, отсюда глаголъ III-й породы a-шvena *онъ украсилъ*, II-й породы i-шvena *онъ украсился*, отглагольное имя — შნოჲ шno-y (< *шnva-y < *шvna-y) *красота*, но также по II-й по-

1) Хотя ti-tkime, возможно, представляетъ стянутую форму вм. *titku-ime, resp. *tituk-ime.

2) Это въ формѣ III-й породы, а въ формѣ I-й породы მტყუვარი m-tku-(v)ar-i, такъ же მტყუანი m-tku-an-i *лжецъ, виновный* (собственно, оказавшійся *лжецомъ* въ своихъ утвержденіяхъ).

3) Слѣдовательно, тутъ нѣтъ основанія усматривать въ titukka страдательное причастіе отъ tite, какъ предполагалъ Weissbach, s. v.

4) О промежуточной замѣнѣ s звонкимъ z до подъема въ ď, resp. d въ данныхъ примѣрахъ см. Н. Марръ, *Грам. ч̆ан. яз.*, § 119, с.

родѣ — სიშვენე si-шven-e; шi-шne представляетъ тождественное образованіе отъ истертаго до двухсогласности (шn) вида того же корня, и, слѣдовательно, значитъ *красота*, а не *красивый*, какъ видно и изъ слѣдующихъ цитатъ —

a) H 16: yiak[1]) шiшne kutta tartuak hizitu (‖hizila) sap u tukmanna[2]) «и *красота* и *недоступность* (букв. *скрытность*) такова, какъ мною приказано есть (или: мнѣ было приказано?)».

b) D 12: irшeki tayie-te шiшne-na huttuk Parшa hi-ma appa u huttara «много другихъ (съ) *красотой*[3]) сдѣлано въ Персіи, которое сдѣлано мною».

c) D 15: appa шarak huttukka ziyamak шiшne-na hupe marrita zaumin Uramaшtana huttutta «какое только (= еще) сдѣлано и виднѣется (съ) *красотою*, то все милостью Ормузда было сдѣлано».

d) K 18—20: Tariyamauш... akka u attata hupirri zaumin Uramaшtana irшeki appa шiшne-ni huttaш «Дарій... который мой родитель былъ (atta-ta), тотъ милостью Ормузда много, что — *красиво*[4]), сдѣлалъ».

2) Перестановка гласнаго на первое мѣсто, излюбленная въ языкѣ 2-й категоріи, даетъ себя знать и въ префиксѣ шi- > iш-, такъ въ словѣ, до сихъ поръ не истолкованномъ, iшtukra во фразѣ (Bh III, 80—81): inne ippakra inne iшtukra, гдѣ и въ ippakra и iшtukra послѣдній слогъ (ra) есть вспомогательный глаголъ *есть*, что же касается iш-tuk, въ немъ основа tuk съ префиксомъ iш- (< шi-), и все слово значитъ *ложь*, т. е. въ немъ имѣемъ двойникъ ti-tuka съ префиксомъ уже тубал-каинскаго типа, и фраза вслѣдъ за заявленіемъ Дарія о господствѣ его гласитъ: «нѣтъ ни ippak'a, нѣтъ ни *лжи*».

§ 33. Префиксъ hu- двоякій.

Первый префиксъ hu-, эквивалентъ т.-к. *шо-, сохранившагося или съ дессибилованнымъ подъемомъ въ видѣ do- (< d̂o-) или по перебоѣ ш въ ɕ въ видѣ o- (< *ɕo-), к̔. sa-, св. na- > la-.

---

1) Оставляю пока yiak при прежнемъ чтеніи.

2) tukman-na (< *tuk-manra) отглагольное имя (-man‖-min-e) отъ основы tuk (< *tku) со значеніемъ *говорить, приказывать*, корень — twk ∾ *tkw‖к̔. ϑqw‖ϑqm: თქუმა ϑquma-y *говореніе, говорить, приказывать*, თქუმული ϑqum-ul-i *сказанный*, ϑquam- основа пр. сов. მითქუამს mi-ϑquam-s *я говорилъ когда-то‖давно*, собст. *мною* (m-i‖2-й кат. u-) *сказано‖приказано* (ϑquam‖2-й кат. tukman) *есть* (s‖2-й кат. na < ra). Сообразно съ этимъ H 13: Uramaшta hizitu‖hizila tukminena «Ормуздомъ такъ *приказано* было».

3) О суффиксѣ -te слова tayie см. § 20, но если это не суффиксъ, а самостоятельное слово, то его можно толковать въ значеніи *глазъ* (§ 49), и тогда irшeki tayie te шiшnena придется перевести «много другого [съ] красотой (для) *глаза*».

4) шiшne-ni < *шiшne-in-i. Тутъ-то слово можно перевести и прилагательнымъ, такъ какъ суффиксъ Р. падежа могъ служить для образованія прилагательнаго отъ существительнаго (§ 41).

Назначеніе этого префикса — образовывать между прочимъ имена мѣста. Такое назначеніе обычно во всѣхъ яфетическихъ языкахъ.

§ 34. Въ языкѣ 2-й категоріи съ этимъ префиксомъ имѣемъ слово hu-man *городъ* 33,2 [букв. *поселеніе*, *жилище*, *домъ*].

Это hu-man *городъ* въ качествѣ заимствованія сохранилось въ грузинскомъ, какъ обыкновенно, съ потерею спиранта въ началѣ и подъемомъ m въ b: უბანი u-ban-i *стогно*, *площадь въ городѣ*, *улица*, *предмѣстіе*, *кварталъ*, но прежде всего *поселокъ*, *село* или *мѣстечко*. Въ Хевсуріи говорятъ ზეზეუბანი zeze-uban-i и ქვექვეუბანი qveqve-ubani[1]). Въ Имеріи ზედუბანი zed-ubani говорятъ про с. Окрибу. Въ Грузіи имѣется цѣлый рядъ названій *селъ* или *мѣстечекъ* съ этимъ терминомъ უბანი uban-i въ составѣ[2]). Иногда начальный гласный въ такихъ случаяхъ произносится не u, а «o»: კოლობანი Kol-oban-i, ქოლობანი Qol-oban-i. Еще интереснѣе отмѣтить случай, когда коренной согласный m сохранился безъ подъема въ b: ბაკისუმანი Bakis-uman-i[3]). Имѣемъ ли то же слово съ потерею префикса u- въ г. ბანი ban-i *кровля*, пока трудно рѣшить, такъ какъ еще далеко до выработки научныхъ нормъ, по которымъ надо распредѣлять между яфетическимъ и индоевропейскимъ слова, общія въ яфетическихъ и иранскихъ языкахъ. До сихъ поръ такой вопросъ и не ставился. Во всякомъ случаѣ въ иранскихъ языкахъ имѣются въ значеніи *кровли* едва-ли случайно созвучныя слова—авест. bān, ново-п. bām, и если г. ban-i окажется яфетическимъ по происхожденію, то оба названныхъ персидскихъ слова придется признать частью лексическаго вклада яфетидовъ въ иранскіе языки.

Въ самомъ языкѣ 2-й категоріи яркое доказательство существованія слова безъ префикса, именно *man, въ значеніи *домъ* имѣемъ въ послѣлогѣ ma *внутри*, *въ (на, къ)*, представляющемъ его съ усѣченіемъ послѣдняго коренного n (§ 25). Эту простую, безъ усѣченія, основу, но всетаки съ подъемомъ m въ b — բան ban — сохранилъ въ качествѣ переживанія армянскій, именно армянскій, а не hайскій языкъ, въ значеніи *постройки*, *дѣла*, *работы*, что̀ въ яфетическихъ языкахъ выражается всегда корнями и основами, означающими

1) Т. е. *верхній поселокъ, нижній поселокъ*. Матеріалъ по названіямъ съ -უბან-ი uban-i собранъ по моей просьбѣ студентомъ А. Шанидзе.

2) ალის-უბანი Alis-uban-i, ვარდის-უბანი Vardis-uban-i, კალო-უბანი Kalo-uban-i, მარტო-უბანი Marto-uban-i, ურიათ-უბანი Uriaϑ-uban-i, ქორე[ბ]ის-უბანი Qorebis-uban-i, нынѣ ქორესიმა Qoresima (въ Нижней Имеріи), ყორყის-უბანი Qorqis-uban-i (въ Пшавіи). Извѣстно было и въ старину мѣстечко დევთ-უბანი Devϑ-uban-i [букв. «*городъ* духовъ»], откуда происходила მარიამ დევთუბნელი *Марія Девтубан'ская*, память которой значится въ *Синодикѣ Крестнаго монастыря* (Bibliotheca Armeno-Georgica, III. 274) подъ 24 іюля.

3) Произносятъ и Bakis-ubani. Сюда же относится ქოლომანი Qol-oman-i, варіантъ упомянутаго уже Qol-oban-i.

домъ и *селеніе*. Въ һайскомъ также существуетъ բան ban, но совершенно иного значенія и иного, хотя равнымъ образомъ, какъ увидимъ, яфетическаго происхожденія. Но армянское ban въ значеніи *дѣла*, *работы*, собственно въ корнѣ *построенія*, *воздѣланія* находится въ непосредственной связи съ һайскимъ վան van, означающимъ *домъ*, *жилище*, *обиталище* (въ христіанской терминологіи pl. tantum — վանք van-q *обитель*, *монастырь*), а также *городъ* въ составѣ названій городовъ—Նախճեվան Naq̇če-van и десятка другихъ, да и само названіе города Վան Van. Въ связи съ этимъ не слѣдуетъ бояться пересмотра одной детали, именно нынѣ признаваемаго индоевропейскимъ h. աւան a-wan: можетъ статься, что и въ немъ имѣемъ не индоевропейское слово, а то же яфетическое съ префиксомъ a-, resp. *ha-, эквивалентомъ перечисленныхъ его разновидностей, въ томъ числѣ ќарт́скаго sa-[1]). Въ древне-грузинскомъ въ качествѣ заимствованія изъ һайскаго обычно и слово ვანი van-i *домъ*, *жилище*, *обитель*, *монастырь*, а также *селеніе*, откуда названія нѣсколькихъ селъ въ Грузіи: ვან-ი *Ванъ*, напр. въ Озургетскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи. Отъ этого слова съ ќарт́скою разновидностью того же префикса sa- имѣемъ древне-г. სავანჱ sa-van-e-y *обиталище*[2]). Я сейчасъ не вхожу въ матеріалъ, который по этому вопросу даютъ намъ такъ называемыя ванскія клинообразныя надписи.

Тотъ же префиксъ въ перемѣщенномъ состояніи hu- ∾ *uh-, притомъ съ замѣною h плавнымъ r — ur-[3]), сохранило слово языка 2-й категоріи: ur-man[4]) *дворецъ*, букв. *обиталище*, *мѣсто дома*, *дворъ* (ср. семасически въ грузинскомъ სახლი saq̇l-i *домъ*—სასახლე sa-saq̇l-e *дворецъ*).

Если бы слово языка 2-й категоріи urman *дворецъ* также проникло къ грузинамъ, то оно бы должно было звучать *urban, и это такъ и есть:

---

1) Между прочимъ случай представленія ќарт́скаго сибилянта s въ һайскомъ исчезающимъ его эквивалентнымъ спирантомъ имѣемъ въ աղխ aḷq̇ (< *haḷq̇ ∾ *haq̇l), означающемъ *домъ*, и въ связи съ этимъ *родъ, домочадцы*, *скарбъ* и т. п. Прототипъ *haq̇l является точнымъ двойникомъ ќ. saq̇l-i *домъ*. Тотъ же корень съ полногласіемъ даетъ *aq̇aḷ, опять таки съ перестановкой 2-го и 3-го коренныхъ *haḷaq̇, основу слова աղախին haḷaq̇-in (< *haḷaq̇-in) *рабыня*, собст. *домочадецъ* (ср. მსახური m-saq̇-uri. Н. Марръ, *Древнегруз.-русск. словарь къ 1—2 гл. Марка*, s. v.). По полногласію второй видъ основы *haq̇aḷ > aḷaq̇ примыкаетъ, какъ и по перебою сибилянта въ спирантъ, къ тубал.-кайнскому эквиваленту, но безъ его діалектическихъ особенностей — перерожденія «a» въ «o» и замѣны l плавнымъ r: ч. ოხორი oq̇or-i *домъ*.

2) Есть и названіе села სავანე Sa-van-e въ Кутаисской губерніи.

3) Когда г. ადგილი a-dgil-i (< *ha-dgin-i) *мѣсто* заимствовавшіе его мингрельцы и за ними большая часть свановъ (чл. тх, хл, м) произносятъ одни, мингрельцы, არდგილი ar-dgil-i, а другіе, сваны, — არდგილ ar-dgil, то въ излишкѣ r имѣемъ, сдается мнѣ, не фонетическій наростъ зубного d, а морфологическій согласный элементъ префикса ra-, эквивалентъ спиранта h, перемѣстившагося на послѣднее мѣсто — ha- ∾ *ah- > ar- — совершенно такъ же, какъ въ языкѣ 2-й категоріи hu- ∾ *uh- > ur-.

4) Bh III, 3: urman-ni.

родительный его падежъ ურბნისი Urbn-is-i представляетъ названіе города, одного изъ интереснѣйшихъ въ археологическомъ отношеніи пунктовъ Грузіи [1]). Это первоначально былъ городъ; разрушенный при арабахъ, впослѣдствіи онъ сталъ епископской каѳедрой.

Форма ubani въ видѣ *o-ban-i могла быть закономѣрною тубал-кайнскою формою, но ни мингрельскій, ни ч̒анскій не сохранили слова отъ этого корня съ перебоемъ согласнаго элемента ш > въ ϵ, потому не находимъ въ нихъ *o-ban-i, но въ мингрельскомъ есть возможность указать закономѣрную тубал-кайнскую форму *do-ban-i; послѣднюю форму сохранилъ древнегрузинскій безъ тубал-кайнской діалектической перегласовки (a > o) въ словѣ დაბანი da-ban-i (существенная особенность въ немъ — сохраненіе первичной яфетической огласовки (a) префикса da-), отсюда г. დაბაჲ daba-y въ древности *селеніе*, сейчасъ и *мѣстечко*, *городокъ*; собственно коренное его значеніе «населенное, воздѣланное мѣсто», и въ сванскомъ, гдѣ слово еще болѣе сократилось, именно და̈ბ dä́b, значитъ *пашня*, *нива*, но полная форма слова daban, почему мн. ч. въ грузинскомъ დაბნები dabn-eb-i *села*, производное отъ него съ грузинскимъ отрицательнымъ префиксомъ u-: უდაბნოჲ u-dabn-o-y *пустыня*, букв. *не населенное*, *не обработанное мѣсто*.

Если бы въ грузинскомъ сохранилось чистое коренное, т. е. к̒арт̒ское соотвѣтствіе слова языка 2-й категоріи hu-man, по огласовкѣ слѣдующаго нормамъ тубал-кайнскихъ языковъ, то оно не только должно было представить префиксъ sa-, но и основа звучала бы съ видоизмѣненіемъ какъ коренныхъ согласныхъ, такъ огласовки, именно конечный n к̒арт̒скій языкъ даже въ заимствованныхъ словахъ, конечно, глубоко усвоенныхъ, замѣнялъ плавнымъ l, а тубал-кайнской огласовкѣ «a» въ к̒арт̒скомъ закономѣрно соотвѣтствуетъ e. Такое к̒арт̒ское соотвѣтствіе имѣется вплоть до нашихъ дней въ грузинскомъ, но префиксъ sa- подъ вліяніемъ тубал-кайнской нормы или, быть можетъ, нормы языка 2-й категоріи успѣлъ замѣнить «a» гласнымъ «o», т. е. преобразиться въ so-. Такое преображеніе к̒арт̒скаго префикса sa- въ so-, сказать кстати, не единично. Такимъ образомъ слово языка 2-й категоріи hu-man, извѣстное изъ Ахеменидскихъ надписей, и т.-к. *do-ban-i, resp. *da-ban-i, сохранившееся и въ заимствованномъ грузинами დაბაჲ daba-y (< *da-ban-i), въ качествѣ чисто к̒арт̒скаго эквивалента въ грузинскомъ имѣютъ soφel-i (<*so-men-i), означающее *населенное мѣсто*, *селеніе*, *страна*, *вселенная*. Въ сванскомъ имѣемъ случай двукратнаго заимствованія этого к̒арт̒скаго слова: одно, очевидно, позднее — въ непочатомъ видѣ სოფელ soφel

---

1) Brosset въ ურბნისი urbnis-i усматривалъ искаженіе грузинскихъ словъ ურიათ უბანი uriaϑ ubani *квартал евреевъ* или *іудеевъ* (см. Bull. hist.-phil. de l'Acad., t. VI, стр. 21).

деревня, სოფლობ sop̣l-ob (э, п̆, тр) *сходъ*, другое въ сокращенномъ или усѣченномъ видѣ, подобно dăb при *daban-i, resp. daba-y,—სუფ sup̣ *площадь среди села*, м, э, п̆, тр, х სŭფ sŭp̣ (тх *церковный дворъ*), хл სჳიფ > სჳჲფ swip̣ > swyp̣; ту же усѣченную основу съ сванскимъ раздвоеніемъ u въ wi, но съ болѣе архаичнымъ m вм. p̣ имѣемъ въ формѣ plurale tantum на -ra въ св. სჳიმრა swim-ra *міръ*, *народное собраніе*, *вѣче*, отсюда—სჳიმრობ ლი swim-+r-ob li *сходъ идетъ* (букв. *есть*[1]). И. А. Джаваховъ выяснилъ исторію daba-y и so-p̣el-i въ древне-грузинской литературѣ, причемъ констатируется фактъ, что только съ VIII-го вѣка употребляется so-p̣el-i въ значеніи *села*; оно извѣстно и до VIII-го вѣка, но въ значеніи *страны*, *вселенной*, въ значеніи же *села* въ древнѣйшую эпоху извѣстенъ только терминъ დაბაჲ da-ba-y[2]), но эта исторія имѣетъ значеніе лишь для литературнаго языка.

§ 35. Другое слово съ тѣмъ префиксомъ hu- ∾ *uh- > ur-, служащимъ для образованія мѣста или имени дѣйствія, сохранилось въ отыменномъ глаголѣ, означающемъ *мыслить*, *думать*, *считать*; слово это — urman, гдѣ основа не urma, а man, что же касается ur-, то это префиксъ hu- съ тою же перестановкою и замѣною спиранта плавнымъ, какія были указаны въ случайно созвучномъ ur-man *дворецъ*.

Прежде чѣмъ перечислить цѣлый рядъ родственныхъ съ основою man словъ, указывающихъ на ея истинное происхожденіе, отмѣчу одно общераспространенное въ яфетическихъ языкахъ явленіе, именно выраженіе понятій *мыслить* и *говорить* однимъ и тѣмъ же словомъ, напр., въ ново-грузинскомъ განზრახვა gan-zraq̇-va отъ корня zrq̇ значитъ *мысль*, *намѣреніе*, но въ древне-грузинскомъ тотъ же глаголъ безъ предлога ზრახვაჲ zraq̇-va-y значитъ и *говорить*, *собесѣдовать*, и *мыслить*, *совѣщаться*. Да и въ ново-грузинскомъ ზრახვა zraq̇-va, а также съ подъемомъ z въ ǯ — ძრახვა ǯraq̇-va значитъ *говорить дурно*, *охуждать*, *порицать*. На такой семасической почвѣ съ man, основою слова языка 2-й категоріи ur-man *мышленіе*, приходится отожествлять не одно только hайское (именно hайское, а не армянское) ban, которое означаетъ, какъ въ греческомъ λόγος, и *мысль*, *разумъ*, и *слово*, *рѣчь*. Въ грузинскомъ сохранилась въ заимствованномъ видѣ изъ языка 2-й категоріи именно форма ur-man, собственно *u-man

---

1) Весьма вѣроятно, что діалектическую разновидность *somen-i, съ дессибилованнымъ подъемомъ s въ t (ассибилованный былъ бы t = ţ), представляетъ слово ванскихъ клинообразныхъ надписей tumeni-, переводимое обыкновенно *село*, гевр. *села*, напр. Sayce, *The Cuneiform Inscriptions of Van*, JRAS, XIV, стр. 636,8, 643,10.

2) И. Джаваховъ, *Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи*, стр. 39; кстати, предлагаемое здѣсь производство sop̣el-i отъ სუფევა sup̣eva приходится отклонить.

(< *uh-man или *hu-man), въ основѣ u-ban- въ значеніи *рѣчи*, *бесѣды*, отсюда отыменный глаголъ ubn-ob-a *говорить.* По законамъ яфетической фонетики, въ частности и фонетики языка 2-й категоріи, съ n чередуется r, такъ что въ языкѣ 2-й категоріи нашихъ же клинообразныхъ надписей могла бы встрѣтиться рядомъ съ *u-man параллельная разновидность *u-mar, и такая діалектическая разновидность языка 2-й категоріи сохранилась въ грузинской основѣ u-bar- въ значеніи *рѣчи*, *разговора*, откуда съ префиксомъ მო- mo- — обычное грузинское слово მოუბარი mo-ubar-i *бесѣдующій*, *говорящій.* Но поучительнѣе то, что отъ основы ubar въ грузинскомъ образовано новое слово съ префиксомъ sa — საუბარი sa-ubar-i *разговоръ*, *бесѣда*; поучительно это образованіе въ томъ смыслѣ, что картскій префиксъ sa- есть эквивалентъ префикса u- (< *hu, resp. *uh-) языка 2-й категоріи, наличнаго уже въ словѣ u-bar, и это не сознавалось грузинами: форма, очевидно, была не родная, разъ при префиксѣ u- ставили еще равнозначущій префиксъ, его двойникъ — sa-. Въ грузинскомъ это же ubar- *рѣчь* употреблялось и безъ префикса въ видѣ bar, откуда съ картскимъ отрицательнымъ префиксомъ u- прилагательное უბარი u-bar-i *не говорящій съ кѣмъ либо*, *находящійся съ кѣмъ либо въ ссорѣ*, *въ размолвкѣ*, что̀ встрѣчается обыкновенно адвербіально въ формѣ u-br-ad *въ размолвкѣ*, но діалектически и въ основѣ глагола უბრობა u-br-oba *не заговаривать*, *быть молчальникомъ* [1]).

Отъ того же имени bar въ значеніи *слова*, *наказа*, *зова* грузины образовали рядъ глаголовъ съ тѣмъ или инымъ предлогомъ, напр. da-ma-bara *онъ наказалъ мнѣ*, *поручилъ мнѣ сказать что либо кому либо*, da-m-ibara *онъ вызвалъ меня къ себѣ*, букв. *онъ велѣлъ сказать мнѣ къ нему идти* и др. [2]).

Пока я не изучалъ языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей, то не только г. უბრად u-br-ad *въ размолвкѣ* (отъ უბარი u-bar-i *безсловесный*) и დაბარება da-bar-eba *вызывать*, но и г. глаголъ უბნობა ub-n-oba *говорить*, восходящій къ основѣ u-ban *рѣчь*, и г. მოუბარი mo-ubar-i *говорящій* и საუბარი sa-u-bar-i *бесѣда*, въ основѣ которыхъ — u-bar *рѣчь*, я производилъ отъ h. բան ban *слово*, *мысль*, *разумъ* и отъ арм. (и h.) բառ baṛ *слово*, что и въ составѣ арм.-h. բարբառ barbaṛ *рѣчь* [3]), *нарѣчіе*, *діалектъ* [4]). Я предполагалъ, что эти слова были заимствованы изъ арійзованнаго

---

1) В. Беридзе, სიტყვის-კონა, s. v., ср. I. Кипшидзе, *Мингр.-русск. сл.*, подъ გო-სარჭყლავე.

2) Напр. მობარება mo-bar-eb-a, მიბარება mi-bar-eba, ჩაბარება ǯa-bar-eb-a.

3) Отсюда անբարբառ an-barbaṛ *безъ рѣчи*, *молчаливо*, напр. Фаустъ, III, 3, Пб. изд., стр. 7,37.

4) Въ свою очередь слова эти въ hайскомъ должны бы были проявлять глухой p вм. звонкаго b, и это находимъ въ нарѣчіяхъ, какъ, напр., ванскомъ պան pan.

древняго языка Арменіи грузинами, и отъ нихъ образованы перечисленныя грузинскія формы, но на самомъ дѣлѣ заимствованы не только основныя формы, но и производныя съ префиксомъ u- въ словахъ უბნობა u-bn-oba, მოუბარი mo-ubar-i и საუბარი sa-ubar-i, этотъ же префиксъ—не-к̔арт̔скій, а собственность языка 2-й категоріи; слѣдовательно, заимствованія сдѣланы изъ языка 2-й категоріи, притомъ изъ различныхъ его діалектовъ, съ которыми, весьма возможно, какіе либо яфетическіе языки Арменіи были въ теснѣйшей связи, но это вопросъ особый.

Для насъ сейчасъ важнѣе установить, что рядомъ съ заимствованіями изъ языка 2-й категоріи отъ тѣхъ же корней у грузинъ имѣлись и другія яфетическія разновидности, что существовала и к̔арт̔ская, т. е. коренная грузинская, разновидность того же слова.

Первичная норма яфетическихъ корней — трехсогласность; особенно обязательна эта норма для чистыхъ представителей того развѣтвленія яфетическихъ языковъ, къ которымъ относятся сибилянтная группа, т. е. s-языкъ (к̔арт̔скій) и въ значительной мѣрѣ ш-языкъ, исторически распавшійся на два языка, такъ называемые тубал-кайнскіе, т. е. мингрельскій и чанскій; двухсогласный корень языка 2-й категоріи man, равно ban и bar (baŗ) представляютъ форму qman[1]) съ потерею перваго кореннаго, очевидно, какого либо слабаго спиранта ɜ, судя по приводимому ниже к̔арт̔скому эквиваленту, h: *hman > *hpan. Сообразуясь, во-первыхъ, съ нормами к̔арт̔скихъ звукосоотвѣтствій, по которымъ формѣ qman языка 2-й категоріи соотвѣтствуетъ к̔арт̔ская qmen и спиранту h (resp. ɜ) языка 2-й категоріи к̔арт̔скій s, к̔арт̔ская праформа должна была звучать *spen-i, а позднѣе, въ виду исторіи n, — *spel-i, въ значеніи *рѣчи*. Такого слова въ грузинскомъ мы не находимъ, но оно сохранилось въ составѣ hайскаго сложнаго слова *առասպել* aŗa-spel-i *сказка*, *миѳъ*, состоящаго изъ сочетанія двухъ синонимовъ aŗa *сказка* (< ar-ak: h. *առակ* aŗ-ak *сказка*, *басня*, г. არაკი ar-ak-i *притча*, *басня*, м. არიკი ar-ik-i[2]) *сказка*), судя по суффиксу его прототипа, также слова языка 2-й категоріи, и к̔. *spel-i *сказка*.

Опускаю другіе, именно тубал-кайнскіе, сванскіе и иные яфетическіе эквиваленты того же слова и другіе примѣры на этотъ префиксъ hu- языка 2-й категоріи.

§ 36. Префиксъ hu- съ первоначальнымъ u (не o) въ яфетическихъ языкахъ той группы, къ которой относятся s-языкъ (к̔арт̔скій) и ш-языкъ (тубал-

1) qmn есть примѣрный шаблонъ трехсогласныхъ корней яфетическихъ языковъ, какъ ḳtl = قتل или fkl = فعل въ арабскомъ.

2) Замѣну «a» гласнымъ i въ суффиксѣ -ak проявляетъ и грузинскій языкъ діалектически, напр. по-имерски, въ частности по-гурійски въ словѣ ლაპარიკი lapar-ik-i *разговоръ*, а также по-ингилойски—ლაპარიკ lapar-ik *разговоръ* (М. Джанашвили, საინგილო, ц. м., стр. 225, 252).

кайнскіе: мингрельскій, ч̆анскій), и въ языкахъ, подвергшихся ихъ сильному вліянію, замѣщается другимъ префиксомъ, именно m- съ той или иною огласовкою (mo-, ma-, ma-i->me-). Назначеніе этого hu- въ языкѣ 2-й категоріи — образовывать имена дѣйствующихъ лицъ, отсюда hu-pa *господинъ* въ описательномъ выраженіи hupa git *я господствовалъ* (Bh III, 80), мн. ч. hupap-pi (<*hupaw-pi) *господа* (Bh I, 44, II, 57; III, 17, 18, 33, 45, 46) въ соотвѣтствіе перс. fratamā *«первѣйшіе»;* hu-pa *господинъ* представляетъ усѣченную форму, но чего? Казалось бы, полнаго hu-φal, сохранившагося въ грузинскомъ въ качествѣ заимствованія съ потерею спиранта въ видѣ უფალი u-φal-i *господинъ;* рядомъ съ უფალი u-φal-i въ грузинскомъ извѣстно то же слово и безъ префикса u- въ составѣ მამფალი mam-φal-i *отецъ-господинъ, патріархъ, главарь*; этотъ терминъ, которымъ именовались владѣтельные князья или династы Грузіи, былъ извѣстенъ и иностранцамъ, именно армянамъ, грекамъ и, какъ показалъ J. Marquart, даже арабамъ [1]). Въ грузинскомъ сохранился трехсогласный корень φlw въ значеніи *господствовать, владѣть*, и тѣмъ не менѣе ни უფალი u-φal-i, ни -ფალი -φal-i, что̀ въ составѣ მამფალი mam-φal-i, не представляетъ коренного к̆артскаго слова по образованію: префиксъ u- въ грузинскомъ въ качествѣ nominis actoris появляется только въ უფალი u-φal-i, nomen actoris безъ префикса m- въ чисто к̆артскихъ словахъ не встрѣчается. Чисто к̆артская форма имени дѣйствующаго лица отъ слабаго корня φlw должна была гласить *me-φel при тубал-кайнскомъ эквивалентѣ *ma-φal, что̀ и сохранилось съ потерею, какъ въ нарѣчіи языка 2-й категоріи клинообразныхъ надписей, послѣдняго коренного согласнаго, съ одной стороны, въ грузинскомъ მეფე me-φe *царь*, съ другой, въ ч̆анскомъ и мингрельскомъ მაფა ma-φa *царь*. И въ значеніи глагола *владѣть* въ одномъ изъ тубал-кайнскихъ, именно въ мингрельскомъ, корень φlw представленъ бываетъ однимъ только начальнымъ согласнымъ φ: м. მაფუ ma-φ-u *у меня есть, я владѣю*. Какъ бы инстинктивно предугадывая формы будущаго развитія грузинскаго языка, философъ Іоаннъ Петрицкій еще въ XI-мъ вѣкѣ искусственно доразвилъ უფალ uφal *господинъ* до той же односогласности въ видѣ უფ uφ въ сочиненномъ имъ терминѣ თვისუფ ϑvis-uφ вм. обычнаго თავის-უფალ ϑavis-uφal въ значеніи *свободный* (букв. *свой господинъ* [2]). Очевидно, и უფალი u-φal-i и -ფალი -φal-i, озна-

1) *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, стр. 186.

2) Кстати, въ первой части сванскаго сложнаго слова ლჷფქ̄ელ ləφ-kēl *госпожа, княгиня, дворянка*, т. е. въ ləφ- имѣемъ, по всей видимости, ту же усѣченную форму слова hu-pa съ сванскимъ эквивалентнымъ префиксомъ lu-, но съ ослабленіемъ u > ə и потерею исходнаго—а: *lu-φ > lə-φ. Для второй части -kēl удается установить значеніе *женщина*, собств. *самка* въ связи не столько съ г. ქალი qal-i *женщина*, сколько съ чечен. ḳēl (Усл. «к̆ēл») *кобылица*. Въ общемъ слово ლჷფქ̄ელ ləφ-kēl представляетъ образованіе, тожде-

чающія одинаково «господинъ», хотя и яфетическаго происхожденія, грузинскимъ—заимствованы, но не изъ языка, на которомъ изложены Ахеменидскія клинообразныя надписи 2-й категоріи, а изъ какого-то другого, лучше сохранившагося его діалекта.

Наличная въ клинообразныхъ надписяхъ форма hu-pa можетъ восходить не къ *hu-pal, сохранившемуся въ грузинскомъ въ видѣ უფალი u-φal, а къ *hu-pav, и присутствіемъ этого губного v можетъ объясниться появленіе двухъ p во мн. числѣ hu-pap-pi вм. *hu-paw-pi [1]). Что касается появленія v, resp. w вм. l, это фонетическое явленіе характеризуетъ изъ яфетическихъ особенно ярко сванскій языкъ. Во всякомъ случаѣ грузинскій языкъ не только подтверждаетъ существованіе разновидности *hu-pav, но онъ сохранилъ ся древнѣйшую ступень, до перебоя сибилянта въ спирантъ, на родной почвѣ языка 2-й категоріи ш > ꞓ (у кунеологовъ h), допустивъ лишь обычную картскую перегласовку «a» въ «e» и, естественно, замѣну шипящаго (ш) картскимъ свистящимъ (s): вотъ ее-то и имѣемъ, очевидно, въ качествѣ заимствованія въ грузинскомъ su-φev, служащемъ основою для отыменнаго глагола სუფევაჲ suφev-a-y, означающаго *царствовать, владычествовать, господствовать, существовать* [2]). Извѣстна была эта основа и съ перебоемъ s въ спирантъ h, въ грузинскомъ исчезавшій, въ видѣ u-φev (< *hu-φev), такъ какъ отъ послѣдней разновидности происходитъ, съ потерею послѣдняго коренного v, имя дѣйствующаго лица მეუფე me-u-φe *царь, государь*. Очевидно, въ грузинской средѣ при возникновеніи такой формы не чувствовалось, что получается уродливое образованіе, не было сознанія, что уродливо прибавлять новый префиксъ дѣйствующаго лица me-, когда въ словѣ уже имѣется такой префиксъ въ видѣ u- (< hu-), но это еще лишній разъ доказываетъ, что какъ su-φew, такъ *hu-φev, собственно — u-φe грузинами были заимствованы; если бы не картская перегласовка и утрата спиранта, то послѣднія двѣ формы должны были звучать въ значеніи *господина* *hu-φav > *hu-φa, что̀ и сближается до тожества со словомъ языка 2-й категоріи hu-pa (< *hu-paw).

§ 37. Установленіе происхожденія грузинскаго термина უფალი uφal-i изъ языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей, кстати, представляетъ весьма существенный археологическій интересъ. Одна изъ

ственное съ арм. տիկին ti-kin (< *payti-kin *госпожа*, букв. «господ*инъ* женщина»), ср. также г. დედოფალი dedoφal-i (< deda-uφal-i) *государыня, царица*, равно დიოფალი dioφal-i (< dia-uφal-i) id.

1) Ср. выше (§ 23, стр. 55) appa изъ предполагаемаго *aw-pa.

2) Отсюда съ картскимъ префиксомъ sa- и суффиксомъ -el: სასუფეველი sa-su+φev-el-i *царство, царствіе*, напр. სასუფეველი ცათაჲ sa-su+φev-el-i ϑaϑa-y *небесное царствіе* (Мѳ 3,2). Любопытно, что въ Мѳ 4,8 Московское изданіе въ значеніи «царства» сохранило архаическое чтеніе სუფევანი suφeva-ni (სუფევანი ამის სოფლისანი), тогда какъ въ древней hадишской рп. вульгарное — მეფობანი meφoba-ni (ყოველი მეფობანი ჲ).

древнѣйшихъ крѣпостей Грузіи უფლის-ციხე Uφl-is ǯiqe, т. е. крѣпость Уп̆ала, носящая въ названіи терминъ указаннаго происхожденія, находится близъ того дворцоваго города, ურბნისი Urbn-is-i, который, какъ было показано, именуется другимъ терминомъ того же происхожденія. Естественно напрашивается мысль, что и Уп̆лис-цихэ и Урбнисъ относятся къ одной эпохѣ строительства, свидѣтельствующей объ особенно сильномъ вліяніи народа, говорившаго на языкѣ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей, на Грузію, быть можетъ, объ ихъ иммиграціи въ эту страну. При такихъ, впервые открывающихся перспективахъ, пріобрѣтаетъ совершенно особый смыслъ, извѣстное мѣстное преданіе, облеченное въ легендарныя формы начальной части *Грузинскихъ лѣтописей*. Здѣсь разсказывается, что одинъ изъ первостроителей грузинской страны, именно Уп̆лосъ, построилъ три пункта — უფლის-ციხე Uφlis-ǯiqe, ურბნის Urbn-is и კასპ Kas-p. Замѣчательно то, что и послѣднее названіе города, процвѣтавшаго до арабскаго нашествія, нынѣ мѣстечка, представляетъ терминъ явно того же происхожденія въ формѣ мн. числа языка 2-й категоріи на -p.

Опредѣлены еще другіе суффиксы и префиксы, но опускаю въ настоящей статьѣ. О префиксѣ m-, быть можетъ, усвоенномъ съ заимствованнымъ словомъ, рѣчь будетъ въ отдѣлѣ корнеслова (§ 48).

IX. Корнесловъ.

§ 38. Въ отношеніи основъ языкъ сильно изношенъ. Большинство словъ двух- или односогласные корни, и это въ такой степени обычно, что трехсогласные могли бы быть приняты за заимствованныя, если бы ограниченность лексическаго матеріала, извлекаемаго изъ столь немногихъ текстовъ, какъ Ахеменидскія надписи, позволяла дѣлать окончательныя обобщенія касательно лексики языка 2-й категоріи.

§ 39. Изъ трехсогласныхъ корней вниманія заслуживаетъ шгр въ формѣ qaman, поставленной во мн. числѣ на -pa, т. е. шагар-ра *собрались*. Яфетическіе эквиваленты корня шгр суть к̆ар̆скій и т.-кайнскій krb, resp. krφ, сванскій q̇wr (∾*q̇rv) и яфетическое переживаніе въ языкахъ Арменіи j̣lv (< *шrb). Армянская разновидность первымъ согласнымъ (j < ш) становится въ одну группу съ разновидностью нашего языка, послѣднимъ (v) примыкаетъ къ сванскому. Что же касается огласовки, к̆ар̆ская стоитъ особо (კრება krеba-y *собирать* (народъ), resp. კრეფა krеφ-a-y *собирать* (плоды)), тогда какъ разновидности т.-кайнская, армянская и языка 2-й категоріи составляютъ одну группу съ полногласіемъ, закономѣрно соотвѣтствующимъ к̆ар̆скому e (qmen), именно a—a (qaman), съ тѣмъ расхожденіемъ, что

языкъ 2-й категоріи сохранилъ эту первоначальную огласовку — шагар-, а тубал-кайнская и армянская разновидности подвергли ее позднѣйшему закономѣрному діалектическому (a>o) перерожденію въ о—о (qomon), отсюда ч. ოკორობუ o-korob-u *собирать*, м. კორობუა korob-ua, resp. კოროფუა koroφ-ua *собирать*, арм.-h. ժողով joļov (< *шагаb) *собраніе*, яз. 2-й катег. шагар-.

§ 40. Слово tazzar-am, вкладъ яфетическихъ языковъ и въ не-яфетическіе языки, я сейчасъ обсуждать не буду, тѣмъ болѣе, что въ текстъ языка 2-й категоріи оно вошло въ арійзованной формѣ др.-персидскаго падежа.

§ 41. Прилагательное tamin-i *вѣрный* являетъ одинъ изъ случаевъ, съ одной стороны дессибиляціи ṫ (картскій корень ṫmn), resp. ṭ, съ другой — полногласія qamin (мы ожидали бы qaman при картской огласовкѣ qmen), ибо, очевидно, его картскій эквивалентъ — წმენაჲ ṫmen-a-y, resp. რწმენაჲ r-ṫmen-a-y *вѣра*. Впрочемъ относительно формы слова, а въ связи съ нею числа его коренныхъ согласныхъ лучше пока колебаться, ибо возможно, что въ словѣ 2-й категоріи имѣемъ: a) двухсогласный корень (tm), каковымъ появляется онъ и въ грузинскомъ (ṫm), b) форму имени существительнаго съ огласовкой «а» (tam-), какъ наблюдаемъ это въ грузинской основѣ отъ того же корня (ṫam: მწამს m-ṫam-s *вѣрую, вѣрю*, букв. «*у меня вѣра* есть»), c) съ суффиксомъ Р. падежа (-in), который могъ служить для образованія прилагательнаго отъ имени существительнаго (§ 32, стр. 65, прим. 4): tam-in-i.

§ 42. Слово pirka, появляющееся въ датахъ, стоитъ въ Дат. падежѣ, собственно снабжено его гласнымъ характеромъ (а). Что касается основы pirk-, то она, означая *число* и по кореннымъ (prk) и по огласовкѣ формы qimn, resp. qmin, представляетъ настолько полную параллель картскаго эквивалента, что его приходится считать заимствованіемъ изъ картскаго. Давно уже извѣстно[1]), что въ грузинскомъ словѣ რიცხჳ riʒqw, ново-г. რიცხვი riʒqv-i *число* (< *мѣсяцъ*), помимо примѣра удвоенія, resp. раздвоенія q въ ʒq, имѣемъ случай такъ называемаго перескока w, именно перемѣщенія съ перваго мѣста на послѣднее, ибо прототипъ слова—*wriq, resp. *vriq, что и предлежитъ съ расклиниваніемъ начальныхъ согласныхъ продвигающимся впередъ гласнымъ, съ перерожденіемъ v въ b, resp. p передъ гласнымъ и безъ удвоенія въ основѣ pirk- (< *virq), стоящей въ Д. падежѣ pirk-a въ значеніи «числа», напр. во фразѣ imaka XIV ^{an}nan ^{an}ITU ^{an}Mikannaш-na

1) Н. Марръ, *Основныя таблицы*, стр. 2, прим. 1.

pirka «(Пишеумата) возсталъ въ XIV-й день мѣсяца Миканы (Вiйахпы) *числа*»[1]).

§ 43. Изъ трехсогласныхъ на видъ, на самомъ же дѣлѣ, быть можетъ, и двухсогласныхъ корней особаго вниманія заслуживаетъ karpi||kurpi или, пожалуй, точнѣе основа kar или kur, въ единственномъ числѣ не встрѣчающаяся въ нашихъ клинообразныхъ памятникахъ. Слово появляется всего разъ во фразѣ (Bh III, 62) yiak mene ^{an}Uramašta karpi (kurpi) u-nena-ma appin huttaš. Это значитъ: «и потомъ Ормуздъ въ *руки* наши[2]) ихъ отдалъ», букв. «сдѣлалъ».

Oppert читалъ группу kar, а Weissbach—kur, хотя оба исходили изъ предполагавшагося тожества этого начертанія съ ассирійскимъ kur. Weissbach не могъ не согласиться съ тѣмъ, что въ языкѣ 2-й категоріи знакъ долженъ имѣть иную огласовку, чѣмъ въ ассирійскомъ, и именно а вм. u, что если не kar, то gar звучитъ тотъ же знакъ въ словѣ «Thāi*gar*-ciš»; но въ другихъ случахъ для kar существуетъ еще иной знакъ, и Weissbach затруднился присвоить одному слогу два различныхъ знака, и потому рѣшилъ остаться при ассирійскомъ его значеніи kur. Но Weissbach не могъ имѣть въ виду, что рѣчь идетъ о такомъ звукѣ, для котораго мы ожидали бы въ яфетическомъ языкѣ цѣлый рядъ разновидностей рядомъ съ основнымъ k и ḳ, не говоря о звонкомъ g и среднемъ q. Болѣе того, есть основаніе утверждать, что на лицо не kar, а qar. Но оставляемъ эту перспективу разнообразія k и даемъ толкованіе въ предѣлахъ, очерченныхъ намъ самими кунеологами. Допустимъ, вѣрное чтеніе—kar, что̀ предпочелъ Oppert и что̀ считалъ теоретически вполнѣ законнымъ и Weissbach.

Слово karpi, въ составъ котораго входитъ спорный знакъ kar (||kur), находится въ соотвѣтствіи п. dasta, т. е. *рука*, и karpi (W. kurpi) переводили всѣ соотвѣтственно. Однако, прежде всего karpi можетъ быть мн. числомъ, слѣдовательно, оно можетъ означать *руки*. Ед. число kar *рука* великолѣпно подтвердило бы наши уже выставленныя построенія, имѣвшія восполнить раньше указанные въ яфетическихъ матеріалахъ пробѣлы. Рука въ к̔. qel-i, ново-г. q̇el-i, и это к̔артское или во всякомъ случаѣ огрузинившееся[3]) слово вытѣснило коренные тубал-кайнскіе эквиваленты въ мингрель-

1) Возможно, что pirk- сохранило въ языкѣ 2-й категоріи первичное значеніе *мѣсяцъ*, а ITU есть лишь идеографическое изображеніе того же понятія заимствованнымъ изъ другого яфетическаго языка традиціоннымъ терминомъ; въ такомъ случаѣ переводъ будетъ гласить: «(Пишеумата) возсталъ въ XIV-й день ITU Миканы (Вiйахны) *мѣсяца*».

2) Почему *наши*, а не *мои*, рѣчь будетъ особо.

3) Въ зависимости отъ согласныхъ возможно перераспредѣленіе нашего слова въ связи съ назрѣвшимъ и настоятельно нужнымъ пересмотромъ богатаго относящагося сюда матеріала, проникшаго и въ нѣкоторые изъ индоевропейскихъ языковъ.

скомъ и ч̆анскомъ языкахъ: по-мингрельски, да и по ч̆ански сейчасъ *рука* q̇e, т. е. к̆ар̆тское q̇el съ потерею исходнаго l, который однако во мн. ч. сохранился и въ мингрельскомъ q̇el-eφ-i. Въ ч̆анскомъ сохранилась по крайней мѣрѣ разновидность съ тубал-кайнскою огласовкою — q̇a, но полный непочатый тубал-кайнскій эквивалентъ долженъ былъ звучать — *q̇ar или k̇ar, что̀ по дезаспираціи должно было дать *qar или kar. Слово kar сохранилось въ языкахъ Арменіи въ значеніи *силы, власти*, такъ какъ въ яфетическихъ языкахъ *рука* значитъ и *силу*, и *власть*, отсюда h. կարան kar-an *властитель*, какъ въ г. ქელმწიფე q̇el-mtiφe-y, h. կարէ kar-ey *можетъ*, какъ въ г. ქელეწიფების q̇el-etiφebis *можетъ* и т. д.[1]). Имѣемъ ли въ словѣ языка 2-й категоріи: qar или, какъ въ яфетическомъ составѣ hайскаго языка, kar, на лицо и здѣсь яфетическое слово съ окончаніемъ (-pi) мн. числа kar-pi, resp. qar-pi, если оно означаетъ *руки*.

Слово нужно толковать иначе, если дальнѣйшее изслѣдованіе установитъ основательность чтенія Weissbach'а: k̦urpi, но и тогда правильнѣе исходить отъ формы мн. числа, т. е. искать объясненія для слова kur, при этомъ можно и не отказываться отъ признанія за нимъ значенія «рука». Приводившійся выше яфетическій корень (kr||q̇r > kr||qr) могъ имѣть и, дѣйствительно, имѣлъ также огласовку o > u, такъ въ туш. qor *рука*, *власть*, а въ качествѣ яфетическаго переживанія въ лорійскомъ говорѣ армянскаго языка կու kuṛ (арар. կու kuṛ, караб. կոռնը koṛ-nə).

Если же отказаться отъ мысли, отнюдь не обязательной, что въ текстѣ имѣемъ дипломатически точный переводъ персидскаго подлинника, то фразу yiak mene [an]Uramašta kurpi u-nena-ma appin huttaш можно перевести «И тогда Ормуздъ *богъ* нашими[2]) ихъ сдѣлалъ». Появленіе лишняго слова «богъ» сравнительно съ персидскимъ въ переводѣ на языкъ 2-й категоріи понятно, такъ какъ Ормуздъ не былъ богомъ тѣхъ, которые говорили на этомъ языкѣ, они нуждались въ его поясненіи. Такая пояснительная вставка слова *Ормуздъ*

---

1) Hübschmann, *AG*, стр. 166,306, правильно проявилъ осторожность, раздѣляя կար, resp. կէր *дѣлающій* и կար *сила* и не увлекаясь однимъ созвучіемъ послѣдняго съ древне-перс. kāra и т. п., чтобы отожествить ихъ и признать hайское слово, какъ теперь выясняется, яфетическаго происхожденія иранскимъ. Съ другой стороны, пока яфетидологія не такъ доработана во всѣхъ подробностяхъ, чтобы распредѣлить по различнымъ яфетическимъ языкамъ и нарѣчіямъ, а также по эпохамъ жизни каждаго изъ нихъ многочисленныя яфетическія разновидности слова, означающаго *рука*. Рядомъ съ k̦ar существовала и разновидность *k̦er, сохранившаяся съ закономѣрнымъ перебоемъ k̦ въ ţ въ грузинскомъ глаголѣ ტერა ţera-y *держать*; сюда же относятся и разновидности kal||kaw, изъ коихъ первая сохранилась въ основѣ h. глагола կալնում kal-n-um *держу* и въ многочисленныхъ производныхъ отъ нея, а другая (kaw) въ ново-грузинскомъ глаголѣ: аор. II пор. იკავა i-kava *онъ держалъ*. Абхазскій языкъ въ силу присущей ему истертости сохранилъ лишь первый согласный этого именно вида корня въ глаголѣ a-k-rà *держать*.

2) см. стр. 76, прим. 2.

дѣйствительно появляется именно въ текстѣ языка 2-й категоріи (III, 77 и 74), на это уже обращалось вниманіе[1]).

Постановка слова *богъ* во мн. числѣ, когда рѣчь идетъ объ одномъ богѣ, объ Ормуздѣ, смущать не можетъ, такъ какъ и другое слово nap, resp. na-p представляетъ, какъ увидимъ (§ 62), plurale tantum, въ родѣ евр. אלהים. Что въ языкѣ 2-й категоріи—два слова для одного понятія, можетъ находить объясненіе въ исторіи этого, очевидно, культурнаго и широко распространеннаго языка, наряду съ коренными собственными словами проявляющаго синонимы, заимствованные изъ другихъ яфетическихъ языковъ. Во всякомъ случаѣ plurale tantum kur-pi *богъ*, первоначально *боги*, собственно само слово въ ед. числѣ kur-, если оно окажется дѣйствительнымъ чтеніемъ, легко можно будетъ узнать въ hайскомъ kuṛ, которое также употребляется только во мн. числѣ կուռք kuṛ-q въ значеніи *идола, языческаго бога*.

Если однако въ данномъ случаѣ читать karpi и въ -pi признавать не суффиксъ мн. числа, а часть самого слова, то и тогда придется толковать слово не черезъ «руку», а черезъ «богъ», ибо слово karpi въ такомъ случаѣ явилось бы въ языкѣ 2-й категоріи эквивалентомъ hайскаго kerp, наличнаго и въ грузинскомъ—kerp-i, означающемъ «языческій богъ».

Пока, однако, я стою за чтеніе karpi, и въ ед. ч. kar усматриваю слово по огласовкѣ тубал-кайнскихъ языковъ, собственно ш-языка со значеніемъ *рука*.

§ 44. Большинство словъ языка 2-й категоріи проявляютъ корни въ два согласныхъ или того меньше.

§ 45. pun-kite въ выраженіи ITU Surman punkite-ma (B II, 47) «въ *концѣ* мѣсяца Сурмара, т. е. мѣсяца Thuravāhara».

Выраженіе punkite — сложное: вторая часть, опредѣляемая, kite сохранилась полностью въ грузинскомъ კიდე kide *край, предѣлъ, конецъ*, კიდე ქუეყანისაჲ kide quekan-isa-y *конецъ земли*, въ древне-грузинскомъ ცის კიდენი ϑ-is kide-ni *вселенная*, букв. *предѣлы неба*. Что касается pun, то оно сохранилось, какъ переживаніе, прежде всего въ языкахъ Арменіи, такъ въ hайскомъ въ формѣ բուն bun, что значитъ *корень, начало, основа, основной, коренной, истый, настоящій, самый*. Эта основа—одна изъ плодовитѣйшихъ въ языкахъ Арменіи по производнымъ отъ нея словамъ. Отъ нея բնական bən-akan *природный, естественный*, բնոյթ bən-oyϑ *природа, характеръ*, բնիկ bən-ik *коренной, родной* բնաւին bən-awi-n или բնաւ bən-aw *въ корень, совершенно, полностью, въ конецъ*. Для насъ сейчасъ интересно это весьма частое семасіологическое употребленіе у древнихъ армянъ h. բուն bun,

1) J. Oppert, *Le peuple et la langue des Mèdes*, стр. 14.

именно въ значеніи *конца*, напр. въ текстѣ Златоуста (Ըմբեռ. по Больш. сл.) ոչ զի սկիզբն միայն առնիցեմք. այլ մինչև ցբունն գնայցեմք «не такъ, чтобы сдѣлать намъ только начало, но чтобы мы шли *до конца*» или у Агаѳангела Զի անշուշտ մինչև ի բուն զհաստատութիւնսէր ի մէջ թագաւորութեանցն պահեսցեն «чтобы сохраняли *до конца* непоколебимо вѣрную любовь между царствами», гдѣ слово *конецъ* по-армянски на һайскомъ языкѣ передано нашимъ բուն bun. Но подобно слову գլուխ gəluq̇ *голова*, означающему у армянъ и *начало* и *конецъ*, въ һайскомъ же բուն bun означало и *конецъ* и *начало*, однако въ значеніи *начала* его находимъ лишь въ составѣ сложнаго слова սկիզբն əskiz-bən, гдѣ первая часть əskiz-, собственно əskis-сама по себѣ значитъ *начало*, отъ нея и глаголъ սկսանել əskəs-an-el *начинать:* слово относится къ категоріи тѣхъ сложныхъ терминовъ, которые составляются изъ двухъ синонимовъ, причемъ bən, также означающій *начало*, съ дѣйствительною его огласовкою и появляется лишь въ состояніи покоя во мн. ч. սկզբունք əskəz-bun-q.

То же слово բուն bun на правахъ заимствованія со значеніями, свойственными h.-армянскому, употребительно въ грузинскомъ, такъ ბუნი bun-i *корень, начало, основаніе, коренной, родной* и т. п.[1]). Отъ того же слова грузинскій неоплатоникъ Іоаннъ Петрицкій образовалъ глаголъ ჰბუნოჲს h-bun-oys въ значеніи *коренится*[2]). Какъ въ грузинскомъ употребляется bun въ значеніи *низа, основанія копья*, такъ въ һайскомъ встрѣчаемъ его въ выраженіи բուն նիզակին bun nizakin[3]) или даже въ самомъ составѣ сложнаго слова նիզակաբուն nizakabun, какъ употребляетъ его историкъ Фаустъ[4]). Въ параллель къ h. բնիկ bən-ik существовало слово той же формы ბუნიკი bun-ik-i, какъ то указываетъ Орб., въ значеніи «кончикъ ноженъ кинжала» у древнихъ грузинъ, да и теперь оно въ употребленіи, по доставленной мнѣ студ. А. Шанидзе справкѣ, у пшавовъ и хевсуровъ. Какъ у армянъ съ суффиксомъ -оуѳ то же слово, т. е. bən-оуѳ значитъ *природа, характеръ*, такъ у грузинъ съ соотвѣтственнымъ по значенію суффиксомъ -eba — ბუნებაჲ bun-eba-y оно означаетъ *природа, характеръ*. Потому-то одно время слово мнѣ казалось въ грузинскомъ заимствованнымъ изъ һайскаго, по ложно-принятой терминологіи называемаго древне-армянскимъ, но разъ то же слово въ видѣ pun существовало въ языкѣ 2-й категоріи, то наравнѣ съ другими заимствованіями изъ этого великаго до-арійскаго культурнаго языка и оно

---

1) Н. Марръ, *Ипполитъ. Толкованіе пѣсни пѣсней*, стр. LXII;—*Арм.* [*һайск.*] *слова въ груз. Дѣян. Пилата*, стр. 025.

2) Н. Марръ, *І. Петрицкій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка*, стр. 95, прим. 2.

3) Յաղագս չարչից սրբոյն Գրիգորի, ՍՃ, VI, 72,25: բնով նիզակին.

4) V, 4, Пб. изд., стр. 166,21: նիզակաբնաւն nizakabənawə-n.

могло перейти къ грузинамъ непосредственно отъ говорившаго на немъ народа. Но вопросъ иной, коренное ли оно въ самомъ языкѣ второй категоріи или заимствованное, т. е. яфетическое ли оно или арійское, въ частности иранское на правахъ многихъ заимствованій изъ персидскаго? Съ точки зрѣнія господствующаго лингвистическаго направленія дѣло такъ и должно обстоять, такъ какъ слово имѣется въ томъ же видѣ bun въ ново-персидскомъ и въ видѣ buna- въ авестскомъ. Разъ слово общее или у армянскаго или, тѣмъ болѣе, у грузинскаго съ персидскимъ, существуетъ характерная для состоянія европейской науки въ данномъ отношеніи лингвистическая догма, по которой армяне и грузины всегда заимствуютъ и только заимствуютъ, и на основѣ этой весьма удобной, не требующей никакихъ знаній по грузинскому и армянскому, презумпціи строятся самыя фантастическія этимологіи. Въ отношеніи обсуждаемаго bun выставляется, спѣшу оговориться, сравнительно осторожно болѣе заманчивое сравненіе: оно отожествляется съ санскритскимъ budhna- *почва*, *грунтъ*, *низъ*, притомъ съ оговоркою, что такая этимологія пріемлема только въ томъ случаѣ, если армянское *bun* произошло изъ болѣе древняго *budn*»[1]). Въ виду того, что такая исторія звука n (<*dn) пока неизвѣстна[2]), позволю себѣ указать на иную, дѣйствительную исторію армянскаго n, именно когда этотъ звукъ въ яфетическихъ словахъ бываетъ эквивалентомъ d, resp. ď: такое явленіе уже иллюстрировано на h. и арм. словѣ բոյն boyn (вульг. произношеніе buyn) *гнѣздо*, которому въ грузинскомъ соотвѣтствуетъ ბუდე bud-e *гнѣздо*, въ свою очередь восходящее къ болѣе древнему *buď-e[3]). Слѣдовательно, pun языка 2-й категоріи, сохранившееся въ томъ же видѣ не только въ языкахъ Арменіи, но и въ грузинскомъ, если оно также яфетическаго происхожденія, должно имѣть въ грузинскомъ коренное чисто-к̔арт̔ское соотвѣтствіе въ видѣ *pud-e, resp. *puď-e въ значеніи *основанія*, *корня*, и, дѣйствительно, существуетъ такое грузинское слово, звучащее φuď-e, отъ него же—1) глаголъ φuď-na *основывать*, 2) слово sa-φudv-el-i *основаніе* и т. п. Изъ другихъ яфетическихъ языковъ сванскій, фонетически ближе стоящій къ основнымъ яфетическимъ переживаніямъ языковъ Арменіи, сохранилъ чрезвычайно интересные матеріалы. Я въ этотъ разъ остановлюсь на одномъ сванскомъ эквивалентѣ: въ связи со значеніемъ bun *корень*, *начало*, въ сванскомъ глаголъ li-bn-e значитъ *начинать*, ad-bin-e *онъ началъ*.

---

1) Hübschmann, *AG*, II, 431,82.

2) Есть слабый на то намекъ, но въ новыхъ діалектахъ, напр. tn > nn въ մննել mənnel вм. մտնել mətnel.

3) Н. Марръ, *Основныя таблицы*, стр. 4, прим. 8,2.

Оставляя, тѣмъ не менѣе, пока въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи слова языка 2-й категоріи pun, по всѣмъ вѣроятіямъ означавшаго, какъ его яфетическіе эквиваленты, *корень*, *начало*, *основаніе*, *природа*, *истый*, *самый*, въ сочетаніи съ kite *конецъ* оно должно означать или «самый», «въ точности», «juste au point», т. е. «*въ самомъ концѣ мѣсяца* Сурмара или Туравāhары», или *конецъ*, причемъ bun-kite окажется случаемъ сложенія двухъ синонимовъ, что̀, повторяю, наблюдается весьма часто [1]).

§ 46. «taššutum»=ташш+u-t+u-m представляетъ форму собирательную или мн. числа сугубаго образованія (t + m) отъ ташш; чрезвычайно важно удвоеніе послѣдняго коренного, если оно не представляетъ случайнаго явленія графическаго характера. Въ согласныхъ tш имѣемъ корень съ дессибилованнымъ перебоемъ ḳ, именно ṭ > t, эквивалентъ корня ќарт̔скаго kϑ (< *ks) и тубал-кайнскаго ḳϑ (< *ḳш), наличныхъ первый въ г. კაცი kaϑ-i (< *kas-i), второй въ м. и ч. კოჩი koϑ-i (< *ḳош-i). Языкъ 2-й категоріи, раздѣляя огласовку ќарт̔скую, примыкаетъ согласными къ тубал-кайнскимъ, такъ что пра-форма слова 2-й категоріи должна бы звучать *ḳаш, но еще ближе стоитъ въ данномъ случаѣ къ языку 2-й категоріи сванскій, гдѣ вм. ḳ также перебой ṭ, притомъ въ первичномъ видѣ, т. е. безъ дессибиляціи—ჭ̈აშ ṭ̈аш, resp. ჭაშ ṭаш *мужъ*, *супругъ*. Однако, св. ṭаш представляетъ собственность не коренного, а тубал-кайнскаго слоя сванскаго языка, притомъ въ наличномъ видѣ сванскаго слова имѣемъ позднѣйшую изношенную разновидность вм. *ṭawш<ṭош [2]), слѣдовательно, оно восходитъ къ вторичной тубал-кайнской разновидности *ḳош, а не къ первичной—до перегласовки «а» въ «о», какъ это наблюдаемъ въ ташш-utum. Къ удвоенію въ этомъ словѣ языка 2-й категоріи (ташш) мы вернемся особо.

§ 47. Основа nan, отъ которой сохранилось лишь 3-е л. ед. числа nan-ri *говоритъ*, въ живыхъ яфетическихъ языкахъ въ качествѣ глагола не употребляется; ея наличный яфетическій эквивалентъ лишь существительный, именно г. en-a (<*ʒen-a) *языкъ*, ч̔. nen-a *языкъ*, *слово*, *звукъ*, *голосъ*, *эхо*, м. ნინა nin-a [3]), св. n̈in *языкъ*. Возможно, что сама основа слова языка 2-й категоріи nan сохранена грузинскимъ въ отыменномъ глаголѣ ნანვა nan-va *сожалѣніе*, *сожалѣть* и въ имени II-й породы სინანული si-nan-ul-i *покаяніе*, насколько «сожалѣніе» и «покаяніе» могутъ восходить къ понятію «говорить» («испо-

1) ср. aṛa-spel-i (§ 35, стр. 71), əskiz-bən (стр. 79), h. քաղաքորմ qaḷaq-orm *стѣна* и т. п.

2) Раздвоеніе o > aw показываетъ, что оно произошло не на сванской почвѣ, гдѣ o>we, resp. ew; что же касается слабаго w, онъ сохраненъ нѣкоторыми сванскими формами, но на третьемъ мѣстѣ (*ṭawш > ṭaшw), напр., Р. въ нижне-сванскомъ ჭაშვემ ṭaшw-em, *бывшій мужъ* — ნაჭაშვ na-ṭaшw (при шх ნაჭაშ na-ṭaш), *будущій мужъ*—шх ლეჭშ̈ორი le-ṭшöri (< le-ṭшw-eri) при иномъ діалектическомъ ლეჭშჷრი le-ṭшəri, а тх ლეჭაშჷრი le-ṭaшəri.

3) ნინა-დაჩქირი nina-daϑqiri «*языкъ огня*», т. е. *пламя*.

вѣдываться», «сознаваться»). Но въ такомъ случаѣ основа названныхъ грузинскихъ словъ представила бы простое заимствованіе изъ языка 2-й категоріи, ибо и безъ того ни по согласнымъ (nn), ни по огласовкѣ nan не является кореннымъ картскимъ при указанныхъ эквивалентахъ въ родственныхъ языкахъ. Можно бы еще сказать, что въ г. ნანა nan-a и г. ნანინა nan-i na (<*nan-i nan), въ ч. ნანი nan-i и ч. ჰანანი ha[1]) nan-i, равно въ м. ნანა nan-a, м. ნანი nan-i и м. ნანინა nan-i na (<*nan-i nan), извѣстныхъ словахъ припѣва колыбельной пѣсни, мы имѣемъ ту же основу со значеніемъ «говорить», «баить», что мы, слѣдовательно, ошибались, когда эти слова сближали съ абх. à-an *мать*, м. ნენა nen-a *мать* и т. п. Значитъ, для перечисленныхъ словъ колыбельной пѣсни получится толкованіе въ смыслѣ русскаго «баюшки баю», и, если оно будетъ принято, придется признать, что эта часть колыбельной пѣсни вошла среди грузинъ, мингрельцевъ и лазовъ отъ народа, говорившаго на языкѣ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей, и только. Для оправданія же значенія «говорить», присущаго глаголу nan *говорить*, при наличности коренныхъ эквивалентовъ грузинской, мингрельской, чанской и сванской рѣчи лишь со значеніемъ существительнаго *языкъ*, *голосъ*, *слово* и т. п., любопытно отмѣтить въ противовѣсъ такому соотношенію значеній то, что слово языка 2-й категоріи для выраженія понятія «языкъ» tit-me въ яфетическихъ языкахъ имѣетъ эквиваленты въ глаголахъ, такъ, напр., к̔. ტიტინი tit-in-i *болтаніе*, *лепетаніе*, *много говорить*, *болтать*, *лепетать* и т. д. Въ то же время настойчиво прельщаетъ мысль привлечь сюда и тушинскій языкъ ввиду только-что начинающей выясняться связи его съ нашими языками, хотя бы пока въ видѣ чрезвычайно интересныхъ, совершенно независимо отъ позднѣйшаго грузинскаго вліянія и многочисленнаго грузинскаго лексическаго вклада, яфетическихъ отложеній въ немъ. Дѣйствительно, представляется возможнымъ въ туш. словѣ mott *языкъ* признать простую стянутую основу безъ огласовки tt яфетическаго происхожденія и яфетическій же префиксъ mo-. Какъ чистая основа даннаго тушинскаго слова указывается matt[2]), но, очевидно, это слабый ея видъ за исчезновеніемъ гласнаго u, наличнаго въ «o» префикса (mo- < mau-), куда продвинулся u по установленной уже нормѣ[3]). Слѣдовательно, прототипъ слова — *ma-tut > *mau-tt, откуда со сліяніемъ au въ o — mott, а съ потерею u — ma-tt, и въ простой, безъ префикса ma-, основѣ -tut прототипа *ma-tut тушинскаго слова mott мы имѣемъ возможность получить простую, безъ суффикса -me, основу tit-

---

1) ჰა- ha- можетъ представить мѣстоименіе *это* (ჰა ha || sa) или междометіе *вотъ*.

2) A. Schiefner, *Versuch über die Thusch-Sprache*, § 99, 1.

3) A. Schiefner, ц. с. § 19; къ -tut>-u-tt ср. tat>att въ языкѣ 2-й категоріи (§ 64, b).

равнозначущаго слова языка 2-й категоріи. По нормамъ яфетической фонетики, основа съ перебоемъ u въ i, сохраненная языкомъ 2-й категоріи, должна быть признана сравнительно болѣе поздней[1]).

§ 48. Наличность префикса m- пришлось бы признать и въ языкѣ 2-й категоріи безспорно, если бы допустили мы сродство, а не случайное созвучіе, mart-ur-ra-kka *прямой* съ г. მართალი ma-rϑ-al-i (< *ma-ʒrϑ-ar-i) *прямой, правдивый, праведный*[2]). Но въ такомъ случаѣ возникаетъ мысль о заимствованіи его вмѣстѣ съ основою слова изъ какого-либо яфетическаго языка сибилянтной группы, хотя было бы преждевременно утверждать, что въ языкѣ 2-й категоріи такой префиксъ невозможенъ.

§ 49. Въ связи съ titme *языкъ* приходится разъяснить три слова; вмѣстѣ съ titme всѣ они находятся въ одномъ мѣстѣ. Фонетически слова эти слѣдуетъ распредѣлить въ различные параграфы, но они обозначаютъ части головы и встрѣчаются въ одномъ мѣстѣ, гласящемъ въ персидскомъ и ассирійскомъ переводахъ: «я отрѣзалъ ему *носъ* и языкъ и *уши* и выкололъ ему *глаза*». Подлинникъ текста 2-й категоріи читается: ú hi ɯimme yiak titme yiak siri mazzi urte kituma. Не говоря о значеніи глагола kitu, означающаго не *выколоть*, а *вырвать*, о чемъ въ другое время, слово urte не точно переводили однимъ словомъ «глаза»; во-первыхъ, въ словѣ нѣтъ суффикса мн. числа, но тѣмъ не менѣе его по-русски слѣдуетъ переводить мн. числомъ, точнѣе двойственнымъ, такъ какъ въ urte на лицо не только «глазъ» te, опять таки или съ дѣйствительной звуковой мутуаціею или лишь начертательной (по неполнотѣ алфавита) вм. ϑe[3]), но и числительное ur *два*, а числительное въ яфетическихъ языкахъ не требуетъ обязательной постановки именъ существительныхъ во мн. числѣ. «Глазъ» въ различныхъ яфетическихъ языкахъ звучитъ въ кар̔тскомъ — ново-г. თვალი ϑval-i (діал.: ингил. თოლ ϑol), древне-г. თუალი ϑual-i, въ тубал-каинскихъ языкахъ м., ч̔. თოლი ϑol-i (заимствовано изъ к̔артскаго), но въ сванскомъ въ различныхъ говорахъ თო̈ ϑö, а также, напр., въ лāшхскомъ, чолурскомъ, ушкульскомъ, и̔парскомъ, мужало-мулахскомъ, тахрарскомъ ϑe. «Два» по-грузински ორი or-i (> yor-i, діал. wor-i), въ тубал-каинскихъ м. ჟირი jir-i, ч̔. ჟურ jur > ჯურ ǰur (а въ ч̔анскомъ діал. и yur[4]), по-св. въ различныхъ говорахъ ჲორ

1) Ср. о такомъ же вульгарномъ перебоѣ u въ ti вм. *tu, resp. ϑu *себя* (§ 66). Впрочемъ къ сопоставленію съ туш. mott *языкъ* я вернусь еще особо съ нѣкоторымъ инымъ дополнительнымъ матеріаломъ.

2) См. Н. Марръ, *Древнегрузинско-русскій словарь къ 1—2 главамъ Марка*, подъ корнемъ რთ.

3) Это же слово со значеніемъ *глазъ* могло бы быть усмотрѣно и въ другой фразѣ (§ 32).

4) Н. Марръ, *Гр. ч̔ан. яз.*, § 34, стр. 21.

yor-i, ქერვი yerw-i > ქერუ yeru, и др., а въ нижне-ингурскомъ въ значеніи *два раза* yur-in, въ ушкульскомъ съ потерею начальнаго спиранта, какъ въ языкѣ 2-й категоріи, ur-in.

И такъ, здѣсь въ лексикѣ языкъ 2-й категоріи приближается весьма близко къ сванскому, но, какъ теперь выяснено, данное сванское слово принадлежитъ не коренному слою сванскаго языка, а тубал-кайнскому; оно сванскимъ, какъ и грузинскимъ (ორი or-i < *yor-i||wor-i) усвоено изъ тубал-кайнскаго языка въ діалектической разновидности [1]), фразу же надо перевести не «я выкололъ ему глаза», а «я вырвалъ у него два глаза».

§ 50. Но далѣе существующій переводъ грѣшитъ въ томъ, что словамъ текста 2-й категоріи онъ навязываетъ значенія, опредѣляемыя порядкомъ словъ въ персидскомъ и ассирійскомъ текстахъ, посему выходитъ, что шimme есть *носъ*, а siri—*уши*, на самомъ дѣлѣ шim значитъ *ухо* (шimme *уши*), а sir-i — *носъ*, въ первомъ языкъ 2-й категоріи сближается опять со сванскимъ, гдѣ *ухо* гласитъ შთიმ шϑim, resp. შდიმ шdim, а во второмъ—съ картскимъ, гдѣ *носъ*—ცხვირი ϑ̇q̇vir-i, причемъ однако подобно тубал-кайнскимъ языкъ 2-й категоріи опускаетъ v, resp. w передъ i [2]), теряетъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, гортанный q̇ (собственно, его слабую степень h) и представляетъ ϑ̇ его слабою ступенью s. Я долженъ оговориться, что въ данномъ случаѣ, какъ уже выяснено сравнительною фонетикою яфетическихъ языковъ, картскій языкъ представляетъ случай позднѣйшаго подъема первоначальнаго s, сохраненнаго языкомъ 2-й категоріи, но картская форма сохранила второй коренной q̇, утраченный языкомъ 2-й категоріи: sir-i (<*shir-i||к. ϑ̇q̇vir-i < *sq̇wir-i). Къ разновидности языка 2-й категоріи съ потерею гортаннаго q̇, resp. спиранта h, восходитъ hайское слово, успѣвшее однако также подвергнуть s подъему въ ϑ̇ и снабженное суффиксомъ,

---

1) Н. Марръ, *Заимствованіе числительныхъ въ яфетическихъ языкахъ*, Изв. Ак. Н., 1913, стр. 789—790.

2) Сами тубал-кайнскіе эквиваленты (съ ш вм. s и съ перебоемъ r въ d̂>d, resp. nd̂>nd: n всплываетъ, повидимому, при возмѣщеніи долготы предыдущаго гласнаго, см. Н. Марръ, *Къ вопросу о ближ. сродствѣ армянскаго языка съ иверскимъ*, стр. 071, и *Яфет. элем. въ языкахъ Арменіи*. V, стр. 181) иногда сохраняютъ ვ, напр. ч. ჩხვინდი ϑ̇q̇vind-i (< ϑ̇q̇vind̂-i, у Ачаряна и ჩხვინჯი ϑ̇q̇vind̂-i) *носъ*, но такъ обстоитъ дѣло въ хопскомъ говорѣ, подъ вліяніемъ грузинскаго языка, какъ въ мингрельскомъ, гдѣ сейчасъ на лицо только ჩხვინდი ϑ̇q̇vindi, resp. ϑ̇q̇wind-i, тогда какъ у Brosset значится еще и ჩხინდი ϑ̇q̇ind-i, между тѣмъ только эту исто-тубал-кайнскую форму ϑ̇q̇ind-i (< *ϑ̇q̇ind̂-i) и знаютъ западное нарѣчіе чанскаго языка, атинское, и даже западный говоръ восточнаго нарѣчія, вицскій. Если бы производное отъ грузинскаго ცხვირი ϑ̇q̇vir-i *носъ* — საცხვირე sa-ϑ̇q̇vir-e *предметъ для носа, для кончика* было мингрельскимъ сохранено въ значеніи *колышекъ, спицъ* (на арбѣ) въ видѣ საცხირე sa-ϑ̇q̇ir-e, даже съ ослабленіемъ i въ ə — საცხჷრე sa-ϑ̇q̇ər-e (въ мингрельскомъ же и სანჩხირე sa-nϑ̇q̇ire), то можно бы было ссылаться на потерю v передъ i и въ этомъ случаѣ, но, вѣроятно, въ основѣ этого мингрельскаго термина лежитъ другое слово: ცხირი ϑ̇q̇ir-i||ჩხირი ϑ̇q̇ir-i *палочка, спица*.

кстати также изъ языка 2-й категоріи -uk: это h. *ցռուկ* ṡəṛ-uk (< *sir-uk), означающее «носъ», «ноздри», *«храпъ»* (у лошади) и т. п.[1]).

Это слово, на которое, кстати, обратилъ мое вниманіе Н. Г. Адонцъ, не единственное, связывающее часть яфетическихъ элементовъ языковъ Арменіи съ языкомъ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей.

§ 51. Установленіе за словомъ ur языка 2-й категоріи значенія *два* напоминаетъ другой случай, гдѣ толкованіе текста основано было на предположеніи, что въ немъ имѣемъ подстрочный буквальный переводъ оффиціальнаго персидскаго подлинника; такъ въ первомъ столбцѣ большой Behистунской надписи съ конца 7-й строки читается šamak-mar niku zunkukip ut, гдѣ šamak-mar Oppert переводилъ «два раза» (стр. 113, прим.) и толковалъ это мѣсто такъ, что разъ шесть царей кончаютъ съ Ахеменесемъ до воцаренія Фраорта, до 650-го года, а затѣмъ другой разъ начинаютъ съ Кира. Однако этотъ переводъ, какъ и толкованіе не удовлетворили W., и онъ предпочелъ перевести съ вопросомъ «въ двухъ линіяхъ — мы цари», но въ языкѣ 2-й категоріи *два*, какъ только-что видѣли, — ur, а šam-ak — *три:* это эквивалентъ k̔. sam-i, т.-к. šum-i (<* šom-i, подъ грузинскимъ вліяніемъ sum-i, и св. sem-i[2]). Что же касается mar, то оно встрѣчается еще въ Нахши-рустемской надписи (47) какъ идеограмма (MAR^{id}) въ значеніи *дороги*, а «дорога» въ грузинскомъ, какъ впрочемъ и въ персидскомъ, употребляется и въ значеніи *разъ, кратъ*[3]), и слѣдовательно, šamak mar можетъ означать «три раза». Во всякомъ случаѣ числительнымъ šam-ak языкъ 2-й категоріи примыкаетъ къ тубал-кайнской группѣ безъ ея перегласовки «а» въ «о» (ср. шагар § 39).

Фраза требуетъ комментарія, очень она любопытна, но опускаю, тѣмъ болѣе, что въ изданіи King и сотрудниковъ — новое чтеніе.

§ 52. Слово, которое O. транскрибировалъ izrur Bh II, 57, 66—67, a W. ^{is}rur, причемъ послѣдній фонетическую часть усматривалъ именно въ rur, но оба одинаково переводили «крестъ», буквально значитъ *дерево*, и корень двухсогласный, такъ какъ i- префиксъ и -ur суффиксъ. Ввиду префикса i-внутренняя огласовка отсутствуетъ, и трудно опредѣлить, къ какому типу яфетическихъ языковъ примыкалъ въ данномъ случаѣ языкъ 2-й категоріи; то же самое затрудняется двоякимъ чтеніемъ перваго коренного: если z, то

---

1) О представленіи яфетическаго r въ языкахъ Арменіи звукомъ ṛ см. Н. Марръ, *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.* III, стр. 596 сл. Касательно самой транскрипціи r въ языкахъ Арменіи см. Указатель, стр. 97, прим.

2) См. Н. Марръ, *Изъ поѣздокъ въ Сванію,* стр. 17—18.

3) См. Н. Марръ, *Житіе св. Григорія Хандзтійскаго,* стр. LXIV.

к̆. ძელი del-i *дерево* первымъ кореннымъ представитъ его закономѣрный подъемъ; если глухой t, въ транскрипціи W. — ş, то слово i-tr-ur станетъ въ особую группу, общую съ абхазскимъ, гдѣ корень—tl, а слово — a-tla *дерево*[1]), и отличную и отъ тубал-кайнской, гдѣ корень—dl, а слово — dal (ожидали бы и *dar), resp. въ ед. ч. съ потерею послѣдняго коренного — da (мн. ჯალეფი dal-eф-i). При той же, т. е. тубал-кайнской, огласовкѣ разновидность коренныхъ должна была дать въ значеніи дерева *tar, что едва ли случайно созвучно съ h.-арм. ծառ tar, resp. tar+o (Р. ծառոյ taro-y) *дерево*, если даже его связывать съ перс. dār.

§ 53. Родство нѣкоторыхъ двухсогласныхъ корней съ яфетическими явствуетъ изъ простого сопоставленія, какъ, напр., a) шr||к̆. tr: шara (Bh II 58) *я рѣзалъ*, г. ვჭარ v-tar, равно ვჭერ v-ter *я рѣзалъ*, b) zt||к̆. ǯd: zat-iш (Bh II 20 et pass.) *онъ ждалъ*, г. უცადა u-ǯad-a, равно უცადის u-ǯad-is *онъ ждалъ его* (*ихъ*), c) zt||к̆. ǯd: zat-uma (Bh I, 53, 54) *я постарался* (palakme zatuma *постарался въ трудъ, я потрудился*), ვეცადე v-e-ǯad-e *я потрудился*. Если въ этихъ глаголахъ и остается что неяснымъ, такъ степень точности произношенія z, а въ связи съ этимъ вопросъ о томъ, къ какому типу яфетическихъ языковъ примыкаетъ благодаря имъ языкъ 2-й категоріи, а также заимствованы ли они изъ родственныхъ яфетическихъ, напр. zt въ обоихъ значеніяхъ изъ к̆артскаго, или коренные. Ясное дѣло, что глухой t вм. звонкаго d и здѣсь придется освѣщать въ связи съ той общей мутуаціею языка 2-й категоріи, которая или вытекаетъ изъ неполноты его графической системы (отсутствіе буквъ для звонкихъ) или указываетъ на соотвѣтственный дефектъ реальнаго его звукового состава.

§ 54. Изъ глаголовъ коснусь еще kitu *выкалывать* (глаза), собственно kituma, сродное съ к̆артскимъ корнемъ gdv *бросать*, отсюда аор. съ Род. отношеніемъ, при предлогѣ აღმო- aǧ-mo- *вверхъ въ свою сторону*, აღმო-უ-გდო aǧ-mo-u-gdo (<-gdva) *онъ вырвалъ у него* (спец. про *глаза*). Въ то же время въ грузинскомъ имѣется, по всей вѣроятности, какъ заимствованіе изъ языка 2-й категоріи, это же слово kit въ основѣ отыменнаго глагола კიტნა kit-na[2]) *клевать*, *выклевывать*, *вырывать* (глаза), особенно съ предлогомъ ამო- a-mo- (др.-груз. აღმო- aǧ-mo-).

1) Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 6, 37. Вопросъ особый, восходитъ ли основа этого абхазскаго слова, какъ тутъ предлагается къ *tal и въ такомъ случаѣ проявляетъ тубал-кайнскую закономѣрную огласовку «a» при к̆. «e», или конечный -a въ à-tl-a есть обычный абхазскій гласный исходъ, и въ такомъ случаѣ основа tl абхазскаго слова такъ же ab ovo не огласована, какъ ея эквивалентная группа tr, resp. şr въ словѣ языка 2-й категоріи «i-şr-ur».

2) Встрѣчается и კირტნა kirt-na.

§ 55 Значительно большій интересъ представляетъ основа turna *знать*, появляющаяся въ рядѣ глагольныхъ формъ. Корень собственно tr, представленный въ сванскомъ со среднимъ ϑ (ϑr) — ლითერ li-ϑer *узнавать*, въ абхазскомъ съ звонкимъ d (dr) — a-dər-ra *знать*. Въ картскомъ тотъ же корень появляется такъ же, какъ въ сванскомъ, со среднимъ первымъ коренным, но ассибилованнымъ (ϑr), отсюда მეცარი me-ϑar-i *гадальщикъ на лопаткѣ*, собственно *знающій*, *вѣдунъ*. Сейчасъ нѣтъ надобности перечислять другіе яфетическіе эквиваленты, хорошо извѣстные яфетидологамъ. Но большой реальный интересъ представляетъ обнаруженіе въ грузинскомъ основы этого слова именно полностью въ специфической формѣ языка 2-й категоріи turna, лишь съ закономѣрнымъ перебоемъ t въ k въ видѣ კურნა kurna *лѣчилъ*, букв. *былъ свѣдущъ*, *знатокъ*, *позналъ*, отсюда მკურნალი m-kurn-al-i (< *m-kurn-ar-i) *лѣкарь*, *врачъ*, собственно *знатокъ*, *знахарь*, *докторъ*.

§ 56. Утрата коренныхъ въ значительной степени связана съ наличностью въ корнѣ слабыхъ согласныхъ или спирантовъ, исчезающихъ, во всякомъ случаѣ въ письмѣ не всегда наличныхъ. Напр. въ необъясненномъ до сихъ поръ глаголѣ u-taumanlip (W. u-taúmanlap) *они помогли мнѣ* (Bh III, 93) на лицо аор. (-uman) 3-го л. мн. числа (-ip) съ отношеніемъ къ 1-му лицу (u-) отъ глагола ta < tah[1] || tav[2]), т. е. корня *th || *tv > t, эквивалента, съ дессибиляціею, картскаго წვ ṫv: н. ვეწევი v-e-ṫev-i *я ему помогаю*, аор. ეწია e-ṫi-a (< *e-ṫiv-a) *онъ ему помогъ*, მწე m-ṫe *помощникъ*[3]). Иногда исчезновеніе спиранта кажущееся, такъ какъ мы ищемъ если не h, то его эквивалентный w, resp. v, но не принимаемъ во вниманіе, что v въ языкѣ 2-й категоріи бываетъ представленъ его подъемомъ p, такъ, напр., другой корень th || *tv > tp *посылать* сохранился и въ картскомъ съ ассибиляціею (ṫ вм. t) въ видѣ ṫv > ṫ: tah (Bh II, 55, III, 40) *я послалъ* (точнѣе — *я наслалъ*), г. ვაწიე v-a-ṫi-e (< v-a-ṫiv-e) *я заставилъ нагнать*. Въ тубал-кайнскихъ языкахъ на лицо точный эквивалентъ разновидности этого корня 2-й категоріи th, гдѣ h, resp. ϵ, является точнымъ перебоемъ ш, и въ общемъ въ th имѣемъ, съ графической или реальной дессибиляціею перваго коренного, двойникъ тубал-кайнскаго ṭш, откуда основа ṭiш въ ч. მეჭიმუ me-ṭiш-u *достигать*, м. ჭიშაფა ṭišaφa *догонять*, *нагонять*, м. მოჭიშაფირი mo-ṭišaφ-ir-i *достигшій*, *зрѣлый*. Въ тубал-кайнскихъ же языкахъ находимъ точный закономѣрный эквивалентъ и картскаго корня ṫv — წევა ṫeva *настиганіе* въ

1) ср. u-tahup (Bh III, 92) *мнѣ помогли*.

2) Что касается l, то имѣется объясненіе и для него, но хотѣлось бы убѣдиться, что это не есть недоразумѣніе по ошибкѣ рѣзчика или по несовершенству принятаго чтенія.

3) Корень имѣется и въ сванскомъ, но какъ заимствованіе изъ картскаго: ლიწე li-ṫe *помогать*, н. ჴვაწა qwa-ṫa *я помогаю*, аор. ლოჴვწად loqw-ṫa-d *я помогъ ему*.

видѣ ṭp̣ — м. ტაფა ṭap̣a *достиженіе, достигать*, отсюда ч. მონტაფერი mo-n+ṭap̣-er-i *спѣлый, зрѣлый*, съ отсѣченіемъ p̣, принятымъ по недоразумѣнію за наращенный вспомогательный, — м. მონტა mo-n+ṭa (< *mo-n+ṭap̣) *спѣлый*, съ дессибилованнымъ озвонченіемъ (ṭ > ḍ) მონდა mo-n-da (< mo-n-ḍa, ср. ч. დიმონძუ di-monḍ-u *онъ созрѣлъ*) *спѣлый*, и вотъ какъ въ т.-к. языкахъ картскій v представленъ его подъемомъ p̣, такъ въ языкѣ 2-й категоріи — глухимъ его эквивалентомъ p: отъ этого именно корня въ видѣ tp образовано имя tippe (собственно tip-e съ начертательнымъ удвоеніемъ p) въ значеніи *настигающій*: tippe tah (Bh II, 38, 61, III, 6) *догоняющимъ*, т. е. *въ догонку я послалъ*; картскимъ соотвѣтствіемъ tippe является მ-წევი mṭev-i (съ предложнымъ префиксомъ მი-მწევი mi-mṭev-i, მო-მწევი mo-mṭevi) *нагоняющій* (mi- *туда*, mo- *сюда*) и მწევარი m-ṭev-ar-i спец. *догоняющая собака, борзая*. Собственно tippe, resp. tipe означаетъ *настигающій, достигающій, поспѣвающій*, отсюда могло бы оно означать и *спѣлый, зрѣлый*, и это прилагательное въ такомъ значеніи имѣемъ дѣйствительно въ качествѣ заимствованія въ грузинскомъ, гдѣ оно съ ассибиляціею (ṫ вм. t) и съ префиксомъ m- звучитъ მწიფე m-ṫip̣e *спѣлый, зрѣлый*, но и въ составѣ сложнаго слова ჴელ-მწიფე qel-m-ṫip̣e-y *царь*, букв. *рукой поспѣвающій, властный*, ჴელ ეწიფების qel e-ṫip̣-ebis *онъ властенъ, можетъ*, букв. *у него поспѣваетъ рука*[1]). Отъ той же основы ṫip въ грузинскомъ имѣемъ მოწიფული mo-ṫip̣-ul-i *зрѣлый*, спец. *зрѣлаго возраста*. Кстати, громадное значеніе имѣетъ для установленія реально-фонетическаго чтенія текстовъ языка 2-й категоріи рѣшеніе вопроса, внесена ли ассибиляція въ данномъ случаѣ по заимствованіи въ грузинскомъ или слово заимствовано съ нею изъ живой рѣчи народа, которому принадлежалъ языкъ 2-й категоріи.

§ 57. Иногда такой исчезающій спирантъ — вторичное явленіе. То это — перебой сибилянта, какъ то уже видѣли въ рядѣ словъ, равно еще въ pr (< *ʒpr) ‖ к. vl (< *hvl ‖ svl) *ходить*: pariya *я отправился*, parip (Bh II, 74) *они отправились*, г. и. ხვალ q̇-val *ты идешь*, аор. *ვალე *val-e *ты отправился*, отсюда გვალე g-val-e *отправься*, ველ vel *я шелъ*. То въ исчезающій спирантъ (слабый согласный) падаютъ, сравнительно съ другими яфетическими языками, гортанные, точнѣе аспированные твердые согласные, напр. ḱ, resp. q̇. Такъ въ pelki-ma *во всякій образъ* (> *всячески*) слово pel-ki сложное, притомъ -ki, повидимому, — *образъ, видъ*, а pel, по всей вѣроятности, — *весь, всякій*. Послѣднее-то слово и происходитъ отъ трехсогласнаго корня *ʒpl, въ которомъ исчезнувшій спирантъ — эквивалентъ картскаго ḱ, съ картскимъ же совпадаетъ слово полностью по формѣ qmen

1) Н. Марръ, *Древнегрузинско-русскій словарь къ 1—2 главамъ Евангелія Марка* подъ წე 2 и ჴელ.

(< qomen): pel- (< *ꜩpel-) *весь*, *всякій*, к̔. ყველ-ა kvel-a (по архаич. формѣ ყოველი kovel-i) *весь*, *всякій*. Въ данномъ случаѣ, однако, паденіе k въ исчезающій ꜩ, какой-то спирантъ, языкъ 2-й категоріи раздѣляетъ съ тубалкайнскими, но здѣсь, и въ мингрельскомъ, и въ ч̔анскомъ одинаково вслу перегласовки «е» въ i (qmin[1]) и закона, требующаго исчезновенія ვ передъ i, а также закономѣрнаго перерожденія l въ r ожидаемый видъ слова *ꜩvir, какъ хорошо извѣстно, преобразился за утратою не только спиранта, какъ и въ языкѣ 2-й категоріи, но и губного v передъ i — въ ირი ir-i *всякій*, *весь*. Въ данномъ случаѣ близость языка 2-й категоріи, именно съ к̔артскимъ, можетъ быть объяснена, какъ результатъ вліянія послѣдняго: слово pel (< *ꜩpel) прямо таки есть заимствованіе соотвѣтственной к̔артской основы kvel[2]), и это тѣмъ болѣе, что въ языкѣ 2-й категоріи для выраженія *весь* имѣется другой, уже собственный терминъ, наличный въ любопытныхъ формахъ — правильной mari-ta, если и это — не описка вм. mar<p>ita, и искаженныхъ излишкомъ сугубаго и тройного образованія мн. ч. marpita, marpepta, maripepta. Кунеологи не догадывались, что это 1) все одна и та же форма, снабженная суффиксомъ, по всей вѣроятности, мн. числа: -ta[3]), 2) основа стоитъ въ обычномъ мн. числѣ на -p (mar-p+i-), или съ *не*дописаннымъ p+i (marr-i вм. mar-pi) или *пере*писаннымъ суффиксомъ мн. числа, если это не случаи сугубаго мн. числа, т. е. повторно поставленнаго суффикса (mar-pe-p, marr+i-pe-p), 3) въ общемъ слово сохранило интереснѣйшіе случаи образованія мн. числа не только сугубаго (-p+i-ta), но и тройного (-pe-p-ta, +i-pe-p-ta) и значитъ *все* (*omnia*), равно *всѣ*, напр. tammutum *люди*, и т. п. Итакъ, на лицо слово mar *весь*, *всякій*, которое въ свою очередь заимствовано грузинскимъ, гдѣ оно сохранилось въ формѣ მარა- mar-a- въ выраженіи მარადღე mar-a-dg̃ *всякій день*, *ежедневно*[4]).

§ 58. Паденіе твердаго гортаннаго въ слабый исчезающій спирантъ мы имѣли случай видѣть и тогда, когда онъ служитъ вторымъ кореннымъ, такъ еще въ основѣ глагола tir- (<*tꜩir-) *говорить*; корень tr<*tꜩr, эквивалентъ котораго (средній ϑ вм. глухого t и твердый q̇ вм. слабаго h) предлежитъ въ к̔. ϑq̇r *говорить*, отсюда უთხრა u-ϑq̇ra *онъ сказалъ ему*[5]).

---

1) Эта перегласовка, діалектическая, также закономѣрна, но болѣе распространена другая: к̔. «е», т.-к. «а».

2) Въ такомъ случаѣ въ ꜩ имѣемъ h, т. е. pel восходитъ къ *hpel.

3) см. § 20. Есть возможность и иного его истолкованія, опять таки какъ суффикса.

4) Н. Марръ, *Древнегрузинско-русскій словарь къ 1—2 главамъ Евангелія Марка*, подъ დღე.

5) Съ отсутствіемъ второго коренного въ основѣ языка 2-й категоріи tir- интересно сопоставить исчезновеніе второго коренного (q̇) въ к̔артскомъ эквивалентѣ ϑq̇r, когда стар-

§ 59. Всилу утраты спиранта корни въ языкѣ 2-й категоріи иногда получаютъ болѣе истертый видъ, чѣмъ даже въ абхазскомъ, напр.

a) appuka *передъ*, *раньше*, собственно съ графическимъ повтореніемъ губного p и утратою спиранта h восходитъ къ aphu-ka или, быть можетъ, представляетъ его дефектное начертаніе, а основа aphu- есть эквивалентъ абхазскаго аφq̇а, resp. аφq̇у-а, означающаго *впереди*, *раньше*, напр. w-а̀φq̇уа *до тебя*.

b) Основа pera *читать*, судя по варіанту peura, въ формѣ аориста не появляющаяся, а только во времени первой группы, именно въ будущемъ (pe-uran-ti, pe-ran-ra) представляетъ осложненную вспомогательнымъ глаголомъ (ura > ra) тему pe-, послѣдняя же, означающая именно *читать*, также представляетъ истертый двухсогласный корень съ утратою h, т. е. опять таки восходитъ къ phe- или, быть можетъ, представляетъ его дефектное начертаніе, а чистая основа phe есть эквивалентъ абхазской чистой основы φq̇е, resp. φq̇уе, откуда глаголъ à-φq̇е-га *звать*, *читать*.

§ 60. Слово hi-ше *имя*, любопытное своимъ префиксомъ II-й породы (§ 31), не менѣе любопытно и по самой основѣ -ше, въ которой имѣемъ опять таки примѣръ перерожденія двухсогласнаго корня (шh) за утратой второго коренного, слабаго спиранта h, въ односогласный[1]). Большинство яфетическихъ языковъ сохранило второй коренной подъемомъ его въ q̇: к̆. საყელი saq̇-el-i *имя* (въ глаголѣ съ озвонченіемъ s въ z и въ ново-г. съ подъемомъ z въ ḍ: др.-г. უზაყა u-zaq̇a *онъ звалъ его*, ზაყილი zaq̇-il-i *зовъ*, ново-г. უძაყა u-ďaq̇a *онъ звалъ его*, ძაყილი ďaq̇-il-i *зовъ*), ч̆. и м. ჯოყო ǯoq̇-o (< *joq̇-o, resp. *шoq̇-o) *имя* и св. ჲაყე jaq̇-e *имя*. Въ сванскомъ начальный коренной закономѣренъ хотя бы для его тубал-каинскаго основного слоя, но форма слова (огласовка «а», окончаніе «е», усѣченный представитель к̆арт̆скаго окончанія -el) есть результатъ перерожденія подъ к̆арт̆скимъ вліяніемъ. По законамъ сравнительной фонетики яфетическихъ языковъ въ отношеніи огласовки сванское слово должно было имѣть видъ *jeq̇ (< *шeq̇), съ чѣмъ и находится въ наибольшей близости основа -ше (< *шeh) эквивалентнаго слова hi-ше языка 2-й категоріи. Съ другой стороны, разъ основа q̇у-ď абхазскаго слова а-q̇уď *имя*— производная, что̀ поддерживается эквивалентнымъ черкесскимъ терминомъ

шіе заговариваютъ съ младенцемъ, такъ, напр., я слышалъ изъ устъ гурійской женщины въ обращеніи къ ребенку: მითარი რათა mi-ϑari raϑa *скажи мнѣ что либо вм.* მითყარი რათყა miϑq̇ari raϑq̇a.

1) Можно бы слово толковать, какъ составное изъ hi- въ значеніи префикса 3-го лица и ше въ значеніи имени, но тогда отпала бы возможность указываемаго ниже сродства съ нимъ абхазскаго эквивалента; во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія признавать въ исходномъ -е слова hiше мѣстоименный суффиксъ 3-го лица, какъ это предлагалъ Hüsing, *SE*, стр. 51, и *GK*, стр. 551.

(«ц̒е», «ц̒ја»[1]), то въ ней налицо, и только въ ней префиксъ q̇у- (< q̇i-), съ подъемомъ h въ q̇ двойникъ префикса hi- слова hi-ше языка 2-й категоріи. Что касается корня, односогласнаго по обыкновенію, именно ď, то имъ абхазскій отличается отъ того же языка, но сближается до тожества съ кар̒тскимъ корнемъ, именно съ разновидностью его (ďq̇) въ ново-грузинскомъ глаголѣ, гдѣ также подъемъ озвонченнаго его перваго согласнаго z въ ď: უძახა u-ďaq̇-a *онъ звалъ его*, ძახილი ďaq̇-il-i *зовъ*[2]).

§ 61. Къ односогласнымъ корнямъ абхазскаго типа относится слово za-um, появляющееся только въ формѣ Р. падежа zaum-in (§ 16). Это собственно za во мн. числѣ на -um въ смыслѣ собирательномъ или отвлеченномъ, какъ въ грузинскомъ წყალობაჲ ṫkal-oba-y *милость* отъ წყალი ṫkal-i, что значитъ и *вода* и въ производныхъ — *милость*; то же самое съ семасической стороны по существу наблюдается и въ сванскомъ, гдѣ второй коренной ослабѣваетъ въ исчезающій спирантъ (γ), почему отъ корня jr (<*jγr) имѣемъ ჲერა jəra *милость* и ლიჲრე li-jre *мочить*, діалектически и ď вм. ḍ>j, причемъ съ подъемомъ γ въ ğ—лāшх. ლიძგრე li-ďğre *мочить*. Какъ эквивалентное слово со значеніемъ *вода* въ абхазскомъ сохраняетъ лишь первый коренной звонкаго, подобно діалектическому сванскому, именно лāшхскому ლი-ძგრე li-ďğre *мочить*, ряда (a-ďə), такъ эквивалентный корень, сохранившійся въ основѣ слова языка 2-й категоріи za-um, представленъ лишь первымъ коренньмъ опять таки звонкаго ряда z, безъ подъема въ ď, т. е. на одной первичной ступени съ сванскимъ j въ эквивалентномъ словѣ jəra. Представленіе того же корня лишь первымъ коренньмъ извѣстно изъ кар̒тскаго წყალი ṫkal-i, гдѣ წ ṫ замѣщаетъ ṫkl въ сложныхъ словахъ[3]), не говоря о сванскомъ, заимствованномъ изъ кар̒тскаго (ṫ>ϑ), ც ϑ въ значеніи *воды*—ნიც ni-ϑ > ლიც li-ϑ[4]). Интересна и самая форма чистой основы za-, но объ этомъ впослѣдствіи.

---

1) По существу такимъ образомъ правъ былъ П. Г. Ч̒арая (*Объ отношеніи абхазскаго языка къ яфетическимъ*, § 10, стр. 105), но абхазское слово оказывается всетаки не сложнымъ.

2) Съ такимъ же точно подъемомъ глухого s (к̒. სახელი saq̇-el-i *имя*) въ ṫ имѣемъ дѣло въ черкесскомъ ṫe *имя*, resp. «ц̒е».

3) см. Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 38. Пользуюсь случаемъ исправить въ 10-й строкѣ цитуемой страницы опечатку ďoγr вм. ḍoγr въ формулѣ «ջուր ḍur (< *ḍoγr) *вода*». Съ другой стороны, то, что тубал-кайнская разновидность к̒ар̒тскаго ṫkal, дѣйствительно, звучала *ṭoğr (см. Н. Марръ, ц. с., стр. 38, строка 6-я), слѣдовательно, съ паденіемъ ğ въ исчезающій спирантъ γ—ṭəγr>ṭor, доказывается мингрельскимъ словомъ ტოროფა ṭor-oφ-a *сырость* съ этимъ именно ṭor въ основѣ (І. Кипшидзе, *Мингр.-русск. слов*, s. v.). Тѣ же тубал-кайнскія разновидности словъ встрѣчаются и въ имерскомъ говорѣ грузинскаго языка, однако, съ к̒ар̒тской перегласовкой основы, именно въ рачинскомъ подговорѣ ტარი ṭar-i *болотистое мѣсто* (В. Беридзе, [illegible], s. v.) и въ Нижней Имеріи ტაროფი ṭar-oφ-i id. (со словъ І. А. Кипшидзе).

4) ц. с., тамъ же.

§ 62. Въ na-p (Bh III, 78) *богъ*, resp. *боги* имѣемъ также истертый односогласный корень n, такъ какъ слово представляетъ plurale tantum и p въ немъ — показатель множественности. Слово это образуетъ сугубое мн. число, каковымъ приходится признать не только na-ppipe, но и nappi, если впрочемъ pp не есть чисто графическое явленіе. Во всякомъ случаѣ — основа слова n-a, эквивалентъ котораго находимъ въ абхазскомъ a-n, но и здѣсь только plurale tantum[1]), понятно съ абхазскимъ сугубымъ образованіемъ мн. числа (-ϑ̊a < -ϑ̇-wa): an-ϑ̊à *Богъ*.

§ 63. Къ истершимся сложнымъ корнямъ, утратившимъ исходный губной m или его эквивалентъ, относятся:

a) ki-k *небо*[2]), корень k < *km и основа ki- < *kim, resp. *kem представляютъ бузупречные закономѣрные эквиваленты, по нормамъ сванскихъ звуковыхъ соотвѣтствій, к̔ар̔тскаго корня ϑ̇ < *ϑ̇v (|| *ϑ̇m) и к̔ар̔тской формы ცაჲ ϑa-y < *ϑ̇av-i (*ϑ̇am-i) и т. п. Въ сванскомъ съ суффиксомъ мн. числа kam-ra имѣемъ, какъ это уже выяснено въ работѣ объ абхазскомъ[3]), основу (კამრ̋ა kam-ra̋ [*небеса* >] *сводъ*, *полукругъ* и т. п.) съ огласовкой, подвергшейся к̔ар̔тскому вліянію[4]); но съ огласовкой e > i ту же основу сохранили намъ яфетическія переживанія въ hайскомъ քիմ-ք qim-q *нѣбо* и въ удвоенномъ видѣ грузинскій языкъ въ его заимствованныхъ словахъ კიმკიმელი kim-kim-el-i [*небо небесъ* >] (по Орб.) «*нѣбо*»[5]). Любопытно, что и въ сванскомъ kam-ra и въ hайскомъ qim-q и въ грузинскомъ kim-kim-el-i имѣемъ формы мн. числа (-ra, -q, -el < *-en). Дальнѣйшія изысканія установятъ, имѣемъ ли въ исходномъ -k слова ki-k остатокъ суффикса -ik||-uk или также показатель мн. числа[6]).

b) i-gi *братъ* во фразѣ (Bh I, 30) Kanpuziya igi[ri] mara[7]) «я *братъ* — Камбиза». Корень g < *gm и форма — gi < *gim (съ префиксомъ i-: i-gi < *i-gim) представляютъ опять таки безупречно закономѣрные эквиваленты, въ существенной части также по нормамъ сванскихъ звуковыхъ соотвѣт-

---

1) Н. Чарая, *Объ отношеніи абхазскаго языка къ яфетическимъ*, стр. 31, Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 11.

2) kikka *небо* восходитъ къ тому же слову ki-k.

3) Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 16.

4) Въ значеніи *неба* теперь сванскій проявляетъ заимствованное изъ к̔ар̔тскаго ცა ϑa, resp. согласный его элементъ съ префиксомъ de-: დეც de-ϑ̇.

5) То же самое слово съ точнымъ перебоемъ ķ (грузинскій კ — собственно ķ, а не k) въ ţ также имѣемъ въ словѣ ტიმტიმელი ţim-ţim-el-i *небо небесъ*, по традиціонному толкованію Орб. «пятое *небо*». Кстати, правильная форма прозвища философа Іоанна Петрицскаго не ტიმტიმელი ţimţimel-i, а ტირტიმელი ţirţimel-i (ср. Н. Марръ, *Іоаннъ Петрицскій*, стр. 4, прим. 2) и означаетъ *ч̔ирч̔имецъ*, происходя отъ названія села ტირტიმი ţirţim-i (Е. Такайшвили, საქართველოს სიძველენი, Древняя Грузія, II, 1911—1913, стр. 40).

6) см. § 17, стр. 48, прим. 2.

7) Въ изданіи Брит. музея, стр. 100.

ствій, ḱартскаго корня ďm и ḱартской формы *ďam-a[l]-i > ძმაჲ ďma-y *братъ*. О тубал-кайнскихъ эквивалентахъ, въ числѣ ихъ м. ჯიმა ḍim-a *братъ*, восходящихъ къ *ḍomal > ჯუმა(ლ) ḍum-a(l) и отлившихся въ сванскій см. *Яфетическое происхожденіе абхазскихъ терминовъ родства*, стр. 428 сл.[1]). Тамъ же (стр. 429—430) указывается исторія сванскаго эквивалентнаго корня q̇b<gb. Послѣдній видъ съ закономѣрной сванской огласовкой прежде всего долженъ былъ получить форму *geb > *gib, resp. *gem > *gim, что̀ и имѣемъ, очевидно, съ усѣченіемъ губного m или b въ словѣ языка 2-й категоріи—i-gi, которое, какъ увидимъ въ свое время, не стоитъ одиноко и въ отношеніи префикса.

§ 64. Для наилучше засвидѣтельствованныхъ терминовъ родства языка 2-й категоріи уже имѣется въ яфетидологической литературѣ объясненіе или подготовлена почва для соотвѣтственнаго объясненія[2]).

a) Такъ, о шakri, resp. шakurri *сынъ* см. *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи*. VI, стр. 421 сл., гдѣ детально выяснено, что слово «сынъ» звучало шak.

b) Что же касается atta *отецъ*[3]), то матеріалъ для его истолкованія подготовленъ въ V-й замѣткѣ *Яфетическихъ элементовъ въ языкахъ Арменіи*, гдѣ, во-первыхъ, установлено, что въ связи съ многочисленными яфетическими эквивалентами слово dad-°/ᵢ, resp. tat-°/ᵢ значило *родительница*, *мать* (> *бабушка* и т. п.); во-вторыхъ, тамъ же выяснено (стр. 178), что «если обслѣдованное слово, съ ж. окончаніемъ имѣя значеніе *мать* > *самка*, безъ женскаго окончанія обнаружило бы значеніе *отецъ* > *самецъ*, то это насъ не должно было бы смутить, т. е. не было бы основанія недоумѣвать, если бы, напр., т.-к. dad-°/ᵢ, resp. съ армянскою мутуаціею *tat-°/ᵢ > tat, въ какомъ либо яфетическомъ языкѣ всплыло со значеніемъ *отецъ* > *самецъ*». И, дѣйствительно, въ языкѣ съ любопытнѣйшими по неожиданности тубал-кайнскими отложеніями, т. е. отложеніями изъ языковъ ч̆анскаго и мингрельскаго, культурно-исторически выработавшихся разновидностей ш-языка, именно въ тушинскомъ dad (<dad-e) значитъ *отецъ*, а если взять для языка 2-й категоріи разновидность съ закономѣрною для этого языка мутуаціею tat-e, то отличіе ея отъ наличнаго въ надписяхъ 2-й категоріи слова att-ᵃ/ₒ *отецъ* лишь въ продвиганіи впередъ, къ началу

---

1) Возстанавливавшаяся мною пра-форма *ďam-a[l]-i поддерживается еще ингилойскимъ ზამაჲ zam-a-y *братья* [*братъ?*] *мужа* и *двоюродн. братья* [*братъ?*] (М. Джанашвили, საინგილო, ц. изд., стр. 246).

2) Впрочемъ пока см. *Яфетическое происхожденіе абхазскихъ терминовъ родства*, стр. 430, прим. 1.

3) atte-ri (<*attai-ri) это Им. падежъ съ отношеніемъ къ Р., какъ въ древне-грузинскомъ. Спеціальный интересъ представляетъ эпентезисъ, т. е. отраженный перебросъ i, огласовки суффикса, во внутрь слова. То же самое наблюдаемъ въ чеченскомъ.

слова, гласнаго, столь характерномъ для языковъ, съ языкомъ 2-й категоріи составляющихъ во многихъ отношеніяхъ особый тѣсный кругъ, какъ то ч̔анскій, мингрельскій, сванскій (послѣдній въ его тубал-кайнскомъ слоѣ) и изъ мѣшаныхъ съ не-яфетическими hайскій, тушинскій [1]).

§ 65 Въ исчерпывающую работу будетъ внесенъ десятокъ, другой интереснѣйшихъ, чрезвычайно важныхъ культурныхъ терминовъ.

Привожу впрочемъ одинъ изъ нихъ i-tu (возможно, что разъ транскрибировано и i-ti [2]) вм. i-ϑu *мѣсяцъ*.

Слово это, кунеологами относившееся къ «группѣ сомнительнаго и неизвѣстнаго чтенія» [3]), не только имѣетъ эквиваленты въ яфетическихъ языкахъ, но въ нихъ, даже въ живыхъ, порою корень трехсогласный ϑwϑ сохранился полнѣе, чѣмъ въ памятникѣ ахеменидской поры, такъ особенно въ тубал-кайнскихъ: ч̔. თუთა ϑuϑ-a *мѣсяцъ*, въ а̔тинскомъ говорѣ съ префиксомъ m-: მთუთა m-ϑuϑ-a, м. თუთა ϑuϑ-a [4]), въ грузинскомъ или к̔ар̔тскомъ казалось бы подобно языку 2-й категоріи также съ потерею третьяго коренного—თუე ϑu-e, resp. თვე ϑv-e, но здѣсь нѣсколько иное явленіе, именно случай обычнаго въ яфетической фонетикѣ выступленія наружу w, resp. v, такъ что болѣе древняя форма თთუე ϑϑue [5]): она сохранилась въ древне-грузинскомъ; разновидность съ усѣченіемъ послѣдняго коренного, какъ въ языкѣ 2-й категоріи, существуетъ въ другихъ яфетическихъ языкахъ, такъ, съ одной стороны, въ сванскомъ—ушкуль. თო̈ჳ ϑőw [6]), мужало-мулах. თო̈ ϑő, таврар. თეჳ ϑew въ значеніи *мѣсяца*, съ другой—въ hайскомъ (откуда и въ ново-армянскомъ) въ значеніи во-первыхъ *числа* въ связи со счетомъ по *лунѣ*—Թիւ ϑiw, resp. Թու-ո ϑow-oy, во вторыхъ—*колдовать* въ связи съ культомъ *луны*—Թով-եմ ϑov-em [7]).

---

1) *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.* VI, стр. 419 сл. О томъ же явленіи см. выше, § 47, стр. 82, прим. 3. Кстати, яфетическіе языки восточнаго Кавказа вскрываютъ дальнѣйшую исторію слова atta, но о ней впослѣдствіи.

2) Weissbach, ц. с., стр. 37, № 6.

3) ц. с., стр. 111.

4) Тотъ же корень съ звонкимъ d (иногда и глухимъ t) вм. средняго ϑ сохраненъ сванскимъ, въ которомъ по одному діалектическому теченію зубной получаетъ сибилянтное наращеніе — dwd||dwt>dwɯd||dwɯt, отсюда: დოშდიშ dowd-iɯ (< *dweɯd-iɯ) *понедѣльникъ*, собств. «день *луны*», დოშდულ dowd-ul (<* dweɯd-ul) *луна*.

5) см. заимствованное въ грузинскомъ греч. слово კათაკმეველი kaϑakmevel-i вм. *kaϑakvemel-i (съ к̔ар̔тскимъ раздвоеніемъ ve, resp. we < u и съ перерожденіемъ n въ l) изъ kaϑakumen=κατηχουμέν-οι.

6) Любопытна и ингилойская форма თო̈ჲ ϑő-y (М. Джанашвили, საინგილო, цит. изд., стр. 248 подъ თოჸუა).

7) Если бы толкованіе этрусскаго tiv въ значеніи *луны*, равно *мѣсяца* (Alf Torp, *Etruskische Beiträge* I, Leipzig 1902) дѣйствительно оправдалось, то въ немъ пришлось бы признать не только яфетическій терминъ, но и опредѣленную его разновидность, наличную въ качествѣ переживанія въ hайскомъ языкѣ (отсюда и въ армянскомъ). Сопоставленіе это

Однако потеря согласнаго, въ частности средняго зубного ϑ въ паузѣ послѣ гласнаго свойственна діалектически тубал-кайнскимъ, такъ въ булебскомъ подговорѣ ат̆инскаго нарѣчія ч̆анскаго языка —

q̇uϑ *пять* > q̇u
шqiϑ *семь* > шqi
wiϑ *десять* > wi,

слѣдовательно, ϑuϑ-а *мѣсяцъ*, безъ женскаго окончанія — ϑuϑ > *ϑu, что̀ имѣемъ въ клинообразной надписи 2-й категоріи съ префиксомъ i: i-tu.

Есть ли это слово коренное языка 2-й категоріи или оно вошло въ текстъ какъ заимствованіе изъ другого яфетическаго языка, почему оно и появляется въ качествѣ лишь идеограммы, это вопросъ иной.

§ 66. Одно чрезвычайно интересное слово съ такою діалектическою тубал-кайнскою исторіею проникло въ древне-грузинскій языкъ; это—т.-к. (и ч̆., и м.) dud-i *голова*, діалектически звучавшее *ϑuϑ и по утратѣ ϑ въ исходѣ согласно указанному звуковому закону долженствовавшее принять видъ ϑu[1]). Это ϑu *голова* уже въ непочатомъ видѣ появляется въ древнегрузинскомъ въ Р. падежѣ — ϑu-is[2]) въ значеніи «себя», букв. «головы», такъ какъ во всѣхъ яфетическихъ языкахъ возвратное мѣстоименіе выражается словомъ «голова» или «душа», resp. «тѣло», какъ въ семитическихъ.

Та же самая усѣченная разновидность ϑu съ закономѣрнымъ перебоемъ u въ i, слѣдовательно ϑi, употребляется въ самихъ тубал-кайнскихъ языкахъ въ значеніи *себя*, какъ въ мингрельскомъ, такъ ч̆анскомъ. Но для насъ сейчасъ важно указать, что въ томъ же значеніи появляется въ языкѣ 2-й категоріи слово съ закономѣрной мутуаціею ϑ въ t: tiriш-ti «назвалъ *себя*». Но этого мало. Народъ, говорившій на нарѣчія съ такою природною для него фонетическою разновидностью (ϑu > ϑi) слова въ значеніи *головы*, *себя*, имѣлъ громадное культурное значеніе, такъ какъ ее, эту разновидность, находимъ у грузинъ, здѣсь въ качествѣ заимствованія, и затѣмъ не только въ языкѣ 2-й категоріи, но, какъ указывалось, и въ ванскихъ клинообразныхъ надписяхъ, гдѣ само собственное имя Argiш-ti представляетъ яфетическое нарицательное слово, означающее «глава дома», т. е. по мѣстной терминологіи *царь*.

впервые сдѣлано Vilh. Thomsen'омъ (*Remarques sur la parenté de la langue Étrusque*, Copenhague 1899, стр. 8), но онъ смѣшиваетъ различныя созвучныя слова, да и транскрибируетъ невѣрно.

1) И въ мингрельскомъ отъ dud-i остается du- въ значеніи какъ *головы*, такъ *себя*, но въ Д. к̆арт̆скомъ падежѣ — დუს du-s: ვიმართენქ დუს vimarϑenq du-s *оправдываю себя* (I. Кипшидзе, *Грам. м. яз.*, § 49, b, а также въ *М.-русск. словарь* подъ მართ).

2) Н. Марръ, *Древнегрузинско-русск. словарь къ 1—2 главамъ Евангелія Марка*, подъ თავ 2.

Въ заключеніи одно замѣчаніе: абхазскій и нарѣчія чеченскаго языка, въ числѣ ихъ и цова-тушинское, до сихъ поръ величаемое языкомъ, въ настоящей работѣ мало использованы. Совершенно замолчаны такъ называемые языки андо-дидойской группы и съ ними сродные, равнымъ образомъ относящіеся, какъ выясняется теперь, къ яфетической вѣтви, притомъ къ наиболѣе дефектно дошедшей до насъ ея группѣ, именно спирантной. Они замолчаны, такъ какъ сравнительной грамматики соотвѣтственныхъ языковъ и нарѣчій пока нѣтъ, только-что начата ея разработка на началахъ яфетическаго языкознанія. Оговорюсь однако здѣсь, что тогда какъ въ абхазскомъ вскрывается цѣлый слой и изъ языка сибилянтной группы, упомянутые языки восточнаго Кавказа выступаютъ въ качествѣ разновидностей чистой спирантной группы, кстати сказать, наиболѣе дефектно представленной и на нашей прилагаемой къ статьѣ таблицѣ. Вообще предложенная на ней классификація яфетическихъ языковъ соотвѣтствуетъ тому положенію дѣла, которое достигнуто яфетидологіею въ данный моментъ, т. е. осенью 1913-го года. Естественно, я нисколько не увѣренъ, что настоящей классификаціи суждено обратиться въ мертвое клише. Все живое течетъ. И съ точки зрѣнія интересовъ яфетидологической теоріи это не замирающее теченіе съ нарастаніемъ новыхъ подробностей только желательно, ибо оно лишь углубляетъ созданное ею новое русло.

Указатель словъ, формъ и морфологическихъ элементовъ.

Трудно даже въ интересующихся предполагать знаніе всѣхъ привлекаемыхъ къ сравненію языковъ и порядка алфавита въ тѣхъ изъ нихъ, которые являются литературными. Посему для всѣхъ сравниваемыхъ языковъ устанавливается одинъ общій алфавитный порядокъ [1]), именно —

a, **e**, **i**, o, **u**, w, **y**, ə, b, g, d, **v**, **z**, ϑ, **k**, **l**, ḷ, **m**, **n**, **p**, **j**, **r**, ṛ, **s**, **t**, φ, q, ğ̆, k̇,
ш, ϑ̣, ϑ̇, ϑ̊, ď, ṫ, ṭ, q̇, q̣, d̬, h, ɕ, w̆.

1) Жирнымъ шрифтомъ набраны буквы, исчерпывающія клинописный алфавитъ языка 2-й категоріи: v | w и m не различаются въ этомъ клинообразномъ письмѣ; ṣ изъ транскрипціи кунеологовъ или ṫ или ď, resp. z. Слова, начинающіяся долгими гласными ā, ē, ī, ō, ū, равно a̋, ő, ű, вносятся вперемѣшку со словами съ соотвѣтственными краткими или простыми гласными. Въ армянскихъ словахъ вм. r для мягкаго и ṛ для твердаго r было бы послѣдовательнѣе по яфетидологической транскрипціи первый изобразить—ṛ, второй—r. Изъ начертаній специфическихъ абхазскихъ звуковъ внесены только тѣ, которые попадаются въ немногихъ приводимыхъ изъ абхазскаго словахъ.

мингр., чан.

Н. Марръ.

ТАБЛИЦА.

Къ статьѣ Н. Марра: „Опредѣленіе языка второй категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей по даннымъ яфетическаго языкознанія“.

I. Яфетическая вѣтвь языковъ[1])

(въ предѣлахъ Кавказа и прилегающихъ съ юга странъ).

Группы:

- сибилянтная группа
  - *Языки:* s-языкъ (картскій, литературный грузинскій)
    - яфетическія переживанія одного изъ основныхъ слоевъ абхазскаго языка
  - ш-языкъ (1. «тубалскій» или иверскій, онъ же мингрельскій языкъ; 2. «каинскій» или чанскій, онъ же лазскій языкъ [2])
    - одинъ изъ двухъ основныхъ слоевъ сванскаго языка
    - элементы въ тушинскомъ языкѣ
- спирантная группа
  - [не дошедшіе до насъ въ чистомъ видѣ отдѣльные языки: h-языкъ, ɛ-языкъ, y-языкъ и др.]
    - одинъ изъ двухъ основныхъ слоевъ сванскаго языка, коренной
    - яфетическ. переживанія въ hайскомъ
    - яфетическ. переживанія одного изъ основныхъ слоевъ абхазскаго языка
- пока не характеризуемыя яф. языковыя группы
  - Мидіи
    - языкъ 2-ой категоріи («ново-элам.», «сузскій», «скиоскій», «мидійскій»)
  - Вана и Урарту
    - яфетическ. переживанія въ армянскомъ
  - Месоп., другихъ странъ
    - не опредѣляющаяся часть изъ остальныхъ яфетическихъ переживаній въ языкахъ Арменіи

II. Мѣшаные яфетическіе языки[3]):

1) сванскій, 2) абхазскій, 3) тушинскій (ц̔ова-тушинскій).

III. Мѣшаные аріоевропейско-яфетическіе языки:

языки Арменіи.

- aczαβ — hайскій или «гайканскій» (нынѣ мертвый языкъ, слабо представленный переживаніями въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ живыхъ нарѣчій Арменіи, древне-литературный языкъ)
- bczαβ — армянскій (и нынѣ живой языкъ, представленный многочисленными живыми по нынѣ нарѣчіями и говорами; современный литературный языкъ)

a = яфетическій спирантной группы языкъ Арменіи, отложившійся основнымъ слоемъ въ hайскомъ языкѣ.

b = яфетическій языкъ Арменіи, отложившійся основнымъ слоемъ въ армянскомъ языкѣ: принадлежа къ сибилянтной группѣ, онъ колеблется между s-языкомъ и ш-языкомъ.

c = яфетическіе элементы изъ языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей или ближайшие сродные съ ними. Языкъ 2-й категоріи колеблется между ш-языкомъ сибилянт. группы и между спирантной группой.

z = какой-то иной яфетическій языкъ или яфетическіе языки, оставившіе слѣды въ языкахъ Арменіи, hайскомъ и армянскомъ.

α = аріоевропейскій (индоевропейскій) языкъ, отложившійся и въ hайскомъ и въ армянскомъ языкахъ основнымъ слоемъ.

β = иранскій, именно среднеперсидскій языкъ, отложившійся многочисленными заимствованіями въ hайскомъ и въ значительной степени также въ армянскомъ (въ послѣднемъ черезъ hайскій или непосредственно).

IV. Звуковой составъ языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей

(въ яфетидологической аналитической транскрипціи).

[ə]	y	⌜w⌝ см. m‖v	
a	e	[o]	[ŏ]
[ä]	i	u	[ŭ]

спиранты[4])	простые	аспированные	сибилянты	простые	ассибилованные
h	k	[k̇ k̦]	s	t	[ṫ ț]
[γ]	g[5])	[ğ g̦]	z	⌜d⌝	[ḋ d̦]
[ɛ]	⌜q⌝	[q̇ q̦]	ш	⌜ϑ⌝	[ϑ̇ ϑ̦]
[y]	p		[j]	n	
	⌜b⌝ m‖v (w)			l	
	⌜φ̣⌝			r̄	ş (ассиб. ṫ или сибил. z?)

Звуковые законы внутри языка 2-й категоріи:

чередованіе: n‖r, h‖r, m‖v, resp. w; подъемъ: m (‖v?) > p; перебой: u‖i, k‖p.

перемѣщеніе: ni‖ri > in‖ir; hu‖*ru > uh‖ur; l—r > r—l.

---

1) Въ настоящей таблицѣ опущены діалектическія подробности, и посему нѣтъ въ ней упоминанія объ ингилойскомъ нарѣчіи и хевсурскомъ, пшавскомъ, кахскомъ (кахетинскомъ), карталинскомъ, рачинскомъ, лечхумскомъ, имерскомъ (имеретинскомъ), аджарскомъ, имерхевскомъ и другихъ говорахъ и подговорахъ картскаго (грузинскаго) языка, равно какъ о нарѣчіяхъ, говорахъ и подговорахъ мингрельскаго (I. Кипшидзе, *Грам. мингр. языка*, Предисловіе) и чанскаго языковъ (Н. Марръ, *Грам. чан. языка*, стр. XIX). Въ то же время, изъ отношеній одного яфетическаго языка къ другому отмѣчены только тѣ случаи, которые имѣютъ значеніе для выясненія генезиса того или иного языка, а не для вопроса о культурномъ вліяніи; потому въ таблицѣ не нашелъ выраженія, напр., фактъ большого лексическаго, отчасти и грамматическаго вклада грузинскаго языка въ тушинскій (ц̔ова-тушинскій) и мингрельскій. Съ другой стороны, въ вкладахъ тѣхъ или иныхъ языковъ приходится различать слои различныхъ эпохъ; иной подобный слой, быть можетъ, лишь болѣе сильно претворенный воспринявшею его рѣчью, носитъ всѣ признаки основного, генетическаго, для нея значенія, напр. въ абхазскомъ рядомъ съ довольно значительнымъ вкладомъ явныхъ заимствованій изъ картскаго языка имѣется слой, характеризуемый такими словами какъ a-də *вода*, a-φsə (< *-svə) *душа* и др.; этотъ вкладъ также восходитъ къ s-языку сибилянтной группы, т. е. къ картскому, но его нельзя относить въ разрядъ простыхъ заимствованій. Въ томъ же направленіи несомнѣнно слѣдуетъ произвести пересмотръ грузинскихъ заимствованій въ мингрельскомъ. Однако, это все такія подробности, которыя могутъ быть выяснены лишь дальнѣйшими работами.

2) Мингрельскій и чанскій, т. е. такъ называемые тубал-каинскіе языки, лингвистически представляютъ два нарѣчія одного языка; только благодаря культурно-историческимъ факторамъ эти два по природѣ нарѣчія одного языка выработались въ различные языки: чанское нарѣчіе отошло въ одну сторону, сложившись въ языкъ особаго культурнаго типа подъ вліяніемъ сначала греческой рѣчи и византійскаго христіанства, затѣмъ турецкой рѣчи и мусульманской культуры, а мингрельское нарѣчіе отошло въ другую сторону, выработалось въ языкъ иного культурнаго типа подъ подавляющимъ вліяніемъ восточнаго христіанства и грузинской рѣчи и культуры.

3) Изъ трехъ называемыхъ здѣсь мѣшаныхъ яфетическихъ языковъ сванскій представляетъ типъ, сложившійся отъ слiянія одного яфетическаго языка спирантной группы съ другимъ яфетическимъ сибилянтной группы, именно ш-языкомъ, что же касается лежащихъ въ основѣ абхазскаго и тушинскаго (ц̔ова-тушинскаго), рядомъ съ опредѣленными уже элементами, другихъ ингредіентныхъ слоевъ, то только недавно, по возникновеніи настоящей работы, стало выясняться, что въ нихъ имѣется еще другой яфетическій слой, спирантной группы, роднящій ихъ съ такъ называемыми языками андодидойской группы и съ примыкающими къ ней языками изъ восточно-кавказскихъ, но и теперь остается вопросъ, во всякомъ случаѣ преждевременно устранять его, нѣтъ ли во всѣхъ этихъ языкахъ или въ нѣкоторыхъ изъ нихъ рядомъ съ яфетическими слоями не-яфетическихъ элементовъ основного, генетическаго, значенія.

4) Когда у насъ нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія вида спиранта, мы пользуемся начертаніемъ ɜ.

5) См. § 6.

Древнѣйшая датированная турецкая рукопись XIV вѣка.

Посѣтивъ нынѣшнимъ лѣтомъ Англію, я имѣлъ въ виду освѣдомиться въ тамошнихъ книгохранилищахъ, и главнымъ образомъ въ Британскомъ Музеѣ, не прибыло ли въ нихъ чего-нибудь новенькаго, послѣ того какъ я тамъ былъ лѣтомъ 1897 года. Мои предчувствія не обманули меня. Я вособенности уповалъ на коллекцію турецкихъ рукописей покойнаго Гибба, завѣщавшаго ее Британскому Музею; но въ ней ничего не оказалось ни новаго, ни особенно замѣчательнаго. Зато, пересматривая инвентарь новѣйшихъ рукописныхъ пріобрѣтеній Музея, я напалъ тамъ на одну турецкую рукопись, которою и занялся втеченіе всего моего пребыванія въ Лондонѣ, и нынѣ имѣю честь подѣлиться своими свѣдѣніями объ этой находкѣ въ нѣдрахъ Британскаго Музея.

Рукопись эта куплена Британскимъ Музеемъ въ апрѣлѣ 1908 года отъ нѣкоего J. G. Gejou и зарегистрована подъ № 6815. Къ сожалѣнію, она уже переплетена въ новенькій переплетъ. На чистомъ листѣ переплета есть заглавіе содержащагося въ ней сочиненія, съ добавленіемъ арабскаго выраженія خطه=«автографъ»; все написано это новѣйшимъ почеркомъ руки, надо полагать, продавшаго рукопись комиссіонера, скрывающагося подъ инициалами W. B. Нужно замѣтить, что этотъ, должно быть все-таки ловкій, отыскиватель рукописныхъ рѣдкостей, имѣетъ обычай на всѣхъ почти проданыхъ имъ рукописяхъ ставить помѣтку خطه=«автографъ», хотя и не всегда основательно, какъ это я замѣтилъ, просматривая турецкія рукописи въ библіотекѣ Кембриджскаго университета: тамъ мною усмотрѣны были двѣ рукописи также съ помѣткою, что онѣ суть автографы, заключая въ себѣ произведенія одного и того же писателя, а между тѣмъ почерки этихъ двухъ рукописей при сличеніи оказались совершенно различные. Но въ отношеніи занимающей насъ рукописи досужій комиссіонеръ едва ли не былъ

правъ, какъ въ этомъ убѣждаютъ меня ближайшія наблюденія надъ рукописью.

Рукопись заключаетъ въ себѣ 153 листа in-4⁰, размѣра 23 × 17 и 20 × 14 сантиметровъ. Написана по 19 строкъ на страницѣ почеркомъ нэсхи, причемъ арабскіе стихи написаны крупнѣе и въ два столбца. Бумага довольно плотная и безъ водяныхъ знаковъ. Однимъ словомъ, внѣшностью она совершенно подходитъ къ рукописямъ той эпохи, къ которой она принадлежитъ. Будучи въ началѣ дефектна, она имѣетъ однако же въ концѣ очень обстоятельное послѣсловіе, въ которомъ точно обозначена дата 731 = 1332 г., такъ что она теперь является старѣйшею датированною турецкою рукописью первой половины XIV вѣка, тогда какъ другіе старинные памятники турецкой письменности, какъ напр. «Гарибъ-намэ» Аашикъ-паши, какъ такъ называемые у ученыхъ «Сельджукскіе стихи» въ «Ребабъ-намэ» Султанъ-Веледа и какъ, наконецъ, лѣтопись Ибнъ-Биби, дошли до насъ въ рукописяхъ, не имѣющихъ датъ и только косвенными соображеніями относимыхъ къ старинным временамъ, даже, пожалуй, къ тому же XIV вѣку. Въ этомъ же послѣсловіи рукописи находится и точное обозначеніе содержащагося въ ней сочиненія, которое названо نظم الخلافيات въ арабскомъ текстѣ, турецкій же переводъ просто названъ «переводомъ его» ترجمته —.

Обращаясь за библіографическими справками, прежде всего, конечно, къ словарю Хаджи-Кальфы, мы находимъ въ немъ арабскій оригиналъ самого Нэсефи (Vol. VI, 195, № 13203 подъ заглавіемъ المنظومة فى الخلافيات съ подробнымъ указаніемъ составныхъ частей его, а затѣмъ и перечень многочисленныхъ комментаріевъ на него. Въ ряду этихъ послѣднихъ однако же не оказывается такого комментарія, по нашему перевода, который бы соотвѣтствовалъ нынѣ хранящемуся въ Британскомъ Музеѣ. Упоминается одинъ авторъ комментарія, нѣкій Рази-Эддинъ Ибрагимъ-бенъ-Сулейманъ Хамави Мантыки, умершій въ 732 = нач. окт. 1331 года, комментаріи котораго въ двухъ томахъ — رضى الدين ابراهيم بن سليمان الحموى المنطقى المتوفى ٧٣٢ فى مجلدين (H. Kh. VI, p. 196); но по всей видимости онъ не тожественъ съ авторомъ Лондонскаго кодекса: общаго между ними лишь то, что оба носили имя Ибрагимъ, и оба были изъ города Хамы, а въ остальныхъ признакахъ они совершенно расходятся — одинъ сынъ Мустафы, а другой Сулеймана; самое сочиненіе, по словамъ Хаджи-Кальфы, Ибрагимъ-бенъ-Сулеймана въ двухъ томахъ, тогда какъ въ кодексѣ Лондонскомъ такого раздѣленія на два тома не имѣется. Наконецъ, и это едва ли не самое главное, Ибрагимъ-бенъ-Сулейманъ умеръ въ началѣ 732 = 1331 года, тогда какъ въ Лондонскомъ кодексѣ значится, что турецкій переводъ въ

концѣ 731=въ сент. 1331 года доведенъ былъ только до листа 65 (Рукоп. л. 65 r.), а законченъ былъ написаніемъ въ серединѣ слѣдующаго 732=въ мартѣ 1332 года. Конечно, при незначительной разницѣ датъ лишь въ нѣсколькихъ мѣсяцахъ могла вкрасться у Х.-Кальфы неточность въ нихъ, и тогда значило бы, что авторъ умеръ въ томъ же году, когда закончилъ свой трудъ; но все же такое совпаденіе кажется необычайнымъ, а потому и крайне сомнительнымъ. А что всего болѣе говоритъ за разницу этихъ двухъ произведеній—это 1-хъ имя Алиширъ въ составѣ имени автора Лондонскаго кодекса, отсутствующее въ составномъ имени комментатора, упоминаемаго у Х.-Кальфы; а 2-хъ въ кодексѣ Британскаго Музея усматриваются явные признаки, заставляющіе предполагать въ немъ автографъ автора, что еще болѣе отдаляетъ его отъ того, который былъ самолично или по преданію извѣстенъ знаменитому турецкому библіографу. Эти признаки, на мой взглядъ, слѣдующіе. Прежде всего необыкновенно тщательное письмо съ точно и систематически разставленными діакритическими знаками, именно какъ бы со спеціальнымъ предназначеніемъ этой рукописи служить руководствомъ турецкимъ ученикамъ переводчика, плохо понимавшимъ арабскій языкъ и его мудреную для нихъ грамоту, на что имѣется прямое указаніе въ послѣсловіи автора, какъ увидимъ далѣе. Вторымъ признакомъ, мнѣ думается, можно считать то мѣсто въ рукописи на л. 131 v., гдѣ зачеркнуто двѣнадцать строкъ, а за ними слѣдуютъ уже совершенно другія, зачеркнутыя же болѣе не повторяются, чего нельзя было бы ожидать, если бы зачеркнутое было дѣломъ рукъ простого переписчика, ошибшагося лишь въ порядкѣ словъ или строкъ переписываемаго чужого произведенія. Третій признакъ, самый помоему вѣскій, заключается въ начальныхъ словахъ послѣсловія: «И совершилось окончаніе перевода его (сочиненія Нэсефи) рукою смиреннаго раба, переводчика, нуждающагося въ милости благого Господа своего, Ибрагимъ-бенъ-Мустафа-бенъ-Алишира Альмулейфедави». Выраженіе على يد = «рукою» можетъ касаться главнымъ образомъ механическаго труда переписки, а не умственной работы—перевода. Такъ надо думать по обычному употребленію этого выраженія въ огромномъ количествѣ приписокъ въ мусульманскихъ рукописяхъ. Наконецъ четвертый и послѣдній признакъ автентичности Лондонскаго кодекса уже чисто отрицательнаго свойства—отсутствіе другой приписки отъ лица какого-либо посторонняго писца, каковая имѣется напр. въ Фарахъ-намэ Хатыбъ-оглу въ Будапештской рукописи № 0.24, л. 250 v., и ненахожденіе другого списка этого произведенія ни въ какихъ другихъ доступныхъ намъ библіографическихъ указателяхъ.

Немаловаженъ также вопросъ и о личности автора перевода въ томъ

отношеніи, что въ связи съ нимъ отчасти находится и сужденіе о свойствахъ и особенностяхъ языка, которымъ переводъ сдѣланъ: иное дѣло, если это былъ природный турокъ, хорошо владѣвшій арабскимъ языкомъ, а иное дѣло, если это былъ арабъ, настолько однако же хорошо освоившійся съ турецкимъ языкомъ своихъ учениковъ, что «отважился», по его собственному выраженію, приняться за переводъ довольно большого комментарія къ классическому въ своемъ родѣ стихотворному произведенію знаменитаго ученаго Абу-Хафсъ-Омара Нэсефи († 537=1142 г.), сдѣлавъ переводъ основного текста Нэсефи также стихами, а комментарія — прозою.

Замѣчательно то общее явленіе, что авторы главнѣйшихъ старинныхъ памятниковъ турецкой письменности, какъ Аашикъ-паша въ своемъ «Гарибъ-намэ» (Будапештская рукопись, № Qu. 1, л. 258 г.) и Хатыбъ-оглу въ своемъ «Фарахъ-намэ» (Будапешт. рукоп. № 0.24, л. 10 г. и 249 г.), какъ будто оправдываются въ томъ, что они дѣлаютъ турецкій языкъ орудіемъ выраженія очень ужь высокихъ матерій; или же извиняются, какъ это дѣлаетъ Султанъ-Веледъ въ своихъ «Сельджукскихъ стихахъ» (Будапешт. рукоп. № 0.196 л. 220 г.) въ томъ, что онъ, будучи родомъ персіянинъ, не знаетъ потурецки, т. е. плохо владѣетъ турецкимъ языкомъ. Ни того, ни другого мы не находимъ у автора Лондонскаго кодекса, такъ какъ одну его фразу въ послѣсловіи بو جرأت ايلدى = «осмѣлился, отважился» позволительно считать лишь за обычную у восточныхъ писателей формулу выраженія своей скромности, не болѣе. Затѣмъ у него дважды въ сочиненіи встрѣчается упоминаніе о туркахъ и татарахъ, но оба раза въ такомъ безразличномъ, академическомъ тонѣ, что по этимъ мѣстамъ сочиненія ничего нельзя заключить о какихъ-либо родственныхъ, національныхъ симпатіяхъ или антипатіяхъ его автора. Первое упоминаніе сдѣлано у него по вопросу о наймѣ рабочихъ— хаммаловъ, портомоевъ, что съ ними надо опредѣленно договариваться, какъ считать плату,—если по-татарски, то платить два диргема, если по-турецки— одинъ диргемъ (Рукоп. л. 54 г.). Тутъ какъ будто идетъ рѣчь о разной денежной валютѣ, бывшей, вѣроятно, тогда въ ходу въ мѣстахъ жительства комментатора, а не то что о разной расцѣнкѣ одной и той же денежной единицы, какъ диргемъ, со стороны татаръ и турковъ. Вторично нашъ переводчикъ упоминаетъ о туркахъ какъ о народѣ по вопросу о поголовной подати—что если кто-нибудь изъ турковъ, или индѣйцевъ, или дейлемитовъ захочетъ быть зимміемъ, о чемъ и сдѣлаютъ кабалу на него, то все-таки не слѣдуетъ налагать на него джузье — поголовной подати по Шафіи, а «понашему» (?) слѣдуетъ; а вслѣдъ за этимъ идетъ раздѣленіе всѣхъ кяфировъ на четыре разряда—на книжниковъ, огнепоклонниковъ, идолопоклонниковъ изъ арабовъ, не подлежащихъ налогу, и идолопоклонниковъ изъ персовъ,

тоже по Шафіи не подлежащихъ налогу, а «понашему» подлежащихъ (л. 111 v.). Отсюда тоже ничего не видно, какъ къ кому относится авторъ или переводчикъ: повидимому какъ-будто все же не благоволитъ къ персіянамъ (л. 111 v.). Кстати замѣтить, рядомъ съ этимъ же мѣстомъ, нѣсколько повыше, почему-то дается толкованіе слова دربند въ такомъ родѣ: دربند ددکی داغ اراسند درجق یرا ایدرلر = «Дербендомъ называютъ тѣсноватое мѣсто среди горъ» (л. 110 v.).

Такимъ образомъ относительно національной принадлежности автора Лондонскаго кодекса остается лишь дѣлать догадки, для которыхъ тоже не представляется сколько - нибудь полезныхъ данныхъ ни въ рукописи, ни въ постороннихъ источникахъ.

Уже одно присутствіе имени Алиширъ въ составѣ имени автора даетъ немалое основаніе полагать, что онъ не былъ кровный арабъ. А принимая во вниманіе тотъ фактъ, что въ числѣ многихъ другихъ комментаторовъ, поименованныхъ у Х.-Кальфы, есть такіе, изъ коихъ одинъ носитъ у него добавочное прозвище Бенъ-Давудъ Бухари (H. Kh., Vol. VI, p. 196), а другой—Бенъ-Абд-ель-Хамидъ Аль-Асменди Аль-Самарканди (Ibidem), можно думать, что въ Хамѣ, бывшей, очевидно, въ свое время центромъ арабско-мусульманской учености, пребывали выходцы изъ Средней Азіи, а затѣмъ и потомки такихъ выходцевъ, и потому они могли быть по происхожденію или турки же, хотя попервоначалу среднеазіатскіе, или же пришельцы другой расы—таджики, персіяне, хорошо освоившіеся съ турецкимъ языкомъ еще тамъ у себя на родинѣ и не забывшіе его по выселеніи оттуда, но лишь оправившіе его въ формы языка турковъ Передней Азіи во время своего пребыванія или даже окончательнаго водворенія въ области славнаго своею ученостью сирійскаго города Хамы.

Городъ Хама былъ крупнымъ самостоятельнымъ и административнымъ пунктомъ, присоединеннымъ потомъ къ Триполійскому вилляйету (Джиганъ-нюма, стр. 591—592). Другое общеизвѣстное имя этого города есть Эпифанія. (Mostras, Dict. Géographique de l'Empire Ottoman, Spt. 1873, p. 85). Въ одной новѣйшей турецкой географіи совершенно серьозно сказано, что «Хама построена Хамомъ сыномъ Ноя»—забавное соображеніе! (مفصل ممالك стр. 192, عثمانی جغرافیاسی اثر محمد شوکت). Кромѣ этого, никакихъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ древнемъ городѣ не имѣется. Добавочное при имени Хамы выраженіе تعرف بالكهر, въ рифму съ слѣдующимъ за нимъ حميت عن الهزم و القهر, пока не поддается никакому сколько-нибудь удовлетворительному толкованію, кромѣ развѣ банальной фразы: «извѣстный шутливостью». Не менѣе трудно истолковать и добавочное прозвище автора Альмулейфедави—الميفدوى, относительно котораго также можно по-

лагать, что оно географическаго корня. По аналогіи съ подобными прозваніями, въ родѣ Кöпрюлю, Соколлы и т. п., надо думать, что въ немъ кроется имя какого-нибудь второстепеннаго или даже третьестепеннаго городка или мѣстечка, даже въ округѣ города Хамы, откуда былъ родомъ авторъ, отмѣчающій, что во время писанія своего перевода онъ состоялъ судьею въ городѣ Хамѣ; но ни въ географическихъ сочиненіяхъ, ни на географическихъ картахъ ничего хотя бы похожаго начертаніемъ на начертаніе искомаго прозвища не оказывается. Въ силу этого приходится пока довольствоваться тѣми данными, которыя въ пространномъ послѣсловіи авторъ сообщаетъ о себѣ и о своемъ трудѣ. Это послѣсловіе гласитъ намъ слѣдующее:

قد وقع الفراغ من ترجمته على يد العبد الضعيف المترجم المفتقر الى رحمة ربه اللطيف ابراهيم بن مصطفى بن عليشير المليفدوى الحاكم يومئذ بمدينة حما تعرف بالكهر حميت عن الهزم و القهر غفر الله له و لوالديه و لساير المسلمين اجمعين يوم الثلثا رابع شهر الله الاصب رجب عمت ميامنه سنة اثنتين و ثلثين و سبعمائة و الحمد لله اولا و اخرا ظاهرا و باطنا بو ضعيف منظومهء ترك دلنجا ايلدكنك سببى اول در همتلر تحصيل علوم دن قاصر اولد عربيتا رغبتلر فاتر اولد هم بر شخص كم علم اوقمغا هوسى اد عربجا اوقمق الندن كلمسد بو ضعيفدن استد كم ترك دلنجا طاقت قدرى اكا معلوم ايليا وهم تركلرَ ياذكار قله بو شريف كتابك مسايلندن لطايفندن محروم قلميلر بو ايت حكمنا تمسك ايليب ما ارسلنا من رسول الا بلسان قومه ليبنبين لهم بو جرءت ايلد اوميذ حقك لطفنا اول در كم بو كتابدن فايده كترلر اول سبب اله بو ضعيف ياذ قللر انك اچن حقدن معصيتن دليلر ان شا الله تعالى غفور حضرتندن مغفرت كلب مرحوم و مغفور اوله بو كتاب ختم ايليالم دعاءِ له كم رسولدن عليه الصلوة و السلام اثر كلمش در اللهم انى اسالك الثبات فى الامر و اسالك العزيمة على الرشد و اسالك لسانا صادقا و اسالك من خير ما تعلم و اعوذ بك من شر ما تعلم و استغفرك لما تعلم انك علام الغيوب حسبنا الله و نعم المولى و نعم النصير. Это значитъ:

«И совершилось окончаніе перевода его (стихотворенія Нэсефи) рукою слабаго раба, переводившаго, нуждающагося въ милости всеблагого Господа Своего, Ибрагимъ-бенъ-Мустафа-бенъ-Алишира Альмулейфедави, тогда судьи въ городѣ Хамѣ, извѣстномъ (чѣмъ?) — да будетъ онъ спасенъ отъ покоренія и одолѣнія! — и да проститъ Господь его, и родителей его и всѣхъ прочихъ мусульманъ! — въ день вторникъ, четвертый божьяго мѣсяца, возлюбленнаго реджеба — да распространятся на всѣхъ благодати его! — семьсотъ тридцать второго года. И слава Богу сначала и въ концѣ, наружне и внутренне! — Причина того, что сей

смиренный переложилъ стихотвореніе на турецкій языкъ, такова: рвенія къ пріобрѣтенію знаній недостаточно стало; стремленія къ арабщинѣ слабы стали, такъ что если бы у кого-нибудь и велика была охота изучать науку, да ему не съ руки было бы читать по-арабски, то онъ бы и потребовалъ отъ сего смиреннаго сдѣлать это по мѣрѣ возможности доступнымъ на языкѣ турецкомъ, и оно бы осталось на память туркамъ: они не были бы возбранены отъ вопросовъ и остроумностей сей почтенной книги. Слѣдуя смыслу сего стиха: «И не ниспослали мы ни одного пророка какъ только съ языкомъ народа его, дабы онъ объяснилъ имъ», онъ и отважился на это. А упованіе на благодать Божію то, что пусть почерпаютъ пользу отъ этой книги, а по сей самой причинѣ пусть вспоминаютъ и сего смиреннаго, и испросятъ отъ Бога прощенія прегрѣшеній его: если Всевышнему Богу угодно будетъ, то и ему прійдетъ всепрощеніе отъ Господа Милосердаго; онъ почіетъ помилованный. Докончимъ же эту книгу съ молитвою, дошедшею какъ наслѣдіе отъ Пророка — да будетъ надъ нимъ славословіе и миръ! —: «Молю Тя, Господи, о крѣпости въ дѣлахъ; молю тя о выступленіи на стезю правды; молю Тя о языкѣ правдивомъ; молю тя о благѣ, которое ты вѣси; и да избавишь ты меня отъ зла, которое ты вѣси, и прошу у тебя помилованія въ томъ, что ты вѣси, Воистину ты тайновѣдецъ! Довольно намъ Аллаха! Благъ Господь и благъ Помощникъ!»

Оборотная страница послѣдняго листа дотого замазана различными безпорядочными начертаніями, что нѣтъ никакой возможности разобрать въ нихъ какія-либо осмысленныя словувыраженія.

И такъ рукопись въ началѣ дефектна: она начинается ex abrupto такими словами турецкаго перевода:

نمازنی تمام ایلیا باطل اولمز محمد قولند قلو دردغی نماز تمام ایلیا اندن خرما صو
اله ابدست اله اول نماز کرو قله

По содержанію этихъ начальныхъ строкъ видно, что рѣчь идетъ о молитвѣ, т. е. о самомъ первомъ вопросѣ мухаммеданской каноники. Слѣдовательно въ рукописи недостаетъ одного, либо двухъ листовъ въ началѣ. Во всякомъ случаѣ точное опредѣленіе дефекта ея возможно будетъ при сличеніи съ арабскимъ подлинникомъ сочиненія Нэсефи, заключающаго въ себѣ 2666 стиховъ, какъ это видимъ изъ конечныхъ стиховъ текста и турецкаго перевода въ рукописи.

Я надѣялся, что въ состояніи буду произвести это сличеніе въ Петербургѣ, будучи почему-то убѣжденъ, что навѣрное гдѣ-нибудь да есть если не печатный, то рукописный экземпляръ сочиненія Нэсефи. Но надежда меня жестоко обманула: въ Петербургѣ ни въ одной библіотекѣ не оказалось этого сочиненія. Поэтому вопросъ о соотвѣтствіи турецкаго перевода

въ Лондонскомъ кодексѣ съ арабскимъ оригиналомъ еще долженъ составить предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія — какой изъ множества комментаріевъ на основное сочиненіе Нэсефи былъ избранъ авторомъ нашего перевода, и гдѣ таковой можетъ теперь находиться. Заранѣе можно впрочемъ сказать, что турецкій переводъ едва ли будетъ вполнѣ совпадать съ арабскимъ оригиналомъ, потому что уже и въ переводѣ основныхъ стиховъ арабскихъ я наблюдалъ иногда довольно ощутительную разницу между ними; а потому можно предполагать, что и въ пространныхъ комментаріяхъ къ нимъ могутъ оказаться какія-нибудь добавленія или распространенія переводчика, такъ что безъ этого подробнаго сличенія нельзя высказать какихъ-либо категорическихъ сужденій и по нѣкоторымъ предметамъ самаго содержанія этого комментарія, напр., положимъ, по вопросу о томъ, можно ли ѣсть свинину. Въ одномъ мѣстѣ комментарія говорится, что «если кто-нибудь пуститъ стрѣлу въ волка, или льва, или въ свинью, но произнесетъ при этомъ бисмиллю, и стрѣла попадетъ въ какую-нибудь дичь, то эту дичь ѣсть нельзя, по словамъ Абу-Хафса, т. е. Омара Нэсефи, а *понашему* можно=بِزم قَوْلُمُزدَ حَلَالْدُرْ—(л. 47 verso). Выраженіе «*по нашему* мнѣнію»=بِزمْ قَوْلُمُزدَ—множество разъ повторяется въ переводѣ, иногда замѣняясь другимъ такимъ же:—بزم قَمُزدَ «*понашему*», или даже بِزمْ عُلَمَاَ قَوْلِنْدَ = «по мнѣнію *нашихъ* ученыхъ» (л. 32 r.). Кому принадлежатъ эти оговорки—только ли Нэсефи, взявшемуся сопоставить разногласіе главнѣйшихъ отцовъ мусульманскихъ правовѣрныхъ толковъ, или же кому-либо изъ авторовъ переводимаго комментарія, или же, наконецъ, мы тутъ имѣемъ дѣло съ добавленіемъ собственныхъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ сужденій, высказанныхъ въ иныхъ мѣстахъ турецкимъ переводчикомъ, позволившимъ себѣ «смѣть свое сужденіе имѣть», не извѣстно. Разъясненію этого вопроса нисколько не помогаетъ и приводимый ниже хадисъ, заключающій въ себѣ цѣлый рядъ именъ авторитетовъ тогдашней учености. А такихъ характерныхъ въ бытовомъ отношеніи предметовъ не мало затронуто и въ арабскомъ текстѣ, и въ переводныхъ комментаріяхъ. И если даже, скажемъ напередъ, окажется полное соотношеніе турецкаго перевода комментаріевъ съ арабскимъ оригиналомъ Нэсефи, то все же интересъ его содержанія мало теряетъ въ своемъ значеніи на томъ основаніи, что высказанныя въ немъ воззрѣнія по предметамъ тогдашняго житейскаго быта и юридической практики, надо думать, заучивались турецкими студентами въ школахъ какъ такія, которыя находили свое примѣненіе и у мусульманскихъ турковъ. Въ общемъ, напримѣръ, замѣтно какъ будто больше ригоризма у комментаторовъ, чѣмъ у има-

мовъ. Напр. за пьянство по Шафіи достаточно дать сорокъ палокъ пьяницѣ, а по комментатору, ссылающемуся, правда, на другіе авторитеты, слѣдуетъ дать восемьдесятъ (л. 108 v.); за умышленное уклоненіе десятилѣтняго дитяти отъ совершенія намаза надо бить палками, по имаму Шафіи, а переводчикъ прибавляетъ, что надо сильно бить, да еще это мнѣніе сопровождаетъ такимъ не лишеннымъ своего значенія хадисомъ: اكر اون يشر اغلن نمازنى قصد اله ترك ايلسا دوكار ديلمزلر شافعى قولند بزم قولمزد توبه ورلر حبس قتل ايلميلر مولانا حافظ الدين مصطفى مصنف ايتى اشتدم مولانا حميد الدين دن كم ايتى مولانا شيخ جمال الدين رحمهم الله ايتى بزم قولمزد ضرب شديد اورلر شل قدر كم بى نمازدن روان قان اقا (л. 76 v.—77 r.). Въ другихъ случаяхъ, особенно въ вопросахъ разныхъ отношеній мужчины къ женщинѣ, комментаторъ менѣе строгъ, нежели имамы: такъ по Шафіи нельзя мусульманину жениться на христіанкѣ или на іудейкѣ, а по комментатору позволительно (л. 96 v.); по Шафіи нельзя глупаго человѣка ставить судьею, а по комментатору можно: «что-что онъ не будетъ уменъ, лишь бы былъ справедливъ: онъ можетъ постановлять рѣшенія по фетвамъ ученыхъ» (л. 123 v.). Особенно много любопытныхъ сужденій по части соціальнаго положенія рабовъ и рабынь въ мусульманскомъ обществѣ того времени, въ которое сдѣланъ переводъ авторитетнаго для того времени сочиненія Нэсефи.

Но эта сторона содержанія рукописи настолько обширна, что я позволяю себѣ коснуться ея лишь мимоходомъ. Главнѣйшее же мое вниманіе при изслѣдованіи рукописи было сосредоточено на свойствахъ турецкаго языка, отразившихся въ ней. Нужно сказать, что спеціальность содержанія ея, т. е. шаблонная форма юридическихъ сентенцій, безъ сомнѣнія, не давала должнаго простора турецкой рѣчи переводчика по части обнаруженія имъ разныхъ грамматическихъ и стилистическихъ свойствъ этой рѣчи, но все же и при этомъ не совсѣмъ благопріятномъ условіи тутъ встрѣчаются формы, достойныя вниманія науки, чтобы разобраться въ ихъ образованіи и принадлежности къ тѣмъ или инымъ категоріямъ, чрезъ сличеніе съ таковыми въ другихъ извѣстныхъ старинныхъ памятникахъ турецкой письменности, относимыхъ къ той же эпохѣ, но можетъ быть не совсѣмъ тожественнаго діалектическаго обличія.

Начнемъ съ такъ называемой ороографіи. Она въ Лондонской рукописи весьма близка къ ороографіи рукописи «Гарибъ-намэ», принадлежащей Будапештской академіи наукъ и значащейся тамъ подъ № F. 46, и къ «Данышмендъ кыссэси» нашей Императорской Публичной Библіотеки (Dorn, Catalogue, № 578). Большинство особенностей въ начертаніи словъ и грамматическихъ архаизмовъ, которыми отличаются два вышеупомянутые ко-

декса, встрѣчается и въ Лондонской рукописи. Я перечислю здѣсь тѣ и другіе въ томъ же приблизительно порядкѣ, въ какомъ они выбраны были мною въ моей монографіи «Мнимый турецкій султанъ именуемый у европейскихъ писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes» (Зап. Вост. Отд., Т. XVIII). Орѳографическія особенности эти суть слѣдующія.

Въ начертаніи словъ неохотное употребленіе гласныхъ знаковъ ا و и ى въ серединѣ и особенно въ концѣ словъ, напр. اِشْتْلْكَلْ = ايشيتلكده (л. 14 v.), صَغْلِغْنَرْ = صاغلغنده (20 v.), بُلْسَا = بولسه, بُلْمَسَا = بولمسه (23 r.), كُشْكَلْ = كوشكده (27 v.), بُكُنْ = بوكون (29 r.), اَيْلَدِيدِ = ايلدى ايدى (29 r.), قَتْمُزْدَ (31 r.) اُولْدِيدِ = اولدى ايدى (32 v.), اِدْكُنْ = ايديكين (114 r.), صِغِرْ = صيغير (118 r.), اِكْ = ايكى (58 v.), и др.).

Конечно и срединное ه нынѣшняго правописанія почти совершенно изгнано изъ орѳографіи Лондонскаго кодекса и всюду замѣняется элифомъ, особенно въ окончаніи глагольныхъ флексій, напр.: نَسَنَا (3 r.), اُلْسَا جِقْتَلْنْسَا (56 v.), بَيَاسَا قَرِيَا بَزِي (9 r.), اكنجسنا (10 r.), اُزَرِنَا (19 v.), اِسْمَرْلِيَا, اَلْغَا, بَطْمَنَا (58 v.), اَوْلِغِيَا (63 v.), خوشاوْندرنا (104 v.), يَلنَا (105 v.).

Надъ сагырнуномъ обязательно всегда стоитъ троеточіе, напр.: اُوڭْمَسَڭْ (8 v.), اَڭْ (10 r.), صُڭْرَانْڭْ (14 v.), بَاڭْلِيَا (31 r.), يڭَا (97 v.), تَڭْرِيَا (105 v.).

Склонность къ сократительнымъ сліяніямъ нѣсколькихъ словъ въ одно начертаніе, какъ-то: نَهَ قَدَرْدُغِنِي = نه قدر ايدكنى (14 r.), и كُنْدُغَادُرْرِكُنْ и كون دوغا دورر ايكن и كُنْدُغَرْكُنْ = كون دوغر ايكن (24 r.) и др.

Тэнвинъ, замѣняющій турецкое окончаніе во флексіи на دن, столь обычный въ другихъ старинныхъ турецкихъ памятникахъ, здѣсь почти совсѣмъ не встрѣчается: едва ли не единственный примѣръ представляетъ выраженіе صُكَرْ صُرْفَنْ (14 v.). Зато вездѣ аккуратно выставленъ тэшдидъ съ *фатхою*, и вездѣ онъ занимаетъ мѣсто *надъ* нею, а не подъ нею, какъ обыкновенно принято въ арабской и турецкой орѳографіи, напр.: نَيِّتَنَا (3 r.), وَقّتْ (17 r.) и др.

Въ притяжательныхъ мѣстоименныхъ аффиксахъ и во флексіяхъ от-

сутствуетъ و, которое всюду употребительно въ другихъ памятникахъ, но зато соотвѣтственныя имъ гласныя всегда неукоснительно обозначаются дзаммой надъ согласною, напр.: بلزُكْكْ (19 r.), اُولْسُكْ (21 r., 26 r.), يِنْمزُكْ (22 r.), ايْغُودُرْرْ, طُغادُرْرْ (24 r.), بَرْمَغُكْ (31 r.), بزِمْ قَوْلُمُزْدَ (34 r), عَوْرَتُكْ (Ibid.), ارُكْ (35 r.), بزِمْ قتُمُزْدَ (39 v., 46 r.), بُوزِلُرْ (49 r.), بَطْمَنُكْ (86 v.). и др.

Фонетическія особенности, обнаруживаемыя начертаніемъ словъ, прежде всего заключаются также въ постановкѣ буквы ذ вмѣсто د, притомъ не только въ персидскихъ словахъ, но и въ арабскихъ, и даже въ турецкихъ, хотя въ послѣднихъ едва ли это не слѣдуетъ считать простою опискою, напр.: بغداد=بَغْدَاذْ (29 r., 65 v.), ياخود=يَاخَذْ (5 v.), جادر=جَاذِرْ (55 r.), كندو=كَنْذُ (17 v.), اميد=اُومِيذْ (105 r.), ياد=يَاذْ, يادكار=يَاذِكَار, (153 r.).

Буквы د и ط, напротивъ, очень устойчивы въ своемъ употребленіи, напр.: طاش (65 r.), طُتْسَا (66 r.), درِنْق (31 r., 78 v., 116 r.), طُتُقْدَنْ (97 r.), طُتَرِزْ (105 v.), طُتْمَسَا, طِلِنْسَا, دُسْدُغْرُوْ (116 r.), دُقْزِجِي (31 r.).

Буква ز иногда замѣняется буквою س, и притомъ не только во флексіяхъ, какъ напр.: كلمسِد (153 r.), но и въ корнѣ слова, напр.: بُغَسْلَسَا (91 r.), хотя въ другихъ случаяхъ видимъ, что тотъ же глаголъ и въ той же формѣ, но изображенъ такъ: بُغَزْلَسَا (114 r., 146 r., 149 r.).

Встрѣчаются и сложныя глагольныя формы архаическаго свойства, какъ напр.: قلو دُرُرْكَنْ (26 r., 78 v.), اَلْمَى اُولْسَا (137 r.), и вособенности употребительно сочетаніе формы съ окончаніемъ سى, которая обнаруживаетъ всѣ признаки причастія будущаго, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: بُغَزْلَنسى يِرْدَ (11 r.), نمَازْ قِلْسى قَدَرْ (25 r.), حَاجِيلَر كلَسِي سَنَايَا (50 v.), كَشْلُو اُوقِيَاسِي يِرِدَ (74 r.), كلَسِي يِلْ (93 r. & v.), تمَامْ اُولَسِيَا يَقِنْ (84 r.), اَمْزَرِسى عَوْرَتْ بُلُنْمَسَا اُغْلَنْ هَلاَكْ اُولَسِي اُولْسَا (100 r.), كَلَسِ وَقْتَا (122 v.). Иногда эти формы принимаютъ значеніе глагольнаго существительнаго напр. وَرَسِيا صَتوسى رَوَا دكُلْ (125 v.).

По поводу этой формы приходится обратить вниманіе на очень широкое и разнообразное употребленіе примѣты سى. Обычно ея мѣсто при именахъ существительныхъ, коренныхъ или производныхъ, для показанія принадлежности ихъ, при чемъ, присоединяясь къ словамъ, оканчивающимся на согласную, этотъ, какъ принято называть его, притяжательный мѣстоименный аффиксъ 3-го лица, теряетъ س, являясь въ видѣ одного ى: напр. и здѣсь мы видимъ يكَانِي (116 r.), نِيَسَهسِي (118 r.), بِرْ نَجَاسِي (42 r., 45 v.); قيمتى (10 r.), عيبى (13 v.), بَرَبَرْلغِي (14 v.), عورتى (41 v.) и др.. Но, помимо такого обычнаго, нормальнаго употребленія этого аффикса, мы встрѣчаемъ въ Лондонскомъ кодексѣ и такое его примѣненіе, котораго не встрѣчается въ другихъ старинныхъ памятникахъ: я имѣю въ виду здѣсь появленіе его въ такихъ сочетаніяхъ, какъ اَيْرُقْسِي (26 v., 27 r., 76 v., 90 r., 136 v.), при чемъ надъ буквою ق всегда очень аккуратно бываетъ выставленъ знакъ сукунъ. И это слово не составляетъ исключенія: мы также видимъ еще слѣдующія начертанія того же характера: يَرْسِي (13 r., 28 v.), دَرْسِي (67 v., 68 r.), بِرِيِسِنُكْ يَارْسِي (121 r.), въ которыхъ конечный гласный звукъ словъ прямо-таки отброшенъ съ присоединеніемъ къ нимъ аффикса سِي, потому что, напр., слово يَرُو стоитъ рядомъ съ его видоизмѣненіемъ يَارْسِي (13 v.). Нѣсколько необычное употребленіе частицы سى зарегистровано Юсуфомъ въ его грамматикѣ, но толкованіе его не совсѣмъ-то разъясняетъ то, что мы находимъ въ Лондонскомъ кодексѣ. У Юсуфа читаемъ: «La particule سى, ajoutée à certains noms, terminés par une simple consonne, exprime un rapport, une rassemblance: اركك homme, ارككسى qui a le ton et les manièrs d'un homme (en parlant d'une femme); امتحان examen, امتحانسى qui ressemble à un examen. Cette particule s'ajoute aussi à quelques adjectifs exprimant la couleur ou le goût. Mais si le mot (nom ou adjectif) se termine par un ا, par ه ou par ى voyelle, la particule سى sera précédée d'un م: محله — محلهمسى qui ressamble à un quartier, قرمزى — قرمزيمسى rougeâtre» (Grammaire complète de la langue Ottomane par R. Joussouf. Constantinople 1892, pp. 96—97). Ни способъ соединенія здѣсь частицы سى со словами, ни сообщаемые ею оттѣнки значеній словамъ, съ которыми она соединяется, не представляютъ полной аналогіи съ тѣмъ, что наблюдается надъ этою же частицею въ Лондонскомъ кодексѣ, и что, слѣдовательно, ожидаетъ еще дальнѣйшаго истолкованія.

Совершенно обратное явленіе наблюдается въ образованіи сравнительной степени именъ прилагательныхъ на رْقْ и رَكْ, а именно: въ многосложныхъ словахъ, имѣющихъ на концѣ согласную, этой послѣдней придается гласная кесра, а иногда дзамма, какъ-то: اَزْرَقْ (19 r.), ياوُزرَقْ (29 r.), اُزُونرَقْ (39 v.), اُزُزرَقْ (67 v.), но въ то же время يَكْرَكْ (30 v., 63 v., 65 v., 71 v., 152 v.), и, какъ какое-то исключеніе, عادلرَقْ (149 r.). Имѣющія же на концѣ гласную, односложныя и многосложныя, довольствуются сю, какъ ايورَكْ 29 r., سَوْكلورَكْ (6 r.), كُركلورَكْ (71 v.).

Относительно этой формы прилагательныхъ не лишне еще упомянуть, что она сочетается съ притяжательными мѣстоименными аффиксами и съ падежными окончаніями, какъ напр.: اُزُونرَقِ (39 v.), يَكْرَكِي (65 v.), اَزِرَغنَا (51 v.).

Изъ другихъ архаическихъ прилагательныхъ тѣ, которыя образуются чрезъ окончаніе لق и столь обычны въ другихъ памятникахъ, здѣсь являются рѣдко, напр.: بُشْلُقْ ساعَتْ. Но очень часто попадаются прилагательныя въ уменьшительной формѣ, какъ اَزاجُوغِي (2 v., 20 r., 49 r.), اَزَجِغَا (12 r.), دَرَجُقْ يِرا (110 r.), اَزَجُقْ نَسَنَا (112 v.) и др.

Равнымъ образомъ здѣсь наблюдается очень охотное производство отглагольныхъ отвлеченныхъ существительныхъ чрезъ присоединеніе того же окончанія на لِقْ и لِكْ къ неопредѣленной формѣ глаголовъ, напр.: يَنْمقلقَن (30 r.), اَلْنَن اوُلْقْلغيله (53 r.), اُلْمَكْلكيله (67 v.), منى جقمقلغى (67 r.). При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что эти существительныя иногда могутъ, наподобіе арабскихъ масдаровъ, управлять дополненіемъ винительнаго падежа, напр. عُورَتني اُلْدُكْدُنْ صُكْرَه يُمقلق (78 v.).

Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ указать на обиліе производныхъ глаголовъ отъ именъ существительныхъ, какъ отъ чисто турецкихъ, такъ и отъ иноязычныхъ, иногда отзывающихся чрезмѣрною искусственностью, но появлявшихся, очевидно, въ силу недостачи простыхъ коренныхъ глаголовъ, какъ напр.: صَتولش صلر (13 v.), ارلَن, اَرلَدُرسَا (31 r.), جِقتلَنْمك (56 r.),

جِقْتِلَنْدُرْمَكْ (97 r.), نِكَاحْلَنْمَقْ, نكاحلَنْدُرْمَقْ (96 v.), قِلْمَقْ نُورْلَنْدُرْ اُرْنَايِ (71 v.), قِلَادَهلَيَا (94 v.), مِلْكْلَنْدُرْمَكْ 113 r.), تِيمَارْلَسَا (112 v.), اَيْرِكْلَسَا (143 v.). اَنْذَرَه‌لِيبْ (118 r.) и др.

Къ числу архаизмовъ можно также отнести частое употребленіе отглагольныхъ существительныхъ на جى, какъ يِرْتَجِي (67 v.), اَيْاَجِي ,كَلْجِي (73 r.), и на و или غو, какъ напр. اُولُشُو (11 r.), صَنُو (68 r.) и بُغَزْلَغُو (11 r.).

Нѣкоторая неустойчивость наблюдается въ употребленіи буквъ ق и غ и появленіе ихъ тамъ, гдѣ бы слѣдовало ожидать ك; особенное колебаніе замѣтно въ начертаніяхъ اَوْلَقِي (102 r.) и اَوْلَغِيا (10 r., 24 r., 63 v, 104 r.). Рядомъ съ такими реченіями, какъ صُكْرَغِي (14 r., 100 v.), صَنْمَغِي (113 v.), يِلْدَغِي (103 r.), видимъ, что старинное мѣстоименіе قَنْق (113 v.) и قَنْقِسِي (10 v., 63 v., 149 r.) только въ такомъ видѣ и является; равно какъ слово دَقِي вездѣ безъ исключенія стоитъ съ буквою ق (11 r., 13 v., 67 r., 115 v., 68 r., 72 r., 74 r.), тогда какъ вездѣ въ другихъ старинныхъ памятникахъ и досегодня оно обыкновенно изображается всегда въ видѣ دخى.

Нѣсколько страннымъ представляются начертанія يَنْسَا и قَبَمَقْ (46 v., 115 v.), хотя буква پ, которую бы тутъ слѣдовало ожидать, аккуратно поставлена въ другихъ потребныхъ для нея случаяхъ, напр.: قُپِرْتَسَا (46 v.), سَپِلْمَكْ (68 r.), پِرْدَه (98 r.), دُپُوغَنْدَنْ (109 r.), دَپَلسَا (91 r., 129 r., 149 r.).

Замѣчательно, что метатезисъ بكى = كبى, представляющій столь заурядное явленіе въ другихъ старинныхъ памятникахъ, здѣсь вовсе не встрѣчается. То же надо сказать и касательно глагольной формы будущаго времени на سر, которая только однажды попалась: اُولِسَرْدُرْ (48 r.). Послѣднее можно объяснить тѣмъ, что самый составъ рѣчи, по одностороннему содержанію текста рукописи, не давалъ возможности къ примѣненію формы, столь охотно употребляемой не только писателями очень стараго времени, но встрѣчающейся даже у болѣе позднихъ, какъ историкъ Сэадъ-Эддинъ, у котораго видимъ ее въ стихотворномъ предисловіи къ его «Вѣнцу исторіи». Точно также

всего однажды встрѣчается архаическая форма 1 л. мн. ч. условнаго наклоненія أُولْسَوُزْ (15 v.).

Повелительное наклоненіе съ усиленіемъ на концѣ посредствомъ прибавки غِلْ или كِلْ также имѣетъ мѣсто въ Лондонской рукописи, напр.: أُولْغِلْ (43 r.) بِلْكِلْ (22 v, 33 r.).

Изъ другихъ глагольныхъ формъ архаическаго типа надлежитъ отмѣтить хоть и не въ столь разнообразныхъ комбинаціяхъ, какъ въ прочихъ памятникахъ, форму съ основою на ب, напр.: وِرْبَسَا (92 v., 143 v.). Дѣепричастіе же отъ этой основы на بَنْ ни разу не встрѣчалось.

Есть также примѣры образованія сложной формы условнаго наклоненія на مسَّا вмѣсто простого ايسه или سه, какъ-то: أَكَرْقُلْ مِسَسَا и دَقِي خُرْقُلْ مِسَّا (4 r.), دشِى مسَّا (130 v.). Она еще встрѣчается въ «Сорока везиряхъ», но тамъ скорѣе въ значеніи желательнаго наклоненія, нежели условнаго (Belletête, Contes turcs, Paris 1812, p. 160 & 177). Присутствіе тутъ م, предпоставленнаго условному наклоненію вспомогательнаго глагола ايسه, можно объяснять, и даже безъ особой натяжки, нахожденіемъ въ немъ извѣстной вопросительной частицы مى, обыкновенно любящей втираться въ середину словъ, съ которыми она сливается. Тутъ невольно напрашивается сопоставленіе этого грамматическаго явленія съ аналогіею русскаго союза *если* = *есть ли*, служащаго также для образованія условнаго наклоненія глаголовъ: онъ тоже представляетъ собою сочетаніе вопросительной частицы *ли* съ глаголомъ вспомогательнымъ. Едва ли однако же въ этой архаической формѣ можно видѣть то, что г. Биттнеромъ отмѣчено въ производствѣ такихъ турецкихъ глаголовъ, какъ آغلامسمق = «притворяться плачущимъ» и كولمسمك = «улыбаться», въ которыхъ слогъ مسه, по его мнѣнію, придаетъ начальнымъ глаголамъ آغلامق и كولمك оттѣнокъ значенія притворнаго дѣйствія (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, B. XXVI, 1912, S. 263, Bemerk.): въ указанныхъ мѣстахъ изъ «Сорока везирей», а равно и въ примѣрахъ изъ Лондонской рукописи ничего нѣтъ похожаго на выраженіе притворства, да и самая частица مسَّا въ этихъ послѣднихъ присоединяется не къ глагольнымъ темамъ, а къ именамъ существительнымъ قُلْ = «рабъ» и دشِى = «самка».

Мѣстоименія также имѣютъ своихъ архаическихъ представителей, каковы суть: كَنْدُ اوزْ (43 r.), بِرْ بِجَاسِنِي (42 r.), بُلَرْ (45 v.), بِرْ بِجَاَلَرْ (Ibid.),

اِشْبُنْجَا نَسَنَایی (48 r.), نَچَمَاکِمْ (30 r.) и نَچَمَاکِم (58 v.), نَچَا یِلْ (137 r.), نِیمَهمُزْ (71 r.), اَیرُقْ (4 r. и др.) и اَنْدُوقْ = «такой» (11 r., 35 v., 42 r., 116 v. и др.). Послѣднее только въ Лондонскомъ кодексѣ мнѣ впервые и встрѣтилось.

Какъ и въ другихъ памятникахъ, въ Лондонской рукописи наблюдается большое количество архаическихъ послѣслоговъ, союзовъ, нарѣчій и адвербіальныхъ реченій, изъ коихъ иныя представляютъ нелегкую задачу въ объясненіи образованія ихъ. Тутъ мы видимъ и اُتْرُو (123 v.) и دِکِنْ (70 r.) и یَکَّا (97 v., 116 r.), и کِرُوُ (32 r., 39 v., 41 r.), и لَینْ (6 v., 77 v.), и بَیقْ (4 v., 45 r. и др.) и اِشْبُیْلَه (11 r., 105 v.), и اِشْبُنْجَا (48 r.), и صُکْرَدَنْ (39 r.), даже کبی въ видоизмѣненіяхъ کِبُنِكْ (69 r.) и کِبِدَنْ (109 r.), اَنْدَ بُنْدَ (110 r.); затѣмъ دُنِنْ کُنْدُزِنْ (76 v.), یَارِنْدَسی (26 v.) и вособенности اُکْدِنْ въ такого рода сочетаніяхъ: بُنْدَنْ اُکْدِنْ (13 v.), وَقْتَدَنْ اُکْدِنْ (69 v.), и даже: اَیْلَمَدِنْ دَنْ اُکْدَنْ (12 r.), اُوتُرْمَدِنْ دَنْ اُکْدَنْ (27 r.), کَلْمَدِنْ دَنْ اُکْدَنْ (39 r.). Такое нагроможденіе флективныхъ окончаній съ послѣлогомъ اُکْدِنْ есть, очевидно, продуктъ архаической грамматической неустойчивости адвербіальныхъ образованій, постоянно колебавшихся между стремленіемъ къ омертвѣнію и новымъ пробужденіемъ къ жизни, такъ что мы одновременно встрѣчаемъ и просто یِلِنْ (32 r.), دُنِنْ کُنْدُزِنْ (76 v.), وَقتِنْ (97 r.) и وَقْتِنْدَنْ بَرُوُ (17 r.), и یَارِنْدَنْ کِرُوُ (41 r.).

Точно такая же двойственность формаціи наблюдается еще въ адвербіальныхъ реченіяхъ съ окончаніемъ سز. Тутъ мы видимъ и совершенно простыя образованія, какъ نَذْرْسُزْ (3 r.), صَوْمْ سُزْ (Ibid.), حِیَارْسُزْ (8 r.), اِحْرَامْ سُز (32 r.), اُکْسُزْ (37 r.), قَاضِیسُزْ (97 r.), قِمَارْ سُزْ (132 v.) и اَکْسُكْ سُزْ (142 v.); но рядомъ имѣются еще и такія реченія, какъ: اِكِ اَلْنِسُزْ (31 v.), دَسْتُورُنْسُزْ (32 r., 36 r., 61 v., 141 v.), حُکْمِنْسُزْ (35 r.), رِضَاسِنْسُزْ (97 r., 124 v.), کِجَسِنْسُزْ (139 v.), حَالَتِنْسُزْ (103 v.). Эти послѣднія доселѣ мнѣ нигдѣ въ другихъ старинныхъ памятникахъ не встрѣчались. Значительное количество

приведенныхъ примѣровъ такого словообразованія не позволяетъ видѣть въ немъ ошибочное начертаніе писавшаго. Но если бы мы попытались пріискать ему сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе, то, мнѣ кажется, въ немъ можно усматривать аналогичное образованіе съ дѣепричастною формою на سِزْ и سِزِينْ, какъ напр.: يَمَكْسِزْ и يَمَكْسِزِينْ и т. п., только съ метатезисомъ, т. е. допуститвъ, что اَلْنْسِزْ явилось вмѣсто اَلْسِزِينْ, كُمَنْسِزْ вмѣсто كُمَسِزِينْ, دَسْتُورْنْسِزْ вмѣсто دَسْتُورسِزِينْ, رِضَاسِنْسِزْ вмѣсто رِضَاسِزِينْ, т. е. предположивъ здѣсь такую же эволюцію, благодаря которой вопросительная частица مِى изъ глагольныхъ формъ только въ одномъ прошедшемъ категорическомъ ставится въ концѣ слова, а во всѣхъ другихъ формахъ втерлась между темою спрягаемаго глагола и окончаніемъ, потому что говорится كلدى مى, но كلورميسكز. Стало быть, въ составъ разсматриваемаго нами словообразованія вошло отрицательное окончаніе سِزْ = «безъ», «не» и второе окончаніе ين архаическаго винительнаго падежа, образующаго нарѣчія, какъ وقتين = «зимою», كندزين = «днемъ», دنن = «вечеромъ». На всякій случай, впрочемъ, слѣдуетъ тутъ упомянуть, что въ «Сорока везиряхъ» встрѣчается выраженіе رضام سيز (Ibid., p. 121), гдѣ سز прибавлено къ мѣстоименному аффиксу 1 лица م = «мой».

Мнѣ кажется, что вовсе не будетъ натяжкою, если въ объясненіе этого грамматическаго явленія въ турецкомъ языкѣ сопоставить его съ подобнымъ же словообразованіемъ въ русскомъ языкѣ съ помощью удвоенія предлоговъ въ родѣ «изъ-подъ», «изъ-за» и т. п., тоже иногда сливающихся съ словами въ видѣ приставокъ. Въ этомъ отношеніи особенно аналогична манипуляція со словомъ «граница» въ реченіяхъ «за границу» (уѣхать), «заграницею» жить, «изъ заграницы» (прибыть), «съ заграницею» (сноситься), хотя существительнаго въ именит. падежѣ «заграница» не имѣется. Или хоть взять выраженія: «съизнова», «спозаранку», «наизусть», «невзначай» и т. п.—тутъ мы видимъ двойное наращеніе въ началѣ словъ чрезъ обращеніе предлоговъ въ приставки, а въ турецкомъ языкѣ, не имѣющемъ предлоговъ, та же операція происходитъ въ концѣ словъ, гдѣ послѣлоги повременамъ пристаютъ къ словамъ вплотную въ родѣ аффиксовъ, изъ коихъ наиболѣе употребителенъ въ старыхъ текстахъ сдѣлался ينْ, хотя первоначально, можетъ быть, онъ и выродился изъ архаическаго винительнаго падежа, по вѣроподобному соображенію академика Бётлингка (*Kritische Bemerkungen* zur zweiten Ausgabe von Kasem - Bek's türkisch-tatarischen Grammatik, St.-Petersburg 1848, S. 47). Эта склонность въ тюркскихъ

языкахъ къ плеонастическому усиленію конечныхъ наращеній въ словахъ замѣчается доселѣ, какъ это показываютъ входящія въ употребленіе въ татарскомъ языкѣ образованія въ родѣ کچکنه كنه = «малюсенькій» и даже کچکنه دنكنه.

Къ этой же категоріи грамматическихъ образованій слѣдуетъ отнести и форму ددكنْ لينْ (л. 77 v.), которая, кстати сказать, встрѣчается и въ «Сорока везирахъ» (Belletête, p. 230), и въ составъ которой вошла частица لينْ, хотя эта послѣдняя вступаетъ въ сочетанія съ склоняемыми словами и безъ посредства промежуточнаго ن, какъ напримѣръ بَيَاغلينْ (Рукоп. л. 6.), اكلينْ. (31 r.). Въ этомъ образованіи легко, мнѣ кажется, усмотрѣть сочетаніе послѣлога ايله, въ сокращенномъ видѣ له, съ вышеозначеннымъ нарѣчнымъ окончаніемъ ين. Такое объясненіе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ фактѣ, что напр. въ «Сорока везиряхъ» мы встрѣчаемъ даже простое удвоеніе послѣлога ايله въ выраженіи دونلهله اوغلانك سروقتنه كيروب (Ibid., p. 163), совершенно аналогичномъ съ такимъ другимъ: كيجه ايله يولده كيدركن (Ibid., p. 105).

За всѣмъ тѣмъ къ числу своеобразныхъ архаизмовъ слѣдуетъ отнести такія реченія, какъ существ. ادمينك (44 v.), آدمىلر (51 r.); оригинально составленныя числительныя آلتمش يَشَرْ = «по шестидесятому году», «шестидесятилѣтній», اونْ يَشَرْ (76 v.) = «по десятому году», «десятилѣтній»; гл. يلْمك вм. нынѣшняго بِنْمك или даже بِنَلْمك; كُشْلُو اوقيا (74 r.), اوقْ = «жребій» (104 r.), يقْسلْ (29 r.), طُتَقْ (97 r.), قُما (100 r.).

Въ заключеніе нельзя не назвать реченія كِنْدْ или كِنْدوُ نَمَازى = «послѣполуденная молитва» (72 r.), которое замѣчательно тѣмъ, что представляетъ собою греческое искаженіе турецкаго ايكندى и сейчасъ употребительно у грековъ въ видѣ κινδῆ съ значеніемъ «всенощной», «les vêpres» (*Louis Ronzevalle* въ Journ. As. X Série, t. XVIII, 1911, p. 105—106). Неужели же греческое вліяніе на турецкую рѣчь могло проявиться въ образованіи этой формы уже въ такое отдаленное время, т. е. въ началѣ XIV вѣка?!

Этимъ краткимъ описаніемъ Лондонской рукописи я, надѣюсь, достаточно представилъ данныхъ для того, чтобы признать въ ней турецкій письменный памятникъ несомнѣнной важности, заслуживающій болѣе тщательнаго изученія его, и главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы съ по-

мощью его и другихъ, равносильныхъ ему по относительной старинѣ, хотя и не имѣющихъ безспорно точнаго хронологическаго пріуроченія, заняться систематизаціею грамматическихъ архаизмовъ турецкаго языка и попытаться пріискать объясненіе ихъ образованія и значенія чрезъ сопоставленіе съ грамматическими данными другихъ родственныхъ съ османскимъ языкомъ нарѣчій, и первымъ дѣломъ, конечно, съ данными языка Орхонскихъ надписей.

Но для этого прежде всего надобно сдѣлать доступнымъ этотъ памятникъ ученому міру путемъ его изданія въ свѣтъ, и даже, если согласятся со мною, что это автографъ, издать его fac-simile. Всего сподручнѣе было бы сдѣлать это коммиссіи съ проф. Броуномъ во главѣ въ Лондонѣ, распоряжающейся употребленіемъ издательскаго фонда имени покойнаго Гибба: это и обошлось бы сходнѣе, чѣмъ кому-либо другому, и было бы достойно памяти Гибба, по спеціальности своей османиста.

Оттого-то я и спѣшу огласить существованіе этого любопытнаго памятника, въ упованіи, что мое заявленіе не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и можетъ быть найдетъ откликъ себѣ у почтенныхъ оріенталистовъ Лондона, располагающихъ всѣми средствами для того, чтобы дать другимъ ученымъ спеціалистамъ возможность заняться разработкою его.

При этой статьѣ мною прилагается снимокъ fac-simile съ послѣднихъ двухъ листовъ рукописи въ натуральную величину ихъ, по одной страницѣ съ каждаго, т. е. *a* съ л. 152 v. и *b* съ л. 153 r. (табл. 1 и 2).

В. Смирновъ.

С.-Петербургъ, сентябрь 1913 года.

قد انتهى نظم الخلافيات والحمد لله على الحالات

بيتنى آخرنا دعقد بو منظومه خلافلر . جمله شکرلر تنکریکه دور جمله حالتلرده

يعنى جمله حالده شکر تنکريا بانا قيلور لقد صقلندم صبر ولقد بيت لقد

قوجالقد دنى بنكا بنكرنى لر د جمله شکرلر باشى دور شيخ

ابو حفص رضى الله عنه وارضاه كتابنك اولنده شکر ايلدى كرم حق توفيق

ورد بو كتاب بشلمغا آخرنده شکر ايلدى كرم توفيق وردى تمام ايلمكنا

ثم الصلوة والسلام ابدا على النبي الهاشمي سرمدا

اندن دعا هم سلام همیشه پیغامبر اوزرنا اولکیم هاشمی دور همیشه

شيخ اندن صلوة سلام ایکلین ذکر ایلدى اولکه آخرنده ایکی ینه ذکر ایلدى

تا دعاسى اجابت بولسون اوچون اچون روایت دور ابو سلیمان دارانیدین رحمه الله علیه

بیر دیکم دلوسا دعاسى مستجاب اولمغى پیغامبر علیه الصلوة والسلام صلوات

دور دعا سندن اکدن دى صغر زیرا حق تعالى هر دعاده حراکند

صکند صلوات اوله اول دعاى صلوات برکتندور ده آمین

وصاحب النظم ابو حفص عمر من نسف اتم هذا في صفر

بو نظمنك ایاسى ابو حفص عمر دور نسف اهلندن تمام ایلدى بو کتابى صفرده

للنصف يوم السبت وقت الغرغره في سنة الاربع والخمسمائة

صفرنك یارمنده شنبه کون غدا وقتنده بیش یوز دورتنجى یلنده

وجملة الابيات يا صدر الفئه الفان والستون والثمانيه

جمله بیتلر کتابنك اى جماعت سرورى ایکى بنك التمش دخى الکى یوز

Т во С. М. Прокудинъ-Горскій и Ко. Спб.

وسنة والله يجزي ناظمه   جنات عدن وقصور ناعمه

دخي اللي درحق تعالي ثواب ويرسون نظم ايلينا عدن اچماقني دخي كوشكلر نعمتلر اله

آمين يارب العالمين

اللطيف

قد وقع الفراغ من ترجمته علي يد العبـ[illegible]ف المترجم المفتقر الى رحمة ربه

ابرهيم بن مصطفى علبشير المليفدوى الحاكم يومئذ بهذه البلدة حما يعرف بابكم حميت

عن البدع والآثام غفر الله له ولوالديه ولسائر المسلمين اجمعين يوم الثلثا رابع شهر الله

باطنا

الاصب رجب عمت ميامنه سنه اثنين وخمسين وسبعمائه والحمد لله اولا واخرا ظاهرا و

بو ضعيف منظومه يي ترك دلنجه ايلدوكندن سببي اولدر همتلري تحصيل علومدن

قاصر اولدي عربيته رغبتلري فاتر اولدي بو شخص كمي علم اوقيق هوسي

چوق ايدي عمري جاوقتي الندن كلمسيد بو ضعيفدن استدعي ترك دلنجه

طاقتي قدري اكا معلوم ايليه سن ترك لر يا ذكار تله بو شريف كتابك

مسائلندن لطايفندن محروم قلمسيلر بو آيت حكمينه تمسك ايليب وما ارسلنا

من رسول الا بلسان قومه ليبين لهم بو جرأت ايلدم اوميدم حقتعالي

لطفينه اولدر كم بو كتابدن فايده كتورلر اول سبب ايله بو ضعيف ياد

قيلالر انكي ايكي حقدن معصيتي دليلر ان الله تعالى غفور حضرتندن

مغفرت طلب قيلم ومغفور اوله بو كتاب ختم ايليلم دعا ايله كم

رسولدن عليه الصلوة والسلام اثر كلمشدر   اللهم اني اسألك

الثبات في الامر واسألك العزيمة على الرشد واسألك لسانا صادقا

واسألك من خير ما تعلم واعوذ بك من شر ما تعلم واستغفرك

Т-во С. М. Прокудинъ-Горскій и Ко. Спб.

Матеріалы по среднеазіатско-турецкой литературѣ. II—III.

(Посвящается памяти Арминія Вамбери).

II. Третье дополненіе къ указателю пѣсенъ Махтум-кули.

Настоящее, третье[1]) дополненіе къ пѣснямъ Махтум-кули обязано своимъ появленіемъ двумъ весьма пріятнымъ для меня обстоятельствамъ: во-первыхъ, въ татарскомъ журналѣ «Шӯра̄», выходящемъ въ Оренбургѣ[2]), появилась за лѣто 1913 года (№№ 12—17) работа выдающагося ученаго изъ молодыхъ татаръ, Ахмеда Зеки Валидова «دیوان مختوم قلی» (Диванъ Махтум-кули), а, во-вторыхъ, студентъ С.-Петербургскаго университета, мервскій текинецъ Какаджанъ Бердіевъ доставилъ мнѣ въ августѣ того же года довольно объемистый рукописный томикъ стихотвореній интересующаго меня поэта. Работа Валидова напечатана по поводу выхода въ свѣтъ перваго выпуска стихотвореній Махтум-кули, издаваемыхъ въ Астрахани Абдуррахманомъ Ніязи[3]).

1.

Списокъ пѣсенъ Махтум-кули, доставленный мнѣ К. Бердіевымъ, происходитъ изъ Мерва; онъ состоитъ изъ 123 ff. въ четвертушку листа, занятыхъ текстомъ, и 5 ff. чистыхъ (3 спереди и 2 позади текста); переплета

---

1) См. «Указатель къ пѣснямъ Махтум-кули», ЗВО. XIX, 0125; ibid. 0147, ibid. 0216. I глава «Матеріаловъ по среднеазіатско-турецкой литературѣ» напечатана въ ЗВО. XIX, стр. 01—030. Пользуюсь случаемъ, чтобы принести сердечную благодарность Н. П. Остроумову, который привѣтствовалъ первую главу моихъ «Матеріаловъ» въ замѣткѣ «Къ изученію туркменской литературы» (Туркестанскія Вѣдомости, 14 іюня 1909 г.).

2) Объ этомъ журналѣ см. отдѣлъ «Печать русскихъ мусульманъ» въ журналѣ «Міръ Ислама» за 1912 годъ (т. I), стр. 269.

3) دیوان مختوم قلی, издатель امام عبد الرحمن افندی نیازی, типографія عمرف وشریکلری; въ первомъ выпускѣ 48 страницъ, 45 пѣсенъ, цѣна 20 к. Я этого изданія не видалъ.

нѣтъ, остался лишь корешокъ; на страницѣ по 11 строкъ. Текстъ написанъ ясно, не особенно грамотно, почеркомъ насталикъ и заключенъ въ красно-зеленыя рамки, сдѣланныя аккуратно подъ линейку.

Собраніе пѣсенъ Махтум-кули занимаетъ ff. 1b—120b, исключая ff. 98b—100b, занятыя тремя пѣснями Талиби. На ff. 121a—123b помѣщены стихотворныя произведенія Аман-Доулета (امان دولت), Курт-оглы (قورت اوغلی), Молла Бендэ (ملا بنده) и Кеминэ (کمینه). На f. 120b имѣется замѣтка переписчика муллы Мирза-бега съ обычными заключительными персидскими стихами и арабскими формулами и хадисами; дата рукописи, приведенная по мусульманскому и христіанскому лѣтосчисленію,— 21 Джумада-ль-уля 1327 г. или 20 мая 1909 года.

Подобно тому какъ списокъ И. Р. Геогр. Общества (при цитатахъ: Г.), разсмотрѣнный мною во второмъ дополненіи, очень близокъ по расположенію пѣсенъ къ спискамъ Петербургской и Ташкентской публичныхъ библіотекъ (при цитатахъ: П. и Т.), списокъ К. Бердіева (при цитатахъ: К.) весьма близокъ къ списку моего рукописнаго собранія № 1 (при цитатахъ: Ор.), пріобрѣтенному въ Мервѣ, но значительно полнѣе его. По количеству пѣсенъ сборникъ К. занимаетъ первое мѣсто среди до сихъ поръ мною использованныхъ списковъ: въ немъ 170 пѣсенъ Махтум-кули, при чемъ въ 7 пѣсняхъ вмѣсто имени مختوم قلی упоминается другое извѣстное поэтическое прозвище того-же поэта فراغی (№№ 4, 58, 65, 92, 142, 148, 165—по моему указателю: №№ 52, 17, 127, 108; три послѣднихъ пѣсни для меня новы) и въ одной пѣснѣ (№ 85, мой указ. № 2), какъ и въ спискѣ Ор., конца съ именемъ поэта не имѣется.

Списокъ К. заключаетъ въ себѣ слѣдующія 19 пѣсенъ, которыя ранѣе мнѣ были извѣстны только по одному списку и которыя въ моемъ указателѣ обозначены звѣздочкой: №№ 38, 57, 59, 70, 71, 75, 96, 105, 106, 109, 118, 124, 135, 145, 147, 153, 156, 160, 167 — по моему указателю №№ 132, 16, 185, 54, 191, 61, 138, 130, 68, 140, 36, 106, 78, 100, 47, 94, 198, 3, 184. Такимъ образомъ, по включеніи въ мой указатель пѣсенъ списка К., въ немъ осталось изъ прежнихъ 38 пѣсенъ-unici-m'овъ только 19 (№№ 1, 6, 18, 24, 32, 35, 37, 63, 65, 75, 105, 112, 144, 152, 162, 175, 189, 193, 194): по 4 изъ списковъ Пет. и Остр., по 3 изъ списковъ П. и Ил., по 2 изъ списковъ Ораз. и Агаб. и 1 изъ изданія Вамбери.

Ранѣе не встрѣчавшихся мнѣ пѣсенъ Махтум-кули у К. 18; я отмѣчаю ихъ по системѣ, принятой въ моемъ указателѣ, въ алфавитномъ порядкѣ риѳмъ.

*199) کناهم کذشت ایلا — К. 165; 4. 7. 13; فراغی.

ای کریم کارساز * کناهم کذشت ایلا
ای رحیم چاره ساز * کناهم کذشت ایلا
ایرمسه کرم سندین * کیتدی اختیار مندین
جرم جقار دیب چندین * کناهم کذشت ایلا

200) ارلار — К. 150, Вал. 53; 4. 11. 5.

بر آستیننده مسکن توتان صراطه * داغلار کیمین یوز مینك رسمان دقارلار
عذاب برمك اوچون هر مسلمانه * یدّی یر آستینندین آنی چکارلار

201) کتمك (—وش) اش — К. 142, Вал. 154; 4. 7. 7; فراغی

طعام لذّتین الور * دهاندین دش کیتمك
آنکرسزی آزدورور * کوتین دولت باش کیتمك
فلتهسز باغ چراغه * اشق سالمز قراغه
ایلین سالور اياغه * اياق قالب باش کیتك

202) زی دولت علی نینك — К. 154, Вал. 102; 4. 11. 9.

سینه ستوندور کافرغه سددور * صحبت سوزی دولت علی نینك
عالمده داستاندور ایللارده خط دور * چالسه تیغی تیزی دولت علی نینك
سوزلاری سد بولیب قالدی تیللارده * فقیرلار پناهی یمان کونلارده
ایراق اولکالارده یقین ایللارده * دوست دشمانی راضی دولت علی نینك

203) تینك کورکاچ رسول — К. 89, Вал. 107; 5. 15. 7. (رمل).

دوشتی بر خوشلق جهانه نصرتینك کورکاچ رسول
سرنکون بولدی صنملار نعتینك کورکاچ رسول

204) تدین نشان — К. 170, Вал. 145; 9. 15. 5(رمل).

تاپدی شهرت خلق ایچینده بو جهالتدین نشان
قالدی درویشلار تیلینده داغ حسرتدین نشان

*205) یلار کوروسین — К. 164; 4. 11. 9.

فانیدین باقی‌یه بارمالی بولسانك * توینوکسز قیوسز اویلار کوروسین
نماز قیلمای بیغم یاتمالی بولسانك * تموغ دوزخ آتلی جایلار کوروسین

*206) اقه بیلماز سین—K. 163; 4. 11. 6.

بو دنیانینك غوغاسینه باش اورسانك * اول غوغایه کیرسانك چقه بیلماز سین
ملعون شیطان کمین براب داش اورمه * محکم بولور آنی یقه بیلماز سین

*207) انلار بامو—K. 169; 4. 11. 5.

اوّل باشدین تورت چاریارلار کلکانده * محمد مصطفیغه یاران بولغانلار بارمو
علی کفاره ذو الفقار سالغانده * بو دنیاده دوران سورکانلار بارمو

208) انده—انده—K. 158, Вал. 158; 4. 7. 7.

عاشقلار حق عشقنده * سیرانده دور سیرانده
کوزلاری ضعیف ایزینده * حیرانده دور حیرانده
قیلدی انکا حق رحمت * نور تجلی قدرت
حرقه کیکان خواجه احمد * سیرانده دور سیرانده

209) ال تاپسه—K. 136, Ар. 134; 4. 11. 7.

ایاسینه اخلاص ایتان چون مردان * ابرشم هوسین ایتماز شال تاپسه
دنیا مالی ایشی اوچون سرکردان * کونکلی کوینغ ایدار ارتوق قال تاپسه

210) تابیلمسه (—ان) ون—K. 134, Ар. 132; 4. 11. 5.

دوق تلاشور سبزه خلعت کیماکا * کلیم کوزال زاد دور تابیلمسه
اچ تلاشور قوری نانی ایماکا * مشکلدور بشیرکا اون تابیلمسه

*211) انه نظر ایله—K. 64; 7. 14. 5.

تن قفصه کرفتار کیل جانه نظر ایله
باق کونکل آینه‌سیغه جانانه نظر ایله

*212) ار بیله—K. 144; 4. 11. 7.

دنیا ماردور باستانوب یانیت سن * اینجالورمی بیله یاتان مار بیله

*213) م بیله—K. 148; 4. 11. 7; فراغی.

بنا بهشتده اولکون چوش بوزارلار * دنیاده همخانه بولان غم بیله

214) انه—K. 103, Вал. 164; 5. 14. 5.

ای عاشقلار اغلارمن کلدی کچدی زمانه
یمان الدی جهانی دوغاز تیلی ایمانه ·

215) ده بلی — К. 159, Вал. 194; 4. 11. 7.

نور مهوش قویاش قوتلیغ حبیبم * ادینك سرده فرده لوده بلی
یدّی اسمانه توقوز فلك آستینده * بشر رسولینده زیاده بلّی

*216) اده بیزنی — К. 162; 5. 14. 7.

بر عشقلی سو ایلادینك اوّل اتاده بزنی
صورت ایلاب جان بردینك سونكره آناده بزنی

По внесеніи въ мой указатель всѣхъ пѣсенъ сборника К. количество извѣстныхъ мнѣ пѣсенъ Махтум-кули возросло до 216. Количество пѣсенъ-unicum'овъ: 19 прежнихъ и 18 новыхъ, итого 37.

2.

Еще въ 1911 г. мнѣ стало извѣстно, что литографія Арифджанова въ Ташкентѣ выпустила сборникъ пѣсенъ Махтум-кули[1]), но впервые это изданіе я увидалъ — благодаря любезному содѣйствію проф. В. Д. Смирнова — уже послѣ ознакомленія съ рукописью К. Бердіева. Арифджановъ (при цитатахъ Ар.) издалъ 136 пѣсенъ Махтум-кули по списку, весьма близкому къ спискамъ Ор. и К.. 1-ая пѣсня К. соотвѣтствуетъ 5-ой пѣснѣ у Ор. и Ар. (по моему указателю № 4); 18-ая и 27-ая пѣсни Ар. и К. у Ор. отсутствуютъ (мой указ. №№ 180 и 13); К. 71 отсутствуетъ у Ар. и Ор. (мой указат. № 191), такъ же какъ и К. 89, которой нѣтъ и въ моемъ указателѣ. У Ор. отсутствуютъ еще: К. 134, Ар. 132 (въ моемъ указателѣ нѣтъ), К. 135, Ар. 133 (мой указ. № 78), К. 136, Ар. 134 (въ моемъ указ. нѣтъ). Послѣ 136-ой пѣсни у Ар. на стр. 123 имѣется дата:

---

1) См. журналъ «Средняя Азія», годъ II, февраль 1911 г., стр. 133 (библіографическій списокъ, составленный Зиминымъ). Книга озаглавлена: اوتوز ایكی تخم قصهسی و مختم قلی; изданіе не датировано. Стр. 2—7 заняты مثنوی о 32 злакахъ, сочиненіе غايبى; начало (هزج):

یاران [لار] ایتاییین من بر حکایت * حکایت معنیسینده بو روایت
روایتده بتیلدی اکلی نامه * برابر بولدی همّه خاص وعامه
جفانی حضرت آدم چکاندور * اوتوز ایکی تخم بارین ایکاندور

конецъ:

اوتوز ایکی تخمنی یوق حسابی * مونکا سانجا یازار بولسه کتابی
دیدیکیم غایبی سوز مختصر دور * که موندین آرتوق هم درد سردور

Стр. 8 начинается заглавіемъ: قصه مختم قلی, за которымъ слѣдуетъ *бисмилля* и первая пѣсня Махтум-кули. — А. З. Валидовъ объ этомъ изданіи не зналъ.

تمام بولدی عشور آیینی ۱۸ نجی غنوار آیینی بشنجی چهارشنبه کونی

На стр. 124—127 напечатаны три пѣсни поэта Талиби (طالبی); 1-ая соотвѣтствуетъ 1-ой въ рукописи К. (f. 98b):

ای برانلار مسلمانلار * من عجب برکانی کوردیم;

2-ая соотвѣтствуетъ 3-ей у К. (f. 100a):

جهانده کوب تعجب ایش * علاجین ایلاماك بولماز
اکر عالم اکر درویش * انکا کوز ایلاماق بولماز;

3-я начинается словами:

بوقدین بزی بار ایتکان قدرتلی بیروباریم * تیلیمنی کویا قیلیب کوزکه بردی نظاریم[1])

Новыхъ пѣсенъ изданіе Ар. вовсе не содержитъ, пѣсенъ же, ранѣе мнѣ извѣстныхъ только изъ К. — 2; это—№№ 132 и 134, которые соотвѣтствуютъ №№ 210 и 209 моего указателя (третье дополненіе). Благодаря изданію Ар. количество пѣсенъ-unicum'овъ падаетъ съ 37 на 35.

3.

Дополняю свой указатель еще пѣснями, записанными мною въ 1912 году со словъ ставропольскаго туркмена-пѣвца (бахшы) Абду-ль-Хекимъ Ніязъ хаджи оглы изъ аула Чуръ подъ Лѣтней Ставкѣ[2]). Пѣвецъ исполнилъ 8 пѣсенъ; 1-ая имѣется въ моемъ указателѣ подъ № 49, 5-ая ранѣе мнѣ была извѣстна только по одному списку, это № 194; остальныя 6 пѣсенъ прежде мнѣ не встрѣчались. Хотя пѣсни записаны академической транскрипціей, я ввожу ихъ въ указатель въ арабской транскрипціи.

*217) ان دنیا—Ст. 4; 4. 8. ?

کیلکیل سندین خبر آلام * من ازلدین بالان دنیا
توکاردینك عمرم بتاردینك * جانه تالان سالان دنیا

*218) اچار بو نیا—Ст. 8; 4. 11. ?

---

1) 1 и 3 пѣсни отмѣчены въ моей статьѣ «Матеріалы. I», стр. 09, 010. 2-ая пѣсня сборника К. (f. 99b) начинается:

فراقینك خنجری برله * منینك باغریم دیلیب دوریب
نه قیلسون بنده بیچاره * انکا راضی کلیب دوریب

2) См. Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, серія II № 2, мой отчетъ.

ادم اوغلی غافل نیچون کیچارسین * آنجاق توتدم دیسانک قاچار بو دنیا
اکلانمایان بر قفودین کیچارسین * ینه بیر قفونی اچار بو دنیا

Адам оҕлы, гапіl нечӱн гечерсін?
Анџаk туттум дісең kачар бу дунја.
Егlенмеjен бір гафыдан[1]) гечерсіп
Јене бір гафыны ачар бу дунја.

*219) اجاق دور—Ст. 2; 4. 8. 5.

غافل ادم یانکیلغانینک * نیچه ایشلار کیلاجک دور
موندە پنهان قیلغان سرّینک * آنده اشکار بولاجاق دور

*220) رد ینکیل دور ـ Ст. 7; 4. 8. ?

ای حیرانلار مسلمانلار * یوراکیمده درد ینکیل دور
بیر مرد اوغلونینک قولینده * شطرنج اویناب نرد ینکیل دور

Заключительное четверостишіе этой пѣсни мнѣ приходилось часто слышать среди ставропольскихъ туркменовъ; насколько помню, этой пѣсnью заканчивается обыкновенно сеансъ бахшы:

بختوم قلی سوزیم حق دور * الله نینک کلامی چوق دور
اوغلسزینک اورنی یوق دور * اوجاق کیدیب یورت ینکیل دور

Бахтум-kyli! сӧзім hak тыр
Ылланың кеlамі чоk тыр
Оҕулсызың орну јоk тыр
Оџаk гідіп јурд іңіl дыр.

221) ی دنیا سین — Ст. 3, Вал. 197; 4. 11. ?

سو اوستنده کزدیراردینک دنیانی * برکون آغرراغان سالی دنیاسین
آدم اوغلی کیلماس اولسا جهانه * کیلدی می دیب چاغران فانی دنیا سین

*222) ان بولارمی—Ст. 6; 4? 11. ?

دلی کونکلوم یالغانچیغه آلغانه * جان دیماکیک بویله جانان بولارمی

. . . . * . . . .

1) Повидимому, искусственное произношеніе, въ подражаніе книжному языку, вмѣсто kапудан.

اول لذّت دور آنینك کونکلین بوزدران * شیطان بولوب دوغری یولدان ازدران
خاتون سوزین اوی آراده کزدران * شونونك جوره‌سینده ایمان بولارمی

Среди ставропольскихъ туркменовъ извѣстны еще слѣдующія пѣсни моего указателя: №№ 4, 5, 7, 10, 13, 15, 24 (ранѣе этотъ № мнѣ былъ извѣстенъ только по одному списку); 31, 39, 46, 47, 49, 51, 73, 74, 76, 118, 126, 135, 150, 151 (варіантъ начала:

آلتمش یتمش یاشان قاری صوفیلار * از قالیب آیینك کونینك باتماغه)

Приступая къ ознакомленію со сборникомъ пѣсенъ Ахмедъ Зеки Валидова, я располагаю въ настоящее время своимъ собраніемъ въ 222 пѣсни, изъ коихъ unicum'овъ, за вычетомъ №№ 24 (Ил.) и 194 (Пет.),—17 прежнихъ, 16 изъ собранія К. и 6 ставропольскихъ, а всего 39.

4.

По сообщенію Ахмеда Зеки Валидова, ему посчастливилось раздобыть изъ Коканда отъ учителя Ашуръ-Али Захирова самый крупный по количеству пѣсенъ изъ доселѣ извѣстныхъ сборниковъ Махтум-кули: въ немъ 209 пѣсенъ, признаваемыхъ Валидовымъ полностью произведеніями интересующаго насъ поэта[1]), т. е. на 39 пѣсенъ болѣе, чѣмъ въ спискѣ К. По нашему примѣру, Валидовъ издалъ указатель къ своему списку въ алфавитномъ порядкѣ риѳмъ и со ссылками на №№ моего указателя, на страницы изданія Вамбери и Ніязова[2]); Валидовъ не выписываетъ отдѣльно риѳмъ и не даетъ свѣдѣній о формѣ пѣсенъ, о метрѣ и о числѣ куплетовъ или стиховъ. Къ сожалѣнію, Валидовъ не приводитъ на ряду съ №№ своихъ пѣсенъ въ алфавитномъ порядкѣ еще и №№, указывающихъ на порядокъ пѣсенъ въ самомъ его сборникѣ; благодаря этому мы лишены возможности судить о томъ, съ какимъ изъ извѣстныхъ намъ сборниковъ находится въ ближайшемъ отношеніи сборникъ Валидова (при цитатахъ Вал.). Алфавитный порядокъ недостаточно выдержанъ, такъ какъ принималась въ расчетъ лишь послѣдняя буква слова, и, напримѣръ, риѳма پیدا стоитъ послѣ دنیا, بیزانوب ранѣе بولوب, محمد ранѣе آدمزاد и т. д.; риѳма الاعلی поставлена въ отдѣлъ на элифъ. Въ указателяхъ цифры имѣютъ особое значеніе, поэтому досадно, что въ указателѣ Валидова №№ моего указателя мѣстами искажены, мѣстами вовсе пропущены[3]); еще досаднѣе,

1) «Шӯрā», № 13, стр. 394. Къ пѣснямъ Махтум-кули авторъ примѣняетъ терминъ قصیده. Въ подсчетѣ пѣсенъ по разнымъ изданіямъ имѣются недочеты (см. ниже!).

2) «Шӯрā», №№ 14—17: مختوم قلی‌نك اشعارینه کورسه‌تکیچ.

3) Мои №№ искажены, насколько я успѣлъ замѣтить, при №№ указат. Валидова: 34 (вм. 51 чит. 53), 37 (вм. 5 чит. 50), 57 (вм. 16 чит. 15), 63 (вм. 35 чит. 30), 133 (вм. 129 чит.

что изъ указателя Валидова выпалъ № 138 его собственной рукописи («Шӯрā» № 16, стр. 491).

Опубликованіемъ указателя къ своему списку пѣсенъ Махтум-кули Валидовъ оказалъ во всякомъ случаѣ большую услугу туркменской литературѣ, давъ возможность туркологамъ подвинуть еще нѣсколько впередъ вопросъ объ изученіи произведеній знаменитаго туркменскаго поэта. Списокъ Вал. подтверждаетъ прежде всего существованіе цѣлаго ряда пѣсенъ Махтум-кули, которыя до сихъ поръ были извѣстны только по одному источнику, а именно unicum'ы моего указателя №№ 1, 6, 112 (П.) представлены у Вал. №№ 3, 5, 124; №№ 32, 63 (Ил.)—№№ 58, 38; № 65 (Агаб.)—№ 22; № 75 (Остр.)—№ 76; № 193 (Пет.)—№ 86; № 175 (Ораз.)—№ 209; №№ 200, 201, 202, 203, 204, 208, 214, 215 (К.)—№№ 53, 154, 102, 107, 145, 158, 164, 194; № 221 (Ст.)—197. Общее число unicum'овъ моего собранія свелось теперь на 21: 8 прежнихъ (3 Остр.—№№ 37, 105, 152; 2 Пет.—№№ 35, 162; 1 Агаб.—№ 189; 1 Ораз.—№ 18; 1 Вабм.—№ 144), 8 изъ собранія К. (№№ 199, 205, 206, 207, 211, 212, 213, 216) и 5 изъ собранія Ст. Любопытно, что пѣсня Махтум-кули, слышанная мною только у ставропольскихъ туркменовъ, оказалась въ сборникѣ Валидова, полученномъ изъ Ферганской области.

Списокъ Валидова знакомитъ насъ далѣе со значительнымъ количествомъ новыхъ, доселѣ не зарегистрованныхъ пѣсенъ Махтум-кули, но точный подсчетъ этихъ новыхъ пѣсенъ затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что издатель указателя, во-первыхъ, обошелъ молчаніемъ вопросъ о техаллусахъ (تخلص), встрѣчающихся въ его новыхъ пѣсняхъ (всѣ ли новыя пѣсни имѣютъ تخلص *Махтум-кули*, или еще и другія, можетъ быть, Махтум-кули не принадлежащія?)[1]), и во-вторыхъ, не оговорилъ тѣхъ пѣсенъ, которыя, судя по началу, могутъ быть приняты не за самостоятельныя произведенія, а лишь за близкіе варіанты (я имѣю въ виду: №№ 66, 68 и 70, близкіе по началу къ №№ 23, 42 и 35). По риѳмѣ, метру, формѣ и по темѣ можно заподозрить въ №№ 21 и 130 варіанты №№ моего указателя 47 и 126. Подобныя сомнѣнія могутъ быть разрѣшены только полнымъ сличе-

---

124), 157 (вм. 15 чит. 149), 207 (вм. 175 чит. 174), 243 (вм. 121 чит. 122). Мои №№ пропущены при слѣдующихъ №№ указателя Валидова: 6 (мой № 198), 10 (8), 14 (17), 26 (48), 106 (180), 127 (121), 159 (191), 165 (3), 166 (108), 177) 2), 180 (190), 189 (195). Благодаря этимъ пропускамъ въ указателѣ Валидова оказались лишнія №№ («Шӯрā», № 17): 210=177, 211=165, 212=10, 214=14, 225=26, 240=166, 255=192, 258=106, 263=180, 264=159; за ихъ вычетомъ общая сумма извѣстныхъ Валидову пѣсенъ Махтум-кули падаетъ съ 269 на 259. При № 84 ссылка на мой указатель излишня.

1) Ахмедъ Зеки Валидовъ въ отвѣтъ на мой письменный запросъ по этому поводу весьма любезно увѣдомилъ меня, что другихъ техаллусовъ, кромѣ Махтум-кули, въ его сборникѣ не имѣется.

ніемъ соотвѣтствующихъ пѣсенъ. Позволю себѣ еще обратить вниманіе на № 65, начало коего полностью соотвѣтствуетъ первымъ стихамъ произведенія Муллы-Гаиба, изданнаго мною въ русскомъ переводѣ въ статьѣ «Какъ Мулла-Гаибъ спасъ въ Бухарѣ музыку и поэзію» [1]).

Вал. № 65:

ساز بیلەن صحبتنی یلغان دینکلر
آدم آتا بنیاد بولانده باردور

Рук. моего собр. № 6, f. 4a:

ساز بیله صحبتنی یمان دیمانکلار
آدم بیله حوا دنیا اینانده بار دور

Конецъ на f. 4b:

ملا غایب آیتور حضر دور فریم * حضرت شاه مردان علی دستکیریم
سلطان حسین میرزه میرعلی شیریم * دنیانینك طوینی توتانده بار دور

Не перепечатывая пока въ дополненіи къ своему указателю новыхъ пѣсенъ сборника Валидова, я ограничусь упоминаніемъ ихъ №№:

2, 4, 8, 9, 21, 24, 25, 28, 30, 31, 42, 44, 46, 49, 50, 51, 54, 55, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 73, 74, 78, 83, 84, 90, 95, 96, 103, 108, 109, 116, 117, 130, 134, 135, 136, 137, 148, 161, 162, 168, 181, 183, 186, 190, 191, 198, 199, 202. *Maximum* новыхъ пѣсенъ, заключающихся въ сборникѣ Валидова, по моему счету—56.

Ни одна изъ этихъ 56 пѣсенъ не встрѣчается въ сборникѣ Абдуррахмана Ніязи. Въ послѣднемъ сборникѣ Валидовъ нашелъ два unicum'а и занесъ ихъ въ свой указатель подъ №№ 268 и 269; № 269 соотвѣтствуетъ № 216 моего указателя (третье дополненіе) и слѣдовательно, теперь уже не unicum, № 268 начинается словами:

کرم ایتسانك قادر الله دنیالقدین آت ایسلارین
طالعم اویقوده قالمیش بر آچلمیش بخت ایسلارین

Валидовъ и въ изданіи Вамбери тоже нашелъ два unicum'а, обозначивъ ихъ №№ 266 и 267, но № 266 соотвѣтствуетъ № 71 моего указателя, а № 267 соотвѣтствуетъ № 127 [2]).

1) Журналъ «Средняя Азія», іюль 1910 г. (кн. VII), стр. 82—87. На стр. 86 я отмѣтилъ, что въ извѣстномъ чагат.-осм. словарѣ Шейха Сулеймана Бухарскаго приводятся цитаты съ именами غایب и غایبی (стр. 24 и 169). Я уже упомянулъ въ настоящей работѣ новое произведеніе таинственнаго Гаиба: «Повѣсть о тридцати двухъ [illegible]»

2) Въ моемъ указателѣ, стр. 0142, № 127 вопросительный знакъ при ссылкѣ на Вам-

Если всѣ 56 новыхъ пѣсенъ сборника **Валидова** дѣйствительно принадлежатъ Махтум-кули, но *maximum* нынѣ намъ извѣстныхъ пѣсенъ всетуркменскаго поэта равняется[1] 222+56 (?)+1=279 (?), изъ нихъ unicum'овъ: 21+56 (?)+1=78 (?).

Сборникъ **Валидова** любопытенъ, наконецъ, въ томъ отношеніи, что въ немъ почти половина пѣсенъ сопровождается прозаическимъ текстомъ, указывающимъ обстоятельства, при которыхъ **Махтум-кули** сочинялъ то или другое свое произведеніе; примѣровъ **Валидовъ** не даетъ[2]).

5.

Въ своихъ статьяхъ о Махтум-кули А. З. **Валидовъ** коснулся и моей работы «Матеріалы по среднеазіатско-турецкой литературѣ. I», перепечатавъ, между прочимъ, имена 36 изъ 44 перечисленныхъ мною туркменскихъ поэтовъ[3]). Пользуюсь случаемъ, чтобы дополнить свой списокъ туркменскихъ поэтовъ новыми именами. Въ собраніе пѣсенъ Махтум-кули списка К. вставлены пѣсни 5 поэтовъ, изъ коихъ ранѣе мнѣ не были вовсе извѣстны **Аман-доулетъ, Курт-оглы** и **Молла-Бендэ**; пѣсня перваго начинается словами:

يخشى بولوب اوزين ايله تانيدان * القيش آليب درجه‌سى زور بولور
يمان بوليب يخشى ليغين اونودان * اوز عزتين كيدار ايتدين خور بولور

пѣсня второго начинается такъ:

اى آغالار بو بر شوم ايام بوليبدور * . . . . سز
فساد ايشلارم بر يوزينه دولوبدور * قوش باسيب باتيبدور حسابسز اوجسز

бери излишенъ, такъ какъ приведенные **Вамбери** на стр. 442 отрывки 3 и 4 по провѣркѣ относятся дѣйствительно къ одной пѣснѣ. Эта пѣсня находится полностью на стр. 55—56 книжки А. С. **Аліева** (редакція И. А. **Бѣляева**): «Туркменская рѣчь» (Баку, 1913 г.).

1) **Валидовъ** насчитываетъ 269 пѣсенъ; въ дѣйствительности ему было извѣстно 257; см. сноску 9, гдѣ мною указана цифра 259, но слѣдуетъ выкинуть еще № 266 и № 267 (Вамбери).

2) «Шӯрā» № 13, стр. 395. Ср. рук. моего собранія № 15, V («Матеріалы. I» стр. 020—021): стихотвореніе Махтум-кули съ **поясненіемъ**. Въ переводѣ **Езнаева** при спискѣ И. Р. Г. О. имѣется поясненіе пѣсни № 41 (по моему указателю № 92), гласящее слѣдующее (сохраняю языкъ и правописаніе): «Это стихъ написалъ Махтумъ кули къ Хивинскому хану который разграбилъ аулъ Мусульманскій и приводить его въ чувство чтобы онъ одумался и отдалъ бы похищенный назадъ, и говоритъ ему что я тебя произвелъ на престолъ Соломона и поставилъ тебя въ блаженство неужели ты ни поймешъ и ни вспомнишъ все то, и что могу тебя обратить опять въ бѣдность».

3) «Шӯрā» № 12, стр. 360.

Молла-Бендэ представленъ весьма любопытной — повидимому, современной[1]) — пѣснью «О хлопкѣ — پخته»:

دوستلار هر يركه بارسام سوزلاشادورلار پخته‌دين

يخشى دانا خوبلار تعريف قيلورلار پخته دين

Въ поѣздку 1912 г. къ ставропольскимъ туркменамъ я зарегистровалъ у нихъ имена семи поэтовъ: Мамет-турды, Халкей, Абульджа, Ходжой, Хумаръ, Базаръ и Заркей[2]). И теперь моему списку, несомнѣнно, далеко до исчерпывающей полноты: навѣрное, изъ старыхъ поэтовъ не всѣ мнѣ стали извѣстны, а новые продолжаютъ появляться. Назову молодого астраханскаго туркмена Шахъ-Мурада Тюлекъ-оглы Назарова, недавно покинувшаго уфимское медресэ «Галія»; онъ сообщилъ мнѣ при письмѣ отъ 20 октября 1912 года два своихъ стихотворенія: одно подъ заглавіемъ «كونكل — Сердце» и другое, посвященное мнѣ; начало перваго

كونكل ديار جهان كورسام * كورسام آيتسام دل بله

كونكل اوچون بورسام آيلر * كونلر يورسام يل بله

Начало второго:

تقدير ايديب سليخانه[3] خدمتنك * صاغلغنكى سوار كونكلم اسكندر

Осенью 1913 г. Н. Н. ханъ Іомудскій подарилъ мнѣ небольшое собраніе туркменскихъ рукописей и въ томъ числѣ стихотворенія: отмѣчаннаго уже мною поэта Катиба (Ходжели-мулла), Нухурскаго поэта Ноурузъ-Али, поэта изъ Мехинъ-кала (асхабадскаго уѣзда, дурунскаго приставства, келятинскаго старшинства) Шагиръ-Оглана.

Въ обзорѣ европейской литературы о Махтум-кули[4]) А. З. Валидовъ пропустилъ изъ цитованныхъ мною авторовъ Ходзько, который даетъ біографію поэта и три его пѣсни[5]). Мнѣ еще не приходилось отмѣчать, что въ «Сравнительномъ словарѣ турецко-татарскихъ нарѣчій» Будагова Махтум-кули ошибочно названъ محمد على قلى (I, 246) и что о «геройскихъ пѣс-

---

1) Я уже имѣлъ случай отмѣтить увлеченіе мервскихъ текинцевъ хлопководствомъ: «Кауфманскій Сборникъ», стр. 119. Пѣсня заслуживаетъ изданія.

2) См. мой отчетъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Комитета, серія II, № 2.

3) سليخان значитъ «туркменскій народъ».

4) «Шўрā», 1913, № 12, стр. 357—8, № 13 стр. 393—4.

5) См. мою статью «Туркменскій поэтъ босякъ», Жив. Старина за 1907 годъ, вып. IV, стр. 216, сноска 1, гдѣ названа и статья Бакулина. Касаясь вопроса объ европейской литературѣ по языку туркменовъ, Валидовъ упоминаетъ نيمچ عالمى هارتمان‌نك يازغان مقالەلرى بار امش (№ 12, стр. 358), но объ этихъ статьяхъ Хартмана мнѣ ничего неизвѣстно.

няхъ» Махтум-кули упоминается (безъ образцовъ) въ книгѣ Р. Карутца «Среди киргизовъ и туркменовъ на Мангышлакѣ» [1]).

Третья глава статьи З. Валидова заканчивается слѣдующими задорными словами [2]): «Таковъ отзывъ о немъ иноплеменниковъ. Выходитъ, что наши оріенталисты ограничиваются лишь эдакими поверхностными мнѣніями о стихотвореніяхъ Махтум-кули; они говорятъ, что онѣ очень важны, а въ чемъ ихъ важность, они вовсе не указываютъ. По моему, при изслѣдованіи произведеній Махтум-кули эти господа оріенталисты не ограничивались-бы приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ его стихотвореній и сопоставленіемъ съ произведеніями другихъ поэтовъ; но здѣсь имѣется другое нѣкое обстоятельство, неблагопріятное для оріенталистовъ: это — ихъ очень малое знакомство съ нашимъ языкомъ, съ нашимъ духомъ. При такомъ положеніи намъ остается широкое поприще для изслѣдованія въ области поэзіи Махтум-кули». Какъ оріенталистъ, я могу только выразить радость по поводу того, что наши несовершенные труды привлекаютъ въ лоно востоковѣдѣнія новыхъ работниковъ, для которыхъ эта научная область является особенно близкой и дорогой по ихъ національности. Чѣмъ прочнѣе будетъ единеніе татарскихъ и вообще турецкихъ ученыхъ съ «господами оріенталистами», тѣмъ успѣшнѣе, при взаимной поддержкѣ, и тѣ, и другіе будутъ содѣйствовать процвѣтанію туркологіи.

Заканчивая свое третье дополненіе къ указателю пѣсенъ Махтумкули, я могу съ большей опредѣленностью, чѣмъ четыре года тому назадъ, высказаться относительно взаимоотношенія крупнѣйшихъ сборниковъ его произведеній: намѣчается два основныхъ извода, Астрабадскій и Мервскій; къ первому восходятъ рукописи И. Публичной Библіотеки, Ташкентской Публичной Библіотеки и Архива И. Р. Географическаго Общества, ко второму—изданіе Арифджанова и рукописи Бердіева и моя № 1 (Ор.).

---

1) Переводъ Е. Петри. СПБ. Изданіе А. Ф. Девріена, стр. 173.

2) «Шӯрā» № 13, стр. 394.

III. Стихи Доулет-Мамеда моллы, отца Махтум-кули.

1.

Я не разъ имѣлъ случай упоминать въ своихъ статьяхъ, что мнѣ довелось сдѣлать выписки изъ стихотворныхъ произведеній отца знаменитаго туркменскаго святого и поэта Махтум-кули—Доулет-Мамеда моллы[1]). Ходжели молла[2]), отъ котораго я впервые узналъ, что отецъ Махтум-кули былъ тоже поэтомъ, сообщаетъ, будто Доулет-Мамеду однажды явился во снѣ Мухаммедъ и сказалъ: «сäн доўзäхтан азад» — «ты отъ ада избавленъ!», и съ тѣхъ поръ молла избралъ-де себѣ поэтическое прозвище (تخلص) Азāдъ, или Азāдӣ; другимъ прозвищемъ поэта было Кāрӣ-молла. Приведенное преданіе заставляетъ предполагать, что Доулет-Мамедъ былъ извѣстенъ среди народа благочестивой жизнью, а его произведенія показываютъ, что онъ былъ къ тому-же религіозно-образованнымъ человѣкомъ. Фактическихъ данныхъ о жизни отца Махтум-кули у меня имѣется мало; могу только отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ спискахъ одной изъ пѣсенъ его сына упоминается его имя и отчество, и что на время его смерти, на возрастъ, въ которомъ онъ покинулъ этотъ міръ, и на дервишескій его образъ жизни имѣется указаніе въ другой пѣсни Махтум-кули.

Пѣсня, стоящая въ моемъ указателѣ подъ № 90[3]) и посвященная описанію Бурака, заканчивается слѣдующими стихами (размѣръ 11 слоговой: 6+5):

5 مختم قلی آیدور الحکم[4] لله * دولت باقی سینی اوزینك بر الله
آتام دولت محمد ابن عبد الله[5] * کیلدی[6] زبانیمه سوزی براغینك

«Махтум-кули говоритъ: власть принадлежитъ Богу!
Вѣчность счастья самъ Ты даруй, Боже!

1) Указатель къ пѣснямъ Махтум-кули, ЗВО. XIX, 0126.

2) Одинъ изъ моихъ закаспійскихъ корреспондентовъ. Сочиняетъ стихи подъ псевдонимомъ Катибъ.

3) Пѣсня № 90 встрѣчается въ спискахъ и изданіяхъ: С. 23, Ор. 59, К. 61, Ар. 61, П—Т. 63, Г. 64, В. 28, Вал. 101. Послѣдняя рукопись и Т. мною къ сличенію не привлекались.

4) Такъ въ П. Г. В. а въ остальныхъ الحمد.

5) Такъ въ спискѣ С.; Ор.: آتامیز احمد دور ابن عبد الله; остальн. списки такъ же, но съ варіантами для 1-го слова: Ар.: آتمیز К. آنی مینان. П. Г. منار آنی; В. میزانی (sic).

6) К. کلسه.

Отецъ мой — Доулет-Мамедъ сынъ Абдуллы[1]).
Пришло мнѣ на языкъ слово о Буракѣ».

Какъ разъ слѣдующая[2]) по моему указателю пѣсня, № 91, сочинена поэтомъ на смерть отца, и ее мы приведемъ здѣсь полностью (размѣръ 11 слоговой: 4+4+3, подражаніе размѣру رمل):

1 آلتمیش یاشده[3] نوروز کونی لو ایلی * توردی اجل یولین توتدی[4] آتامینک
بو دنیانینک ایشی بویله‌میش بلی * *عمر طناپینی[5] کسدی اتامینک
2 آغیر دولتلاره کونکل قویمادی * *بو جهانینک عشرتینی[6] سویمادی
اسکی شالدین آرتوق پوشش کیمادی * آخرت اوی[7] بولدی قصدی اتامینک
3 دیردی[8] دنیا تورماز باقی عمر[9] یوق * کوندوز روزه کیجه بولسه[10] اویقو یوق
منکر بیلماز محلصلارینک[11] شکی یوق * پیغمبر دستی[12] دور دستی[13] اتامینک
4 کورمسام سویلامن اوی بیله چندین[14] * مقصدینه یتار یقیلان چیندین[15]
یاریسی ملکدین یاریسی جن‌دین * مجاورسیز بولماز اوستی اتامینک
5 نقبا دیرلار[16] اوچ یوز ایران[17] اوغراشدی * نه جایه* بارسام هفت تن‌لاره[18] قاریشدی

---

1) Въ спискахъ К. П. Г. В. вмѣсто отца Махтум-кули упоминается пророкъ Мухаммедъ, который, какъ извѣстно, совершилъ на фантастическомъ животномъ Буракѣ свое путешествіе на небеса — معراج: «О томъ, на кого садился Ахмедъ сынъ Абдуллы»... Надо думать, редакція П. Г. К. — первоначальная.

2) Имѣется въ спискахъ и изданіяхъ: Ор. 39, Ар 41, К. 41, П-Т 35, Г 36, Остр. 34, В. 13 (деф.), Вал. 97. Послѣдняя рукопись мною къ сличенію не привлекалась. Въ изданіи Н. П. Остроумова пѣсня № 34 начинается на стр. 40 и заканчивается на стр. 42, причемъ на стр. 41, слѣдуетъ зачеркнуть весь текстъ, кромѣ послѣдней строки 22-ой, такъ какъ строки 1—8 повторяютъ конецъ предыдущей пѣсни (№ 33), а строки 9—21 повторяютъ уже отпечатанные на стр. 40 стихи пѣсни № 34.

3) К. بیشده.

4) В. توسدی.

5) В. عمرین طنابین (sic); Ар. عمر تانابنی; К. عمر حسابنی; П. Г. عمرنینک طنابین; Остр. عمرینک طنافین (метръ!).

6) Такъ П. Г. Остр.; В. بو جهانینک عشرتین (метръ!); Ор. Ар. К. بودنیانینک عشرتین.

7) Такъ Ор., Остр. Г. К.; В., Ар. П. اویی (метръ!).

8) Такъ В. П. Г. Остр.; Ор. Ар. К. دیدی.

9) В. оп.

10) Ор. بولسه کیجه.

11) В. محض لرینك....

12—13) Такъ В. П. Г.; у В. остальная часть пѣсни abs. Ор. Ар. К. Остр. دوستی.

14) Ор. Ар. چندان.

15) Ор. Ар. К. چین دان.

16) Ор. دیر.

17) П. آیردین Г. اردین. Въ полустишіи лишній слогъ.

18) Лишній слогъ! К. برسه‌لار هفتنلار; П. نجبا بارسم هفتن لارکه قارشدی; Г. نجبا بارسام هفتن‌لاره قارشدی; П. Г. Остр. этотъ стихъ стоитъ третьимъ въ четверостишіи. Остр. نچه بارسام چلتن‌لاره قاوشدی; Ар. Ор. بارسه вм. بارسام.

چهل‌تنده اتامه نظریم [1] توشدی * برلا دور چین [2] پیوستی اتامینك

6 عالم ایچره ادم قالمز ات کزار * بو سرلاردین جهان خلقی یاد کزار

جابی [3] جنت ایچره کوکده شاد کزار * برده خوش وقت یاتار پوستی اتامینك

7 محتمقلی سنینك [4] سرینك بار ایچده * کامل تابسانك *قیل قولوغین [5] دوروشده

محشر کون [6] قایغوسز* کیرار بهشته [7] * هرکیم چندین [8] بولسه دوستی اتامینك

1 Въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ [9]), въ день Ноуруза, въ годъ Дракона
Встала смерть, преградила путь моему отцу —
Дѣла этого міра вѣдь таковы, извѣстно! —
И обрѣзала нить жизни отца моего.

2 Онъ не увлекался тяжеловѣснымъ [10]) богатствомъ,
Онъ не любилъ наслажденій этого міра,
Онъ не одѣвалъ ничего, кромѣ ветхой шали,
Жилище вѣчности было цѣлью отца моего [11]).

3 Онъ говорилъ: «Этотъ міръ преходящъ, вѣчной жизни нѣтъ».
Днемъ онъ постился, а по ночамъ не спалъ.
Нечестивцы не знаютъ, а благочестивые не сомнѣваются (въ томъ, что) [12])
Рука (сила) пророка — рука (сила) отца моего [13]).

4 Если я не вижу, я не говорю наобумъ.
Достигаетъ своей цѣли, кто искренне припадаетъ къ (могилѣ отца) [14]).
Половина ихъ изъ ангеловъ, половина — изъ джинновъ,
Безъ кладбищенскихъ сторожей не останется могила отца моего.

5 Онъ присоединился къ тремъ стамъ мужей, которыхъ зовутъ «накыб»ами,
Куда-бы я ни отправился, онъ — среди «хефт-тенъ»,

---

1) К. نظر; П. Г. Остр. этотъ стихъ стоитъ вторымъ въ четверостишіи.
2) К. оп.; П. опущ. دور; Остр. تبدیل هم تافمز فوستی اتامینك.
3) П. جانی.
4) К. ایت (=سیر) سایر; Ар. سیر ایدالی (метръ!); П. Г. کیزلی; Остр. کیزله.
5) Такъ Г.; П. قیل‌قل ... دورشده; Ор. Ар. К. قوللو غینده; Остр. قوللوق قیل‌غین.
6) К. Ар. کونی. Остр. محشرده.
7) Такъ П. Г.; Ор. Ар. К. کزار بهشمده; Остр. کیرار بهشتده.
8) Ор. Ар. К. چندان.
9) К. *шестидесяти пяти (лѣтъ)*.
10) В. оп.
11) Езнаевъ: «причина смерти то что домъ вѣчности потянулъ моего отца».
12) В: « ... die Reinen, sie bezweifien es nicht».
13) В.: «Dass Prophetenhand gewesen meines Vaters Hand». Езнаевъ: «рука Магомета подержитъ руку моего отца». Ор. Ар. К. Остр.: *друзья пророка — друзья отца моего.*
14) В.: «Hätte ich es nicht gesehen, ich würde es nicht sagen, doch glücklich war, der ihm nahe gestanden». Езнаевъ: «нивидя нистану говорить въ пустую. Кто будетъ отъ души припадать къ могилѣ моего отца и что будетъ просить то получитъ».

И среди «чиль-тенъ» видѣлъ я отца моего.
Дервиши искренне привязаны къ отцу моему [1]).
6 Въ мірѣ человѣкъ не остается, но имя (его) живетъ,
Люди міра чужды сихъ тайнъ.
Его мѣсто — въ раю, на небесахъ онъ радостно живетъ.
Въ землѣ спокойно почиваетъ оболочка отца моего.
7 Махтум-кули, у тебя внутри есть тайна.
Стойко служи ей, если считаешь ее совершенной.
Въ день страшнаго суда безпечально войдетъ въ рай
Всякій, кто является истинно другомъ отца моего.

Эта пѣсня подтверждаетъ наше предположеніе о благочестіи Доулет Мамеда; онъ былъ, несомнѣнно, суфіемъ, какъ и его сынъ; достигъ возраста 60 лѣтъ и послѣ смерти сталъ святымъ; на основаніи нижеприводимой даты окончанія большого مثنوى Доулет-Мамеда (1753—4 г.) наиболѣе раннимъ годомъ его смерти надо считать годъ 1760, а время его рожденія относить приблизительно къ началу XVIII столѣтія. На родинѣ двухъ выдающихся туркменскихъ суфіевъ-поэтовъ, среди гоклановъ, на р. Гургенѣ въ Астрабадской провинціи Персидской имперіи кому-нибудь навѣрное удастся собрать о нихъ болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія.

2.

Стихотворныя произведенія Доулет-Мамеда составляютъ часть содержанія толстой рукописи въ кожаномъ переплетѣ, попавшей въ руки Ходжали-моллы, по его словамъ, только на время; настоящій хозяинъ рукописи мнѣ неизвѣстенъ.

Рукопись заключаетъ въ себѣ четыре отдѣльныхъ поучительно-мистическихъ сочиненія въ стихахъ:

1) Извѣстное, неоднократно издававшееся въ Казани и Средней Азіи مثنوى Софи Алла-яра ثبات العاجزين (f. 1b—53a);

2) Произведеніе неизвѣстнаго автора, سراج العاجزين (80 ff.);

3) Произведеніе неизвѣстнаго автора, безъ особаго заглавія (10 ff.);

4) Месневи Доулет-Мамеда, подъ названіемъ وعظ آزاد, съ приложеніемъ четверостишій, газалей и краткихъ месневи (69 ff.).

Рукопись датирована въ трехъ мѣстахъ, а именно: первое сочиненіе было переписано въ 1239=1823-4 году, второе — въ 1244=1828-9 и четвертое — въ 1242=1826-7.

---

1) Езнаевъ: «обратился памятникъ моего отца въ китайскую фарфоръ» (sic). Остр. *и измѣненію не подвергнется оболочка отца моего.*

«Сірāџу-l-ʿāџізīн», составленное размѣромъ هزج, начинается такъ:

ثنا لخالق ارض سموات * يراندى كاف نوندين كوب علامت
يراتدى مهر ماه نه فلكنى * كواكب برله سانى بوق ملكى
يراتدى آب خاك آتش باد * بوتورتدين اوردى اول هرجسمه بنياد

Названіе и содержаніе сочиненія указывается въ слѣдующихъ стихахъ:

بلفظ تركى نيجه بيت قيلديم * انينك برله كونكل‌لار صيد قيلديم
مسائلدين نصايحدين ..... * قيلب من اوقوغان قيلغاى دعانى
سراج العاجزين قويديم مونى آت * اوقوبان قيل دعاسين اى نكو ذات

Послѣдній стихъ:

انينك اوچونكه هم اصلينك ايرورخاك * قيلور ذاتينكنى بولدم ذرهٔ خاك

Начало третьяго сочиненія, составленнаго размѣромъ رمل:

حمد لله شكر لله اول حقه * تربيت قيلدى بر اوفوج توفراقه
خوش عجايب كوركلى صورت ايتدى كور * بردى جانُ آتلارين اوكراندى اول

Конецъ:

قللاربنكغه قيل نصيب اى بيربار * ساعت ايجرا توبه قيلسونلار هزار
كونكل غمدين كوزلارين ياش ايتكيل آه * شر شيطاندين انكا ويركيل پناه
من كاتب ايماس‌من شكستهٔ خطيم * اوقوجاق يانيده كوبدور اوياتيم

Поучительно-мистическое مثنوى Доулет-Мамеда написано размѣромъ رمل. На первой страницѣ сверху въ щитѣ вписано:

اعوذ بالله و تمم بالخير و به نستعين رب يسر و لا تعسر بسم الله الرحمن الرحيم

Затѣмъ слѣдуетъ хвала Богу:

حمد بى حد اول خداى اكبرا * دُرلو درلو نعمتين بايدى يرا
اوشبو عالمنى بزا بر خوان ايديب * سردى بو نعمتلارين الوان ايديب
جون مثالى باغ كلزار ايلادى * سَيْر ايديب بلبل‌لارين زار ايلادى
رنكبه‌رنك بولدى كلى باغى همه * غنچه‌لاندى سرخ يفراغى همه
كيم بصارت اهلينه كوزلاتدى اول * جان تيل ايله هر برين سوزلاتدى اول
.... * ....

تبعیت برله صلوات ایتالیم * سوکودین بی حد غایت ایتالیم
عالم ایجرا انبیناءٔ اولیا * هم ملائك اصفیاءٔ اتقیا
یر یوزینده مؤمنینُ مؤمنات * بار ترورلار هرنه کیم موتٌ حیات
من فقیر شکستهدین بی حد دعا * هم درودُ هم تحیّت هم ثنا
اول اولوغ محشر کونینده ای خدا * اوشبولاردین قیلماغیل بزنی جدا
جونکه بر اولوغ کناهلیغ بندهمن * کیم سورمن مونلاری هر قنده من

Хвала Мухаммеду, его семьѣ, асхабамъ и чāр-jāр'амъ:

کوب درودلار بو جهان سر تاجنه * جانده بیتکیل عرش ایله معراجنه
اون سکز منك عالمه رحمتدور اول * اُمّتیغه دولتُ نصرتدور اول
هم طفیل دور برجه آسمان زمین * وصفدور جان رحمةً للعالمین
یوز شکر کیم اُمّت اولدیق اول ارا * کرجه عصیان ایجرا بولساق یوز قرا
هم انینك اولادی ازواج بارینه * برچه اصحاب افضلی تورت یارینه

За прославленіями идетъ молитвенное обращеніе къ Богу — مناجات:

یرلقاغیل ای خداوندا بزی * چون آچقدور بحر غفرانینك کوزی
هم اتامیزنی انامیزنی تقی * داخی اوستاد بزدا جوخ انلار حقی
یرلقاغیل هم مشایخلار که وار * جمله دوست کیم کونکل ایجرا حق سوار
یرلقاغیل برجه مؤمن قللاری * اهل ایمان اهل اسلام ایللاری
قللوقه لایق یر هم هیچ یوقتورور * حد پایاندین کناهیم چوخ تورور
بس یمان خویلیق قلینك من بیربار * اینجوتوب من دنیا ایجرا بی شمار
کوز بیله کونکلوم یمان ایشدین یراق * توتمادیم بولدیم بسی سندین ایراق
. . . . * . . . .
قیل ترحم بو غریب مهمانینکا * عفو ایتیب تقصیریم التکیل یانینکا
اول یقین قللار اره توتغیل منی * انلارینك برله قوپار محشر کونی
برچهدین آزاده ایتکیل سن آزاد * هر دو عالم سن منکا مقصد مراد
. . . . * . . . .

Главная часть сочиненія раздѣлена на четыре большихъ главы слѣдующаго содержанія:

1 — باب اوّل عادل پادشاهلارنینك صفتنینك بیانی

2 — الباب الثانی فی بیان الخیرات و توصیف صاحبات

3 — باب سیم در صفتی عالمین

4 — تورتولانجی باب فقیر و مسکین شکسته بیانی

Выписокъ изъ этихъ главъ я не сдѣлалъ, кромѣ 1) начала первой главы, 2—3) начала и конца послѣдней:

I — باب اوّل پادشاهلار وصفینی * یاری ویرسه وصف ایتار رب غنی

سروری عالم محمد مصطفی * دین اوچون جانیغه بردی چوخ جفا

. . . . * . . . .

II — تورتولانجی باب اهلی دللاری * معرفت بوستانیده بلبللاری

درویش ادارلار الارنینك آدینی * ذکر ایدارهم انلارینك ارشادینی

وصف حالین بر زمان ایتسام کراك * اهلی دللارکا آنی یایسام کراك

درویش اولدورکونکلی بولغای تولوغم * اوزینی ساغینسه خلق ایجرا عدم

خلقدین اوزین کونکلیده بیلکای سوا * جان اویونده حقنی بیلکای مدّعا

. . . .

III — اوشبو نظم ایجره اکر سورسانك سنه * منك یوز آلتمیش یدی ایردی بیل سنه

بوکتاب اسمین ندوردیب سورسانك آد * قویدیلار آدین مونونك وعظ آزاد

Доулет-Мамедъ окончилъ, слѣдовательно, свое сочиненіе въ 1167 г. хиджры, или въ 1753—4 году послѣ Р. Хр.

Изъ приведенныхъ отрывковъ уже видно, что Доулет-Мамедъ хорошо владѣлъ стихомъ, былъ свѣдущъ въ риторикѣ и обладалъ познаніями вполнѣ образованнаго среднеазіатскаго моллы—приверженца суфизма; среди туркменовъ такихъ людей и теперь крайне мало, въ XVIII-же вѣкѣ ихъ было, несомнѣнно, еще менѣе. Изъ извѣстныхъ мнѣ туркменскихъ писателей разныхъ племенъ нѣтъ ни одного, кто могъ-бы быть поставленъ на одну высоту съ отцомъ Махтум-кули. Среди всѣхъ туркменскихъ племенъ родное племя Доулет-Мамеда, Махтум-кули и Моллы-Зелили (любопытно, что эти поэты принадлежали къ одному роду Гёркезъ)—гокланы—самое культурное, давно перешедшее отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому, поэтому вполнѣ естественно, что именно изъ этого племени вышли корифеи туркменской литературы. На языкѣ Доулет-Мамеда сказалось южно-турецкое и спеціально азербайджанско-турецкое вліяніе.

3.

За «Ваʻз-і-Азад» въ рукописи слѣдуютъ мелкія стихотворенія Доулет-Мамеда, а именно: руба'и, газали и одно небольшое месневи, озаглавленное حكايت جابر انصار. Все прибавленіе занимаетъ 6 листовъ. Сначала идутъ 24 четверостишія (رباعی) съ именемъ Азади въ послѣднемъ и съ заглавіемъ رباعيات از روی زاری و دعا, затѣмъ упомянутое مثنوی, тоже съ именемъ автора въ послѣднемъ стихѣ, далѣе еще два четверостишія, послѣ которыхъ стоитъ تمت والله اعلم بالصواب. Послѣ finis'а имѣется еще 10 пьесъ, передъ которыми всегда стоитъ وله ايضا; по внѣшнему виду, это одноріөмные газали, въ дѣйствительности-же, за двумя или тремя исключеніями, это замаскированные мурабба', такъ называемые мусеммат, столь характерныя для среднеазіатско-турецкой популярной литературы, начиная съ hікмӓт'овъ Ходжи Ахмеда Есевӣ до пѣсенъ Махтум-кули и далѣе.

Мною были выписаны 1) четверостишія размѣра رمل подъ заглавіемъ «Руба'ӣ въ видѣ плача и мольбы», 2) отрывки изъ مثنوی размѣра هزج «Разсказъ о Джабирѣ Ансарѣ» и 3) двѣ газали и одно мурабба' №№ 5, 7 и 8.

1) رباعيات از روی زاری و دعا (1

١

كيل[1] يتوش درمنده قللار دادينه ⁕ زار برله انكرهيان فريادينه
ايلايوب تقليد الار ذكر ايلايور ⁕ لطف ايديب ياق ذوق شوقينك اودينه

٢

علت ايله ذكر ايدانلار كونكلين آچ ⁕ دردلو دورلارسن حكيمسين قيل علاج
قللارينك توتميش اميد سندين ينكا ⁕ رحم ايديب كيل رحمتينك دركاهين آچ

٣

يول يتورهيشدور بولار درمنده زار ⁕ كتسه تاپماس دورسهلار يوقدور قرار
اولوشور[لار] آزهشان ايتلار كبی * قيل ندا فضلينك بيله ای بير بار

٤

اُميدورلار عاصیدورلار بندهلار ⁕ خذمته لايق دكيل شرمندهلار
لطف احسانينك بيله توت قوللارين * بارچهدين اوزميش قولين درمندهلار

1) Размѣръ — رمل.

۵

توبهٔ توفیق بخش ایت هم ندم * یرلیقا جمله کناه‌کاری بو دم
چون قچان قللار دونیب کلدی سنکا * بارچه قللاردین خطا سندین کرم

۶

قللارینک چون کلمکا یوق یوزلاری * قنده لایق کوزلامکا کوزلاری
قلبلاریندین سن خبردار سن خواجم * توبه تقصیر تیللارینده سوزلاری

۷

توبهٔ توفیق تمکین ایلاکیل * رخش عشقینک انلاره زین ایلاکیل
تیللارینده کرچه تقلید ایتسه‌لار * قلبلارین فضلینک بیله چین ایلاکیل

۸

ایلامیش قللار همه چرك کناه * عفو آبین توك الارغه یا الٓه
کر یماندور کیتماکا یوق یرلاری * سندین اوزلا کیم‌دور انلارغه پناه

۹

فضل ایدیب باق بو غریب قللارینکا * عاصی جافی بای یوقسوللارینکا
لطفینکا لایق ایماس کرچه بولار * فیض رحمت توك حزین دللارینکا

۱۰

ماسوادین جمله اوزکیل اوزلارین * ذکر تسبیح ایله ایتور سوزلارین
لایقی دیدار جانان بولسه‌لار * فضل ایدیب آچ انلارینك جان کوزلارین

۱۱

جمله مؤمنلار پناهی سن خدا * عفو ایتان جرم کناهی سن خدا
زار حیران آزه‌شان قللارینکا * ایمدی کورسات دوغری راهی سن خدا

۱۲

بس قتیغ هیبتلیدور محشر کونی * لرزه اورغای برچه‌نینك جان تنی
اول رسولینك شفقتین قیلغیل نصیب * سندین السون ساصیٔ درمنده‌نی

۱۳

اول صراطنینك کوفروسیندین کچماکی * حوض کوثر شربتندین ایچماکی
برچه مؤمنلارکا ارزان ایلاکیل * هم براغ اط حورلاری خوش قوجاغی

۱۴

سیر ایدیب اوجاخده باغ باقچه‌لار * هم عجایب کوشك اویلار طاقچه‌لار
رنك‌برنك انکور خرما میوه‌لار * دُرّ یاقوت زرنکار صندوقچه لار

۱۵

اریقی‌نینك بیری سوبتدور[1] بیری بال * بیری خُمر بیری سو دور خوش‌زلال
بزنی شول مؤمن‌کا همان ایلاکیل * بعضی کون آیی نجوم بعضی هلال

۱۶

حُله بولغای یعنی انلار کیمیشی * دُرلو نعمت درلو میوه ایمیشی
خوش کبابلار خوش شرابلار روزی قیل * اول سوار قللار مجازی سویمیشی

۱۷

سلسبیلُ زنجبیل شربتلاری * دُرلو نعمه درلو طون کسوتلاری
قللارینکدین بار آله قیلمه دریغ * جمله دوستونکا بولان شفقتلاری

۱۸

یاشی عیسی داود اونین تنکری بیر * قللارینغه کیرینك اول اوجاخه زیر
روزی ایلاب مثل یوسفتك جمال * یوز کیشی‌جه قوّت الغای یوزجه ایر

۱۹

طوبی آغج سایه‌لار جنت‌لاری * اوشبو .... مؤمن اولغانلار یری
اول براغی دوستلارا قیلغیل نصیب * لعل یاقوت مرصع ایری[2]

۲۰

ایسّی یوق هم ساویق [یوق] اول جای ارا * خسته‌لیق یوق هم اولوم یوق انلاره
قیغوسز اندیشه‌سز قیلغای بیزی * روزی ایلاب تنکری التـه اول یره

۲۱

هر کیشی‌نینك کوز یتونچه باغی بار * ملك اسباب قصر ایوان داغی بار
قیل نصیب مؤمن بولان خاص قللاره * بوی وصل شمهٔ دیداری بار

1) Чит. сўт-тыр.
2) Чит. äjäpi.

۲۲

حق رسول الله جوارین قیل نصیب * بیزنی قیلغیل جمله اقوامی غریب
روزی قیلسانك جام عشقدین بزلاره * بولساق اول دیدار اوچون چون عندلیب[1]

۲۳

آنکماساق ساغ ایله سولی بی‌کمان * بیلماسك بخشی یمان اهلی زمان
ذوقِ شوق عشق کامل دنیادا * نزع ایدار وقت جان تندین هم ایمان

۲۴

بو آزادی بر قلونکدور خار خس * فانی ایچره عمرین اوتکارمیش عبس
لطف اناکینك قرباميش اُمید قولی * هر دو عالم سن منکا فریاد رس

حکایت جابر انصار (2

بو[2] سوزلارنی حکایت قیلدی ای یار * امامُ خواجه رکن الدین مختار
امام خواجه نجم الدین دیمیشدور * سعید ابن جبیردین سوزلامیش دور
انکا هم سویلامیش دور ابن عباس * رسولدین اول ایشتمیش ایها الناس
کتاب کیم آدیدور مفتاح اقبال * دیمیش‌لار اوشبو سوزنی انده بی‌قال
اوتورمیشدی پیغمبر یارلار ایله * اولوغ کیچیك سوار دلدار ایله
نصایح دین آجاردی درلو تیل‌لار * آچولغان‌تك همان باغ ایچره کُل لار
بو بلبل‌لار همه کُل برله همدم * آچیلماسمو بو کُل کر تابسه شبنم
بو حالیده رسول چون یغلادی‌زار * نه بولدی دیب سورادی یار و دلدار
دیدی روح الامین کلدی همین دم * فرخ کونکلیم بو حالت [ده] قیلدی غم
علامت قیامتدین دریں باب * کوریبدور یدی تورلوك توش براصحاب
بسی کونکلوم ملول بولدی بو ایشدین * توشیبدور کونکلومه غم اوشبو توشدین
سبب بو ایردی مندین چیقدی زاری * بو حالت یغلار ایردی جمله یاری
کیریب کلدی بو حین‌ده جابر انصار * سلام بردی رسولغه سوکولو یار
علیك الدی رسول اولدم اوتوندی * انینك کلدوکینی خوشلاب سوفوندی[3]

---

1) Рук. عندهلیب.
2) Размѣръ — هزج.
3) Архаическое изображеніе звука в чрезъ ف.

تیدی جابر رسولغه تویش[1] کوریب‌من * غم ایله کونکلوم اوین تولدوریب‌من
رسول ایدی انکا کیم ای بیلوکلوک * مکر سن تویش کوریب‌سن یدی تورلوک
دیدی راست ای رسولی جمله عالم * کُزینی یدی اقلیم جنّ آدم
رسول ایدی سن ایغیل من یوراین * بیانین اوشبو خلقه یتکوراین
دیدی جابر سن ایغیل یا رسول آه * سنکا آکاه اتیب‌دور آنی الله
رسول اول دم بیان ایلادی انده * بو جابر تیدی صدق اول زمانده[2]
کموش تخت اوزره التون بُتْنی کوردینک * تفرج ایلایوب سن انده دوردینک
خلایق جمله اول ساری کیدارلار * تمام قرشوسوده سجده ایدارلار
سمیز ایناك ایکنجی کوردینك ای یار * اریق‌قوی بلیندین سوتلار سورارلار
بو تورتونجی کوردینك حوض تکراسینده * یاشل اوتلار ولی سف[3] یوق ایجنده
که کوردینك بیشلانجی خسته قل‌لار * تنی ساغلار........ بارورلار

Конецъ مثنوی:

بولوبدور دوستلاریم آخر زمانه * زمان اهلی توشوبدور بد کمانه
بارور یاری الار بربرکا بلکلی * همانه بازی برکان یانکلی تلکلی[4]
توتوب بربرکا هم بُعضُ حسدنی * قیلور بربردین ارتوق کاربدنی
نصیحت سوزلاری [نی] دینکلامزلار * اُموری آخرتدین آنکلامزلار
خداونده همه افعال بددین * جهال تعصیب‌دین کبر و حسددین
مسلمان بنده‌نی سقله همیشه * دوام ایتسون امرینکنی بیشه[5]
آزادینی دعا برلان قیلان یاد * ایکی عالمده بولسون خرّم شاد

3) [مربع و غزلیات]

○

1 کیم[6] یانسه عشق اوتنه * دنیادین اوزار
حقدین کلان بلاغه * صبر اهلی ینکلیغ دوزار

---

1) Чит. тӯн. Рукопись неодоократно изображаетъ звукъ ӯ чрезъ двѣ буквы وی.
2) Стихъ испорченъ?
3) Архаическое правописаніе слова سو.
4) Стихъ сомнителенъ.
5) Стихъ испорченъ.
6) Метръ — слоговой. Въ стихѣ — 7 слоговъ.

2 عشق اوتی بر اوت بولور * بولمز توتون اول اوتدا
معشوقینینک سایه سی * هر توشکان سایی قزار
3 عاشقلارنینک معشوقی * جلوه نما ایلایور
عاشق کورسه معشوقین یاریدین بولور بیزار
4 عشق انکار اورار فتار * اول اوتغه توشار ینار
اوت بولور آخر سونار * اندین بولور حقغه بار
5 یارلیق آتدین اوزولسه * وحدت مقامین بولسه
اوزین خار خاك بیلسه * چین بنده بولور ای یار
6 کونکلی بولور حق کنجی * حق اوچون جکمیش رنجی
ذکری فکری قوانجی * حق بیلانی دم اورار
7 صورت کرچه موندە دور * کونکلی حق یانینده دور
کورسانك بیکار بنده کور * روحلار برله اول کزار
8 کونکلی بیت الله بولور * جانی ذکر الله بولور
درویشی الله بولور * اندین سونك توتار قرار
9 ای سونکره ای برار * حق برله مجلس قورار
کوز آچیب دیدار کورار * ایستەمز اوزکا دیدار
10 سالکلار خبر بیلور * تامی جولان قیلور
اوچ یوز آلتمیش ثمرلار * بلك . . . ایجره بار
11 بس بلنك مونداغ آرینك * فراست حقا ندور
هرنه سوز کیم ایتور اول * لوح اوزره قلم یازەر
12 قولی قدرت قولی دور * تیلی قدرت تیلیدور
سوزی قدرت سوزیدور * شك ایدیب بولمه بیزار
13 آزادی اوزینك تانی * دایم ایغیل سبحانی
حقدین تیله ایمانی * رحم ایدیب یولداش قیلار

٧

1 غم دمانی بصدی[1] کونکلومنی آجیلماس داد هی
برق اوریب باران رحمتلار ساجیلماس داد هی

1) باسدی. Размѣръ — رمل.

2 کاله کاله حق شرابین آه سالك اوزره قویمش
یوق خریداری آنینك بر کف آجیلماس داد هی

3 رحمتی حق توده توده هر قریش یرده نهان
اوستونه دوغری کلان یوقتور اجیلماس داد هی

4 بس تفکر بیضه‌سین بصغان اوکوش فکر ایت آره
وقتینه یتمای یازار شاهاباز اوجیلماس داد هی

5 رحمتینك دریاسینه پایانی حد یوق ای آزاد
بولسه نومید هر کیشی جرمی کاجیلماس[1] داد هی

٨

1 ای یرانلار نیتاین بو حال ایله[2]
توشمادیم بر اهل دلکا من بو شوم اقبال ایله

2 اوچاق ایستار دالمنوب کونکلوم قوشی مقصد ساری
یایلوب یل المادی پرلاب بو سنبوق بال ایله

3 یغلارام کیم قالمیشام[3] درمنده غرق ایجره وای
عمریمی اونکارمیشام بیهوده ماه سال ایله

4 هر زمان هر دمده یوز منك چَنْلانور کونکلوم قوشی
تابمادی اوغرین هنوز اونکمادیق بد قال ایله

5 من دیدیم کیم آسته آسته کونکلومه دنیانی قوی
قیل قناعت لقمه برله کهنه اسکی شال ایله

6 مقصدینك کورمك مکین ایماس شیدا کونکل[4]
بو اوغول قیز جمعیت اسباب ملك مال ایله

7 ای آزادی بول تجرد باریدین مقصد تیله
هیچ تاپان تاپغان ایماسدور یوقسه قیل قال ایله

А. Самойловичъ.

1) Одинъ изъ случаевъ транскрипцiи звука ӓ въ первомъ слогѣ черезъ ا.

2) Размѣръ — 15-ти слоговой رمل; въ 1-омъ полустишiи 11 слоговъ.

3) Въ обоихъ глаголахъ этого стиха азербайджанско-турецкое окончанiе 1 лица ед. числа ام.

4) Стихъ испорченъ.

Пайзы у монголовъ въ настоящее время[1]).

Пайзы сохранились только въ Южной или Внутренней Монголіи: у дархатовъ-хранителей культа Чингиса и въ сеймахъ Икэ-джускомъ (Ордосъ) и Улан-цабскомъ (Пріордосье), да отчасти въ Шилин-гольскомъ.

По внѣшности современныя пайзы довольно однообразны: это всегда серебряная, четыреугольная небольшая дощечка съ монгольскою выпуклою надписью; вставлена она въ рамку изъ желѣза или краснаго дерева. Къ верхнему краю рамки сзади придѣлано ушко, за которое зацѣпляется прочная ременная петля. Въ эту петлю продѣвается кушакъ, которымъ крѣпко подпоясываются. Пайза болтается на лѣвомъ боку гонца и видна издали, сверкая бѣлизной. Верхняя, головная часть рамки пайзы большею частью закруглена, какъ показано на рисункѣ, и нерѣдко украшена орнаментомъ. Бываютъ пайзы и безъ закругленія вверху, какъ, напр., всѣ дархатскія пайзы. Если пайза прикрѣплена къ рамкѣ посредствомъ ободка, то послѣдній съ лепестевидными насѣчками. Обыкновенно пайзы хранятся на почетномъ мѣстѣ: онѣ висятъ на стѣнѣ, рядомъ съ бурханами. Прилагаемый рисунокъ представляетъ болѣе или менѣе точное изображеніе одной изъ современныхъ пайзъ, исполненное отъ руки. Она принадлежала посламъ предсѣдателя (даруга) Улан-цабскаго сейма, пріѣзжавшимъ въ Ургу къ монгольскому новому хану съ изъявленіемъ покорности въ октябрѣ 1912 года.

Значеніе пайзъ въ общемъ вездѣ одинаково. Именно, пайза даетъ своему обладателю право пользоваться для быстраго передвиженія подводами, содѣйствіемъ и покровительствомъ мѣстныхъ властей и населенія. Пайза вручается только *элчи*, т. е., лицамъ командированнымъ по важнымъ дѣламъ. Пайзъ въ каждомъ хошунѣ (княжество) не особенно много. Количество ихъ до нѣкоторой степени зависитъ отъ числа сомоновъ (эскадроновъ) и размѣра хошуна. Въ Ордосѣ нѣкоторые хошуны имѣютъ по многу сомоновъ и пайзы тамъ можно считать десятками, тогда какъ въ Улан-цабскомъ сеймѣ сомоновъ немного, да и населеніе немногочисленное, и въ зависимости отъ этого количество пайзъ невелико. Напр., въ хошунѣ Дурбэн-

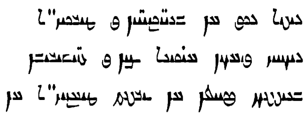
1) Приводимыя здѣсь свѣдѣнія о современныхъ пайзахъ собраны мною главнымъ образомъ въ 1910 г. во время командировки въ Южную Монголію отъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи.

хухэтъ (дўрбен хўхет), князь котораго состоитъ и даругой (предсѣдателемъ) Улан-цабскаго сейма, имѣется всего 12 пайзъ. Изъ нихъ 4 принадлежатъ даругѣ, а остальные 8 хошуну. Въ остальныхъ 5 хошунахъ Улан-цабскаго сейма пайзъ совсѣмъ мало — отъ 4 до 6.

Пайза даруги дѣйствительна на всемъ пространствѣ сейма, а пайза хошуннаго князя — въ предѣлахъ только хошуна. Однако, по молчаливому соглашенію, пайзы признаются и сосѣдними хошунами до мѣста назначенія гонца.

Исключеніе составляютъ, какъ увидимъ ниже, дархатскія пайзы. Онѣ имѣютъ силу по всей Монголіи, гдѣ признается культъ Чингиса. Предполагается, что реликвіи и культъ Чингиса, родоначальника всѣхъ почти монгольскихъ князей, составляютъ достояніе всего монгольскаго народа. На вопросъ, не было ли золотыхъ пайзъ, дархаты, потомки знаменитаго сподвижника и товарища Чингиса—Борджи, говорили мнѣ, что не знаютъ этого, но если дѣйствительно у нихъ была золотая пайза, то, вѣроятно, хранилась вмѣстѣ съ золотою печатью и писанными дощечками (чарги) при гробницѣ Тулуя, которая находится недалеко отъ ставки князя Хангинъ. По моему разслѣдованію на мѣстѣ, въ настоящее время при усыпальницѣ Тулуя ни золотой пайзы, ни печати не сохранилось, а надписи на дощечкахъ оказались не чѣмъ инымъ, какъ гимномъ Хубилаю, распѣваемымъ въ концѣ обряда принесенія Чингису въ жертву кобылицы[1]). О томъ, что у дархатовъ была золотая печать, мы имѣемъ указанія въ монгольскихъ историческихъ сочиненіяхъ, напр. въ «Бѣлой книгѣ».

У дархатовъ теперь 3 пайзы; изъ нихъ я видѣлъ у дархатскаго старшины двѣ; третья была въ отъѣздѣ. На большой серебряной пайзѣ, вставленной въ деревянную рамку (3 × 2 верш.), надпись гласитъ:

Эту надпись можно перевести такъ: «Отъ даруги Икэ-джускаго сейма, джасака бэйсэ джинона, по дѣламъ высокаго жертвоприношенія Великому Чингису командируемаго гонца знакъ». Очевидно, этимъ знакомъ, называемымъ и донынѣ пайзой, предоставляются спеціальныя широкія права въ

1) Подробности о культѣ Чингиса печатаются въ «Извѣстіяхъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи», сер. II, вып. 2.

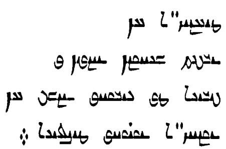
связи съ культомъ знаменитаго завоевателя. Къ этимъ правамъ мы еще вернемся, а сейчасъ приведемъ нѣсколько поясненій на счетъ не переведенныхъ словъ: «джасак бэйсэ джинон».

Джасак—названіе вообще владѣтельнаго князя въ Монголіи. Бэйсэ—княжескій титулъ 4-й степени. Джинон — старинное монгольское званіе, точное значеніе котораго трудно установить. Въ періодъ малыхъ хановъ XV—XVIII вв. джинонъ былъ первымъ лицомъ при ханѣ, по положенію—какъ-бы соправителемъ хана, но своей областью правилъ совершенно автономно. И на великихъ жертвоприношеніяхъ Чингису, если почему-либо ханъ не пріѣзжалъ, замѣстителемъ его являлся джинонъ. По уставу ханъ являлся на великое жертвоприношеніе съ 10 чел. свиты, джинонъ — съ 6, наслѣдникъ престола — въ сопровожденіи 2 свитскихъ.

Послѣ покоренія Ордоса манджурами, самому старшему чину — джинону, предку князя Вановскаго хошуна, было поручено указомъ Канъ-си слѣдить за тѣмъ, чтобъ жертвоприношенія Чингису велись аккуратно и правильно. Съ тѣхъ поръ и вошло въ обычай назначать именнымъ указомъ одного изъ ордосскихъ князей «джинономъ», который обязанъ не только слѣдить за культомъ Чингиса и управлять дархатами, но и исполнять роль хана, согласно уставу о великомъ жертвоприношеніи. Этотъ уставъ называется «Алтан дефтер» («золотая книга») и, какъ удалось выяснить на мѣстѣ въ Эджен-хоро, во время весенняго, великаго жертвоприношенія нынѣшній джинонъ, князь Хангинскій выполнялъ всѣ обряды, предписываемые въ Золотой книгѣ хану.

Такъ какъ званіе джинона переходитъ къ разнымъ князьямъ, то очевидно, что каждый новый джинонъ долженъ заказывать себѣ пайзу. Есть пайзы и безъ указанія, отъ кого она выдана; таковы именно вторая и третья пайзы дархатовъ.

Вторая пайза у дархатовъ совсѣмъ маленькая (меньше ладони), старая, вставлена также въ деревянную рамку. Надпись нѣсколько иная, чѣмъ на первой, описанной выше. Мы читаемъ на этой маленькой пайзѣ слѣдующее:

Эту надпись можно перевести такъ: «По особенно важнымъ служебнымъ дѣламъ жертвоприношенія командируемаго гонца знакъ на пользованіе

подводой». Въ ней не указано, откуда, кѣмъ выдана пайза, но зато — слово «жертвоприношенія» [illegible] составляетъ красную строку.

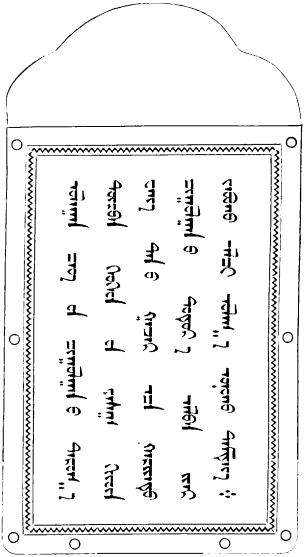
Эта и отсутствовавшая пайзы составляютъ собственно дархатскія пайзы, неизвѣстно когда и кѣмъ сдѣланныя, но весьма авторитетныя. Дархаты со своими пайзами, будь то большая или маленькая, безразлично, объѣзжаютъ всю Монголію вдоль и поперекъ, отъ Халхи до Куку-нора, отъ Мукдена до Илійскаго края, напоминая монголамъ, въ особенности князьямъ, объ ихъ обязанности чтить память Чингиса. Во время такихъ «служебныхъ» командировокъ дархаты безвозмездно получаютъ все, что имъ нужно для культа: барана ежедневно, вино, бѣлыя кошмы, добрыхъ коней и т. д. Имъ ставятъ юрту, встрѣчаютъ ихъ, провожаютъ. Само собою разумѣется, что подводы для ихъ передвиженія даются вездѣ безплатно. Въ случаѣ неуваженія со стороны князей (хановъ, вановъ — все равно!) и народа дархаты обыкновенно угрожаютъ имъ именемъ Чингиса и чернаго сулдэ смертью и разореніемъ. И этихъ угрозъ всѣ страшно боятся, всѣ безусловно вѣрятъ въ неизбѣжность смерти и разоренія. Если теперь дархаты могутъ лишь грозиться, то во времена великихъ монгольскихъ императоровъ, нужно думать, разореніе и смерть постигали тотчасъ же вслѣдъ за обнаруженіемъ неуваженія къ пайзѣ. Поэтому на дошедшихъ до насъ древнихъ пайзахъ — слово *алдаху*, пожалуй, правильнѣе было бы передать: «разорится», «будетъ разоренъ», чѣмъ «ошибется», «будетъ виновенъ» или «будетъ убитъ», какъ это дѣлалось прежними изслѣдователями.

Когда мы выѣзжали изъ Ордоса, насъ сопровождалъ почетный конвой отъ даруги Икэ-джускаго сейма — любезнаго Хангинскаго князя-бэйсэ. Начальникъ конвоя въ чинѣ мэйрена былъ въ формѣ, а одинъ изъ нижнихъ чиновъ — въ званіи бошхо (вѣстовой) имѣлъ за поясомъ пайзу даруги, Хангинскаго князя. Пайза была неказистая и такъ неловко висѣла на лѣвомъ боку бошхо, что часто серебряной стороной смотрѣла къ своему хозяину, а деревянной — наружу. Но, несмотря на это обстоятельство, самымъ могущественнымъ человѣкомъ у насъ оказывался именно этотъ бошхо. Повиновались ему монголы безъ всякихъ словъ, лишь только замѣчали пайзу, а китайцы, перевозчики на Хуанъ-хэ, старались выказывать большую расторопность и усердіе. Въ трудныя минуты начальникъ конвоя показывалъ на бошхо и говорилъ: «Бошхо! гдѣ твоя пайза? покажи имъ!» И непокорные выражали растерянность и испугъ, извинялись, что не замѣтили бошхо съ пайзой.

Надпись на пайзѣ даруги Улан-цабскаго сейма, рисунокъ[1]) которой мы

1) Этотъ рисунокъ составляетъ примѣрно $^4/_5$ натуральной величины.

имѣемъ передъ собою, можно перевести такъ: «Отъ даруги Улан-цабскаго сейма, дурбэн-хухэтскаго джасака цзюнь-вана въ предѣлахъ подвѣдомственнаго сейма по службѣ ѣдущаго гонца знакъ на пользованіе подводой». Т. е., эта пайза дается лицу, командированному отъ даруги по сеймовымъ дѣламъ. Она дѣйствительна во всѣхъ 6 хошунахъ, входящихъ въ составъ Улан-цабскаго сейма.

Мнѣ говорили въ Шилин-гольскомъ сеймѣ, что въ хошунахъ сунитовъ и абагасцевъ кое-гдѣ имѣются пайзы, но видѣть ихъ не удалось.

Въ прочихъ сеймахъ Внутренней Монголіи, а равно и во Внѣшней пайзъ пока не встрѣчено, кажется, никѣмъ. Онѣ замѣнены, очевидно, открытыми листами.

То обстоятельство, что пайзы сохранились въ Ордосѣ и пріордосскихъ сеймахъ я объясняю, съ одной стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эпоху паденія монгольскаго государства Ордосъ служилъ центромъ политической жизни монголовъ; тогда, вѣроятно, въ Ордосѣ имѣлись пайзы ханскія или джинонскія, а съ переходомъ монголовъ въ манджурское подданство — ханскія пайзы были замѣнены княжескими и даругскими. Затѣмъ, съ другой стороны, сохраненію старинныхъ обычаевъ способствовало существованіе въ Ордосѣ, въ Эджен-хоро, великаго культа Чингиса. Замѣчательно, что въ этомъ же районѣ лучше всего сохранились до-буддійскіе обряды и вѣрованія, какъ то: культъ тенгріевъ, культъ сулдэ, огня; весеннія, лѣтнія и осеннія брызги и возліянія кумыса и т. п. На весеннія великія жертвоприношенія Чингису, совершаемыя ежегодно 21 числа 3-го весенняго мѣсяца, съѣзжаются, главнымъ образомъ, монголы Ордоса и Улан-цабскаго сейма, и, благодаря этому обстоятельству, въ міровоззрѣніи и обычаяхъ этихъ монголовъ прочнѣе сохранились пережитки до-буддійскихъ и до-манджурскихъ временъ.

Ц. Жамцарано.

Урга. 6 декабря 1912 г.

Европеецъ XIII в. въ китайскихъ ученыхъ учрежденіяхъ.

(Къ вопросу о пизанцѣ Изолѣ).

Въ статьѣ, напечатанной въ VI томѣ «Записокъ»[1]), мною была сдѣлана попытка сблизить китайскія извѣстія (изъ Юань-ши) о вельможѣ *Ай-сѣ* изъ Фу-лин'я, занимавшемъ выдающіяся должности при Хубилаѣ (1259—1294) и Тэмурѣ (1294—1307), съ разсказами католическихъ миссіонеровъ о «знатномъ пизанцѣ» (nobilis vir Pisanus) *Изолѣ*[2]), которому въ 1289 и 1291 гг. писалъ папа Николай IV; изъ писемъ видно, что Изолъ достигъ среди монголовъ вліятельнаго положенія и оказывалъ покровительство своимъ единовѣрцамъ.

Впослѣдствіи мною было установлено[3]), что о христіанскомъ вельможѣ, имѣвшемъ вліяніе при дворѣ Хубилая и Тэмура, говорятъ и мусульманскіе источники. У Рашид-ад-дина въ двухъ мѣстахъ упоминается «переводчикъ[4]) Иса» (عيسى كلمچى), причемъ въ одномъ мѣстѣ сказано, что онъ былъ христіаниномъ и врагомъ мусульманъ; первый разсказъ[5]) относится ко

---

1) ЗВО. VI, 327 сл.; тамъ же указаны источники.

2) Правописаніе «Исолъ», принятое мною въ цитованной статьѣ, повидимому, неправильно; буквой s между двумя гласными, насколько извѣстно, уже тогда изображался звукъ з.

3) Исторія изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи, С.-Пб. 1911, стр. 66 и 76.

4) О словѣ «келемечи» въ значеніи «переводчикъ, толмачъ» ср. J. Klaproth, Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren, Paris 1820, S. 18 («Dollmetscher»); В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, II, 1116 («vielleicht falsch für тilмäч»); K. Shiratori, Ueber die Sprache des Hiung-nu-Stammes und der Tung-hu-Stämme, Tokio 1900, S. 32 f.; П. Меліоранскій, Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ, С.-Пб. 1900, стр. 0110, 47 и 57 (ترجمان); W. Radloff, Kuan-ši-im Pusar, St.-P. 1911 (Bibl. Buddh. XIV), S. 82 («die Bildung und Herkunft dieses Wortes ist mir vollkommen unklar»). Ср. также слово كلام въ значеніи الحديث у «араба-филолога» въ отдѣлѣ о монгольскомъ языкѣ (ЗВО. XV, 97) и замѣчаніе П. М. Меліоранскаго (ibid. 147).

5) Histoire des Mongols éd. par E. Blochet, t. II, p. 521. D'Ohsson, Histoire des Mongols, II, 491.

времени Хубилая, второй[1]) ко времени Тэмура. Въ первомъ говорится о событіяхъ послѣ убіенія въ Пекинѣ мусульманскаго министра Ахмеда (1282 г.) и раскрытія его преступленій[2]). Преемникомъ Ахмеда былъ назначенъ уйгуръ Санга, управлявшій государствомъ 7 лѣтъ[3]). При немъ великій ханъ однажды предложилъ угощеніе мусульманскимъ купцамъ, привезшимъ ему «кречетовъ съ бѣлыми лапами и красными когтями и бѣлыхъ орловъ»; мусульмане отказались ѣсть, такъ какъ монгольская пища считалась у нихъ падалью. Разгнѣванный Хубилай издалъ приказъ, «чтобы впредь мусульмане и «люди писанія» не убивали барановъ (т. е. не перерѣзывали имъ горла), а по монгольскому обычаю распарывали имъ грудь и бокъ; всякаго, кто убьетъ барана (иначе), было приказано убивать, какъ барана[4]), а его жену, дѣтей и имущество отдавать доносчику[5]). Христіанинъ Иса-переводчикъ, Ибн-Ма'āлӣ[6]) и Б.н.д.къ, принадлежавшіе къ числу смутьяновъ, злыхъ и дурныхъ людей своего времени, привязавшись къ тому приказу, добыли ярлыкъ, чтобы каждаго, кто въ домѣ убьетъ барана, предавали казни. Подъ тѣмъ предлогомъ они собрали съ людей много денегъ и подкупали рабовъ мусульманъ, (говоря имъ): «Если донесете на своего господина, мы васъ сдѣлаемъ свободными»; они ради своего спасенія клеветали на господъ и навлекали на нихъ обвиненіе. Иса-переводчикъ и его проклятые приверженцы довели дѣло до того, что четыре года мусульмане не могли совершать надъ своими дѣтьми обрѣзанія. Оклеветали господина нашего Бурхан-ад-дина Бухари, принадлежавшаго къ числу учениковъ шейх-ал-ислама Господняго Сейф-ад-дина Бахарзи[7]) и бывшаго проповѣдникомъ въ Ханбалыкѣ—да помилуетъ его Богъ — и отправили его въ сторону Манзи[8]), гдѣ онъ и умеръ. Положеніе стало таковымъ, что большинство мусульманъ покинуло китайскую область.

---

1) Изд. Blochet, II, 613 sq.

2) Ср. d'Ohsson, Histoire des Mongols, II, 469—471. Разсказъ Рашид-ад-дина объ этихъ событіяхъ (въ изданіи Blochet стр. 508—520) совершенно сходенъ съ разсказомъ Марко Поло (переводъ И. П. Минаева, стр. 123—128); Рашид-ад-динъ, вѣроятно, получилъ свои свѣдѣнія отъ чэнсяна Пулада (о немъ см. ниже). Текстъ Марко Поло показываетъ, что въ изданіи Blochet на стр. 520b-c заслуживалъ бы предпочтенія варіантъ زنده پوست باز كردند.

3) Такъ у Рашид-ад-дина на стр. 524; на стр. 520 5—6 лѣтъ; но ср. ниже о времени дѣйствія указа о баранахъ.

4) Я отдалъ предпочтеніе рукописному варіанту (521i) همچو كوسفند.

5) Очевидно, и здѣсь, какъ 522a, въ текстѣ надо читать ايقاق вм. انفاق.

6) Не совсѣмъ понятно появленіе среди враговъ ислама человѣка съ арабскимъ именемъ. Въ рукописи Аз. Музея a 566, л. 257b и въ рукописи Имп. Публ. библ. V, 3, 2, стр. 1141 вмѣсто ابن стоитъ اين.

7) Родился въ ша'банѣ 586 г. (сентябрь 1190), умеръ 24 зу-л-ка'да 659 г. (20 октября 1261). Ср. мой *Туркестанъ*, I, 168.

8) Т. е. въ южный Китай.

Послѣ этого мусульманскіе вельможи той стороны[1])... и другіе знатные съ общаго согласія обязались поднести большую сумму денегъ[2]) везиру Сангѣ, съ тѣмъ чтобы онъ доложилъ (государю), что всѣ мусульманскіе купцы отсюда ушли, и изъ мусульманскихъ областей торговцы не приходили; пошлины пришли въ разстройство, драгоцѣнностей не привозятъ, потому что прошло уже семь лѣтъ, какъ не убиваютъ барановъ; если выйдетъ приказъ убивать барановъ, то купцы возобновятъ сношенія, и пошлины будутъ поступать полностью. Былъ изданъ ярлыкъ съ соотвѣтствующимъ разрѣшеніемъ»[3]). Такъ какъ дѣйствіе указа о баранахъ, изданнаго при Сангѣ и отмѣненнаго при его участіи, продолжалось семь лѣтъ, и столько же лѣтъ (1282—1289) управлялъ государствомъ Санга, то изъ этого можно заключить, что указъ былъ изданъ въ 1282[4]) и отмѣненъ въ 1289 г. Изъ словъ Рашид-ад-дина видно, что особенно тяжелы были для мусульманъ первые четыре года этого періода (1282—1286); но что именно измѣнилось въ 1286 г. и по какой причинѣ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній.

Второй разсказъ приводится Рашид-ад-диномъ съ цѣлью показать, какимъ вліяніемъ при Тэмурѣ пользовался тибетскій отшельникъ (бахши) Танпа[5]). Великому хану однажды поднесли драгоцѣнные камни; эмиры, везиры и маклеры (деллали) оцѣнили ихъ въ 60 тумановъ балышами[6]); сумма была уплачена изъ казны, причемъ эмиры и везиры за такую оцѣнку получили отъ купцовъ около 15 тумановъ. Обманъ былъ разоблаченъ однимъ эмиромъ, находившимся въ то время въ опалѣ, и двумя маклерами, которыхъ товарищи не допустили къ участію въ этомъ дѣлѣ; эмиръ, ссылаясь на

---

1) Названы пять именъ.

2) Такой смыслъ, очевидно, имѣютъ слова خدمتی بسیار از وزیر سنکه قبول کردند.

3) Дальше приводится разсказъ о доносѣ христіанъ противъ мусульманъ по поводу стиха Корана объ убіеніи многобожниковъ (ср. d'Ohsson, II, 492); замѣчательно, что цитата у Рашид-ад-дина اقتلوا المشركين كافة не вполнѣ соотвѣтствуетъ тексту Корана; вѣроятно, имѣется въ виду стихъ 9,5 (فاقتلوا المشركين حيث وجدتموهم) или 9,36 (وقاتلوا المشركين كافّة). Въ разсказѣ упоминается «эмиръ Ахмедъ, везиръ», такъ что происшествіе относится къ времени до 1282 г.

4) Въ пользу той же даты говоритъ также порядокъ изложенія у Марко Поло (переводъ Минаева, стр. 127). Великій ханъ, по его словамъ, разгнѣвался на мусульманъ послѣ дѣла Ахмеда и потому издалъ указъ о баранахъ. Объ угощеніи купцовъ Марко Поло не говоритъ.

5) Рашид-ад-динъ въ другомъ мѣстѣ (изд. Blochet, стр. 544 сл.) описываетъ даже наружность этого бахши: у него было два очень длинныхъ переднихъ зуба, такъ что губы его не сходились. Тамъ же любопытное замѣчаніе, что тибетскіе бахши пользовались у монголовъ бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ китайскіе и индійскіе.

6) О туманѣ и балышѣ см. ниже разсказъ Вассафа. Если приравнять золотникъ серебра къ франку, то сумма въ 60 тумановъ балышами составляла 10.800.000 франковъ; 30 тумановъ—5.400.000 фр., 15 тумановъ—2.700.000 фр.

мнѣніе этихъ маклеровъ, довелъ до свѣдѣнія государя, что камни въ дѣйствительности стоили не болѣе 30 томановъ. По повелѣнію государя была произведена новая оцѣнка прежнимъ чэнсяномъ[1]) города Хинксая (Кинсай у Марко Поло, т. е. Ханъ-чжоу-фу) Шихаб-ад-диномъ Кундузи; обвиненіе было признано справедливымъ. Купцовъ и маклеровъ заключили въ тюрьму; они признались, сколько заплатили каждому эмиру; тогда эмировъ и везировъ тоже подвергли заключенію. Ихъ было 12 человѣкъ; Рашид-ад-динъ называетъ восемь именъ, среди которыхъ находится также имя «Исы-переводчика» (рядомъ съ нимъ упоминается Банчаръ, братъ Баянъ-пинъ-чжана)[2]), причемъ прибавляетъ, что было «еще три пинъ-чжана». Всѣхъ ихъ хотѣли казнить; послѣ тщетнаго заступничества матери государя они прибѣгли къ заступничеству тибетскаго бахши. Танпа воспользовался тѣмъ, что въ это время на небѣ появилась комета, и объявилъ, что для умилостивленія Неба нужно освободить сорокъ узниковъ; потомъ онъ сказалъ, что нужно освободить еще сто; къ числу освобожденныхъ принадлежали и провинившіеся вельможи. Семь дней Тэмуръ совершалъ моленія въ кумирнѣ; когда онъ вышелъ оттуда, онъ назначилъ опальныхъ вельможъ вновь на прежнія должности; ихъ только заставили вернуть казнѣ понесенный ею убытокъ, въ размѣрѣ 30 томановъ балышей.

Разсказомъ о драгоцѣнныхъ камняхъ оканчивается часть труда Рашид-ад-дина, посвященная Китаю и великимъ ханамъ. Точная дата событія не указывается; упоминаніе о кометѣ, можетъ быть, позволитъ опредѣлить эту дату[3]). Вопросъ важенъ для сопоставленія разсказа Рашид-ад-дина съ

---

1) Чэнсянами (جینکسانك) назывались четыре главныхъ министра, назначавшіеся по словамъ Рашид-ад-дина (изд. Blochet, p. 470, ср. d'Ohsson, II, 636) изъ «великихъ эмировъ», т. е. изъ монголовъ; однако въ данномъ случаѣ чэнсянъ—мусульманинъ изъ Передней Азіи. Юль (Marco Polo, 3 ed. II, 15) указываетъ также на аланскаго князя съ титуломъ Chyansam, написавшаго въ числѣ другихъ письмо къ папѣ Бенедикту XII (форма Chyansam въ отвѣтныхъ письмахъ папы; въ письмѣ аланъ Chaticen или Caticen; Moshemii Hist. Tart. eccl. App. №№ 75, 77 и 78). Вассафъ (стр. 502) увѣряетъ, что до Хайсана, т. е. до 1307 г., въ Китаѣ было не болѣе двухъ чэнсяновъ; Хайсанъ впервые назначилъ на эту должность большее число лицъ, такъ какъ два человѣка не могли справиться съ дѣлами государства. Въ Юань-ши (85 цз.), какъ мнѣ сообщилъ А. И. Ивановъ, говорится, что должность чэнъ-сянъ была установлена при Тай-цзунѣ (т. е. при Угэдэѣ); было назначено два чэнъ-сяна, правый и лѣвый. При Хубилаѣ первоначально былъ одинъ чэнъ-сянъ, потомъ четыре; при немъ же въ 1265 г. было назначено пять лицъ. Впослѣдствіи это число неоднократно уменьшалось; при Вэнь-цзунѣ (1328—29) былъ только одинъ чэнъ-сянъ, иногда два. Чэнъ-сяны были помощниками государя во всѣхъ дѣлахъ; въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся административная власть.

2) О Баянъ-пинъ-чжанѣ (мусульманинѣ) Рашид-ад-динъ въ изд. Блошэ стр. 540 слѣд.; ср. d'Ohsson, II, 467. О словѣ пинъ-чжанъ см. ниже.

3) Какъ мнѣ сообщилъ А. И. Ивановъ, въ Юань-ши о появленіи кометы въ царствованіе Тэмура говорится въ двухъ мѣстахъ; въ первый разъ комета показалась во второй годъ его царствованія, въ 12-омъ мѣсяцѣ (въ началѣ 1296 г.) и была видна 74 дня; во вто-

разсказомъ другого автора того же времени, Вассафа [1]). Исторія съ драгоцѣнными камнями разсказана у Вассафа совершенно иначе, но, повидимому, его разсказъ относится къ тому же самому происшествію.

По словамъ Вассафа, меликъ (князь, правитель) Фахр-ад-динъ Ахмедъ [2]) въ 697=1297—8 г. принималъ участіе въ посольствѣ отъ Газанъ-хана въ Китай; ему дали съ собой подарки для великаго хана; кромѣ того онъ получилъ изъ «великой казны» десять томановъ золотомъ [3]) «на началахъ предоставленія капитала и товарищества по торговлѣ» [4]); кромѣ того онъ на собственныя деньги, деньги своего отца Джемаль-ад-дина и «знатныхъ родственниковъ» накупилъ драгоцѣнныхъ камней, «блестящихъ рубиновъ и разнаго рода товаровъ, подходящихъ для той страны». Посольство было отправлено съ военнымъ конвоемъ, по морскимъ путемъ [5]); отъ пограничной гавани Китая до столицы съ пословъ и ихъ спутниковъ, согласно закону государства [6]), не взимали никакой пошлины и на станціяхъ доставляли имъ пищу—очевидно безплатно. Дворъ въ то время находился въ Тайду [7]) близъ Ханбалыка. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ объ этикетѣ посольство было принято государемъ; Фахр-ад-динъ поднесъ подарки, которые очень понравились Тэмуру; государь собственноручно предложилъ Фахр-ад-дину чашу; былъ изданъ ярлыкъ, по которому онъ на время своего пребыванія въ Китаѣ получалъ пищу, одежду и слугъ, соотвѣтственно четыремъ временамъ года, и 45 лошадей для подводъ [8]). Еще прежде Иса пинъ-чжанъ [9]),

---

рой разъ—въ 5-ый годъ, въ 8 мѣсяцѣ (въ 1298 г.) и была видна 46 дней. Освобожденіе преступниковъ произошло во время появленія первой кометы; было отпущено 219 человѣкъ.

1) Тарихи Вассафъ, бомбейское изд., стр. 505 и слѣд. Ср. d'Ohsson, IV, 320 и Elliot, History of India, III, 45.

2) Его отецъ шейх-ал-исламъ Джамаль-ад-динъ былъ правителемъ острова Киша, въ концѣ жизни правителемъ Фарса.

3) Неясно, имѣется ли въ виду сумма золотыми монетами, или количество золота, соотвѣтствующее десяти томанамъ серебряныхъ динаровъ, т. е. 300.000 франковъ. Въ первомъ случаѣ сумма была бы значительно больше.

4) بر سبيل بضاعت وشركت تجارت.

5) Говорится объ «опасныхъ мѣстахъ морей» (مخاوف بحار).

6) بر وفق ياساى قاانى.

7) Нынѣ татарская часть Пекина (ср. Марко-Поло, перев. Минаева, стр. 121).

8) چهل وپنج سر الاغ.

9) О словѣ *пинъ-чжанъ* d'Ohsson, II, 637; Рашид-ад-динъ, изд. Blochet, стр. 470 и слѣд., также стр. 540, гдѣ терминъ пинъ-чжанъ приравненъ къ термину сахиб-диванъ. Пинъ-чжан'овъ въ государственномъ совѣтѣ было четверо, по одному изъ таджиковъ, китайцевъ, уйгуровъ и аркауновъ (христіанъ-сирійцевъ). По Юань-ши (85 цз.; сообщено мнѣ А. И. Ивановымъ) эта должность была учреждена въ 1260 г. Хубилаемъ. Пинъ-чжановъ первоначально было два; самое учрежденіе называлось пинъ-чжанъ-чжень и вѣдало сначала военными дѣлами, впослѣдствіи также гражданскими. Число пинъ-чжановъ потомъ было увеличено и въ 1330 г. доходило до четырехъ; компетенція учрежденія неоднократно измѣнялась.

который былъ приверженцемъ религіи Іисуса, но справедливымъ нравомъ не отличался[1]), доложилъ государю, что купцы сдѣлали «товаромъ на базарѣ прибыли» драгоцѣнные камни и что при оцѣнкѣ этого товара возможны случаи обмана; Тэмуръ тогда издалъ приказъ, запрещавшій всякую торговлю драгоцѣнными камнями. Приказъ былъ невыгоденъ для Фахр-ад-дина, у котораго драгоцѣнные камни составляли бо́льшую часть товаровъ. Великій ханъ навелъ справки; оказалось, что «великой казнѣ» было продано этого товара на сумму 14 томановъ (каждый томанъ равнялся 10000 балышей, каждый балышъ — 6 динарамъ), причемъ уплата была произведена бумажными деньгами[2]); тогда Фахр-ад-динъ получилъ разрѣшеніе продавать остальное, кому хочетъ[3]). Вмѣстѣ съ посольствомъ онъ пробылъ въ Китаѣ четыре года; при отъѣздѣ посольства онъ получилъ ярлыкъ, пайзу, подарки и даже дѣвушку изъ лицъ, близкихъ къ женамъ государя[4]). На обратномъ пути Фахр-ад-динъ умеръ, не доѣхавъ до Ma'бара[5]), въ двухъ дняхъ пути отъ этой страны; это было въ концѣ 704 года (лѣтомъ 1305 г.). Между отъѣздомъ посольства изъ Персіи и прибытіемъ его на обратномъ пути въ Индію прошло, такимъ образомъ, 7 — 8 лѣтъ, изъ которыхъ только 4 года было проведено въ Китаѣ. Очевидно, путешествіе туда и обратно совершалось крайне медленно, что вполнѣ объясняется соединеніемъ дипломатическихъ цѣлей съ торговыми; такимъ же образомъ, какъ извѣстно, путешествовали Марко Поло со своимъ отцомъ и дядей.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Иса-переводчикъ Рашид-ад-дина, Иса-пинъ-чжанъ Вассафа и Ай-сѣ Юань-ши—одно и то же лицо (среднеазіатское произношеніе имени Иса—*Айса*). По Юань-ши Ай-сѣ началъ служить монгольскимъ императорамъ еще при Гуюкѣ (1246—1248) и пере-

---

1) Игра словъ: متقلّد ملّت عیسوی بود وطبعی سَوی نداشت. Въ рукоп. Имп. Публ. библ. V, 3, 24, л. 349а вмѣсто этого стоитъ طبعی سوی اسلام نداشت.

2) ووجوه آنرا چاو جاری العاده حوالت کردند.

3) О ввозѣ драгоцѣнныхъ камней въ Китай изъ мусульманскихъ странъ говорятъ также китайскіе источники. Въ соч. Чжо-гэнъ-лу (7-ая цз.) говорится, что въ концѣ царствованія Хубилая однимъ изъ богатыхъ мусульманскихъ купцовъ былъ проданъ императору «красный ла» (очевидно, слово لال или لعل = рубинъ), вѣсомъ въ 1 лянъ и 3 цяня (1,3 унціи) стоимостью въ 140,000 диновъ ассигнаціями періода Чжунъ-тунъ (1260—1263). Онъ былъ вставленъ въ головной уборъ сверху. Послѣдующіе императоры высоко цѣнили его, и онъ переходилъ отъ одного къ другому по наслѣдству. Надѣвали его въ новый годъ, въ день рожденія и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Дальше приводится еще рядъ названій драгоцѣнныхъ камней, среди которыхъ между прочимъ упоминается я-гу (یاقوت= яхонтъ). Ср. Bretschneider, Med. researches, I, 173 слѣд.; II, 14; въ дополненіе къ переводу Бретшнейдера нѣкоторыя данныя, извлеченныя изъ того же текста, были сообщены мнѣ А. И. Ивановымъ.

4) ودختری از پیوستکان ربّات حضرات سیورغامیشی کرد.

5) Т. е. до Коромандельскаго берега (ср. Elliot, History of India, I, 69 и Марко Поло, перев. Минаева, стр. 269).

жилъ Тэмура, что мало вѣроятно; но, если здѣсь есть ошибка, она относится не ко времени смерти Ай-сѣ, какъ я полагалъ прежде, а ко времени начала его службы. При такихъ условіяхъ, повидимому, должно отпасть высказанное мною предположеніе, что онъ могъ быть взятъ въ плѣнъ монголами во время европейскихъ походовъ; гораздо правдоподобнѣе, что онъ, подобно венеціанцамъ Поло, прибылъ въ Китай для торговыхъ цѣлей, а потомъ нашелъ для себя выгоднымъ остаться въ этой странѣ. Это говоритъ также въ пользу гипотезы о тожествѣ Ай-сѣ со «знатнымъ пизанцемъ». Вполнѣ естественно, что торговыми путями, открывшимися благодаря образованію монгольской имперіи, наравнѣ съ венеціанцами и генуэзцами воспользовался также уроженецъ третьяго изъ главныхъ торговыхъ городовъ Италіи XIII в., Пизы[1]). Католическій лѣтописецъ Райнальди[2]) говоритъ о пизанцѣ, что онъ cum penetrasset in extremas Orientis oras, apud Tartaros ad maximas opes auctoritatemque effloruerat. Упоминаніе о путешествіи въ отдаленнѣйшія страны и въ особенности о большихъ средствахъ также говоритъ въ пользу предположенія, что пизанецъ первоначально прибылъ въ предѣлы монгольской имперіи для цѣлей торговли.

Къ сожалѣнію, католическіе источники не только не сообщаютъ сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній о пизанцѣ, но даже не позволяютъ съ точностью установить его имя. Насколько мы могли установить, это имя не встрѣчается ни въ какихъ первоисточникахъ, кромѣ двухъ документовъ, извлеченныхъ Райнальди и Ваддингомъ изъ ватиканскаго архива (Reg. Vat. ep. 57 et 69)[3]). Въ письмѣ 1289 г. пизанецъ носитъ имя *Jolus* или *Iolus*, въ письмѣ 1291 г. — имя *Ozolus*; форма «*Isolus*», повидимому, создана Паульсеномъ[4]) (авторомъ книги, извѣстной подъ названіемъ Moshemii Historia Tartarorum ecclesiastica) на основаніи упомянутыхъ двухъ формъ; Паульсенъ не говоритъ, на чемъ онъ при этомъ основывался. По моей просьбѣ, при любезномъ посредничествѣ проф. Л. Бонелли и г-на директора государ-

1) Какъ извѣстно, Пиза пользовалась особеннымъ покровительствомъ императора Фридриха II (1218—1250); торговое значеніе города упало только послѣ неудачной битвы съ генуэзцами при Мелоріи (1284).

2) Annales Ecclesiastici etc. ad annum 1534 continuati ab Odorico Raynaldo Tarvisino, T. XIV, p. 420b, § 64.

3) Первое письмо (1289 г.) приводится у Райнальди (l. c.) въ извлеченіи (вторая часть), у Ваддинга (Annales Minorum, V, 198) полностью; второго (1291 г.) у Ваддинга нѣтъ, у Райнальди op. cit. 442b, § 33, по цитатѣ Potthast, Regesta Pontificum Romanorum, № 23780 также Sbaralea, Bullarium Franciscanum, IV, 278, nº 525. Нынѣ регесты папы Николая IV (1288—1292) составляютъ въ ватиканскомъ архивѣ три тома: №№ 44 (годы 1-й и 2-й), 45 (3-й) и 46 (4-й и 5-й); см. Denifle въ Archiv für Litteratur- und Kirchengeschichte des Mittelalters, II, 89 f.

4) Изъ предисловія и заглавнаго листа видно, что Мозгеймъ былъ только предсѣдателемъ на диспутѣ, на которомъ Паульсенъ защищалъ свою диссертацію.

ственнаго архива въ Брешіи, были наведены справки въ государственномъ архивѣ Пизы (archivio di Stato di Pisa), но тамъ не оказалось никакихъ свѣдѣній ни о лицѣ, которое бы носило такое имя, ни вообще о какомъ либо пизанцѣ, который въ XIII в. посѣтилъ бы страну татаръ. Terminus post quem путешествія пизанца опредѣляется, можетъ быть, словами Марко Поло, что великій ханъ до 1266 г., т. е. до путешествія Николо и Маффео Поло, «никогда не видалъ латинянъ»[1]). Въ описаніи Пекина у того же Марко Поло, по крайней мѣрѣ по тексту Рамузіо, говорится о трехъ гостиницахъ, изъ которыхъ одна принадлежала «ломбардцамъ, другая нѣмцамъ, третья французамъ»[2]); изъ этого можно заключить, что путями, проложенными отцомъ и дядей Марко, очень скоро воспользовались другіе европейцы.

По свѣдѣніямъ Юань-ши, Ай-сѣ происходилъ изъ Фу-лин'я 拂菻 и въ Китаѣ получилъ титулъ фулиньскаго князя. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ для рѣшенія вопроса, что̀ именно понимали китайцы XIII в. подъ терминомъ Фу-линь; въ Юань-ши онъ встрѣчается только въ этомъ одномъ мѣстѣ; очевидно, онъ былъ заимствованъ изъ болѣе раннихъ источниковъ, гдѣ употреблялся для обозначенія земель къ западу отъ Персіи, преимущественно азіатскихъ областей Византійской имперіи[3]). Въ Юань-ши употребляется также терминъ Фо-ланъ или Фу-ланъ 佛郎 въ значеніи «франки»; особенно ясно видно это значеніе изъ разсказа о прибытіи изъ Фо-лан'а въ 1341 или 1342 г., въ качествѣ дани, великолѣпнаго коня; какъ доказалъ Юль, рѣчь идетъ о конѣ, привезенномъ въ Китай миссіонеромъ Мариньоли[4]). Кромѣ того въ біографіи полководца Го-кан'я (Kuo-K'an) приводится фантастическое извѣстіе о покореніи Фу-лан'а монголами въ 1258—59 гг. и подчиненіи имъ царя Ву-ду-сюань-т'ан'я[5]) (Wu-du-suan-t'an). Фу-ланъ упоминается также въ Си-ши-цзи, сочиненіи Чанъ-дэ, отправленнаго въ 1259 г. посломъ отъ великаго хана къ Хулагу; здѣсь сказано, что къ западу отъ Египта — море, къ западу отъ моря — царство Фу-ланъ[6]).

Термины Фу-линь и Фу-ланъ встрѣчаются также въ Минъ-ши. Въ гл. 323 говорится о дѣйствіяхъ Фо-ланъ-ци (Fo-lang-ghi, т. е. فرنكى) на

1) Марко Поло, перев. Минаева, стр. 7.

2) Тамъ-же, стр. 123.

3) Въ нашу задачу, конечно, не входитъ рѣшеніе спорнаго вопроса объ этимологическомъ происхожденіи самого термина, о его первоначальномъ произношеніи и значеніи. Ср. Hirth, China and the Roman Orient, p. 286 sq.; Bretschneider, Mediaeval researches, I, 144; Chau Ju-Kua, p. 108 sq.; F. Hirth, The mystery of Fu-lin (JAOS vol. XXXIII, 1913, p. 193 sq.).

4) H. Yule, Cathay and the way thither, p. 340. Bretschneider, Mediaeval researches, I, 143.

5) Mediaeval researches, I, 111 и 142. Ср. у Blochet (Introduction à l'histoire des Mongols etc., p. 227 sq.) ссылка на донесеніе Хулагу о покореніи франковъ, полученное въ Китаѣ въ 1258 г. (по Юань-ши, гл. 3).

6) Mediaeval researches, I, 109 и 142.

Филиппинскихъ островахъ[1]); рѣчь, очевидно, идетъ объ испанцахъ. По гл. 325 страна Фо-ланъ-ци находилась около Малакки[2]); это, очевидно, относится къ португальцамъ и занятымъ ими въ Индіи землямъ; тамъ же говорится о прибытіи португальскихъ кораблей въ Китай. Фу-лин'ю посвящена гл. 326[3]), гдѣ между прочимъ говорится о прибытіи изъ Фу-лин'я, въ концѣ періода династіи Юань, нѣкоего купца Нѣ-гу-лун'я (Nie-ku-lun) и объ отправленіи его на родину въ 8-мъ мѣсяцѣ 4-го года Хунъ-ву (сентябрь 1371 г.) съ письмомъ къ его государю; въ письмѣ говорится, что страна Фу-линь отдѣлена отъ Китая «западнымъ моремъ». Въ концѣ той же главы, со словъ прибывшаго въ Китай въ періодъ Вань-ли (1573—1620) патера Риччи, говорится о тожествѣ Іудеи, гдѣ родился Іисусъ, съ «древней страной Да-цинь»; въ началѣ главы отмѣчено, по книжнымъ источникамъ, тожество странъ Да-цинь и Фу-линь. Что касается Нѣ-гу-лун'я, то по мнѣнію Бретшнейдера[4]), принятому Хиртомъ, имѣется въ виду архіепископъ Николай (Nicolaus de Bentra), преемникъ Монте Корвино.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ едва ли можно заключить, что у китайцевъ временъ династій Юань и Минъ со словами Фу-линь и Фу-ланъ соединялось опредѣленное географическое представленіе, чтобы они отличали Византійскую имперію отъ католической Европы и подъ словомъ Фу-линь понимали только первую, подъ словомъ Фу-ланъ—только вторую. Болѣе правдоподобно, что книжный терминъ Фу-линь, подъ вліяніемъ литературной традиціи, употреблялся въ разсказахъ о прибытіи изъ христіанскихъ странъ отдѣльныхъ купцовъ и миссіонеровъ, терминъ Фу-ланъ — въ разсказахъ о сношеніяхъ съ государствами франковъ. Такимъ образомъ, употребленіе термина Фу-линь еще не доказываетъ, что Ай-сѣ происходилъ изъ Византіи или хотя бы прожилъ тамъ нѣкоторое время до прибытія въ Китай.

Изъ документовъ ватиканскаго архива мы даже не узнаёмъ, гдѣ находился знатный пизанецъ въ то время, когда папа Николай IV писалъ ему свои посланія. Письмо 1289 г. было отправлено вмѣстѣ съ письмами великому хану Хубилаю, персидскому ильхану Аргуну и среднеазіатскому владѣтелю Хайду; письмо 1291 г.—вмѣстѣ съ письмами Аргуну, его женѣ и тремъ сыновьямъ; писемъ въ Китай въ 1291 г. отправлено не было. Только

1) Ibid., II, 319 сл.

2) Ibid. 316.

3) См. переводъ этой главы у Хирта, China and the Roman Orient, стр. 64 сл.; китайскій текстъ тамъ же, стр. 109 сл.

4) The knowledge possessed by the Ancient Chinese of the Arabs and Arabian colonies, London 1871, p. 25. Противъ этого предположенія говоритъ однако фактъ, что архіепископъ Николай, назначенный въ 1333 г., не прибылъ въ Китай не только до 1338 г., какъ говоритъ Бретшнейдеръ, но и впослѣдствіи; въ 1370 г. папа Урбанъ V назначилъ новаго архіепископа, францисканца Вильгельма.

изъ этого послѣдняго факта можно заключить, что пизанецъ въ то время находился не въ Китаѣ, а въ западной Азіи. Извѣстно, что такой періодъ былъ также въ жизни Ай-сѣ; но свѣдѣнія, сообщаемыя объ этомъ въ Юань-ши, крайне скудны и неточны. Говорится, что Хубилай еще въ 1263 г. поручилъ ему управленіе астрономическимъ и медицинскимъ департаментами западнаго края (Си-ю) и что вскорѣ послѣ 1276 г. онъ былъ посланъ съ порученіемъ въ Персію къ Аргуну, но Аргунъ только въ 1284 г. вступилъ на престолъ. Въ мусульманскихъ источникахъ, повидимому, нѣтъ никакихъ извѣстій о пребываніи «Исы-переводчика» въ Персіи. При Аргунѣ прибыло посольство изъ Китая въ 684=1285—6 г., но переводчикомъ при посольствѣ было другое лицо, Алій, очевидно, мусульманинъ; изъ словъ Рашид-ад-дина[1]), однако, видно, что при посольствѣ были еще другія лица, не названныя историкомъ. Трудно сказать, слѣдуетъ ли объяснить случайнымъ совпаденіемъ, что именно до 1286 г. положеніе мусульманъ въ Китаѣ, какъ мы видѣли, было особенно тяжело и что именно въ послѣдніе годы царствованія Аргуна монгольское правительство Персіи особенно покровительствовало евреямъ и христіанамъ, въ ущербъ своимъ мусульманскимъ подданнымъ[2]).

Изъ Юань-ши видно, что Ай-сѣ въ Китаѣ былъ членомъ учрежденія, вѣдавшаго дѣлами мѣстныхъ христіанъ, но духовнымъ лицомъ, по крайней мѣрѣ католическаго исповѣданія, не былъ; послѣ него остались сыновья, носившіе христіанскія имена. Пизанецъ, которому писалъ папа, тоже былъ свѣтскимъ человѣкомъ (nobilis vir) и только оказывалъ покровительство членамъ духовныхъ орденовъ (religiosis viris).

Кромѣ мусульманъ и западныхъ европейцевъ, въ XIII в. пріѣзжали для торговли также христіане-сирійцы[3]); среди нихъ, конечно, могли быть

---

1) Текстъ приведенъ у Blochet, Introduction etc., p. 230. Имя علی находится также въ рукописи Аз. Муз. a 566, л. 323b.

2) Ср. особенно слова сирійской хроники, приведенныя у д'Оссона, IV, 34. Въ 1285-6 г. прибыли, отдѣльно одинъ отъ другого, двое монгольскихъ вельможъ, Пуладъ и Орду-Кія (или Ката); Алій находился при Пуладѣ. Оба остались въ Персіи; Орду-Кія пользовался полнымъ довѣріемъ Аргуна, ему же былъ обязанъ своимъ назначеніемъ еврей Саʿд-ад-дауля. Очень возможно, что Ай-сѣ занималъ при Орду-Кія то же положеніе, какъ Алій при Пуладѣ. Орду-Кія былъ убитъ въ 1291 г., во время болѣзни Аргуна (d'Ohsson, IV, 33 и 57).

3) Примѣръ у д'Оссона, IV, 24 (изъ хроники Баръ-Эбрея, продолженной другимъ лицомъ); говорится о христіанинѣ Масʿудѣ, намѣстникѣ Мосуля и Ирбиля, казненномъ въ 1289 г., сынѣ богатаго купца Яʿкуба, умершаго въ 1276 г. въ Хорасанѣ на обратномъ пути изъ Китая. Масʿудъ, сынъ Яʿкуба, упоминается также въ трехъязычной надписи, найденной на одномъ барельефѣ въ яковитскомъ монастырѣ и изданной въ 1892 г. (JA 8, XIX, 153 сл., цит. В. В. Радловымъ въ Mél. Asiat. X, 387); вѣроятно, имѣется въ виду другое лицо, такъ какъ надпись датирована 1610 г. селевкидской эры (1299 г. по Р. Хр.), притомъ, какъ видно изъ ея содержанія, сдѣлана при жизни Масʿуда.

люди, не уступавшіе по образованію мусульманамъ; но что европеецъ XIII в., при томъ не принадлежавшій къ духовному званію, могъ, подобно іезуитамъ XVII в., наравнѣ съ мусульманами быть членомъ китайскихъ ученыхъ учрежденій, этотъ фактъ, если бы его удалось установить окончательно, несомнѣнно представлялъ бы интересъ для культурной исторіи не только Востока, но и западной Европы.

В. Бартольдъ.

Къ вопросу о Чингизидахъ-христіанахъ.

Статью по этому вопросу, напечатанную мною въ VI томѣ «Записокъ», необходимо дополнить слѣдующими данными:

1) О принятіи христіанства Сартакомъ говоритъ не только Джузджани, но и современникъ его Джувейни [1]).

2) Слова Шереф-ад-дина Іезди относятся къ императору Хайсану (1307—1311), племяннику и преемнику Тэмура. Первоисточникъ этого извѣстія — «Тарихи Гузидэ» Хамдаллаха Казвини [2]), гдѣ о преемникахъ Хубилая въ Китаѣ говорится:

بعد ازو نبیره‌اش تمور قاان بن جیمکیم بن قبلا قاان بادشاه شد بس او[3] عمزاده‌اش آننده[4] بن منقلا[5] بن قبلاء قاان بادشاه کشت ودران ملك اظهار مسلمانی کرد واکثر مغول بسبب او در اسلام آمدند بعد ازو قیسان بن ترمبلا[6] بن جیمکیم بن قبلا قاان بادشاه شد دین نصاری اختیار کرد باز دین اسلام در عهد او رواجی نداشت بس ازو برادرش بویانتو[7] بادشاه بود دین اسلام ورزید

«Послѣ него (Хубилая) его внукъ Тэмуръ-каанъ, сынъ Чимкима, сына Хубилай-каана, сдѣлался царемъ; послѣ него его двоюродный братъ Ананда, сынъ Мангалая, сына Хубилай-каана, сдѣлался царемъ; онъ въ томъ царствѣ объявилъ себя мусульманиномъ, большинство монголовъ благодаря ему приняло исламъ. Послѣ него Хайсанъ, сынъ Тармабалы, сына Чимкима сдѣлался царемъ; онъ выбралъ вѣру христіанъ; снова вѣра ислама въ его

---

1) Ta'ríkh-i-Jahán-Gushá, ed. Mírzá Moh. Qazwíní (Gibb Mem. Series XVI), p. 223: سرتاق متقلّد مذهب نصاری بود.

2) The Ta'ríkh-i-Guzída (G), ed. E. G. Browne (Gibb etc. XIV), p. 579. Болѣе удовлетворительный текстъ въ рукоп. С.-Пб. Унив. № 153 (U), стр. 321.

3) Sic U; G بعد ازان. 4) GU آنیده. 5) G منغلای. 6) Въ G текстъ искаженъ. 7) G توباتو U بوتاسو.

время не пользовалась уваженіемъ. Послѣ него его братъ Буянту былъ царемъ; онъ придерживался вѣры ислама».

Изъ этого видно, что Хамдаллахъ Казвини о событіяхъ въ Китаѣ имѣлъ гораздо менѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ напр. Вассафъ[1]). Царевичъ Ананда, принявшій исламъ (несмотря на свое буддійское имя) и содѣйствовавшій его распространенію въ своемъ удѣлѣ[2]) (въ Тангутѣ), не правилъ въ Китаѣ; послѣ смерти Тэмура образовалась партія, хотѣвшая возвести его на престолъ, но партія другого претендента, Хайсана, одержала верхъ, и Ананда за свое честолюбіе поплатился жизнью. Вполнѣ естественно, что Хайсанъ къ представителямъ другихъ религій[3]), въ томъ числѣ и къ христіанамъ, относился лучше, чѣмъ къ мусульманамъ; но христіаниномъ онъ не былъ; о такомъ торжествѣ христіанства не могли бы умолчать католическіе миссіонеры. О Буянту (1311—1320) извѣстно, что при немъ подверглись казни или опалѣ министры его предшественника и что онъ въ началѣ своего царствованія отправилъ посольство въ Персію[4]) (при Хайсанѣ такого посольства не было); этимъ подтверждается, что положеніе мусульманъ при немъ было лучше, чѣмъ при Хайсанѣ.

В. Бартольдъ.

---

1) Тарихи Вассафъ, инд. изданіе, стр. 498—505. Ср. d'Ohsson, II, 525 сл.

2) Объ этомъ подробно у Рашид-ад-дина (изд. Blochet, стр. 595—603). Ср. d'Ohsson, II, 532 и мою статью въ Изв. И. Р. Геогр. Общ. XXXV, 703.

3) При немъ были переведены на монгольскій языкъ одно сочиненіе Конфуція и нѣсколько буддійскихъ сочиненій (d'Ohsson, II, 533). Однако и при немъ, по словамъ Вассафа (стр. 502), одинъ изъ чэнсяновъ былъ мусульманинъ.

4) По Вассафу (стр. 502 и 504) Хайсанъ умеръ 15 рамазана 710=5 февраля 1311 г.; посольство его преемника прибыло въ Багдадъ въ рамазанѣ 711 г. (январь-февраль 1312). Ср. d'Ohsson, II, 535.

Сравнительно-фонетическій очеркъ японскаго и рюкюскаго языковъ[1]).

I.

Подъ терминомъ рюкюскій языкъ нужно было бы понимать совокупность говоровъ, которыми владѣетъ населеніе лежащихъ къ Ю.-З. отъ Японіи Рюкюскихъ (*r'ūk'ū*) острововъ, извѣстныхъ также подъ именемъ Люкюскихъ, Лючюскихъ, наконецъ Ликейскихъ, — составляющихъ японскую префектуру Okinawa (по имени главнаго острова). Говоры эти въ несомнѣнномъ родствѣ съ японскимъ: для 90% изъ числа морфемъ легко подыскиваются японскія параллели, многія слова тожественны въ обоихъ языкахъ. При этомъ иногда отсутствуетъ возможность опредѣлить, что́ изъ сходнаго восходитъ къ эпохѣ единства или обязано параллельности фонетическаго развитія, и что́ является результатомъ языковаго смѣшенія — послѣ японскаго завоеванія въ 1609 году. Но въ общемъ пониманіе рюкюсца японцемъ очень затруднено; такъ въ рюкюскомъ имѣются новообразованія флексіи въ соотвѣтствіи аналитическимъ сочетаніямъ японскаго. По вопросу о томъ, называть ли рюкюскій языкъ языкомъ или діалектомъ (діалектами?) японскаго, существуетъ разногласіе и для научнаго рѣшенія его у меня слишкомъ мало діалектическихъ данныхъ. Еще менѣе ясно, слѣдуетъ ли выдѣлять въ особую группу языкъ Mijakośima и сосѣднихъ ему островов между Okinawa и Формозой. Въ изложеніи я, слѣдуя Chamberlain'у, буду употреблять терминъ рюкюскій языкъ для обозначенія говора *śui (śuri)* — главнаго города на Okinawa; всякую ссылку на другой діалектъ буду оговаривать. Для японскаго же языка показательнымъ будетъ служить говоръ Tōk'ō.

---

1) Считаю пріятнымъ долгомъ выразить благодарность Н. М. Попову, И. А. Бодуэну де Куртенэ, Л. В. Щербѣ, А. Д. Рудневу и А. И. Иванову за прочтеніе настоящей работы въ черновомъ видѣ и цѣнныя указанія.

Источниками моего знакомства съ рюкюскимъ служили:

1) Basil Hall Chamberlain. Essay in Aid of a Grammar and Dictionary of the Luchuan Language (Transactions of the Asiatic Society of Japan, Vol. XXIII Suppl.). Книга содержитъ подробную морфологію говора śui, тексты, словарь, а также сравнительно-грамматическіе экскурсы. Прочія работы Chamb. о рюкюскомъ языкѣ исчерпываются этой.

2) Небольшая статья Wirth'а: Neue Liu-Kiu Mundarten въ Zeitschrift für afrikanische und oceanische Sprachen за 1900 г. Она цѣнна для меня тѣмъ, что нѣсколько знакомитъ съ другими рюкюскими діалектами. Съ взглядами же Wirth'а, который подходитъ къ изученію Рюкю отъ изученія малайскихъ языковъ и отыскиваетъ въ рюкюскомъ и японскомъ малайскіе элементы, совершенно нельзя согласиться, какъ и съ его методомъ. Напримѣръ, японское слово *Amaterasu* — имя богини — онъ объясняетъ изъ двухъ малайскихъ словъ: *mata rasu* «глазъ неба», тогда какъ дѣленіе этого Compositi такое: *ama* «небо», *terasu* «освѣщать».

Изъ литературы о японскомъ языкѣ мнѣ особенно пригодился Étude phonétique de la langue japonaise par E. R. Edwards, Leipzig, 1903. Описанъ говоръ Tōk'ō.

Діалектологическія данныя взяты главнымъ образомъ изъ японскихъ книгъ:

1) *Endō. śi-wa* (Visible Speech) *on-śi hacu-on-gaku* (Фонетика съ примѣненіемъ транскрипціи Bell'а: Visible Speech).

2) *Isawa. śi-wa ō-jō tō-hoku hacu-on k'ō-sei-hō* (Способъ исправленія сѣверо-восточнаго произношенія съ примѣненіемъ транскрипціи Bell'а: Visible Speech).

Почерпнутыя изъ нихъ указанія въ общемъ мало точны: бо́льшую цѣнность имѣютъ указанія на маленькій, чѣмъ на большой районъ какой-либо особенности, такъ какъ послѣднимъ отнюдь нельзя придавать того смысла, что указанная особенность обща всѣмъ говорамъ района. Большинство же указаній страдаетъ отсутствіемъ примѣровъ.

Употребляемый мною способъ транскрипціи имѣетъ въ основѣ алфавитъ международной фонетической ассоціаціи съ дополненіями, сдѣланными къ нему Л. В. Щербой (Извѣстія Отдѣленія рус. яз. и сл., т. XVI, 1911 г., кн. 4). Отмѣчу слѣдующія особенности:

1) Въ виду простоты японской системы гласныхъ я употребляю знаки *a*, *i*, *u*, *e*, *o*, не отмѣчая оттѣнковъ.

2) Допускаю обозначеніе долготъ въ видѣ черточки надъ буквой.

3) Считаю нужнымъ отмѣтить губногубной характеръ tōk'ōскаго ɸ (f у Edwards'а) въ отличіе отъ діалектическаго зубногубного f.

4) Вмѣсто болѣе точнаго ɹ (non roulé) употребляю *r* (какъ и Edwards).

5) *c*=*ts*, *з*=*dz* (предложено Щербой).

6) Вмѣсто употребляемыхъ Edwards'омъ ʃ (Romaźi *sh*), ʒ я примѣняю знаки *ś* и *ź* (діакрит. знакъ обязательно надъ буквой), чѣмъ отмѣчается дорсальный характеръ этихъ *ш* и *ж*. Соотвѣтствующія аффрикаты: *ć*=*tś* (Romaźi *ch*) и *ʒ́* (Romaźi *j*).

7) Въ отличіе отъ алф. м. ф. а. для средненебныхъ взрывныхъ употребляю ħ (для глухого) и ђ (для звонкаго).

Настоящій очеркъ не имѣетъ въ виду полноты: сужденія по многимъ вопросамъ японской фонетики были бы для меня преждевременными,—о многихъ явленіяхъ поэтому неупомянуто, напр. о выпаденіи *k*, о мѣнѣ *m* и *b*. Съ другой стороны, стараясь дополнить и исправить сравнительно-грамматическія изысканія Chamberlain'а, я не останавливался надъ тѣмъ, что считалъ у него вѣрнымъ. Въ общемъ, я не нахожу правильнымъ мнѣнія Chamberlain'а о консервативности (архаичности) рюкюскаго языка по сравненію съ японскимъ: по суммѣ новшествъ говоръ *śui* сильно опережаетъ вовсе не являющійся консервативнымъ японскимъ говоромъ говоръ Tōk'ō, что вытекаетъ изъ разсмотрѣнія, какъ фонетики, такъ и морфологіи (въ настоящемъ очеркѣ ссылка на морфологію, конечно, голословна).

II.

Соотвѣтствія гласныхъ таковы:

Яп.	a	(ā)	e	(ē)	i	(ī)	ǐ	o	ō	ū	u	ŭ
Р.—К.	a		i		i		ǐ	u	ū	ū	u	ǐ, ŭ послѣ ʔ.

Поставленное въ скобки (яп. *ā*, *ē*, *ī*) — фонемы рѣдкія, встрѣчающіяся по 2—3 раза во всемъ словарѣ и такъ какъ для словъ, гдѣ они имѣются, нѣтъ рюкюскихъ параллелей, я оставлю ихъ безъ разсмотрѣнія.

ǐ, *ŭ* — звуки факультативные, исчезающіе при быстромъ темпѣ рѣчи.

Примѣры: яп. *a* | РК. *a*. яп. *hana* «носъ», РК. *hana* id.; яп. *mura* «деревня», РК. *mura* id.; яп. *ame* «дождь», РК. *ami* id.; яп. *e* | РК. *i*: *ame* «дождь», *ami* id.; яп. *ko-re* «это», РК. *ku-ri* id.; яп. *erabu* «выбирать», РК. *irabuŋ* id.

Яп. *i* | РК. *i*: яп. *mimi* «ухо», РК. *mimi* «ухо»; яп. *ikusĭ* «сколько?», РК. *ikusĭ* id.

Яп. *o* | РК. *u*: яп. *kokoro* «сердце», РК. *kukuru* id.; яп. *oni* «демонъ», РК. *uni* id.

Яп. *ō* | РК. *ū*: яп. *kōri* «ледъ», РК. *kūri* id.

Яп. *u*|РК. *u*: яп. *mugi* «пшеница», РК. *muši* id.; яп. *uta* «пѣсня», РК. *uta* id.

Яп. *ū*|РК. *ū*: jū-han, РК. jū-ban (гибридное Compositum: jū — «ночь»; han|ban заимств. съ китайскаго: «ѣда, рисъ»; все вмѣстѣ: «ужинъ»).

Факультативные *ĭ*, *ŭ* требуютъ особаго разсмотрѣнія. Въ японскомъ это не отдѣльныя фонемы, а возникающіе въ опредѣленныхъ комбинаторныхъ условіяхъ оттѣнки. Въ общемъ они слабѣе и короче, чѣмъ нормальные *u*, *i* и легко превращаются въ нуль. Въ будущемъ ожидается явленіе, которое по аналогіи съ славянскимъ явленіемъ можно назвать «паденіемъ глухихъ». Условія же появленія *ĭ*, *ŭ* въ японскомъ представляются слѣдующими:

1) Слогъ состоитъ изъ спиранта (*φ*, *ç*, *s*, *ś*) или аффрикаты (*c*, *ć*, *з*, *ʒ́*) + *u* или *i*.

φŭtacŭ «два», *çĭto* «человѣкъ», *sŭki-masŭ* «люблю, любитъ...», *śĭkaśĭ* «но, однако», *mizŭ* «вода», *niзĭ* «радуга».

2) Слово не односложно.

3) Слово не представляетъ послѣдовательность слога съ *u* и слога съ постспирантнымъ или постаффрикатнымъ *i*; въ послѣднемъ случаѣ *i* обычно удерживается, напр. *kući* «ротъ».

4) Въ слѣдующемъ слогѣ нѣтъ факультативнаго *ŭ* или *ĭ*.

Внутри указанныхъ возможно различать еще другія условія, учащающія выпаденіе гласнаго. Къ числу таковыхъ относится, видимо, сосѣдство *ŭ*, *ĭ* съ глухими согласными и позиція послѣ спиранта, а не аффрикаты.

Физіологически процессъ объясняется такъ:

При узкихъ гласныхъ воздуху выходитъ больше, чѣмъ при широкихъ. Голосовая щель открыта шире (чѣмъ объясняется легкій переходъ *u*, *i* въ шопотные между глухими согласными — Edw. § 25). Сила звука, зависящая отъ давленія за голосовыми связками, слаба. Вслѣдствіе этой слабости *i*, *u* оказываются мало годными для слоговой функціи и, если въ слогѣ имѣется элементъ способный принять на себя эту функцію — спирантъ или спирантный элементъ аффрикаты, *u* и *i* легко становятся неслоговыми, а затѣмъ выпадаютъ. («La détente de *ś*, *ć*, $^{d}ź$, *ç* se confond souvent avec *i* et celle de *s*, *c*, ^{d}z, *φ* avec *u* — Edw. § 19). Въ варьяціяхъ факультативныхъ *ŭ*, *ĭ* отъ старательнаго выполненія до нуля имѣются ступени, гдѣ *ŭ* совпадаетъ съ *ĭ* въ неопредѣленномъ звукѣ. Подобнымъ же образомъ рюкюское *ŭ* слилось съ *ĭ* (за исключеніемъ позиціи послѣ *φ*): РК. *sĭзīŋ* «превосходить, превышать мѣру», яп. *sŭgiru* id.; РК. *φucĭka*

«два дня», яп. *φuсйka* id.; РК. *mizĭ* «вода» (*mids* въ записи Wirth'a[1]), яп. *mізй* id.

Но *φйtacĭ* (у Wirth'a *ftats*[1]) «два», яп. *φйtacй* id.

Для рюкюскаго характерно кромѣ того завершеніе процесса *u*, *i* > нуль:

Сочетаніе *śit* > *śĭt* > *śt*, которое путемъ перестановки уподобляется существующей уже въ языкѣ аффрикатѣ *ć* (=*tś*) яп. *aśĭta* «завтра», РК. *аća* id.; яп. *nokośĭte* «оставивъ», РК. *пикućі* «id».

О количествѣ выдыха при узкихъ и широкихъ гласныхъ см. Roudet, La Parole, 1900, 201 и Rousselot, Principes de phon. experim., II, 819.

III.

Относительно соотвѣтствій яп. *o*, *u* | РК. *u* и яп. *e*, *i*, | РК. *i* мнѣ кажется несомнѣннымъ, что японское различеніе звуковъ представляетъ болѣе древнее состояніе, которое было свойственно и предку рюкюскаго языка, хотя Chamb. держится обратнаго мнѣнія.

1) Различеніе узкихъ отъ широкихъ, параллельное яп. различенію, наблюдается въ нѣкоторыхъ рюкюскихъ діалектахъ (Wirth), хотя отсутствуетъ въ говорѣ *śui*, исключительно съ которымъ имѣлъ дѣло Chamb.

2) Различеніе древнихъ узкихъ отъ древнихъ широкихъ сказалось въ *śui* различной судьбой предшествующихъ *k*, *g*, *t*, *d*, *s*: яп. *ki* | РК. *ći*; *ke* | *ki*; *gi* | *źi*; *ge* | *gi*; *śi* | *śi*; *se* | *si*.

яп. *kimo* «печень», РК. *ćimu* id.; *sake* «водка», РК. *saki* id.; яп. *mugi* «пшеница», РК. *muźi* id.; яп. *macйge* «рѣсница», РК. *macĭgi* id.; яп. *aśi* «нога», РК. *aśi* id.; яп. *ase* «потъ», РК. *asi* id.; **tu*: яп. *сй* | РК. *cĭ*; **to*: яп. *to* | РК. *tu*; **du*: яп. *зй* | РК. *зĭ*; **do*: яп. *do* | РК. *du*; яп. *cйme* «ноготь», РК. *cĭme* id.; яп. *tori* «птица», РК. *tui* id.; яп. *mізй* «вода», РК. *mizĭ* id.; яп. *doro* «грязь», РК. *duru* id.

Говоры, гдѣ *e*, *i* съ одной стороны, *o*, *u* съ другой смѣшиваются въ промежуточныхъ звукахъ (м. б. не при всѣхъ условіяхъ) встрѣчаются на японской территоріи въ Ōu. Есть указанія (Isawa), что это смѣшеніе или по крайней мѣрѣ приближеніе къ нему (расширеніе узкихъ и суженіе широкихъ) имѣетъ мѣсто въ префектурахъ: Aomori (пров. Mucu), φukuśima (Iwaśiro), а также въ Niigata (Ećigo), Gumma (Kōзuke), Ibaragi (Çitaći); словомъ районъ — сѣверная часть Honśu. Предположеніе аинскаго вліянія крайне рискованно безъ близкаго знакомства съ явленіями (Pilsudski, Materials for the study of Ainu language and folklore, p. 1—2: «In

1) Для діалекта Mijakosima.

unaccented syllables, the vowels, *o* and *u* on one hand, as well as *e* and *i* on the other, become nearly undistinguishable. For instance, *o* and *e* are apt to become narrowed, and on the other hand, *u* and *i* receive a more open pronunciation»).

IV.

Кромѣ вошедшихъ въ таблицу гласныхъ соотвѣтствій въ рюкюскомъ имѣются еще слѣдующіе *долгіе* звуки: *ā*, *ī*, *ē*, *ō*. *ē*, *ō* развились изъ дифтонговъ — см. гл. V. *ā*, *ī* (какъ и *ū*) — часто изъ стяженія: РК. *kā*, яп. *kawa* «кожа» (**kapa*, аинское *kap* «шкура»); РК. *čīru* «желтый» яп. *ki-iro* «желтый цвѣтъ». Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ приведенномъ у Chamb. словарномъ матеріалѣ ихъ пятьдесятъ слишкомъ) рюкюскія *ā*, *ī*, *ū* соотвѣтствуютъ японскимъ краткимъ гласнымъ.

Chamberlain для всѣхъ такихъ случаевъ предполагаетъ праязыковую форму съ долгимъ гласнымъ, сократившимся въ японскомъ. Между тѣмъ нѣкоторые случаи должны быть выдѣлены. Такъ 27 изъ нихъ приходится на односложныя слова, напр. яп. *çi* «огонь», РК. *φī* id.; яп. *na* «имя», РК. *nā* id.; яп. *te* «рука», РК. *tī* id. И съ другой стороны въ рюкюскомъ (*śui*) нѣтъ односложныхъ словъ съ краткимъ гласнымъ (исключеніе составляетъ *ju* «міръ» при яп. *jo* id.; но судя по японскому употребленію, гдѣ это слово представляетъ переходную ступень къ члену compositi, закрѣпляясь въ выраженіяхъ, какъ *waga-jo* «нашъ міръ, нашъ вѣкъ», оно очевидно и въ рюкюскомъ носитъ на себѣ слѣдъ такого употребленія). Когда же указанныя (27) односложныя слова входятъ въ compositum, т. е. являются частью многосложнаго цѣлаго, они имѣютъ, какъ и въ японскомъ, краткую гласную. Напр., РК. *nī* «багажъ», яп. *ni* id.; РК. *ni-muci* idem, яп. *ni-mocu* id.; *nī* «два», яп. *ni*; *niźū*, яп. *niźū* «двадцать» (эти числительныя заимствованы съ китайскаго). Но есть и такія composita, гдѣ гласная долга, какъ и въ изоляціи, напр. *kāgī* «лице» (ошибочно сопоставленное Chamberlain'омъ съ японскимъ *kao* «лице»), являющееся composit. типа Dvandva: *kā* «кожа» +*gī* «волосы» (фонетически правильно изъ **ke* — яп. *ke*; гласный долгъ, какъ въ изоляціи). Есть случаи, гдѣ одинъ и тотъ же элементъ имѣетъ долгій гласный въ одномъ Comp. и краткій въ другомъ: *tī* «рука», яп. *te* id.; *tī-sag^{w}i* «ощупь(ю)», яп. *te-saguri* id.; *ti-śuku* «подсвѣчникъ, ручной свѣтильникъ», яп. *te-śoku* id.

Эти факты заставляютъ предположить, что всякое односложное слово съ первоначальной краткой гласной удлинняло ее въ рюкюскомъ. Composita же, гдѣ имѣется долгій гласный, созданы или подновлены на основаніи

односложныхъ словъ уже послѣ дѣйствія упомянутаго закона. Такое подновленіе имѣло мѣсто въ *tī-sagʷi*, гдѣ обѣ части не перестали пониматься отдѣльно — *sagʷi* видимо сознается родственнымъ съ sagēšuŋ «искать», для *tī* не было никакихъ поводовъ къ утратѣ первоначальнаго смысла. Въ *ti-šuku* же подновленія не могло быть: второй элементъ *šuku*, заимствованный съ китайскаго, не могъ быть понимаемъ отдѣльно, такъ какъ не употреблялся внѣ даннаго сочетанія; при отсутствіи постоянной связи между подсвѣчникомъ и рукой не могла сохраниться и понимаемость перваго элемента — слово перестало сознаваться дѣлимымъ.

Изъ прочихъ случаевъ яп. крат. гл. | РК. долг. гл. шесть приходится на двусложныя числительныя:

8 *jācĭ*, яп. *jacŭ*
6 *mūcĭ* » *mucŭ*
4 *jūcĭ* » *jocŭ*
3 *mīcĭ* » *micŭ*
2 *tācŭ* рядомъ съ поэтическимъ *φutaci*, яп. *φŭtacŭ*.
1 *tīcĭ*, яп. *çĭtocŭ*.

Кромѣ приведенныхъ имѣются формы безъ окончанія *cĭ* (**tu*, яп. *cŭ*), употребляемыя въ composita: 8 *ja*, 6 *mu*, 4 *ju*, 3 *mi*, 2 *ta* (Chamb., § 92). Объясненіе двусложныхъ формъ изъ односложныхъ, удлиннившихъ гласный звукъ въ изоляціи, весьма вѣроятно при легкой выдѣляемости окончанія *ci* (**tu*), но возможны и другія причины. Такъ при ритмическомъ счетѣ гласные трехсложныхъ (5 *icicĭ* и 7 *nanacĭ*) и четырехсложнаго (9 *kukunucĭ*) числительныхъ могли стать короче, чѣмъ гласные двусложныхъ, уже только въ виду стремленія удѣлить произношенію каждаго числительнаго одинаковое количество времени. Это различіе было въ такомъ случаѣ затѣмъ приравнено къ обычному различію долгихъ отъ краткихъ.

Бросающесся же въ глаза фонетическое объясненіе долготъ въ этихъ числительныхъ—изъ компенсаціи при стремленіи къ нулю гласнаго второго слога (*ĭ*), не находитъ подтвержденія внѣ данныхъ случаевъ.

Остальные (двадцать слишкомъ) примѣры подобныхъ соотвѣтствій я принужденъ оставить безъ объясненій.

V.

Съ точки зрѣнія исторической послѣдовательности японскіе дифтонги (точнѣе: дифтонги на историческомъ протяженіи предковъ тōк'ōскаго говора) могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы:

1) Дифтонги, монофтонгизировавшіеся въ раннюю эпоху, не засвидѣтельствованные японской ороографіей и лишь возстановляемые на мѣстахъ спайки двухъ морфологическихъ элементовъ. Получившійся монофтонгъ кратокъ. Сюда относятся:

e изъ *i-a* въ *keku* (формантъ) изъ *ki-aku* — см. Aston, Grammar of the written language², p. 154.

e изъ *a-i* въ *nageki* «скорбь» изъ *naga-iki* «длинное дыханіе» (?) — Aston, p. 28.

2) Дифтонги, монофтонгизировавшіеся въ Tōk'ōскомъ, но засвидѣтельствованные ороографіей. Получившійся монофтонгъ долгъ. Сюда, какъ и въ группѣ 3-ей, относятся главнымъ образомъ дифтонги, образовавшіеся при выпаденіи согласныхъ.

-aku > *au* > *ō* (формантъ нарѣчій): medetaku > medetō «счастливо»; также *aŋ*>*au* > *ō* (формантъ будущаго врем.): *jomaŋ* > *jomō* «буду, будетъ читать» (см. гл. IX).

3) Дифтонги, сохранившіеся въ Tōk'ōскомъ (иногда факультативно — см. Edw. §§ 10, 11).

Поскольку появленіе дифтонговъ всѣхъ этихъ родовъ было въ предкѣ рюкюскаго языка параллельно дифтонгамъ tōk'ōскаго говора, постольку ни одинъ изъ нихъ не сохранился въ śui. Исключеніе составляетъ лишь восходящій дифтонгъ *u̯e*, если его считать дифтонгомъ (Edwards говоритъ о tōk'ōскомъ *u̯e*: «dans cette combinaison *u* est presque la consonne faible *w*»): яп. *u̯e* «верхъ», РК. *u̯ī* id. (*wī* въ транскрипціи Chamb.); яп. *u̯eru* «сажать», РК. *u̯ījuŋ* id. Монофтонги, соотвѣтствующіе второй и третьей группамъ, долги. Это единственный путь возникновенія *ē*, *ō*: *mē* «передъ», яп. *mae̯*, *mai̯* id.; *tadēma* «теперь», яп. *tadaima* id. *nōśuŋ* «поправлять», яп. *naosu* id. (**naposu*);

ōru «зеленый, голубой», яп. *aoiro*: *ao* (**awo*) «зеленый, голубой» + *iro* «цвѣтъ».

Такой же монофтонгизаціи подверглись и дифтонги спеціально-рюкюскаго образованія, кромѣ возникшихъ благодаря выпаденію r:

**miti pa* «дорога» + послѣлогъ (яп. *mićiwa*) > *mićia* > *mićē*.

**pito pa* «человѣкъ» + послѣлогъ (яп. *çitowa*) > *ćua* > *ćō* (Chamb., ch. III).

Выпаденіе же *r* очевидно позднѣйшее явленіе:

mui, яп. *mori* «лѣсъ»; *śui* названіе города — кит. заимств., въ японскомъ *śuri*.

О дифтонгическомъ характерѣ начальнаго *ē* можно догадываться по транскрипціи Chamberlain'омъ словъ:

yyē «индиго» (яп. *ai* idem), *yyē-satsi* «отвѣтъ» (яп. *aisacu* id.), *yyēzi* «сиг-

налъ» (яп. *aizu* id.). Начало, обозначае́мое *yy*, «is so much softer, so much more evanescent and intangible, so to say, than English *y*, that one is tempted to omit it altogether»... (25—26). Словъ съ начальнымъ *ē* безъ этого элемента нѣтъ.

VI.

Праязыковая система согласныхъ, поскольку она выясняется сравнительнымъ методомъ и изъ разсмотрѣнія японскаго алфавита, рисуется въ слѣдующемъ видѣ:

Смычные. Губные: *p*, *b*, *p̄* (долгое).

Переднеязычные: *t*, ***d***, *t̄* (долгое).

Заднеязычные: *k*, *g*, *k̄* (долгое).

Спиранты: *w*, *s*, *z*, ;̄ (долгое), *j*, *r*.

Носовые *n*, *m*, *ŋ* (слоговое), ***m*** (слоговое).

Эта схема, конечно, не исключаетъ предшествующаго развитія: возможно допустить, что нѣкоторые ея члены — лишь комбинаторныя измѣненія другихъ (напр., звонкіе — глухихъ или наоборотъ); возможно, наконецъ, что въ эпоху разселенія нѣкоторые члены ея еще не достигли того значенія, которое имъ приписывается (что мы можемъ для нѣкоторыхъ членовъ предполагать съ бо́льшей, для другихъ съ меньшей вѣроятностью); но такъ какъ эта схема есть исходный пунктъ при объясненіи отдѣльно - языковыхъ явленій, то удобно принять, какъ рабочую гипотезу, *праязычность* всѣхъ ея членовъ.

*p. Наиболѣе консервативнымъ является говоръ Mijakoŝima, гдѣ ***p*** сохранилось: ***pana*** «носъ», яп. *hana* id.; ***pa*** «зубъ», яп. *ha*: ***pass*** «мостъ», яп. *haŝi*; ***opu*** «большой», яп. *ō* (**opo*)—W i r t h; также въ *Jamábara* (гористая мѣстность на сѣверѣ Okinawa): ***pi*** «огонь», яп. *çi* id.; ***pikari*** «свѣтъ», яп. *çikari* id.

Въ другихъ мѣстностяхъ обыченъ спонтанеическій переходъ **p* > *φ*, (тогда какъ *b* сохранялось, не переходя въ *w*; причину этого можно видѣть въ томъ, что *w* существовало искони и языкъ противился совпаденію двухъ фонемъ). Послѣднее (*φ*) въ началѣ словъ сохранилось передъ всѣми гласными во многихъ говорахъ самыхъ различныхъ частей Японіи—Ōu, Eĉigo, K'ūŝū, San-in-dō; въ видѣ исключенія перешло въ *f* зубногубное (нѣкоторые говоры въ Ōu). Въ tōk'ōскомъ же начальное *φ* сохранилось только передъ *u*, передъ другими же гласными губная работа исчезла, осталось одно дыханіе. Суженіе воздушнаго пути зависитъ отъ гласной, такимъ образомъ *φi* > *çi*, склонное къ смѣшенію съ *ŝi*, тогда какъ *φa*, *φe*, *φo* > *ha*, *he*, *ho*.

Между гласными *φ* > w во многихъ (всѣхъ?) говорахъ, изъ которыхъ говоръ префектуры *Tojama* (пров. *Ečču*) превратилъ послѣднее (w) въ *v* зубногубное (*ive* «домъ», въ Tōk'ō *ie* < **ipe*), большинство же сходно съ tōk'ōскимъ: интервокальное *w* исчезло во всѣхъ случаяхъ кромѣ положенія передъ *a*. Факультативно оно исчезаетъ въ tōk'ōскомъ и передъ *a*. Рядомъ съ *sorewa* «это» (**sore pa*) существуютъ дублеты: *sorea* и *sor'a* (Edw., § 88).

Отраженіе *p въ šui съ трудомъ поддается анализу.

p сохранилось только послѣ m̥ (изъ *mi): m̥pana «носъ (вашъ)», яп. mi почтительная частица + hana «носъ».

Въ серединѣ словъ между гласными отраженіемъ является то нуль, то *w*:

āšuŋ «соединять», яп. *awaseru* id (**apaseru*); *arāšuŋ* «открывать», яп. *arawasu* (**arapasu*) id. (PK. ā < *apa); *nōšuŋ* «поправлять», яп. *naosu* (**naposu*) id. (PK. *ō* < **apo*).

Но *w* въ *awa* «просо», яп. *awa* id. (**apa*); *niwī* «запахъ», яп. *nioi* id. (**nipopi*).

Начальное *p* > *φ*, которое сохранилось передъ *ē*:

φēku «быстро», яп. *hajaku* id.

Передъ *i* и передъ *a* встрѣчаются, какъ *φ*, такъ и *h* (м. б. ç): *φā* «листъ», яп. *ha* id.

hā «зубъ», яп. *ha* id.; *hana* «носъ», «цвѣтокъ», яп. *hana* id., id.

φiru «день», яп. *çiru* id.

hibiči (*çibiči?*) «эхо», яп. *çibiki* id.

Причина такого разнообразія можетъ быть лежитъ въ смѣшеніи говоровъ: рюкюскихъ или рюкюскаго и японскихъ — благодаря японской колонизаціи.

Отраженіе начальнаго **p* передъ *u* и *ō* заслуживаетъ особаго вниманія. «In Luchuan», говоритъ Chamberlain, «when *u* or *ō* is the following vowel, the same speaker will sound the same word sometimes with an f (φ), sometimes with an *h*, without being conscious of the difference», тогда какъ «before *a* and *i* a clear distinction between f (φ) and *h* is drawn» (p. 26). Это отсутствіе различаемости φ и *h* передъ единственными лабіализованными рюкюскими гласными (*ŭ*, *ō*), объясняется, очевидно, тѣмъ, что для сознанія рюкюсца важно просто присутствіе губной работы въ слогѣ, а распредѣляется она на два элемента или на одинъ — для него не существенно. Позволю себѣ назвать это явленіе одночленной лабіализаціей, понимая подъ этимъ не обязательность, а лишь факультативность сосредоточенія губной работы на одномъ элементѣ (не соціальный результатъ диссимиляторнаго процесса, а лишь наличіе индивидуальныхъ его осуществленій). Является

вопросъ: нѣтъ ли на рюкюской почвѣ другихъ явленій, гдѣ бы сказалось то же отношеніе къ губнымъ работамъ? У Chamberlain'a нѣтъ указаній на современное дѣйствіе подобныхъ процессовъ внѣ сочетаній *φu* и *φō*, т. е. нѣтъ напримѣръ того, чтобы слогъ *mu* могъ замѣняться *nu*. Но нѣкоторыя явленія допускаютъ наличіе такихъ фактовъ въ прошломъ.

Въ глаголахъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ японскимъ глаголамъ перваго спряженія, коренная морфема которыхъ оканчивается на *m*, рюкюскій представляетъ чередованіе морфемъ: съ конечнымъ *n* и конечнымъ *m*. Первая имѣется въ indicat. praes. и въ nomen deverbativum, вторая въ praesens negativum.

	praes. ind. posit.		nom. deverbat.	praes. negat.
яп.	*jomu*	«читать»	*jomi*	*jomaŋ*
РК.	*junuŋ*	id.	*juni*	*jumaŋ*
яп.	*kamu*	«кусать»	*kami*	*kamaŋ*
РК.	*kanuŋ*	«ѣсть»	*kani*	*kamaŋ*
яп.	*sumu*	«нагружать»	*sumi*	*sumaŋ*
РК.	*sinuŋ*	id.	*sini*	*simaŋ*
яп.	*ogamu*	«поклоняться, молиться»	*ogami*	*ogamaŋ*
РК.	*wuganuŋ*	id.	*wugani*	*wugamaŋ*

Отъ древней глагольной основы *mi* (яп. mi-ru) «видѣть» по аналогіи съ глаголами перваго спряженія, въ которыхъ indic. praes. имѣетъ окончаніе—*u*, была образована форма *mu* (встрѣчающаяся и на японской почвѣ: классическое *kokoro-mu*, *kokoro-muru* «пробовать»). Это *mu*, какъ односложное слово, дало въ śui *mū* и съ прибавленіемъ *ŋ* (эквивалентнаго японскому *n* изъ *no* въ *suru-n-des*) — *mūŋ*, откуда путемъ закрѣпленія одночленной лабіализаціи — *nūŋ* (впрочемъ возможна и обратная послѣдовательность: сначала m > n, а затѣмъ удлинненіе гласнаго). Форма *muŋ* (количество гласнаго?) засвидѣтельствована діалектомъ Ōsima (Wirth).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ предполагаю фонетическое развитіе *nu* < *mu* на почвѣ одночленной лабіализаціи и затѣмъ передачу *n* по аналогіи въ nomen deverbativum четырехъ первыхъ глаголовъ. Тотъ фактъ, что переходъ *mu* > *nu* совершился только въ указанныхъ случаяхъ, а не при всякомъ *mu*, объясняется слѣдующимъ.

Всякій диссимиляціонный переходъ имѣетъ мѣсто только тогда, когда одна изъ участвующихъ фонемъ является менѣе устойчивой, чѣмъ другая, т. е. когда есть причины выбора направленія диссимиляціи. Причины этого выбора указаны Grammont'омъ для диссимиляціи согласныхъ (La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues

romanes) и дѣлятся на фонетическія и морфологическія. Значеніе послѣднихъ состоитъ въ томъ, что устойчивой является фонема, болѣе цѣнная въ морфологическомъ смыслѣ. Въ данныхъ же сочетаніяхъ **mu* морфологическая цѣнность *u* была больше, чѣмъ цѣнность *m*. За сохраненіе *u* говоритъ связь съ единственнымъ для всѣхъ глаголовъ окончаніемъ ind. praes.—*u*(*ŋ*), за сохраненіе *m* — только связь съ коренной морфемой на *m*. Но это *m* исчезло въ нѣкоторыхъ формахъ — перфектѣ (на *ta) и дѣепричастіи (на *te): эти трехсложныя формы (примѣръ: *kamita, *kamiti), стремясь къ двусложности благодаря двусложности прочихъ и аналогіи глаголовъ на *s*, гдѣ *śĭt* > *ć*, дали современныя *kada*, *kadi*.

Полагаю, что въ соотвѣтствующую эпоху внѣ данныхъ случаевъ въ сочетаніи *mu* спорадически осуществлялась одночленная лабіализація, какъ въ видѣ *nu*, такъ и въ обратномъ видѣ: *m* + какая-нибудь нелабіализованная гласная, напр. *i*. Но ни одинъ изъ дублетовъ не удержался, ибо въ силу равноправности (одинаковой частоты) обоихъ постоянно подновлялось старое состояніе двучленной лабіализаціи.

Приведенное объясненіе считается со слѣдующимъ возможнымъ возраженіемъ: *n* не есть просто *m*, лишенное губной работы; слѣдовательно нельзя его появленіе объяснять простымъ отказомъ отъ ненужной въ данной комбинаціи работы. Процессъ, конечно, не сводится къ простому вычитанію, и какъ всякій диссимиляціонный, не творитъ новыхъ фонемъ, а производитъ подстановку уже имѣющихся въ языкѣ.

VII.

Комбинаторныя измѣненія переднеязычныхъ взрывныхъ: *ti* > *ći*, *tu* > *cu*: *moć-i-mas*, *moc-u*, *mot-aŋ* — разл. формы глагола «держать». *di* > *ʒ́i*, *du* > *ʒu*: *φuʒ́i* «вистерія»; (*saka*)-*ʒuki* «рюмка для саке», въ аинскомъ *tuki*. Это процессы нормальные для большинства представителей японо-рюкюскаго языковаго міра. Старые *ti*, *tu*, *di*, *du* сохранились еще, кажется, на *k'ūśū* и *śikoku* (Tosa). При звонкихъ аффрикатахъ (*ʒ́*, *ʒ*) въ tōk'ōскомъ взрывный элементъ гораздо слабѣе, чѣмъ при глухихъ (*ć*, *c*); первыя можно обозначать поэтому $^{d}\acute{z}$, ^{d}z. Объясняется это тѣмъ же, чѣмъ русское *ж* изъ *dj* при *ч* изъ *tj*, и масса случаевъ изъ другихъ языковъ, гдѣ звонкій на пути развитія отъ взрывного къ аффрикатѣ и спиранту опережаетъ глухой: воздуху изъ легкихъ при звонкости поступаетъ меньше, а чѣмъ меньше давленіе, тѣмъ меньше и сопротивленіе на мѣстѣ смычки, тѣмъ сильнѣе элементъ спирантный въ ущербъ смычному.

Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ тотъ фактъ, что съ этими звонкими аффрикатами слились отраженія древнихъ звонкихъ спирантовъ: *ȥ во всякомъ положеніи кромѣ позиціи передъ *i* дало *ʒ* (^{d}ȥ), передъ *i* — *ʒ́* (^{d}ź). Является вопросъ, какимъ же образомъ развились аффрикаты изъ звонкихъ спирантовъ, тогда какъ глухіе остались спирантами (*s* во всякомъ положеніи кромѣ позиціи передъ *i* сохранилось, передъ *i* дало *ś*). Казалось бы, именно звонкость должна была препятствовать появленію смычнаго элемента. Несомнѣнно надо предполагать уподобленіе *ȥ* и *ź* аффрикатамъ ^{d}ȥ и ^{d}ź, развившимся изъ **d* передъ *u* и *i*. Но почему не наоборотъ? Почему эти послѣднія аффрикаты не уподобились спирантамъ, что было бы ихъ естественнымъ развитіемъ? Предполагаю причину морфологическаго характера: въ японскомъ (какъ и рюкюскомъ) языкѣ дѣйствуетъ такъ называемый законъ «нигори»—«помутненія», по которому начальная глухая становится звонкой, если слово входитъ второй частью въ compositum. Это не физіологическій законъ въ настоящее время, такъ какъ въ другихъ случаяхъ глухой можетъ стоять между любыми гласными; это морфологическій факторъ, играющій при Univerbierung ту же роль, что удареніе въ индо-германскихъ языкахъ и гармонія гласныхъ въ нѣкоторыхъ «урало-алтайскихъ». Это явленіе создаетъ частыя чередованія глухихъ и звонкихъ согласныхъ, которые по типу явленій «нигори» должны отличаться другъ отъ друга только звонкостью или по мѣткому японскому выраженію мутностью (такъ какъ съ шумомъ въ полости рта смѣшивается и голосъ). Всѣ прочія работы въ принципѣ одинаковы.

Съ другой стороны, при наличіи *ȥ* и ^{d}ȥ съ слабымъ смычнымъ элементомъ весьма возможно смѣшеніе ихъ, какъ и *ź* съ ^{d}ź. Въ какую же сторону могло пойти это смѣшеніе? На одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ морфологизованность взрывнаго элемента, важнаго для чередованій *c* съ *ʒ*, *ć* съ *ʒ́*; на другой — вѣсъ болѣе легкій, ибо для сохраненія чередованій *s* съ *ȥ*, *ś* съ *ź* не имѣетъ губительнаго значенія прибавка слабаго взрывного элемента, разъ элементъ фрикативный, морфологизованный въ этомъ чередованіи налицо. Этотъ факторъ и далъ направленіе процессу въ тотъ моментъ, когда наряду съ ^{d}ȥu, ^{d}źi (изъ **du*, **di*) при способствующихъ фонетической прогрессивности условіяхъ (небрежности произношенія) стали осуществляться *ȥu*, *źi*: спиранты этихъ сочетаній были новымъ поколѣніемъ приравнены къ старымъ спирантамъ (передъ всѣми гласными), и для тѣхъ, какъ и другихъ, сознаны корректными чередовавшіяся раньше только съ первыми аффрикаты. Однако съ выборомъ аффрикатъ не установилось ихъ исключительное употребленіе: фонетическое развитіе спиранта не устранено и спорадически осуществляется — языкъ такимъ образомъ постоянно находится въ

положенія борьбы между фонетическими и морфологическими тенденціями.

Тō̆к'ō̆скій говоръ является въ данномъ отношеніи показательнымъ для многихъ другихъ. Старое различеніе *z* и *з*, *ź* и *ʒ́* сохранилось кажется только на *K'ūšū* и *šikoku*. О рюкюскомъ состояніи на основаніи Chamb. нельзя составить точнаго представленія (см. § 25).

VIII.

Вліяніе *i* на предыдущіе согласные характеризуется въ тō̆к'ō̆скомъ слѣдующими переходами:

h > *ç* (см. гл. VI); *b* > *b'*; *p* (въ onomatopoëtica и въ заимствованныхъ словахъ — не подвергшееся переходу **p* > *φ*) > *p'*;

t > *ć*; *d* > *ʒ́* (см. гл. VII);

k > *k'*; *g* > *g'*;

m > *m'*; *n* > *n'*; *r* > *r'* (о деталяхъ см. Edw. § 61);

s>*ś*; *z* > *ʒ́* (см. гл. VII).

(О *wi*, *ji* > *i* см. гл. IX).

Всѣ эти переходы обусловлены еще живыми для настоящей эпохи фонетическими законами. Такъ напр. *s* не можетъ быть произносимо передъ *i* и превращается въ *ś* во всякомъ заимствованіи. Иначе говоря, чередованія *ha*|*çi*, *sa*|*ši* и т. д. дивергентны. Но наряду съ этимъ у *фонемъ ç*, *b'*, *p'*, *ć*, *ʒ́*, *k'*, *g'*, *m'*, *n'*, *r'*, *ś* есть вполнѣ самостоятельное существованіе передъ другими гласными. Такъ какъ главный источникъ случаевъ такого употребленія «мягкихъ» фонемъ — китайскія заимствованія, то можно значительную роль въ появленіи указанной различаемости отнести на долю китайской психофонетики, для которой различеніе непалатализованныхъ согласныхъ отъ палатализованныхъ (или ихъ производныхъ—въ зависимости отъ діалекта) имѣло первостепенную важность.

Указанные переходы тō̆к'ō̆скаго говора общи массѣ другихъ. Болѣе прогрессивными въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія *k'*, *g'* являются нѣкоторые говоры Ōu и рюкюскій (šui). Въ первыхъ *k'* > ћ. Въ говорѣ же šui к' > *ć*, *g'* > *ʒ́*. Дивергенція имѣла мѣсто еще до сліянія *i* съ *e*:

saći «передъ», яп. *saki* id.; *saki* «рисовая водка», яп. *sake* id. *muʒ́i* «пшеница», яп. *mugi* id.; *maćiʒ́i* «рѣсница», яп. *macuge* id.

Аномаліи объясняются такъ:

1) Иногда развивается аффриката не передъ ****i*** — въ зависимости отъ предшествующаго звука. Послѣднимъ можетъ служить *ĭ*, соотвѣтствующій японскому *ĭ*, не *ŭ*:

çiʒi «борода и усы», яп. *çige* id.; *fiʒai* «лѣвый», яп. *çidari* id.; *nći* «увидя», яп. *mite* id. — путемъ *mite* > *mci* > *nći*.

Для *ću* «человѣкъ» при японскомъ çito id. возможны два объясненія: *pi (to) дало комплексъ: спирантъ +ĭ, при чемъ послѣднее исчезая могло создать *t* > *ć*, вслѣдъ за чѣмъ исчезъ и спирантъ; или **pito* > *çĭto* > *çtu*, въ которомъ *çt*, какъ близкое къ *śt*, путемъ перестановки дало *ć* (см. гл. III о *śĭt* > *śt* > *ć*; Chamb. § 24).

Такое же образованіе аффрикаты имѣетъ мѣсто послѣ *n* (стараго) въ *n̥ʒijuŋ* «выходить» при яп. (*i*)*deru* id., а также въ *n̥ʒućuŋ* «двигать» при яп. *ugoku* id.

Наличіе аффрикаты передъ *u* (**u*) praes. indic. глаголовъ на **k*, **g*, какъ и въ *ćūŋ* «приходить» при яп. *kuru* id., находитъ морфологическое объясненіе, предположеніе же Chamberlain'a о *ku* > *ću* и *gu* > *ʒu* внѣ этихъ случаевъ не подтверждается.

2) Японскому *ki* «дерево» вмѣсто ожидаемаго *ćī* соотвѣтствуетъ *kī*. Объясненіе осуждено остаться гипотетическимъ. Возможно, что удлиненіе гласныхъ въ односложныхъ словахъ имѣло мѣсто до перехода *ki* > *ći*; въ эпоху же послѣдняго качественное отличіе *ī* отъ *i* препятствовало развитію аффрикаты; тогда какъ въ *ćīru* «желтый» при яп. *ki-iro* «желтый цвѣтъ» стяженіе дало долгую гласную уже послѣ *ki* > *ći*.

IX.

s. Въ Oitama (южная часть пров. Usen) *s* > *θ*[1]) (по крайней мѣрѣ передъ *o* и *a*).

r (собственно ɹ — non roulé)

1) Въ Tōk'ō *r* чередуется съ нулемъ (передъ *i*) и *j*: *gozarimas* | *gozaimas* — вѣжливый вспомогательный глаголъ. Условія сложны: эти чередованія не встрѣчаются въ коренныхъ морфемахъ и вообще не часты. Въ рюкюскомъ же, а также въ Sacuma, *j* или нуль (передъ *i*) на мѣстѣ тōк'ōскаго *r* въ срединѣ словъ довольно обычны: *mui* «лѣсъ», яп. *mori* id.; *śui* «названіе города», яп. *śuri* — заимствовано съ китайскаго: пекинское *ʃoŋ-li* «главный поселокъ», *tujuŋ* «брать», яп. *tor-u* id.; *kakijuŋ* «вѣшать», яп. *kake-ru* id. Условія неясны, какъ и физіологическая сторона измѣненій. Имѣются и дублеты: *agari* | *agai* «востокъ», яп. *agari* «восходъ». Для говора Jonezawa (въ южной части пров. Usen) развитіе *j* изъ *r'* указано Dal-

1) Глухое англ. *th*.

las'омъ (T. A. S. J. Vol. III, part 2, The Yonezawa dialect), а также у Isawa.

2) Приближеніе *r* къ *d* особенно замѣтно въ Ećigo, Sado, Sacuma. Въ рюкюскомъ это характерно для *r'*: *r'ūćū* (яп. *r'ūk'ū*) въ англійской транскрипціи иногда — *Doo-Choo*.

w. Въ tōk'ōскомъ *w*, какъ начальное, такъ и интервокальное, сохранилось только передъ *a* (такова же судьба *w* изъ **p* между гласными) и факультативно передъ *o*: «*w* s'entend quelquefois devant *o* comme son transitoire: *kore o* ou *kore wo* (ceci)», Edw. § 88.

Въ рюкюскомъ начальное *w* встрѣчается передъ всѣми гласными; интервокальное выпало въ *ā* «пѣна» при японскомъ *awa* id., въ ōru «зеленый, голубой» при яп. *a(w)o-iro* «зеленый, голубой цвѣтъ», но сохранилось въ *juwasaŋ* «слабый» при яп. *jowai* id.

k^w, g^w—звуки, встрѣчающіеся главнымъ образомъ въ китайскихъ заимствованіяхъ, первоначально чуждые японо-рюкюскому міру. Въ tōk'ōскомъ и ближайшихъ къ нему говорахъ они утратили губную работу (слившись т. о. съ *k*, *g*), но сохранились во всѣхъ прочихъ. Для рюкюскаго характерно смѣщеніе губной работы въ k^w*ā* «дитя» изъ **ko* (яп. *ko* id.), хотя имѣющій то же происхожденіе диминутивный префиксъ — РК. *ku-*, яп, *ko-*.

j. 1) *j* выпалъ передъ *i*, *e* въ tōk'ōскомъ и др. яп. говорахъ, но сохранился въ рюкюскомъ.

2) Начальное *ju* > *i*, что считается вульгаризмомъ по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ случаевъ.

juku | *iku* «итти»; *jubi* | *ibi* «палецъ». Въ Sacuma *ibi* обычно. Въ *śui* — *iśuŋ*, *ībi*. Въ Mijakośima по Wirth'у *ybi* (*y* = франц. *u*), въ Ośima — *ibi*.

3) *j*>*ź* въ преф. Jamagata (Uzeu): *ju* («кипятокъ») >*źu*.

Переходя къ носовымъ, долженъ отмѣтить, что въ настоящей работѣ лишенъ возможности говорить подробно о *ŋ*, развившемся между гласными изъ g въ Tōk'ō и другихъ говорахъ (исключены говоры k'ūśū). См. Edw. §§ 55—57.

Слоговая функція носовыхъ. Таковая въ сущности факультативна. Но въ стихахъ, какъ японскихъ, такъ и рюкюскихъ—приведенныхъ у Chamberlain'a, носовой, за которымъ слѣдуетъ согласный, и носовой финальный считаются постоянно за отдѣльный слогъ. Это особенно замѣчательно для рюкюскаго стихосложенія, въ которомъ долгота гласныхъ не принимается въ разсчетъ (важно лишь число слоговъ) и слѣдовательно не можетъ быть рѣчи о созданіи носовымъ долготы предшествующаго слога a positione. Слѣдуя обычному японскому произношенію, я отмѣчаю слоговой характеръ

только начальныхъ и конечныхъ носовыхъ: *ŋma* «лошадь», *saŋ* «три», но *geŋŋo* «слово», *ambai̯* «вкусъ». Описаніе *ŋ*—у Edw. §§ 53, 54.

Говорить о происхожденіи nas. son., оставаясь на почвѣ достовѣрности, можно только относительно тѣхъ ихъ случаевъ, гдѣ однимъ изъ языковъ представлено старое состояніе. Таковыми являются nas. son., развившіеся въ рюкюскомъ изъ сочетаній *mu*, *mi* передъ смычными: *nni* (изъ *mni*) «грудь» при яп. *mune* id.; *nna* (изъ *mna*) «всѣ, все» при яп. *mina* id.; *mpana* «носъ (вашъ)» при яп. *mi* почтительная частица + *hana* «носъ». Это явленіе однородно съ такъ наз. «паденіемъ глухихъ *u*, *i*» въ ихъ постспирантныхъ и постаффрикатныхъ позиціяхъ по физіологическимъ причинамъ измѣненій, но должно быть отдѣлено отъ него при историческомъ взглядѣ на предметъ: въ сочетаніяхъ **mu*, *mi* данныхъ примѣровъ паденіе гласнаго — фактъ уже завершенный, и для случая *mpana* имѣвшій мѣсто еще до **p > φ*.

Сходныя явленія въ японскомъ весьма допустимы, но предположеніе ихъ должно покоиться на этимологіяхъ изъ японскаго же, такъ какъ выводы на основаніи графикъ каны крайне ненадежны. (См. Aston, A Grammar of the Japanese written language[2], 27, откуда беру одинъ примѣръ: почтительная частица *on* изъ двухъ идентичныхъ частицъ *o* + *mi*).

Nas. son., гораздо болѣе часты въ рюк., чѣмъ въ яп., какъ благодаря указанному развитію ихъ на рюкюской почвѣ, такъ и вслѣдствіе нѣкоторыхъ измѣненій, которымъ они подвергались въ японскомъ языкѣ. Признавая въ этомъ отношеніи консервативность рюкюскаго, я не отношу къ ней слѣдующихъ приводимыхъ у Chamberlain'a случаевъ:

1) Окончаніе indic. praes. (Conclusive form of Certain Present or Future) РК. *-uŋ* при яп. *-u* (*tujuŋ* «брать» яп. *toru* id.). Считаю болѣе правильнымъ сопоставленіе японскаго *toru* съ такъ наз. Apocopated form *tuju* (у Chamb. *tuju'*), при чемъ окончанія тожественны (*-u*). Конечное же *ŋ* въ *tujuŋ* можетъ быть сокращеніемъ *nu* (*no); тогда *tujuŋ* находитъ параллель въ японскомъ *torun* (*des*) изъ *toru no desu*.

2) *waŋ* «я» не должно быть сопоставляемо съ яп. *wa* id. Послѣднему точно отвѣчаетъ РК. *wā* — съ тѣмъ же значеніемъ, но рѣже употребляющееся. Склоненіе *waŋ*: *wannē*, *wanuŋ* или *wanniŋ*, *wannī* (Ch. § 52) предполагаетъ древнее **wanni*, т. к. только дублетъ *wanuŋ* принадлежитъ къ типу нормальныхъ образованій отъ именъ на *ŋ*.

Иллюстраціей же японской прогрессивности въ развитіи nas. son. можетъ служить слѣдующее:

1) *Начальные nas. son.* Законченныя новшества въ яп.:

РК. *n* | яп. *u*: *n̥zučuŋ* «двигать», *ugoku* id.

РК. *n* | яп. *i* или нуль: *n̥ə́ijuŋ* «выходить», яп. (i) *deru* id.

Факультативное новшество въ яп.:

РК. *m̦* | яп. *m* или *u*: РК *mma* «лошадь», яп. *m̥ma* или *uma* id. Произносительныя условія, вызывающія эту дифференціацію, темны.

2) *Конечные nas. son.* обычно сохранились въ японскомъ, но въ одномъ случаѣ наблюдается дифференціація, сопровождаемая и семасіологической. Древняя глагольная форма на — *aŋ* съ отрицательнымъ значеніемъ (напр. *śiraŋ* «не знаю, не знаетъ») наряду съ этимъ первоначальнымъ значеніемъ стала имѣть значеніе положительнаго будущаго времени: пока еще не знаю, слѣдовательно фактъ знанія относится къ будущему. Это семасіологическое развитіе — подстановка частнаго значенія подъ болѣе общее — несомнѣнно, т. к. засвидѣтельствовано классическимъ языкомъ, написанія котораго для обоихъ значеній одинаковы (Aston, Grammar of the Japanese written language[2], p. 35). Параллельно смысловому различію (обозначимъ x_1—первоначальное значеніе praes. neg., x_2—производное значеніе будущаго времени) существовало очевидно и фонаціонное (y_1 и y_2), результаты котораго сказались въ такомъ видѣ:

x_1 — y_1 — *aŋ* сохранилось

x_2 — y_2 — *aŋ* > au (засвидѣтельствованное орѳографіей) > *ō*.

Такимъ образомъ въ современномъ языкѣ -*aŋ* является формантомъ praes. neg., а *ō* — формантомъ будущаго: *śiraŋ* «не знаю, не знаетъ», *śirō* «буду, будетъ знать».

Третья варіація той же праформы, гдѣ *aŋ* > *a*, представлена разговорной формой *śira*.

Е. Поливановъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

380. Восточный Сборникъ. Изданіе Общества Русскихъ Оріенталистовъ. Книга I. С.-Пб. 1913. II + 239 стр. 8°.

Цѣли новаго изданія, являющагося органомъ учрежденнаго въ С.-Петербургѣ въ 1910 г. «Общества Русскихъ Оріенталистовъ», вкратцѣ изложены въ анонимной статьѣ «Отъ редакціи» (имени редактора нѣтъ также ни на обложкѣ, ни на заглавномъ листѣ книги). Въ статьѣ говорится о «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго Общества», какъ объ органѣ «исключительно академическаго характера», не пользующемся поэтому «широкимъ распространеніемъ среди русскихъ читателей», и объ издающемся Императорскимъ Обществомъ Востоковѣдѣнія журналѣ «Міръ Ислама», который въ 1912 г., подъ редакціей пишущаго эти строки, «былъ поставленъ преимущественно на академическую почву» и «въ отмежеванной области спеціальныхъ изслѣдованій немногимъ отличался отъ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія», въ 1913 г., подъ редакціей г. Д. Позднѣева, «принялъ публицистическій характеръ». Въ противоположность этимъ органамъ, изученіе Востока въ «Восточномъ Сборникѣ», согласно цѣлямъ Общества Русскихъ Оріенталистовъ, будетъ поставлено «болѣе на практическую, чѣмъ на академическую почву»; статьи «академическаго характера» не исключаются безусловно, но «будутъ составлять лишь незначительную часть всего изданія и всегда (sic) будутъ облечены по возможности (sic) въ форму, вполнѣ доступную пониманію лицъ, не занимающихся спеціально наукой»; работы, «имѣющія исключительно академическій характеръ», войдутъ въ особую серію, подъ названіемъ «Трудовъ Общества Русскихъ Оріенталистовъ», первый номеръ которой вышелъ въ томъ же 1913 г. («Законы Ману», переводъ съ санскритскаго С. Д. Эльмановича). Сборникъ «пока» не будетъ имѣть характера періодическаго изданія; книги будутъ выходить «по мѣрѣ накопленія матеріала». Редакція «проситъ заранѣе снисхожденія

за тѣ недочеты и пробѣлы, которые неминуемо сопутствуютъ всякому новому дѣлу».

Трудно было бы объяснить, почему въ этой статьѣ говорится только о двухъ органахъ русскаго востоковѣдѣнія. О «Мірѣ Ислама» едва ли вообще была необходимость упоминать; журналъ имѣлъ свою задачу, подробно изложенную въ редакціонной статьѣ перваго № и существенно отличавшуюся какъ отъ задачъ «Восточнаго Сборника», такъ и отъ задачъ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія». Редакція «Восточнаго Сборника», очевидно, полагаетъ, что журналъ въ первый и единственный годъ своего существованія не достигалъ намѣченной цѣли и былъ доступенъ не болѣе широкому кругу читателей, чѣмъ «Записки Восточнаго Отдѣленія»; въ печати было высказано и противоположное мнѣніе[1]); о томъ, которое изъ этихъ двухъ мнѣній правильнѣе, пишущій эти строки, какъ бывшій редакторъ журнала, конечно, долженъ предоставить судить другимъ; къ тому же этотъ вопросъ теперь, когда журнала болѣе не существуетъ, едва ли вообще представляетъ интересъ. Списокъ или, вѣрнѣе, мартирологъ русскихъ изданій по востоковѣдѣнію на самомъ дѣлѣ гораздо длиннѣе. Редакціи «Восточнаго Сборника», конечно, извѣстно, что подъ тѣмъ же названіемъ еще въ 1877 г. вышелъ первый (и, къ сожалѣнію, послѣдній) томъ изданія, предпринятаго, по иниціативѣ П. Н. Стремоухова, съ высочайшаго соизволенія, тѣмъ же государственнымъ учрежденіемъ (Азіатскимъ, нынѣ 1-мъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ), которое, какъ видно изъ печатныхъ отчетовъ и списковъ членовъ, впослѣдствіи приняло значительное участіе въ образованіи Общества Русскихъ Оріенталистовъ[2]). Болѣе прочное существованіе «Записокъ Восточнаго Отдѣленія», помимо личной энергіи бар. Розена, объясняется прежде всего тѣмъ, что «Записки» были органомъ профессоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета[3]). Въ «Запискахъ» принимали и принимаютъ участіе не одни только члены факультета, но безъ факультета «Записки» не могли бы существовать,

1) Ср. напр. Записки Приамурскаго отд. Имп. Общ. Востоковѣдѣнія, 1912 г., вып. 1, стр. 301: «два вышедшихъ выпуска журнала представляютъ глубокій интересъ не только для спеціалистовъ, но и для широкой публики»; «статьи ...изложены настолько простымъ и популярнымъ языкомъ, что вполнѣ доступны для большого круга читателей».

2) По списку членовъ, помѣщенному въ отчетѣ о дѣятельности «Общества Русскихъ Оріенталистовъ» за 1912 годъ, изъ 124 дѣйствительныхъ членовъ 84, т. е. болѣе $^{2}/_{3}$, находились на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ.

3) Фактъ, что «члены факультета восточныхъ языковъ посвящаютъ свои силы преимущественно Восточному Отдѣленію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества», былъ отмѣченъ Н. Я. Марромъ въ Отчетѣ Имп. Спб. унив. за 1900 г., стр. 54. Мысль объ изданіи научнаго журнала по востоковѣдѣнію возникла среди самого факультета (иниціатива принадлежала В. П. Васильеву) еще въ 1865 г., но тогда, къ сожалѣнію, не получила осуществленія. Ср. Матеріалы для исторіи фак. Вост. яз., т. II, стр. 1 сл.

какъ не могъ бы существовать основанный нѣсколькими годами позже органъ московскихъ оріенталистовъ («Древности Восточныя») безъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. «Записки» были, слѣдовательно, органомъ вполнѣ опредѣленнаго круга лицъ, съ теченіемъ времени значительно расширившагося, но никогда не ставившаго себѣ цѣлью объединить въ себѣ все русское востоковѣдѣніе. Такой цѣли не могъ бы сочувствовать покойный основатель «Записокъ», вообще бывшій врагомъ всякой централизаціи. Въ 1889 г. онъ привѣтствовалъ возникновеніе органа московскихъ оріенталистовъ[1]), въ 1891 — возникновеніе «Живой Старины», причемъ «съ особеннымъ удовольствіемъ» отмѣчалъ участіе въ этомъ журналѣ сотрудниковъ «Записокъ»[2]). Еще въ 1886 г., задолго до основанія «Общества Востоковѣдѣнія» и «Общества Русскихъ Оріенталистовъ», бар. Розенъ на страницахъ «Записокъ» писалъ о «тѣсной связи между наукой и жизнью», о желательности «нѣсколько большаго общенія между представителями кабинетной и прикладной науки»[3]); такимъ образомъ, ему лично не были чужды также вопросы «практическаго» востоковѣдѣнія, хотя эти вопросы не могли быть предметомъ занятій Восточнаго Отдѣленія. Для такихъ задачъ было необходимо привлеченіе бóльшаго числа лицъ и вообще иной темпъ работы, чѣмъ это возможно на засѣданіяхъ ученаго общества и на страницахъ его органа.

Въ 1900 г. было учреждено Общество Востоковѣдѣнія (въ 1910 г. удостоенное наименованія «Императорскаго»), главнымъ образомъ съ цѣлью «содѣйствовать сближенію Россіи съ восточными странами и служить проводникомъ русской культуры и производительности среди восточныхъ народностей»[4]). Для общества съ такими задачами было существенно необходимо имѣть свои органы не только въ столицахъ, но прежде всего въ областяхъ, населенныхъ «восточными народностями». Уставомъ Общества предусматривается учрежденіе отдѣленій какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и за границей. Общество воспользовалось своимъ правомъ на всемъ пространствѣ южной пограничной полосы Россіи, отъ Бессарабіи до Харбина и Хабаровска; но изъ учрежденныхъ имъ отдѣленій только немногимъ удалось упрочить свое существованіе[5]). Какъ для общества, такъ и для каждаго изъ его отдѣленій было необходимо имѣть свой печатный органъ, но по-

1) ЗВО. IV, 115 сл.

2) Ibid. VI, 355.

3) Ibid. I, 39.

4) О дѣятельности Общества Востоковѣдѣнія см. Обзоръ дѣятельности Общества съ 1900 по 1907 годъ, Спб. 1907; «Міръ Ислама», I, 139.

5) Обзоръ дѣятельности, стр. 51—62.

пытки въ этомъ направленіи нигдѣ не имѣли сколько-нибудь значительнаго и прочнаго успѣха [1]).

Въ 1909 г. въ Харбинѣ, въ 1910 г. въ С.-Петербургѣ возникло «Общество Русскихъ Оріенталистовъ». Первоначальныя намѣренія учредителей, повидимому, не вполнѣ соотвѣтствовали тому направленію, которое впослѣдствіи приняла дѣятельность обоихъ обществъ. По первоначальному проекту, обсуждавшемуся въ 1908 г. сначала въ Пекинѣ, потомъ въ Харбинѣ, имѣлось въ виду «объединеніе лицъ, получившихъ высшее оріентальное образованіе, на почвѣ постояннаго общенія, взаимопомощи и поддержки въ удовлетвореніи ихъ научныхъ интересовъ, духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ» [2]); въ 1909 и 1910 г. говорилось о «назрѣвшей потребности объединенія всѣхъ русскихъ оріенталистовъ» [3]); въ уставахъ обоихъ обществъ, въ отличіе отъ Общества Востоковѣдѣнія, кромѣ практическихъ задачъ предусмотрѣны также академическія, поставленныя въ уставѣ петербургскаго общества даже на первомъ мѣстѣ [4]). Фактически «Общество Русскихъ Оріенталистовъ» постепенно получило характеръ организаціи приблизительно съ тѣми же задачами, какъ Общество Востоковѣдѣнія. Уставомъ Общества (§ 72 и слѣд.) предусмотрѣны «отдѣлы», соотвѣтствующіе «отдѣленіямъ» Общества Востоковѣдѣнія; устройство ихъ значительно облегчено [5]); но пока эти параграфы устава, насколько можно судить по печатнымъ отчетамъ, не получили осуществленія; не осуществилось даже, хотя и было оффиціально объявлено [6]), сліяніе харбинскаго общества съ петербургскимъ.

1) Предполагавшееся изданіе «Вѣстника О-ва Востоковѣдѣнія», программа котораго еще 11 марта 1903 г. была утверждена министромъ внутреннихъ дѣлъ, вообще не состоялось (Обзоръ дѣятельности, стр. 28). О судьбѣ издававшихся съ 1902 г. «Извѣстій Ташкентскаго Отдѣленія О-ва Востоковѣдѣнія» (ibid., стр. 55) пишущему эти строки ничего не извѣстно; повидимому, существованіе этого органа не было продолжительно. Вышедшій въ свѣтъ въ 1912 г. въ Хабаровскѣ 1-й выпускъ «Записокъ Приамурскаго Отдѣла Имп. Об-ва Востоковѣдѣнія» остается до сихъ поръ единственнымъ.

2) Вѣстникъ Азіи, № 1, стр. 273 сл.

3) Ibid., № 2, стр. 190; также Отчетъ о дѣятельности Общества Русскихъ Оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ за 1910 г., стр. 3 сл.

4) По § 1 п. *a* цѣль Общества — «изученіе современнаго Востока въ лингвистическомъ, филологическомъ, историческомъ, общественно-политическомъ, экономическомъ и прочихъ отношеніяхъ». Въ уставѣ Харбинскаго Общества: «Изученіе Азіатскаго Востока въ общественно-политическомъ, культурномъ, экономическомъ, историческомъ, лингвистическомъ и прочихъ отношеніяхъ».

5) Обществу Востоковѣдѣнія его уставъ предоставляетъ учреждать отдѣленія «въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ будетъ состоять не менѣе 10 членовъ Общества» (Обзоръ, стр. 9). По уставу О. Р. О. (§ 72) «отдѣлы Общества могутъ быть учреждаемы въ какомъ-либо пунктѣ внѣ Петербурга, какъ въ Россіи, такъ и за границей, при наличіи въ немъ не менѣе двухъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ Общества».

6) Отчетъ за 1911 г., стр. 8 и слѣд. О томъ же было объявлено въ «Вѣстникѣ Азіи» (обложка №№ 11—12, май 1912 г.), причемъ было сказано, что «Харбинскій Отдѣлъ О. Р. О.

Столь же мало осуществилось предположеніе (§ 77 устава) о созывѣ, «не менѣе одного раза въ три года», съѣздовъ всѣхъ членовъ Общества. Къ числу организацій, имѣвшихъ цѣлью изученіе Востока, прибавились, такимъ образомъ, двѣ новыхъ, одна въ Харбинѣ, другая въ С.-Петербургѣ, подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ, съ задачами, предусмотрѣнными также уставами другихъ организацій. Объединенію силъ это, конечно, не можетъ содѣйствовать; но, если такое объединеніе, по тѣмъ или инымъ причинамъ, въ настоящее время является невозможнымъ, то остается только пожелать одинаковаго успѣха всѣмъ организаціямъ, стремящимся разными путями къ одной цѣли [1]). Въ интересахъ дѣла, конечно, желательно, чтобы «Восточный Сборникъ» 1913 г. оказался долговѣчнѣе «Восточнаго Сборника» 1877 г.

Первая книга сборника производитъ выгодное впечатлѣніе своимъ внѣшнимъ видомъ и въ той части, которая посвящена Ближнему Востоку, отличается довольно разнообразнымъ содержаніемъ. Среди именъ авторовъ, давшихъ свои статьи для сборника, мы находимъ знакомыя читателямъ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія» имена А. Самойловича («Хронограмма Ахмедъ-табиба» на смерть хивинскаго хана и на воцареніе его преемника) и С. Шапшала («Мусульманскіе святые въ художественномъ изображеніи шіитовъ Персіи») [2]). Двѣ популярно-научныхъ статьи посвящены Крыму («Матеріалы по изученію Крымской народной поэзіи» А. Олесницкаго и замѣтка «Крымскіе азизы» И. Г-го); двѣ статьи касаются современныхъ событій въ Персіи (Н. Г. Реформы въ Персіи. І. Маліатъ) и Средней Азіи

временно пріостанавливаетъ изданіе журнала «Вѣстникъ Азіи», впредь до выясненія обстановки». № 13 былъ выпущенъ въ январѣ 1913 г. съ объявленіемъ отъ редакціи что «въ 1913 г. журналъ будетъ выходить по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ лишь съ измѣненіемъ сроковъ выхода». Въ 1913 г. Харбинское Общество снова стало называть себя «Обществомъ Русскихъ Оріенталистовъ», а не «Харбинскимъ Отдѣломъ» О. Р. О.

1) Пишущій эти строки рѣшается только высказать свое *личное мнѣніе*, что при учрежденіи обществъ съ *практическими цѣлями* слѣдовало бы избѣгать названій, вызывающихъ прежде всего представленіе о *научномъ* обществѣ. Право на званіе «оріенталиста» дается не дипломомъ объ окончаніи курса въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, но исключительно научными трудами въ области востоковѣдѣнія; называть себя «Обществомъ Русскихъ Оріенталистовъ» имѣла бы право только такая русская организація (пока еще не существующая), которая по своимъ задачамъ и по личному составу соотвѣтствовала бы «Deutsche Morgenländische Gesellschaft», «Société Asiatique» и «Royal Asiatic Society». Такъ, очевидно, и было понято учрежденіе «Общества Русскихъ Оріенталистовъ» на западѣ, когда редакторъ «Zeitschrift der D. Morg. Ges.» посылалъ «коллегіальное» привѣтствіе русской «Schwesterinstitution» (ZDMG, LXV, 621).

2) Въ примѣчаніи (стр. 1) сказано, что сообщеніе было прочитано въ собраніи О. Р. О. 31 марта 1911 г. Сообщеніе того же содержанія («Объ иконахъ у современныхъ шіитовъ») было сдѣлано С. М. Шапшаломъ еще 25 ноября 1910 г. въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, причемъ въ протоколѣ было сказано, что сообщеніе будетъ напечатано въ «Запискахъ» Отдѣленія (ЗВО. XXI, стр. XVIII).

(С. Жуковскій. «Сейидъ Исламъ Ходжа»; рѣчь идетъ о хивинскомъ министрѣ, убитомъ въ ночь на 10 августа 1913 г.); въ трехъ замѣткахъ (1. Ковейтъ и Англія; 2. Проливы; 3. Балканскій полуостровъ и султанъ Мурадъ Ханъ I) г. Антаки и въ одной замѣткѣ г. А. («Историческая справка объ Адріанополѣ») приводятся историческія справки по вопросамъ текущей политики; въ двухъ статьяхъ (С. Петровъ. Русскій экспортъ на Ближній Востокъ; Б. Гурьевъ. Торговля Россіи съ Персіей и проектъ великаго индійскаго пути) разсматриваются торговые интересы Россіи въ Турціи и Персіи (вторая изъ этихъ статей—самая обширная во всемъ сборникѣ). Въ статьѣ г. А. о XVI (аѳинскомъ) международномъ конгрессѣ оріенталистовъ говорится почти исключительно о занятіяхъ конгресса, касавшихся Турціи; Турціи посвящены также всѣ, кромѣ одной, замѣтки библіографическаго содержанія. Гораздо бѣднѣе содержаніемъ часть книги, посвященная Дальнему Востоку; мы находимъ здѣсь статью Э. Беренса о консульскомъ судѣ въ Китаѣ, два некролога (архіепископа Николая и японскаго министра князя Кацуры), статью о корейцахъ-колонистахъ и библіографическую замѣтку о собранныхъ гр. А. П. Беннигсенъ «Легендахъ и сказкахъ Центральной Азіи»; кромѣ статьи г. Э. Беренса, остальныя статьи и замѣтки, судя по подписямъ (С. В. Недачинъ, С. Недачинъ, С. Н-нъ и С. Н.), принадлежатъ одному лицу.

Было бы преждевременно судить о томъ, насколько редакціи сборника удастся выполнить намѣченную ею программу. Въ первой книгѣ мы, вопреки словамъ редакціонной статьи, находимъ статьи еще болѣе «академическія», т. е. еще менѣе доступныя читателямъ-неоріенталистамъ[1]), чѣмъ статьи «Міра Ислама» 1912 г., и еще болѣе «публицистическія», чѣмъ статьи «Міра Ислама» 1913 г. Въ статьяхъ гг. Шапшала и Самойловича восточныя слова (не въ примѣчаніяхъ, а въ самомъ текстѣ) оставляются иногда безъ перевода и даже безъ транскрипціи русскими буквами (напр. на стр. 7: «читается صلوات Пророку» и въ лингвистическихъ разсужденіяхъ на стр. 169—171); въ статьѣ г. Антаки о Балканскомъ полуостровѣ печальный конецъ балканскаго союза объясняется исключительно «чрезмѣрной гордостью одного изъ союзниковъ» (стр. 227). Для «практическихъ» цѣлей было бы желательно, чтобы въ «историческихъ справкахъ» проявлялось нѣсколько

1) Въ редакціонной статьѣ слово «академическій» употребляется не вполнѣ послѣдовательно; «академическимъ» названъ трудъ г-на Эльмановича, который по отзыву спеціалиста, сообщенному самимъ же О. Р. О. (Отчетъ за 1911 г., стр. 40), «не имѣетъ научнаго значенія» и представляетъ только «интересъ практическій для популяризаціи въ Россіи капитальнаго и знаменитаго памятника».

болѣе внимательное отношеніе къ точности фактовъ и датъ [1]), чтобы въ статьяхъ по политическимъ и экономическимъ вопросамъ приводились, хотя бы въ примѣчаніяхъ, нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о литературѣ предмета [2]), чтобы статистическія данныя подвергались болѣе тщательному разсмотрѣнію, съ болѣе подробнымъ выясненіемъ причинъ колебанія цифръ [3]).

Пишущій эти строки, знакомый по собственному опыту съ трудностями веденія «новаго дѣла» въ области изученія Востока, не можетъ, конечно, поставить въ упрекъ редакціи «Восточнаго Сборника» недостатки первой книги. Типъ журнала или сборника, соотвѣтствующій требованіямъ жизни, вырабатывается только самой жизнью, часто въ полномъ противорѣчіи съ первоначальными программами и даже съ текстомъ уставовъ [4]). Позволяемъ себѣ высказать искреннее пожеланіе, чтобы «Восточный Сборникъ» оказался счастливѣе «Міра Ислама» и чтобы ему была дана возможность искать и найти свой путь, безъ преждевременнаго вмѣшательства, хотя бы на законномъ основаніи, посторонней силы. **В. Б.**

---

1) Балдуинъ I, взятый въ плѣнъ болгарами въ 1205 г., былъ не королемъ (стр. 223), а императоромъ, главой Латинской имперіи. Невѣрно, что «Балканскій полуостровъ до половины XIV столѣтія находился въ рукахъ византійскихъ императоровъ» (стр. 225): въ XIV в. славяне на Балканскомъ полуостровѣ были сильнѣе грековъ. По г. Антаки (ibid.) «начало завоеванія турками Балканъ» относится къ 763=1364 г. (сопоставленіе христіанской даты съ мусульманской сдѣлано неправильно; 763 г. хиджры начался 31 окт. 1361 г., окончился 20 окт. 1362 г.), по г. А. (стр. 223) турки уже въ 1361 г. завладѣли Адріанополемъ; въ дѣйствительности послѣднее произошло въ 763=1362 г. (J. H. Mordtmann въ Enzykl. des Islam, II, 1); первыя *завоеванія* османцевъ на полуостровѣ относятся къ 1356 г. (ихъ *набѣги* на полуостровъ начались еще съ 1321 г.). Адріанополь не входилъ въ составъ Восточной Румеліи (стр. 224); турецкое названіе города не «Адринэ» (ibid.), а Эдірне; войны Мурада I не могли укрѣпить за Турціею Венгрію (стр. 225), которая была завоевана турками двумя вѣками позже.

2) Напр. о консульскомъ судѣ въ Китаѣ болѣе подробно, чѣмъ въ статьѣ г. Э. Беренса, говорится въ послѣднихъ главахъ книги Н. В. Богоявленскаго «Западный застѣнный Китай» (Спб. 1906).

3) Напр. въ статьѣ г. Б. Гурьева сокращеніе вывоза изъ Россіи въ Индію въ 1905 г. (577.215 р. противъ 5.927.271 р. въ 1904 г.) объясняется только русско-японской войной (стр. 137); почти столь же значительное сокращеніе вывоза въ 1910 г. (20.763 р. противъ 178.935 р. въ 1909 г.) оставляется безъ объясненія. Важный экономическій вопросъ о значеніи будущаго «великаго индійскаго пути» разсматривается крайне поверхностно, съ ссылкой на газетныя статьи; для устраненія опасности, угрожающей экономическимъ интересамъ Россіи отъ продолженія Багдадской дороги, рекомендуются такія палліативныя мѣры, какъ «постройка желѣзныхъ дорогъ отъ Джульфы къ Тавризу, отъ Энзели къ Тегерану и отъ одного изъ пограничныхъ съ Персіей пунктовъ въ Туркестанѣ къ Мешхеду» (стр. 158).

4) Достаточно напомнить, что въ уставѣ Имп. Русскаго Археологическаго Общества (§ 41) говорится не о существующихъ нынѣ (уже нѣсколько десятилѣтій) «Запискахъ» Отдѣленій, но только о «Запискахъ» Общества и о «Редакціонномъ Комитетѣ», состоящемъ изъ секретаря Общества и приглашаемыхъ имъ «нѣсколькихъ редакторовъ, соотвѣтственно числу помѣщаемыхъ въ Запискахъ Общества отдѣловъ».

381. Князь В. И. Масальскій. Туркестанскій край. Съ 206 политипажами, болѣе 20 діаграммъ, картограммъ и схематическихъ профилей, съ 1 большой справочной картой Туркестана, 1 Памира, 1 Тянь-шаня и 8 малыми картами. Спб. 1913. Изданіе А. Ф. Девріена. X + 861 стр. 8°. (Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга подъ редакціей В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и акад. В. И. Ламанскаго. Томъ XIX). Цѣна 5 р. 50 к.

Послѣ выхода въ свѣтъ труда Л. Ѳ. Костенко[1]), давно уже составляющаго библіографическую рѣдкость, въ русской литературѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ популярныхъ статей[2]) и желѣзнодорожныхъ путеводителей, не было попытки дать полное и всестороннее описаніе Туркестана. Какъ и слѣдовало ожидать, цѣли автора разбираемой книги совершенно иныя, чѣмъ цѣли его предшественника. «Туркестанскій край» Костенко былъ прежде всего «опытомъ военно-статистическаго обозрѣнія Туркестанскаго военнаго округа»; въ настоящее время болѣе четверти вѣка отдѣляетъ насъ отъ послѣднихъ событій военной исторіи края; на очереди стоятъ другіе вопросы, преимущественно тотъ, которому отведено главное мѣсто въ «Туркестанскомъ краѣ» кн. Масальскаго, — вопросъ о значеніи этой окраины «для нашей экономической жизни».

Взглядъ самого автора на этотъ вопросъ — болѣе чѣмъ оптимистическій. Авторъ не только знаетъ, но и любитъ описываемую имъ страну, жалѣетъ о томъ, что «Туркестанъ, давшій славу многимъ русскимъ ученымъ и изслѣдователямъ, почти не вдохновлялъ нашихъ поэтовъ и художниковъ», кромѣ Верещагина (стр. VI). Въ противоположность осторожному скептицизму ученыхъ оріенталистовъ[3]), въ противоположность мнѣнію представителей «теоріи высыханія», отрицающихъ за краемъ всякую экономическую будущность[4]), авторъ говоритъ о прошломъ, настоящемъ и будущемъ Туркестана въ такихъ выраженіяхъ, которыя, вѣроятно, многимъ читателямъ покажутся чрезмѣрными. «Исторія Туркестана представляетъ глубокій, захватывающій интересъ» (стр. 273), несмотря на то, что въ

---

1) Туркестанскій край. С.-Пб. 1880. 3 тома.

2) Среди нихъ почетное мѣсто принадлежитъ статьямъ самого кн. Масальскаго въ книгѣ «Окраины Россіи», изданной подъ редакціей П. П. Семенова, для парижской всемірной выставки 1900 г. (о Туркестанѣ стр. 129—210) и въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Эфрона (XXXIV, 1902 г., стр. 174—203).

3) Кромѣ мнѣнія Н. И. Веселовскаго (ЗВО. II, 279) ср. также вполнѣ согласное съ нимъ мнѣніе В. В. Радлова (Aus Sibirien, II, 418).

4) Ср. ЗВО. XIV, 054 и сл.; XVII, 092.

этой исторіи мало «болѣе или менѣе свѣтлыхъ страницъ» (стр. 284). При «одномъ упоминаніи о Средней Азіи» передъ авторомъ встаетъ «грандіозный и яркій образъ» (стр. VI). Орошеніе новыхъ земель и развитіе хлопководства будутъ имѣть послѣдствіемъ «созданіе огромной отрасли сельскохозяйственной промышленности, колоссальное приращеніе народнаго богатства» (стр. VII). Черезъ Туркестанъ «рано или поздно», по «неизбѣжно» пройдетъ «грандіозный европейско-индійскій желѣзнодорожный путь» (стр. 585). Въ Туркестанѣ «необходима самая спѣшная, самая интенсивная работа» (стр. 559); авторъ «ни на одну минуту» не сомнѣвается въ томъ, что для выполненія «грандіозной задачи» въ Россіи найдется «достаточно силъ, средствъ, энергіи и талантовъ» (стр. VII). Возможно, что авторъ не всѣ свои положенія могъ бы подкрѣпить доводами, убѣдительными и для скептиковъ [1]); возможно даже, что рекомендуемая имъ спѣшность будетъ имѣть не одни только положительные результаты [2]); но трудно было бы отказать въ симпатіи *такому* оптимизму, не скрывающему ошибокъ прошлаго [3]) и призывающему не къ самодовольству и успокоенію, но къ энергичной работѣ. Безъ горячей вѣры автора въ свое дѣло мы, вѣроятно, не получили бы такой книги о Туркестанѣ, какой до настоящаго времени не было не только на русскомъ, но и ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ.

Книга заключаетъ въ себѣ подробный очеркъ природы края (отд. I), обзоръ историческихъ судебъ населенія, свѣдѣнія о его современномъ этнографическомъ составѣ, бытовыхъ условіяхъ, промыслахъ и занятіяхъ, о путяхъ сообщенія (отд. II). Третій и послѣдній отдѣлъ книги имѣетъ характеръ подробнаго путеводителя для пріѣзжающихъ въ край: послѣ нѣкоторыхъ общихъ руководящихъ указаній для туристовъ (о лучшемъ времени для путешествія, о способахъ передвиженія, о снаряженіи и т. п.) авторъ вводитъ своихъ читателей въ страну по главнымъ желѣзнодорожнымъ (дороги Ташкентская и Среднеазіатская съ Андижанской вѣтвью) и воднымъ

---

1) Такъ событія послѣднихъ лѣтъ, къ сожалѣнію, сдѣлали довольно вѣроятнымъ, что европейско-индійскій желѣзнодорожный путь пройдетъ черезъ Балканскій полуостровъ, Турцію и Персію, минуя Россію, Туркестанъ и Авганистанъ.

2) Такъ мы узнаёмъ изъ книги, что «проектъ туркестанскаго воднаго закона» уже составленъ отдѣломъ земельныхъ улучшеній и внесенъ въ законодательныя учрежденія (стр. VII, 426 и 559), хотя «установившіяся въ Средней Азіи правила водопользованія» еще до сихъ поръ «не разработаны и даже не собраны воедино» (стр. 425 и сл.). Казалось бы, что подробное изученіе дѣйствующаго въ краѣ обычнаго права должно бы было *предшествовать* составленію подобнаго законопроекта, тѣмъ болѣе, что въ Государственной Думѣ въ настоящее время нѣтъ представителей отъ Туркестана.

3) Особенно характеренъ опытъ съ Аральской флотиліей, упраздненной въ 1882 г., причемъ «однимъ изъ результатовъ» этого опыта было «почти совершенное истребленіе по берегамъ Сыръ-дарьи» такого полезнаго растенія, какъ саксаулъ (стр. 569).

(пароходство на Аму-дарьѣ) путямъ и по почтовому тракту отъ станціи Кабулъ-сай до Вѣрнаго, оттуда на востокъ до Джаркента и на сѣверъ до Сергіополя; мелкимъ шрифтомъ сообщаются свѣдѣнія о мѣстностяхъ, расположенныхъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, пароходства и главнаго почтоваго тракта. Приложены подробный библіографическій указатель, указатели именъ географическихъ, именъ личныхъ и предметовъ; въ «дополненіяхъ» помѣщены нѣкоторыя статистическія таблицы, относящіяся преимущественно къ 1911 г., иногда и къ болѣе раннимъ годамъ [1]).

Очеркъ природы края, составленный, повидимому, на основаніи тщательнаго изученія литературы предмета и личнаго знакомства автора со многими мѣстностями Туркестана, вѣроятно, будетъ оцѣненъ по достоинству спеціалистами. Для читателей «Записокъ Восточнаго Отдѣленія», можетъ быть, будетъ интересенъ выводъ, который если не сдѣланъ авторомъ, то могъ бы быть сдѣланъ изъ его словъ: что Туркестанъ въ настоящее время представляетъ еще болѣе благодарное поприще для оріенталиста (лингвиста, историка, археолога и т. п.), чѣмъ для натуралиста и географа. «Предварительное общегеографическое изученіе этой страны уже закончено» (стр. 9); растительность «въ общемъ уже изучена хорошо и выясненъ ея своеобразный характеръ» (стр. 210); «изученіе животнаго царства Средней Азіи слѣдуетъ признать въ общихъ чертахъ законченнымъ» (стр. 255); между тѣмъ «изученіе памятниковъ старины въ Туркестанѣ едва только начинается» (стр. 318); «внутренній міръ туземнаго мусульманскаго населенія и всѣ стороны его духовной жизни, вытекающія изъ вѣкового господства ислама, намъ до сихъ поръ мало извѣстны» (стр. 560) [2]). Едва ли нужно доказывать, что для того «пріобщенія туземнаго мусульманскаго населенія къ русской культурѣ», о которомъ говоритъ авторъ (стр. VIII), необходимо прежде всего знать это населеніе, его современный бытъ и его прошлое. Даже для разрѣшенія единственнаго политическаго вопроса, поднятаго въ книгѣ кн. Масальскаго — для «введенія двухъ обломковъ прежняго средне-азіатскаго строя» (ханствъ Бухарскаго и Хивинскаго) «въ русло нашей государственной жизни и культуры» (стр. VIII и 560) было бы прежде всего необходимо подробно изучить современную жизнь обоихъ ханствъ; чтобы эта работа имѣла характеръ изслѣдованія по первоисточникамъ, она должна

1) Объ оборотахъ торговли авторъ располагалъ свѣдѣніями только за 1910 г., объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ — только за 1909 г. О сборѣ хлопка приводятся свѣдѣнія за 1912 г. (11.354 тыс. пудовъ), но авторъ оговаривается, что эти свѣдѣнія были «предварительными» и что «въ дѣйствительности сборъ оказался ниже, около 10 милл. пудовъ».

2) Правда, въ другомъ мѣстѣ (стр. 9) сказано, что намъ «въ общихъ чертахъ» извѣстны «не только характеръ Средней Азіи и особенности ея природы, но и составъ ея обитателей, условія ихъ существованія и отчасти и духовная ихъ жизнь»

быть выполнена людьми, знающими мѣстные языки и имѣющими хотя бы нѣкоторое понятіе объ историческомъ происхожденіи современнаго государственнаго строя [1]). Такія же изслѣдованія были бы необходимы по ряду вопросовъ, касающихся другихъ сторонъ жизни края: дервишизма; дѣйствія туземныхъ судовъ; воднаго хозяйства, его прошлаго и его современной терминологіи. Къ сожалѣнію, число русскихъ людей, сколько нибудь знакомыхъ съ языкомъ и письменностью туземцевъ, въ настоящее время еще крайне незначительно. Авторъ при описаніи Ташкента (стр. 610) говоритъ о двухъ частяхъ города, русской и туземной (азіатской), «которыя настолько рѣзко отличаются одна отъ другой, что представляютъ какъ бы два особыхъ міра, расположенныхъ рядомъ», но не прибавляетъ, что еще въ недавнее время въ «русскомъ» Ташкентѣ (за немногими исключеніями) столь же мало думали объ «азіатскомъ», какъ въ европейскихъ кварталахъ Шанхая и Кантона—о китайскомъ населеніи тѣхъ же городовъ [2]).

Кн. Масальскому литература по этнографіи и исторіи края знакома, повидимому, не въ той же степени, какъ литература по общей географіи, ботаникѣ, зоологіи и т. п. Въ книгѣ сообщаются свѣдѣнія, хотя и краткія, по исторіи изученія природы края, его растительности и животнаго царства (стр. 4 и сл., 208 и сл., 254 слѣд.); по этнографіи, исторіи и археологіи дается только (стр. 9) перечень, крайне неполный, именъ изслѣдователей, къ тому же расположенныхъ въ нѣсколько странномъ порядкѣ (Наливкинъ, Бартольдъ, Веселовскій, гр. Бобринскій, Жуковскій, Остроумовъ). Въ библіографическомъ указателѣ отдѣлы «Археологія и исторія» и «Распредѣленіе населенія» и т. д. (стр. 794—799) отличаются нѣсколько меньшей полнотой и точностью, чѣмъ другіе [3]). Все же авторомъ и въ этомъ отношеніи

1) Ни тому, ни другому условію не удовлетворяетъ книга Д. Н. Логофета «Бухарское ханство подъ русскимъ протекторатомъ» (2 тома, Спб. 1911) — наиболѣе подробное, послѣ вышедшей еще въ 1843 г. книги Н. В. Ханыкова, описаніе Бухарскаго ханства.

2) Характерны въ этомъ отношеніи печатавшіяся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1913 г. воспоминанія одного изъ дѣятелей недавняго прошлаго края, Г. П. Федорова. Разсказывая о слабости власти при одномъ изъ генералъ-губернаторовъ, авторъ воспоминаній находитъ, что безпечность начальства не имѣла вредныхъ послѣдствій, такъ какъ Ташкентъ въ то время жилъ несложной жизнью захолустнаго города (Ист. Вѣстникъ 1913 г., ноябрь, стр. 453). Что жизнь Туркестана не исчерпывается жизнью русскаго Ташкента, это, повидимому, не сознается имъ и теперь.

3) Несмотря на то, что библіографія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доведена до 1913 г. (изданный въ этомъ году переселенческимъ управленіемъ «Атласъ Азіатской Россіи» названъ даже въ трехъ мѣстахъ, стр. 781, 785 и 803), не упомянута статья А. Семенова «Изъ области религіозныхъ вѣрованій шугнанскихъ исмаилитовъ» въ «Мірѣ Ислама» 1912 г. Упомянута работа А. Шишова о сартахъ и не упомянута работа того же автора о таджикахъ (Средняя Азія, съ ноября 1910 до декабря 1911 г.). О «Предварительныхъ замѣткахъ» Д. А. Хвольсона по поводу семирѣченскихъ надписей не сказано, что эта статья появилась въ ЗВО., т. I. Названіе издававшагося въ Ташкентѣ въ 1898 г. сборника — «Сборникъ

сдѣлано больше, чѣмъ можно было ожидать отъ неоріенталиста. Исторія края изложена, въ общемъ, вполнѣ удовлетворительно; можно отмѣтить только нѣсколько неточностей, не имѣющихъ большого значенія. Названіе Искандеръ-куль не встрѣчается ни въ одномъ средневѣковомъ источникѣ и потому едва ли можетъ быть признано отголоскомъ преданій объ Александрѣ Македонскомъ (стр. 277 и 685); вѣроятно, оно было дано озеру въ позднѣйшее время какимъ-нибудь книжникомъ, какъ названіе Афрасіабъ — городищу близъ Самарканда. Еще меньше значенія имѣетъ преданіе, будто городъ Ширабадъ, возникшій только въ XVIII в. 1), «видѣлъ подъ своими стѣнами воиновъ Александра» (стр. 277). На стр. 282 авторъ присоединяется къ мнѣнію Вамбери, будто при саманидахъ «были раздуты въ благотворный свѣтъ едва тлѣвшія въ Балхѣ и Мавераннагрѣ послѣ арабскаго нашествія искры иранской культуры»; приблизительно таково же было мнѣніе противника Вамбери, проф. Григорьева 2), объяснявшаго развитіе культуры при саманидахъ существованіемъ въ странѣ «старой научной закваски»; тѣмъ не менѣе всѣ факты указываютъ на то, что страна была обязана своими культурными успѣхами не столько мѣстнымъ традиціямъ, сколько усилившемуся при саманидахъ культурному вліянію Передней Азіи. Тамъ же къ числу географовъ, описывавшихъ «съ восхищеніемъ великолѣпіе саманидовъ и процвѣтаніе ихъ государства», причисляется Ибн-Руста, не говорящій ни слова о саманидахъ. На стр. 293 сказано, что Тимуръ въ 1379 г. овладѣлъ не только Хорезмомъ, но также Грузіей и Арменіей; въ дѣйствительности войска Тимура впервые появились въ этихъ областяхъ въ 1386 г. Едва ли вѣрно, что Надиръ-шахомъ «былъ нанесенъ окончательный ударъ» могуществу Бухары (стр. 298); Бухара при Мухаммедъ-Рахимъ-ханѣ (1756—1759) была гораздо могущественнѣе, чѣмъ въ первой половинѣ XVIII в. Есть также ошибки противъ исторіи и хронологіи въ маршрутныхъ справкахъ. Монеты, найденныя въ развалинахъ Джанкента, относятся не къ XV (стр. 596), а къ XIV в. 3); Хаджаджъ былъ не халифомъ (стр. 642, 655 и 656), а намѣстникомъ восточныхъ областей халифата; «мечеть» (въ

матеріаловъ по мусульманству», а не «Матеріалы по мусульманству». Статья А. Калмыкова о Хивѣ напечатана въ «Протоколахъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи», годъ 12-й, а не годъ 9-й. Передъ заглавіемъ статьи В. В. Вельяминова-Зернова (Монеты бухарскія и хивинскія) по какому-то корректурному недосмотру поставлено слово «архивъ».

1) Основателемъ его былъ Ширъ-Али, мятежный намѣстникъ Термеза (F. Teufel, Quellenstudien zur neueren Geschichte der Chânate, Separatabdruck aus der ZDMG. Bd. XXXVIII, S. 42).

2) Восточный Туркестанъ, II, 13.

3) Авторъ очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе недосмотромъ въ книгѣ Лерха (Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край, Спб. 1870, стр. VI): VIII в. хиджры соотвѣтствуетъ не XV, а XIV в. по Р. Хр.

дѣйствительности медресе) Улугбега построена не въ 1434 (стр. 676), а въ 1420 г.[1]); надписи въ Джилянутинскомъ ущеліи не арабскія (стр. 686), а персидскія; Киръ умеръ не въ 560 (стр. 690), а въ 529 г. до Р. Хр.[2]); «царь» и «пророкъ» Соломонъ (стр. 712) — одно и то же лицо, тожественное также съ «легендарнымъ мусульманскимъ царемъ Сулейманомъ» (стр. 753). Современный Куня-Ургенчъ возникъ не «лѣтъ около пятидесяти тому назадъ» (стр. 756), но еще въ 1831 г.[3]).

Нѣсколько слабѣе этнографическая часть книги. О взаимоотношеніяхъ двухъ главныхъ этническихъ (иранцы и турки) и бытовыхъ (осѣдлые жители и кочевники) группъ населенія даются, въ общемъ, правильныя свѣдѣнія, хотя авторъ нѣсколько преувеличиваетъ разрушительныя наклонности кочевниковъ. По его мнѣнію «для кочевника непонятна и ненужна вся осѣдлая культура. Если бы кочевники могли, они весь міръ обратили бы въ пастбище» (стр. 351). Въ дѣйствительности кочевники всегда умѣли цѣнить предметы, которые они могли получать только отъ своихъ культурныхъ сосѣдей[4]); походы кочевниковъ на культурныя земли предпринимались съ цѣлью овладѣть богатствами этихъ земель, но отнюдь не для обращенія ихъ въ пастбища. Все, что говорится объ отдѣльныхъ народностяхъ каждой группы, нуждается въ существенныхъ поправкахъ и оговоркахъ. Слово «таджикъ», вопреки мнѣнію многихъ ученыхъ[5]), едва ли можетъ быть произведено «отъ персидскаго *таджъ* — корона» (стр. 405); правописаніе и произношеніе «таджикъ», по крайней мѣрѣ въ персидской литературѣ[6]), появляется сравнительно поздно; вплоть до XIV в. персидскіе авторы пишутъ обыкновенно «тазикъ». О языкѣ таджиковъ сказано только (стр. 408), что они «говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ персидскаго

---

1) Ср. ЗВО. XII, 0125.

2) Правильная дата приведена самимъ авторомъ на стр. 275.

3) Подробности объ этомъ, заимствованныя изъ оффиціальной хивинской исторіи, будутъ сообщены въ моей статьѣ «Къ исторіи орошенія Туркестана», печатающейся въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство».

4) Ср. хотя бы слова орхонскихъ надписей о китайскихъ товарахъ (W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, S. 151). Изъ товаровъ, получаемыхъ отъ культурныхъ сосѣдей, для кочевниковъ особенно важны предметы одежды. Въ 50-хъ годахъ XVI в. ногайскій князь Исмаилъ писалъ своему брату Юсуфу: «Твои люди ходятъ торговать въ Бухару, а мои ходятъ къ Москвѣ; и только мнѣ завоеваться съ Москвою, то и самому мнѣ ходить нагому, да и мертвымъ не на что будетъ савановъ шить». (Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. товар. Обществ. Польза, II, 92).

5) Ту же этимологію поддерживаетъ еще F. Justi въ Grundriss der iranischen Philologie, II, 402.

6) Въ турецкой литературѣ мы находимъ форму täціk уже въ памятникѣ XI в. «Кудатку-Биликъ» (В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, III, 1096). Возможно, что у орхонскихъ турковъ было слово täзік, тогда служившее для обозначенія арабовъ (W. Barthold, Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen, S. 14).

языка, болѣе или менѣе значительно отличающихся отъ послѣдняго»; не сказано, какія изъ этихъ нарѣчій понятны и какія непонятны для знающихъ литературный персидскій языкъ (только о нарѣчіи ягнобцевъ говорится, что оно непонятно для сосѣдей ягнобцевъ); между тѣмъ по этому вопросу въ литературѣ есть нѣкоторыя свѣдѣнія [1]). О численности турецкихъ народностей говорится по даннымъ переписи 1897 г., хотя и отмѣчаются несовершенства этой переписи [2]) (стр. 361 и 391). Сарты, по мнѣнію автора (стр. 393), «говорятъ на джагатайскомъ нарѣчіи, отличающемся отъ узбекскаго»; между тѣмъ джагатайскій поэтъ Неваи, жившій до завоеванія края узбеками, называется «узбекскимъ поэтомъ» (стр. 382) [3]). Безъ оговорокъ приводятся цифры переписи, по которымъ сарты въ Самаркандской области составляютъ только 2% населенія, въ Ферганской — 50%, узбеки въ Самаркандской области 59%, въ Ферганской 10% (стр. 360); въ дѣйствительности это объясняется тѣмъ, что, какъ было отмѣчено въ печати еще до переписи [4]), самаркандская статистика признавала только узбековъ, а не сартовъ, ферганская — только сартовъ, а не узбековъ. Въ Хивинскомъ ханствѣ, по словамъ автора, «сартовъ нѣтъ» (стр. 392), между тѣмъ А. Н. Самойловичъ «только для Хивинскаго ханства» отстаиваетъ этническое значеніе слова «сартъ» [5]). У туркменъ, по мнѣнію кн. Масальскаго (стр. 386), «самостоятельнаго нарѣчія нѣтъ; одни изъ нихъ, живущіе на границѣ Персіи, говорятъ на нѣсколько измѣненномъ адербейджанскомъ нарѣчіи; другіе, обитающіе въ Хивѣ, Бухарѣ и на границахъ афганскаго Туркестана, употребляютъ нарѣчіе, близкое къ джагатайскому или узбекскому, третьи, наконецъ, живущіе по сосѣдству съ киргизами, говорятъ на языкѣ, близкомъ къ киргизскому». Изъ того, что туркмены подвергаются лингвистическому вліянію своихъ болѣе культурныхъ или болѣе многочисленныхъ сосѣдей, еще не слѣдуетъ, что туркменскаго нарѣчія не существуетъ; въ частности, адербейджанцы, какъ и османцы, — выходцы изъ туркменскаго народа, такъ что скорѣе можно было бы назвать адербейджанское нарѣчіе «измѣненнымъ туркменскимъ», чѣмъ наоборотъ.

Свѣдѣнія объ исламѣ и его вліяніи на жизнь его послѣдователей нѣсколько односторонни и не всегда точны. Коранъ названъ «сборникомъ изреченій и поученій Магомета» (стр. 354). По мнѣнію автора (стр. 334) мусульманскую культуру убили «книжники», подъ вліяніемъ которыхъ

1) W. Geiger въ Grundriss der iran. Phil., I, Abt. II, S. 290 f.

2) Ср. ЗВО. XVIII, 0190 и сл.

3) На самомъ дѣлѣ нарѣчіе сартовъ гораздо ближе къ нарѣчію узбековъ, чѣмъ къ литературному джагатайскому языку.

4) ЗВО. XI, 354.

5) Живая Старина XIX, 269.

«умственный кругозоръ мусульманскихъ народовъ замкнулся въ тѣсный кругъ идей и понятій, основанныхъ на толкованіи корана... Послѣ того, какъ подъ вліяніемъ этого направленія свѣточъ науки погасъ въ Багдадѣ, центромъ умственной жизни мусульманства сдѣлалась Персія... Значительно позже появился новый очагъ мусульманской культуры въ Бухарѣ и Самаркандѣ». Въ дѣйствительности, культурная работа происходила въ Персіи приблизительно въ то же самое время, какъ въ Багдадѣ, и къ этому же, а не къ болѣе позднему времени относится возникновеніе «очаговъ мусульманской культуры» въ Средней Азіи. Неправильно переводятся нѣкоторыя восточныя слова; «хуа» значитъ (по-арабски) «онъ», а не «вездѣсущій» (стр. 356), «хафизъ», какъ нарицательное имя, значитъ не «пѣвецъ» (стр. 403), а «знатокъ и декламаторъ корана»; «Искандеръ-салисъ» значитъ «Александръ Третій», а не «солнце Александра» (стр. 652).

Указатели не вызываютъ никакихъ существенныхъ замѣчаній[1]), и ими, конечно, съ благодарностью будутъ пользоваться всѣ читатели. Нѣсколько менѣе удовлетворительно составлено оглавленіе; порядокъ въ оглавленіи не всегда соотвѣтствуетъ порядку изложенія въ самой книгѣ[2]); въ значительной степени этотъ недостатокъ возмѣщается заголовками наверху каждой страницы, благодаря которымъ читателю не трудно отыскать интересующую его часть каждой главы. Недостаетъ перечня иллюстрацій, который былъ бы очень полезенъ, такъ какъ иллюстраціи, относящіяся къ однимъ и тѣмъ же мѣстностямъ, помѣщены иногда въ различныхъ мѣстахъ книги (ср. напр. изображеніе развалинъ Мерва на стр. 286 и 645).

По своему внѣшнему виду книга производитъ такое же выгодное впечатлѣніе, какъ всѣ изданія А. Ф. Девріена, хотя, конечно, не всѣ фотографическіе снимки одинаково отчетливы. Фотографіи самого кн. Масальскаго большею частью превосходны.

Въ заключеніе можно только выразить какъ автору, такъ и редакторамъ изданія[3]) искреннюю признательность за книгу, которой, несмотря

1) Разумѣется, встрѣчаются опечатки въ цифрахъ; о Хаджаджѣ говорится на стр. 280, а не 380. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ текстѣ книги по ошибкѣ упоминается одно и то же лицо подъ различными именами, эти ошибки перешли, конечно, и въ указатель; кромѣ Соломона и Сулеймана (ср. выше стр. 203) сюда относятся также Ибнъ-Даста и Ибнъ-Руста. Путешественникъ Ефремовъ въ указателѣ по недосмотру названъ Ефимовымъ (въ текстѣ вѣрно).

2) Въ гл. I въ оглавленіи перечислены сначала моря и озера, потомъ рѣки; въ книгѣ объ Аральскомъ морѣ говорится послѣ Аму-дарьи, о Балхашѣ послѣ Или. Въ гл. V порядокъ народностей въ оглавленіи иной, чѣмъ въ текстѣ книги.

3) Кромѣ редактора всей серіи, В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, предисловіе отъ редакціи къ XIX тому подписалъ также Л. Бергъ.

на ея большой объемъ и не совсѣмъ удобный форматъ, суждено, повидимому, надолго остаться «настольной и дорожной книгой» для путешественниковъ и начинающихъ туркестанскихъ дѣятелей. **В. Б.**

382. М. В. Лавровъ, директоръ Ташкентской 2-ой женской гимназіи. Туркестанъ. Географія и исторія края. Съ 273 рисунками и 6 картами. Москва 1914[1]). IV + 198 стр. 8°. Цѣна 1 р. 15 к.

Книга М. В. Лаврова — учебникъ, предназначенный прежде всего для туркестанскихъ школъ. Насколько извѣстно пишущему эти строки, авторъ имѣлъ въ этомъ отношеніи только одного предшественника — Н. В. Остроумова; составленная послѣднимъ «Географія Туркестанскаго края», въ настоящее время забытая (М. В. Лавровъ о ней не упоминаетъ), въ свое время была одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и выдержала два изданія (1886 и 1891 гг.).

По обилію матеріала, трудъ М. В. Лаврова значительно превосходитъ трудъ его предшественника, составленный только для учениковъ городскихъ училищъ. Кромѣ того большое преимущество новаго учебника составляютъ превосходныя иллюстраціи, дающія наглядное представленіе о природѣ края, особенно о животномъ мірѣ, о типахъ населенія, бытовыхъ условіяхъ, промышленности, памятникахъ архитектуры; есть также портреты нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей. Какъ уже было отмѣчено въ печати[2]), выгодное впечатлѣніе, производимое внѣшностью книги, нѣсколько портятъ крайне неудовлетворительныя и неизящныя карты. Изъ шести картъ, сдѣланныхъ, по словамъ автора, «спеціально для учебника», пять[3]) съ пользой для дѣла могли бы быть замѣнены одной картой, извлеченной изъ учебника Н. В. Остроумова (во 2-мъ изданіи).

Авторъ въ предисловіи даетъ перечень именъ изслѣдователей, трудами которыхъ онъ пользовался, причемъ этотъ перечень заканчивается словами «и многіе другіе»; сверхъ того онъ ссылается на свое «личное знакомство съ краемъ, изученіе его непосредственно во время экспедицій». На обложкѣ книги помѣщены «списокъ книгъ по туркестановѣдѣнію для юношества»[4])

---

1) На самомъ дѣлѣ книга вышла въ свѣтъ еще въ 1913 г.; отзывъ о ней былъ помѣщенъ тогда же въ газетѣ «Туркестанскія Вѣдомости», № 271 (5 декабря).

2) Вѣстникъ Европы 1914 г., январь, стр. 422.

3) На картѣ Н. В. Остроумова не вполнѣ изображена Семирѣченская область, не входившая въ то время въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства.

4) Къ изданіямъ «для юношества» почему-то причислено двухтомное сочиненіе покойнаго Е. Маркова «Россія въ Средней Азіи» (Спб. 1901). На самомъ дѣлѣ эти путевые очерки написаны для «русскаго общества», т. е. для взрослыхъ; къ тому же чтеніе этой книги ни по точности сообщенныхъ въ ней свѣдѣній, ни по выраженнымъ въ ней взглядамъ не можетъ быть рекомендовано молодому поколѣнію.

и «общій списокъ *нѣкоторыхъ* (курс. рец.) сочиненій по Туркестану»[1]). Изъ выраженій автора мы можемъ заключить, что ни перечень именъ, ни списокъ сочиненій не исчерпываютъ *всего* матеріала, на основаніи котораго составленъ учебникъ; тѣмъ не менѣе въ послѣднемъ не мало такихъ мѣстъ, которыя не свидѣтельствуютъ о достаточномъ знакомствѣ съ литературой предмета. Авторъ пользуется работами Л. С. Берга объ Аралѣ и Иссыкъ-кулѣ и не пользуется статьей того же изслѣдователя о Балхашѣ[2]), вслѣдствіе чего ему (стр. 19) остался неизвѣстенъ установленный Л. С. Бергомъ еще въ 1903 г. фактъ, что вода въ Балхашѣ прѣсная. Зарявшанъ, по мнѣнію автора, «еще не такъ давно впадалъ въ Аму, но въ настоящее время въ ста верстахъ отъ нея исчезаетъ въ пескахъ» (стр. 15). Извѣстно, что рѣка исчезала въ пескахъ еще при Александрѣ Македонскомъ. То же самое относится къ Герируду (Теджену), также названному прежнимъ притокомъ Аму-дарьи (стр. 13). Свѣдѣнія объ озерѣ Иссыкъ-куль (стр. 19 и 56) всецѣло заимствованы, большею частью даже безъ перемѣны выраженій, изъ статьи Л. С. Берга, причемъ, однако не говорится, что замѣчанія этого изслѣдователя о «прежнемъ» истокѣ озера по рѣкѣ Чу, о «прежнемъ» впаденіи Чу въ озеро и о «прежнемъ» высокомъ уровнѣ послѣдняго относятся къ *геологическому* прошлому; въ историческія времена Иссыкъ-куль всегда, начиная съ VII в. по Р. Хр., описывается какъ замкнутое соленое озеро[3]). Съ того же времени Голодная степь описывается всѣми путешественниками, географами и историками, какъ безводная пустыня; по словамъ автора, «въ древности и въ Голодной степи проходили огромные арыки, которые начали исчезать только со времени Чингизъ-хана» (стр. 114); «въ до-тамерлановскую эпоху вся сѣверозападная часть Самаркандской области была заселена довольно густо, культура въ этой мѣстности пала сравнительно не такъ давно. Въ древности Джизакъ могъ имѣть самостоятельное значеніе, какъ одинъ изъ крайнихъ культурныхъ пунктовъ на западной границѣ осѣдлыхъ поселеній» (стр. 132)[4]). Почти сплошь ошибочны или неточны свѣдѣнія, при

1) Читателямъ эти библіографическія данныя едва ли принесутъ пользу; въ списокъ внесены, безъ различія, заглавія книгъ и статей, причемъ ни о тѣхъ, ни о другихъ не сказано, гдѣ и когда онѣ появились.

2) Изв. Имп. Р. Геогр. Общ., т. XL, стр. 584—599.

3) Эти свѣдѣнія также приводятся Л. С. Бергомъ (Озеро Иссыкъ-куль, оттискъ изъ «Землевѣдѣнія» 1904 г., стр. 2). Какъ говоритъ тотъ же изслѣдователь въ другомъ мѣстѣ (Аральское море, Спб., 1908, стр. 403), Иссыкъ-куль долженъ былъ бы имѣть истокъ, если бы вода его стояла всего на 14 метровъ выше нынѣшняго уровня.

4) Столь же невѣрно мнѣніе (тамъ же), будто «по преданіямъ» городъ Газа, существовавшій при Александрѣ Македонскомъ, находился на мѣстѣ Джизака; такихъ преданій не существуетъ, и сближеніе древнихъ названій съ названіями болѣе поздними основано только на мнѣніяхъ ученыхъ. О Газѣ существуетъ болѣе правдоподобная догадка оріенталистовъ

водимыя подъ заголовкомъ «Исторія заселенія Туркестана» (стр. 25—36)[1]). Столь же ошибочно, что мечеть Биби-ханымъ построена Тимуромъ «въ честь своей китайской жены» (стр. 129); что въ основѣ нарѣчій таджиковъ лежитъ Зендъ, т. е., по терминологіи автора, языкъ Авесты[2]) (стр. 120—121); что хазара «своеобразное племя тибетскаго происхожденія» (стр. 180).

Если учебникъ М. В. Лаврова, подобно учебнику Н. В. Остроумова, будетъ имѣть второе изданіе, то авторъ, вѣроятно, подвергнетъ свою книгу тщательному пересмотру, въ которомъ особенно нуждаются приведенныя въ ней этнографическія и историческія свѣдѣнія. Казалось бы, что послѣ выхода въ свѣтъ книги кн. Масальскаго[3]) самый простой и въ то же время самый цѣлесообразный способъ составленія учебника по географіи и исторіи Туркестана — передать, въ сокращенномъ видѣ, содержаніе этой книги. Такой учебникъ, съ прибавленіемъ тѣхъ превосходныхъ иллюстрацій, которыя удалось собрать М. В. Лаврову, несомнѣнно, удовлетворялъ бы своему назначенію. Рецензентъ, хотя и безъ надежды на успѣхъ, рѣшается высказать еще одно пожеланіе: чтобы учебникъ, въ цѣляхъ постепеннаго пріобщенія туземцевъ къ русской культурѣ, могъ быть данъ въ руки не только дѣтямъ русскихъ, но и дѣтямъ туземцевъ, т. е. чтобы изъ него были исключены всякій шовинизмъ, всякія нападки на исламъ и, въ особенности, презрительные отзывы о «халатникахъ» (стр. 161 и сл.).

В. Б.

(Григорьевъ, Лерхъ и друг.), по которой этому городу соотвѣтствуетъ Газакъ арабскихъ географовъ. Ср. мой «Туркестанъ», ч. II, стр. 168.

1) Авторъ придерживается давно устарѣлой теоріи, будто «по древнимъ индійскимъ и иранскимъ преданіямъ всѣ народы вышли съ Памира». Со II в. до Р. Хр. до VIII в. по Р. Хр. въ Туркестанѣ, по словамъ автора «держались» китайцы, и «китайское вліяніе преобладало»; въ дѣйствительности китайцы въ теченіе трехъ вѣковъ (II—V в. по Р. Хр.) даже не имѣли сношеній съ Туркестаномъ; въ остальное время китайское «вліяніе» далеко не всегда преобладало надъ вліяніемъ турецкихъ кочевниковъ. Мавераннагръ значитъ не «междурѣчье», а «зарѣчье»; такъ назывались не только области между Аму-дарьей и Сыръ-дарьей, но и культурныя земли къ сѣверу отъ Сыръ-дарьи, напр. по Чирчику. Турки-сельджуки заняли Малую Азію еще въ XI в., а не ушли туда «подъ давленіемъ монголовъ». Каракорумъ былъ не на Селенгѣ, а на Орхонѣ; Тохтамышъ совершилъ въ 1387 г. свой набѣгъ не «по сѣвернымъ берегамъ Каспія и Арала», а черезъ Хорезмъ, перешедшій на его сторону; Узбекъ-ханъ жилъ не въ XV, а въ XIV в. Туркмены не отдѣлились «около 300 лѣтъ тому назадъ отъ узбековъ» (стр. 33 и 160), но существовали задолго до нихъ.

2) Какъ извѣстно, теперь признано, что терминъ «зендъ» относится не къ языку Авесты, но къ толкованію Авесты (на пехлевійскомъ языкѣ). Ни одинъ иранистъ не считаетъ современные иранскіе діалекты Средней Азіи нарѣчіями языка Авесты.

3) Авторъ упоминаетъ объ этой книгѣ среди своихъ пособій (причемъ по ошибкѣ называетъ ее XV томомъ «Россіи» вмѣсто XIX), но едва ли успѣлъ внимательно изучить ее; иначе его учебникъ заключалъ бы въ себѣ гораздо меньшее число неточностей.

383. М. О. Аттая. Словарь арабско-русскій. Москва 1913. 8°
стр. II+1022.

Научный словарь арабскаго языка является однимъ изъ насущныхъ desiderata семитологіи, но осуществленіе его едва ли выпадетъ на долю современнаго поколѣнія ученыхъ. Развитіе арабистики за послѣднія десятилѣтія съ полной наглядностью показало трудность этой задачи въ той мѣрѣ, которая едва ли сознавалась учеными первой половины XIX вѣка и даже позже. Лучшій изъ существующихъ словарей — Lane'a [1]) все же представляетъ переработку (и при томъ не всегда критическую) арабскихъ лексикографическихъ работъ; только трудъ Dozy [2]) можетъ считаться первымъ опытомъ, приближающимся по идеѣ къ типу научнаго словаря. Однако и въ немъ, на ряду съ матеріаломъ, восходящимъ непосредственно къ текстамъ, имѣется много данныхъ изъ позднѣйшихъ словарей ал-Бустāнӣ или Боҡтора и др., которые ждутъ еще критической переработки.

Въ работѣ Dozy и особенно въ дополненіяхъ къ ней Fleischer'a [3]) съ полной ясностью сказалась необходимость историческаго метода при изученіи арабскихъ текстовъ для лексикографическихъ цѣлей: составъ языка измѣнялся и семасіологически, и количественно за періодъ его многовѣковаго существованія, хотя слѣды этихъ измѣненій въ арабскихъ трудахъ сильно затушеваны. Ростъ арабистики послѣ эпохи Fleischer'a вызываетъ необходимость считаться и съ другимъ методомъ, кромѣ историческаго: съ принципомъ этнографическаго распредѣленія текстовъ, вызываемаго ихъ діалектическими особенностями. Еще самъ Fleischer указалъ на важность христіанско-арабскихъ памятниковъ, какъ единственныхъ письменныхъ слѣдовъ народныхъ діалектовъ въ раннюю эпоху [4]); теперь даже въ той области, которая до послѣднихъ лѣтъ считалась продуктомъ единаго «классическаго» языка, выясняется рѣзкая дифференціація въ произведеніяхъ одной и той же эпохи. Смѣлые тезисы Vollers'a, грозившіе перевернуть всѣ представленія о языкѣ Корана [5]), не встрѣтили особаго сочувствія среди арабистовъ, но едва ли кто-либо станетъ оспаривать детальные и систематическіе выводы Schwarz'a, установившаго съ несомнѣнностью наличіе различныхъ діалектовъ въ «классическомъ» языкѣ поэтовъ I вѣка хиджры [6]).

---

1) Arabic-english dictionary, I—VIII, London 1863—1893.
2) Supplément aux dictionnaires arabes, I—II, Leyden 1881.
3) Объединены въ Kleinere Schriften, II, Leipzig 1888, стр. 470—796.
4) Рядъ статей въ ZDMG, объединенныхъ въ Kleinere Schriften — III, 378—399.
5) Volkssprache und Schriftsprache im alten Arabien, Strassburg 1906.
6) Der Diwan des 'Umar ibn abi Rebi'a. 4. Heft, Leipzig 1909, стр. 94—172.

Необходимость считаться съ усложнившимися методами заставитъ измѣнить даже внѣшнюю систему распредѣленія матеріала въ будущемъ научномъ словарѣ. Надо отказаться отъ строгаго проведенія принципа образованія словъ отъ глагольныхъ, а не именныхъ корней, такъ какъ иногда несомнѣнно обратное [1]); необходимо допустить не принятое теперь раздѣленіе созвучныхъ, но разныхъ по происхожденію корней; едва ли цѣлесообразно распредѣлять заимствованныя слова по арабскимъ трехбуквеннымъ корнямъ. Въ послѣдней области за истекшіе годы появилось особенно много работъ, но и здѣсь придется заново пересмотрѣть не одинъ вопросъ [2]). Извлеченіе матеріала не изъ арабскихъ словарей, а изъ текстовъ, потребуетъ конечно значительно большаго количества фразеологическихъ примѣровъ, чѣмъ это практикуется и до сихъ поръ и т. д. и т. д. Короче говоря, едва ли такое крупное научное предпріятіе можетъ быть по силамъ одному лицу; для этого нужна коллективная работа, идеей которой все чаще и чаще приходится пользоваться востоковѣдамъ, по мѣрѣ развитія отдѣльныхъ дисциплинъ и бо̀льшей спеціализаціи ученыхъ.

Пока такого словаря нѣтъ, несправедливо предъявлять отдѣльнымъ ученымъ требованія полной научности въ ихъ лексикографическихъ трудахъ, которыми они удовлетворяютъ учебныя или практическія потребности. Но, какъ элементарный учебникъ, чтобы быть признаннымъ удовлетворительнымъ, долженъ считаться съ послѣдними выводами науки, точно также учебный словарь не имѣетъ права игнорировать успѣхи лексикографіи за истекшую половину вѣка. Эту истину едва ли можно оспаривать; достаточно взглянуть на недавно вышедшій словарь Fischer'а къ его учебной хрестоматіи, чтобы увидать примѣненіе этой истины на практикѣ [3]). По своимъ достоинствамъ этотъ словарь несравненно превосходитъ даже словарь къ первому изданію той же хрестоматіи.

Вышедшій въ свѣтъ въ текущемъ году арабско-русскій словарь М. О. Аттаи вызванъ чисто-учебными практическими потребностями: въ предисловіи къ нему составитель говоритъ, что онъ имѣетъ въ виду своихъ слушателей по Лазаревскому Институту. Учебная цѣль словаря не позволяетъ, такимъ образомъ, предъявлять къ работѣ строго-научныхъ требованій.

---

1) Примѣры доставляютъ иногда самыя обыденныя слова: زَوَّج отъ زَوْج (= греч. ξεῦγος), نافق отъ مُنَافِق (= эѳіоп. መናፍቅ), استَرْزَق отъ رِزْق, (= персид. روزه), سمّر отъ مِسْمار (арам.) и т. д. и т. д.

2) Ср. ЗВО. т. XIX, стр. 102 слѣд.

3) R. Brünnows Arabische Chrestomathie aus Prosaschriftstellern in zweiter Auflage völlig neu bearbeitet und herausgegeben von A. Fischer, Berlin 1913. (Porta linguarum orientalium, pars XVI).

Насколько можно судить по предисловію, составитель подошелъ къ своей задачѣ правильно: по его объясненію, въ трудъ включены всѣ слова, вошедшія въ предшествующіе словари на русскомъ языкѣ (Болдырева, Готвальда и Гиргаса) и «многія другія слова, взятыя изъ арабскихъ текстовъ ново-литературнаго, церковнаго и разговорнаго языковъ». На первый планъ составитель выдѣляетъ трудъ проф. В. Ѳ. Гиргаса, которому считаетъ «себя обязаннымъ воздать должное», какъ «исполненному съ необыкновенной тщательностью и знаніемъ дѣла». Это позволяетъ заключить, что послѣдній словарь былъ основнымъ источникомъ М. Аттаи, и при наличіи его является излишнимъ привлеченіе словарей Болдырева и Готвальда, совершенно устарѣвшихъ и замѣненныхъ въ свое время трудомъ Гиргаса. Слѣдовъ пользованія ими мы, дѣйствительно, въ словарѣ М. Аттаи не находимъ. Болѣе странное впечатлѣніе производитъ при непосредственномъ изученіи то, что въ предисловіи совершенно умолчано о второмъ основномъ источникѣ; таковымъ являются не «тексты», а арабско-французскій словарь іезуита Belot, выдержавшій шесть изданій въ Бейрутѣ. Отношеніе словаря М. Аттаи къ этимъ двумъ источникамъ опредѣляется съ полной ясностью при сличеніи любой страницы его труда съ упомянутыми словарями. Для графическаго примѣра я ограничусь страницами 905—906 (= Г[иргасъ] 878—880 и B[elot], 6 изд. 1899, стр. 941—943), указывая прямыми скобками *буквальныя* заимствованія изъ словаря Гиргаса, круглыми — заимствованія въ переводѣ съ французскаго текста Belot, а курсивомъ дополненія М. О. Аттаи.

[أَلْإِتِّسَاعُ فِي ٱلظَّرْفِ постановка, обстоятельственныя слова въ винит., или въ родит. падежѣ[1]) (грам.)].

[وَاسِعٌ] [просторный, обширный, объемлющій],
(وَسِيعٌ مُتَّسِعٌ) (широкій).

[وَسَقَ يَسِقُ وَسْقٌ ه собирать, обнимать, заключать, содержать что-либо; нагружать кого-либо (животное)].

(وَسَّقَ) [أَوْسَقَ нагружать[2])].

[إِتَّسَقَ устроиться (дѣло), стать полной (луна)].

1) Искаженіе даннаго у Гиргаса объясненія, гдѣ стоитъ: «онъ поставилъ обстоятельное выраженіе въ винит. падежѣ .... или въ родит.». .

2) Значеніе формы أَوسَقَ отнесено по ошибкѣ и къ وَسَّقَ, которая значитъ «распредѣлить пшеницу по вьюкамъ». Ср. Belot и *Лисāн-ал-ʿарабъ* XII, 260.

[إِسْتَوْسَقَ собраться, столпиться; нагрузиться].

[وَسْقٌ] (ع وُسُوقٌ أَوْسَاقٌ) [вьюкъ, количество хлѣба, поднимаемое однимъ верблюдомъ, грузъ].

[وَسِيقَةٌ] (ع [1] وَسَائِقُ) [стадо верблюдовъ].

[مُسْتَوْسِقٌ собравшійся, столпившійся].

[وَسَلَ] (وَسِيلَةً يَسِلُ) (وَسَّلَ) [تَوَسَّلَ] [стараться приблизиться къ (Богу) [2]) посредствомъ чего-либо].

[وَسِيلَةٌ ع وَسَائِلُ близкое родство, связь, средство для достиженія чего-либо; заслуга].

[وَسَمَ يَسِمُ وَسْمًا سِمَةً ه наложить на кого-либо клеймо, заклеймить кого-либо].

(وَسُمَ у وَسَامٌ وَسَامَةٌ имѣть красивое лицо).

(وَسَّمَ быть, присутствовать на торжествахъ пилигримства (въ Мекку)).

(وَاسَمَ ه соперничать съ кѣмъ либо красотою лица).

[تَوَسَّمَ ه стараться разглядѣть на комъ-либо знакъ, клеймо; разглядывать, разсматривать внимательно что-либо;] (искать весеннюю траву).

(إِتَّسَمَ имѣть отличительный признакъ).

(وَسْمٌ ع وُسُومٌ) (وِسَامٌ) [سِمَةٌ سِمَاتٌ] [мѣтка, клеймо, знакъ, признакъ].

[وَسْمِيٌّ] (первый) [весенній дождь, весенняя трава, растительность].

(مَوْسَمٌ [3] ع مَوَاسِمُ торжество, торжественное собраніе; праздникъ вступленія пилигримовъ (въ Мекку); ярмарка въ Меккѣ).

---

1) Опечатка; чит. وَسَائِقُ.

2) Взято значеніе изъ примѣра у Belot, хотя у Гиргаса точнѣе «къ нему» (вообще, а не только къ Богу).

3) Опечатка: чит. مَوْسِمٌ.

[مِيسَمٌ ج مَيَاسِمُ орудіе клеймленія; клеймо, знакъ, признакъ]; (слѣды[1]) красоты).

(وَسَامَةٌ красота лица).

(وَسِيمٌ ج وُسَمَاءُ وَسَامٌ م وَسِيمَةٌ ج وَسَمَاتٌ[2] وِسَامٌ красивый лицомъ).

[مَوْسُومٌ отмѣченный, заклейменный]; *орошенный весеннимъ дождемъ (земля).*

[مَوْسُومٌ بِٱلْخَيْرِ отмѣченный признакомъ добра].

[مُتَوَسِّمٌ разсматривающій внимательно, наблюдающій, вникающій, обдумывающій].

[وَسِنَ и[3]) وَسِنَ سِنَةٌ дремать, задремать, заснуть, спать].

[وَسَنٌ سِنَةٌ дремота, сонъ, сонливость].

(وَسِنٌ) [وَسْنَانٌ] (وَسْنَى وَسِنَةٌ م مِيسَانٌ[4]) [дремлющій, сонный].

[وَسْوَسَ وَسْوَسَةٌ шептать, внушить[5])].

[لَهُ или إِلَيْهِ — — научить[6]) кого-либо (дьяволъ)].

[وَسْوَسَةٌ наущеніе, навожденіе].

[وَسْوَاسٌ] (ج وَسَاوِسُ) [наущеніе, навожденіе]; (шелестъ, шумъ украшеній); [науститель], (дьяволъ).

[وَشَجَ يَشِجُ وَشْجٌ] = اشتبك (спутаться), [переплетаться] قَرَابَتَهُ[7] بِهِ — *связаться съ кѣмъ-либо родствомъ.*

[وَشِيجٌ корень тростника; дерево, изъ котораго дѣлаютъ древки копій; копье]; (родственныя связи[8]).

---

1) У Belot точнѣе «черта» (trait).

2) Ошибка: чит. وَسِيمَاتٌ какъ у Belot.

3) Опечатка: чит. а.

4) Неточность: ж. р. وسنى можетъ быть только при м. р. وَسْنَانُ, но не وَسْنَانٌ.

5) Второе значеніе относится только къ слѣдующей конструкціи, какъ и указано Гиргасомъ.

6) Точнѣе «наущать», какъ у Гиргаса.

7) Опечатка: чит. قَرَابَتُهُ.

8) Не точно: надо «запутанность родства», какъ у Belot (= complication de parenté).

Такое же соотношеніе остается во всѣхъ мѣстахъ труда М. Аттаи; что вторымъ его источникомъ на ряду со словаремъ Гиргаса былъ словарь Belot, а не какой-либо другой, доказывается кромѣ того цѣлымъ рядомъ недоразумѣній, объясняющихся при сличеніи съ французскимъ текстомъ Belot. При глаголѣ طاف (стр. 345) у М. Аттаи дается значеніе «придти ночью (фатумъ, тѣнь)» и аналогичное значеніе повторяется при طيف (стр. 350) «призракъ, привидѣніе, фатумъ». Между тѣмъ, въ примѣненіи къ фатуму (= судьбѣ), означенный корень никогда не употребляется и недоразумѣніе разъясняетъ текстъ Belot, гдѣ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ (стр. 461, 464) стоитъ слово fantôme (= призракъ), принятое авторомъ за фатумъ. При словѣ جنزير (стр. 1017) въ словарѣ вмѣсто обычнаго значенія «цѣпь» дается совершенно невозможное «ржавчина»; ошибка объясняется тѣмъ, что у Belot (стр. 93) тремя строками выше этого корня при совершенно другомъ словѣ дается значеніе vert-de-gris (= ржавчина). При глаголѣ ناوح (стр. 834) даются неправильно значенія «итти, отправиться на встрѣчу, встрѣчаться», объясняемыя невѣрнымъ измѣненіемъ приводимой у Belot (стр. 872) фразы: ناوح بعضها بعضًا со значеніемъ «être en face l'une de l'autre (pleureuses)» = стоять другъ противъ друга (о плакальщицахъ, оплакивающихъ умершаго). При глаголѣ مضى у М. Аттаи дается неправильная конструкція (стр. 730) على سبيله ..... «умирать», обязанная своимъ появленіемъ смѣшенію двухъ строчекъ словаря Belot (стр. 774) مضى على exécuter etc. и مضى سبيله mourir. При словѣ سجعة (стр. 181) приводится неправильное множественное число أساجيع, возникшее отъ невѣрной передачи строки у Belot (стр. 311) سجعة, وأسجوعة ج أساجيع, гдѣ форма множественнаго числа относится только къ послѣднему слову, опущенному М. Аттаей. Слово فصّ (стр. 507) на ряду съ обычными значеніями «течь, плакать», получаетъ и совершенно невѣроятное «имѣться, быть»; произошли они изъ распространеннаго толкованія приводимаго у Belot (стр. 590) примѣра: ما فصّ في يدي منه شيء Je n'en ai rien reçu (букв. въ мои руки изъ этого ничего не потекло).

Число недоразумѣній, слишкомъ ясно указывающихъ на небрежный переводъ французскаго оригинала, громадно; ограничусь лишь нѣкоторыми, бросающимися въ глаза даже при бѣгломъ просмотрѣ: خُنْفُسَا (стр. 66) значитъ не «черный тараканъ», а черный жукъ (Scarabée noir = у Belot 181); اذّبح (стр. 94) не «приносить въ жертву», а «выбирать жертву» (= choisir une victime — Belot 220); سفساق (стр. 198) не «безсловесный», а «пусто-

словъ (= celui dont les paroles n'ont pas de sens — Belot 327); سلّج (стр. 202) не «починить, поправить», а «дѣлать неудовлетворительно» (= faire une chose d'une manière imparfaite — Belot 332); سها (стр. 202) звѣзда изъ созвѣздія не Малой, а Большой Медвѣдицы (Belot 348); عدّى عن (стр. 370) не «оставить, пренебрегать», а отвратить (= détourner B. 480); عرّد (стр. 375) пе «соскочить (стрѣла)», а «поразить» (=percer B. 484); أعرّ (стр. 376) не «имѣть недостатокъ (жилище)», а «быть грязнымъ» (= être malpropre B. 482); تفحّل (стр. 489) не «мужаться», а «возмужать» (=avoir la vigeur d'un mâle B. 574); يسر (стр. 947) итти не по «правую» сторону, а по «лѣвую» (=aborder quelqu'un du côté gauche B. 979); نَيْسان (стр. 840) повторена неправильная огласовка Belot (стр. 878); يق (стр. 950) не «кухонный мужикъ» (sic!), а поваренокъ (=marmiton B. 981); بُرْنس не «шапка отшельника», а «плащъ съ капюшономъ» (= manteau à capuchon B. 29) и т. д. и т. д.

Вліяніе французскаго оригинала слишкомъ ярко сказывается и въ цѣломъ рядѣ галлицизмовъ, какъ напр. экзаминовать (стр. 489 неоднократно), сиріакъ (вм. сиріецъ, стр. 193), ююба—дерево (163 и 432), флердоранжевая вода (168), Пальмиръ (вм. русск. Пальмира, франц. Palmyre) и даже, horribile dictu, бижютери (39)!

При наличіи двухъ, ясно опредѣляющихся источниковъ, конечно совершенно отпадаетъ самостоятельное значеніе труда М. Аттаи; отпадаетъ и возможность примѣнять къ нему критику по существу, такъ какъ это значило бы критиковать словари Гиргаса и Belot. Можно изслѣдовать лишь, насколько удовлетворительно использованы эти источники и каково качество того, какъ было выяснено минимальнаго, количества добавленій, которыя сдѣланы на основаніи «текстовъ», упоминаемыхъ въ предисловіи.

Распредѣленіе матеріала въ словарѣ съ технической стороны не можетъ быть признано удачнымъ. Первоначально составитель имѣлъ въ виду дать словарь только къ одному небольшому произведенію изъ 1001 ночи, но дойдя до 5-ой буквы, рѣшилъ придать ему бо́льшую полноту и поэтому въ концѣ прибавилъ дополненіе для первыхъ пяти буквъ. Такимъ образомъ, для корней, начинающихся съ первыхъ буквъ алфавита, составителемъ даны въ сущности два словаря; уже это представляетъ извѣстное неудобство при пользованіи. Кромѣ того, въ противоположность системѣ Гиргаса, М. Аттая разбилъ страницу на два столбца и поэтому былъ лишенъ возможности выдѣлять въ наглядно видимую группу слова одного корня, какъ это сдѣлано въ его источникѣ. Между тѣмъ, при изученіи семитическихъ языковъ,

тщательное разграниченіе корней представляетъ для начинающихъ одно изъ весьма существенныхъ условій.

Въ пользованіи словаремъ Гиргаса у составителя замѣчается та же поспѣшность, которая повела къ ряду неправильныхъ переводовъ французскихъ значеній у Belot. Поражаетъ отсутствующее у Гиргаса смѣшеніе такъ называемыхъ двухпадежныхъ и трехпадежныхъ именъ; хотѣлось бы видѣть въ этомъ простую опечатку, но недоразумѣніе проходитъ настолько систематично, что составителя приходится упрекать въ невниманіи къ одному изъ основныхъ правилъ элементарной грамматики. (См. напр. на первыхъ тридцати страницахъ—стр. 1 أجراءٌ 2 مآدبٌ ادباءٌ آدمٌ آخِرُ 5 أمراءٌ امناءٌ أوامرٌ 6 أنساءٌ أوّلٌ 8 بخلاءٌ 9 بستانُ 10 مباسمٌ بصائرٌ 11 بلغاءٌ 12 عمارةٌ 15 تعساءٌ تلاميذٌ 16 تمائمٌ 17 ثعالبٌ ثمودٌ ثقلاءٌ 19 دوادلٌ 22 مجالسٌ جوامدٌ جلاميدٌ 23 جوامعٌ مجاميعٌ جوانبٌ 26 أدِبّاءٌ 27 حبائلٌ 28 أحدبٌ حدباءٌ حُدَثاءٌ и т. д. и т. д.). Встрѣчаются элементарныя ошибки и въ другихъ областяхъ, напр. въ образованіи множественнаго чис. типа فَعَلات (стр. 194 سَطْوات, 510—فَضْلات и др.).

Искаженіе словаря Гиргаса нерѣдко идетъ и глубже: خيزلى у Гиргаса значитъ (стр. 212) «тяжелая *медленная* походка», у М. Аттаи оно оказывается (52) «тяжелая *лебединая* (sic!) походка»; у Гиргаса имя племени Аздъ (стр. 17), у М. Аттаи оно и въ арабскомъ шрифтѣ, и въ русской транскрипціи Азадъ (стр. 960); у Гиргаса نَمَط (стр. 825)—«коверъ; легкая, цвѣтная, шерстяная матерія, которой покрываютъ паланкинъ», у М. Аттаи (стр. 825) «киферъ (??)—легкая, цвѣтная шерстяная матерія, которой покрываютъ паланкинъ»; у Гиргаса прапрадѣдъ Мухаммеда *Абду*-Менафъ (стр. 771), М. Аттая по небрежности дѣлаетъ изъ этого *Абу*-Менафъ опять дважды, и въ текстѣ, и въ транскрипціи (стр. 744); у Гиргаса съ хариджитами воюетъ Мугаллабъ, полководецъ халифа Абду-л-Мелика (стр. 849), у М. Аттаи — самъ халифъ (стр. 861); у Гиргаса названіе города—Мачаръ (стр. 747), у М. Аттаи оно оказывается Магиръ (стр. 710); у Гиргаса (стр. 687) Мухаммедъ «прозванъ былъ сынъ Абу-Кебша», у М. Аттаи—просто Абу-Кебша (стр. 615); у Гиргаса имя города Мервъ передается вѣрно مرو (754), у М. Аттаи онъ оказывается مروة (722); у Гиргаса الفارقات—«ангелы, сообщающіе то, что различаетъ истину отъ лжи» (стр. 614), у М. Аттаи — «ангелы, сообщающіе стихи Корана» (501) и такимъ образомъ совершенно затушевано основное значеніе корня فرق; у Гиргаса فلق الصبحَ — «онъ заставилъ зарю блистать»

(стр. 628), у М. Аттаи — «освѣтить (Богъ) утро» (стр. 521); слова وَطَرَهُ въ примѣрѣ Гиргаса s. v. قضى (стр. 662) дважды передаются у М. Аттаи съ неправильной огласовкой (стр. 576); тоже произошло и со словомъ مُسْوَدًّا въ примѣрѣ s. v. ظلّ (Г. 495 = Аттая 352). Подъ выраженіемъ مجمع البحرين (стр. 1016) М. Аттая объединилъ неправильно значенія, которыя у Гиргаса отнесены только къ первому слову (стр. 131) и т. д. Дѣло доходитъ до того, что иногда въ искаженной формѣ передаются даже грамматическіе термины (напримѣръ الأفعال المقاربة — стр. 554 вм. правильнаго أفعال المقاربة — Гиргасъ, стр. 651) или исповѣданіе мусульманской вѣры (стр. 645: нѣтъ божества, кромѣ Бога и Мухаммеда, посланника Божія). Примѣры, помѣщаемые у Гиргаса подъ однимъ корнемъ, попадаютъ совершенно безсмысленно подъ другой, напр. كُتِبَ عليكم الصيام — предписанъ вамъ постъ (Г. 687) у М. Аттаи превращено въ كُذِبَ عليكم الحجّ — для васъ обязательно паломничество въ Мекку (стр. 623), хотя на самомъ дѣлѣ этотъ абсурдъ значитъ «было обличено во лжи предъ вами паломничество»!!

На ряду съ такими измѣненіями и искаженіями словаря Гиргаса, которыя можно считать безсознательными, М. Аттая проводитъ цѣлый рядъ систематическихъ измѣненій, которыя тоже не служатъ на пользу труда. Сохраняя въ большинствѣ случаевъ фразеологію и примѣры, имѣющіеся въ словарѣ Гиргаса, онъ очень часто вырываетъ значеніе слова изъ приводимой послѣднимъ фразы и опускаетъ ее, забывая, что данное значеніе часто обосновывается только контекстомъ. Мало того, составитель совершенно не обращаетъ вниманія на опредѣленныя ссылки, имѣющіяся въ словарѣ Гиргаса; между тѣмъ, онѣ указываютъ на то, что эти слова являются ʽἅπαξ λεγόμενον въ текстахъ, изученныхъ Гиргасомъ, или же имѣютъ данное значеніе только въ указываемомъ ссылкой контекстѣ. (См. напр. стр. 100— سار جريدة Г. 116, 122— تردّى عثرة Г. 297, 645 — كلا Г. 707, 770—نزل Г. 793, 907—صفر الوشاحين Г. 880 и т. д). У М. Аттаи всѣ эти слова и значенія поставлены безъ всякихъ оговорокъ на ряду съ самыми употребительными реченіями. Такъ, слово فضّة само по себѣ не значитъ «бусы» (М. Аттая 509), а «серебро» (ссылка у Гиргаса 620); ناصب не значитъ вообще суннитъ (стр. 793), а употребляется въ этомъ значеніи у одного поэта для игры словъ съ رافض — шіитъ (Г. 803); بنو ماء السماء букв. «дѣти небесной влаги», не значитъ обязательно «арабы» (стр. 750), а употребляется

исключительно въ поэтическомъ языкѣ (Г. 775); كوّر الليل على النهار (стр. 653) не значитъ «удлинить ночь на счетъ дня», а «обертывать ночью день, т. е. вводить ночь въ день, такъ что день удлинняется» (Г. 712 — цитата изъ Корана) и т. д. Благодаря такому пріему у М. Аттаи попадается цѣлый рядъ не арабскихъ словъ, происхожденіе которыхъ Гиргасомъ опредѣляется ссылкой на извѣстное мѣсто текста (напр. الغيجة стр. 530 у Гиргаса 633, مَنْت стр. 742 у Гиргаса 770, نُخ стр. 770 у Гиргаса 788, даже كافركوبات стр. 638 у Гиргаса 702 и др.). М. Аттая совершенно не считается съ тѣми случаями, когда у Гиргаса значеніе слова при ссылкѣ на опредѣленное мѣсто стоитъ со знакомъ вопроса, и включаетъ его безъ всякихъ оговорокъ; между тѣмъ, этимъ знакомъ Гиргасъ указываетъ или сомнительность даннаго значенія или неустановленность текста. Теперь, черезъ 35 почти лѣтъ, есть, конечно, возможность провѣрить и разъяснить сомнѣніе Гиргаса, а не обходить его такимъ примитивнымъ способомъ (см. напр. стр. 200 — تساقط = Г. 367, 449— غب أمس = Г. 572, 881— توثّب=Г. 862 и т. д.). На ряду съ такими сознательными пріемами и въ этой области встрѣчается цѣлый рядъ безсознательныхъ искаженій; на стр. 827 напр. М. О. Аттая приводитъ значеніе «انى إليه доходитъ до кого-либо (дѣло)», между тѣмъ у Гиргаса дается правильно «أنى أمره إليه дѣло его дошло до того». Приводимая цитата, съ которой М. Аттая не считается, еще болѣе разъясняетъ значеніе: въ текстѣ дано— و بلغ محمّدًا ما أنى أمر طاهر إليه т. е. «и до Муḫаммеда достигло, до чего дошло (= усложнилось) дѣло Ṭāхира».

При такомъ отношеніи къ источнику трудно ожидать какихъ-либо поправокъ мелкихъ погрѣшностей словаря Гиргаса или измѣненій, вызываемыхъ прогрессомъ науки за истекшую треть вѣка. Городъ قنّسرين, названный у Гиргаса по ошибкѣ Генисаретомъ (стр. 674), остается такимъ же и у М. Аттаи (стр. 596); невѣрный переводъ примѣра s. v. متى (стр. 745— «когда я возлагаю свою чалму, вы меня узнаете» вм. «когда я сниму. . .») повторенъ у М. Аттаи (стр. 707—«когда я возложу. . .»); слово هات какъ и у Гиргаса (стр. 857) остается «отглагольной частицей» (стр. 869 и 874), хотя давно установлено, что это архаичная форма глагола и т. д. и т. д. Въ словарѣ Гиргаса оказались случайно пропущенными нѣсколько словъ, встрѣчающихся въ Коранѣ; не добавлены они и у М. Аттаи (تأذّن — Коранъ 7,166 и 14,7; إمْر—18,70; ثجّاج — 78,14; سَمّ — 7,38 (со значеніемъ от-

верстія); مصيطر—52,37; 88,22 (у Гиргаса подъ س); قسطاس—17,37; 26,182 (у Гиргаса только ة); مكاء — 8,35).

Таковы результаты переработки М. Аттаей его основныхъ источниковъ. Что касается самостоятельной работы, то и она по своимъ достоинствамъ не выше. Съ первыхъ страницъ непріятно дѣйствуетъ полное отсутствіе системы не только въ грамматическихъ терминахъ, но даже и въ отдѣльныхъ словахъ. Употребляя согласно Гиргасу терминъ «несовершенное» время (стр. 691, 704, 707, 740), фатха (484) и др., здѣсь же онъ ставитъ и свои собственные: «настоящее-будущее» (654) «фатхатъ», «кесратъ» (483, 753) и т. д. Названіе мѣсяца «Зу-л-Хиджжа» иногда дается въ правильной формѣ согласно Гиргасу (стр. 309, 382), иногда же въ безграмотной для словаря Дзюлгидже (101) или Дзулгидже (28); имя поэта Абу-Новасъ (стр. 836) искажено въ Абу-н-Наввасъ (660 и въ текстѣ, и въ транскрипціи); имя отца халифа ʿАффанъ дается вѣрно на стр. 405, а на слѣдующей повторяется уже съ невѣрнымъ окончаніемъ. Недосмотры въ деталяхъ проходятъ систематически: на стр. 178 къ рѣдкому слову سَبَلَةٌ отнесены всѣ значенія пропущеннаго въ словарѣ обычнаго слова سَبِيل; на стр. 432 по недосмотру возникла безсмыслица. Напечатано:

عَنْبَر — амбра, амбаръ.

بنو العنبر—Бану-л-Амбари (вмѣсто انبار) имя одного изъ Темимійскихъ (sic!) родовъ.

Надо читать:

عنبر — амбра, амбаръ (вм. انبار).

بنو العنبر — имя одного изъ родовъ, и т. д.

На стр. 659 съ искаженіемъ приведена цитата изъ Корана II, 252; стр. 616, какъ множ. чис. къ слову كتاب приведено множ. отъ مكتوب; стр. 487 множ. число فُجاج указано, какъ единственное; стр. 612 къ примѣру كَبَّ كنانته присоединено значеніе, относящееся только къ самому глаголу; стр. 269 какъ женск. родъ къ أشيب указано слово совершенно другого корня; стр. 731 s. v. امتطى въ текстѣ приводимаго примѣра — верблюдица, а въ переводѣ — верблюдъ; стр. 216 s. v. سانر сдѣлана ссылка на слово سناد, не имѣющееся въ словарѣ. Подъ буквой س пропущены *всѣ* слова корня سم — числомъ около 20! (См. стр. 211—215). Мелкіе пропуски было бы долго перечислять; отсутствуетъ, между прочимъ, такое слово, какъ خليفة — халифъ (стр. 63). Опечатками кишитъ одинаково и русская, и арабская часть словаря; однѣ изъ нихъ совершенно искажаютъ

смыслъ (напр. стр. 700—«предлагать لِ» вм. «предлогъ لِ», стр. 966 s. v. آمر «конца земли» вм. конца «зимы»), другія проходятъ черезъ цѣлый рядъ словъ на страницѣ (81 s. v. دكس, стр. 387 s. v. عزف).

Исключительно М. Аттаѣ, а не его источникамъ, принадлежитъ цѣлый рядъ невѣрныхъ значеній: أَلِيف (стр. 4) не значитъ «стройный», مُبْرَم (стр. 9) значитъ не «трудный, многосложный», а окончательный, рѣшительный; انبرى (ibid.) не значитъ «исхудать», а быть заостреннымъ (о перѣ); ابن زائدة (стр. 12) отчество героя не «ʻОмара», а Маʻна; ثنى (стр. 17) только во II породѣ значитъ «повторить»; الحاوى (стр. 45) значитъ не только «факиръ, показывающій змѣй», но и вообще заклинатель ихъ; علم الزمّة (стр. 100) какъ терминъ «нравственное богословіе» не существуетъ; زماناً (стр. 168) значитъ не «иногда», а нѣкоторое время; زنج (стр. 168) не «Занджибаръ (sic!) — гора въ Суданѣ», а область Занзибаръ и жители ея; أسام (стр. 175) не значитъ «опрашивать»; اشفى (стр. 254) не «пожелать выздоровленія», а давать лекарство; طاغوت (стр. 333) какъ терминъ никогда не прилагается въ Коранѣ къ божествамъ اللات и العزّى; عزاء (стр. 389) не соотвѣтствуетъ термину таʻзіэ, для котораго есть особое слово تعزية, отсутствующее въ словарѣ; عرق النسا (стр. 383) не «сѣдалищная боль», а «сѣдалищный нервъ»; عومة (стр. 444) не «головастикъ», а водяныя насѣкомыя; غفّارة (стр. 467) не «стихарь (раввиновъ)», а вообще «церковное одѣяніе»; стр. 487 s. v. فجار рѣчь идетъ не о дняхъ, а войнахъ (=арабск. ايّام العرب); ذو الفقار (стр. 516) не «мечъ ал-Асы сына Мухаббиха, а также мечъ Алія», а мечъ перваго, доставшійся при Бедрѣ второму; مستفيق (стр. 528) не «любитель поспать», а очнувшійся; قُرْب (стр. 553) не «талія», а бокъ; كَعْك (стр. 636) не «баранки», а лепешка; три святителя, обозначаемые именемъ ثلثة أقمار (стр. 594) не «*Іоаннъ* Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій», а «Григорій Богословъ. . . .»; دار الندوة (стр. 774) не Мекка, а «домъ собраній» (въ Меккѣ); стихотвореніе не شعر منظوم (стр. 804), а просто شعر; موشّحة (стр. 907) не «лирическое стихотвореніе съ двумя риѳмами», а «строфическое стихотвореніе» (число риѳмъ не ограничено); جلجل (стр. 1005) значитъ не «удодъ (птица)» (=арабск. هدهد), а сверчокъ; أجشّ (стр. 1012) не «басъ (голосъ)», а громкій, рѣзкій; عيد التجلى (стр. 1015) праздникъ не «Богоявленія», а Преображенія, и проч.

Не имѣетъ никакихъ основаній чрезмѣрная европеизація и даже руссификація нѣкоторыхъ значеній арабскихъ словъ, напр. рогоносецъ (стр. 92),

снабдить паспортомъ (стр. 504), лейтенантъ, исправникъ (стр. 606), бригадный командиръ (стр. 702) и проч.

Иногда М. Аттая совершенно не можетъ разобраться въ своихъ источникахъ; на стр. 382, напр., у него читается: «عرفة — Арафа, гора въ 9 миляхъ отъ Мекки» и рядомъ «عرفات — Арафатъ, гора въ 12 миляхъ отъ Мекки, гдѣ останавливаются пилигриммы». На самомъ дѣлѣ гора — одна, имя ея употребляется въ формѣ множ. числа, форма же единств. числа появляется только въ спеціальномъ выраженіи يوم عرفة (Не надо, конечно, и добавлять, что у Гиргаса, стр. 520, никакой подобной путаницы нѣтъ).

Особенно печально то, что неправильныя значенія и даже толкованія даются иногда при грамматическихъ терминахъ: فعل صحيح, напр. опредѣляется (стр. 277) какъ «глаголъ, имѣющій въ корнѣ удвоенную букву или хамзу», а надо, «не имѣющій въ корнѣ слабыхъ буквъ». Терминъ قصر (стр. 572) опредѣляется какъ «краткость произношенія буквы (sic!) алифъ, напримѣръ سما, علا *вмѣсто* سماء, علاء», а надо «долгое ā, за которымъ нѣтъ хамзы, напр. غزا, رمى». Поражаетъ объясненіе при метрическомъ терминѣ فاصلة كبرى и فاصلة صغرى (стр. 508); первый опредѣляется, какъ состоящій «изъ трехъ короткихъ слоговъ и одного долгаго — ⏑ ⏑ ⏑ напр. ضَرَبَتْ», второй — какъ состоящій «изъ пяти слоговъ, четыре первые короткіе, а послѣдній долгій, — ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ напр. ضَرَبَتَا». Составитель даже не замѣтилъ разногласія между объясненіемъ, гдѣ фигурируютъ 4 и 5 слоговъ и примѣрами, гдѣ ихъ только 3 и 4; въ опредѣленіи должна итти рѣчь не о «слогахъ», а о «буквахъ» и стопа فاصلة صغرى опредѣляется, какъ состоящая изъ четырехъ буквъ — трехъ съ краткой гласной и одной съ сукуномъ. Совершенно неправильно опредѣленъ размѣръ мадидъ (стр. 714), какъ «состоящій изъ двухъ стопъ — — ⏑ — | — ⏑ — повторяемыхъ два раза въ полустишіи»; надо «изъ трехъ стопъ — — ⏑ — | — ⏑ — | — — ⏑ — повторяемыхъ два раза въ стихѣ». Нѣкоторыя грамматическія объясненія не только совершенно не наукообразны, но и сбивчивы: какъ, напр. понимать «ك въ словѣ كَمِثْلِهِ прибавочная» (стр. 612) или «إِيَّا — частица, которая соединяется со слитными мѣстоименіями личными и дѣлаетъ ихъ отдѣльными и самостоятельными» (стр. 7) Нельзя въ учебномъ словарѣ такъ формулировать мысль: «(предлогъ) فِي, какъ существительное, означаетъ ротъ فَم . . ., а какъ глаголъ فِ означаетъ: исполняй. . .» (стр. 529—530) и т. д. и т. д.

На ряду съ невѣрными значеніями у М. Аттая имѣется цѣлый рядъ неправильныхъ формъ арабскихъ словъ или неправильной ихъ передачи. О неправильныхъ окончаніяхъ была уже рѣчь; вообще на неправильной огласовкѣ нѣтъ нужды останавливаться, такъ какъ примѣры легко найти

на любой страницѣ. Достаточно отмѣтить для образца нѣкоторые болѣе существенные промахи. Стр. 1, множ. ч. отъ أُجْرَةٌ не употребительно, но теоретически имъ будетъ не أُجَرَةٌ, а أُجَرٌ; стр. 2 أدات чит. أَدَاةٌ; стр. 5 множ. отъ أمنية не أَمَانٌ, а أَمَانِ; стр. 6 آل عمرانُ чит. آل عمرانَ; стр. 7 لاباسٌ чит. لا بَاسَ; стр. 11 بَكَىَ чит. بَكَى; стр. 14 أَتْرَب чит. أَتْرَاب; стр. 16 تَيْه чит. تِيه; جادى الآخرة чит. جادى الأُخْرى и вм. Джемади-эль-Аввель, Джемади эль-Ахиръ чит. Джумада-л-уля и Джумада-л-ахира. (Среди опечатокъ, стр. 1021, это исправлено на Джумади). Стр. 25 أَجْوَبَة чит. أَجْوِبَة; ibid. جُوعان чит. جَوْعان; стр. 28 أَحْجَبَة чит. أُحْجِيَة; стр. 29 دُرَّاءٌ (чит. دَرَّاءٌ) не множ. къ حادٍ, а параллельная къ нему форма един. числа; стр. 32 حسينة чит. حسنة; стр. 40 «сыномъ Айса» чит. сыномъ Ауса; стр. 41 при архаичной формѣ حَمْوٌ не указана обычная حَمٌ; стр. 43 множ. къ أَحْوَرُ не حَوْر, а حُور (= гуріи); стр. 47 مُحْيِى чит. مُحْيٍ; стр. 59 Гаяса чит. Гіяса; стр. 87 دُهْقان чит. دِهْقان; стр. 95 ذَرَّة ج ذُرُور чит. ذَرُور; стр. 220 масдаръ отъ ساء не سواءٌ, а سوء стр. 240 множ. отъ شديد не أَشْداء, а أَشِدّاءُ; стр. 293 и 625 الأَناء чит. الإِناء; стр. 323 طبريستان чит. طبرستان; стр. 370 масдаръ отъ عدا не عدًا, а عداءٌ; стр. 408 и 543 مَيْسَر чит. مَيْسِر; стр. 416 عُكَاظ чит. عُكاظ; стр. 501 فَرْمَسِيُون—несуществующая форма, обыкновенно فَرْماسون; стр. 537 قَبْلّي чит. قِبْلِيّ; стр. 542 حرفيّة чит. حرفي; стр. 562 قرميزيّ чит. قرمزيّ; стр. 584 قَعَد какъ названіе секты — множественное число отъ قاعد; стр. 586 المقفّع чит. ابن المقفّع; стр. 594 Фирузади чит. Фирузабади; стр. 718 «مَارِدُون крѣпость» чит. «ماردين городъ»; стр. 722 и 751 مَيْرون чит. مِيرون; стр. 725 تَمَاسِح чит. تماسيح; стр. 728 مَمْشَى ج مَمَاشِى чит. مَمْشًى ج مَمَاشٍ; стр. 734 и 752 ميكائيل у христіанъ чаще ميخائيل; стр. 750 وزير المالية обычнѣе ناظر الماليّة; стр. 774 نادى чит. نادٍ; стр. 805 بنات نعش чит. بنات النعش; стр. 814 نقيب الشرفاء чит. نقيب الأشراف; стр. 895 دِيَّات ج دِيَة чит.

دِيَات ج دِيَة; стр. 896 — примѣръ и переводъ - - وكان وراءهم ملك и былъ *предъ* нимъ (чит. ними) царь — неудачны: по контексту Корана (XVIII, 78) здѣсь وراء значитъ «позади нихъ». Стр. 961 إِسْتَات чит. إِسات или أَسْتَاه и т. д. и т. д.

Насколько безпомощенъ бываетъ составитель, когда хочетъ обойтись безъ своихъ обычныхъ руководителей — Гиргаса и Belot видно потому, что онъ часто не можетъ опредѣлить корня слова и помѣщаетъ его не туда, куда слѣдуетъ. Слово أُمْنِيَّة, напр., онъ помѣщаетъ подъ корнемъ أمن (стр. 5) тогда какъ надо подъ مَنَى, слово زكاة у него попадаетъ подъ ذكى (стр. 98), ругательство معرّص подъ عرس (стр. 377) فَوْضَى подъ فضو (стр. 511), тогда какъ корень его فوض, названіе города Файюмъ подъ فوم (стр. 528), а не подъ فيم; сирійское النياحة = Успеніе подъ نوح (стр. 834), а не نيح и т. д. Странное впечатлѣніе производитъ разсужденіе о словѣ الماس — алмазъ (стр. 749); конечно, «ал» — здѣсь не членъ, такъ какъ слово взято изъ греческаго, но арабы считаютъ это «ал» по аналогіи за членъ и корнемъ слова принимаютъ موس. Примѣръ М. Аттаи ничего не доказываетъ, такъ какъ онъ взятъ изъ современнаго діалекта, а не изъ классическаго языка; онъ самъ противорѣчитъ себѣ, помѣщая слово именно подъ корнемъ موس.

Судя по списку сокращеній въ концѣ предисловія, составитель имѣлъ въ виду отмѣчать слова иноязычнаго происхожденія; однако это проведено въ высшей степени не систематично и здѣсь тоже нельзя усмотрѣть никакой послѣдовательности. Не указано, напр., латинское происхожденіе словъ قصر فسطاط قليّة فلسفة فالج مينا لوبيا روم سفنج درابزين دينار صراط بريد и др., греческое — دينار درابزين سفنج روم لوبيا مينا فالج فلسفة قليّة, персидское — بندر إستار فهرس رزق ديباج استبرق درهم جنس أساطير إبليس и др., еврейское — زكوة جهنّم и т. д. Довольно сказать, что въ этомъ спискѣ нѣтъ сокращенія для сирійскихъ (resp. арамейскихъ) заимствованій, между тѣмъ они, какъ извѣстно, являются едва ли не наиболѣе многочисленнымъ элементомъ въ арабскихъ заимствованныхъ словахъ, какъ классическаго, такъ и діалектическаго происхожденія. Изъ первыхъ для примѣра можно отмѣтить تاب تلمذ ترجم باب صورة صوم صلوة مسكين سكينة سبّح زجاج رمّان رجز دجّال خاتم جنّة и др., среди послѣднихъ بكّير شوب شلح لقّيس и др. Никакихъ намековъ на ихъ классификацію и выдѣленіе у составителя не сдѣлано.

Нельзя, наконецъ, не остановиться и на русскомъ языкѣ словаря. О нѣкоторыхъ галлицизмахъ, объясняемыхъ источникомъ автора, была уже рѣчь; но и помимо этого на каждомъ шагу встрѣчаются выраженія и обо-

роты, иногда непринятыя, иногда прямо безграмотныя: разстеленный коверъ (стр. 10), дойникъ (37), камелопардъ (159), сосватана (вм. невѣста 57), ропжа (? стр. 160), прелюбодѣйница (168), бяша (195), давича (207), бодроствовать (219 — трижды!), гнаніе (226), деревянный клакъ (236), гвал*д*ъ (305), свободный рабъ (вм. вольноотпущенникъ, 361), пятокнижіе (500 и 617), безквасный (512), лопнутый (515), течь слезамъ (531), клюша отъ башмака (537), три просвѣтителя (вм. святителя 594), приблизиться дичи (619), заигрывать*ся* съ кѣмъ-нибудь (681), междоузлія (755), рудокопня (766), слученіе (781), кись-кись (980), арабская (?) проказа (1007), «хорошо, правильно и *послѣдовательно* читать Коранъ» (189), быть извѣстнымъ по имени Зейда (381); часть, окружающая пупка (705), жениться на дѣвочкѣ (? 738), Зейдъ былъ благорасположенъ душою (752), два кладбищенскіе ангела (823) и т. д. Особенно неудачно передаются въ словарѣ всякія имена и названія: послѣдователь Абу-ханифа (вм. Абу-Ханифы, стр. 42), Золотоустъ (стр. 100), Умуру-л-Кайсъ (187), Амалетикъ (430), Газа (вм. Газза 460), Фасъ (вм. Фецъ 482), Фалляхъ (512), «прозвище Бассоры, Дамаска и Траблосъ (сирійскій) какъ большіе города» (sic! стр. 530), хирійскій (775), муназирити (вм. Мунзиры ibid.), пѣсни пѣсенъ Соломона (вм. Пѣснь пѣсней 788), гатафанійцы (843), Яфа (949) и мн. др.

Подводя итогъ, приходится съ сожалѣніемъ констатировать, что едва ли не единственнымъ достоинствомъ словаря М. О. Аттая является отсутствіе другихъ арабскихъ словарей на русскомъ языкѣ. Трудъ профессора В. Ѳ. Гиргаса, безукоризненный по своему времени и совершенно не утратившій значенія до нашихъ дней, весь распроданъ; на переизданіе его въ ближайшемъ будущемъ расчитывать нельзя. Потребность въ какомъ-нибудь пособіи вызывается самой жизнью и роль такого пособія, за неимѣніемъ другихъ, конечно, можетъ играть работа М. О. Аттая при всѣхъ ея недостаткахъ. Грустно лишь, что будущій историкъ русской арабистики не въ состояніи будетъ повторить о ней тѣхъ словъ, какія сказаны М. О. Аттаей о словарѣ В. Ѳ. Гиргаса, «исполненномъ съ необыкновенной тщательностью и знаніемъ дѣла» [1]).

И. Крачковскій.

Царское Село.
Октябрь 1913.

---

1) Цѣну словаря (7 руб. 50 коп. = 20 франковъ) нельзя не признать болѣе чѣмъ высокой; *номинальная* стоимость словаря В. Ѳ. Гиргаса была 4 рубля, словарь Belot стоитъ 7 франковъ. По объему они нисколько не уступаютъ работѣ М. О. Аттаи, сравнительное достоинство ясно послѣ всего сказаннаго.

384. Kien-ch'ui-fan-tsan *(Gaṇḍīstotragāthā), сохранившійся въ китайской транскрипціи санскритскій гимнъ Açvaghoṣ'и,*.... и пр. изд. и при помощи тибетскаго перевода объяснилъ бар. А. Ф. Сталь-Гольстейнъ. СПБ. 1913 *(Bibliotheca Buddhica. XV).*

Предлагаемая вниманію читателя работа барона А. А. Сталь-Гольстейна является интереснымъ опытомъ дешифровки санскритскихъ текстовъ въ китайской транскрипціи; первая попытка была сдѣлана S. Lévi, еще въ 1895-6 гг. возстановившимъ санскритскій текстъ Aṣṭamahācaityavandana [1]) и Trikāyastava [2]).

Заманчива перспектива открытія новыхъ буддійскихъ текстовъ въ чуждой китайской формѣ; насколько они интересны сами по себѣ и важны для исторіи буддизма и индійской литературы вообще — покажетъ будущее. Изданные нынѣ 3 гимна, транскрибированные въ концѣ X в. монахомъ Фа-тянемъ (*Fah-t'ien*), не оправдываютъ ожиданій: это довольно ординарныя *stotra*, гимны въ честь Гаутамы Будды, 7 буддъ и Манджушри. Едва-ли можно въ нихъ найти, даже при самомъ тщательномъ изученіи, какія-либо поэтическія красоты, оригинальныя мысли. Оговоримся, что вкусъ пишущаго эти строки, очевидно, испорченъ чтеніемъ сотенъ подобныхъ *stotra*, чтеніемъ по обязанности при каталогизаціи петербургскихъ собраній индійскихъ рукописей. Первый, болѣе значительный и по размѣру гимнъ, *Gaṇḍīstotra,* восхваленіе *gaṇḍī*, деревяннаго инструмента, употребляемаго въ буддійскихъ храмахъ и понынѣ для созыванія вѣрующихъ. Это доска, которую ударяютъ молоткомъ. Издатель текста сравниваетъ его съ колоколомъ; мы бы предпочли сближеніе съ *биломъ*, которое употреблялось въ древне-христіанской церкви, а кое-гдѣ употребляется и нынѣ (Аѳонъ). Можетъ быть, если бы прослѣдить исторію била, удалось бы найти и нѣкоторую генетическую связь его съ буддійской *gaṇḍī*.

Авторъ гимна восхваляетъ собственно не столько *gaṇḍī*, сколько Будду Гаутаму, точнѣе бодхисатву, описывая его борьбу съ искусителемъ Марой и пр. Этотъ гимнъ въ тибетскомъ колофонѣ приписывается Ашвагошѣ (*Açvaghoṣa*); издатель принимаетъ это утвержденіе и выставляетъ его на обложку. Въ примѣчаніяхъ, свидѣтельствующихъ о блестящей эрудиціи, г. Сталь-Гольстейнъ приводитъ немало параллелей изъ другихъ произведеній знаменитаго буддійскаго поэта. Намъ кажется, однако, что въ данномъ случаѣ была бы умѣстна нѣкоторая осторожность: одного утвержденія тибетскаго колофона еще не достаточно — стоитъ взять *Catalogus Catalogorum* Ауф-

1) Actes X Congr. int. or. (Leide, 1895, II part., pp. 189—203).

2) Cp. v. Staël-Holstein, Bemerkungen zum Trikāyastava (Изв. ИАН. 1911, стр. 837).

рехта и раскрыть его на имени какого-либо знаменитаго писателя, Калидасы, Шанкары и т. д., чтобы найти десятки, сотни приписываемыхъ имъ ничтожныхъ гимновъ. Почему же предполагать, что именно знаменитый Ашвагоша есть авторъ издаваемаго гимна? Это можно было бы утверждать, лишь имѣя данныя изъ его біографіи или же исходя изъ внутреннихъ соображеній. Перваго мы не имѣемъ (едва ли достаточно того обстоятельства, что *gaṇḍī* упоминается въ китайскомъ жизнеописаніи Ашвагоши не менѣе 8 разъ — введеніе, стр. XXIII); что касается соображеній стиля, языка, то они скорѣе говорятъ противъ предположенія издателя. Трескучіе стихи, уснащенные аллитераціями, подборъ рѣдкихъ словъ, выисканныхъ, очевидно, въ словарѣ, безконечно далеки отъ простого, изящнаго стиля Buddhacarita и др. несомнѣнныхъ произведеній Ашвагоши. Намъ кажется вѣроятнымъ предположеніе, что Gaṇḍīstotra — произведеніе, гораздо болѣе поздняго времени, нежели I — II в., когда жилъ Ашвагоша, лишь приписанное знаменитому поэту, или же дѣйствительно продуктъ творчества какого-то Ашвагоши (хотя послѣднее — менѣе вѣроятно). Два другихъ гимна, Saptajinastava и Āryamañjuçrīnāmāṣṭaçataka, еще менѣе интересны. —

Центръ тяжести работы г. Сталь-Гольстейна лежитъ, намъ кажется, скорѣе въ методѣ дешифровки китайскихъ іероглифовъ, «ретранскрипціи» текста. Если путь г. Сталь-Гольстейна правиленъ, то чрезвычайно облегчается задача истолкованія индійскихъ словъ, именъ и терминовъ, встрѣчающихся въ китайской (главнымъ образомъ буддійской) литературѣ. Г. Сталь-Гольстейнъ работалъ слѣдующимъ образомъ: онъ беретъ строчку китайскихъ знаковъ, подставляетъ ихъ значеніе по словарю Williams'а и въ 3-й строкѣ даетъ приблизительное санскритское значеніе, и наконецъ реконструированный текстъ. Въ подстановкѣ значеній китайскихъ знаковъ, авторъ избѣгаетъ всякихъ коньектуръ (чтò подчеркивается на стр. IX введенія). Скромность автора вполнѣ понятна, такъ какъ онъ не считаетъ себя спеціалистомъ—синологомъ. Разумѣется, большимъ подспорьемъ оказывается тибетскій переводъ, позволяющій съ достаточной точностью возстановить смыслъ и санскритскій текстъ. Авторъ произвелъ цѣлый рядъ статистическихъ изысканій: въ «Указателѣ» приведены всѣ мѣста, гдѣ встрѣчается данный китайскій знакъ и значеніе его; удалось установить несомнѣнную послѣдовательность транскриптора, такъ знакъ *foh*, встрѣчающійся 140 разъ, 137 разъ передаетъ *vā* (*bā*) и всего 3 раза *dhā*, и т. п. Можно думать, что синологамъ этотъ Указатель окажется весьма полезенъ. Однако, достаточны ли результаты этой колоссальной, многолѣтней работы? На стр. 3, въ первой строкѣ мы встрѣчаемъ знакъ *tsung*, который соотвѣт-

ствуетъ санскритскому °*vaṃ*; невольно спрашиваешь себя, имѣлъ ли транскрипторъ какое-нибудь представленіе о санскритѣ. Раскрывъ Указатель (стр. 186), мы узнаемъ, что этотъ знакъ, согласно китайскимъ авторитетамъ, является слитнымъ начертаніемъ двухъ знаковъ *wu*+*man*, что объясняетъ непосвященному эту непостижимую съ перваго взгляда тайну. Мы полагаемъ, что авторъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ нежеланіи давать «коньектуры»: чтеніе *tsung* не даетъ никакого смысла и лишь вводитъ читателя въ заблужденіе. Знакъ № 119 *nao* передаетъ санскр. *rau* (стр. 7, ст. 11); компетентное лицо объяснило намъ, что этотъ знакъ, вѣроятно, слитный изъ знаковъ *lan* + *nao* = *lao*, что опять-таки вполнѣ понятно. На стр. 71, ст. 7 знакъ *keu* долженъ соотвѣтствовать санскр. °*to*; въ Указателѣ (стр. 165) авторъ высказываетъ предположеніе, что этотъ знакъ попалъ въ текстъ по ошибкѣ вмѣсто похожаго іероглифа *tu*. Такихъ странностей, порождающихъ недоумѣніе, можно привести гораздо больше. Какой же напрашивается выводъ? Прежде всего тотъ, что вторая строка текста, латинская транскрипція китайскихъ знаковъ, имѣетъ мало общаго съ санскритскими звуками, которые эти знаки должны передавать. Эта «свободная отъ коньектуръ» транскрипція смѣло могла бы быть замѣнена цифрами, номерами: другого смысла, какъ облегчить читателю — *синологу* нахожденіе значенія іероглифа, она не имѣетъ, а этой цѣли цифры могли бы служить не хуже. Далѣе: «коньектуры» во многихъ мѣстахъ напрашиваются сами собой, по крайней мѣрѣ, лицу, знакомому съ китайскимъ языкомъ, — читатель же несинологъ становится безъ нихъ въ тупикъ. Совершенно ясно, что чтеніе китайскихъ знаковъ транскриптора X в. было близко къ санскриту, т. е. онъ стремился передать чуждые звуки возможно точнѣе. Но каково было его китайское произношеніе? A priori можно сказать, что оно едва-ли вполнѣ совпадало съ сѣвернымъ произношеніемъ словаря Williams'a. Слѣдовательно, здѣсь необходимо было знакомство съ исторіей китайскаго языка, установленіе (по мѣрѣ возможности) діалекта транскриптора; въ крайнемъ случаѣ надо было бы избрать, можетъ быть, южное произношеніе, какъ болѣе древнее, — даже, смѣемъ думать, былъ бы умѣстенъ извѣстный эклектизмъ: подборъ чтеній изъ различныхъ діалектовъ, наиболѣе подходящихъ къ санскритскимъ словамъ, которыя въ общемъ можно считать установленными тибетскимъ переводомъ. Намъ кажется, что синологъ при самомъ маломъ знакомствѣ съ санскритомъ весьма легко справился бы съ этой задачей, тогда какъ индіанистъ, неувѣренный въ своихъ познаніяхъ въ области китайскаго языка, черезчуръ склоненъ рабски отнестись къ тексту, который китайскіе переписчики, вѣроятно, немилосердно искажали, такъ какъ онъ былъ для нихъ тарабарщиной. Тамъ, гдѣ автору

приходилось ломать голову, синологъ сразу же открылъ бы ошибку: лишняя черта, вѣдь, совершенно мѣняетъ дѣло.

Опытъ г. Сталь-Гольстейна, конечно, интересенъ и, какъ мы уже говорили, можетъ быть весьма полезенъ, но мы не можемъ не указать, что эта работа грѣшитъ противъ принципа экономіи силъ: при все уменьшающемся числѣ индіанистовъ, при тѣхъ громадныхъ возможностяхъ, которыя открываются ученому, изслѣдователю буддизма, знакомому хотя бы поверхностно съ китайскимъ языкомъ, едва-ли три банальныхъ гимна, «возвращенныхъ» индіанистикѣ, окупаютъ громадную затрату силъ.

Что касается чисто *индійской* части работы, то мы, ввиду необычайно тщательной отдѣлки со стороны автора, отнимающей почти всякую почву у критика, ограничимся лишь немногими замѣчаніями.

Стр. 129, прим. 3: «Anaṅga одно изъ именъ божества, обыкновенно называемаго Māра». Здѣсь не достаетъ, по нашему мнѣнію, одного слова: «называемаго буддистами», такъ какъ Māra въ общесанскритской литературѣ далеко не является обычнымъ названіемъ бога любви (Kandarpa, Smara и т. д.). Едва ли можно употреблять какъ синонимы термины «древнеиндійскій» и «санскритскій», какъ это дѣлается на стр. 115: первый терминъ обычно примѣняется лишь къ языку Ведъ. Вполнѣ извинительна нѣкоторая небрежность русскаго стиля, примѣрами которой являются обороты: «Ввиду вышеизложеннаго и принимая въ соображеніе тотъ фактъ.....» (стр. 107), «Первымъ дѣломъ поражаетъ.....» (стр. 108—109). Зато рѣжетъ глазъ непослѣдовательность въ трактовкѣ иностранныхъ именъ которыя то склоняются, то нѣтъ: «....Emil'я Schlagintweit» (стр. 128); «...согласно Rockhill'ю» и «...доктору Thomas» (стр. 141). **Н. М.**

385. W. Rickmer Rickmers. The Duab of Turkestan. A physiographic sketch and account of some travels. With 207 maps, diagrams and other illustrations. Cambridge 1913. XV + 564 p. 8° maj.

Въ настоящей книгѣ, по словамъ автора, къ путевымъ очеркамъ (авторъ имѣлъ возможность посѣтить, въ теченіе ряда лѣтъ[1]), бассейнъ Зарявшана, нѣкоторыя мѣстности Бухарскаго ханства и Памиръ) присоединены «уроки по элементарной физической географіи» (teaching of a little elementary physiography). Спеціально-научные вопросы разсматриваются въ приложеніяхъ; тамъ же мы находимъ, кромѣ указателей предметовъ и

1) Точная дата начала и конца путешествій не приводится; при описаніи отдѣльныхъ путешествій упоминаются даты отъ 1896 до 1908 г.; при описаніи Бухары говорится, что городъ успѣлъ уже измѣниться съ тѣхъ поръ, какъ авторъ въ первый разъ видѣлъ его восемнадцать лѣтъ тому назадъ (стр. 92).

собственныхъ именъ, перечень литературы о Туркестанѣ; въ самой книгѣ, предназначенной для широкаго круга читателей, ссылки и вообще подстрочныя примѣчанія почти совершенно отсутствуютъ.

Въ путевыхъ очеркахъ главное мѣсто отводится, конечно, описанію природы или, вѣрнѣе, ландшафта (о растительной и животной жизни говорится мало). Автора и его спутниковъ сопровождалъ опытный проводникъ-тиролецъ; благодаря этому ими могли быть изслѣдованы трудно доступные перевалы, вершины и ледники[1]); вездѣ дѣлались превосходные фотографическіе снимки, частью помѣщенные въ книгѣ, частью только перечисленные. Въ дѣлѣ географическаго изученія края трудъ автора, вѣроятно, будетъ признанъ шагомъ впередъ. Гораздо меньше говорится о городахъ, поселеніяхъ и вообще о человѣкѣ. Спеціалисты по этнографіи и археологіи не найдутъ для себя въ книгѣ новаго матеріала; неспеціалистами и эти мѣста книги, вѣроятно, будутъ прочитаны съ интересомъ. Не зная мѣстныхъ языковъ[2]), авторъ былъ принужденъ ограничиться поверхностными наблюденіями; но эти наблюденія проникнуты искреннимъ желаніемъ понять душу населенія, безусловно чужды обычныхъ европейскихъ предразсудковъ и излагаются съ чисто-англійскимъ юморомъ (напр. стр. 130 и слѣд. и описаніе «единственнаго настоящаго приключенія» на стр. 298 и слѣд.). Интересенъ, между прочимъ, разсказъ о встрѣчѣ въ Бальджуанѣ съ русскимъ, сдѣлавшимся по внѣшнему образу жизни и религіознымъ обрядамъ совершеннымъ сартомъ и нисколько не жалѣвшимъ о своей прежней жизни (стр. 444). Черезъ посредство сопровождавшей его супруги авторъ могъ ознакомиться и съ жизнью женской половины населенія.

Научныя разсужденія автора, какъ и слѣдовало ожидать, не касаются *непосредственно* вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ современной жизни края и его прошлаго. Въ этнографическихъ вопросахъ онъ вѣритъ Фр. ф. Шварцу, автору «лучшаго общаго сочиненія о русскомъ Туркестанѣ» (стр. 5)[3]); о прошломъ края онъ находитъ «все важное» (everything important) въ книгѣ Скрайна и Росса[4]), отчасти дополняемой трудомъ Росса

1) По мнѣнію автора, трудности горныхъ экспедицій были значительно преувеличены русскими изслѣдователями, въ томъ числѣ Мушкетовымъ (имѣется въ виду изслѣдованіе заряфшанскихъ ледниковъ въ 1880 г.). Затрудненія, встрѣченныя Мушкетовымъ, объясняются тѣмъ, что его сопровождали донскіе казаки, которые на ледникѣ такъ-же должны были чувствовать себя не въ своей сферѣ, какъ чувствовалъ бы себя тиролецъ на яхтѣ (стр. 272).

2) Взятый изъ Батума слуга-переводчикъ былъ въ глазахъ автора экспертомъ «in all the broken idioms of Europe and Asia», точно такъ-же какъ въ кулинарномъ и прачешномъ дѣлѣ (стр. 178).

3) Ср. ЗВО. XIV, 053 и слѣд.

4) Ibid. XII, 0130 и сл. Между прочимъ популярная въ Англіи легенда, что построенная Тимуромъ мечеть Биби-ханымъ есть выраженіе «страстнаго горя вдовца», изъ книги

и Иляйаса (стр. 543)[1]). Но въ странахъ съ такими климатическими условіями, какъ Туркестанъ, жизнь человѣка, можетъ быть, еще тѣснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, связана съ жизнью природы; говоря о физико-географическихъ процессахъ и физико-географическомъ характерѣ страны, неизбѣжно приходится говорить о прошломъ, настоящемъ и будущемъ ея населенія. Опредѣляя свое отношеніе къ теоріи высыханія и создавая новую теорію о туркестанскомъ «Дуабѣ», какъ самостоятельной географической единицѣ, авторъ справедливо разсматриваетъ жизнь природы и жизнь человѣка какъ одно неразрывное цѣлое; поэтому научная часть его книги представляетъ интересъ не для однихъ только натуралистовъ.

Взглядъ автора на теорію высыханія занимаетъ середину между взглядомъ современныхъ русскихъ ученыхъ (А. И. Воейкова и Л. С. Берга) и мнѣніемъ прежнихъ изслѣдователей. Вмѣстѣ съ кн. Крапоткинымъ онъ считаетъ прогрессивное высыханіе Евразіи «геологическимъ фактомъ» (стр. 510), но доказываетъ, что этотъ вопросъ нельзя связывать съ вопросомъ объ *историческомъ* прошломъ и будущемъ края. Процессъ высыханія, по его мнѣнію, отражается только на мѣстностяхъ, непосредственно прилегающихъ къ пустынѣ, которая увеличивается насчетъ культурныхъ земель не болѣе какъ на одну англійскую милю въ столѣтіе (стр. 47). Выше по теченію рѣкъ условія впродолженіи историческихъ періодовъ остаются неизмѣнными, и для орошенія пашень вполнѣ обезпечено достаточное количество воды. Авторъ только сомнѣвается въ томъ, окупятся ли громадныя затраты, необходимыя для производства сложныхъ гидротехническихъ работъ на Аму-дарьѣ и Сыръ-дарьѣ, и удастся ли, посредствомъ расширенія желѣзнодорожной сѣти и пониженія тарифа, обезпечить населенію дешевый хлѣбъ, чтобы большая часть орошенныхъ земель могла быть отведена подъ культуру хлопка (стр. 524).

Названіе «Дуабъ» (двурѣчье), очень употребительное въ Индіи[2]), авторъ предлагаетъ присвоить мѣстности, лежащей между Аму-дарьей, Сыръ-дарьей, Аральскимъ моремъ и горными цѣпями въ верховьяхъ обѣихъ рѣкъ.

Скрайна (стр. 392) перешла и въ книгу В. Рикмерса (стр. 122). Не прибѣгая къ восточнымъ сочиненіямъ, авторъ даже изъ словъ Клавихо (изд. Срезневскаго, стр. 319) могъ бы убѣдиться въ томъ, что если мечеть вообще строилась Тимуромъ въ память какой-нибудь женщины, то не въ память жены, которая въ то время была жива, но въ память тещи.

1) Ср. ЗВО. X, 215 и сл.

2) Изъ многочисленныхъ индійскихъ «дуабовъ» главный — область между Гангомъ и Джумной отъ горъ Сиваликъ до Аллахабада. Предложеніе назвать туркестанскимъ «Дуабомъ» мѣстность между Аму-дарьей и Сыръ-дарьей было сдѣлано авторомъ также въ Geogr. Journal XXX, 357 (цитуется въ Enzyklopaedie des Islam, I. 1125). Замѣчательно, что въ своей книгѣ авторъ ничего не говоритъ объ индійскихъ дуабахъ и только сопоставляетъ терминъ «Дуабъ» съ терминомъ «Пенджабъ» (стр. 1).

Только такимъ путемъ мы, по его мнѣнію, получимъ область съ ясно выраженными географическими границами; опредѣлить географическія границы «Туркестана» было бы невозможно. Въ «Дуабѣ» нашли себѣ наиболѣе полное выраженіе всѣ особенности, составляющія характерную черту странъ, въ составъ которыхъ входитъ или съ которыми граничитъ Дуабъ; всѣ эти характерныя свойства ослабляются по мѣрѣ удаленія отъ границъ Дуаба. Въ области «климатологіи, геологіи, зоологіи, ботаники, этнографіи, политической экономіи, исторіи» — вездѣ мы найдемъ «all the central and leading facts or typs included in the Duab» (стр. 2). Едва ли теорія автора и созданный имъ терминъ имѣютъ будущность. Дуабомъ въ Индіи называется пространство между двумя рѣками, протекающими такъ близко одна отъ другой, что оросительныя системы обѣихъ рѣкъ составляютъ какъ бы одно цѣлое. Такимъ «дуабомъ» въ Туркестанѣ, насколько мнѣ извѣстно, могла бы быть признана только мѣстность между Чирчикомъ и Ангреномъ. Аму-дарья и Сыръ-дарья въ верхней части своего теченія отдѣлены одна отъ другой высокими горными цѣпями, въ нижней — огромной пустыней; область между обѣими рѣками не представляетъ (и никогда не представляла) ни въ политическомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи самостоятельнаго цѣлаго; для будущей экономической жизни края мѣстности, находящіяся внѣ «Дуаба», какъ Хивинское ханство и сѣверная часть Ферганы съ Наманганомъ, будутъ имѣть во всякомъ случаѣ не меньше значенія, чѣмъ середина «Дуаба» — бассейнъ Заряфшана[1]).

При составленіи библіографическаго обзора авторомъ приняты во вниманіе и русскія работы, хотя съ нѣсколько страннымъ выборомъ; такъ упоминается учебникъ Н. П. Остроумова и не упоминается «Туркестанъ» И. В. Мушкетова. **В. Б.**

386. Абӯ-л-ʻАлā ал-Маʻаррӣ. Мулкā-с-сабӣл, рисāлет фӣ-л-ваʻз ва-л-ḥикам. ʻУнийа би-нешрихā .... Ḥасан Ḥуснӣ ʻАбд-ал-Ваххāб ат-Тӯнисӣ. Дамаскъ 1330. 8⁰, стр. 18.

ʻАбд-ал-Ваххāбъ, профессоръ исторіи въ тунисской высшей школѣ *ал-Халдӯнiйййа*, извѣстенъ преимущественно работами по исторіи Магриба[2]).

---

1) Ср. въ книгѣ В. Рикмерса краснорѣчивыя слова о Самаркандѣ, какъ residential capital (стр. 120), и въ особенности о Заряфшанѣ, какъ «средней линіи и символѣ» всего Дуаба (стр. 276). Вопреки дѣйствительности, авторъ утверждаетъ, будто «on its banks are greater cities than on the Amu or the Sir».

2) См., напримѣръ, La Domination Musulmane en Sicilie, Tunis 1905; Contribution à l'histoire de l'Afrique du Nord et de la Sicilie, Palermo 1910 (оттискъ изъ сборника Centenario della nascita di Michele Amari); بساط العقيق فى حضارة القيروان وشاعرها ابن رشيق Тунисъ 1330 и др.

На ряду со спеціальными трудами онъ, слѣдуя симпатичной традиціи современныхъ арабскихъ ученыхъ и журналистовъ, время отъ времени знакомитъ съ произведеніями древне-арабской литературы, издавая доступныя рукописи. Къ числу такихъ изданій принадлежитъ и реферируемое теперь произведеніе Абӯ-л-ʻАлā, которое имѣетъ извѣстное право на вниманіе, хотя бы въ силу интереса, связаннаго съ личностью слѣпого поэта-литератора. Сперва оно было напечатано въ дамасскомъ журналѣ «*ал-Муктабасъ*» и затѣмъ выпущено отдѣльнымъ оттискомъ, которымъ мы пользуемся въ настоящей замѣткѣ. Къ сожалѣнію оба этихъ изданія мало доступны европейскимъ ученымъ и нельзя не поблагодарить редактора журнала, энергичнаго Мухаммеда Курдъ ʻАлӣ, который выпустилъ отдѣльной книгой подъ названіемъ «*Ресāил-ал-булагā*» (Трактаты краснорѣчивыхъ) наиболѣе цѣнные памятники древней литературы, напечатанные въ редактируемомъ имъ органѣ. Сборникъ изданъ въ Каирѣ въ этомъ году (1913=1331) и содержитъ, между прочимъ, интересующій насъ трактатъ Абӯ-л-ʻАлā [1]).

Какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ нашего поэта, прежде всего приходится задуматься надъ заглавіемъ, точное чтеніе и значеніе котораго едва ли можетъ считаться установленнымъ. Въ самомъ произведеніи намековъ на него, повидимому, нѣтъ; болѣе авторитетныя рукописи даютъ чтеніе «*Мулкā-с-сабӣл*», которое и слѣдуетъ, вѣроятно, признать правильнымъ съ основнымъ значеніемъ «брошенное на дорогѣ», т. е. мысли, разсыпанныя на пользу всѣмъ, проходящимъ по дорогѣ жизни [2]). Грамматически, конечно, возможны и другія толкованія, но они не имѣютъ за собой рукописной традиціи [3]).

---

1) Сборникъ заключаетъ не мало другихъ интересныхъ произведеній, которыя иногда привлекались къ изслѣдованію и въ русской арабистикѣ. Не лишне поэтому обратить вниманіе на его составъ: стр. 17—*ал-Адаб ас-сагӣр* Ибн-ал-Мукаффаʻ, 55—*ад-Дурра ал-йатӣма* его же, 115 — вторая *Йатӣма* его же, 118 — отрывки и отдѣльныя посланія его же, 137—отвѣтъ ему Йахйи-ибн-Зійāда, 139—рядъ посланій ʻАбд-ал-Хамӣда, 176—посланіе Ибрāхӣма-ибн-ал-Мудаббира, 194 — посланіе Ибн-ал-Кāриха къ Абӯ-л-ʻАлā, 214—*Мулкā-с-сабӣл,* 241 — *Ресāил-ал-интикāд* Ибн-Шерефа кайравāнскаго, 269 — *Китāб-ал-ʻараб* (отвѣтъ шуʻӯбистамъ) Ибн-Кутейбы, 296 — посланіе Рашӣд-ад-дӣна ал-Ватвāта, 299 — завѣщаніе царямъ Ардешӣра сына Бāбека, 302—314 — *Китāб ал-адаб ва-л-муруввa* Сāлиха-ибн-Джанāха. (Для первой части сборника—посланій Ибн-ал-Мукаффаʻ и ʻАбд-ал-Хамӣда — это изданіе является вторымъ, такъ какъ они были выпущены подъ тѣмъ же названіемъ отдѣльно въ 1326 (1908) году).

2) Ср. «projectus in via» у Margoliouth, Index librorum Abu'l-Alae Maarrensis (въ Centenario della nascita di Michele Amari, Palermo 1910) — I, стр. 230.

3) Напр. *malqa*-as-sebil у Brockelmann, Geschichte der arabischen Literatur (Weimar 1898)—I, 255, № 4, вѣроятно подъ вліяніемъ каталога рукописей Британскаго Музея — II, London 1846, стр. 405, № 888,10, гдѣ данъ (едва ли возможный) переводъ «concursus viae». Сомнительно съ грамматической точки зрѣнія чтеніе и толкованіе *Molcki*-el-sebil «Liber viam

Мулкā-с-сабӣл является едва ли не самымъ популярнымъ произведеніемъ Абӯ-л-ʿАлā послѣ его стихотворныхъ сборниковъ, какъ ранняго, такъ и поздняго періода. Оно упоминается почти всѣми авторами, сохранившими списокъ его произведеній, какъ Йāкӯтъ, аз-Зехебӣ и зависящій отъ нихъ ас-Сафадӣ[1]). Хāджжи-Халӣфа, вѣроятно вслѣдъ за аз-Зехебӣ[2]), говоритъ объ объемѣ произведенія, опредѣляя его четырмя *«куррāсами»*[3]), т. е. приблизительно 16 страницами, какъ это подтверждается и рукописями. Интереснѣе сухихъ упоминаній тотъ несомнѣнный фактъ, что особою популярностью это сочиненіе Абӯ-л-ʿАлā пользовалось въ Испаніи, гдѣ оно вызвало даже нѣсколько подражаній. Меньше чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти такое подражаніе вышло изъ подъ пера знаменитаго Зӯ-л-визāратейнъ ал-Гāфикӣ (ум. 540/1146), везӣра Йӯсуфа-ибн-Тāшифӣна[4]). Черезъ другую сотню лѣтъ такое же подражаніе появилось у не менѣе знаменитаго андалусскаго ученаго Абӯ-Рабӣʿ ал-Келāʿӣ (ум. 634/1237), о чемъ сохранилъ упоминаніе ал-Маккарӣ[5]). Столь же наглядно говоритъ о распространенности произведенія количество дошедшихъ до насъ рукописей; въ настоящее время ихъ можно насчитать не менѣе шести: двѣ въ Эскуріалѣ[6]), по одной въ Лондонѣ[7]) и Петербургѣ[8]), двѣ въ Каирѣ[9]).

---

docens» у Flügel'я въ изданіи Хāджжи-Халӣфы — VII, 115, № 12888. Къ послѣднему чтенію примыкаетъ Derenbourg, Les manuscrits arabes de l'Escurial — I, Paris 1884, № 467 стр. 310, переводя заглавіе «indicateur du chemin».

1) См. Margoliouth, op. cit. № 69, стр. 219 и 230.

2) Margoliouth, The Letters of Abū-l-ʿAlā, Oxford, 1898, стр. 135—136 (арабскаго текста).

3) Изд. Flügel'я, loc. cit.

4) Рукопись въ Британскомъ Музеѣ — II, 405 № 888,9 (а не 11, какъ у Brockelmann'a, L. cit.) и въ Эскуріалѣ — Derenbourg, op. cit., стр. 347, № 519. (У Brockelmann'a упоминаніе отсутствуетъ). Конечно, въ معارضة надо видѣть, именно, подражаніе, а не опроверженіе = réfutation, какъ предполагалъ Derenbourg. Послѣ знакомства съ содержаніемъ *Мулкā-с-сабӣл* въ этомъ не можетъ быть сомнѣній.

5) Analectes, ed. R. Dozy etc. II, 769, 3—2 снизу. Повидимому, этотъ писатель былъ особымъ поклонникомъ Абӯ-л-ʿАлā: тотъ же ал-Маккарӣ (ibid. 4 сн.) сообщаетъ, что онъ составилъ подражаніе другому сочиненію ал-Маʿаррӣ خطبة الفصيح, извѣстному намъ только по имени. Ср. Margoliouth, Index, стр. 223, № 19, гдѣ вмѣсто جهد الفصيح чит. جهد النصيح. О самомъ сочиненіи и его содержаніи, см. еще Bibliotheca arabico-hispana — IX, 343 и Хāджжи-Халӣфа — III, 160 № 4733.

6) Derenbourg, op. cit. — I, № 467 (у Brockelmann'a опечатка 476), 3 стр. 310 и № 276,2 стр. 170 (не упомянута Brockelmann'омъ).

7) Catalogus — II, стр. 405, № 888,10 (а не 12, какъ у Brockelmann'a).

8) Dorn, Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux, St.-P. 1852, стр. 209—210, № 231,7. Объ этой рукописи я уже говорилъ въ ЗВО. т. XXI, стр. 0132, прим. 6, гдѣ исправилъ неточность каталога Dorn'a, перешедшую и къ Brockelmann'y op. cit. I, 255 № 4.

9) Рукопись хедивской библіотеки — *Фихрист-ал-кутуб* — VII,2 стр. 677 (ср. Brockelmann — I, 524) и мечети ал-Азхаръ, скопированная съ первой въ 1304 г. ادب № 509.

Къ сожалѣнію, нѣкоторый опытъ европейской арабистики говоритъ, что популярность выпадала далеко не на долю тѣхъ произведеній Абӯ-л-ʿАлā, которыя представляютъ для исторіи литературы бóльшій интересъ. Значительно меньше были распространены тѣ, въ высшей степени оригинальныя произведенія, какъ *Рисāлет-ал-гуфрāн*, или сборникъ *Лузӯм мā лā йалзам*, которыя до сихъ поръ еще ждутъ своего изслѣдователя въ цѣломъ. По своей трудности они для европейскихъ ученыхъ представляютъ книгу за семью печатями, а на востокѣ надъ ними сверхъ того тяготѣетъ, если не обвиненіе, то подозрѣніе въ ереси. Средній арабскій читатель ихъ или не могъ понять или боялся понимать. Бóльшій успѣхъ встрѣчали безобидныя съ точки зрѣнія мусульманской морали произведенія, въ которыхъ, при столь же блестящей формѣ, содержаніе не давало повода къ упрекамъ въ невѣріи. Таково было и *Мулкā-с-сабӣл*. Мы, конечно, едва ли раздѣлимъ суровый приговоръ Kremer'а, единственнаго, кажется, арабиста, непосредственно знакомаго съ произведеніемъ, который, упомянувъ про каирскую рукопись, заявилъ—«die Herausgabe verdient es nicht»[1]). Kremer стоялъ на другой точкѣ зрѣнія, чѣмъ современная исторія арабской литературы. Какъ бы зачарованный *Лузӯм мā лā йалзам*, онъ не хотѣлъ знать другихъ произведеній Абӯ-л-ʿАлā и отбрасывалъ ихъ, коль скоро они не подходили подъ созданный имъ величественный образъ слѣпца-философа. Для насъ же, при бóльшемъ богатствѣ матеріала, необходимо знакомство со всѣми сохранившимися произведеніями Абӯ-л-ʿАлā, которыя даютъ болѣе живой, хотя быть можетъ менѣе импонирующій и подавляющій обликъ[2]). Чего-либо новаго для характеристики Абӯ-л-ʿАлā этотъ трактатъ не даетъ: по своему содержанію онъ представляетъ достаточно шаблонный въ арабской морализирующей литературѣ типъ сентенцій аскетическаго характера съ совѣтами не увлекаться здѣшней жизнью, а помнить о будущемъ мірѣ. Особой глубины и оригинальности, которая привлекательна въ *ал-Лузӯмиййāт*, здѣсь не замѣтно. Издатель хочетъ видѣть въ *Мулкā-с-сабӣл* произведеніе послѣдняго періода жизни Абу-л-ʿАлā и попытку вернуться къ религіознымъ принципамъ (стр. 3). Съ этимъ едва ли можно согласиться, сопоставивъ *Мулкā-с-сабӣл* съ другими произведеніями несомнѣнно послѣднихъ лѣтъ: по своему характеру оно ближе подходитъ къ литературнымъ трудамъ Абӯ-л-ʿАлā, его комментаріямъ, раннимъ письмамъ и пр., когда онъ не порывалъ еще связи ни съ литературной традиціей, ни съ тради-

1) Über die philosophischen Gedichte des Abū'l-Alā Ma'arry, Wien 1888, стр. 89 и прим. 1.

2) Ср. сказанное по поводу другого мало-извѣстнаго произведенія Абӯ-л-ʿАлā въ ЗВО, т. XIX, 50—52.

ціонной моралью. Видѣть въ *Мулкā-с-сабӣл* простое подражаніе старымъ образцамъ было бы ошибочно, но несомнѣнно, что стороннія вліянія здѣсь болѣе сильны, чѣмъ въ послѣдующихъ произведеніяхъ, когда оригинальное содержаніе не требовало больше готовыхъ формъ для своего выраженія. Одно изъ этихъ вліяній ʿАбд-ал-Ваххāбъ подмѣчаетъ вѣрно, указывая на проповѣди (полу-апокрифическія добавимъ) до-исламскихъ ораторовъ, какъ Ḳосс-ибн-Сāʿида и др. Вліяніе другого теченія стоитъ еще ближе и на этомъ произведеніи отразилось, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ на другихъ. Это — поэзія Абу-л-ʿАтāхіи, имя котораго упоминается большинствомъ изслѣдователей, какъ одного изъ предшественниковъ Абӯ-л-ʿАлā. Въ данномъ трактатѣ подражаніе ему можно видѣть не только въ содержаніи, но и въ языкѣ, который значительно проще, чѣмъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Абӯ-л-ʿАлā.

Въ формѣ *Мулкā-с-сабӣл* сказывается уже та вычурность и изысканность, которая такъ сильно затрудняетъ пониманіе иногда наиболѣе интересныхъ сочиненій Абӯ-л-ʿАлā. Оно представляетъ рядъ небольшихъ отдѣловъ по числу буквъ алфавита, въ каждомъ изъ которыхъ расположены сентенціи сперва въ риѳмованной прозѣ (съ риѳмой на соотвѣтствующую букву), и затѣмъ повторяются въ стихахъ не только въ томъ же порядкѣ, но иногда и въ тѣхъ же словахъ. Для образца я позволю себѣ привести отдѣлъ подъ буквой *вāвъ* (стр. 17,1—10), хотя вся игра словъ при переводѣ исчезаетъ и блѣднѣетъ [1]).

[Проза].

«*Товарищи* твои уже *заблудились*. Они стали пить безъ остановки на *водопоѣ*, но не *насытились*. Рѣшенія судьбы ихъ *призвали* и они *сдѣлали привалъ*. *Оставили* они наслѣднику все, чѣмъ *владѣли* сами. *Рокъ* ихъ *скрутилъ* и они *свернулись*. Загробный міръ встрѣтилъ ихъ по *намѣреніямъ*».

[Стихи].

«Не заблуждайся въ здѣшнемъ мірѣ, обольщенный имъ; вѣдь твои *товарищи* уже *заблудились* здѣсь.

Попался имъ при жизни *водопой*; если бы похожій на него утолялъ жажду, они бы *напились*.

Рокъ ихъ *позвалъ*: «О жители земли, не сдѣлать ли вамъ привалъ?». Они и *остановились*.

1) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я придерживаюсь не изданія ʿАбд-ал-Ваххāба, а варіантовъ петербургской рукописи, которые будутъ приведены въ концѣ замѣтки. Курсивомъ обозначены слова, повторяющіяся въ прозѣ и стихахъ; это до нѣкоторой степени даетъ представленіе объ искусственности принятой Абӯ-л-ʿАлā формы.

Онп *покинули* свои заблужденія и получившій наслѣдство завладѣлъ ихъ *владѣніями*.

Въ жизни своей они немного развернулись, но потомъ *рокъ* ихъ *скрутилъ* и они *свернулись*.

Пусть же послѣ нихъ намѣренія будутъ благими: вѣдь люди получаютъ воздаянія за свои *намѣренія*».

Изданіе ʿАбд-ал-Ваххāба исполнено по *одной* рукописи Эскуріала (Derenbourg № 467), которую онъ считаетъ самой древней, такъ какъ она писана въ 523/1129 году[1]). Это, повидимому, вѣрно, такъ какъ лондонская относится къ XV—XVII вѣку, петербургская писана въ 915/1509 году и каирская въ 953/1546; едва ли, однако, можно согласиться съ его словами относительно достоинства этого списка. Языкъ даннаго произведенія Абӯ-л-ʿАлā, какъ мы замѣчали, значительно проще другихъ и не требуетъ особыхъ усилій для пониманія: тѣмъ не менѣе въ изданіи имѣется достаточное количество не ясныхъ мѣстъ, часть которыхъ своимъ возникновеніемъ обязана несомнѣнно не особенно удовлетворительному состоянію оригинала. Петербургская рукопись въ этомъ отношеніи стоитъ безспорно выше; она, конечно, не разъясняетъ *всѣхъ* недоумѣній въ текстѣ, но иногда даетъ *единственно* правильное чтеніе. Интересно отмѣтить, что она находится въ извѣстномъ родствѣ съ рукописью, послужившей оригиналомъ для изданія ʿАбд-ал-Ваххāба; цѣлый рядъ чтеній, отмѣченныхъ *на поляхъ* рукописи Эскуріала, имѣется *въ текстѣ* петербургской (напр. стр. 9,9; 12,8; 15,22; 17,8 и др.). Несомнѣнно, что лицо, сличавшее первую имѣло предъ глазами или нашу рукопись или ея оригиналъ.

Чтобы использовать бо́льшую удовлетворительность петербургской рукописи, я привожу въ заключеніе варіанты ея къ изданію ʿАбд-ал-Ваххāба, отмѣчая * звѣздочкой болѣе удовлетворительныя чтенія[2]).

5,6—7 оп. 8 الامام] الإمام الأوحد; أحمد بن عبد الله بن سليمان оп.; رهين المحبسين] رحمه الله تعالى 9 الهمزة] حرف الهمزة (такъ же и въ дальнѣйшемъ). 10 الرجل] المرء 11 оп. заголовокъ (какъ и въ дальнѣйшемъ). 12 ليخطئون] * لَمُخْطِئُونَ 15 بحرصه] * لحرصه; وطالما] ولطالما.

---

1) У Derenbourg'a op. cit. стр. 310 и прим. нѣкоторое колебаніе между 523 и 623 годомъ.

2) Я сличаю съ текстомъ изданія ʿАбд-ал-Ваххāба по отдѣльному оттиску, такъ какъ между нимъ и перепечаткой въ *«Рес̄ил-ал-булагā»* нѣтъ никакой разницы, если не считать чисто графическихъ мелочей (напр. 5,15 وطالما вм. وطال‌ما; 6,21 إله вм. إلاه и т. д.).

6,1 جثوة] جُثْوَةٌ * 2 قائل] هاتف 4 التباب] التبات sic! 8 لمية] بِمُنْيَة; برغمها] بحكمها * 14 اعضاؤه] ولكن 11 لكن] ولكن. После 8 добавляетъ وفى المليك حارث الالباب * اعضاؤها.

7,1 الجرث] جرث 3 بجاهل] لجاهل 4 من] عن 6 العاقل] الغافل 9 راجى] راجٍ 11—12 переставляетъ фразы فاذا الخ и ثمّ الخ 12 لقى] مُلْقًى * 16 سرور] بناءً * 19 فلتنه] فَلْتَتُه 23 اعتقد] اعْتَمِدْ; اعْتَمِدْه 25 اعْتَقِدْه] فجديد 26 فهو الجديد] ولكنك * وَلٰكِنَّهُ.

8,1 غريك] غَيْرُكَ * 5 القيظ] الظِلّ 7 صاحبه] قارنه 9 и 10 переставляетъ اهل الرشد] 16 قريب * 15 قليل] الجنود (примѣчаніе 4 отпадаетъ). 10 الجيود] الرشيد 17 تنفع] ينفع sic! 20 حازتك] خَانَتْكَ 21 مجزوذه] ماخوذه 22 оп.

9,1 سقية] شُقْيَة 3 هل] فهل 4 وتغنى] تغنى 7 من] وبأمره عن; دائب] دائمًا; نقيتك] خيرُ كنزٍ * لا ما خُبِىَ فى الجَنْز 11 вставляетъ въ началѣ 11 نظير] قرين 9 خِدْر * حرز] 17 تموت] يموت 15 خِدْر * حرز; والورع] الورع 12 غاثيه] غانيه.

10,3 مثل] نظير; والابتداع] والابداع * 7 يحلّ] تحلّ 9 تنك] تكن 10 يبدى оп.; مثل] نظير 17 نطيش نبل] يطيش نبل 18 تفلّ] تَفِرّ.

11,2 للحدث] للحرث; القالص] قالص 3 الله] الدُرِّ (?); خالص] الخالص; بغوص] بِعَوْمٍ 6 النسك] الدين; غرة] فرة. (Вѣрно раздѣленъ стихъ: فقل во 2-мъ полустишіи). 11 переставлено مُجْرِبٍ عَامُهُ; وماؤه] فكلّه 13 عناه] غشاه * فهل] 18 فكم 19 جوهرها] جوهريّها (какъ требуетъ и размѣръ).

12,1 въ текстѣ فهلا; но на поляхъ فإلّا; تذكر] يُذَكِّرُ 2 برد] بوّدى 5 هذا] من * فى أشيب كالأشمط; الجهل] الحرص; أَلَأمَ] الإمّ 8 وعائد] وعائذ 6 منك هذا * أقبح] أخسر 12 فلا] ولا 10 للطفل] للكهل 9 أشيبك الاشمط.

13,1—4 риема на طّا (resp. طّى) 4 الجواب] المقال 6 خدعه الطمع] خَدْعة المطمع; والمطمع] والطمع 9 وميض برق] وميض 7 كم يداب] يدأب; او] و (стихъ раздѣленъ вѣрно: الدنيا) 11 كفّك] صدّك 12 جفناك] عيناك 14 همع] تهمع 16 تأمله] تأمل * للجمال] 18 للفناء; ليس يصغى] غَيْرِ مُصْغٍ 21 انت] بِتَّ.

14,2 переставляетъ الخلف والسلف; العافية] * العاقبة 3 وللاثم] * والإثم من ;تخاف [يخاف 13 فاصْغِ * [فاذن 11 الكلف * [كلف 10 وتترك * [وتطلب 9 оп.; من بُعْد [من فقد 18 ان تَنْفِق [ان انفقت 17 العَذْراء [العذر 14 وتشفق [ويشفق 19 مرتفقا] مُرْتَفَقًا sic!; حافظا] خافضًا.

15,9 خلعه] خَلْعَة; نفعك] ينفعك 12 مشغولا] * مَغْرورًا 18 وتحسن] تَخِسُّ 19 переставляетъ фразы وفى الخ и على الخ; الباطن] * الباطل; تَمُرُّ] въ текстѣ أغافل = прим. 1 أجاهل] 22 لا تصغِى * لم] تُصْغ 21 تمر но на поляхъ تُطْوَى 24 للحرّ] * للخلّ 26 تصير] * مصير.

16,2 يسترك] لا تستر; ولا الجنن] جنن 3 لا] ولا 6 فطنّ] وطنّ; بالأخلّاء] بالأودّاء والدّا sic!] والأعْداءْ (размѣръ возстановляется и примѣчаніе 3 отпадаетъ); لا تَعْصِمُ * 9б لإله علا] لمليك حوى 9 شرخك * [سرحك; واقتنّ] وافتن 8 يجفو * [يخفو غمر * [عمر 14 ولا طال [وطال 13 اذ [ان 12 لا تقرع [لتقرع 10 الهَارِبُ مِنْه القُنَن 16 فالّا] فهلّا 17 اللهو] الزهو; البلا] * الثرى 18 أتى] ثمّ وزاره 19 عصره] * عمره. Передъ 20 вставляетъ لم يَلُهُ عَنْهُ الدَّهْرُ فى عَيْشِه * والدَّهْرُ لا يُخْلِى غرًّا لها 21 كأن] * كان 22 دهاه بالمقدور] الباطل دهاؤه; اذ مهجته] عن ان أدركه الذى Передъ 23 вставляетъ وكان لا يحفل غَمْرَ اللُّها * شيقَتْ إلى الماء لهاةٌ له 23 فاغتاله] فاجتاده.

17,2 صحبك] صَحَابَتك; فما] فقد; ابادتهم] نادتهم; توروا] ثووا 3 طواهم] وطواهم; оп.! مثله; عَصْرهم * [سربهم; عنّ * [عز 6 مشتهرا [مُشْتَهِرًا 5 لاقتهم [ولاقتهم 7 تنوون] * تَثْوُون 8 خلّوا احاديثهم] * أعصرا 9 حلّوا أباطيلهم] مدّةً; قدر] زَمَنٌ 12 послѣ عملا добавляетъ لا كأنّه غُودر هَمَلَا; оп. 16 عن] على 17 فهل] وهل; الخلق] الحرص 18 يخطوه] يُخْطِى 19 وأوفى مجاهدة] رِفْقِ مُجَاوَرَةٌ 20 المقبور] المدفون 21 رسل منكم] رُسُلٌ عَنْكُمْ.

18,3 اظلنه] * أضلّته 4 الحادثات] وقتلته الحادث; فما] فهل 6 المرء] الحىّ 7 وجاءه] وزاره; فالا] فهلّا 8 ردى العقل] * ردىءَ الفعل; حتى المقدور] لمّا الكائن 9 ظلّ] ضلّ; الثرى] البلى; منهلا] موردًا 10 رنت] رَنَّتْ; ان] اذ 12 غصنه] * غَضُّه 13 ميت]

ببيت. Вмѣсто 14 كُمل مُلْقَى السبيل لأَبى العلاء المعرّى رحمه الله تعالى والحمد لله وصلّى الله على سيّدنا محمّد وآله وسلّم.

И. Крачковскій.

Царское Село.
Декабрь 1913 г.

387. Th. Kluge, Beiträge zur Mingrelischen Grammatik (Memnon. Zeitschrift für die Kunst- und Kultur-Geschichte des Alten Orients, 1913, т. VII, тетр. 1/2, стр. 46—63).

Передъ нами первая часть «Матеріаловъ для мингрельской грамматики», гдѣ г. Kluge излагаетъ фонетику мингрельскаго языка и его морфологію, за исключеніемъ спряженія, обсужденіе котораго послѣдуетъ, очевидно, въ обѣщанномъ продолженіи.

Г. К. изучалъ мингрельскій языкъ на мѣстѣ, въ Ново-Сенакѣ, лѣтомъ 1912 г. (стр. 46). Однако, несмотря на это благопріятное обстоятельство, работа г. К. не только не вноситъ въ изученіе мингрельскаго языка чего-либо новаго и цѣннаго сравнительно съ тѣмъ, что уже было достигнуто по данному предмету въ работахъ проф. Ал. Цагарели[1]) и въ обстоятельной на эти работы рецензіи П. Чараи на грузинскомъ языкѣ[2]), но явно идетъ назадъ. Поэтому слѣдовало бы трудъ г. К. пройти молчаніемъ, но въ виду того, что Кавказомъ и его языками интересуются ученые, которые могутъ опереться въ своихъ работахъ и на книгу г. К, разборъ ея мнѣ кажется желательнымъ.

Для г. К. остались недоступными вышеназванные труды проф. Цагарели и Čараи, посвященные спеціально изученію мингрельскаго языка. К. незнакомъ и съ новѣйшими трудами по яфетическому языкознанію, гдѣ онъ могъ бы найти кое-что полезное для себя по обсуждаемому имъ предмету вообще, въ частности же по вопросу о происхожденіи мингрельскихъ фамилій, затрагиваемому имъ во второй части предисловія (стр. 46). Г. К., указавъ на важность собиранія мингрельскихъ фамилій и на трудность ихъ толкованія, говоритъ, что фамиліи эти распадаются на два класса: 1) съ окончаніемъ на -ďe (-je)[3]) *сынъ* и 2) съ окончаніемъ на -a, причемъ фамиліи перваго класса г. К. считаетъ почему-то болѣе трудными пока для толкованія, чѣмъ фамиліи второго класса. Фамилій съ окончаніемъ на -ďe онъ

---

1) *Мингрельскіе этюды*, вып. I—II, Петербургъ 1880.

2) Megruli dialeqtis naϑesaobrivi damokidebuleba qarϑulϑan, журналъ Moambe 1895, №№ X, XII, 1896, №№ I, II, Тифлисъ.

3) Въ скобкахъ приводимъ транскрипцію г. Kluge, когда она расходится съ нашей.

вовсе не приводитъ, а съ окончаніемъ на -а называетъ лишь одну Ѳаϑava (čačava), что̀ значитъ, по его толкованію, *молотильщикъ* (Drescher). Если къ этой фамиліи прибавимъ Gamzardia и Qoшtaria (Hoštaria), фамиліи учителей г. К., то этимъ исчерпывается пока списокъ мингрельскихъ фамилій въ его работѣ. Но главное не то, что г. К., сознавая важность собиранія фамильныхъ именъ, самъ не потрудился собрать ихъ, а то, что неправильно само дѣленіе фамилій на классы по окончаніямъ -ǐe и -a[1]), въ особенности же утвержденіе, будто бы отъ того или иного окончанія зависитъ степень трудности толкованія самыхъ фамилій. Окончаніе -ǐe грузинское, пребывающее въ мингрельскомъ въ качествѣ заимствованія, чему соотвѣтствуетъ мингрельское -va, также означающее *сынъ*[2]). Значитъ не Ѳaϑav-a, какъ думаетъ г. К., а Ѳaϑa-va или Ѳaϑ-ava. Въ такомъ случаѣ фамилія Ѳaϑava, если ее производить отъ глагола ϑaϑua *молотьба, молотить* (есть и фамилія Ѳaϑua), буквально будетъ означать: *сынъ молотьбы*. Одна и та же фамилія имѣетъ параллельно оба окончанія, напр. Miqava || Miqaǐe, откуда ясно, что трудность или легкость толкованія фамильныхъ именъ нисколько не могутъ зависѣть отъ того или иного окончанія.

Г. К. утверждаетъ, что фамильныя имена важны потому, что они— первоначальныя, старыя nomina actionis, которыя нынѣ будто бы идентичны съ причастіемъ наст. времени дѣйств. залога и потому, во-вторыхъ, что они содержатъ въ себѣ будто бы старые глагольные корни, нынѣ или вытѣсненные грузинскимъ, или вовсе исчезнувшіе. Противъ такого утвержденія говоритъ то, что не nomina actionis въ мингрельскомъ тождественны съ причастіемъ наст. времени дѣйств. залога, а nomina actoris; кромѣ того есть фамиліи, происшедшія отъ названій народовъ и странъ, свѣтилъ небесныхъ, животныхъ и др. предметовъ, напр., Aφqazava (отъ абхазъ, Абхазія), Aφшilava (отъ Aφшileϑi = Абхазія)[3]), Diqia (отъ дзихъ)[3]), Odiшaria (отъ Odiшi = Мингрелія)[3]), Ѳoϑibaǐe и Ѳuϑberiǐe (отъ ϑuϑa *мѣсяцъ, луна*), Mirϑqulava (отъ muriϑqi *звѣзда*; по преданію діаконъ Мирцхулава написалъ книгу erti, т. е. *книгу судьбы*, букв. *планету, гороскопъ*), Melia (отъ mela *лиса*), Ѳoφuria (отъ ϑoφuri *медъ*) и др.

Изложеніе своихъ «Матеріаловъ»... г. К. начинаетъ съ произношенія (Aussprache, стр. 47). Среди гласныхъ онъ даетъ мѣсто лишь одному долгому, именно ê, между тѣмъ какъ наряду съ ê встрѣчаются въ мингрель-

1) Есть фамиліи и съ другими окончаніями, см. мою *Грамматику мингрельскаго (иверскаго) языка съ хрестоматіею и со словаремъ* (печатается), стр. 423 сл.

2) Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абх. языка среди яфетическихъ*, стр. 5.

3) См. Н. Марръ, *Исторія термина «абхазъ»* (Изв. Имп. Академіи Наукъ, 1912, стр. 699 сл.).

скомъ и â, î, ô, û. Эти собственно — удвоенныя гласныя съ обычнымъ между двумя звуками перерывомъ въ произношеніи (прерывистая долгота)[1]). Полугласный ə появляется въ концѣ словъ съ согласнымъ исходомъ одинаково какъ въ глагольныхъ, такъ и именныхъ формахъ, а не преимущественно въ глаголахъ, какъ говоритъ г. К. Служебная роль ə, облегченіе произношенія при стеченіи согласныхъ (настоящее и будущее въ исходѣ не имѣютъ -sq (-sk̓), какъ это допускаетъ г. К.), проявляется не только въ серединѣ, но и въ концѣ словъ съ согласнымъ исходомъ, когда слѣдующее слово также имѣетъ согласный въ началѣ, и, наоборотъ, въ серединѣ словъ ə часто служитъ самостоятельнымъ, слогообразующимъ звукомъ, чередуясь діалектически со всѣми простыми гласными, а потому называть ə только «краткимъ глухимъ е», какъ его опредѣляетъ г. К., не совсѣмъ правильно[2]). Въ перечнѣ согласныхъ у г. К. по недосмотру опущенъ знакъ ш (š), но вовсе нѣтъ ни смягченнаго гортаннаго звука ҫ «’», ни w, равно какъ нѣтъ оговорки относительно мягкости плавнаго l, что весьма важно[3]). Мало обращено вниманія на распространенное въ мингрельскомъ чередованіе звуковъ между собою[4]). Невѣрно утвержденіе, будто r и ğ (ĝ) трудно другъ отъ друга отличить; они въ мингрельскомъ никогда другъ съ другомъ не смѣшиваются. Поэтому нельзя писать zrua *море* (стр. 51,23) или ďrapi (ȷrapi) *дѣвушка* (стр. 55,21), а непремѣнно zğua, ďğabi. Г. К. говоритъ (стр. 47—48), что почти всѣ гласные въ началѣ и серединѣ словъ произносятся съ предшествующимъ spiritus lenis «’». Это правда, но г. К. смѣшиваетъ spiritus lenis съ смягченнымъ согласнымъ, имъ совершенно упущеннымъ изъ виду, равнымъ семитическому ҫ и чередующимся съ твердымъ k̓ (q). Это — двѣ совершенно разныя вещи. Весьма слабый spiritus lenis нѣтъ нужды обозначать въ письмѣ, какъ часто не обозначаетъ его правильно и самъ г. К., но ҫ всегда надо обозначать. Въ этихъ цѣляхъ можно использовать и знакъ «’», но съ оговоркою, что въ данномъ случаѣ этотъ знакъ обозначаетъ не spiritus lenis, а смягченный согласный звукъ, напоминающій spiritus asper. Поэтому насколько правильно писать ҫude (’ude, но не ’udê, стр. 48,2) *домъ*, настолько неправильно начертаніе ҫeṭoфua (’ečop̓ua, но не ’êp̌čop̓ua, ibid.) *взять* или ҫoϑq̣i *четыре*, ҫeϑ̣i *двадцать* (’ot̓h̠i, ’ečči, но не ’êčči, стр. 62), такъ какъ лишь въ первомъ словѣ явно слышенъ смягченный согласный, а въ остальныхъ его и помину нѣтъ. Правъ г. К., когда пишетъ ҫa (’a, стр. 49) *вѣтвь*, но не

1) См. мою *Грамматику*, § 5, с.

2) См. мою *Грамматику*, § 6.

3) См. мою *Грамматику*, § 2.

4) См. мою *Грамматику*, §§ 3, 5.

правъ, когда въ примѣчаніи то же самое слово пишетъ въ видѣ k̇ɕa (q'a), такъ какъ тутъ k̇ (q) является замѣстителемъ смягченнаго согласнаго ɕ ('), а потому ставить ихъ рядомъ другъ съ другомъ совершенно невозможно, и, значитъ, во второмъ случаѣ надо было писать k̇a (qa). Г. К., кромѣ того, звукъ ɕ смѣшиваетъ съ h (стр. 48), которые, правда, иногда чередуются между собою, но каждый изъ нихъ есть вполнѣ опредѣленный, отличный отъ другого звукъ. Поэтому ɕuana или ɕvana *нива*, *пашня*, но никакъ не hu'ana или ᵘ'ana, какъ у г. К. Послѣднее слово онъ ставитъ въ связь съ грузинскимъ vana (?), vani, что значитъ не *равнина* (Ebene), а *пріютъ*, *обитель*, и что не имѣетъ ничего общаго съ ɕuana, съ которымъ надо сопоставить груз. k̇ana *нива*, *пашня*. Г. К. присоединеніе полугласнаго ə къ согласнымъ исходамъ словъ и произношеніе гласныхъ въ началѣ и серединѣ словъ съ spiritus lenis называетъ почему-то сходными явленіями, но въ дѣйствительности ничего общаго между ними нѣтъ. И примѣръ miϑq (mič̣k̇), miϑqə (mič̣k̇ə) *я знаю*, въ качествѣ иллюстраціи добавленія ə къ согласнымъ исходамъ словъ, не совсѣмъ удаченъ, такъ какъ и miϑq, и miϑqə — сокращенныя формы, получившіяся изъ miϑqun > miϑqən[1]). Совершенно невѣрно утвержденіе, что ə въ концѣ слова можетъ имѣть на себѣ удареніе: miϑqə́ (mič̣k̇ə́).

Г. К. вообще не удалось уяснить себѣ законы, управляющіе постановкою ударенія въ мингрельскомъ. Главный законъ объ удареніи онъ формулируетъ такъ: «двухсложныя слова имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ, многосложныя — на предпослѣднемъ слогѣ» (стр. 48), т. е., иначе говоря, всѣ слова имѣютъ удареніе на второмъ съ конца слогѣ. На самомъ же дѣлѣ, главный законъ состоитъ въ томъ, что въ двухсложныхъ словахъ удареніе стоитъ на второмъ съ конца слогѣ, а въ трех- и многосложныхъ словахъ — на третьемъ съ конца. Въ многосложныхъ словахъ на ряду съ главнымъ ставится и другое, второстепенное удареніе, причемъ четырехсложныя слова дѣлятся поровну 2 + 2, а пятисложныя 2 + 3 съ главнымъ удареніемъ въ началѣ слова[2]). Г. К. говоритъ, что при склоненіи именъ главный законъ объ удареніи нарушается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда гласный послѣдняго слога выпадаетъ, именно въ Род. и Дат. падежахъ, напр., будто-бы: koϑeφiш, вм. koϑeφiшi *людей*, koϑéφs вм. koϑéφis *людямъ*. Прежде всего г. К. эти слова транскрибируетъ неправильно: kojêṕiš, kojêṕiši, kojéṕs, kojépis, гдѣ ǰ (въ послѣднемъ словѣ j) стоитъ вм. č̆, во второмъ и четвертомъ словахъ p вм. ṕ, ê вм. e. Транскрибируя черезъ ê, но не ставя

1) См. мою *Грамматику*, стр. 080.
2) См. мою *Грамматику*, § 7.

на немъ ударенія въ первыхъ двухъ словахъ, г. К. противорѣчитъ собственному правильному наблюденію, что звукъ ê при всѣхъ обстоятельствахъ долгій, и что онъ постоянно имѣетъ на себѣ удареніе (стр. 47). Во-вторыхъ, самая постановка ударенія въ 4-хсложномъ словѣ koϑeφíші на второмъ слогѣ съ конца не правильна, если не допустить существованія и второго ударенія. Значитъ, не koϑeφíші, а kóϑeφíші. Слово можетъ стоять и подъ однимъ удареніемъ, но оно будетъ на третьемъ съ конца слогѣ: koϑé-φіші. Въ случаѣ отпаденія гласнаго въ концѣ, удареніе закономѣрно передвигается къ началу слова: kóϑeφіш, но никогда въ мингрельскомъ оно не стоитъ на послѣднемъ слогѣ: koϑeφíш, какъ то думаетъ г. К. Какъ будто удареніе стоитъ на послѣднемъ слогѣ въ словахъ съ конечнымъ ê, напр., anbế *вѣсть*, но въ виду того, что въ мингрельскомъ прерывается долгота съ удареніемъ на первомъ изъ удвоенныхъ гласныхъ, и тутъ удареніе будетъ стоять собственно на второмъ слогѣ съ конца: anbée [1]). Не вѣрно поэтому и утвержденіе, будто формы настоящаго и будущаго съ согласнымъ исходомъ имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, въ противномъ случаѣ — на предпослѣднемъ; не вѣрно также и утвержденіе, будто вопросительныя формы удареніе имѣютъ на послѣднемъ слогѣ: ğoko-nó, такъ какъ въ вопросительныхъ формахъ удареніе и притомъ интенсивное, всегда, независимо отъ числа слоговъ въ словѣ, находится на второмъ съ конца слогѣ: ğokóno *хочешь ли ты?* [2])

Г. К. въ мингрельскомъ различаетъ шесть склоненій по исходамъ основъ (Stamm-Form), именно -a, -e, -i, -ə, -o, -u склоненія (стр. 49). Г. К., повидимому, допускаетъ и седьмое склоненіе, согласное, разъ онъ говоритъ тутъ же, что слова съ согласнымъ исходомъ въ остальныхъ падежахъ имѣютъ ə или i, хотя и не приводитъ ни одного такого примѣра. Такого примѣра и нельзя привести, такъ какъ слова въ мингрельскомъ имѣютъ въ исходѣ одинъ изъ гласныхъ звуковъ или же полугласный. Само дѣленіе мингрельскаго склоненія на 6 и 7 видовъ неправильно. Мингрельское склоненіе по существу одно, но имѣетъ два разныхъ вида въ зависимости отъ того, что основы бываютъ гласныя и согласныя. Къ послѣднимъ относятся всѣ имена на i и часть именъ на ə, напр., koϑ-i *человѣкъ*, bağ-i рядомъ съ bağ-ə *садъ*, такъ что основами служатъ koϑ и bağ, а i, resp. ə — окончаніемъ Имен. падежа. Всѣ другія имена на -a, -e, -o, -u и ə принадлежатъ къ гласнымъ основамъ. Они окончаніе Имен. падежа i утратили, и въ этомъ падежѣ предлежатъ въ видѣ чистыхъ основъ. Поэтому не правъ

---

1) См. мою *Грамматику*, § 166.

2) См. мою *Грамматику*, § 7, c.

г. К., говоря, что въ мингрельскомъ нѣтъ ни именительнаго, ни винительнаго падежей, и что вмѣсто нихъ выступаетъ основа словъ. Какъ было видно, согласныя основы не совпадаютъ съ формою Имен. падежа. Въ виду того,что окончаніе Имен. падежа і сращается съ основою и переходитъ въ косвенные падежи, склоненіе согласныхъ основъ уподобляется склоненію гласныхъ основъ, за исключеніемъ двухъ падежей, Дат. мѣстоименнаго и Дат. картскаго, образующихся въ согласныхъ основахъ двояко, то съ сращеніемъ і, то безъ сращенія, т. е. согласныя основы имѣютъ гласно-согласное склоненіе, а гласныя основы — гласное склоненіе[1]).

При изложеніи склоненія г. К. смѣшиваетъ между собою морфологическія и синтаксическія явленія. Поэтому одно и то же окончаніе фигурируетъ у него въ разныхъ падежахъ, и обратно одинъ и тотъ же падежъ имѣетъ по нѣскольку разныхъ окончаній. Такъ, окончаніе -ше (-še) встрѣчается въ 4-хъ падежахъ: творительномъ, временномъ, мѣстномъ, условномъ или образномъ (Instrumental, Temporal, Lokativ, Modal), а Temporal, напр., имѣетъ кромѣ -še еще семь окончаній: -ša, -šot̕ или -šo, -t̕ и др. Конечно, одинъ и тотъ же падежъ, смотря по тому, какое слово склоняется и какое оно въ предложеніи занимаетъ мѣсто, часто имѣетъ различныя значенія, но отсюда еще не обязательно самый падежъ называть различно и въ такомъ видѣ вносить въ парадигму склоненія, какъ это дѣлаетъ г. К. (стр. 54). Говорить здѣсь подробно о каждомъ падежѣ мингрельскаго склоненія я не намѣренъ[2]). Отмѣчу только, что звательный падежъ въ мингрельскомъ всегда сходенъ съ именительнымъ и никогда онъ не оканчивается на о (конечно, за исключеніемъ именъ на о), какъ думаетъ г. К. Невѣрно и то утвержденіе, будто бы имена съ окончаніемъ на о другое о присоединяютъ къ себѣ при помощи n, напр., будто бы bịṭo-n-o *о мальчикъ!* (у г. К. bič̕o-n-o вм. bičo-n-o). Къ тому же именительный падежъ не bịṭo, а bịṭi и звательный будетъ bịṭi или о bịṭi, такъ что частица о можетъ добавляться лишь въ началѣ слова.

Г. К. окончаніе -ami (стр. 52) считаетъ падежнымъ окончаніемъ, а оно въ дѣйствительности одинъ изъ суффиксовъ, при помощи которыхъ отъ существительныхъ производятся прилагательныя, и dud-ami прежде всего значитъ *имѣющій голову* (отъ dudi *голова*), а потомъ *съ головою*. Также неправильно будто бы *между* по-мингр. -kas; не -kas, а щqas (šḳas). Поэтому слѣдуетъ писать не gola do golaš-kas *между горами*, какъ у г. К. (стр. 51), а gola do gola-щqas.

---

1) См. мою *Грамматику*, §§ 10—23.

2) Подробнѣе о нихъ у меня сказано въ *Грам. мингрельскаго языка*.

Вообще среди примѣровъ, приводимыхъ г. К. въ качествѣ иллюстрацій различнаго значенія падежей (стр. 50—54), мало такихъ, которые не содержали бы неправильностей либо въ мингрельской рѣчи, либо въ ея переводѣ. Путаницу увеличиваютъ многочисленныя опечатки, въ особенности въ буквахъ съ надстрочными знаками. Чтобы не быть голословнымъ, возьмемъ три первыхъ примѣра на 50 стр. Фразу *онъ умеръ отъ раны* г. К. транскрибируетъ такъ: t̔ik doguru čholə(u)va-še, а должно быть: t̔ik doǧuru čqolə(u)va-še, въ нашей транскрипціи: ϑiq doǧuru ṭkolə(u)va-ше; фразу—*онъ заболѣлъ отъ труда* пишетъ: t̔ike dilah̲ šroma-še, гдѣ вм. t̔ike должно стоять t̔ik или t̔ikə; фразу — *я узналъ это черезъ него* приводитъ въ видѣ t̔išgani-še gebdgima вм. t̔iš gani-še gebgi ma. И этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, насколько опасно пользоваться трудомъ г. К. лицамъ, незнакомымъ съ мингрельскимъ языкомъ.

Неправильно г. К. трактуетъ и множественное число. Прежде всего окончаніе мн. числа не -êp̔i, а ep̔-i (eφ-i); -êp̔i можетъ быть лишь въ словахъ съ исходомъ на -е; потомъ, плавный l вставляется во мн. числѣ не для благозвучія, какъ предполагаетъ г. К. (стр. 55), а этотъ l не что иное, какъ согласный исходъ основъ, исчезающій въ единственномъ числѣ и возстанавливающійся во множественномъ; въ-третьихъ, этотъ l возстанавливается не только въ именахъ съ исходомъ на -а и -е, а и съ исходомъ на -u, напр., ϑu (t̔u) *поросенокъ*, мн. ч. ϑul-eφ-i (t̔ul-ep̔-i). Въ четвертыхъ, невѣрно, будто бы всякій разъ передъ окончаніемъ мн. числа выпадаетъ въ словахъ конечный гласный. Такое утвержденіе правильно лишь въ отношеніи согласныхъ основъ, напр., koϑ̣-eφ-i (отъ koϑ̣-i); изъ гласныхъ основъ этому правилу слѣдуютъ лишь имена на -а, напр., ϑ̊ir-eφ-i *дѣвицы* (отъ ϑ̊ira), а всѣ остальныя гласныя основы удерживаютъ передъ окончаніемъ мн. числа свои гласные исходы. Поэтому отъ ǧumu (g̔umu) *гоми* (въ родѣ проса, а не Mais, какъ у г. К.) мн. ч.—ǧumu-eφ-i, а не gumêp̔i (стр. 55). Дальнѣйшія замѣчанія г. К. объ образованіи мн. числа большею частью излишни и неправильны, какъ, напр., будто бы отъ laiti *кукуруза* мн. ч.—simindi, между тѣмъ какъ simindi тоже ед. число, только слово не мингрельское, а грузинское. Въ примѣрахъ у г. К. вм. окончанія мн. числа -eφi (-ep̔i) фигурируетъ -eφe (-ep̔e), напр., ϑineφe (t̔inep̔e) *они* (стр. 52,17), ḑareφeq (ǰarêp̔ek) *войска* (53,28). Это чисто чанскія формы, а не мингрельскія.

Въ образованіи степеней сравненія г. К. допустилъ слѣдующія неправильности: онъ говоритъ (стр. 56), что отъ прилагательнаго didi *большой* сравн. степень также будетъ didi, а на самомъ дѣлѣ u-did-aші (u-did-aši), какъ и отъ другихъ прилагательныхъ; во-вторыхъ, будто бы форма сравнительной степени служитъ и превосходной. Превосходная степень всегда

образуется описательно и не только изъ сочетанія положительной степени съ нарѣчіемъ ǯalami (ǰalami) *очень*, но и nabetani *черезчуръ*, gvalo *совершенно* или же изъ сочетанія сравнительной степени прилагательнаго съ род. падежомъ мѣстоименія iriφeli *все*. Umosi не превосходная степень отъ didi, а непослѣдовательная форма сравнительной степени отъ meti *большой*, *больший*.

На стр. 57—58 г. К. приводитъ нарѣчія. Во многихъ случаяхъ они переданы неправильно. Въ мѣстоименіяхъ (стр. 59—60) склоненіе приводится не совсѣмъ правильно и не совсѣмъ полно. Слова искажены, напр., вм. ϑqva (tʿkva) *вы* напечатано ϑkva (tʿqva), вм. ϑiši (tʿiši) *его*, *свой* — ϑina (tʿina) *онъ*, и масса другихъ неправильностей[1]). Немного лучше изложены числительныя (стр. 62—63), но и тутъ не обошлось безъ существенныхъ погрѣшностей. Числительныя въ исходѣ имѣютъ тотъ или другой гласный, но не согласный, и формы viϑ (vitʿ) *десять*, viϑarϑ (vitʿartʿ) и другія, встрѣчающіяся иногда у г. К., явно чанскія. Совершенно лишнимъ является spiritus lenis, какъ было замѣчено выше, передъ числительными съ гласнымъ началомъ, напр., ʼeči *двадцать* вм. eči, и самъ г. К. то ставитъ его, то опускаетъ; jirneri (žirneri) и т. д. не значитъ *двойной* (zweifach), а *двоякій* (zweierlei). И въ другихъ примѣрахъ, приводимыхъ дальше, много неправильностей.

Такова первая часть «Матеріаловъ...» г. К. Не трудно предвидѣть, каково будетъ продолженіе, если принять во вниманіе то обстоятельство, что осталось изложить спряженіе, самую трудную часть грамматики всякаго языка, въ особенности мингрельскаго и родственныхъ съ нимъ.

І. Кипшидзе.

1914, 6 февраля, С.-Петербургъ.

---

1) Ср. мою *Грамматику*, §§ 42—57

Шейхъ Джелâл-уд-Дӣн-Рӯмӣ по представленіямъ шугнанскихъ исмаилитовъ[1]).

Столь знаменитый на мусульманскомъ Востокѣ «Соловей созерцательной жизни», шейхъ Джелâл-уд-Дӣн-Рӯмӣ, пользуется одинаковой популярностью, какъ среди правовѣрныхъ послѣдователей сунны и схизматиковъ-шіитовъ, такъ и у послѣдователей одного изъ еретическихъ толковъ ислама, восточнаго исмаилизма, насажденнаго «пиромъ Кухистана», Нâсыр-и-Хосровомъ, среди иранскихъ народностей сѣверныхъ склоновъ Гиндукуша. При этомъ характерно то обстоятельство, что восточные исмаилиты (вѣрнѣе, шугнанскіе, ибо здѣсь идетъ рѣчь только о нихъ) выдвигаютъ *свою* біографію Джелâл-уд-Дӣн-Рӯмӣ, мало похожую на общепризнаваемую, при чемъ самымъ любопытнымъ эпизодомъ въ ней является встрѣча шейха съ извѣстнымъ Шемс'омъ Тавризскимъ, излагаемая съ особымъ специфически-исмаилитскимъ оттѣнкомъ.

Общеизвѣстная біографія шейха Джелâл-уд-Дӣна, приводимая въ различныхъ сочиненіяхъ о немъ мусульманскаго Востока, сводится къ слѣдующему.

Его отецъ, шейхъ Бехâ-уд-Дӣн-Мухаммед-бен-Хусейн-бен-Ахмед-ул-Хатӣбій-ул-Балхӣ, носившій также прозвище «Веледъ» (ولد), велъ свой родъ отъ халифа Абу-Бекра и потому назывался также Бекрӣ (البكرى). По своей матери онъ былъ въ родствѣ съ харезмшахами, ибо мать его была дочерью султана 'Алâ-уд-Дӣн-Мухаммеда[2]).

1) Статья, съ согласія автора, проредактирована для печати В. В. Бартольдомъ, которому принадлежатъ заключенныя въ квадратныя скобки [ ] примѣчанія.

2) См. نفحات الانس من حضرت القدس 'Абд-ур-Рахмâна Джâми. Калькутта. 1858 (подъ ред. W. Nassau Lees'a), стр. 529, и принадлежащій мнѣ списокъ того же труда, сдѣланный въ 1273/1856 г. рукою извѣстнаго ташкентскаго суфія муллы Мӣрзы, сына Бâбâ-Джâн-Бâя, съ многочисленными пояснительными примѣчаніями на поляхъ, листъ 301. [نفحات الانس, константинопольское литогр. изд. 1289 г., стр. 298. Ср. также біографію Джелâл-уд-Дӣна въ Grundriss der iran. Phil. II, 287. Въ نفحات 'Алâ-уд-Дӣн-Мухаммедъ названъ «сыномъ харезмшаха», какъ называетъ себя на монетахъ уже отецъ Мухаммеда Текешъ, при которомъ династія харезмшаховъ сдѣлалась независимой, и титулъ харезмшаха былъ замѣненъ болѣе высокимъ титуломъ султана].

Бехâ-уд-Дûн-Веледъ былъ выдающимся человѣкомъ своего времени и величайшимъ авторитетомъ во всѣхъ обыкновенныхъ (внѣшнихъ) и тайныхъ (мистическихъ) наукахъ, такъ что въ Балхъ, гдѣ онъ жилъ, ему присылались на разрѣшеніе труднѣйшіе юридическіе вопросы со всего Хорасана. Онъ получалъ опредѣленное жалованіе изъ суммъ государственнаго казначейства и «никогда не завладѣлъ ничѣмъ изъ вакуфовъ» 1); давая также ежедневно уроки, онъ находилъ время и для различныхъ собесѣдованій послѣ намаза съ окружавшими его лицами. Джелâл-уд-Дûн-Мухаммедъ-хâрезмшâхъ 2) изъ всѣхъ его учениковъ былъ самымъ ревностнымъ и часто его посѣщалъ, а славнѣйшимъ изъ всѣхъ другихъ его учениковъ былъ Сейид-Бурхâн-уд-Дûн-Термезû, великій подвижникъ и аскетъ 3), жизнь котораго довольно тѣсно связана съ сыномъ Бехâ-уд-Дûна, Джелâл-уд-Дûн-Мухаммедомъ. Послѣдній родился въ Балхѣ въ 604/1207 году и на первыхъ порахъ своей молодой жизни имѣлъ наставникомъ и духовнымъ руководителемъ своего отца Бехâ-уд-Дûна, который затѣмъ поручилъ своего сына Сейид-Бурхâн-уд-Дûну. Молодой Джелâл-уд-Дûнъ, которому послѣдній былъ вторымъ отцомъ, прошелъ подъ руководствомъ его сложный курсъ суфійскаго самоусовершенствованія и изученія тайныхъ наукъ, столь необходимыхъ для познанія Предвѣчной Истины. Переживъ плотскаго отца

1) Повидимому, и въ то отдаленное время, какъ и теперь въ Средней Азіи, это считалось идеаломъ честности.

2) [Такъ называетъ его Эфляки, авторъ مناقب العارفين (объ этомъ сочиненіи см. ниже), явно смѣшивающій въ своемъ разсказѣ харезмшаха 'Алâ-уд-Дûна-Мухаммеда (1200—1220 по Р. Хр), при которомъ произошло нашествіе Чингизъ-хана, съ его сыномъ Джелâл-уд-Дûномъ (1220—1231). По представленію Эфляки, 'Алâ-уд-Дûнъ, тесть Бехâ-уд-Дûна, былъ дядей Джелâл-уд-Дûна].

3) Онъ носилъ пышный суфійскій титулъ تاج الاوليا والمحقّقين زبدة الازكيا والعارفين ترجمان اسرار الناسوتيّة شارح رموز الالوهيّة فخر المجذوبين عارف كامل مدقّق سيّد برهان الدين محقّق الترميذى. Относительно произношенія *нисбы* ترميذى, какъ *термêзû*, долженъ замѣтить, что слово *Термêзъ* употребляется нынѣ всѣми туземцами, какъ населяющими это поселеніе, такъ и окрестными жителями, бухарско- и авганско-подданными, не исключая и салаватскихъ ходжей (Салаватъ или, вѣрнѣе, Сâлихъ-Âбâдъ—лежащее близъ Термеза селеніе, обитатели котораго считаютъ себя прямыми потомками правителей до-монгольскаго Термеза и сейидами). Хотя справедливость требуетъ сказать, что дальше отъ Термеза, напримѣръ въ Келифѣ и вообще ниже по Аму-Дарьѣ, очень часто слышится и названіе *Тармûзъ*. Въ этомъ мнѣ, между прочимъ, лично пришлось убѣдиться во время поѣздокъ по поселеніямъ, лежащимъ по Аму-Дарьѣ. Въ литературѣ для гласнаго звука второго слога почти всегда указывается произношеніе *и* (безъ долготы); о гласномъ звукѣ перваго слога ср. слова автора XII вѣка ас-Сам'âни: والناس مختلفون فى كيفية هذه النسبة بعضهم يقول بفتح التاء المنقوطة بنقطتين من فوق وبعضهم يقول بكسرها والمتداول على لسان تلك البلدة وكنت اقمت بها اثنى عشر يوما فتح التاء والذى كنا نعرفه قديما فيه كسر التاء والميم جميعا والذى يقوله المفتون (sic) واهل المعرفة بضم التاء والميم. (The Kitâb al Ansâb reproduced in facs. from the ms. in the Brit. Mus. add. 23355, «E. J. Gibb Memor.» series, p. 105b; В. Бартольдъ, Туркестанъ, ч. I, стр. 55; также Якутъ, I, 843).

Джелâл-уд-Дûна, Бурхâн-уд-Дûнъ скончался въ томъ Румѣ[1]), гдѣ пашелъ себѣ второе отечество его геніальный духовный сынъ.

Не смотря на свою славу и почетъ въ родномъ Балхѣ, Бехâ-уд-Дûн-Веледъ вынужденъ былъ его покинуть по слѣдующему случаю. Однажды его высокій мюридъ, султанъ Джелâл-уд-Дûнъ, пришелъ къ нему съ своимъ наставникомъ, имамомъ Фахр-уд-Дûн-Рâзû[2]), послушать его поученія. Въ срединѣ своего слова Бехâ-уд-Дûнъ сталъ обличать ученіе греческихъ философовъ и, между прочимъ, сказалъ: «всѣ небесныя книги нынѣ забросили изучать, а устремились на изученіе философскихъ сочиненій. На какое же спасеніе надѣются (благодаря этому)?» Имамъ Фахр-уд-Дûнъ принялъ это на свой счетъ[3]) и рѣшилъ внушить султану Джелâл-уд-Дûну, что Бехâ-уд-Дûнъ колеблетъ въ народѣ вѣру въ него, но долго не имѣлъ подходящаго случая убѣдить въ этомъ султана.

Однажды послѣдній вмѣстѣ съ Фахр-уд-Дûномъ посѣтилъ Бехâ-уд-Дûна и увидѣлъ его окруженнаго множествомъ людей, которыхъ онъ поучалъ. Обратясь къ Фахр-уд-Дûну, султанъ замѣтилъ: «какое множество людей собралось!». Воспользовавшись этимъ, Фахр-уд-Дûнъ сказалъ: «если не принять мѣръ къ предотвращенію подобныхъ сборищъ, то я боюсь, какъ бы не рушились устои государства».

---

1) Въ 645/1247 г. и похороненъ въ Кайсаріи (см. Oriental Biograph. Dictionary, by Th. W. Beal. New. ed. rev. and enl. by H. G. Keene. Lond. 1894; p. 112). Почему именно Бурхâн-уд-Дûнъ не покидалъ до самой своей смерти Джелâл-уд-Дûн-Румû, существуетъ слѣдующій разсказъ, приводимый въ цитируемой рукописи (о ней см. ниже), изъ которой нами черпаются настоящія біографическія данныя. Когда умиралъ отецъ Джелâл-уд-Дûна, Бехâ-уд-Дûнъ, Сейидъ Бурхâн-уд-Дûнъ былъ въ это время въ далекомъ Термезѣ. Когда онъ получилъ извѣстіе о смерти своего учителя, то въ горести сѣлъ на кучѣ золы и «въ теченіе цѣлаго года таялъ, какъ свѣча, въ разлукѣ съ нимъ» (ومدّت یك سال تمام در فراق آن حضرت چون شمع میکداختند). Однажды ночью ему приснился Бехâ-уд-Дûнъ, который съ чрезвычайнымъ гнѣвомъ замѣтилъ ему (از سر خدّت تمام میفرمود): «Бурхâн-уд-Дûнъ, почему ты оставилъ Мухаммеда одного и дѣлаешь упущеніе въ обереганіи его?». Въ испугѣ проснулся Бурхâн-уд-Дûнъ и поспѣшилъ въ Конію къ Джелâл-уд-Дûну. [Въ петербургской рукописи здѣсь, повидимому, пропускъ, между л. 13 и 14]. Джами въ نفحات الانس приводитъ въ коротенькой біографіи Сейидъ-Бурхâн-уд-Дûна другой варіантъ того же разсказа. Въ тотъ день, когда отецъ Джелâл-уд-Дûна умеръ, Бурхâн-уд-Дûнъ, сидѣвшій въ Термезѣ въ обществѣ нѣсколькихъ человѣкъ, воскликнулъ: «Увы! учитель и духовный руководитель [шейхъ] мой ушелъ изъ этого міра!» И, спустя нѣсколько дней, онъ отправился изъ Термеза въ Конію для руководительства духовнымъ воспитаніемъ [въ подлинникѣ بتربیت] Джелâл-уд-Дûна. См. вышеназванное печатное изданіе نفحات, стр. 529—530 и рук. листъ 302. [Констант. изд., стр. 298 и слѣд.].

2) Род. въ Реѣ 25-го рамадана 543 г. (7 февраля 1149), умеръ въ Гератѣ 1 шевваля 606 г. (29 марта 1210); славился, какъ выдающійся ученый. [Ср. перечисленіе его трудовъ у C Brockelmann, Geschichte der Arab. Litt., I, 506—508].

3) [По петербургской рукописи مناقب العارفین, л. $4^{б}$, Бехâ-уд-Дûнъ постоянно и открыто обличалъ харезмшаха и его наставника Фахр-уд-Дûна Рâзû, какъ виновниковъ новшествъ (مبتدعان). Эфляки относитъ эти событія къ 605 (1208-9) г.].

Подвергшись изгнанію, Беха̂-уд-Ди̂нъ покинулъ Балхъ съ своими учениками и малолѣтнимъ сыномъ[1]) и сталъ переходить изъ одного города въ другой. Хотя его всюду встрѣчали съ большимъ почетомъ и уваженіемъ, но тѣмъ не менѣе онъ ни въ одномъ изъ городовъ Хорасана не остался на житье. Путешествуя такимъ образомъ, онъ дошелъ до Багдада[2]). Здѣсь вскорѣ распространилась молва о его выдающихся качествахъ и даже чудесахъ и, какъ въ Балхѣ, къ нему стали стекаться сильные и великіе міра послушать его поученія и толкованіе шаріʿата. Слава Беха̂-уд-Ди̂на росла все больше и больше и, наконецъ, достигла до Рума, гдѣ тогда правилъ сельджукскій султанъ ʿАла̂-уд-Ди̂н-Кейкуба̂дъ[3]). Нѣкоторые изъ его царедворцевъ, будучи въ Багдадѣ, принесли султану извѣстіе о необыкновенной личности Беха̂-уд-Ди̂на. Заинтересованный ихъ разсказами, султанъ сталъ думать о свиданіи съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Тѣмъ временемъ Беха̂-уд-Ди̂нъ отправился изъ Багдада въ Хиджа̂зъ, а отттуда—въ Сирію. Придя потомъ въ городъ Арзенджа̂нъ, онъ остановился въ дервишскомъ общежитіи (خانقاه), построенномъ Та̂дж-и-Мелек-Ха̂ту̂нъ, теткою по отцу султана ʿАла̂-уд-Ди̂на. Здѣсь его просили было остаться, но онъ не согласился и, выйдя изъ Арзенджа̂на, пришелъ въ Акъ-Шехръ, гдѣ и провелъ зиму[4]). Отсюда Беха̂-уд-Ди̂нъ направился въ Румъ[5]). Узнавъ о его приближеніи, султанъ ʿАла̂-уд-Ди̂нъ со своими приближенными поспѣшилъ къ

---

1) [По Эфляки, съ двумя сыновьями; Джела̂л-уд-Ди̂ну было 5 лѣтъ, его брату ʿАла̂-уд-Ди̂ну Мухаммеду 7 лѣтъ. Отъѣздъ описывается у Эфляки съ большими подробностями, но весь разсказъ объ изгнаніи носитъ явно-легендарный характеръ; между прочимъ, говорится, что шейхъ предсказалъ харезмшаху, что его царство будетъ уничтожено татарами, а самъ онъ погибнетъ отъ руки румскаго султана].

2) [Пребываніе Беха̂-уд-Ди̂на въ Багдадѣ также описывается у Эфляки очень подробно. Между прочимъ, говорится, что шейхъ еще не успѣлъ выѣхать изъ Багдада (въ Мекку), какъ пришло извѣстіе о взятіи Балха Чингизъ-ханомъ. Монгольское войско состояло изъ 500.000 человѣкъ; при осадѣ города погибъ сынъ Чингизъ-хана Тули-ханъ (!), за что городъ былъ разрушенъ до основанія. Дальше сказано, что Чингизъ-ханъ умеръ въ 614 г. (ошибка вмѣсто 624), что ему наслѣдовалъ его сынъ اوكتاى, что въ Румѣ въ 616 г. вступилъ на престолъ султанъ ʿАла̂-уд-Ди̂нъ Кейкуба̂дъ, что харезмшахъ Джела̂л-уд-Ди̂нъ, бѣжавшій отъ монголовъ, осадилъ городъ Ахлатъ; здѣсь противъ него выступилъ румскій султанъ вмѣстѣ съ Ашрафомъ сирійскимъ и нанесъ ему пораженіе; Джела̂л-уд-Ди̂нъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ курдами. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ ясно видно, что Эфляки соединяетъ въ одно лицо харезмшаха Джела̂л-уд-Ди̂на и его отца].

3) Сынъ Гіа̂с-уд-Ди̂на Кейхосрова, наслѣдовавшій своему брату Кейка̂усу (607/1211 г.—616/1219 г.) и правившій съ 616/1219—634/1237 г.

4) [Петербургская рукопись مناقب العارفين объ остановкѣ въ общежитіи не упоминаетъ; говорится, что для шейха была выстроена медресе въ Акъ-Шехрѣ, гдѣ онъ прожилъ четыре года].

5) [По петерб. рукописи (л. 7[б]) сначала въ городъ لارنده, въ окрестностяхъ Коніи, гдѣ для него была устроена медресе и гдѣ онъ прожилъ 7 лѣтъ или больше; здѣсь же за Джела̂л-уд-Ди̂на была выдана дочь شرف الدين لالاى سمرقندى, отъ которой въ 623 г. родились علاء الدين и سلطان ولد].

нему на встрѣчу и съ большимъ почетомъ ввелъ его въ городъ (Конію), при чемъ даже нѣкоторое время шелъ пѣшкомъ возлѣ стремени Беха̂-уд-Дӣна [1]).

Въ 628 (1230—1231) Беха̂-уд-Дӣнъ скончался въ Коніи и тамъ же погребенъ. Его сынъ Джела̂л-уд-Дӣнъ, продолжая итти проторенною дорогою созерцательной жизни, преуспѣвалъ въ суфизмѣ и въ изученіи наукъ внѣшнихъ и тайныхъ. Въ 642 г. въ Коніи появился суфій Шемс-уд-Дӣн-Мухаммед-бен-ʿАлій-бен-Меликда̂д-Тебрӣзӣ, болѣе извѣстный подъ своимъ обычнымъ прозвищемъ Шемс-и-Тебрӣзӣ. Его духовными наставниками называютъ то одного, то другого, то, наконецъ, третьяго изъ шейховъ, но, повидимому, онъ былъ мюридомъ каждаго изъ нихъ и у каждаго поучался въ стадіяхъ духовной жизни. Въ концѣ концовъ онъ сталъ странствующимъ дервишемъ; одѣтый въ черную кошму, онъ переходилъ съ одного мѣста на другое, всегда останавливаясь въ караванъ-сараяхъ. Такъ онъ добрался до Коніи, гдѣ и произошла его встрѣча съ Джела̂л-уд-Дӣномъ. Подробности ихъ перваго свиданія описываются въ различныхъ варіантахъ; одинъ изъ нихъ, имѣющій отношеніе къ нашей темѣ, слѣдующій.

Прибывъ въ Конію, Шемс-и-Тебрӣзӣ посѣтилъ Джела̂л-уд-Дӣна въ то время, когда тотъ, окруженный своими учениками, сидѣлъ подлѣ бассейна съ водою и давалъ имъ урокъ. Подлѣ него лежало нѣсколько книгъ. Дервишъ спросилъ Джела̂л-уд-Дӣна, что это за книги? — «Такъ, разныя сочиненія. Какое тебѣ до нихъ дѣло?!» (این را قیل وقال میکویند ترا با این چه کار)

---

1) Все это взято изъ принадлежащей мнѣ рукописи, писанной въ 1112/1700—1701 г. посредственнымъ, хотя и четкимъ, средне-азіатскимъ таʿликомъ типа «моллаи» (مقامات سلطان العلما حضرت مولانای رومی مصلحهٔ قیومی) листы 2—5, 50—51). Начало ея послѣ بسم الله сразу: قسم اوّل واین مشتمل است بر دو فصل فصل اوّل در اسناد وخرقه وتلقین ذکر پدر وخداوندکار مولانا سلطان العلما بهاء الدّین ولد محمد حسین ابن احمد الخطیبی البلخی البکری.

Судя по описаніямъ Ch. Rieu (Cat. of the Pers. Mss. in Brit. Mus. T. I Lond. 1879; pp. 344—345) и E. Blochet (Cat. des Mss. Pers de la Bibl. Nat., T. I Paris 1905; pp. 264—265) списковъ труда مناقب العارفین, составленнаго Шемс-уд-Дӣн-Ахмедомъ Эфляки (افلاکی) и заключащаго жизнеописанія Джела̂л-уд-Дӣна, его отца, его учителей, друзей и послѣдователей, названная рукопись, повидимому, тождественна съ этими списками; разница, вѣроятно, лишь въ началѣ и и въ распредѣленіи главъ, порядокъ которыхъ въ моей рукописи другой. Попутно слѣдуетъ замѣтить, что Blochet называетъ «термезскаго мистика» Бурха̂н-уд-Дӣна — el-Tébrizi; возможно, что въ описываемомъ имъ спискѣ مناقب العارفین Національной Библіотеки такъ и написано, однако несомнѣнно, что этотъ шейхъ былъ именно الترمیزی, какъ это значится у Rieu, въ моей рукописи и у всѣхъ извѣстныхъ мнѣ восточныхъ авторовъ, писавшихъ о Джела̂л-уд-Дӣнѣ). [Собственно الترمذی; такъ правильно у Rieu и въ петербургской рукописи].

Трудомъ افلاکی, между прочимъ, пользовался англійскій оріенталистъ Редхаузъ (J. W. Redhouse) для своей книги «The Mesnevi of Jelalu-d-Din Muhammed-er-Rumi» изд. въ 1881 г. въ Лондонѣ (ч. I-ая). [Рукопись, не совсѣмъ полная (недостаетъ начала), есть и въ Петербургѣ, въ Имп. Публ. библіотекѣ—Ханыковъ 103 (Mél. Asiatiques V, 250); въ ней есть имя автора (احمد افلاکی), дата составленія (718 г. х.); самый списокъ относится къ 1058=1648 г.].

отвѣчалъ тотъ (и, повидимому, съ пренебреженіемъ къ оборванцу). Шемс-и-Тебрӣзӣ взялъ ихъ и всѣ побросалъ въ воду. Увидѣвъ это, Джелâл-уд-Дӣнъ съ чрезвычайнымъ огорченіемъ воскликнулъ: «что̀ ты сдѣлалъ, дервишъ? Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ заключали сочиненія моего досточтимаго родителя и снова достать ихъ невозможно!». Шемс-и-Тебрӣзӣ, видя волненіе Джелâл-уд-Дӣна, опустилъ руку въ бассейнъ и повытаскалъ всѣ книги одну за другою, при чемъ всѣ онѣ оказались въ своемъ прежнемъ состояніи, т. е. вода не оставила на нихъ никакого слѣда.—«Въ чемъ же тайна сего?» спросилъ удивленный Джелâл-уд-Дӣнъ.—«Это есть «хâль». Что̀ ты знаешь о немъ?» отвѣтилъ Шемсъ (این حالست ترا از این چه خبر). Съ этого момента Джелâл-уд-Дӣнъ сталъ ревностнымъ послѣдователемъ послѣдняго[1]).

Такова наиболѣе существенная часть обычной, трактуемой обще-мусульманскими источниками, біографіи нашего шейха[2]).

Иначе все это излагается у шугнанскихъ исмаилитовъ, которые высоко почитаютъ какъ шейха Джелâл-уд-Дӣна, такъ и Шемса Тавризскаго, считая и того, и другого своими. При чемъ, въ своихъ разсказахъ о Джелâл-уд-Дӣнѣ и его встрѣчѣ съ Шемс-и-Тебрӣзӣ одинаковы послѣдователи обоихъ исмаилитскихъ толковъ: «тараттубія» (ترتّبيه) и «раушанія» (روشنيه)[3]).

1) См. نفحات الانس печатн. изд. стр. 535—539. [констант. изд., стр. 304] и рук. листы 306—308, и основанныя, въ большинствѣ, на этомъ трудѣ упоминанія въ خزينة الاصفياء, состав. Гулâм-Мухаммед-б.-Муфти-Рахӣм-Улла-Курайшӣ-Асад-ул-Хâшимій-ул-Лâгôри. Каунпоръ, 1312/1894; т. 2-ой, стр. 268—270; سفينة الاولياء сост. Мухаммед-Дâрâ-Шекýхъ (братъ «великаго могола» Ауренгзэ̂ба). Каунпоръ, 1301/1884 г.; стр. 179; حبيب السير Хондемира. Тегеранъ, 1271/1854—1855; 3-й т., стр. 40; حديقة الاقاليم, сост. Муртаза-Хусейнъ по прозванію Алла-Яр-Османӣ-Бельгрâми. Лукновъ, 1296/1879; стр. 308—309; هفت اقليم сост. Амин-Ахмед-Рази. Рук. Турк. Пуб. Библ. по кат. Е. Каля подъ № 49, листы 198—199; تذكرة الشعراء Довлет Шаха Самаркандскаго, Бомбей, 1318/1901 г., стр. 55—59 [изд. Броуна, стр. 192—201]; آتشكدهٔ آذر Лётф-'Али-Бека Исфаганскаго, Бомбей 1299/1881 г., стр. 322—325; вышеназв. مفتاح التواريخ, стр. 64; مجالس العشاق Султанъ-Хусейна, с. Султанъ-Мансура, сына Байкары, с. 'Омаръ-Шейха, с. Тимура. Каунпоръ. 1314/1897 г., стр. 106—110 и 117—119 и ديوان حضرت شمس تبريزى. Каунпоръ. 1326/1908 г., стр. 433—435; مجالس المومنين, тегер. литогр. изд. 1268 г., л. 142ᵃ и слѣд. Европейская литература о шейхѣ Джелâл-уд-Дӣнѣ указана въ его біографіи, помѣщенной въ недавно-законченномъ первомъ томѣ «Enzyklopaedie des Islam», стр. 1048—1049.

2) [Годъ смерти Джелâл-уд-Дӣна — 672=1273].

3) Въ дополненіе къ тому, что мною говорилось вообще о вѣрованіяхъ шугнанскихъ исмаилитовъ («Изъ обл. религ. вѣров. шугнанскихъ исмаилитовъ», «Міръ Ислама» за 1912 г., стр. 523—561), позволю себѣ привести здѣсь въ оригиналѣ, по-персидски, объясненіе разницы этихъ толковъ. Это объясненіе было написано для меня, съ разрѣшенія одного изъ пировъ, изящнымъ наста'ликомъ и доставлено съ Памировъ; оно гласитъ слѣдующее (сохраняю правописаніе подлинника): ذكر در فرق ميان اسماعيلى كه بعضى خودرا اهل ترتّب وبعضى اهل وحدت ميگويند وروشنى هم ميگويند ولهذآ اين لقب روشنى از كتاب نيست مگر در كلام معجزنظام جعفر صادق اين اشاره است چون بحث شود ميان مردم اسماعيلى در آن وقت تلفّظ ميگويند مثلا ميگويند كه راه روشن وراست اين است كه ما كرفته ايم بدان سبب خودرا نام روشنيان مى‌نامند وفرق در ميان اين

Нижеприводимое записано мною со словъ одного хорошо грамотнаго исмаилита изъ окрестностей селенія Поршнивъ на Пянджѣ (по нѣкоторымъ основаніямъ я не привожу его имени), сына самаго ученаго человѣка во всемъ Шугнанѣ, по происхожденію «ша» (شه). Это же слово, по объясненію всѣхъ знакомыхъ мнѣ исмаилитовъ, присоединяясь къ именамъ лицъ, указываетъ на ихъ происхожденіе отъ пророка и равнозначуще арабскому سيّد, каковое слово въ Шугнанѣ не употребительно, за исключеніемъ пировъ: послѣдніе, случается, прибавляютъ къ своимъ именамъ и سيّد, и شه вмѣстѣ.

На мои же распросы, не означаетъ ли это слово представителей родовитыхъ семей, предки которыхъ были владѣтельными и вообще знатными лицами въ странѣ, мнѣ отвѣчали отрицательно и поясняли, что потомки такихъ лицъ присоединяютъ къ своимъ именамъ слово خان или بك.

«Шейхъ Джелâл-уд-Дйнъ (Шаjх Цалôл-ад-Дiн) родился въ Балхѣ и былъ суннитомъ отъ рожденія. Его отецъ Бехâ-уд-Дйн-Веледъ (Баһô-ад-Дiн-Валjад) былъ однимъ изъ шейховъ *тасаввуф*'*а* (таса̱вуф) и являлся первымъ руководителемъ сына; по смерти его наставникомъ Джелâл-уд-Дина былъ шейхъ Бурхâн-уд-Дйнъ (Бурһôн-ад-Дiн). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ духовнаго руководительства пиръ нашелъ, что его ученикъ въ смыслѣ постиженія тайнъ *тасаввуф*'а сравнялся съ нимъ, и потому направилъ Джелâл-уд-Дйна въ Конію (ко̱нiјa), въ Румъ (рӯм), къ тамошнимъ шейхамъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ *тасаввуф*'ѣ. Прибывъ въ Конію, Джелâл-уд-Дйнъ поселился тамъ. Въ это время Конію посѣтилъ Шемс-и-Тебрйзî (Шамс-i-Таврîзî), исмаилитскій проповѣдникъ и «худжжетъ» (һ̱уццат) исмаилитскаго имама Мустансыр-и-Йфâ (مستنصر ایفا по правописанію

چندان بسیار نیست زیرا که یك مذهب ویك آئین است مگر یك حرف است فقط انشاء الله بیان فوائد این است که بعضی میگویند که امام بمنزلهٔ آفتابست وحجّت بمرتبهٔ ماه وآفتاب هیچ وقت زوال‌پذیر نیست وماه هم زوال ندارد اگرچه در میان دو هفته تمام بدر شود وباز در دو هفته هلال شود امّا زوال آنست که مثلاً در دو هفته با یك ماه تمام ماهِ تاب نباشد وحال آنکه مهتاب همیشه هست فقط ودیگران میگویند که این خلافست زیرا که حجّت به اختیار امام هست نه امام به اختیار حجّت اگر میخواهد حجّت‌را آشکار میکند واگر نخواهد نه حالا درین وقت حضرت اغای خان امام زمان هم امامست وهم حجّت دلیل دیگر در باب طهارت چون طهارت‌را بدو دست بآب صاف میکنند این است که دست راست بمرتبهٔ امام است ودست چپ بمنزلهٔ حجّت وآب صاف دلیل است بر علم معرفت امام وچون کسیرا دست چپ باد کند یا بریده شود او می‌تواند بدست راست هم طهارت کند وهم طعام بخورد پس همچنین درین از حضرت آغای خان کسی بمرتبهٔ حجّتی تعیین نشده وما از دلیل کلام رهسپران این کیش دو دلیل روشن است ومایانرا لابد است که بفرمان امام زمان رویم بدین سبب خودرا روشنیان واهل وحدت میگویند فقط (писалось лицомъ, принадлежащимъ къ толку «раушанія»).

разсказчика[1]). Совершенно случайно, что называется, «краемъ уха», Джелâл-уд-Дîнъ услышалъ нѣсколько фразъ, сказанныхъ Шемс-и-Тебрîзî относительно исмаилизма и очень заинтересовался этимъ ученіемъ. Выбравъ удобное время, Джелâл-уд-Дîнъ пришелъ къ Шемсъ-и-Тебрîзî и сталъ просить его, чтобы тотъ принялъ его въ число своихъ учениковъ и ознакомилъ съ сущностью исмаилизма. Выслушавъ эту просьбу Шемс-и-Тебрîзî сказалъ:

«Между мною и тобою не можетъ быть одинаковости (ваḥдат), какъ между Хызромъ и Моисеемъ[2]), тѣмъ болѣе, что я не имѣю полномочія сдѣлать тебя, человѣка чуждаго мнѣ міросозерцанія, прозелитомъ исповѣдуемаго мною ученія.

---

1) На причастность къ исмаилизму Шемса, между прочимъ, указываетъ Довлет-Шâхъ Самаркандскій, сообщающій о его происхождении въ своей تذکرة الشّعرآء наиболѣе интересныя свѣдѣнія. Онъ говоритъ, что Шемсъ былъ сыномъ потомка «великихъ царей» Персіи, 'Алâ-уд-Дîна, который,—по вышеназванному бомб. изданію تذکرة الشعرآء (стр. 87)—былъ «исмаилитскимъ руководителемъ» (دلیل اسماعیلیان), а въ имѣющемся у меня позднѣйшемъ превосходномъ спискѣ تذکرة الشعرآء, сдѣланномъ для покойнаго оріенталиста Blochmann'a (стр. 191), 'Алâ-уд-Дîнъ вполнѣ опредѣленно названъ исмаилитскимъ дâ'и или миссіонеромъ (داعیٔ اسماعیلیه). Потомъ онъ отрекся отъ вѣры своихъ отцовъ, сжегъ всѣ свои еретическія книги и обратился, будто бы, въ проповѣдника ислама «въ замкахъ и городахъ исмаилитовъ». [Срв. تذکرة الشعرا въ изданіи Броуна, стр. 195, гдѣ приводится, но съ выраженіемъ сомнѣнія, извѣстіе, будто бы Шемсъ былъ сыномъ исмаилитскаго главы Джелâл-уд-Дîна (отца 'Алâ-уд-Дîна), перешедшаго въ правовѣріе. Объ этомъ эпизодѣ исмаилизма (1210—1221) ср. между прочимъ d'Ohsson, Histoire des Mongols, III, 173 и сл. Сынъ Джелâл-уд-Дîна 'Алâ-уд-Дîнъ, какъ извѣстно, снова вернулся къ религіи своихъ предковъ. Довлет-Шâхъ ссылается на سلسلة الذهب Джами, гдѣ это извѣстіе о Шемсѣ отрицалось. Ср. также مجالس المومنین л. 143б]

2) Т. е. какъ Моисей не могъ сравниться съ Хызромъ, такъ и ты со мною, ибо слишкомъ велика между нами разница. Намекъ на слѣдующее обстоятельство,—хорошо извѣстное изъ [Корана—XVIII, 59—81 и] агіографической мусульманской литературы, въ жизни пророка Моисея. По просьбѣ евреевъ послѣдній однажды попросилъ Господа сказать ему, есть-ли еще кто-либо такой ученый мужъ, какъ онъ. Богъ ему указалъ «на одного изъ рабовъ своихъ»—Хызра, который гораздо болѣе ученъ и свѣдущъ, чѣмъ Моисей. По указанію Божьему Моисей съ своимъ ученикомъ Іисусомъ Навиномъ (یوشع) отправился разыскивать Хызра, желая поучиться у него. Въ числѣ путевыхъ съѣстныхъ запасовъ они взяли съ собою жареныхъ рыбъ. Дойдя до одного ручья, протекавшаго въ долинѣ, заключенной между горами, пророкъ со своимъ ученикомъ совершили здѣсь намазъ и отправились дальше. Пройдя нѣкоторое разстояніе, рѣшили закусить, но тутъ обнаружилось, что Іисусъ Навинъ забылъ съѣстное у ручья. Они оба рѣшили тогда вернуться назадъ и, дойдя до ручья, увидѣли Хызра, совершавшаго намазъ. По окончаніи его и послѣ обмѣна взаимными привѣтствіями, между Хызромъ и пророкомъ произошелъ разговоръ, въ которомъ Моисей выражалъ желаніе учиться у Хызра, а тотъ отказывался, ссылаясь на величіе Моисея, какъ пророка и собесѣдника самого Бога, который ниспослалъ ему Тору (توره). Когда Моисей сослался на приказаніе Божіе, тогда Хызръ повиновался и спросилъ, гдѣ ихъ съѣстное. Они отвѣтили, что забыли у ручья. Хызръ попросилъ ихъ, чтобы они взяли это съѣстное. Пророкъ и его ученикъ нашли лишь хлѣбъ, а жареныя рыбы исчезли. Хызръ ихъ оживилъ и онѣ рѣзвились въ ручьѣ. Пророкъ сталъ просить Хызра снова сдѣлать ихъ жареными. Тотъ исполнилъ эту просьбу, и Моисей съ Іисусомъ Навиномъ закусили этими рыбами. Отпустивъ затѣмъ Іисуса обратно къ сынамъ Израилевымъ, Моисей съ Хызромъ отправились къ берегу моря, гдѣ сѣли на судно. Когда послѣднее было среди моря, Хызръ пробилъ въ суднѣ отверстіе къ великому изумленію

лать тебя, человѣка чуждаго мнѣ міросозерцанія, прозелитомъ исповѣдуемаго мною ученія».

Вернувшись въ Махаллятъ къ имаму Мустансыр-и-Йфâ, Шемс-и-Тебрйзй оставался тамъ въ теченіе нѣкотораго времени. Однажды, играя съ имамомъ въ шахматы, онъ получилъ отъ Мустансыр-и-Йфâ неожиданное предложеніе отправиться въ Конію и всячески постараться обращенію въ исмаилизмъ Джелâл-уд-Дйна, освободивъ его отъ тьмы религіозно-философскаго воззрѣнія (аз зулмат-і-дін-і-фаjласуфіjа). Покорный, какъ и каждый худжжетъ, волѣ имама, Шемс-и-Тебрйзй направился въ Конію. Едва Джелâл-уд-Дйнъ узналъ о его приходѣ, какъ отправился къ нему и опять повторилъ свою просьбу посвятить его въ тайны исмаилизма; при этомъ показалъ Шемс'у тетрадь написанныхъ имъ двустишій (маснавî). Шемс-и-Тебрйзй, перелиставъ рукопись и посмотрѣвъ написанное, бросилъ ее, не говоря ни слова, въ бассейнъ съ водою, передъ которымъ они оба сидѣли. Удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно разсерженный Джелâл-уд-Дйнъ воскликнулъ:

— Что̀ ты сдѣлалъ? Я отказываюсь признать тебя за достойнаго человѣка, такъ какъ ты своимъ настоящимъ поступкомъ оскорбилъ мои лучшія чувства и унизилъ меня до глубины моей души!

Услышавъ эти слова и видя чрезвычайное раздраженіе Джелâл-уд-Дйна, Шемсъ опустилъ руку въ бассейнъ и вытащилъ рукопись, которая оказалась въ такой цѣлости, что все написанное можно было также хорошо

не сказалъ ни слова Моисею, почему онъ это сдѣлалъ. Въ ближайшемъ селеніи, куда они пришли и гдѣ многія стѣны построекъ были разрушены, Моисея поразило то обстоятельство, что Хызръ, сбросивъ съ себя платье, сталъ заново дѣлать одну изъ стѣнъ, опять не объясняя причины этого Моисею. Когда пришло время имъ разстаться и Моисей сталъ просить объяснить ему значеніе трехъ совершенныхъ Хызромъ поступковъ, на взглядъ пророка явно безсмысленныхъ, Хызръ разъяснилъ слѣдующее. Судно, въ которомъ они ѣхали, принадлежало бѣднякамъ и люди ѣхали на немъ изъ одного города въ другой, гдѣ владѣтелемъ былъ тиранъ и деспотъ, который каждое крѣпкое и хорошее судно забиралъ себѣ. Испорченное же судно этотъ жадный тиранъ не возметъ. Родители убитаго Хызромъ мальчика были благочестивые мусульмане, а онъ таилъ въ себѣ природу невѣрія и когда бы выросъ большой, то сталъ бы убійцею. Въ деревнѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Хызръ работалъ надъ стѣною, было зарыто сокровище, принадлежащее сиротамъ, и близокъ былъ тотъ моментъ, когда оно могло быть открыто посторонними. Поэтому сооруженная надъ нимъ стѣна упрочила сокровенность этого сокровища и сохранила на него право сиротъ до положеннаго времени. Послѣ того Моисей былъ съ Хызромъ въ теченіе восемнадцати дней и каждый день изучалъ съ Хызромъ по десяти вопросовъ. (По принадлежащему мнѣ списку قصص الانبيا неизвѣстнаго автора (первый листъ отсутствуетъ), на персидскомъ языкѣ, писанному прекраснымъ паста'ликомъ въ городѣ Андхоѣ (اندخود) 7-го ذى الحجه 979 года = 21 апр. 1572 г. по Р. Х.; листы 149—151). Параллелью этому разсказу въ православной церкви служитъ извѣстное повѣствованіе, столь часто встрѣчающееся въ старинныхъ прологахъ и святоотеческихъ писаніяхъ, объ одномъ преподобномъ и сопровождавшемъ его ангелѣ. (См. стр. 12—16 «Приложеній» къ «Критич. разбору Мухаммед. ученія о пророкахъ», Н. П. **Остроумова**. Казань, 1874).

читать, какъ будто бумага и не была въ водѣ. Пораженный этимъ чудомъ Джелâл-уд-Дйнъ спросилъ Шемс-и-Тебрйзй, что все это значитъ?

— Ты, конечно, знаешь, что такое кожа плода вообще: если очистить отъ нея плодъ, то онъ будетъ столь же съѣдобенъ, какъ и безъ нея. И написанное тобою столь же имѣетъ значенія для человѣчества, какъ будетъ ли оно сохранено въ цѣлости, или будетъ уничтожено, сказалъ на это Шемсъ. И, взявъ листъ бумаги и тростникъ, написалъ слѣдующее двустишіе [1]):

بشنو از نی چون حکایت میکند
وز جداییها شکایت میکند

Это двустишіе и положилъ началомъ своихъ «Месневи» Джелâл-уд-Дйнъ [2]), не тѣхъ, которыя онъ показывалъ Шемс-и-Тебрйзй и которыя онъ потомъ уничтожилъ, а другихъ, кои сохранились до сего времени и истинный смыслъ которыхъ относится до исмаилитскаго вѣроученія.

هیچ کس از پیش خود چیزی نشد
هیچ اهن خنجری تیزی نشد
هیچ ملّایی نشد مولای روم
تا غلام شمس تبریزی نشد

А. Семеновъ.

1) Такъ именно было мнѣ сказано передававшимъ все это и такъ имъ записано (вмѣсто болѣе обычнаго بشنو این نی چون حکایت میکند * از جداییها شکایت میکند). Самый смыслъ его исмаилитами понимается такъ, какъ написано, безъ какихъ-либо особыхъ толкованій, т. е. «послушай тростниковое перо, когда оно разсказываетъ, жалуясь на многія несогласія!». Суфійскій же смыслъ этого двустишія совсѣмъ другой; онъ, между прочимъ, особенно подробно разъясняется въ обширныхъ турецкихъ комментаріяхъ на двустишія Джелâл-уд-Дйнъ-Рўмй, называемыхъ فاتح الابيات, составлен. въ 1035/1625—1626 г. (въ шести большихъ томахъ) шейхомъ Исмâйл-ул-Анкиравій-ул-Мевлевй (см. т. I-й стр. 13 египетскаго изданія этого труда, прекрасно отпечатаннаго въ началѣ прошлаго столѣтія въ типографіи египетскаго хедива Мехмедъ-Али-паши). По ироніи случая комментаторъ въ подкрѣпленіе своихъ объясненій этого двустишія приводитъ большую выдержку изъ арабскаго сочиненія врага отца Джелâл-уд-Дйна, имама Фахр-уд-Дйна, التفسير الكبير, на тему, что слушаніе (по поводу بشنو) гораздо выше, чѣмъ зрѣніе, и что оно есть условіе пророчества и т. п.

2) Собственно въ «Двустишіяхъ» Джелâл-уд-Дйна началомъ служитъ арабское стихотворное предисловіе, за которымъ начинаются этими стихами персидскіе.

Къ исторіи персидскаго эпоса.

Иранскій народъ, подобно родственному ему индійскому, въ до-мусульманскую эпоху почти не имѣлъ достовѣрной письменной исторіи; но именно по этой причинѣ періодъ эпическаго творчества былъ въ Иранѣ продолжительнѣе, чѣмъ въ большей части другихъ странъ, и народный эпосъ встрѣчалъ больше вниманія со стороны образованнаго сословія. Литературная обработка эпоса закончилась созданіемъ эпопеи, какой нѣтъ ни у одного народа, кромѣ иранцевъ [1]).

Трудами Гутшмида, Маркварта и другихъ, въ особенности классическимъ трудомъ Нельдеке [2]) (1896 г.), до сихъ поръ не утратившимъ своего значенія, вполнѣ доказано, что нѣкоторые изъ эпическихъ мотивовъ, встрѣчающихся въ «Шахъ-Намэ» Фирдауси, относятся къ глубокой древности и были извѣстны уже древне-греческимъ писателямъ, особенно Ктесію. Болѣе сомнѣній возбуждаетъ вопросъ о мѣстѣ происхожденія иранскаго эпоса вообще и отдѣльныхъ эпическихъ мотивовъ, также вопросъ о томъ, въ какой степени отдѣльныя области Ирана имѣли свою эпическую традицію и въ какой степени иранскій эпосъ былъ достояніемъ всего народа. Попытки рѣшить эти вопросы приводили къ сложнымъ и не всегда яснымъ построеніямъ. По теоріи Гутшмида, принятой Нельдеке, разсказъ Ктесія о Кирѣ персидскаго, а не мидійскаго происхожденія, такъ какъ то же самое преданіе впослѣдствіи было перенесено на основателя второй персидской монархіи, Ардашира; правда, разсказъ Ктесія проникнутъ не столько персидской, сколько мидійской тенденціей, но это объясняется тѣмъ, что персидская легенда дошла до Ктесія въ мидійской передачѣ (wie sie—die Erzählung—von medischen Händen travestirt worden war). Однако вообще Ктесій въ

1) Выраженіе Нельдеке (Tabari, S. XIV): ein Nationalepos, wie es in der Weise kein andres Volk besitzt.

2) Das iranische Nationalepos (Grundriss der iran. Philologie, II, S. 130—211).

своихъ разсказахъ о до-историческомъ прошломъ Персіи (die Vorgeschichte des persischen Reiches), кромѣ семитическихъ миѳовъ и сказаній, пользовался, по мнѣнію Нельдеке, главнымъ образомъ, мидійскими преданіями (wesentlich medische Ueberlieferung)[1]).

Въ противоположность этимъ теоріямъ, мнѣ казалось бы возможнымъ защищать тезисъ, что какъ въ мусульманской Персіи, такъ и въ до-мусульманскій періодъ, начиная съ эпохи Ахеменидовъ, эпическое творчество, литературная обработка эпическихъ мотивовъ и пріуроченіе ихъ къ опредѣленнымъ историческимъ лицамъ сосредоточивались въ восточной части Ирана. Если одинъ и тотъ же эпическій мотивъ былъ пріуроченъ къ основателямъ двухъ династій, вышедшихъ изъ Фарса, то это объясняется не популярностью преданія на мѣстѣ ихъ родины, но одинаковымъ значеніемъ обѣихъ династій для всей страны.

1.

Еще Dubeux обратилъ вниманіе на фактъ, что Ктесій совершенно умалчиваетъ о такомъ важномъ событіи царствованія Кира, какъ походъ на Вавилонъ[2]). Этотъ фактъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, если сопоставить его съ подробными разсказами того же автора о походахъ Кира на восточно-иранскія области, причемъ эти разсказы явно проникнуты бактрійско-сакской тенденціей. Бактрійцы, непобѣжденные Киромъ, добровольно покоряются ему, когда узнаютъ, что онъ хорошо обращается съ Астіагомъ и женился на его дочери. Киръ побѣждаетъ царя саковъ, Аморга; Спаретра, жена Аморга, побѣждаетъ Кира и освобождаетъ мужа; борьба оканчивается союзомъ между обоими владѣтелями; Аморгъ выручаетъ Кира во время его послѣдней борьбы съ дербиками; умирая, Киръ поручаетъ Аморгу своихъ сыновей[3]).

Та же тенденція проявляется въ разсказахъ Ктесія о до-историческомъ прошломъ Ирана; достаточно указать на извѣстный романъ о царицѣ саковъ Заринеѣ и мидійскомъ царевичѣ Стріангеѣ[4]). На основаніи этого и подобныхъ ему разсказовъ о борьбѣ «со степными народами» еще Марквартъ пришелъ къ выводу, что Ктесій сохранилъ намъ «отрывки изъ древне-иранскаго героическаго эпоса» (Stück altērānischer Heldensage),

1) Grundriss, S. 132.

2) L. Dubeux, La Perse, Paris 1881 (2-ое изд.), p. 84.

3) Отрывки изъ Ктесія у C. Müller какъ приложеніе къ изд. Геродота (Paris 1844). Объ Астіагѣ Fragm. Pers. 2, объ Аморгѣ Pers. 3, 7 и 8.

4) Діодоръ (II, 34) и Николай Дамаскинъ (Fragm. Hist. Graec. III, 364, § 12). По-русски содержаніе романа изложено В. В. Григорьевымъ (О скиѳскомъ народѣ сакахъ, Спб. 1871, стр. 20—23).

что эпическіе мотивы были принесены мидянами и персами съ востока и локализованы на западѣ[1]). Разсказъ о Кирѣ, по словамъ Маркварта, такъ прочно утвердился въ Фарсѣ, что мы встрѣчаемъ его еще въ эпоху Сасанидовъ[2]). Но какъ Ахемениды, такъ и Сасаниды распространили свою власть далеко за предѣлы своей родины, и нѣтъ никакого основанія полагать, что преданія о нихъ возникали и распространялись преимущественно въ Фарсѣ. Еще Нельдеке[3]) обратилъ вниманіе на фактъ, что легендарный мотивъ о Зопирѣ, извѣстный по разсказу Геродота (III, 153 сл.) о взятіи Даріемъ Вавилона, повторяется также въ разсказѣ Поліена[4]) о Даріи и въ разсказѣ Табари о Перозѣ, причемъ въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе происходитъ на восточной границѣ государства (кромѣ того въ обоихъ случаяхъ, въ отличіе отъ геродотовскаго разсказа, жертвой обмана является персидскій царь).

Бактрійская тенденція замѣтна даже въ нѣкоторыхъ разсказахъ Ктесія объ эпохѣ Ахеменидовъ — лучшее доказательство, что и въ государствѣ Ахеменидовъ, несмотря на западное происхожденіе династіи, историческое преданіе слагалось, по крайней мѣрѣ отчасти, въ восточныхъ областяхъ. Разсказъ о сыновьяхъ Кира, Камбизѣ и Таніоксаркѣ, изъ которыхъ второй получилъ въ удѣлъ Бактрію, проникнутъ явной симпатіей къ Таніоксарку, оклеветанному передъ своимъ братомъ. Возможно, что подробности этого разсказа, какъ полагаетъ Марквартъ[5]), сочинены Ктесіемъ (или его источникомъ) по образцу современныхъ ему событій — борьбы между Артаксерксомъ II и Киромъ Младшимъ; но тенденція разсказа и пріуроченіе намѣстничества Таніоксарка къ Бактріи всетаки представляютъ интересъ. Любопытна также подробность въ разсказѣ о возстаніи бактрійцевъ въ началѣ царствованія Артаксеркса I (Pers. 31): первая битва была нерѣшительной; во второй бактрійцы были побѣждены только потому, что вѣтеръ дулъ имъ въ лицо.

Разсказъ другого автора, Хареса митиленскаго[6]), современника Александра, даетъ намъ возможность прійти къ еще болѣе опредѣленнымъ выводамъ. Изъ этого разсказа мы узнаемъ, что уже въ эпоху Ахеменидовъ существовали не только легендарные мотивы, характерные для иранскаго

---

1) Philologus, Suppl. Band VI, S. 601.

2) Ibid. S. 603.

3) Nöldeke, Tabari, S. 124; Grundriss, II, 133.

4) Πολυαίνου Στρατηγήματα, VII, 12. О томъ же мотивѣ въ разсказахъ о дѣйствіяхъ въ Средней Азіи арабовъ см. ЗВО XVII, 0141.

5) Philologus, VI. Supplementb., S. 620.

6) Athenaeus, Deipnosophistai, XIII, 575; текстъ также въ приложеніи къ изданію Арріана (C. F. Müller), p. 119—120 (fragm. 17).

эпоса, но даже имена нѣкоторыхъ изъ героевъ, впослѣдствіи воспѣтыхъ въ «Шахъ-Намэ». Мы имѣемъ здѣсь первоначальную версію разсказа о двухъ братьяхъ, Гуштаспѣ (Гистаспѣ) и Зарирѣ, объ отъѣздѣ одного изъ братьевъ въ чужую страну и женитьбѣ на дочери чужого царя, передъ этимъ видѣвшей царевича во снѣ и увлекшейся его красотой. Въ подробностяхъ разсказъ Хареса во многомъ отличается отъ разсказа Фирдауси. По первоначальной версіи Гистаспъ былъ царемъ Мидіи и правилъ страной до Каспійскихъ воротъ; страна оттуда къ востоку до Танаиса (Сыръ-Дарьи) находилась подъ властью его брата Заріадра. За Танаисомъ правилъ скиѳскій[1]) царь Омартъ, у котораго была дочь Одатида; Заріадръ и Одатида увидѣли и полюбили другъ друга во снѣ; Заріадръ просилъ у Омарта руки его дочери, но получилъ отказъ. Омартъ хотѣлъ выдать дочь за одного изъ своихъ родственниковъ и созвалъ жениховъ на пиръ, на которомъ должна была появиться Одатида и подать золотую чашу своему избраннику. Царевна тайно извѣстила объ этомъ Заріадра; Заріадръ отправился въ путь въ сопровожденіи только одного возницы, переѣхалъ черезъ Танаисъ и явился къ царевнѣ въ то время, когда она готовила чашу; обрадованная Одатида протянула чашу ему, и онъ быстро увезъ ее на своей колесницѣ; слуги и служанки, бывшіе заодно съ царевной, не преслѣдовали ихъ. Харесъ прибавляетъ къ этому, что разсказъ о Заріадрѣ и Одатидѣ былъ очень популяренъ среди «жившихъ въ Азіи варваровъ» и что въ храмахъ, дворцахъ и частныхъ домахъ часто встрѣчались изображенія, относившіяся къ этому роману; по той же причинѣ князья любили давать своимъ дочерямъ имя «Одатида».

У Фирдауси[2]) тотъ же разсказъ приводится въ иномъ видѣ, съ различными искаженіями и наслоеніями; кромѣ того существенное отличіе этой позднѣйшей версіи отъ болѣе ранней заключается въ томъ, что на чужбину отправляется не Заришъ (Заріадръ), а Гуштаспъ (Гистаспъ), притомъ ѣдетъ не на востокъ, черезъ Танаисъ, а на западъ, черезъ море и женится не на дочери скиѳскаго царя, а на дочери римскаго императора. Это различіе между первоначальной и позднѣйшей версіей, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ въ пользу восточно-иранскаго происхожденія легенды. Любопытно появленіе имени Гистаспа, какъ легендарнаго царя. Иранское царство далекаго прошлаго, очевидно, представляли себѣ по образцу государства Ахеменидовъ; владыка всего государства живетъ на западѣ; восточныя области обра-

1) Въ текстѣ βασιλεῖ Μαραθῶν; для объясненія этого названія были предложены различныя коньектуры, не представляющія для насъ интереса. Рѣчь во всякомъ случаѣ идетъ о какихъ либо среднеазіатскихъ сосѣдяхъ персидской монархіи.

2) شاهنامه, бомб. изд. 1864 г., стр. 548 и слѣд.

зуютъ обширное намѣстничество, подъ властью одного изъ представителей царствующаго дома. Какъ царь всего Ирана, легендарный Гистаспъ могъ жить только на западѣ, хотя бы легенда была создана на востокѣ, подъ вліяніемъ историческихъ Гистасповъ, правившихъ восточными областями въ эпоху Ахеменидовъ. Извѣстно, что Гистаспъ, отецъ Дарія, въ царствованіе своего сына былъ намѣстникомъ Пареіи[1]); Гистаспъ, сынъ Дарія, былъ въ войскѣ своего брата Ксеркса предводителемъ бактрійцевъ и саковъ[2]); Гистаспъ, сынъ Ксеркса, былъ намѣстникомъ Бактріи[3]). О легендарномъ Гистаспѣ Харесъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ ничего, кромѣ имени его самого и его брата Заріадра; остается совершенно неизвѣстнымъ, было ли какое нибудь сходство между разсказами о Гистаспѣ, существовавшими въ эпоху Ахеменидовъ, и разсказами позднѣйшаго эпоса.

Однимъ изъ спеціалистовъ по классической филологіи[4]) было высказано мнѣніе, что легендарный мотивъ разсказа о Заріадрѣ и Одатидѣ — не иранскаго, а іоническаго происхожденія, такъ какъ тотъ же мотивъ встрѣчается въ разсказѣ объ основаніи города Массаліи; кромѣ того, по замѣчанію того же ученаго, въ разсказѣ Хареса иранскія имена Гистаспъ и Заріадръ приведены въ связь съ семитическимъ Адонисомъ (Гистаспъ и Заріадръ названы потомками Афродиты и Адониса), въ чемъ видна «точка зрѣнія грека, для котораго все восточное составляетъ одно цѣлое» (dem alles Orientalische in eins zusammenläuft). Легенда объ основаніи Массаліи приводится самимъ Атенеемъ[5]) рядомъ съ разсказомъ Хареса, съ ссылкой на сочиненіе Аристотеля Μασσαλιωτῶν Πολιτεία. Это сочиненіе, очевидно, принадлежало къ числу приписывавшихся Аристотелю многочисленныхъ «политій» — «трактатовъ о строѣ греческихъ и варварскихъ государствъ, доходившихъ minimum до 158 номеровъ»[6]). Могли ли среди этихъ трактатовъ быть подложные, мнѣ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ мы находимъ въ массальскомъ преданіи только нѣкоторые изъ легендарныхъ мотивовъ сказанія, переданнаго Харесомъ (созывъ жениховъ и врученіе чаши избраннику; женитьба чужестранца на царской дочери). Возможно, что здѣсь отразилась та же греческая обработка, какъ въ словахъ объ Адонисѣ, Танаисѣ и т. п. (у Фирдауси царевна даетъ избраннику букетъ свѣжихъ нарциссовъ), но характерно, что въ массальской легендѣ отсутствуетъ

1) Бисутунская надпись (Bh 35).
2) Геродотъ, VII, 64.
3) Діодоръ, XI, 69, 2.
4) Schwartz въ Pauly's Real-Encyklopädie[2], s. v. Chares.
5) Athen. XIII, 576.
6) С. А. Жебелевъ, Политика Аристотеля, Спб. 1911 (Труды Спб. Философскаго Общ., вып. VII), стр. 443.

главный мотивъ иранскаго сказанія — видѣніе во снѣ, какъ причина путешествія чужестранца и предпочтенія его другимъ женихамъ. При такой скудости массальской легенды по сравненію съ иранской гипотеза о іоническомъ происхожденіи послѣдней становится мало вѣроятной; противъ этого говорятъ также слова Хареса о широкомъ распространеніи сказанія среди «жившихъ въ Азіи варваровъ», т. е., очевидно, среди населенія покоренной Александромъ персидской монархіи. Тотъ же фактъ можетъ быть признанъ лучшимъ доказательствомъ, что уже въ эпоху Ахеменидовъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ сказаній, вошедшихъ въ иранскій эпосъ, каково бы ни было ихъ первоначальное происхожденіе, сдѣлались достояніемъ всего иранскаго народа.

2.

Греческіе завоеватели Ирана, какъ извѣстно, встрѣтили отпоръ въ III в. до Р. Хр. со стороны восточно-иранской династіи Арсакидовъ, постепенно отнявшей у Селевкидовъ ихъ владѣнія въ Иранѣ и Месопотаміи и сохранившей свою власть до III в. по Р. Хр. По мѣрѣ завоеванія отдѣльныхъ областей правители переносили свою столицу все дальше на западъ.

Несмотря на долгую борьбу съ греками, Арсакиды, какъ показываютъ ихъ монеты и нѣкоторыя извѣстія классическихъ авторовъ, въ значительной степени подчинились вліянію греческой культуры; но та же борьба не могла не содѣйствовать развитію иранскаго національнаго самосознанія. Изъ надписей Дарія и изъ словъ Геродота (VII, 62) о мидянахъ мы знаемъ, что и при Ахеменидахъ населеніе Ирана, даже въ западныхъ областяхъ, называло себя арійцами, но примѣровъ употребленія термина «Иранъ», т. е. «страна арійцевъ», мы въ эту эпоху не встрѣчаемъ; впервые онъ появляется (въ формѣ *Аріана*) у Эратосѳена (III в. до Р. Хр.), для обозначенія страны, находившейся подъ властью Арсакидовъ [1]). При одномъ изъ Арсакидовъ, носившемъ имя Волагасъ, вѣроятно при Волагасѣ I (I в. по Р. Хр.) [2]) былъ составленъ сводъ книгъ Авесты. Письмо и литературный языкъ Персіи послѣ-ахеменидскаго періода получили названіе «пехлевійскихъ», т. е. парѳянскихъ; это названіе пережило политическое господство парѳянъ и употреблялось также при Сасанидахъ, такъ какъ перешло къ мусульманскимъ авторамъ; его продолжали употреблять даже тогда, когда первоначальное значеніе слова «пехлевійскій» было давно забыто [3]).

1) Маркв артъ въ ZDMG XLIX, 629.

2) Такого мнѣнія былъ еще Гутшмидъ (Geschichte Irans, Tübingen 1888, S. 137). О доводахъ Маркварта см. ниже.

3) Едва ли убѣдительна попытка Маркварта (ZDMG XLIX, 630 f.) доказать, что еще Мухаммеду ар-Рухни, автору конца III и начала IV в. хиджры, было извѣстно на-

При такихъ условіяхъ періодъ господства Арсакидовъ не могъ пройти безслѣдно для исторіи персидскаго эпоса. Какіе разсказы слагались въ эту эпоху о самихъ Арсакидахъ, мы, вѣроятно, никогда не узнáемъ; литературные памятники этой эпохи, какъ и предшествующей, не дошли до насъ; греческіе авторы не даютъ намъ объ иранскихъ преданіяхъ арсакидской эпохи даже такихъ свѣдѣній, какія мы находимъ у Ктесія и Хареса о преданіяхъ эпохи Ахеменидовъ. Полагаютъ, что при Арсакидахъ въ эпическіе разсказы о далекомъ прошломъ были внесены имена нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей этого періода, какъ при Ахеменидахъ — имя Гистаспа. Особенно любопытно совпаденіе имени эпическаго Гударза, «образца всѣхъ добродѣтелей»[1]), съ именемъ историческаго парѳянскаго царя I в. по Р. Хр. (у грековъ Gotarzes), бывшаго, повидимому, сначала княземъ Гирканіи, куда онъ вернулся (около 41 г. по Р. Хр.) послѣ неудачной попытки овладѣть престоломъ и откуда черезъ нѣсколько лѣтъ предпринялъ вторую, болѣе успѣшную попытку; на этотъ разъ ему удалось устранить своихъ соперниковъ и удержаться на престолѣ до своей смерти (51 г.). Въ греческой надписи[2]), принадлежащей этому царю (на горѣ Бисутунъ), онъ названъ сыномъ Гива; въ эпосѣ Гивъ названъ сыномъ Гударза. Эпическій Гударзъ, какъ и историческій, отчасти связанъ съ Гирканіей; послѣ побѣды надъ турками онъ получаетъ отъ своего государя Исфаханъ и *Джурджанъ*[3]). Въ Персіи, однако, и послѣ Арсакидовъ были вельможи, носившіе имя Гударзъ; по одному разсказу[4]), такъ звали опекуна малолѣтняго Шапура II (309—379), управлявшаго государствомъ до совершеннолѣтія царя и, несмотря на противодѣйствіе завистниковъ, охранявшаго его престолъ; послѣ своего совершеннолѣтія Шапуръ отъ себя поручилъ ему управленіе всѣми дѣлами государства. Судя по этимъ даннымъ, Гударзъ IV в. по своимъ личнымъ качествамъ болѣе походилъ на эпическаго Гударза, чѣмъ парѳянскій царь; въ виду полнаго отсутствія данныхъ, по которымъ могъ бы быть установленъ terminus ante quem внесенія имени «Гударзъ» въ эпосъ, этотъ вопросъ приходится оставить открытымъ.

Съ именами эпическихъ героевъ совпадаютъ также имена нѣкоторыхъ другихъ «Ашканіевъ» или Арсакидовъ по спискамъ, приводимымъ мусульманскими авторами; эти имена принадлежатъ, однако, къ числу тѣхъ, ко-

---

стоящее значеніе слова فهلو. Послѣ армянскихъ писателей VII в. (Себеосъ, перев. К. Патканьяна, Спб. 1862, стр. 13 и др.) никто, повидимому, не зналъ, что пехлевійцы и парѳяне — одно и то же.

1) Выраженіе Нельдеке (Grundriss, II, 137): ein Muster aller Tugenden.

2) О надписи Гутшмидъ, Geschichte Irans, S. 123; F. Justi въ Grundriss, II, 504.

3) Табари, I, 613 внизу; у Фирдауси (стр. 476) названъ только Исфаханъ.

4) Abû-Hanifa ad-Dinawcri, p. 92.

торыя мы находимъ только въ мусульманскихъ спискахъ, но не у современныхъ Арсакидамъ классическихъ авторовъ. По мнѣнію Нельдеке, эти списки должны быть принимаемы съ большою осторожностью, но считать такія имена вымышленными нѣтъ основанія: рѣчь можетъ итти о боковыхъ вѣтвяхъ династіи, которыхъ, какъ мы знаемъ, было нѣсколько [1]). Едва ли это можетъ быть доказано. Народное преданіе сохранило династическое имя царей, правившихъ послѣ Александра, тогда какъ самое имя Ахеменидовъ было забыто и замѣнено именемъ легендарной династіи Кейянидовъ; но о событіяхъ арсакидской эпохи преданіе не сохранило, повидимому, никакихъ свѣдѣній; даже продолжительность господства династіи была опредѣлена, притомъ еще въ до-мусульманскую эпоху [2]), совершенно невѣрно. Сами персы начинали достовѣрную исторію своей страны только съ воцаренія Сасанидовъ [3]). При такихъ условіяхъ трудно было бы отвергать возможность существованія среди именъ «Ашканіевъ» легендарныхъ именъ.

Была сдѣлана попытка доказать, что эпоха Арсакидовъ оказала вліяніе на развитіе эпоса еще въ другомъ отношеніи: въ жизнеописаніе эпическихъ героевъ, унаслѣдованныхъ отъ предшествующей эпохи, вносились черты изъ жизни представителей парѳянской династіи. По мнѣнію Маркварта [4]), Гистаспъ иранскаго эпоса (въ томъ видѣ, какъ послѣдній дошелъ до насъ) вполнѣ соотвѣтствуетъ историческому Волагасу I (51—78). Кромѣ нѣкоторыхъ другихъ чертъ сходства, отмѣчается фактъ, что при Гистаспѣ, какъ при Волагасѣ, былъ составленъ сводъ книгъ Авесты; еще замѣчательнѣе, по мнѣнію Маркварта, что сынъ Гистаспа Исфендіяръ, по одному пехлевійскому сочиненію, переведенному Ибн-Мукаффа', и по нѣсколькимъ армянскимъ и мусульманскимъ авторамъ, велъ борьбу съ аланами на Кавказѣ и построилъ противъ нихъ крѣпость; между тѣмъ аланы впервые появляются въ I в. по Р. Хр. и впервые совершаютъ нашествіе на Иранъ при Волагасѣ I, причемъ особенные подвиги въ борьбѣ съ ними приписываются брату Волагаса Тиридату. Какъ по этимъ подвигамъ, такъ и по своему благочестію, о которомъ упоминаетъ Тацитъ (Плиній даже называетъ его магомъ), Тиридатъ вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому Исфендіяру. Аналогія представляется Маркварту настолько доказанной, что онъ пользуется преданіями о Гистаспѣ и его потомкахъ для установленія подробностей царствованія Арсакидовъ. По пехлевійскому «списку городовъ»

1) Grundriss, S. 136.

2) Это доказалъ самъ Нельдеке, на основаніи свидѣтельства византійскаго автора VI в. Агаѳія. Ср. Nöldeke, Tabari, S. XVI, N. 3.

3) Ja'qûbi, Hist., I, 178.

4) ZDMG XLIX, 635 f. Ērānšahr, S. 299.

внукъ Гистаспа основалъ Кабулъ; «такъ какъ Гистаспъ въ эпосѣ замѣняетъ Арсакида Волагаса I», то въ этомъ извѣстіи сохранилось воспоминаніе о завоеваніи Кабула Арсакидами, о чемъ мы кромѣ этого знаемъ только по (китайской) «Исторіи Младшихъ Хань».

И въ этомъ случаѣ мы не имѣемъ данныхъ ни о томъ, когда были локализованы на Кавказѣ войны Исфендіяра, ни о томъ, когда было внесено въ Авесту и въ эпосъ имя Гистаспа, какъ имя благочестиваго царя, принявшаго религію Зороастра. Гистаспъ (Wištaspa) упоминается, какъ извѣстно, уже въ гатахъ—древнѣйшихъ гимнахъ Авесты, составленныхъ, конечно, задолго до арсакидской эпохи; но возможно, что имя Гистаспа было внесено въ эти гимны только впослѣдствіи; такимъ же образомъ врагами Гистаспа и вѣры Зороастра названы въ Авестѣ хіониты, народъ, выступающій, какъ доказалъ Маркувартъ, только въ IV в. по Р. Хр.[1]). Очевидно, въ Авестѣ первоначально стояло другое этнографическое названіе. Эпосъ пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше и замѣнилъ хіонитовъ завоевателями VI в., турками, причемъ, однако, до насъ дошла и болѣе ранняя версія, относящаяся, вѣроятно, къ концу V или къ началу VI в., гдѣ вмѣсто турокъ еще названы хіониты[2]).

Всѣ эти вопросы можно было бы разсмотрѣть только въ связи съ вопросомъ о происхожденіи Авесты и критикѣ ея текста, что не можетъ входить въ нашу задачу. Въ классической литературѣ первыя извѣстія о Гистаспѣ, какъ поборникѣ вѣры Зороастра, относятся къ IV в. по Р. Хр.[3]); по тѣмъ даннымъ объ исторіи Ирана, которыми мы располагаемъ, трудно допустить возможность религіозныхъ войнъ на почвѣ зороастризма въ досасанидскую эпоху. Едва ли, однако, есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что еще при Арсакидахъ подверглись дальнѣйшему развитію унаслѣдованныя отъ предшествующей эпохи преданія о Гистаспѣ. Среди различныхъ преданій о происхожденіи Арсакидовъ есть также преданіе, по которому предками династіи были Гистаспъ и его сынъ Исфендіяръ[4]). Преданіе о

1) Ērānšahr, S. 50.

2) Jātkāri Zarirān, перев. В. Гейгера въ Sitzungsb. d. Bayer Akad., philos.-phil. Cl., Bd. II (1890), S. 43 f.

3) Аммiанъ Марцеллинъ, XXIII, 6, 32, приведено у A. V. W. Jackson, Zoroaster, 1901, p. 167, 188 и 244. Аммiанъ Марцеллинъ отожествляетъ этого Гистаспа съ отцемъ Дарія. Агаѳій (VI в.) сомнѣвается въ этомъ (ср. его слова у Jackson, p. 168). Изъ словъ современника Константина Вел., Лактанція (Patrol. lat. VI), VII, 15, видно, что существовало преданіе о «древнѣйшемъ мидійскомъ царѣ Гистаспѣ», задолго до основанія Трои видѣвшемъ сонъ о будущей гибели Рима. Слово «мидійскій» употреблено здѣсь, какъ часто въ античной литературѣ, въ смыслѣ «персидскій, иранскій», а не въ смыслѣ пріуроченія Гистаспа къ западной части Ирана; это видно уже изъ того, что съ именемъ Гистаспа тутъ же сближается названіе рѣки Гидаспъ (въ Индіи).

4) Табари I, 708 сл.

Лухраспѣ (отцѣ Гистаспа), перенесшемъ столицу изъ Истахра въ Балхъ, скорѣе всего могло возникнуть при династіи восточнаго происхожденія, постепенно распространявшей свою власть на западъ. Вопреки дѣйствительности, династію Арсакидовъ выводили изъ Балха[1]) (древнихъ Бактръ), въ чемъ можно видѣть отголосокъ эпохи Ахеменидовъ, когда Бактры были главнымъ городомъ восточной части Ирана. Если преданія о Зороастрѣ уже тогда входили въ составъ эпоса, то на содержаніи послѣдняго долженъ былъ отразиться фактъ пріуроченія жизни пророка къ Адербейджану, государству Атропата мидійскаго и его потомковъ. Извѣстно, что храмъ, находившійся въ столицѣ этой династіи, Ганзакѣ, оставался еще при Сасанидахъ главной если не національной, то государственной святыней всей страны[2]).

Къ эпохѣ Арсакидовъ или Сасанидовъ можно пріурочить внесеніе въ эпосъ еще одного восточнаго элемента — преданій о подвигахъ Рустема, уроженца области Сеистанъ, гдѣ уже въ эпоху арабскихъ завоевателей показывали стойло его коня[3]). Едва ли этотъ циклъ сказаній могъ возникнуть на Хильмендѣ до прихода туда саковъ, у прежняго населенія этой мѣстности, не отличавшагося, насколько извѣстно, воинственностью; если саки принесли его съ собой изъ своей прежней родины, то въ иранскій эпосъ онъ вошелъ уже послѣ локализаціи въ Сеистанѣ, что не могло произойти ранѣе II в. до Р. Хр. Наиболѣе блестящимъ періодомъ въ исторіи саковъ была, повидимому, вторая половина I в. до Р. Хр., когда пареянскій царь Фраатъ IV вернулъ себѣ престолъ съ ихъ помощью (около 30 г.)[4]). Саки, однако, имѣли нѣкоторое значеніе въ исторіи Ирана и послѣ; еще въ III и V вв. по Р. Хр., при Сасанидахъ, персидскіе царевичи до вступленія на престолъ иногда правили Сеистаномъ и носили титулъ *саганшаховъ*[5]). Послѣ этого названіе сакскаго народа исчезаетъ изъ исторіи; авторы мусульманскаго періода даже не знали, что Сеистанъ получилъ свое названіе отъ саковъ[6]).

3.

Въ III в. по Р. Хр. отчасти повторились событія VI в. до Р. Хр.; династія, происходившая изъ Фарса и находившаяся въ вассальной зависимости отъ «царя царей» Ирана, возстала противъ своихъ государей и под-

1) Себеосъ, перев. Патканьяна, стр. 14. Моисей Хоренскій, перев. Эмина, 2-ое изд. Москва 1893, стр. 52.

2) Ибнъ-Хордадбехъ (Bibl. Geogr. Arab. VI), ١١٩—١٢٠. О Ганзакѣ еще Ērānšahr, S. 108.

3) Beladsori, p. 394 (у Nöldeke, Grundriss, S. 140 въ ссылкѣ опечатка: 354).

4) Gutschmid, Geschichte Irans, S. 103, 114 f. Grundriss, II, 502.

5) Nöldeke, Tabari, S. 49 u. 115.

6) Ср. этимологію Хамзы Исфаханскаго у Якута s. v. سجستان (III, 41).

чинила своей власти всю страну. Движеніе отчасти происходило во имя зороастризма, впервые объявленнаго государственной религіей; впослѣдствіи иногда называли основателя династіи, Ардашира, первымъ изъ царей, придерживавшихся этой вѣры[1]). Въ дѣйствительности Сасаниды только продолжали дѣло послѣднихъ Арсакидовъ. Литературнымъ языкомъ Ирана оставался «пехлевійскій», т. е. пароянскій; главной государственной святыней оставался храмъ, находившійся внѣ предѣловъ Фарса, въ мидійскомъ городѣ Ганзакѣ.

Объявленіе зороастризма государственной религіей должно было укрѣпить сословный строй, освященный религіей: дѣленіе народа на три почетныхъ сословія — жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ — и противопоставленіе имъ, въ качествѣ низшаго класса, сословія торговцевъ и ремесленниковъ. Историческія и историко-литературныя данныя позволяютъ установить, что расцвѣтъ этого сословнаго строя относится къ V в.; въ послѣдній періодъ господства Сасанидовъ замѣтны признаки появленія, рядомъ съ духовенствомъ и военной аристократіей, третьяго сословія—сословія свѣтскихъ чиновниковъ—и сліянія низшаго класса горожанъ въ одно сословіе съ земледѣльцами. Какъ вездѣ, съ исчезновеніемъ рыцарства и возвышеніемъ городовъ былъ связанъ упадокъ эпическаго творчества; но въ Персіи этотъ процессъ совершался крайне медленно; полный упадокъ военной аристократіи и полное развитіе городской жизни относятся къ XI—XII вв.[2]). Въ эпоху Сасанидовъ военная аристократія вела упорную и часто успѣшную борьбу за свое первенство; рыцарскій эпосъ былъ, конечно, однимъ изъ орудій этой борьбы; поэтому вполнѣ возможно, что число его поклонниковъ въ это время было больше, чѣмъ въ ту эпоху, когда сословный строй еще не былъ поколебленъ. Нельдеке указываетъ на фактъ, что именно со второй половины V в. въ родѣ Сасанидовъ особенно часто встрѣчаются имена эпическихъ героевъ, что свидѣтельствуетъ объ оживленіи старыхъ преданій[3]). Первое указаніе на существованіе оффиціальной версіи народныхъ историческихъ преданій приблизительно въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ, относится, по изслѣдованію Нельдеке, къ VI в., хотя окончательная редакція той книги, которая была переведена въ VIII — IX вв. на арабскій языкъ, была установлена, по его мнѣнію, только при послѣднемъ Сасанидѣ Іездегердѣ III (632—651), въ первые годы его царствованія[4]).

---

1) Ja'qūbi Hist. I, 179.

2) О сословіяхъ ср. мою статью въ Zeitschr. f. Assyr. XXVI, 259 f.; о развитіи городской жизни тамъ-же, S. 254 f.

3) Nöldeke, Tabari, S. 147. Grundriss, II, 134.

4) Nöldeke, Tabari, S. XV. Grundriss, S. 140 f.

Въ подлинникѣ до насъ дошелъ, кромѣ «полу-эпическаго»[1]) разсказа объ основателѣ династіи, только одинъ эпизодъ этого эпоса (въ сочиненіи Yātkāri Zarīrān); едва ли можно объяснить случайностью фактъ, что этотъ единственный эпизодъ относится все къ тому же циклу преданій о Гистаспѣ. Встрѣчающіяся въ разсказѣ географическія и этнографическія названія и на этотъ разъ указываютъ на восточную окраину государства[2]).

На основаніи мусульманскихъ версій Нельдеке приводитъ другой примѣръ отраженія въ эпосѣ событій сасанидской эпохи, происходившихъ на восточной границѣ. Въ 484 г. сасанидскій царь Перозъ погибъ въ борьбѣ съ эфталитами около сѣверныхъ предѣловъ Гургана; нашествіе побѣдителей на страну было отражено благодаря одному вельможѣ изъ рода Каренидовъ; въ эпосѣ то же самое, въ томъ же мѣстѣ, происходитъ съ миѳическимъ царемъ Нодаромъ, и спасителемъ государства является членъ того же рода[3]). Замѣчательна также та извѣстность, которой уже въ то время пользовались во всемъ Иранѣ подвиги сеистанскаго героя Рустема. Въ эпоху Мухаммеда о нихъ говорили даже въ Хирѣ, на Евфратѣ[4]); разсказы о Рустемѣ были извѣстны армянскому историку Моисею Хоренскому (VII — VIII вв.), между ними даже такіе, которыхъ нѣтъ въ дошедшихъ до насъ версіяхъ эпоса[5]).

Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы воцареніе династіи, вышедшей изъ Фарса, сколько-нибудь оживило память о прежнихъ царяхъ Фарса, объединившихъ подъ своей властью Иранъ въ VI в. до Р. Хр. Нельдеке отмѣчаетъ фактъ, что ахеменидскія имена Дарій и Артаксерксъ встрѣчаются въ Иранѣ и въ македонско-парѳянскій періодъ; въ самомъ Фарсѣ память объ этихъ именахъ оставалась «очень живой»[6]); но свѣдѣній о древнихъ царяхъ, носившихъ эти имена, на ихъ родинѣ уже тогда, повидимому, не было. По словамъ Себеоса (VII в.) въ Сузахъ была какая-то мумія, которую христіане считали тѣломъ пророка Даніила,

1) Выраженіе Нельдеке (Grundriss, II, 135): halb episches Stück.

2) О хіонитахъ ср. выше стр. 267. Битва происходитъ около Мерва.

3) Grundriss, S. 138. شاهنامه бомб. изд. 1886 г., стр. 100 и слѣд. Неизвѣстно, впрочемъ, когда этотъ эпизодъ былъ введенъ въ эпосъ. У Табари царя Нодара нѣтъ, и Нодаръ, сынъ Менучехра, названъ только какъ предокъ Каренида (I, 878).

4) Ибн-Хишамъ, изд. Вюстенфельда, стр. 235; Grundriss, II, 139 (внизу).

5) Grundriss, II, 140. «Ростомъ Сагчикъ» т. е. Рустемъ сеистанскій, упоминается въ «Исторіи М. Хор.» только одинъ разъ (новый перев. Эмина, стр. 59); но при этомъ говорится, что онъ обладалъ силой 120 слоновъ, въ чемъ и Эминъ видитъ доказательство, что при М. Хор. «воспѣвали такіе подвиги Рустема, которые въ XI в. во время Фердуси (Фирдауси) были уже забыты» (ibid., стр. 246). Ср. также разсказъ М. Хор. (ibid., стр. 48) о борьбѣ Аждахака съ Хруденомъ (у Фирдауси Даххакъ и Феридунъ).

6) «Recht lebendig» (Grundriss, II, 141, N. 1).

персы—тѣломъ миѳическаго царя Кай-Хусрау[1]). Очень вѣроятно, что уже тогда персепольскіе дворцы были пріурочены къ миѳическому Джемшиду. Такимъ образомъ, имена Ахеменидовъ даже въ ихъ собственныхъ столицахъ были вытѣснены именами миѳическихъ царей.

Изъ Сасанидовъ любимцемъ эпоса сдѣлался впослѣдствіи Варахранъ V (420—438), извѣстный у персовъ мусульманской эпохи подъ именемъ Бехрамъ-Гуръ. Его царствованіе было, повидимому, лучшимъ временемъ для духовенства и аристократіи. Въ своей личной жизни[2]) онъ болѣе другихъ Сасанидовъ, какъ показываютъ разсказы о его военныхъ и охотничьихъ подвигахъ, походилъ на идеальнаго иранскаго богатыря; его министръ Михръ-Нарсе, служившій также его предшественнику и преемнику, былъ идеальнымъ правителемъ государства въ духѣ сословнаго строя: какъ пророкъ Зороастръ былъ «первымъ жрецомъ, первымъ воиномъ и первымъ земледѣльцемъ»[3]), причемъ каждое изъ этихъ сословій пошло отъ одного изъ его трехъ сыновей, такъ Михръ-Нарсе поставилъ одного изъ своихъ сыновей во главѣ духовенства, другого во главѣ военной аристократіи, третьяго во главѣ земледѣльческаго сословія. Михръ-Нарсе, считавшійся потомкомъ древнихъ персидскихъ царей, былъ родомъ изъ Фарса; на своей родинѣ онъ построилъ нѣсколько деревень съ садами и храмами огню (между прочимъ по одному храму для себя и для своихъ трехъ сыновей), существовавшими еще въ мусульманскій періодъ[4]). Впослѣдствіи въ одномъ изъ западныхъ округовъ Фарса былъ замокъ, гдѣ хранились и передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе эпическія преданія[5]); среди собирателей эпоса и переводчиковъ его на арабскій языкъ[6]) названы также мубеды (представители зороастрійскаго духовенства) изъ Фарса. Очень вѣроятно, что все это также было плодомъ дѣятельности Михръ-Нарсе и его сыновей, хотя источники этого не говорятъ. Какъ приверженецъ стараго сословнаго строя, Михръ-Нарсе долженъ былъ быть покровителемъ народнаго эпоса.

Послѣ завоеванія Ирана арабами возрожденіе иранскаго эпоса было, какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ признаковъ возрожденія иранской національности; оно началось еще въ то время, когда въ мусульманскомъ мірѣ не было другого литературнаго языка, кромѣ арабскаго; первые пере-

1) Ibid. 140; ср. Себеосъ, перев. Патканьяна, стр. 51 (Кавъ-Хозрой).
2) Ср. характеристику у Nöldeke, Tabari, S. 98 f.
3) W. Geiger, Ostiranische Kultur, S. 483.
4) О Михръ-Нарсе и его учрежденіяхъ Nöldeke, Tabari, S. 109 f.
5) Текстъ Истахри (ed. de Goeje), стр. 118 и 150; ср. К. Иностранцевъ, Сасанидскіе этюды, стр. 8 и слѣд. и мою статью въ Zeitschr. f. Assyr. XXVI, 263.
6) О нихъ см. ниже.

воды иранскихъ историческихъ сказаній на арабскій языкъ появились почти на столѣтіе раньше, чѣмъ первыя произведенія новоперсидской литературы. Въ царствованіе халифа Хишама (724—743) мы видимъ первый (и, повидимому, послѣдній) примѣръ возстановленія арабскимъ намѣстникомъ стараго иранскаго города, съ уничтоженіемъ возникшаго въ эпоху завоеванія, въ окрестностяхъ того же города, арабскаго поселенія[1]); къ этому же царствованію относится первое извѣстіе о переводѣ на арабскій языкъ персидскаго историческаго произведенія. Мас'уди въ 303 (915—6) г. видѣлъ въ Истахрѣ рукопись, содержавшую исторію Сасанидовъ, причемъ сообщались такія данныя, которыхъ не было въ оффиціальныхъ версіяхъ эпоса — Худай-Намэ, Аинъ-Намэ и Гахъ-Намэ; въ ней, между прочимъ, были изображены всѣ правители (25 царей и 2 царицы) этой династіи, правившей, по той же рукописи, 433 г. 1 мѣсяцъ 7 дней. Въ рукописи было сказано, что оригиналъ былъ найденъ въ сокровищницѣ персидскихъ царей; съ него былъ сдѣланъ списокъ и переведенъ съ персидскаго на арабскій для халифа Хишама въ половинѣ мѣсяца джумâдâ II 113 г. (конецъ августа 731)[2]). Свидѣтельствомъ Мас'уди, на которое указалъ, въ рецензіи на книгу Нельдеке, Гутшмидъ[3]), опровергается мнѣніе Нельдеке, что при халифѣ Хишамѣ такія персидскія сочиненія еще не переводились на арабскій языкъ. Послѣ этого можно считать правдоподобнымъ, что Джабала ибн-Салимъ, переводчикъ книги о Рустемѣ и Исфендіярѣ и романа о Бехрамъ-Чубинѣ, названный въ «Фихристѣ» «секретаремъ Хишама», былъ секретаремъ халифа, а не писателя Хишама ибн-Мухаммеда (Ибн-ал-Кельби), какъ полагалъ Нельдеке[4]).

Изъ словъ автора «Фихриста» и Мас'уди видно, что первыми переводчиками персидскихъ книгъ, кромѣ популярныхъ и въ сасанидскую эпоху легендъ о Рустемѣ и Исфендіярѣ, были приняты во вниманіе только разсказы о царствованіи Сасанидовъ. Даже жившій въ слѣдующемъ столѣтіи историкъ Я'куби говоритъ, что среди персовъ «люди умные, знающіе и благороднаго происхожденія, изъ потомковъ ихъ царей и дихкановъ», начинали исторію своей страны только съ Сасанидовъ и отвергали всѣ разсказы о болѣе отдаленномъ прошломъ, наполненные сказками о людяхъ съ нѣсколькими ртами и глазами, съ мѣднымъ лицомъ, о змѣяхъ, жившихъ на плечахъ человѣка и съѣдавшихъ мозгъ другихъ людей, о людяхъ, жившихъ долгіе вѣка и освобождавшихъ человѣчество отъ смерти. Въ отрицаніи эпиче-

1) Tabari, II, 1490; о значеніи этого событія Zeitschrift f. Assyr. XXVI, 261.
2) Kitâb at-Tanbih, ed. de Goeje, p. 106.
3) A. v. Gutschmid, Kleine Schriften, III, 150 f.
4) Nöldeke, Tabari, S. 475.

скихъ преданій Я'куби идетъ такъ далеко, что для него первымъ персидскимъ царемъ, принявшимъ религію маговъ, былъ основатель династіи Сасанидовъ; всѣхъ прежнихъ царей, среди которыхъ упоминается и Гистаспъ, онъ считаетъ «сабейцами», говорившими и писавшими только по-сирійски [1]).

Для народныхъ массъ, вѣроятно также для большинства аристократіи эпосъ сохранялъ прежнее значеніе; по прежнему эпическія преданія пріурочивались къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, особенно въ восточныхъ областяхъ Ирана. Памятникомъ принятія Гистаспомъ религіи Зороастра считались два кипариса въ Хорасанѣ, въ селеніяхъ Кишмаръ и Фарьюмадъ [2]). Первый былъ срубленъ въ 232 г. (846—7) по приказанію халифа Мутеваккиля; при этомъ разсказывается, что подъ тѣнью дерева могли помѣститься до 10000 барановъ, въ его вѣтвяхъ гнѣздилось множество птицъ; при паденіи дерева животныя и птицы выражали свое горе жалобными звуками, такъ что люди пришли въ изумленіе. Халифъ велѣлъ привезти дерево въ Багдадъ, но ему не суждено было его увидѣть; за день до его прибытія онъ былъ убитъ своей гвардіей; изъ другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, никто не прожилъ послѣ этого болѣе года. Кипарисъ въ Фарьюмадѣ простоялъ дольше и былъ уничтоженъ огнемъ въ 537 г. (1142—3), по приказанію хорезмійскаго царевича Яналъ-тегина. Ученый мусульманскій авторъ XII в., сообщающій объ этомъ, прибавляетъ, что никакихъ несчастій на этотъ разъ не произошло, и объясняетъ это тѣмъ, что кипарисъ, посаженный «огнепоклонникомъ» Зороастромъ, былъ уничтоженъ огнемъ: «возможно, что если бы его срубили (какъ первое), то произошли бы удивительныя вещи» [3]). Изъ этого можно видѣть, какъ прочно среди мѣстнаго населенія, даже послѣ принятія имъ ислама, сохранялась вѣра въ священную силу дерева. Хорасанскій авторъ при этомъ опредѣляетъ время обращенія Гистаспа; его дата нѣсколько расходится съ общепринятой у парсовъ хронологіей, но его вычисленія не свободны отъ ошибокъ. По его словамъ, первое дерево простояло 1405 лѣтъ, изъ чего можно заключить, что оно было посажено въ 559 г. до Р. Хр. Дальше говорится, что послѣ уничтоженія

---

1) Ja'qûbi, Hist., I, 178—179.

2) Исторія ихъ разсказана Абу-л-Хасаномъ Бейхаки (о немъ и его трудахъ см. мою статью въ Enz. des Islam, I, 615 f., также Yáqút's Irshád al-Arib etc., ed. Margoliouth, V, 208—218), Cod. Mus. Brit. Or. 3587, f. 164b—166a. Разсказъ о первомъ кипарисѣ приводится съ ссылкой на ثمار القلوب Абу-Мансура Са'âлиби; о рукописяхъ этого труда см. Brockelmann, I, 285, № 9. Хаммеромъ (ZDMG V—VII) изложено содержаніе большей части главъ; въ этихъ главахъ разсказа о кипарисахъ нѣтъ; возможно, что онъ находится въ 50 главѣ, спеціально посвященной нѣкоторымъ деревьямъ, цвѣтамъ и т. п. (л. 214б—228а берлинской рукописи; ср. обзоръ содержанія въ каталогѣ Ahlwardt № 8342).

3) F.166a: وآن درخت زردشت آتش‌پرست کشته بود وممکن بودی که اکر بریدندی اتفاق عجب بدید آمدی.

перваго дерева второе простояло еще 291 годъ; между тѣмъ промежутокъ времени между приведенными датами—305 лунныхъ лѣтъ или 296 солнечныхъ. Продолжительность жизни второго дерева опредѣляется въ 1691 годъ; между тѣмъ, если оно было посажено одновременно съ первымъ, то выходитъ на 10 лѣтъ больше.

Къ тому же циклу преданій относится миѳическій «мѣдный зȧмокъ» (Диз-и-руинъ), гдѣ Исфендіяръ[1]) убилъ главнаго врага вѣры Зороастра, Арджаспа. Не позже II в. хиджры этотъ замокъ былъ отожествленъ съ бухарскимъ городомъ Пейкендомъ. Къ бухарской области была также пріурочена легенда объ Афрасіабѣ, Сіявушѣ и Кай-Хусрау, причемъ эта легенда разсказывается бухарскимъ историкомъ Нершахи нѣсколько иначе, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ арабскихъ сочиненіяхъ и у Фирдауси. По этой версіи[2]) Сіявушъ бѣжалъ отъ своего отца Кай-Кавуса черезъ Аму-Дарью и прибылъ къ Афрасіабу; Афрасіабъ, жившій въ селеніи Рамитанъ (это селеніе часто называли «старой Бухарой»), оказалъ ему хорошій пріемъ и выдалъ за него свою дочь. Сіявушемъ была выстроена цитадель города Бухары. Черезъ нѣкоторое время его оклеветали передъ Афрасіабомъ, который велѣлъ его убить; могилу его помѣщали въ бухарской цитадели, у восточныхъ воротъ ея; мѣсто еще въ IV в. хиджры почиталось бухарскими зороастрійцами; въ день науруза, передъ восходомъ солнца, здѣсь приносился въ жертву пѣтухъ. У Сіявуша былъ сынъ Кай-Хусрау; чтобы отомстить за смерть отца, онъ пришелъ въ ту область съ большимъ войскомъ и осадилъ Афрасіаба въ Рамитанѣ; во время осады имъ напротивъ Рамитана было выстроено селеніе Рамушъ, получившее такое названіе за красоту мѣстоположенія, и въ немъ капище огню, которое, по мнѣнію зороастрійцевъ, было древнѣе бухарскихъ капищъ[3]). Послѣ двухлѣтней осады Афрасіабъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ; его могилой считался высокій курганъ въ сѣверо-западной части города Бухары, рядомъ съ курганомъ имама Абу-Хафса. Афрасіабъ былъ колдуномъ и жилъ 2000 лѣтъ; со времени разсказанныхъ событій до IV в. хиджры прошло 3000 лѣтъ. По хронологіи парсовъ[4]) Кай-Хусрау правилъ съ 840 до 780 г. до Р. Хр., т. е. всего за 1700 лѣтъ съ небольшимъ до составленія книги Нершахи.

1) Ср. легенду о «копьѣ храбраго Спандіата» (Исфендіяра) у Себеоса, перев. Патканьяна, стр. 31. J. Marquart, ZDMG XLIX, 639; Erānšahr, S. 83.

2) Nerchakhy, ed. Schefer, p. 14—15, 21—22.

3) Объ этомъ храмѣ (بيت نار) говоритъ также Бируни (Chronologie, ed. Sachau, p. 234,11).

4) Jackson, Zoroaster, p. 180.

О судьбѣ Сіявуша у бухарцевъ были пѣсни, положенныя на музыку и называвшіяся «плачемъ маговъ» или «местью за Сіявуша»[1]).

Преданія о Сіявушѣ были локализованы также въ Хорезмѣ, причемъ, однако, говорится только въ краткихъ словахъ о прибытіи Сіявуша въ эту страну и о переходѣ ея во власть Кай-Хусрау послѣ его побѣды надъ турками. При этомъ указывается нѣсколько болѣе поздняя дата, чѣмъ у Нершахи. По Бируни[2]) начало культуры въ Хорезмѣ относилось къ 980 г. до начала эры Александра, т. е. къ 1292 г. до Р. Хр.; черезъ 92 года, т. е. въ 1200 г., утвердилъ въ Хорезмѣ свою власть Кай-Хусрау, считавшійся предкомъ до-мусульманской династіи хорезмшаховъ.

Литературная обработка персидскаго эпоса на арабскомъ языкѣ происходила во II и III вв. хиджры, какъ я постарался доказать въ другомъ мѣстѣ[3]), главнымъ образомъ въ трехъ мѣстностяхъ: въ западной части Фарса, гдѣ въ «гипсовомъ замкѣ» изъ поколѣнія въ поколѣніе передавались преданія о прежнихъ царяхъ и ихъ сподвижникахъ; въ Исфаханѣ, который вообще былъ центромъ умственной жизни Персіи; въ Хорасанѣ, гдѣ въ столицѣ арабскихъ намѣстниковъ, Мервѣ, была библіотека пехлевійскихъ рукописей, по преданію привезенныхъ туда во время бѣгства послѣдняго сасанидскаго царя Іездегерда III. Намъ извѣстны заглавія восьми переводовъ[4]); изъ переводчиковъ трое были исфаханцами. Изъ остальныхъ первый по времени переводчикъ Худай-Намэ, Ибн-ал-Мукаффаʿ, жилъ въ Басрѣ, гдѣ былъ казненъ по приказанію халифа Мансура (754—775); второй, Мухаммедъ ибн-ал-Джахмъ ал-Бармаки, былъ, по всей вѣроятности, кліентомъ министровъ Бармакидовъ, низложенныхъ въ 187=803 г.; въ Хорасанѣ, по всей вѣроятности, была составлена анонимная «исторія царей персидскихъ», извлеченная изъ библіотеки халифа Мамуна (813—833); Фарсу принадлежитъ Бехрамъ ибн-Merданшахъ, мубедъ округа города Шапура, составившій хронологическій обзоръ персидскихъ царей на основаніи двадцати экземпляровъ Худай-Намэ. О происхожденіи послѣдняго переводчика Мусы ибн-Исы ал-Кисрави, писавшаго, повидимому, во второй

1) Nerchakhy, p. 15 كين سياوش p. 21 كريستن مغان.

2) Albêrûni, ed. Sachau, S. 35. О хронологіи еще E. Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm I, 14—19 (SBW, phil.-hist. Cl. LXXIII, 484—489). Какъ доказалъ Захау, дата Бируни согласна съ хронологіей «Муджмиля», по которой Кай-Кубадъ вступилъ на престолъ за 1063 г. до эры Александра. Если онъ (какъ у Фирдауси), правилъ 100 лѣтъ, то его преемникъ Кай-Каусъ вступилъ на престолъ въ 963 г. и правилъ 150 лѣтъ, до 813 г.; если, какъ полагали, бѣгство Сіявуша относилось къ началу второй половины его царствованія, то получается 888 г. до Александра, т. е. именно дата Бируни.

3) Zeitschr. f. Assyr. XXVI, 263 f.

4) Ср. текстъ Хамзы и مجمل التواريخ у бар. Розена, Вост. Замѣтки, стр. 174 и слѣд. К. А. Иностранцевъ, Сасан. этюды, стр. 31 и слѣд., по «Фихристу», стр. 244 и слѣд.

половинѣ IX в. по Р. Хр., ничего не извѣстно; по всей вѣроятности, онъ жилъ въ западной Персіи.

Книга «Худай-Намэ» въ переводахъ на арабскій языкъ называлась «исторіей (تاريخ) царей персидскихъ» или «жизнеописаніями (سير) царей персидскихъ»: въ новоперсидской литературѣ книгѣ было присвоено названіе «Шахъ-Намэ». Замѣна слова «худâй» словомъ «шâхъ» произошла подъ вліяніемъ ислама, когда прежнее, установившееся со времени Александра и Селевкидовъ [1]) обожествленіе царя сдѣлалось невозможнымъ, а слову «худâ» или «худâй», долго сохранявшему, особенно въ восточныхъ областяхъ, значеніе «государь, владѣтель» [2]), было присвоено исключительно значеніе «Богъ».

Арабскіе переводы «Худай-Намэ» намъ извѣстны только по позднѣйшимъ извлеченіямъ и ссылкамъ. Бар. Розенъ, на основаніи словъ Хамзы исфаханскаго, различаетъ три категоріи переводовъ: переводы процензированные, переводы съ дополненіями и переводы, представлявшіе самостоятельную передѣлку текста [3]). Къ этому можно прибавить, что самымъ полнымъ считался переводъ Ибн-ал-Мукаффа', вѣроятно, первый по времени; въ отличіе отъ другихъ его называли «большимъ Шахъ-Намэ» [4]). Какъ доказалъ Нельдеке, изъ дошедшихъ до насъ авторовъ болѣе всего придерживаются текста Ибн-ал-Мукаффа' Ибн-Кутейба и Евтихій; по этимъ сочиненіямъ мы отчасти можемъ судить, что̀ у Табари и другихъ компиляторовъ восходитъ къ Ибн-ал-Мукаффа' и что заимствовано изъ другихъ источниковъ [5]).

Книга заключала въ себѣ легендарную исторію Персіи съ древнѣйшихъ временъ; исторія Сасанидовъ излагалась точнѣе и подробнѣе, чѣмъ исторія предшествующихъ династій, но тоже въ эпическомъ освѣщеніи; кромѣ того весь разсказъ былъ проникнутъ сочувствіемъ къ тому сословію, среди котораго слагался эпосъ, т. е. къ военной аристократіи. Излагая въ духѣ эпоса событія исторической эпохи, въ то же время старались придать эпиче-

---

1) Извѣстно, что въ ахеменидскихъ надписяхъ персидскій царь называется только ставленникомъ Бога, но не богомъ.

2) Потомковъ мервскаго князя ماهويه за участіе ихъ предка въ дѣлѣ убіенія Іездегерда III называли خداه كشان (Хамза, ed. Gottwaldt, p. 63; J. Marquart, Ērānšahr, S. 76). Титулы среднеазіатскихъ князей (Бухаръ-худатъ, Варданъ-худатъ, Саганъ-худатъ, Саманъ-худатъ и друг.) заставляютъ полагать, что слово «худâтъ» (діалектическая форма) или «худâ» было особенно распространено въ восточно-иранскихъ областяхъ. Ср. еще كوزكان خداه у Бируни, Chronol., S. 102,11.

3) Вост. Замѣтки, стр. 182 и сл.

4) Бал'ами въ перев. Dubeux, стр. 3, въ перев. Zotenberg, стр. 4. Индійское (каунпурское) изд. 1896 г., стр. 3.

5) Nöldeke, Tabari, S. XXI.

скимъ повѣствованіямъ характеръ историческихъ разсказовъ и установить точную хронологію царствованія легендарныхъ царей. О хронологіи пехлевійскаго подлинника намъ трудно судить; переводчики находили въ различныхъ версіяхъ различныя хронологическія опредѣленія и посредствомъ различныхъ комбинацій старались устранить эти противорѣчія; не довольствуясь этимъ, старались установить болѣе точную хронологію посредствомъ сопоставленія разсказовъ Худай-Намэ съ историческими преданіями другихъ народовъ. Изъ словъ астронома Абу-Маʻшара (ум. 272 = 885), приводимыхъ Хамзой, мы знаемъ, что у парсовъ уже въ то время была «каноническая» хронологія и что въ Авестѣ совершенно точно опредѣлялось время—4182 г. 10 мѣс. 19 дней—отъ «Гаюмарса, отца человѣчества» до «года царствованія Іездегерда» (III), т. е. вѣроятно до даты его вступленія на престолъ (16 іюня 632 г.), съ которой начиналась новая эра[1]). Переводчики Худай-Намэ всѣ, повидимому, вышли изъ персидскаго народа; исламъ приняли или они сами, или ихъ отцы и ближайшіе предки; нѣкоторые изъ нихъ даже оставались вѣрными своей національной религіи; между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не считалъ для себя авторитетной хронологію Авесты. Даже мубедъ Бехрамъ, духовное лицо религіи Зороастра, составилъ свою хронологическую систему не на основаніи Авесты, но на основаніи различныхъ версій Худай-Намэ[2]); какъ у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, у него легендарный Бехменъ отожествляется съ историческимъ Артаксерксомъ I, имя котораго было заимствовано изъ греческихъ источниковъ. Дошедшіе до насъ списки персидскихъ царей, съ указаніемъ лѣтъ ихъ царствованія, сильно разнятся между собой; кромѣ продолжительности отдѣльныхъ царствованій указывается также продолжительность господства каждой династіи, но при провѣркѣ, т. е. при сложеніи чиселъ, почти всегда получается другой итогъ. Хронологическія опредѣленія затруднялись отсутствіемъ у персовъ, до 632 г., установленной эры; считали только по годамъ царствованій. Для провѣрки датъ ученые иногда пользовались эрой Селевкидовъ, притомъ не всегда удачно. Годъ начала этой эры ошибочно считался у сирійцевъ годомъ смерти Александра; кромѣ того Муса Кисреви въ своихъ разсчетахъ принялъ на вѣру ошибочное указаніе Худай-Намэ, что Арсакиды правили всего 266 лѣтъ; на основаніи этого онъ пришелъ къ заключенію, что Сасаниды правили гораздо дольше, чѣмъ обыкновенно думали, и что

---

1) Хамза, ed. Gottwaldt, p. 11. Тѣ же цифры (4182 г. 10 м. 19 дней) приводитъ со словъ «маговъ» (المجوس) Табари (I, 1068,5—7).

2) Ср. его хронологію у Хамзы, p. 24—29 и у Бируни, Chronol., p. 108—109, 115, 125—126, также замѣчаніе Гутшмида, приводимое у Nöldeke, Tabari, S. 401, N. 2, по которому списки Бахрама составлены на основаніи еврейскаго источника.

списокъ царей этой династіи долженъ быть пополненъ еще нѣсколькими именами[1]).

Кромѣ указанныхъ именъ, встрѣчаются ссылки еще на другихъ авторовъ, писавшихъ о персидскихъ царяхъ или о хронологіи персидской исторіи. Такъ упоминается мубедъ Абу-Джа‘фаръ Заратуштъ, современникъ халифа Му‘тасима (833—842), вѣроятно, происходившій изъ Фарса, такъ какъ у него заимствуются свѣдѣнія о министрѣ Михръ-Нарсе и основанныхъ имъ учрежденіяхъ[2]). О персидской хронологіи писалъ, по словамъ Бируни, его старшій современникъ, «математикъ» (ал-хâсибъ) Абу-л-Фараджъ Ибрахимъ ибн-Ахмедъ ибн-Халафъ аз-Зенджани[3]). Авторъ перваго персидскаго «Шахъ-Намэ» (о немъ см. дальше) воспользовался пятью изъ названныхъ у Хамзы переводовъ Худай-Намэ и послѣ этого сличилъ свой трудъ съ трудомъ Бехрама, гебра изъ Герата.

Кромѣ хронологическаго разногласія есть и другіе признаки, что ни послѣдующіе компиляторы, ни даже первые переводчики не ограничивались передачей пехлевійскаго текста. Въ другомъ мѣстѣ[4]) мною были сопоставлены различныя извѣстія о мѣстѣ рожденія Хосроя Ануширвана, причемъ разногласіе источниковъ, повидимому, объясняется существованіемъ трехъ мѣстностей, гдѣ по преимуществу поддерживались персидскія литературныя традиціи: гипсоваго замка въ западной части Фарса (на границѣ съ Хузистаномъ), Исфахана съ его окрестностями и Хорасана; каждая изъ этихъ мѣстностей хотѣла присвоить себѣ величайшаго изъ сасанидскихъ царей. Въ эпоху господства Бармакидовъ, считавшихся потомками сасанидскихъ министровъ, въ переводы и передѣлки Худай-Намэ было внесено имя «Бармакъ», какъ имя министра одного изъ послѣднихъ Сасанидовъ[5]). Вопреки мнѣнію бар. Розена[6]), не невозможно, что это имя было уже въ текстѣ Ибн-ал-Мукаффа‘; всемогущество Бармакидовъ относится къ болѣе позднему времени, но уже возвышеніе Халида ибн-Бармака (современника Ибн-ал-Мукаффа‘) и въ особенности его личная близость къ халифу[7]) не могли не произвести впечатлѣнія на персовъ.

Въ восточной романической литературѣ издавна былъ популяренъ образъ идеальнаго министра—правдолюбца, учителя жизни, отстáивающаго

---

1) Ср. его разсужденія у Хамзы, стр. 16 и слѣд.

2) Nöldeke, Tabari, S. XXIII u. 502.

3) Слово الحاسب есть у Albêrûni, Chronol., S. 116,1 и 215,16. Другія ссылки приведены въ указателѣ Sachau, стр. 7.

4) Zeitschr. f. Assyr. XXVI, 265.

5) Nöldeke, Tabari, S. 383 N. 2.

6) Вост. Замѣтки, стр. 177.

7) Tabari, II, 840,3—6. Ср. мою статью о Бармакидахъ въ Enzykl. des Islam, I, 691 f.

правду даже противъ своего государя; археологическія открытія въ Египтѣ доказали, что книга о такомъ министрѣ была первымъ дошедшимъ до насъ произведеніемъ международной литературы [1]). Безъ такого образа не могъ обойтись и эпосъ. Иранскій эпосъ, какъ извѣстно, получилъ окончательную литературную обработку въ Хорасанѣ; этимъ объясняется, что въ качествѣ идеальнаго министра историческій Михръ-Нарсе, уроженецъ Фарса, былъ замѣненъ легендарнымъ Бузурджмихромъ, уроженцемъ Хорасана. У Ибн-Мукаффа', насколько можно судить по тексту Евтихія, этого имени не было, и вообще не было свѣдѣній о какомъ либо министрѣ или совѣтникѣ Хосроя Ануширвана. Возможно, что на образованіе легенды оказалъ вліяніе разсказъ о Зермихрѣ (въ печатномъ изданіи [2]) Евтихія زرمهر), который жилъ при Кубадѣ (отцѣ Хосроя), возвратилъ своему государю престолъ, отнятый у него братомъ Джамаспомъ, но впослѣдствіи былъ имъ казненъ. Въ III в. хиджры Абу-Ханифа Динавери уже упоминаетъ о Бузурджмихрѣ, какъ «величайшемъ ученомъ» эпохи Хосроя, который ставилъ его «выше своихъ министровъ и ученыхъ своего времени» [3]); при этомъ, однако, о судьбѣ Бузурджмихра не говорится. Ибрахиму Бейхаки [4]) и анонимному автору книги «Ал-махâсинъ уа-л-аддâдъ» [5]) уже извѣстно, что Бузурджмихръ былъ казненъ; впослѣдствіи одни авторы, какъ Абу-л-Фазлъ Бейхаки, относили эту казнь еще къ царствованію Хосроя [6]), другіе — къ царствованію его сына Хормузда [7]) (по Фирдауси [8]) Бузурджмихръ при Хосроѣ былъ заключенъ въ тюрьму, но потомъ вновь получилъ свободу) или даже внука — Хосроя II [9]); между легендой о причинахъ казни, разсказанной Абу-л-Фазломъ Бейхаки, разсказомъ о томъ же событіи у Мас'уди и легендами о Бузурджмихрѣ, вошедшими въ Шахъ-Намэ, нѣтъ ничего общаго. Замѣчательно, что всѣ персидскіе авторы, не исключая Фирдауси, знаютъ имя Бузурджмихра только въ его арабской формѣ (Бузурджмихръ вм. Бузургмихръ); между тѣмъ по содержанію нѣкоторые изъ разсказовъ Фирдауси вполнѣ соотвѣтствуютъ пехлевійскому трактату о хорасанскомъ министрѣ. На этомъ основаніи Дармстетеръ, въ противоположность

---

1) E. Meyer, Der Papyrusfund von Elephantine, Lpz. 1912, S. 102—128.

2) Eutychii Annales, interprete E. Pocockio, II, 177. زرمهر у Tabari, I, 886,14—17 и друг.

3) Abû Hanifa ad-Dinawerî, p. 73,19.

4) Ibrāhîm ibn Muhammed al-Baihaqi, herausg. v. F. Schwally, Giessen 1902, S. 202,14.

5) Le livre des beautés etc. publ. par G. van Vloten, Leyde 1898, p. 79,3.

6) Ta'rikh-i Baihaki, ed. Morley, p. 412—415.

7) شاهنامه, p. 944 (بزرجمهر).

8) Ibid., p. 921 и слѣд.

9) Maçoudi, Praries d'or, II, 224 и слѣд.

мнѣнію Нельдеке, пришелъ къ выводу, что Фирдауси зналъ пехлевійскій языкъ[1]).

По вопросу о томъ, восходитъ ли новоперсидская версія эпоса къ пехлевійскимъ оригиналамъ или къ арабскимъ переводамъ, учеными вообще были высказаны различныя мнѣнія. Изъ словъ самого Фирдауси и авторовъ предисловій къ его поэмѣ Нельдеке вывелъ заключеніе, что источники Фирдауси были совершенно независимы отъ арабской литературы; фактъ, что изложеніе Фирдауси во многомъ совпадаетъ съ изложеніемъ арабовъ, только доказываетъ, по мнѣнію Нельдеке, что арабскими переводчиками, въ общемъ, точно переданъ текстъ сасанидскаго Худай-Намэ[2]). Съ другой стороны бар. Розенъ, на основаніи словъ Бируни о первоначальномъ Шахъ-Намэ, полагаетъ, что содержаніе поэмы Фирдауси восходитъ къ арабскимъ переводамъ; случаи разногласія между поэмой Фирдауси и дошедшими до насъ сочиненіями арабскихъ историковъ, насколько это разногласіе не можетъ быть отнесено на долю фантазіи поэта, объясняются существованіемъ *нѣсколькихъ* арабскихъ переводовъ и передѣлокъ[3]).

Инипіатива созданія перваго ново-персидскаго «Шахъ-Намэ» приписывается у Бируни и въ предисловіи къ Шахъ-Намэ Фирдауси одному и тому же лицу — Абу-Мансуру Мухаммеду ибн-Абд-ар-Реззаку. Изъ исторіи извѣстно[4]), что этотъ Абу-Мансуръ былъ правителемъ Туса; въ 349=960 г. онъ былъ назначенъ сипехсаларомъ Хорасана, но уже въ 961 г. долженъ былъ уступить мѣсто Алпъ-тегину и вернуться въ Тусъ. При вступленіи на престолъ саманидскаго эмира Мансура (961—976) Алпъ-тегинъ произвелъ возстаніе противъ новаго государя и былъ побѣжденъ съ помощью Абу-Мансура; послѣдній снова былъ назначенъ сипехсаларомъ, но вступилъ въ сношеніе съ Буидами; бухарское правительство въ 962 г. выслало противъ него войско, и въ этой борьбѣ онъ былъ убитъ. Къ этому Абу-Мансуру относятъ слова Фирдауси о «пехлеванѣ (богатырѣ) дихканскаго происхожденія», собравшемъ въ одно цѣлое «разсѣянные по рукамъ мубедовъ» отрывки иранскаго эпоса; для этого онъ отовсюду созвалъ «старыхъ мубедовъ» и собралъ разсказы изъ ихъ устъ. Книга уже получила извѣстность, когда молодой поэтъ Дакики — не сказано, когда и для кого — рѣшилъ переложить ее въ стихи, но успѣлъ до своей смерти написать только 1000 стиховъ о Гуштаспѣ и его борьбѣ съ Арджаспомъ.

---

1) Revue Critique, N. S. XXI (1886), № 1, p. 1—8; цитуется у К. Г. Залемана, Mél. Asiat., IX, 215.

2) Nöldeke, Tabari, S. XIX.

3) Вост. замѣтки, стр. 191.

4) Ср. мой «Туркестанъ», II, 261—263 (такъ же ссылки на источники).

Послѣ его смерти ту же задачу принялъ на себя Фирдауси, включившій въ свою поэму, какъ извѣстно, также стихи Дакики[1]).

Бируни въ одномъ мѣстѣ[2]) говоритъ о Шахъ-Намэ «поэта» Абу-Али Мухаммеда ибн-Ахмеда ал-Балхи, въ другомъ мѣстѣ[3]) о Шахъ-Намэ, составленномъ для Абу-Мансура ибн-Абд-ар-Реззака. Въ первомъ случаѣ приводится разсказъ о миѳическомъ предкѣ персидскаго народа, Гаюмарсѣ, въ другомъ—разсказъ объ Ашканіяхъ (Арсакидахъ); полнаго совпаденія, по содержанію, съ текстомъ Шахъ-Намэ Фирдауси нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ.

По справедливому замѣчанію бар. Розена[4]), текстъ Бируни не даетъ намъ никакого основанія утверждать, что подъ словомъ «Шахъ-Намэ» имъ упоминаются два различныхъ сочиненія. Слово «поэтъ» (аш-ша̂ʻиръ) заставляетъ полагать, что въ рукахъ Бируни была поэтическая обработка собранныхъ для Абу-Мансура сказаній; отсюда напрашивается выводъ, что Абу-Али Мухаммедъ ибн-Ахмедъ ал-Балхи и поэтъ Дакики—одно и то же лицо. Имя Дакики, дѣйствительно, было Мухаммедъ ибн-Ахмедъ[5]); по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ происходилъ изъ Балха; но о томъ, чтобы онъ носилъ кунью Абу-Али, извѣстій нѣтъ; вездѣ, повидимому, ему приписывается кунья Абу-Мансуръ; возможно, что онъ принялъ впослѣдствіи кунью своего покровителя (такимъ же образомъ едва ли можно объяснить случайностью совпаденіе куньи Фирдауси съ куньей Махмуда газневидскаго). Главнымъ доводомъ противъ нашего мнѣнія является, конечно, категорическое утвержденіе Фирдауси, что Дакики успѣлъ сочинить только тѣ 1000 стиховъ, которые были включены Фирдауси въ его поэму. По другимъ извѣстіямъ, однако, произведеніе Дакики было гораздо обширнѣе[6]); кромѣ того отрывокъ изъ Дакики, включенный въ Шахъ-Намэ, не только, какъ отмѣтилъ Нельдеке[7]), оканчивается, но и начинается на полу-словѣ;

1) شاهنامه, стр. 4—5; 566 (гдѣ имя Дакики).

2) Chronologie, ed. Sachau, S. 99.

3) Ibid., S. 116.

4) Вост. замѣтки, стр. 190 и сл. Ср. ЗВО XVIII, прил., 13—14.

5) Grundriss, II, 222. У Nöldeke (ibid., S. 147) Muhammed ibn Muhammed ibn Ahmed, также у Ethé въ Morg. Forschungen, S. 57. Нельдеке сомнѣвается, что Дакики, какъ зороастріецъ, могъ носить такія имена. Лично мнѣ кажется вполнѣ правдоподобнымъ мнѣніе Э. Броуна (Lit. hist. of Persia, I, 459), что въ извѣстныхъ стихахъ Дакики о четырехъ нужныхъ ему вещахъ (рубиновыя губы возлюбленной, звуки арфы, вино и вѣра Зороастра) нѣтъ указанія на исповѣдуемую имъ религію. Это—слова мусульманскаго вольнодумца, но не гебра. Какъ признаетъ и Нельдеке, въ части Шахъ-Намэ, принадлежащей Дакики, не видно близкаго знакомства автора съ зороастризмомъ.

6) Хамдаллахъ Казвини (The Ta'ríkh-i-Guzída, ed. Browne, p. 818) говоритъ о 3000 стихахъ, Ауфи (The Lubábu'l-Albáb, ed. Browne, II, 33) даже о 20000.

7) Grundriss, II, 148.

несомнѣнно, что этому отрывку должно было предшествовать введеніе, которое могло заключать въ себѣ краткія историческія и хронологическія свѣдѣнія о царяхъ Ирана.

Изъ словъ Фирдауси мы кромѣ того узнаёмъ, что у Абу-Мансура и Дакики были предшественники. Часть сказаній о Рустемѣ передается со словъ нѣкоего Серва, «жившаго въ Мервѣ съ Ахмедомъ ибн-Сахлемъ»[1]). Ахмедъ ибн-Сахль, одинъ изъ знатныхъ мервскихъ дихкановъ, былъ современникомъ первыхъ Саманидовъ—Исмаила, Ахмеда и Насра; при Насрѣ онъ короткое время управлялъ всѣмъ Хорасаномъ, возсталъ противъ своего государя и исключилъ его имя изъ хутбы; возстаніе было подавлено, и Ахмедъ умеръ въ бухарской тюрьмѣ въ зу-ль-хиджжа 307 г. (23 апр.—22 мая 920)[2]). Что Ахмедъ ибн-Сахль былъ иранскимъ патріотомъ, говорятъ также историки, но о томъ, что онъ былъ покровителемъ персидской литературы и персидскаго эпоса, мы знаемъ только изъ словъ Фирдауси. Столь же одиноко стоитъ ссылка Фирдауси (въ разсказѣ объ Ашканіяхъ) на «дихкана Чача» (долины Чирчика)[3]); только изъ этой ссылки мы узнаемъ, что въ собираніи иранскаго эпоса принимали участіе также дихканы Мавераннахра.

Время составленія труда Дакики у Фирдауси не указывается; изъ исторіи персидской литературы извѣстно, что Дакики связалъ свое имя съ именами Саманидовъ Абд-ал-Мелика (954—961)[4]), Мансура (961—976) и Нуха (976—997)[5]). Примѣръ «Калилы и Димны», переведенной поэтомъ Рудеки съ арабскаго текста Ибн-Мукаффа'[6]), заставляетъ полагать, что и при составленіи свода иранскаго эпоса въ основу были положены арабскіе переводы. Только этимъ можно объяснить фактъ, отмѣченный и въ трудѣ Нельдеке, что даже нѣкоторыя изъ наиболѣе извѣстныхъ персидскихъ именъ употребляются у Фирдауси въ ихъ арабской формѣ[7]). Особенно

---

1) Ibid., II, 145. Что слово ازاد, дѣйствительно, было epitheton ornans и что имя поэта было سرو, видно изъ стиха Фирдауси (شاهنامه p. 653): كنون باز كردم بكفتار سرو ' فروزندهٔ سهل ماهان بمرو.

2) В. Бартольдъ, Туркестанъ, I, 6—7 и II, 251—252.

3) شاهنامه, p. 721: چنين كفت كوينده دهقان چاج ' كزان پس كسى را نبد تخت وتاج.
Чтеніе چاج имѣется также въ другихъ изданіяхъ и рукописяхъ, напр. рукоп. Публ. библ. Dorn 329, f. 238a; рук. Жуковскаго, стр. 1172; Macan, p. 1364,4; Mohl, V, 270, v. 45; Mohl, trad., V, 216.

4) Къ нему, повидимому, относится приведенный у Бейхаки (ed. Morley, p. 466) стихъ о смерти эмира بو نصر. О сынѣ Абд-ал-Мелика Насрѣ см. мой Туркестанъ, II, 262.

5) Стихи Дакики въ честь Мансура и Нуха приведены у Ауфи (Lubáb, II, 12). Ср. также Browne, Lit. hist. of Persia, I, 460. Дакики названъ и у Утби въ числѣ саманидскихъ поэтовъ (Manini, شرح اليمينى, I, 52; такъ правильно у Nöldeke; у Броуна ошибочная ссылка II, 22).

6) Grundriss, II, 221.

7) Ibid., II, 146. Правда, при этомъ предполагается возможнымъ, dass diese Schreibungen erst bei der letzten Redaction etwa durch einen Muslim eingeführt wären.

замѣчательно, что имя Хосроя Анушпрвана всегда пишется كسرى, хотя въ Хорасанѣ, конечно, знали, что арабскому «Кисрâ» соотвѣтствуетъ персидское «Хусрау»; въ персидскомъ переводѣ лѣтописи Табари даже прозваніе переводчика Худай-Намэ Мусы ал-Кисрави передѣлано въ ал-Хусрави [1]). Даже у Фирдауси городъ, основанный Хосроемъ, называется زريب خسرو [2]), но въ этомъ случаѣ правописаніе خسرو могло быть и въ его арабскомъ источникѣ. Замѣчательно, что въ той части Шахъ-Намэ, гдѣ говорится о Хосроѣ II, такъ-же послѣдовательно употребляется форма خسرو, какъ въ разсказахъ о Хосроѣ Анушпрванѣ — форма كسرى [3]).

Разсказы Шахъ-Намэ о Хосроѣ II почти всецѣло основаны на легендарныхъ сказаніяхъ и не имѣютъ почти ничего общаго съ исторіей; даже о побѣдоносной войнѣ съ Византіей, о завоеваніи азіатскихъ провинцій и Египта нѣтъ ни слова [4]). Съ другой стороны, въ главахъ, посвященныхъ Хосрою Анушпрвану, помимо сказаній о Бузурджмихрѣ и т. п., мы находимъ иногда болѣе подробныя свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ арабскихъ историковъ. Особенно замѣчателенъ разсказъ о войнѣ турковъ съ хайталами [5]), гдѣ страна хайталовъ простирается «отъ Согда до Джейхуна», царь ихъ носитъ имя Гатферъ, войско его состоитъ изъ «кушанцевъ и согдійцевъ»; послѣ пораженія Гатфера при Бухарѣ его народъ возводитъ на престолъ новаго царя Фагâниша. Имя Гатферъ соотвѣтствуетъ названію одного изъ самаркандскихъ кварталовъ [6]). Возможно, что Фирдауси въ этомъ случаѣ сохранилъ намъ имя историческаго лица и что его Гатферъ есть то же лицо, какъ Катульфъ византійскихъ источниковъ — эфталитъ, будто бы предавшій свою страну туркамъ и бѣжавшій къ персамъ [7]).

Несомнѣнно, что этотъ разсказъ, гдѣ упоминаются исчезнувшіе еще въ до-мусульманскую эпоху кушанцы, является въ Шахъ-Намэ исключеніемъ. Дакики и Фирдауси заботились не столько о точной передачѣ эпическихъ сказаній, сколько о созданіи литературнаго произведенія, понятнаго для ихъ современниковъ и соотвѣтствующаго ихъ вкусамъ; съ такой же смѣлостью, какъ ихъ предшественники сдѣлали Афрасіаба и Арджаспа

---

1) Перс. Табари, перев. Dubeux, p. 3; перев. Zotenberg, I, 4; инд. изд. 1896 г., стр. 3.

2) شاهنامه, p. 866.

3) Извѣстный соперникъ Бехрамъ-Гура тоже называется خسرو (شاهنامه, p. 778 sq.), У Табари (I,858,10 и дальше) كسرى, въ перс. переводѣ (стр. 299 сл.) خسرو.

4) Это отмѣтилъ и Нельдеке (Tabari, S. 365, N. 1).

5) شاهنامه, p. 888 и слѣд. Mohl, VI, 310, v. 1811. Mohl, trad., VI, 246 sq. Ghatfer.

6) Ср. мой «Туркестанъ», I, 63 и II, 88.

7) Fragm. Hist. Graec. IV, 225.

турками, они вносятъ въ свою поэму географическую и этнографическую номенклатуру своего времени и окружаютъ своихъ героевъ соотвѣтствующей реальной обстановкой. Филиппъ и Александръ были римскими кесарями; въ эпоху Сасанидовъ уже были большими городами Багдадъ и Ширазъ; упоминаются такія народности, которыя не могли быть названы въ Худай-Намэ, въ томъ числѣ русскіе[1]). Столь же мало останавливались передъ созданіемъ сказочной обстановки для историческихъ героевъ; историческій царь V в. по Р. Хр.[2]) убиваетъ въ Индіи дракона. Эпосъ сливается въ одно цѣлое съ исторіей; миѳическіе цари, начиная съ Феридуна, отправляютъ такія же длинныя письма, какъ Сасаниды, и Сасаниды окружены такими же богатырями и мудрыми совѣтниками, какъ миѳическіе цари.

Поэма Фирдауси положила конецъ героическому эпосу, какъ отрасли персидской литературы; всѣ послѣдующія попытки излагать въ эпическихъ стихахъ преданія о герояхъ древности и разсказы о современныхъ событіяхъ были только мертвымъ подражаніемъ Шахъ-Намэ. Народное эпическое творчество жило, можетъ быть, еще нѣсколько вѣковъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ областяхъ, куда медленнѣе проникала книжная культура. На родинѣ Рустема, въ Сеистанѣ, историкъ XIII в. по Р. Хр. Джузджани слышалъ народное преданіе, въ которомъ одинъ изъ популярныхъ мотивовъ иранскаго эпоса, встрѣчающійся уже у Геродота (I, 114) — дѣтская игра въ цари, какъ начало возвышенія будущаго основателя династіи — перенесенъ на мусульманскаго правителя IX в.[3]).

В. Бартольдъ.

1) Въ бомб. изданіи شاهنامه (стр. 670) вмѣстѣ съ Филиппомъ македонскимъ названъ русскій царь (شاه روس). Чтеніе روس имѣется также въ изд. Макана (p. 1263,11), въ инд. литографіи (۱۳۰۱ لکهنو), стр. 102 и въ трехъ рукописяхъ Аз. музея (175 f. 317b, 175a f. 455b, 175c f. 326b); но въ изданіи Моля (Le livre des rois, V, 52, v. 43, trad., V, 40) стоитъ سوس; то же чтеніе даютъ рукопись 849=1445 г., находящаяся въ Аз. музеѣ и принадлежащая В. А. Жуковскому (стр. 1134), и рук. Dorn 329 (733=1332-3 г.), f. 219a. Въ разсказѣ о подаркахъ, присланныхъ Хосрою II разными народами, во всѣхъ версіяхъ упоминаются русскіе (شاهنامه, стр. 1060; Mohl, VII, 328, v. 3905; Macan, IV, 2015,1; рук. Dorn 329, f. 354a; рук. Жуковскаго, стр. 1434; Mohl, trad., VII, 268). При наведеніи этихъ справокъ я воспользовался любезною помощью и указаніями Ф. А. Розенберга.

2) Бехрамъ-Гуръ (شاهنامه, стр. 796). Въ арабскихъ версіяхъ въ этомъ мѣстѣ говорится о слонѣ (Nöldeke, Tabari, S. 106).

3) Tabaqát-i-Násirí, transl. by Raverty, p. 20—21.

Одинъ изъ источниковъ для біографіи аш-Ша'ранӣ.

I.

Появившееся недавно изслѣдованіе А. Э. Шмидта даетъ возможность установить, что въ источникахъ для біографіи аш-Ша'ранӣ выясняются три группы[1]): однимъ изъ наиболѣе существенныхъ являются сочиненія самого аш-Ша'ранӣ, затѣмъ традиціи его школы или послѣдователей (какъ ал-Мунāвӣ) и, наконецъ, общеисторическія сочиненія (напримѣръ, ал-Мухыббӣ или 'Алӣ-Мубāракъ). Сохраненію непосредственной традиціи, сперва устной, а затѣмъ и литературной, должно было въ особенности содѣйствовать то, что средоточіемъ послѣдователей аш-Ша'ранӣ до нашихъ дней служитъ каирская мечеть его имени, никогда не выходившая изъ вѣдѣнія его потомковъ[2]). Можно предполагать a priori, что литературные памятники этой традиціи далеко не исчерпываются однимъ произведеніемъ ал-Мунāвӣ[3]): нѣдра востока и, въ частности, Каиръ съ ша'раніевскою мечетью, вѣроятно, хранятъ еще неизвѣстные матеріалы этого рода. Къ такой, именно, категоріи источниковъ относится одна рукопись библіотеки Петроградскаго университета, на которую насъ натолкнулъ случай и описаніе которой будетъ не лишнимъ въ виду отсутствія систематическаго каталога арабскихъ рукописей[4]).

Рукопись зарегистрована подъ общимъ номеромъ Ms. O 703 и происходитъ изъ коллекціи профессора 50-хъ годовъ прошлаго вѣка шейха ат-

---

1) 'Абд-ал-Ваххāб-аш-Ша'ранӣй († 973/1565) и его «Книга разсыпанныхъ жемчужинъ», С.-Пб. 1914, стр. 10—11.

2) Ibid., стр. 40, прим. 2.

3) Слѣдовало бы обратить вниманіе на большую біографію аш-Ша'ранӣ, составленную тѣмъ же ал-Мунāвӣ и сохраненную берлинской рукописью. Она не можетъ представлять извлеченіе изъ большого сборника біографій, какъ считаетъ Brockelmann (Geschichte der arabischen Litteratur—II, 306 № 13. Ср. А. Шмидтъ, op. cit. 11, пр. 1); противъ этого говоритъ самый объемъ (29 листовъ вмѣсто 3) и опредѣленное указаніе Ahlwardt'a (Verzeichniss der arabischen Handschriften d. Kgl. Bibliothek zu Berlin—IX, 489, № 10112).

4) Заглавіе ея см. Списокъ персидскимъ, турецко-татарскимъ и арабскимъ рукописямъ библіотеки И. С.-Пб. Университета — ЗВО. III, стр. 201.

Тантāвӣ (Tant. 19); связь рукописи съ Египтомъ, благодаря этому, вполнѣ понятна. Содержитъ она 124 листа (не считая нѣсколькихъ бѣлыхъ въ началѣ и концѣ), формата 21 × 15 (15 × 8½) сантиметровъ, по 23 строки. Листы перенумерованы арабскими цифрами позднимъ почеркомъ. Написана рукопись четкимъ, довольно крупнымъ несхӣ, поздне-египетскаго характера. На л. 1ª имѣются незначительныя записи трехъ владѣльцевъ и слѣдующее заглавіе:

كتاب تذكرة أولي الألباب في مناقب الشعراني سيّدي عبد الوهّاب جمع العبد الفاني محمّد محيي الدين أبي الأنس وأبي التوفيق وأبي صالح المليجي الشافعيّ الأشعريّ القرشيّ الهاشميّ العبّاسيّ العلويّ الأنصاريّ الوفائيّ الأحمديّ الشناويّ الشعرانيّ عفا الله عنه وعن ذرّيّته وأحبابه وعن جميع المسلمين والمسلمات والمؤمنين والمؤمنات الأحياء منهم والأموات ورضي الله عنّا وعنهم أجمعين والحمد لله ربّ العالمين وصلّى الله على سيّدنا محمّد النبيّ الأمّيّ وعلى آله وصحبه وسلم

Дата рукописи 1135 г. (= 1723) находится въ концѣ (л. 124б):

وليكن ذلك اخر كتاب تذكرة أولي الألباب في مناقب الشعرانيّ سيّدي عبد الوهّاب وهي المناقب الكبرى والحمد لله الّذي هدانا لهذا وما كنّا لنهتدي لولا ان هدانا الله[1] وكان الفراغ من كتابته يوم الاثنين المبارك خامس عشر شهر جمادى الثاني سنة خمس وثلثين ومائة بعد الالف على يد كاتبه عليّ يحيى غفر الله له ولوالديه وصلّى الله على سيّدنا محمّد وعلى آله وسلّم

Предисловіе, въ которомъ авторъ разсказываетъ о поводѣ къ составленію книги и передаетъ ея содержаніе, занимаетъ л. 1б—3ª. Глава первая начинается на л. 3ª: الباب الأوّل في بيان مناقب جماعة من أصوله وأسلافه الكرام ومناقب أخيه العارف الهمام. Въ ней авторъ приводитъ біографіи предковъ аш-Шаʿрāнӣ: его миѳическаго родоначальника Мӯсы Абӯ-л-ʿЫмрāна (л. 3ª), сына послѣдняго Мухаммеда (л. 4б), внука Ахмеда Шихāб-ад-дӣна (л. 4б), дѣда аш-Шаʿрāнӣ Нӯр-ад-дӣна ʿАлӣ (л. 5б), отца его Шихāб-ад-дӣна Ахмеда (л. 14б) и брата ʿАбд-ал-Кāдира (16ª). Вторая основная глава посвящена самому аш-Шаʿрāнӣ (л. 20ª): الباب الثاني في بيان مناقبه الخاصّة به وبيان ما وقع له من خوارق العادات وبيان أحواله من ولادته الى وفاته على حكم ما بيّنته فيما تقدّم في أوائل الكتاب. Въ ней дается,

---

1) Коранъ VII, 41.

между прочимъ, родословная аш-Ша'рānӣ (л. $20^{а}$), объясняется его *нисба* (л. $20^{б}$), приводится списокъ учителей и изученныхъ книгъ (л. $21^{а}$ слѣд.). Отдѣльные параграфы посвящены его учителямъ 'Али ал-Ḫаввāçу (л. $29^{а}$ слѣд.), 'Алӣ ал-Марçафӣ (л. $32^{а}$), Муḫаммеду аш-Шунāвӣ (л. $33^{б}$). На нѣсколькихъ листахъ ($36^{б}$—$39^{а}$) приводится списокъ его сочиненій, говорится объ отношеніи къ султāнамъ (л. $85^{б}$ слѣд.) и вāліямъ ($90^{б}$) и т. д. Третья глава (л. $97^{а}$) по системѣ своей примыкаетъ къ первой и даетъ полную серію потомковъ аш-Ша'рāнӣ, стоявшихъ во главѣ іерархіи вплоть до времени сочиненія книги. Озаглавлена она слѣдующимъ образомъ: الباب الثالث في بيان مناقب خلفه من أولاده وأحفاده وذريّته الّذين خصّهم الله تعالى بأنواره وخصّهم بفهم حقيقة علوم أسراره. Въ ней приведены біографіи слѣдующихъ лицъ: сына аш-Ша'рāнӣ 'Абдарраḫмāна, ум. въ 1011 г. (л. $97^{а}$—$100^{б}$), сына послѣдняго Ибрāхӣма, ум. въ 1014 г. (л. $100^{б}$—$101^{а}$), и второго его сына Йаḫйи, ум. въ 1065 г., одного изъ наиболѣе долголѣтнихъ руководителей ордена (л. $101^{б}$—$104^{а}$). Одинъ изъ его сыновей Муḫаммедъ умеръ еще при жизни отца въ 1051 году (л. $105^{а}$), второй 'Абд-ал-Ḫалӣмъ наслѣдовалъ ему и умеръ въ 1078 году (л. $105^{а}$—$112^{а}$); онъ былъ извѣстенъ поэтическимъ талантомъ, и составитель приводитъ образцы его поэтическаго творчества. Сынъ его 'Абд-ал-Ваххāбъ младшій (*аç-çагӣр*) умеръ 12 лѣтъ въ 1081 году, пробывъ во главѣ (sic!) только три года[1]); мѣсто его заступилъ братъ Муçлиḫ-ад-дӣнъ (л. $112^{а}$—$114^{б}$), родившійся въ 1078 году. Онъ и былъ руководителемъ ордена во время составленія книги[2]). Въ началѣ (л. $3^{а}$) авторъ упоминаетъ еще сына его 'Абд-ал-Ḫалӣма[3]). Четвертая глава посвящена послѣдователямъ аш-Ша'рāнӣ (л. $114^{б}$): الباب الرابع في بيان مناقب أصحابه وأشياعه وأتباعه وتلامذته رضي الله عنه وعنهم أجمعين. Послѣ нѣсколькихъ краткихъ замѣтокъ о наиболѣе крупныхъ представителяхъ (л. $114^{б}$—$115^{б}$) она сводится къ сухому перечисленію именъ учениковъ съ крайне рѣдко приводимыми подробностями (л. $116^{а}$—$118^{б}$). Въ концѣ данъ списокъ тѣхъ лицъ, между которыми аш-Ша'рāнӣ устано-

---

1) Л. $112^{а}$: و جلس بعده على سجادة جدّه ولده الشابّ الصالح والفرع الناجح مولانا سيّدي عبد الوهّاب وهو ابن تسع سنين.

2) Ср. л. $96^{б}$, гдѣ дѣйствіе разсказа происходитъ въ 1113 году.

3) Вѣроятно, послѣдній умеръ при жизни отца: по крайней мѣрѣ ал-Джабартӣ въ краткой замѣткѣ о Муçлиḫ-ад-дӣнѣ, умершемъ въ 1136 году (Каирское изданіе 1297 г. т. II, 89, ٩—14), говоритъ, что онъ не оставилъ мужского потомства и завѣдываніе мечетью перешло къ его двоюродному брату 'Абдарраḫмāну.

виль братство[1]); этимъ перечнемъ и заканчивается книга — за нимъ слѣдуетъ только приведенное выше заключеніе.

Никакихъ свѣдѣній о второмъ экземплярѣ сочиненія Мухаммеда ал-Малӣджӣ мнѣ не удалось обнаружить (по крайней мѣрѣ въ европейскихъ собраніяхъ). Такимъ образомъ, петроградскую рукопись можно считать за unicum до открытія второй, вѣроятнѣе всего въ египетскихъ собраніяхъ. Болѣе странно то, что и объ авторѣ не попадается свѣдѣній нигдѣ въ письменныхъ источникахъ. Единственной опорой является сама рукопись и, къ счастью, она рѣшаетъ удовлетворительно вопросъ и объ авторѣ, и о датѣ сочиненія.

Изъ его работы мы узнаемъ (л. 83б—85а), что авторъ въ числѣ своихъ предковъ имѣлъ одного святого ʿАлӣ-ал-Малӣджӣ, гробницу котораго въ Малӣджѣ аш-Шаʿрāнӣ имѣлъ обычай посѣщать ежегодно вмѣстѣ съ паломничествомъ къ Ахмеду-ал-Бедевӣ[2]); оба святыхъ были, повидимому, современниками[3]). Дѣдъ автора ʿАбдаррахмāн-ибн-Абӯ-л-Хасанъ, родившійся въ 940 г., былъ однимъ изъ ближайшихъ и любимыхъ учениковъ аш-Шаʿрāнӣ; при сынѣ послѣдняго онъ являлся его намѣстникомъ и завѣдывалъ мечетью съ жившими при ней послѣдователями. ʿАбдаррахмāнъ пережилъ нѣсколькихъ преемниковъ аш-Шаʿрāнӣ и умеръ только при Йахйѣ въ 1033 году[4]). Должность его по наслѣдству перешла къ отцу автора, тоже ʿАбдаррахмāну, и, несмотря на зависть и происки со стороны другихъ суфіевъ, онъ ее исполнялъ до самой смерти въ 1071 году[5]). Съ этого же года имāмомъ въ мечети сталъ авторъ—Мухаммедъ ал-Малӣджӣ[6]). Вся жизнь его была связана, повидимому, съ родомъ аш-Шаʿрāнӣ: самъ онъ считалъ себя ученикомъ великаго шейха только черезъ одно звено[7]), свою женитьбу въ 1061 году онъ связываетъ съ желаніемъ

1) Л. 119а: وساذكر لك يا أخي جملة صالحة من أسماء جماعة آخا بينهم سيّدي عبد الوهّاب.

2) Л. 83б: وكان رضي الله عنه يزور مقام جدّي العارف الرّبانيّ والهيكل الصمدانيّ سيّدي عليّ المليجيّ في كلّ سنة قبل زيارة سيّدي أحمد البدويّ رضي الله عنهما.

3) См. ʿАлӣ Мубāракъ, *Китāб-ал-хытат*, 1311, XV, 72 (гдѣ есть, между прочимъ, краткое описаніе *мазāра* ал-Малӣджӣ).

4) О немъ говорится еще на л. 115а.

5) Одинъ разговоръ съ нимъ авторъ приводитъ на стр. 115а.

6) Л. 85б: وامّا العبد الفاني محيي الدين الامام بالمقام الشعرانيّ جامع هذه المناقب الشريفة فإنّي بحمد الله تعالى جلست على اثر والدي وجدّي وفي مرتبتهما بجانب السجادة وأخدم وظائف الزاوية من إمامة وفقهنة وخلافة وغيرها في مدّة سيّدي عبد الحليم الشعرانيّ رحمه الله تعالى في سنة إحدى وسبعين وألف.

7) Л. 117б: وأنا ..... أخذت الطرق كلّها عن شيخنا الشيخ شمس الدين محمّد البقريّ المذكور وهو عن شيخه سيّدي عبد الوهّاب الشعرانيّ الخ.

шейх̮а Йах̣йи[1]), превозноситъ благодѣянія, полученныя отъ шейх̮а ʿАбд-ал-Х̣алӣма даже не задолго до смерти послѣдняго въ 1078 году[2]) и т. д.

Вполнѣ достаточныя свѣдѣнія можно извлечь изъ рукописи и объ исторіи даннаго произведенія. Оно было уже не первымъ, которое авторъ посвятилъ шейх̮у аш-Шаʿрāнӣ. Около 1109/1698 года по просьбѣ вновь назначеннаго правителя Египта Х̣усейна Пāши онъ составилъ небольшое сочиненіе подъ названіемъ (л. 2ᵃ): السرّ الربّانيّ في مناقب الشعرانيّ. Объемъ его былъ около пяти *куррāсовъ*; съ теченіемъ времени у автора накопилось много новыхъ свѣдѣній и онъ составилъ настоящую, болѣе обширную книгу, размѣромъ около двадцати *куррāсовъ*. Писалась она нѣсколько лѣтъ и въ текстѣ имѣются даты 1111/1699 годъ[3]), на ряду съ 1113/1701-мъ[4]). Такимъ образомъ рукопись приблизительно на четверть вѣка моложе сочиненія. Вторымъ названіемъ его, кромѣ приведеннаго въ заглавіи, было краткое المناقب الكبرى, въ параллель къ первому сочиненію, которое называлось المناقب الصغرى. На ряду съ этими произведеніями авторъ цитуетъ довольно часто еще два другихъ: إطلاق اللسان بالتحدّث بنعم الله والإحسان (л. 47ᵇ, 85ᵇ, 93ᵇ) и سرور القلب وقرّة العيون في بيان نسب الأدب لا في نسب الظهور والبطون (л. 36ᵇ, 47ᵇ, 104ᵇ, 118ᵃ). О нихъ можно составить нѣкоторое представленіе по приводимымъ авторомъ ссылкамъ; вліяніе аш-Шаʿрāнӣ сказывается ясно даже въ самыхъ заглавіяхъ.

II.

Свѣдѣнія, приведенныя объ авторѣ и его сочиненіи, съ достаточной ясностью показываютъ, что въ его работѣ мы имѣемъ такой источникъ для біографіи аш-Шаʿрāнӣ, съ которымъ необходимо считаться. Конечно, качественное значеніе матеріала, сообщаемаго имъ, далеко не всегда соотвѣтствуетъ его количеству, но только спеціальное изслѣдованіе можетъ разсортировать всѣ сообщаемыя данныя. Не имѣя въ виду такого изслѣдованія, я ограничусь лишь указаніемъ нѣкоторыхъ деталей, которыя даетъ эта рукопись параллельно съ соотвѣтствующими частями изслѣдованія А. Э. Шмидта.

---

1) Л. 104ᵇ.

2) Л. 106ᵇ. Еще одна дата — 1073 годъ приводится въ разсказѣ на л. 74ᵃ.

3) Л. 96ᵃ: إلى يومنا هذا وهو ثالث عشر جمادى الثاني من شهور سنة احد عشر ومائة وألف (sic!) или 116ᵇ: الموجودين الآن سنة احد عشر ومائة وألف.

4) Л. 96ᵇ: جاءني الشيخ محمّد الشهير بالحلو في يوم السبت ثامن عشر جمادى الثاني من شهور سنة ثلاثة عشر ومائة والف وقال لى في أثناء تاليفي لهذا الكتاب الخ.

Иногда сочиненіе ал-Малӣджӣ содѣйствуетъ разъясненію частностей и уничтожаетъ колебанія, вызванныя въ авторѣ изслѣдованія другими источниками[1]); иногда оно заставляетъ пересмотрѣть нѣкоторыя даты[2]). Гораздо интереснѣе, конечно, тѣ свѣдѣнія, которыя мы впервые получаемъ отъ ал-Малӣджӣ: онъ подробно говоритъ объ отношеніи аш-Шаʿрāнӣ почти ко всѣмъ бывшимъ при немъ правителямъ (л. $85^{б}$ слѣд.), сообщаетъ подробности о его женитьбѣ (л. $76^{б}$—$77^{а}$) и даже наружности, неизвѣстной изъ другихъ источниковъ[3]). Едва ли не самой важной частью въ смыслѣ новизны матеріала слѣдуетъ признать главы о его предкахъ, — среди которыхъ съ особой яркостью выдѣляется недюжинная, повидимому, фигура дѣда, — и особенно потомкахъ, въ видѣ цѣпи, доходящей до времени автора.

Для вопроса о сочиненіяхъ аш-Шаʿрāнӣ рукопись тоже даетъ не мало интереснаго. Помимо полнаго списка его произведеній, значительно превосходящаго существующіе, иногда приводятся цитаты изъ нѣкоторыхъ сочиненій; среди нихъ мы встрѣчаемъ подробности и о такихъ, которыя не извѣстны изъ другихъ источниковъ[4]). Иногда ал-Малӣджӣ удовлетворительно разрѣшаетъ сомнѣнія, остающіяся въ нѣкоторыхъ пунктахъ до сихъ поръ. Для иллюстраціи я ограничусь двумя встрѣтившимися мнѣ примѣрами.

Говоря о сочиненіи аш-Шаʿрāнӣ *ал-Джавāхир ва-д-дурар*, А. Э. Шмидтъ считаетъ[5]) вполнѣ установленнымъ, что оно сохранилось въ трехъ

---

1) О смерти матери аш-Шаʿрāнӣ (Шмидтъ — 14) говорится вполнѣ опредѣленно (л. $21^{а}$); отсутствіе біографіи Х̣ыдра (Шм. 15) объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что онъ былъ مباشر البلد (л. $9^{б}$—$10^{а}$)—быть можетъ то же лицо, какъ и эмӣръ Х̣ыдръ (Шм. 23, прим. 4); жены аш-Шаʿрāнӣ (Шм. 22, прим. 2) перечисляются неоднократно (л. $28^{б}$, $56^{б}$—$57^{а}$); о смерти дѣтей (Шм. 33) тоже есть рѣчь (л. $97^{а}$) и пр.

2) Рожденіе аш-Шаʿрāнӣ относится не къ 898 году (Шм. 14), а къ 899-му (л. $20^{а}$), переселеніе въ Каиръ къ 911-му (л. $20^{б}$); о смерти отца (Шм. 15, прим. 5) говорится неоднократно (л. $14^{б}$, $15^{б}$, $21^{б}$); инцидентъ съ ʿАбд-ал-Ḳāдиромъ (Шм. 23 и 40) переносится въ эпоху Селӣма (л. $78^{б}$, $91^{б}$); дата смерти не 2 джумāдā II (Шм. 38), а 12-го (л. $96^{а}$); смерть сына отнесена не къ концу 1011 года (Шм. 40), а къ началу=14 мух̣аррема (л. $100^{б}$ начало) и т. д.

3) Л. $71^{а}$: وكان رضي الله عنه قصير القامة معتدل السمن فحميّ اللون جميل الصورة أكحل العينين مقوّس الحاجبين آسيل الخدّين مدوّر الوجه أقنى الأنف مدوّر الفم كثّ اللحية المدورة وكانت لحيته رضي الله عنه شيبها نحو ثلثها وكان رضي الله عنه إصبع مسبحته اليمنى فيه أربع عقد دون جميع أصابع يديه وكان رضي الله عنه دائم النظر إلى جهة الأرض لا يرفع بصره إلى السماء من حين أخذ على الصوفيّة.

4) Напримѣръ, تطهير أهل الزوايا من خبائث الطوايا (л. $118^{б}$, $124^{б}$) или «Житіе Абӯ-л-ʿЫмрāна» (л. $4^{а}$: وجدت ذلك أيضا بخطّ سيّدي عبد الوهّاب الشعرانيّ في كتاب له خاصّ بمناقب جدّه الخامس الشيخ موسى أبي العمران وهو كتاب غير كتاب الطبقات).

5) Op. cit., стр. 60.

редакціяхъ, при чемъ меньшая представлена рукописью Азіатскаго Музея[1]). Однако въ этой рукописи послѣ обычнаго вступленія говорится (л. 1[б]): وبعد فهذه أسئلة وأجوبة تحصّلت حالة قراءة الاخوان عليّ في كتب التفسير والحديث والفقه والتصوّف . . . وقد أجبت عنها حسب ما فهمته من قواعد أهل هذه العلوم حال الجواب . . . وسمّيته بالجواهر والدرر الصغرى لكونه قد سبق منّي تأليف جواهر ودرر كبرى نحو مجلّدين ووسطى نحو مجلّد وهذه كالمختصر منهما. Такимъ образомъ, принадлежать къ этой же редакціи сочиненіе не можетъ: оно представляетъ изреченія не ʻАлӣ ал-Х̮аввāс̣а, а самого аш-Шаʻрāнӣ. Равнымъ образомъ, и въ дальнѣйшемъ нѣтъ того раздѣленія на главы, нѣтъ тѣхъ названій, какъ въ двухъ другихъ рукописяхъ. Затрудненіе, однако, не исчерпывается исключеніемъ этой рукописи изъ данной группы: въ приведенномъ предисловіи аш-Шаʻрāнӣ говоритъ, что сочиненіе представляетъ лишь конспектъ изъ двухъ другихъ (бóльшихъ) подъ тѣмъ же названіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что возможно существованіе и второй группы тоже изъ трехъ редакцій; извѣстное подтвержденіе этому и даетъ ал-Малӣджӣ, указывающій въ спискѣ сочиненій, что у аш-Шаʻрāнӣ, кромѣ большой книги *ал-Джāвахир ва-д-дурар*, было еще *шесть* сочиненій подъ тѣмъ же названіемъ, но съ различнымъ планомъ[2]).

Второй примѣръ касается вопроса о времени сочиненія *ал-Мӣзāн-аш-Шаʻрāнӣййа:* однимъ изъ важнѣйшихъ выводовъ въ историко-литературной части изслѣдованія А. Э. Шмидта является установленіе того факта, что оно написано позже *ал-Мӣзāн ал-Х̮ыдрӣййа*[3]). Этимъ достигается извѣстная реабилитація аш-Шаʻрāнӣ противъ Goldziher'а, который на шаткомъ основаніи строилъ свое обвиненіе шейх̮а въ сознательномъ обманѣ читателей. Интересно, что ал-Малӣджӣ не только вполнѣ утвердительно говоритъ о той послѣдовательности, которую устанавливаетъ А. Э. Шмидтъ[4]), но разрѣшаетъ и единственный пунктъ, продолжавшій оставаться неяснымъ. Ign. Goldziher въ одной цитатѣ аш-Шаʻрāнӣ[5]) хотѣлъ видѣть ссылку на главу *ал-Мӣзāн аш-Шаʻрāнӣййа*, а не самостоятельное сочиненіе; А. Э. Шмидтъ справедливо указываетъ, что аш-Шаʻрāнӣ могъ имѣть въ виду и другія свои сочиненія, гдѣ ему приходилось касаться спе-

---

1) № 70 по Notices sommaires барона В. Р. Розена, № 352 по инвентарю.

2) Л. 37[б]: كتاب الجواهر والدرر الكبرى نحو مجلّدين كتاب الجواهر والدرر ستّ مؤلّفات غير الأولى كلّ كتاب منها على غير طريقة الآخر.

3) Стр. 79.

4) См. напр. л. 38[а] (كتاب الميزان الخضريّة وهي أصل الميزان الكبرى والكبرى كالشرح لها) или 76[б].

5) ZDMG — XXXVIII, 680: وقد ألّفت كتابًا في ذمّ الأئمّة كلّهم للرأى.

кулятивнаго метода[1]). Ал-Малӣджӣ (л. 38б) даетъ заглавіе одного сочиненія въ слѣдующемъ видѣ فى ذمّ الرأى وتبرّى الأئمّة المجتهدين منه; близкое совпаденіе съ цитатой не оставляетъ никакихъ колебаній въ томъ, что именно это сочиненіе аш-Шаʿрāнӣ имѣлъ въ виду. Такимъ образомъ, вопросъ рѣшается окончательно, и выводы А. Э. Шмидта подтверждаются вполнѣ.

Приведенныя замѣчанія, не смотря на всю ихъ отрывочность, съ достаточной ясностью должны показать, что описанная рукопись Петроградскаго университа вноситъ иногда въ богатую литературу объ аш-Шаʿрāнӣ новый матеріалъ, представляющій извѣстный интересъ для спеціалистовъ. Опредѣлить достоинство этого матеріала въ его цѣломъ можетъ только детальное изслѣдованіе; лучше всѣхъ къ такому изслѣдованію подготовленъ, конечно, авторъ единственнаго большого труда объ аш-Шаʿрāнӣ.

И. Крачковскій.

Петроградъ.
Ноябрь 1914.

---

1 Стр. 80.

Переводъ одного програмнаго стихотворенія Абӯ-л-ʻАлā.

(Изъ посмертныхъ матеріаловъ барона В. Р. Розена).

Начавъ свою ученую дѣятельность съ работы по арабской поэзіи древняго періода, бар. В. Р. Розенъ болѣе не возвращался къ этой области, если не считать нѣсколькихъ рецензій и этюда объ одномъ стихотвореніи ал-Фераздаḳа[1]). Значительно чаще В. Р. обращался къ болѣе новой поэзіи, гдѣ его вниманіе настойчиво привлекала оригинальная фигура Абӯ-л-ʻАлā[2]). Съ его временемъ совпало появленіе въ Европѣ главныхъ работъ, обратившихъ особое вниманіе на второй періодъ въ творчествѣ поэта, и В. Р., отмѣтивъ появленіе открывшей новый путь работы Kremer'a[3]), посвятилъ спеціальный докладъ изданію *расā'илъ* Абӯ-л-ʻАлā[4]). Въ связи съ этимъ докладомъ онъ заинтересовался стихотвореніемъ, которое дало поводъ перепискѣ о вегетаріанствѣ; ближайшее изученіе его показало, что Ибн-Абӯ-ʻИмрāнъ былъ не вполнѣ неправъ, принявъ стихотвореніе за своеобразное profession de foi и потребовавъ отъ автора нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ разъясненій на основаніи его словъ. Результатомъ этихъ занятій явился послѣдній, прочитанный В. Р. въ Восточномъ Отдѣленіи докладъ (26 апрѣля 1907 г.) подъ заглавіемъ: «Одно програмное стихотвореніе Абӯ-л-ʻАлā»[5]).

Оба этихъ доклада, къ сожалѣнію, не оставили никакихъ слѣдовъ въ печати, кромѣ краткой замѣтки въ протоколахъ, резюмирующей лишь основную идею бар. Розена; повидимому, онъ предполагалъ дать болѣе об-

1) Верблюдъ или ведро — ЗВО. XVII, 1906, 031—048.

2) Ср. краткое замѣчаніе уже въ первомъ томѣ ЗВО., стр. 327.

3) ЗВО. IV, 1889, стр. 150 (краткая характеристика Абӯ-л-ʻАлā и сопоставленіе съ ал-Бӣрӯнӣ).

4) 23 октября 1903 г. (ЗВО. XVI, стр. XIV).

5) ЗВО. XVIII, стр. IX.

щій очеркъ объ Абӯ-л-ʻАлā, для котораго въ свободныя минуты любилъ перечитывать его *ал-Лузӯміййāт*, и поэтому не считалъ нужнымъ обрабатывать окончательно своихъ частичныхъ сообщеній. Ихъ приходится считать погибшими; если отъ нихъ и сохранились какіе-либо слѣды, то, вѣроятно, въ видѣ неудобочитаемыхъ конспектовъ или тѣхъ voces memoriales, которыми В. Р. такъ любилъ испещрять бѣлые листы книгъ въ своей библіотекѣ.

По счастливой случайности въ принадлежавшемъ бар. В. Р. Розену экземплярѣ каирскаго изданія *ал-Лузӯміййāт* 1) сохранился переводъ того стихотворенія, которому былъ посвященъ его послѣдній докладъ. Переводъ данъ въ видѣ двухъ версій, какъ его и читалъ В. Р.—прозаической, съ сохраненіемъ обычнаго порядка стиховъ, и метрической, съ расположеніемъ ихъ «въ болѣе соотвѣтствующемъ нашему образу мыслей порядкѣ» 2). Такъ какъ этотъ переводъ представляетъ, быть можетъ, все, что осталось отъ послѣдняго доклада долголѣтняго редактора «Записокъ Восточнаго Отдѣленія», то мнѣ казалось желательнымъ опубликовать его на страницахъ основаннаго имъ органа. Конечно, переводъ этотъ носитъ нѣкоторые слѣды недодѣланности; въ особенности это нужно сказать о метрической версіи, гдѣ не только мѣстами замѣтна шероховатость слога, но даже размѣръ не выдержанъ или двустишіе не разбито точно на двѣ части. Вѣроятно, В. Р. оставилъ переводъ безъ окончательной отдѣлки, не предполагая видѣть его въ печати; исправлять этотъ переводъ въ настоящее время едва ли кто-либо рѣшится, и поэтому я ограничиваюсь точной передачей автографа съ указаніемъ всѣхъ сдѣланныхъ въ немъ В. Р. измѣненій. Несомнѣнно, что переводъ и въ настоящее время сохраняетъ свое научное значеніе, такъ какъ не только на русскомъ, но и на западно-европейскихъ языкахъ (насколько мнѣ извѣстно) нѣтъ передачи этого произведенія полностью 3). При такихъ условіяхъ, всѣмъ, интересующимся фигурой Абӯ-л-ʻАлā, будетъ полезно ознакомиться съ тѣмъ, какъ понималъ его своеобразное credo одинъ изъ виднѣйшихъ арабистовъ послѣдняго времени.

---

1) Находится теперь въ Семинаріи Восточныхъ Языковъ имени бар. В. Р. Розена при Факультетѣ Восточныхъ Языковъ Имп. Петроградскаго Университета.

2) Ср. формулировку въ протоколѣ засѣданія — ЗВО. XVIII,ix.

3) Kremer далъ переводъ ст. 1—14 въ своей статьѣ Ibn Chaldun und seine Culturgeschichte der islamischen Reiche, Wien 1879 (оттискъ изъ SBWA), стр. 43—44; отдѣльные стихи, цитующіеся въ перепискѣ о вегетаріанствѣ, переведены у Margoliouth'а въ JRAS, XXXIV, 1902 (ст. 1: стр. 313, 315, 324, 317—первое полустишіе; ст. 2—4: стр. 324 и ст. 5: стр. 325) и Salmon, Un précurseur d'Omar Khayyam. Le poète aveugle Aboû'l-'Alâ 'Al-Ma'arri, Paris 1904 (ст. 1: стр. 53, 112, 122; ст. 2: стр. 42, 122; ст. 3: стр. 122—123; ст. 4—5: стр. 124).

Къ переводу бар. В. Р. Розена я присоединилъ для наглядности и текстъ стихотворенія. Кромѣ бомбейскаго и каирскаго изданія «*Лузӯм мā лā йалзам*» оно было опубликовано уже Kremer'омъ[1]): источникъ имъ точно не названъ, но можно предполагать, что таковымъ является принадлежавшая ему рукопись[2]), такъ какъ бомбейское изданіе вышло позже[3]). Если при наличіи работы Kremer'а я еще разъ издаю текстъ, то объясняется это тѣмъ, что я могъ воспользоваться великолѣпной лейденской рукописью (Cod. Golius 100), писанной до 496/1102—1103 года знаменитымъ филологомъ Ибн-ал-Джавāлӣкӣ подъ руководствомъ любимаго ученика Абӯ-л-ʿАлā литератора ат-Тибрӣзӣ[4]). Кромѣ нея мною использованы изданія Kremer'а и каирское; изъ другихъ рукописей я привлекъ сборникъ Петроградской Публичной Библіотеки Dorn 231, къ которому мнѣ приходилось обращаться неоднократно въ работахъ надъ произведеніями Абӯ-л-ʿАлā[5]). Въ имѣющихся здѣсь извлеченіяхъ изъ *Лузӯм мā лā йалзам* помѣщены (л. 133ᵃ) четыре стиха (8, 9, 10, 13) издаваемаго произведенія съ цѣнными иногда варіантами. Рукопись Азіатскаго Музея № 286 лишній разъ подтвердила слова бар. Розена о непригодности ея для научнаго изданія дӣвāна[6]): она даетъ (л. 11ᵃ) только ст. 1 и 9, но и то съ сильными искаженіями. Небольшая рукопись Петроградскаго университета, содержа-

1) Op. cit. стр. 60—61. Первые пять стиховъ приведены еще Margoliouth'омъ, op. cit. (ст. 1: стр. 293, 295, 303, 310, 297—первое полустишіе; ст. 2: стр. 303, 310; ст. 3—5: стр. 304).

2) Ср. ZDMG — XXIX, 1876, стр. 304. (Рукопись представляетъ современную копію, снятую для Kremer'а съ каирскаго оригинала 639 г. х., и теперь находится въ Британскомъ Музеѣ. См. Rieu, Supplement to the catalogue of the arabic Mss., London 1894, стр. 664, № 1050. Едва ли не по оригиналу этой копіи исполнено каирское изданіе, хотя датой тамъ названъ 633 годъ. См. *ал-Лузӯмӣййāт* — I, 4).

3) См. его же Über die philosophischen Gedichte des Abul'alâ Ma'arry, Wien 1888, стр. 2, прим. 1 и стр. 92.

4) Подробное описаніе ея см. Catalogus² — I, 400—402, № 612 (Kremer сталъ пользоваться этой рукописью значительно позже своего этюда объ Ибн-Халдӯнѣ ок. 1884 г. См. ZDMG—XXXVIII, 501 прим. 1). Ближайшей цѣлью моего знакомства (лѣтомъ 1914 года) съ лейденскимъ спискомъ было не это стихотвореніе, а общая провѣрка каирскаго изданія *ал-Лузӯмӣййāт*, редактированнаго тѣмъ же лицомъ, что и безобразное изданіе дӣвāна Ибн-ал-Муʿтазза. (Ср. мою работу Абӯ-л-Фараджъ ал-Ваʾвā дамасскій, Н. 1914, стр. 79, прим. 2). Къ счастью оказалось, что оно исполнено значительно удовлетворительнѣе: число варіантовъ, конечно, очень велико, въ изданіи встрѣчаются невѣрно прочитанныя слова и очень часто невѣрно разставлены *харакāты*, но такихъ искаженій, какъ въ дӣвāнѣ Ибн-ал-Муʿтазза, въ видѣ пропуска цѣлыхъ произведеній, перепутыванія строкъ и т. д., въ сличенныхъ частяхъ я не замѣтилъ. Комментарій издателя требуетъ, конечно, очень осторожнаго отношенія.

5) ЗВО. XXI, 1913, 0132 слѣд. XXII, 1914, 233 слѣд.

6) Notices sommaires, стр. 236.

щая извлеченія изъ Абӯ-л-ʿАлā[1]), заключаетъ только риѳмы на *бā* и *тā* и этого стихотворенія не даетъ[2]).

Текстъ[3]).

وقال مع الهمزة الّتي تصوّر ياءًا والطويل الثاني[4]

١ غَدَوْتَ[5] مَرِيضَ ٱلْعَقْلِ وَٱلدِّينِ فَٱلْقَنِي * لِتَسْمَعَ[6] أَنْبَاءَ[7] ٱلْأُمُورِ[8] ٱلصَّحَائِحِ
٢ فَلَا تَأْكُلَنْ مَا أَخْرَجَ ٱلْمَاءُ ظَالِمًا * وَلَا تَبْغِ قُوتًا مِنْ غَرِيضِ ٱلذَّبَائِحِ
٣ وَأَبْيَضَ[9] أُمَّاتٍ أَرَادَتْ صَرِيحَهُ * لِأَطْفَالِهَا دُونَ ٱلْغَوَانِي ٱلصَّرَائِحِ
٤ وَلَا تَفْجَعَنَّ ٱلطَّيْرَ وَهْيَ غَوَافِلٌ * بِمَا وَضَعَتْ فَٱلظُّلْمُ شَرُّ ٱلْقَبَائِحِ
٥ وَدَعْ ضَرَبَ ٱلنَّحْلِ ٱلَّذِي بَكَرَتْ لَهُ * كَوَاسِبَ[10] مِنْ أَزْهَارِ نَبْتٍ فَوَائِحِ
٦ فَمَا أَحْرَزَتْهُ كَيْ يَكُونَ لِغَيْرِهَا * وَلَا جَمَعَتْهُ لِلنَّدَى وَٱلْمَنَائِحِ
٧ مَسَحْتُ يَدِي مِنْ كُلِّ هَذَا فَلَيْتَنِي * أَبَهْتُ[11] لِشَأْنِي قَبْلَ شَيْبِ ٱلْمَسَائِحِ
٨ بَنِي زَمَنِي هَلْ تَعْلَمُونَ سَرَائِرًا * عَلِمْتُ بِهَا لَاكِنَّنِي[12] غَيْرُ بَائِحِ
٩ سَرَيْتُمْ[13] عَلَى غَيٍّ فَهَلَّا ٱهْتَدَيْتُمُ * بِمَا حَدَّثَتْكُمْ[14] صَافِيَاتُ ٱلْقَرَائِحِ
١٠ وَصَاحَ بِكُمْ دَاعِي ٱلضَّلَالِ فَمَا لَكُمْ * أَجَبْتُمْ عَلَى[15] مَا خَيَّلَتْ كُلُّ صَائِحِ
١١ مَتَى مَا كُشِفْتُمْ[16] عَنْ حَقَائِقِ دِينِكُمْ * تَكَشَّفْتُمُ عَنْ مُخْزِيَاتِ ٱلْفَضَائِحِ

---

1) См. Списокъ etc. — ЗВО. III, 215 № 863.

2) Писана она, повидимому, европейскимъ почеркомъ и не можетъ представлять особаго значенія.

3) Сокращенія въ примѣчаніяхъ: Л = лейденская рукопись, П[1] = рукопись Публичной Библіотеки, П[2] = рукопись Азіатскаго Музея, К = каирское изданіе, Kr = изданіе Kremer'a, Mr = стихи изданные Margoliouth'омъ. (Бомбейскимъ изданіемъ я не имѣлъ возможности пользоваться). Въ привлеченныхъ мною источникахъ довольно отчетливо выступаютъ двѣ группы: изданіе Kr совпадаетъ съ К, а П[1] съ Л. Лучшія чтенія даютъ послѣднія, почему они и положены въ основу.

4) Заглавіе дано по Л. 5) К и Kr غَدَوْتُ П[2] غدرت 6) Mr 293 لِتَخْبُرَ; 295, 303 и 310 لِتَعْلَمَ 7) К опечатка ابناءَ 8) Mr 293 и 310 العُقُولِ 9) К и Kr وَلَا تَبْضَ 10) Mr كَوَاسِبُ 11) Sic Л и П[1]; К и Kr ابِهْتُ 12) Sic Л и П[1]; К и Kr وَلَكِنِّى بِهَا 13) П[2] شَرِيتم (!). 14) К и Kr خَبَّرَتْكُمْ. 15) П[1] إِلَى 16) Какъ видно изъ перевода, бар. В. Р. Розенъ читалъ كَشَفْتُمْ.

١٢ فَإِنْ تَرْشُدُوا لَا تَخْضِبُوا ٱلسَّيْفَ مِنْ دَمٍ * وَلَا تُلْزِمُوا ٱلْأَمْيَالَ سَبْرَ ٱلْجَرَائِحِ
١٣ وَيُعْجِبُونِي دَأْبُ ٱلَّذِينَ تَرَهَّبُوا سِوَى أَكْلِهِمْ كَدَّ ٱلنُّفُوسِ ٱلشَّحَائِحِ
١٤ وَأَطْيَبُ مِنْهُمْ مَطْعَمًا فِي حَيَاتِهِ * سُعَاةُ حَلَالٍ بَيْنَ غَادٍ وَرَائِحِ
١٥ فَمَا حَبَسَ ٱلنَّفْسَ ٱلْمَسِيحُ تَعَبُّدًا * وَلٰكِنْ مَشَى فِي ٱلْأَرْضِ مِشْيَةَ سَائِحِ
١٦ يُغَيِّبُنِي فِي ٱلتُّرْبِ مَنْ هُوَ كَارِهٌ * إِذَا لَمْ يُغَيِّبْنِي كَرِيهُ ٱلرَّوَائِحِ
١٧ وَمَنْ يَتَوَقَّى أَنْ يُجَاوِرَ أَعْظُمًا * كَأَعْظُمِ تِلْكَ ٱلْهَالِكَاتِ ٱلطَّرَائِحِ
١٨ وَمِنْ شَرِّ أَخْلَاقِ ٱلْأَنِيسِ وَفِعْلِهِمْ * خُوَارُ ٱلنَّوَاعِي وَٱلْتِدَامُ ٱلنَّوَائِحِ
١٩ وَأَصْفَحُ عَنْ ذَنْبِ ٱلصَّدِيقِ وَغَيْرِهِ * لِسُكْنَايَ بَيْتَ ٱلْحَقِّ بَيْنَ ٱلصَّفَائِحِ
٢٠ وَأَزْهَدُ فِي مَدْحِ ٱلْفَتَى عِنْدَ صِدْقِهِ * فَكَيْفَ قَبُولِي كَاذِبَاتِ ٱلْمَدَائِحِ
٢١ وَمَا زَالَتِ ٱلنَّفْسُ ٱللَّجُوجُ مَطِيَّةً * إِلَى أَنْ غَدَتْ إِحْدَى ٱلرَّذَايَا ٱلطَّلَائِحِ
٢٢ وَمَا يَنْفَعُ ٱلْإِنْسَانَ أَنَّ غَمَائِمًا * تَسُحُّ عَلَيْهِ تَحْتَ إِحْدَى ٱلضَّرَائِحِ
٢٣ وَلَوْ كَانَ فِي قُرْبٍ مِنَ ٱلْمَاءِ رَغْبَةٌ * لَنَافَسَ نَاسٌ فِي قُبُورِ ٱلْبَطَائِحِ

Переводъ А.

1. Ты сталъ больнымъ[1]) въ вѣрѣ и разумѣ? Иди ко мнѣ, дабы услышать вѣсти объ[2]) истинѣ!

2. Не ѣшь[3]) грѣховно того, что выбрасываетъ вода, и не ищи себѣ пищи въ свѣжемъ мясѣ заколотыхъ животныхъ,

3. ни въ бѣломъ (молокѣ) матокъ, чистую влагу[4]) котораго онѣ назначили для своихъ дѣтенышей, а не для бѣлолицыхъ пѣвицъ-рабынь[5]).

---

1) Согласно съ принятымъ имъ варіантомъ Kremer переводитъ: «Siech *bin ich* ....» Допущенное имъ чтеніе окончательно устраняется перепиской о вегетаріанствѣ Абӯ-л-ʿАлā.

2) Послѣ этого слова въ оригиналѣ зачеркнуто «истинныхъ».

3) Зачеркнуто «будучи».

4) Зачеркнуто «матерей, лучшую часть».

5) Kremer даетъ совершенно невозможный переводъ: «Auch nicht die Eier der Bruthenne, deren Dotter ihr soll die Küchlein nähren, nicht aber die schönen Frauen». Объясняется онъ принятымъ имъ чтеніемъ ولا بَيْض вмѣсто وابيض; однако, противъ этого говоритъ не только рядъ натяжекъ въ дальнѣйшемъ переводѣ, но и вполнѣ опредѣленныя слова Абӯ-л-ʿАлā въ перепискѣ о вегетаріанствѣ (стр. 304) والمراد بالأبيض اللبن.

4. И не нападай въ расплохъ на птицъ, безпечно сидящихъ надъ тѣмъ что онѣ снесли; ибо насиліе — худшее изъ золъ.

5. И оставь медъ пчелъ, который онѣ старательно добываютъ съ ранняго утра въ цвѣткахъ пахучихъ растеній;

6. ибо не для чужихъ берегутъ онѣ его и не собираютъ его для щедрой раздачи и для подарковъ.

7. Я умылъ свои руки отъ всего этого; о если бы я понялъ свое дѣло раньше чѣмъ посѣдѣли мои кудри!

8. О сыны [1]) моего времени! Знаете ли вы тайны, которыя я знаю, но не разглашаю [2]) (всѣмъ).

9. Вы блуждали въ потемкахъ! Отчего вы не руководились тѣмъ, что вамъ подсказывали ваши чистые порывы? [3]).

10. Вамъ кликнулъ кличъ проповѣдникъ заблужденія — отчего вы отзывались [4]) на голосъ всякаго крикуна не смотря на голосъ души? [5]).

11. Когда вы раскроете самую суть [6]) вашей вѣры, вы откроете [7]) ведущія къ позору мерзости [8]).

12. А [9]) если вы пойдете [10]) по прямому пути, то не обагряйте [11]) мечей кровью, и не заставляйте зондъ врача [12]) постоянно измѣрять глубину раны.

---

1) Зачеркнуто «дѣти».

2) Зачеркнуто «разглашу».

3) У Kremer'а сомнителенъ переводъ конца стиха: «.... durch die Verkündungen der *erleuchteten Männer*».

4) Зачеркнуто «отозвались».

5) У Kremer'а менѣе точно: «.... dass ihr willig folget *in dem*, *was* sie da vorspiegelt, jedem Rufer». Въ экземплярѣ اللزوميّات, принадлежавшемъ бар. В. Р. Розену, противъ этого стиха сноска «Cf. Meidani II, 94». Цитата относится къ изданію Freytag'а, Arabum proverbia, Bonnae 1838—1843, гдѣ обстоятельно разъясняется (II, 93—94) пословица, которая можетъ допускать два чтенія على ما خَيَّلَتْ съ приблизительнымъ значеніемъ «во что бы то ни стало» или «что бы то ни было». Ср. еще Lane, Lexicon—II, 833 (s. v. خيّل). Варіантъ рук. II¹ إلى вызванъ, повидимому, попыткой осмыслить непонятное выраженіе.

6) Первоначально было «разберетесь въ самой сути».

7) На поляхъ اللزوميّات у бар. В. Розена ссылка «= تفرق Tab. Gl.», на которой онъ основывалъ свое первоначальное пониманіе этого мѣста. (См. Tabari, ed. M. J. de Goeje. glossarium — CDLIII: «كشف V discesserunt 163,17 ubi IA V, 396,2 substituit تفرّق»).

8) Первоначально было «разбредетесь, уходя отъ постыднаго позора». Во второй редакціи сперва было «откроете позорящія мерзости». У Kremer'а переводъ точенъ: «Würden euch enthüllt die Wahrheiten eurer Religion, so würdet ihr entdecken den schmählichsten Missbrauch».

9) Зачеркнуто «и».

10) Зачеркнуто «идете».

11) Зачеркнуто «окрашивайте».

12) Зачеркнуто «хирурга». У Kremer'а странное объясненіе предшествующаго слова: «.... und senkt nicht die Sonden (d. i. *die Lanzen*) in die Tiefe der Wunden».

13. Мнѣ нравится правъ тѣхъ, кто произнесъ монашескій обѣтъ, исключая только то, что они ѣдятъ трудъ алчущихъ достатка душъ.

14. Похвальнѣе ихъ по пищѣ тѣ, кто всю жизнь свою съ утра до вечера [1]) трудится, добывая [2]) закономъ дозволенное.

15. И Мессія вѣдь не запиралъ себя для служенія [3]) Богу, а ходилъ по землѣ, какъ ходитъ всякій.

16. Меня скроетъ въ землѣ [4]) тотъ, кому это противно, если меня не скроетъ противная по запаху гіена.

17. И кто [5]) найдетъ защиту отъ сосѣдства съ костями, подобными массѣ [6]) тѣхъ истлѣвшихъ брошенныхъ [7]).

18. И къ худшимъ обычаямъ и дѣяніямъ людей принадлежатъ завыванія вѣстниковъ смерти и біеніе себя по груди и лицу плакальщицъ.

19. И я прощаю грѣхъ друга моего и недруга, потому что стану обитателемъ дома правды среди могильныхъ плитъ.

20. И воздерживаюсь я отъ восхваленія даже достойнаго. Какъ же я самъ могу принимать лживыя похвалы?

21. Душа не перестаетъ быть верховымъ дромадеромъ до тѣхъ поръ, пока она не станетъ похожей на изнуреннаго отставшаго (отъ каравана) верблюда [8]).

22. И когда человѣкъ лежитъ подъ одной изъ плитъ, не приноситъ ему пользы дождь, льющійся на него изъ тучи.

23. И если бы живительна была близость воды, то люди стали бы ссориться изъ-за мѣстъ въ болотахъ.

Переводъ Б.

1(1) Помутились и умъ вашъ и вѣра! — Ко мнѣ
Приходите за вѣстью объ истинѣ.

---

1) Зачеркнуто «утромъ и вечеромъ».

2) Зачеркнуто «законную».

3) Зачеркнуты двѣ редакціи: отъ первой только начало «замкнулся въ», вторая «велъ затворническую жизнь, предаваясь поклоненію».

4) Ср. I, 57,5 (وَغُيِّبَتُ فى التراب), 85,4 (وقد غيّبونى), 127 ult. (إِذا غيّبونى), II, 358 (متى انا فى هذا التراب مغيّب).

5) Зачеркнуто неразборчивое слово, повидимому, «станетъ».

6) Зачеркнуто «тѣмъ костямъ тѣхъ истлѣвшихъ брошенныхъ (тѣлъ)». Дальше зачеркнуты неразобранныя слова.

7) На поляхъ اللزوميّات у бар. В. Р. Розена ссылка «الطرائح cf. 231 مطروحا». (Въ подлинникѣ стихъ 231,3 имѣетъ слѣдующій видъ:

الـوحـش والطير اولى ان تنازعني * فـغـادرانـي بظهر الارض مطروحا

Ср. еще I, 185,4 сн. طريح الجسم).

8) Ср. II, 262,12 وراحلتي نفس خؤون.

2(8) Дѣти вѣка! Не знали вы тайну мою
Ибо тайну свою я не всѣмъ разглашу.
3(9) Вы во мракѣ блуждали! И что-жъ? для пути
Вы вождемъ не избрали порывы[1]) души!
4(10) И вамъ кликнулъ кличъ проповѣдникъ лжи...
Заглушивъ совѣсть, всѣ вы за нимъ пошли!
5(11) Но когда вашей вѣры раскроется суть,
Вы ко лжи и позору откроете[2]) путь!
6(12) Ибо если по правдѣ хотите вы жить,
Не давайте мечамъ вашу волю рубить,
Дабы раны не вѣчно хирургу лечить.
7(2) И не ѣшьте, грѣховно, ни твари морской[3]),
Ни[4]) животныхъ, ведомыхъ для васъ[5]) на убой[6]).
8(3) И не пей молока; для дѣтенышей мать
Бережетъ его; грѣхъ вамъ его отнимать[7]).
9(4) И не вспугивай птицъ, стерегущихъ гнѣздо!
Не забудь, что насиліе — худшее зло!
10(5) И оставь медъ; съ[8]) душистаго сада цвѣтка
Его утромъ, трудясь, собираетъ пчела.
11(6) И себѣ она копитъ его, не другимъ,
Не на пищу, ни-же на усладу чужимъ.
12(7) Я отъ этихъ грѣховъ ужъ давно отсталъ —
О если бъ я раньше всю правду позналъ!
13(13) Хвалю я воздержность монаховъ, но вотъ —
Кормить ихъ трудящійся долженъ народъ!
14(14) И много похвальнѣе тотъ проживетъ,
Кто вѣкъ свой въ упорномъ трудѣ проведетъ.

---

1) Зачеркнуто «порывовъ».
2) Зачеркнуто «раскроете».
3) Зачеркнуто «тварь водяную».
4) Зачеркнуто «мяса».
5) Зачеркнуто «людьми».
6) Зачеркнуто «заколотыхъ всуе».
7) Первоначальная редакція:

«И не пейте струящейся влаги сосцовъ.
Для дѣтей она, не для чужихъ сосуновъ!».

На другой страницѣ записанъ еще одинъ варіантъ:

«Самокъ бѣлую влагу оставьте; она
Для дѣтенышей ихъ, не для блудницы рта».

(Предпослѣднее слово вмѣсто зачеркнутаго «дѣвушекъ»).
8) Передъ этимъ зачеркнуто «вѣдь».

15(15) Вѣдь не жилъ и Мессія, молясь, за стѣной!
Нѣтъ, ходилъ по землѣ онъ, какъ всякій другой!
16(20) Я не буду достойныхъ хвалы прославлять,
Но[1]) и голосу лести не стану внимать.
17(19) Я прощаю грѣхи вамъ, враги и друзья!
Средь могилъ въ домѣ[2]) правды обитель моя.
18(21) О! Строптива душа, какъ верблюдъ верховой[3]) —
Истомилась въ пути какъ[4]) верблюдъ отсталой!
19(16) Въ ямѣ скроетъ меня тотъ, кто туда же пойдетъ,
Иль гіена вонючая трупъ мой сожретъ.
20(17) Отъ сосѣдства костей, кто себя защититъ?
Межъ истлѣвшими трупами кто не лежитъ?
21(18) Какъ глупо при вѣсти о смерти рыдать,
Завывать и лицо или грудь[5]) раздирать.
22(22) Безполезно о влагѣ небесной молить,
Для могильной плиты орошенья просить.
23(23) Для могилъ если близости влаги желать
За болота пришлось бы намъ кровь проливать.

Наиболѣе сильныя колебанія въ буквальномъ пониманіи вызывалъ у бар. В. Р. Розена стихъ 11, какъ это видно по приведеннымъ варіантамъ перевода и какъ я помню по нашимъ бесѣдамъ до и послѣ доклада. Для иллюстраціи его анализа я позволю себѣ привести отрывокъ изъ письма В. Р. ко мнѣ (отъ 5 іюля 1907 года), гдѣ онъ детально разбираетъ, между прочимъ, сообщенный мною для параллели стихъ изъ дӣвāна Абӯ-Новāса[6]). (Орѳографію и пунктуацію письма я, конечно, сохраняю).

«За стихъ Абу Нуваса очень благодарю: онъ совершененъ и по мысли и по формѣ. Но къ употребленію слова تكشّف у Абу-л-Алā отношенія не имѣетъ. Вы очевидно переводили его себѣ такъ:

когда смышленый испытаетъ *дунью*, она раскроетъ ему (или откроетъ ему) врага въ одеждѣ друга.

---

1) Зачеркнуто «Я не стану».
2) Зачеркнуто «будетъ».
3) Зачеркнуто «сердце — дромадеръ молодой».
4) Зачеркнуто «истомится — и вотъ онъ».
5) Зачеркнуто «или громко ревѣть и лицо».
6) Каирское изд. 1898 г. стр. 192,3 сн.:

إذا امتحن الدنيا لبيب تكشّفت * له عن عدوّ في ثياب صديق

Что Вы такъ переводили, я заключаю изъ того, что Вы пишете: «мнѣ кажется, что и по этому примѣру значеніе تكشف аналогично съ كشف, а не разбѣжаться, какъ у Табари». Конечно о «разбѣжаться» тутъ не можетъ быть рѣчи, потому что этимъ полезнымъ иногда дѣломъ могутъ заниматься всегда только многіе, а никакъ не одна *дунья*. Въ стихѣ же Абу-л-Алā подлежащее одно и то же въ обоихъ полустишіяхъ, т. е. множ. ч. *вы*. Изъ всего этого слѣдуетъ, что у Абу-Нуваса تكشّف сохраняетъ первоначальное, возвратное значеніе и предлогъ عن указываетъ на то, что при этомъ обнаруживается нѣчто, дотолѣ скрытое. Такимъ образомъ стихъ долженъ быть переведенъ тако:

«когда смышленый испытаетъ *дунью* она раскрывается (=раскрываетъ себя) ему, показывая врага въ одеждѣ друга».

Т. е. она сама и есть фальшивый другъ. — Конечно, этотъ смыслъ можно натянуть и при Вашемъ (предполагаемомъ) переводѣ, но онъ тамъ не столь обязателенъ, ибо допустимъ также и другой, а именно, что по испытаніи *дуньи* человѣкъ научается отличать вообще истинныхъ друзей отъ мнимыхъ и узнавать враговъ подъ маской друзей. — Во всякомъ же случаѣ стихъ Абу-Нуваса даетъ глаголъ تكشف въ *обыкновенномъ* значеніи, а не въ томъ, въ какомъ онъ, повидимому, стоитъ у Абу-л-Алā въ стихѣ:

متى ما كشفتم عن حقايق دينكم * تكشّفتمُ عن مُخْزيات الفضايح

Къ этому употребленію гораздо ближе подходитъ стихъ Мутанаббія, который Вы мнѣ раньше указали[1]).—Я теперь склоненъ думать, что и у Абу-л-Алā надо تكشّفتم принять въ обыкновенномъ смыслѣ. Тогда мы получимъ для сего стиха столь глубокій смыслъ «что провалимся въ него», какъ говорятъ про глубокомысленнаго нѣмца. Получаемъ мы именно вотъ что:

«Когда Вы раскроете самую суть вашей вѣры, то раскроете самихъ себя, обнаруживая при этомъ (всякія) позорныя мерзости (Вашихъ душъ).

Т. е. Вы сами для себя сочинили тѣ вѣрованія, которыя Вы выдаете за откровенія свыше. — Но я немножко колеблюсь, такъ какъ Абу-л-Алā все таки былъ прежде всего риѳмоплетъ и филологъ и ввиду этого, быть можетъ правильнѣе предположить, что онъ просто употребилъ كشف V вм. كشف I изъ за филологическихъ соображеній, въ которыя я пока входить не буду».

---

1) Если память меня не обманываетъ, я обратилъ вниманіе В. Р. на полустишіе (изд. Dieterici, стр. 183 ult.) متكشّفًا لعداته عن سطوة, гдѣ особенно характерно замѣчаніе ал-Вāхыдӣ: يقال كشّفته فتكشّف والمعنى انّه يظهر للأعداء سطوة

Мнѣ кажется, что чтеніе лейденской рукописи, оставшееся неизвѣстнымъ В. Р., въ значительной мѣрѣ облегчаетъ затрудненіе: страд. зал. كُشِفْتُمْ на ряду съ дѣйствительнымъ تَكَشَّفْتُمْ даетъ излюбленную Абӯ-л-ʿАлā игру формъ и при наличіи ея едва ли надо еще искать игры значеній. Что касается «филологическихъ соображеній», на которыя намекаетъ В. Р., то, насколько я могу судить по позднѣйшимъ бесѣдамъ съ незабвеннымъ учителемъ, онъ разумѣлъ стремленіе Абӯ-л-ʿАлā соединять въ одномъ стихѣ слова *одного* корня съ *разнымъ* значеніемъ. Примѣры этого имѣются и въ данномъ произведеніи (ст. 3 الصرائح — صريحه, 7 المسائح — مسحت, 16 كاره — كريه, 19 الصفائح — صفح), но это, конечно, не всегда обязательно, какъ видно по другимъ стихамъ (напр. 10 صائح — صاح, 20 المدائح — مدح). Пессимистическое замѣчаніе В. Р. о «риѳмоплетствѣ» Абӯ-л-ʿАлā, объясняется не разъ высказывавшимся имъ соображеніемъ о томъ, что, быть можетъ, въ Абӯ-л-ʿАлā надо видѣть не столько мыслителя, сколько филолога, у котораго стремленіе къ реторическимъ фокусамъ вызываетъ (иногда помимо его воли) кажущіяся намъ оригинальными мысли. В. Р. часто говорилъ, что Абӯ-л-ʿАлā не избралъ бы для своихъ *ал-Лузӯмійӣāт* столь вычурной и изысканной формы, если бы идеи произведенія стояли для него на первомъ планѣ. والله أعلم

И. Крачковскій.

II. Декабрь 1914.

Восточныя рукописи въ Ферганской области[1]).

Въ прошломъ 1913 году осенью, отправляясь въ Кокандъ по своимъ частнымъ дѣламъ, я по ходатайству проф. Н. Ѳ. Катанова получилъ отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ порученіе собирать свѣдѣнія о восточныхъ рукописяхъ. Въ короткій срокъ поѣздки (3 мѣсяца) я могъ только просмотрѣть нѣкоторыя восточныя рукописи по исторіи и литературѣ Средней Азіи, встрѣчавшіяся мнѣ въ городахъ Ферганы или по дорогѣ въ нее.

1.

Въ Кокандѣ я разсмотрѣлъ собраніе рукописей знакомаго мнѣ уже въ Казани туземца Юнусъ-Джанъ-Дадха-Мухаммедова. Изъ принадлежащихъ ему рукописей, довольно многочисленныхъ, наибольшій интересъ представляютъ слѣдующія:

1) كتاب فى الطبّ, соч. جنيل الله (?) حاذق, составлено въ честь кокандскаго хана Омара (1817—1822); въ предисловіи авторъ перечисляетъ достоинства своего хана.

2) وديعة الوقايع (извѣстно также подъ заглавіемъ بدائع الوقايع, см. ЗВО XV, 216), сочиненіе زين الدين محمود بن عبد الجليل الواصفى. Старая и полная рукопись.

3) تاريخ بدخشان, сочиненіе ميرزا سنك محمد بدخشى. Авторъ даетъ довольно подробныя свѣдѣнія о замѣчательныхъ личностяхъ и событіяхъ въ Бадахшанѣ, начиная съ 1068 = 1657/8 года и кончая 1223=1808/9 годомъ.

4) انساب السلاطين وتواريخ الخواقين, соч. ملا ميرزا عالم ولد ملا رحيم تاشكندى. Исторія Кокандскаго ханства до покоренія Ферганы русскими.

---

1) Читано, въ видѣ отчета о командировкѣ въ Фергану, на засѣданіи Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Каз. Университетѣ отъ 20-го апрѣля 1914 г. Статью проредактировалъ для печати В. В. Бартольдъ.

Авторъ подробно описываетъ жизнь послѣдняго хана Худаяра и горе, постигшее его народъ послѣ изгнанія его и завоеванія края русскими. Среди своихъ источниковъ мулла Мирза-Алимъ указываетъ на книгу نسب نامهٔ اوزبکیه; но что это за книга, мы не знаемъ; можетъ быть она тождествена съ книгой того же названія, указанной уже Ханыковымъ въ его «Описаніи Бухарскаго ханства» (стр. 58).

5) تواریخ منظومه, сочиненіе ملّا علی قاری قندوزی, исторія Кокандскаго ханства или, вѣрнѣе, собраніе хронограммъ, касающихся этой исторіи, именно событій съ 1238 = 1822 г., т. е. со смерти Омаръ-хана, до 1283 = 1866/7 года. Въ началѣ сочиненія авторъ называетъ себя هذا الفقیر المستغفر الی الله الغنی المسمّی بامام علی القندزی المشتهر فی اللاشعار بکامی и говоритъ о составленіи имъ сборника хронограммъ до 1264 = 1848 г., но въ дѣйствительности книга доведена до 1283 г., года смерти автора, включительно. Въ концѣ, стр. 163—166, прибавлена хронологія событій, происшедшихъ послѣ смерти автора; авторъ этого дополненія намъ неизвѣстенъ.

6) منتخب التواریخ, исторія Кокандскаго ханства, соч. حاجی محمد حکیم خان توره بن سیّد معصوم خان. Полный экземпляръ въ двухъ томахъ, списанный съ автографа, принадлежащаго народному судьѣ въ Кокандѣ Махмудъ-Махдуму. Ср. ЗВО XV, 218.

7) ضیاء القلوب, жизнеописаніе ходжи Исхака († 1007 = 1598), сына Махдум-и-А'зама († 949 = 1542), составлено ученикомъ названнаго ходжи [1]).

Имѣются данныя объ Абдуллѣ-ханѣ и кашгарскихъ ханахъ Абдулкаримѣ, Абуль-Мухаммедѣ и Курейшъ-султанѣ [2]).

8) فتح نامهٔ حیدری или حیدرنامه, стихотворная хроника подвиговъ бухарскаго эмира Хайдара (1799—1826). Подробно описываются его походы противъ кокандцевъ.

9) Турецкій переводъ تذکرهٔ بغرا خان.

10) جامع المقامات, жизнеописаніе ходжи Махдум-и-А'зама, умершаго въ 1542 году, составленное въ 1028 = 1618 году внукомъ его Абу-ль-Бака, см. ЗВО XV, 213.

11) مجموعة المحقّقین, исторія кашгарскихъ ходжей до 1208 = 1793 г.; соч. по-персидски ملّا محمّد صادق یارکندی, потомъ перевелъ на турецкій языкъ ملّا محمد ساتقین بکی خساری (sic).

1) О ходжѣ Исхакѣ см. ЗВО III, 91 и سمریّه, изд. Н. И. Веселовскаго, стр. 41. Другая біографія того же ходжи, подъ заглавіемъ جلیس مشتاقین, имѣется въ рукописи Аз. музея b 581a, ср. Изв. Ак. Н., VIII (1898), стр. XVII, № 1.

2) О нихъ см. ЗВО XV, 237 сл., 245 сл.

12) تاريخ بناكتى (روضة اولى الالباب فى معرفة الاكابر والانساب), полный и очень старый экземпляръ.

13) مجالس النفائس Миръ-Али-Шира, старая рукопись.

14) خمسة المتحيّرين Миръ-Али-Шира.

15) ديوان امير نوايى [а) غرائب الصغر, б) نوادر الشباب, в) بدائع الوسط, г) فوائد الكبر]; списано прекраснымъ насхомъ для Мадали (Мухаммедъ-Али) хана.

16) ديوان مولانا لطفى, собраніе стихотвореній джагатайскаго поэта Лутфи, ср. Rieu, Turk. Mans., p. 288b. Хорошая рукопись, недостаетъ начала; начинается стихомъ:

قچانكه غزه سى كوز قانيما قرا قيلسا * خطاسيز اوقنى اورار جانيمه خطا قيلسا

Экземпляръ того же дивана имѣется въ рукописи Аз. Музея bbb 574 ag.

17) كيلور نامه, джагатайско-персидскій словарь, составленъ محمود يعقوب چنكى въ Индіи при Аурангзибѣ (1659—1707). Мулла Якубъ Ченги при составленіи своего словаря придерживался системы, употребляемой при составленіи учебныхъ пособій и популярныхъ самоучителей; такъ онъ сначала приводитъ нѣсколько глаголовъ, потомъ ихъ спрягаетъ, потомъ идутъ группы предметовъ: человѣкъ и его члены, годъ и его части, мѣсяцы, недѣли, дни и т. д.

18) حديقة الحقائق, исторія Кокандскаго ханства; составлена яркендскимъ губернаторомъ при Якубъ-бекѣ ملّا محمّد شغاول. Въ предисловіи авторъ обѣщаетъ дать подробную исторію ферганскихъ и кашгарскихъ владѣтелей, но въ экземплярѣ, принадлежащемъ Юнусъ-Джану, разсказъ его доведенъ только до Мадали-хана кокандскаго и оканчивается на полусловѣ. Объ авторѣ, какъ о яркендскомъ губернаторѣ, говоритъ и تاريخ امنيّه[1]), стр. 155, гдѣ онъ названъ Мухаммедъ-Юнусъ-шыгауломъ[2]).

19) ديوان گل دسته, собраніе мистическихъ стихотвореній кокандскаго поэта Ишкли-халифа ايشقلى خليفه; подражаніе ديوان حكمت Ахмеда Iесеви; рук. 1281=1864/5 г.

20) ديوان مشرب. Экземпляръ Юнусъ-Джанъ-ходжи размѣромъ превосходитъ вдвое каждое изъ двухъ ташкентскихъ изданій этого дивана.

21) تذكرة اوليا, соч. مجذوب نمنكانى. Жизнеописанія ближайшихъ автору по времени шейховъ.

22) كلمات الشعرا, соч. سرخوش محمد افضل въ 1093=1682 году, ср. Rieu, Pers. Man., p. 369.

---

1) Объ этомъ сочиненіи см. ЗВО XVII, 0188 сл.

2) У Куропаткина (Кашгарія, стр. 140) мулла Юнусъ-Джянъ (sic)-шагаулъ-датха.

23) كليات صدايى — собраніе стихотвореній ферганскаго туземнаго (сартовскаго) поэта Садаи, происходившаго изъ селенія Булакъ-Баши, Ошскаго уѣзда, ученика и преемника (خليفه) извѣстнаго муллы Гаибъ-Назаръ-Хувайдâ.

Въ Кокандѣ же у другихъ лицъ изъ туземцевъ я видѣлъ еще слѣдующія рукописи.

У Якубъ-ходжи Яхъя-ханова:

1) ديوان مسعود, ср. Rieu, Pers. Man., p. 548.

2) منتخب التواريخ (см. выше стр. 304). Очень старая рукопись.

У Иса-ханъ-тюри:

3) مرات الجنان فى معرفة حوادث الانسان, соч. ابو السعادات عبد الله بن على اليمنى اليافعى, ср. Brockelmann II, 177, № 13. Полный экземпляръ въ одномъ томѣ, написанъ прекраснымъ насхомъ, съ діакритическими знаками.

У Абдуссалямъ-бая Мухаммедъ-джанова:

4) زبدة التواريخ, соч. سعد الله بن عبد الله بن سراج الدين قاسم, составлено въ 957=1550 году. По плану сходно съ نگارستان Гаффари, написанномъ почти въ тоже самое время (1552).

У муллы Раджи, имама мечети Кур-хана, имѣется тоже значительное количество рукописей; изъ нихъ наиболѣе интересны двѣ.

5) بحرالاسرار فى مناقب الاخيار, соч. محمود بن ولى, ср. ЗВО XV, 232 сл. Эта рукопись заключаетъ въ себѣ части вторую и третью, нѣкоторыя главы четвертой и заключительную главу о путешествіи автора. Изъ четвертой части имѣются только тѣ главы, гдѣ говорится о внутреннемъ устройствѣ улуса Джучіева и о расположеніи узбецкихъ племенъ въ этомъ улусѣ и въ Бухарскомъ ханствѣ.

6) سمات القدس من حدائق الانس, жизнеописанія мусульманскихъ святыхъ, соч. محمد هاشم بن قاسم для احمد الفارق السرهندى въ 1031=1621 году. Трудъ Мухаммедъ-Хашима есть продолженіе رشحات عين الحيات Али-ибн-Хусейнъ-ал-Ваʿиза Кашифи, что и выражено авторомъ въ предисловіи: اين نسخه كويا تكمله ايست مر كتاب رشحات عين الحيوة را.

Книга раздѣляется на два отдѣла (مقاله); отдѣлъ первый содержитъ біографіи главнѣйшихъ дѣятелей ордена Накшбенди, которому принадлежалъ ходжа Ахмедъ Сурхундій, второй отдѣлъ — біографіи преемниковъ, сыновей и важнѣйшихъ послѣдователей шейха Ахмеда Сурхунди.

Отдѣлъ первый (л. 21—105) раздѣленъ на два подъотдѣла (مقصد), первый подъ-отдѣлъ въ свою очередь — на четыре главы.

Первая глава содержитъ біографіи учениковъ ходжи Ахрара, невошедшія въ Рашахатъ, именно слѣдующія:

مولانا نور الدین اسفندانی—مولانا علاء الدین علی کرمانی—عبد العزیز جامی—مولانا محمد جامی—مولانا محمد رومی—امیر رنکزبر—میر کلان حقارونی—میر محمد امین—شیخ مراد رحمه الله—شیخ معین الدین

Вторая глава — біографіи учениковъ Джами (احوال مستفیدان حضرت مخدومی جامی):

خواجه ضیاء الدین یوسف — مولانا علاء الدین ساوجی — مولانا صالح مشهدی — شیخ مودود لاری—مولانا حافظ الدین بیهقی—مولانا محمد هاشم بیهقی—مولانا محمد مقیم—میر حسین اوبهی—مولانا حسین نسفی—مولانا محمد صلاح

Третья глава—біографіи учениковъ Маулана Ала-ад-динъ-Мектебдара (احوال مستفیدان حضرت مولانا علاء الدین مکتبدار):

مولانا غیاث الدین احمد—مولانا نظام الدین حسین—میر علا رحمه الله—شیخ علاء الدین ثانی المعروف بشیخ اکبر—مولانا احمد ابیوردی—مولانا عبد الوهاب—مولانا علی ابیوردی—حافظ بصیر واعظ—مولانا امیر علی هروی—مولانا صنع الله کورکتانی—مولانا علیجان بادامباری — درویش اخی حنس وشاهی—مولانا الیاس بادامباری—شیخ محمد بادامباری

Четвертая глава — біографіи учениковъ Маулана Шамс-ад-дина Мухаммеда Рухи (احوال اصحاب مولانا شمس الدین محمد روحی):

شیخ عبد اللطیف — بابا سید علی مجذوب — شیخ جلال الدین الواعظ — مولانا کمال الدین فیضی—مولانا ناصر هروی—شیخ احمد هروی

Второй подъотдѣлъ (مقصد) содержитъ біографіи родственниковъ ходжи Ахрара (احوال منتسبان حضرت خواجه احرار) и раздѣляется на три главы (فصل).

Первая глава — о внукахъ ходжи (احوال احفاد امجاد خواجه احرار).

خواجه عبد الهادی—خواجه شهاب الدین محمود المعروف بخواجه خاوند محمود—خواجه عبد الحق—خواجه عبد العلیم—خواجه عبد الشهید—خواجه ابو الفیض—خواجه محمد یوسف—خواجه قاسم — خواجه عبد الهادی فرزند خواجه عبد الکافی بن خواجه عبد الهادی است — خواجه محمد طاهر — خواجه نورالدین — خواجه قاسم — خواجه معین الدین — خواجه عبد الرشید—خواجه محمد یحیی—خواجه هاشم—خواجه محمد یحیی المعروف بخواجه کلان—خواجه عبد الصبور— میر مخدوم—میر عبد القدوس—میر عبد السلام—میر عبد الغنیّ — میر عبد الله — شیخ ابراهیم — مولانا محمود — مولانا اسماعیل — حافظ دولت — حافظ ترسون

Глава вторая — о нѣкоторыхъ изъ преемниковъ ходжи Ахрара, не упомянутыхъ въ соч. «Рашахатъ» (در احوال بعضی اصحاب بزرکوار حضرت خواجه احرار که در کتاب رشحات ثبت نیافته اند):

مولانا فخر الدين على—مولانا مير كاسكرانى—شيخ عبد الله اوبهى—امير احمد رحمه الله—حكيم چلپى—محمود چلپى—شعبان افندى—مولانا حافظ جلال الدين—مولانا سيد على عمارى—قاضى على قزوينى—شيخ ابو سعيد قزوينى—مولانا شاه على قزوينى—قاضى مبرك خالدى—مولانا عبد الله قزوينى—مولانا حكيم تعينى—مولانا زاهد وحشى—مولانا تاج الدين—امير عبد الله يمنى—شيخ عيان كازرونى—مولانا اسماعيل شروانى—مولانا جوين—سيد بابا خواجه وسيد محمد خواجه—خواجه جمال الدين المعروف بخواجه ديوانه—مولانا خراسان شيخ—قاسم شيخ كرمينى

Третья глава—о Маулана-Мухаммедъ-Казіи и его преемникахъ (احوال مولانا محمد قاضى وخلفاء ايشان الى يومنا هذا):

مولانا محمد قاضى—مولانا قطب الدين احمد—مولانا حميد الدين تاشكندى—شيخ حميد الدين هروى—مخدومى مولانا خواجكى كاشانى (مخدوم اعظم)—خواجه كلان دهبيدى—خواجه بهاء الدين—خواجه عبد الخالق—مولانا لطف الله جستى—خواجه خاوند محمود—خواجه محمد اسلام—خواجه محمد سعيد—مولانا دوست—مولانا خورد—مولانا ميرمحمد كاشغرى—مولانا بابا مير—خواجه باباى تاشكندى—خواجه عبد الرحيم اخسيكتى—مولانا محمد على—مولانا فاضل كان بادامى—مير محمد صالح—خواجه شاه نقشبندى—مولانا سعيد نيكونى—حافظ حسين—حافظ ابراهيم—پير رومى—شيخ دلابادى—مير على نجار—مولانا ابن يمين—مولانا پاينده محمد اخسيكتى—مولانا ترسون قاضى—شيخ يوسف ترك—خواجه عبيد كابلى—درويش سبز—حافظ خيابانى—قاسم شيخ قالينى—خواجه حسن حالدار.

Отдѣлъ второй (л. 125—139) раздѣляется на три подъотдѣла, изъ которыхъ наша рукопись заключаетъ въ себѣ только часть перваго, посвященнаго Маулана-Мухаммеду Вахши и его ученикамъ до ходжи Мухаммедъ-Биллаха (احوال مولانا محمد زاهد وحشى ومنتسبان او تا حضرت خواجه محمد بالله).

Трудъ Мухаммедъ-Хашима обнимаетъ періодъ времени отъ начала десятаго до второй четверти одиннадцатаго столѣтія хиджры и можетъ служить источникомъ не только для изученія суфизма за этотъ періодъ, но и для политической исторіи Мавераннахра въ эпоху владычества Шейбанидовъ и первыхъ Аштарханидовъ.

Ахмедъ Сурхунди умеръ въ сафарѣ 1035 (1625) года, а Мухаммедъ-Хашимъ, по سفينة الاوليا, умеръ въ рабіи I 1046 (1636) года, но ни въ одномъ изъ мнѣ извѣстныхъ источниковъ не упоминается о составленіи имъ такой книги. Среди писемъ Ахмеда Сурхунди (مكتوبات امام ربّانى) встрѣчаются письма отъ محمّد هاشم, вѣроятно, отъ нашего автора.

2.

Въ старомъ Маргинанѣ я видѣлъ слѣдующія рукописи.

У Ибрагимъ-Ходжи Мухаммедъ-Ша-Ходжаева:

1) خلاصة الاخبار Хондемира, списокъ 1060 (1650) г.

2) روضة الاحباب, соч. عطاء الله بن فضل الله الملقب بجمال الحسينى, ср. ЗВО XV, 262.

3) ديوان اخسيكثى, поэтическія произведенія ферганскаго поэта اثير اخسيكثى. Рук. 1017=1608/9 г. Объ этомъ соч. см. Rieu, Pers. Man., p. 563 и Ethé, Bodl., p. 497—498.

4) شاهنامهٔ اسماعيل صفوى, соч. мирзы Мухаммедъ-Касима ал-Хусейни, ср. Ethé, Grundriss, II, 237. Старая рукопись безъ даты.

5) مجموعهٔ شعر عبيد الله خان شيبانى, собраніе персидскихъ стихотвореній придворныхъ поэтовъ Убейдуллы-хана. Старая рукопись; написана прекраснымъ шикесте; 414 листовъ. Имѣются стихотворенія самого хана.

6) ديوان امير حسين وخسرو دهلوى ومولانا خواجه عصمت الله بخارى, собраніе стихотвореній этихъ трехъ персидскихъ поэтовъ; рук. 833 г.; великолѣпный насхъ, изъ книгъ библіотеки индійскаго хана Аурангзиба (имѣется его печать).

7) كليات نوايى, въ одномъ большомъ томѣ; списокъ сдѣланъ нѣкіимъ خواجه عبد الغفار для везира эмира Насруллы бухарскаго, Мухаммедъ-Хакимъ-бека.

8) ديوان سلطان حسين بايقرا, собраніе турецкихъ стихотвореній извѣстнаго царя-поэта Султанъ-Хусейнъ-Байкарâ. О томъ, что султанъ занимался поэзіею и сочинялъ стихи, намъ сообщаетъ его близкій другъ, везиръ Наваи въ своемъ مجالس النفائس, но собраніе стихотвореній его, кажется, встрѣчается впервые.

У Ахунъ-Джанъ-ходжи:

9) زينة المجالس, соч. مجدى, ср. Rieu, Pers. Man., p. 758. Старая рукопись, написана хорошимъ насхомъ; только въ концѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ.

У другого туземца, 'Арифъ-ходжи, имѣется:

10) تاريخ عزيزى, исторія Кокандскаго ханства. Авторъ ея маргеланецъ ميرزا عزيز بن محمد رضا, по словамъ владѣльца книги, при ханахъ Мадали, Ширъ-Али, Малля-ханѣ и Худаярѣ состоялъ на государственной службѣ; поэтому онъ могъ пользоваться книгами изъ ханской библіотеки и получать достовѣрныя свѣдѣнія о современныхъ и несовременныхъ ему событіяхъ. Въ разныхъ мѣстахъ своего объемистаго сочиненія онъ цитуетъ

(или цѣликомъ приводитъ оттуда страницы) روضة الصفا, نكارستان, تاريخ امام, تاريخ يافعى и неизвѣстныя мнѣ تاريخ يوسف سجاوندى, تاريخ بهمون دمشقى, ظفرنامهٔ مولانا شهاب الدين محمد منشى, تاريخ خسرو دهلوى[1]).

Изложеніе, однако, совершенно безсистемно. Трудъ Мирзы-Азиза можно раздѣлить на три части: 1-ая часть содержитъ исторію монголовъ и очерки изъ исторіи другихъ государствъ въ Средней Азіи, 2-ая часть (стр. 236—354)—исторію Ферганы, въ третьей части (355—393) дается исторія гор. Маргелана и краткія біографіи бывшихъ въ немъ хакимовъ, даже русскихъ уѣздныхъ начальниковъ, народныхъ судьей, богачей и другихъ замѣчательныхъ людей.

3.

Въ Андижанѣ въ библіотекѣ покойнаго народнаго судьи Атабека я видѣлъ еще слѣдующія рукописи:

1) صور الاقاليم, соч. محمد بن يحيى, умершаго въ 748 году, ср. Rieu, Pers. Man., p. 420.

2) عجائب المخلوقات, соч. قزوينى.

3) مرآت الفتوح, исторія Кокандскаго ханства. Сочиненіе это по копіи, принадлежащей А. А. Семенову, подробно описано Л. А. Зиминымъ въ Протоколахъ Турк. кружка любителей археологіи, т. XVII, 1913 г. стр. 31 и сл. Ср. также ЗВО XV, 273.

4) مفصّل تاريخ فرغانه, исторія Кокандскаго ханства, сочиненіе владѣльца библіотеки (нынѣ покойнаго) Ата-бекъ-казія.

Авторъ самъ говоритъ, что его книга является извлеченіемъ (انتخاب) и сокращеніемъ (اجمال محض) тѣхъ свѣдѣній, которыя далъ мулла Ніязъ, авторъ (изданнаго Пантусовымъ) Тарих-и-Шахрухи; но при изложеніи событій, современныхъ ему, Ата-бекъ сообщаетъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, не имѣющіяся въ Тарих-и-Шахрухи. Другой экземпляръ этого сочиненія имѣется у военнаго губернатора Ферганы А. И. Гиппіуса; оба экземпляра оканчиваются на полусловѣ.

5) نكارستان, соч. غفّارى, ср. Rieu, Pers. Man., p. 106.

Въ Ошѣ у туземца муллы Кудратуллы Таирбаева имѣются, между прочимъ, слѣдующія рукописи:

1) نكارستان, соч. معين الجوينى (Grundriss II, 297).

2) لمحات, соч. محمد العالم الصديقى العلوى, содержитъ жизнеописанія му-

1) Ссылка на это сочиненіе имѣется на стр. 208. О существованіи его ср. ЗВО XV, 226.

сульманскихъ, въ особенности туркестанскихъ турецкихъ святыхъ, какъ Ахмедъ Iесеви и его ученики.

3) دیوان عرفی: списано въ Бухарѣ въ 1019=1610/1 г.

4) جهل ناموس, соч. ضیای نخشبی, ср. Grundriss, II, 335. Годъ составленія книги въ этомъ экземплярѣ указанъ 730=1329/30; дата списка — 45-ый годъ царствованія Аурангзиба.

5) عجائب الطبقات, соч. محمد طاهر بن ابی القاسم, историко-географическое сочиненіе; составлено по образцу عجائب البلدان и عجائب المخلوقات Казвини, при Надиръ-Мухаммедъ-ханѣ бухарскомъ; списано нѣкіимъ محمد نور الدین بن میرزا عماد الدین въ 1175=1761/2 г. Главный источникъ — صور الاقالیم; всего 217 листовъ.

6) نفائس الفنون فی عرائس العیون, соч. محمد بن محمود الاملی, см. Rieu, Pers. Man., 435; Ethé, Bodl., p. 909—913.

Другой экземпляръ этого сочиненія я видѣлъ въ Кокандѣ у Махмудъ-казія.

7) رسالهٔ عسکریه, соч. شاعر مشرقی, составлено въ 1234=1818/19 г., по повелѣнію Омаръ-хана кокандскаго; о правилахъ шахматной игры и ихъ отношеніи къ военной дисциплинѣ. Экземпляръ этого сочиненія есть въ Аз. музеѣ Академіи (рук. 837е, изъ собранія Д. М. Граменицкаго, Изв. И. Акад. Наукъ, VIII, 1898, IX, № 8).

Мулла Кудратулла имѣетъ довольно богатую коллекцію рукописей по наукѣ о гаданіи (رمل и جفر) и астрономіи; одна рукопись заключаетъ въ себѣ 12 сочиненій по астрономіи и космографіи.

Изъ рукописей, принадлежащихъ туземцу мирзѣ Фазлъ-беку, можно упомянуть слѣдующія:

8) تاریخ شاهرخی, соч. муллы Ніяза (изданное Пантусовымъ въ Казани въ 1885 году).

Экземпляръ мирзы Фазлъ-бека замѣчателенъ тѣмъ, что къ концу книги приложено продолженіе ея, составленное میرزا یادکار اخسیکتی (всего 37 стр.) и доведенное до настоящаго времени.

9) تیمورنامه, легендарная исторія Тимура.

Экземпляры этого сочиненія въ Ферганѣ встрѣчаются очень часто. Объ этой книгѣ см. Каль, стр. 18; Туркестанскій литературный сборникъ, С.-Пб. 1900 г., статья Клемма, стр. 304—314.

10) ظفرنامهٔ هاتفی.

11) تاریخ بدخشان, соч. میرزا سنك محمد بدخشی (см. выше, стр. 303), доведенное до настоящаго времени самимъ владѣльцемъ мирзой Фазлъ-бекомъ, прожившимъ въ Бадахшанѣ нѣсколько лѣтъ.

У одного изъ родныхъ мирзы Фазлъ-бека имѣется экземпляръ:

12) مطلع السعدين, соч. عبد الرزاق السمرقندى.

4.

Въ Наманганѣ я видѣлъ два экземпляра:

1) تاريخ گزيده, соч. حمد الله مستوفى قزوينى, одинъ у Юсуфъ-ханъ-тюри, другой у Насыръ-ханъ-тюри: дата перваго списка 992 = 1584 годъ[1]) (въ Мешхедѣ), второго—830 = 1426/7 г.

Въ собраніи рукописей Юсуфъ-ханъ-тюри кромѣ общеизвѣстныхъ روضة الصفا, تاريخ راقمى имѣются еще:

2) مناقب مولانا اسحق, жизнеописаніе ходжи Исхака, сочиненіе, совершенно отличное отъ упомянутаго выше (стр. 304). Авторъ называетъ себя вездѣ сыномъ муллы Миръ-Мухаммедъ-ʿАваза.

3) مناقب مولانا, жизнеописаніе чустскаго святого Мауляна Лутфуллаха Чусти, умершаго въ Чустѣ въ 979 = 1571/2 г. Въ обѣихъ книгахъ имѣются данныя о Шейбанидахъ и Джагатаидахъ.

Другой экземпляръ مناقب مولانا имѣется у А. А. Семенова въ Ташкентѣ.

У Мухаммедъ-ходжи-ишана Лаляришъ имѣется:

№ 4) قوتادغو بيلك, арабскими буквами. Правописаніе заглавія такое же, какъ въ каирскомъ спискѣ[2]), но по разночтеніямъ наманганскій списокъ часто ближе примыкаетъ къ вѣнскому, чѣмъ къ каирскому.

Заглавіе приводится, между прочимъ, въ слѣдующихъ стихахъ[3]):

كتاب آتى اوردوم قوتادغو بيليك * قوتادسو اوقيغلى قا توتسو اليك
سوزوم سوزلاديم من بتيدیم بتيك * سونوب ايكى اوزونى توتغو اليك[4]
كشى ايكى ازونى توتسا قوتون * قوتادمش بولور بو سوزم جين بوتون

Ханъ, которому авторъ — يوسف حاجب посвятилъ свое сочиненіе, здѣсь названъ الخاقان الاجلّ المظفّر المؤيّد ناصر الحقّ والدين طفغاج اولوغ بغرا قرا خان ابا

1) Этимъ экземпляромъ пользовался В. П. Наливкинъ при составленіи своего труда «Краткая исторія Кокандскаго Ханства», Казань 1886 г.; на заглавной страницѣ этого экземпляра написано صاحبه عبد الله الكشميرى, поэтому Наливкинъ думалъ, что этотъ Абдулла Кашмири (у Наливкина Шаштари) и есть авторъ Тарих-и-Гузиде (стр. II).

2) Текстъ каирскаго списка см. въ изданіи В. В. Радлова, Das Kudatku Bilik, Theil II, St.-P, 1900—1910, S. III—XXIV, 240—298, 536—544 и примѣчанія къ другимъ страницамъ.

3) Въ каирскомъ спискѣ этого мѣста нѣтъ; ср. W. Radloff, op. cit., S. XV. Соотвѣтствуетъ 22,6–8 факсимиле вѣнскаго списка (изд. В. В. Радлова, С.-Пб. 1890); ср. Das Kudatku Bilik, Theil II, S. 38.

4) Въ вѣнскомъ спискѣ эти два стиха (съ варіантами) въ обратномъ порядкѣ.

علی حسن بن آرسلان خان, такъ что, повидимому, отпадаетъ предположеніе В. В. Бартольда[1]) о тожествѣ этого Бугра-хана съ Бугра-ханомъ Харуномъ, сыномъ Кадыръ-хана.

Въ Ташкентѣ я ознакомился съ частью собранія рукописей туземца Баки-Джанъ-Бая; изъ нихъ наиболѣе интересны слѣдующія:

1) روضة الصفا, полный экземпляръ, старая рукопись.

2) ظفرنامهٔ یزدی вмѣстѣ съ предисловіемъ (مقدّمهٔ ظفرنامه). Прекрасная рукопись съ 12-ю иллюстраціями; списокъ 1038=1629 г. Содержаніе иллюстрацій:

а) Свадьба сына Тимура Джехангира въ 775=1374 г.

б) Тимуръ на войнѣ въ 782=1380 г. (первый походъ на Иранъ).

в) Сраженіе въ Сеистанѣ.

г) Война въ Персіи въ 788=1386 г. (второй походъ на Иранъ).

д) Взятіе Исфахана въ 789=1387 г.

е) Битва въ долинѣ Юлдузъ съ войсками Хызръ-Ходжи-хана въ 791=1389 г.

ж) Битва съ Тохтамышемъ при Кундузчѣ (قندوزچه) въ 793=1391 г.

з) Война противъ Египта.

и) Война съ Мухаммедъ-султаномъ (?).

і) Пиръ Тимура послѣ побѣдоносной войны съ Тохтамышемъ.

к) Война съ Баязидомъ.

л) Свадьба.

3) تاریخ میرزا شاه محمود چراس, исторія владѣтелей Кашгаріи и Восточнаго Туркестана, составленная мирзою Шахъ-Махмудъ-Чурасомъ по порученію Джагатаида Исмаилъ-хана (1670—1682). Рукопись написана посредственнымъ, но четкимъ пасхомъ, состоитъ изъ 170 страницъ въ 4° д. л.: заголовки слѣдующіе:

Л. 1ᵃ—2ᵃ ذکر نسب وسلسلهٔ حضرت خواجکان

» 2ᵃ—2ᵇ حضرت اسماعیل خان وسبب تالیف کتاب

» 2ᵇ—3ᵃ ذکر ابتدای احوال سلطان یونس خان ابن سلطان ویس خان

» 3ᵃ ذکر خانیت سلطان ایسن بوغا خان بن سلطان ویس خان

» 3ᵇ—4ᵇ ذکر مخالفت امرا با ایسن بوغا خان وآنچه در آن ایّام واقع شده

» 4ᵇ—5ᵇ ذکر آمدن یونس خان بمغولستان

» 5ᵇ—6ᵃ ذکر آمدن یونس خان بار دویم از پیش سلطان ابو سعید

» 6ᵃ—7ᵃ آمدن یونس خان در تاشکند وگرفتن شیخ جمال خرخانرا

---

1) Пам. кн. Семир. обл. 1898 г., стр. 98.

Л. $7^{а}$—$7^{б}$ ذکر ابتدای احوال میرزا ابا بکر

» $7^{б}$—$8^{а}$ ذکر احوال میرزایان ختن

» $8^{а}$—$8^{б}$ ذکر خروج میرزا ابا بکر بر عمّ خود میرزا حیدر

» $8^{б}$—$9^{б}$ ذکر آمدن یونس خان بمدد محمد حیدر میرزا وبر سر میرزا ابا بکر وشکست یافتن ایشان

» $9^{б}$—$10^{а}$ ذکر ابتدای احوال سلطان محمود خان بن یونس خان

» $10^{а}$—$10^{б}$ ذکر جنکی که میان یونس خان ومحمد حیدر میرزا در آقسو واقع شد

» $10^{б}$—$11^{а}$ ذکر رفتن حیدر میرزا بکاشغر پیش میرزا ابا بکر ودر بند کشیدن او حیدر میرزارا

» $11^{а}$—$11^{б}$ ذکر اختتام کار یونس خان

» $11^{б}$—$12^{а}$ ذکر جنك جر میان سلطان احمد میرزا وسلطان محمود خان

» $12^{а}$—$13^{а}$ ذکر آنچه در مدّت سلطنت سلطان محمود خان در تاشکند واقع شد

» $13^{а}$—$14^{б}$ ذکر سلطان احمد خان بن یونس خان

» $14^{б}$—$15^{б}$ ذکر احوال منصور خان بن سلطان احمد خان

» $15^{б}$—$16^{а}$ ذکر احوال سلطان سعید خان ابن سلطان احمد خان

» $16^{а}$—$17^{а}$ ذکر احوال جلوس بابر بادشاه در ممالك ما وراء النهر

» $17^{а}$—$18^{а}$ ذکر رفتن سلطان سعید خان باندجان

» $18^{а}$—$19^{а}$ ذکر نسب میرزا ابا بکر

» $19^{а}$—$20^{а}$ ذکر تمهید احوال ابا بکر واوصاف او

» $20^{а}$—$21^{б}$ ذکر آمدن عبید الله خان از ترکستان با بخارا ورفتن بابر بادشاه بمقابلهٔ وی در کول ملك ومصاف دادن وشکست یافتن وآنچه در آن وقائع دست داده

» $21^{б}$—$22^{б}$ ذکر احوال بعض امراء سلطان ~~ابو~~ سعید

» $22^{б}$—$23^{а}$ ذکر وقائع سلطان سعید خان بعد از شکست یافتن سونجك خان

» $23^{б}$—$25^{а}$ ذکر ~~خصوصیّت احوال قزاق واطلاق این نام بر ایشان~~

» $25^{а}$—$28^{а}$ ذکر رفتن شاهی بیك خان بعراق ومناقشه کردن او با شاه اسماعیل وکشته شدن شاهی بیك خان بدست او واختتام کار شاه اسماعیل

» $28^{а}$ ذکر سلاطین شیبانی

» $28^{а}$—$29^{б}$ ذکر آمدن سلطان سعید بولایت فرغانه

(Здѣсь же свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ жили отдѣльныя турецкія и монгольскія племена джагатайскаго государства).

Л. 52ᵃ—53ᵇ ذکر لشکر کشیدن اوزبك بر سر ولایت کاشغر ویارکند وباز کشتن اوزبك بی حصول مقصود

(Говорится, что походъ Абдуллы-хана послѣдовалъ въ третьемъ году со смерти Абдуль-керимъ-хана)[1].

Л. 53ᵇ—54ᵃ ذکر اوصاف حمیدهٔ عالیهٔ محمد خان

» 54ᵃ ذکر ابتدای احوال حضرت عبد الرحیم خان انار الله برهانه

» 54ᵃ—54ᵇ ذکر وفات ابو سعید سلطان ووقایع که در آن آوان جاری شده

» 54ᵇ—55ᵃ ذکر تتمهٔ محمد خان مدت سلطنت او ومدة عمر شریف او

(Ханъ воцарился въ 999=1590/1 г., царствовалъ 18 лѣтъ).

Л. 55ᵃ ذکر شجاع الدین احمد خان وجلوس او بر مسند خاقانی وآیین جهان‌بانی ووقایعی که در آن ایّام بظهور پیوست

» 55ᵃ—55ᵇ در بیان بعضی از حالات تیمور سلطان ونام او ضیاء الدین احمد سلطانست

» 55ᵇ—56ᵃ ذکر مخالفت محمّد هاشم سلطان با عبد الرحیم خان

» 56ᵃ—57ᵇ ذکر لشکر کشیدن تیمور سلطان دو بار بولایت چالیش وطورفان

» 57ᵇ—58ᵃ ذکر قتل امرا وخاتمت کار تیمور سلطان بن شجاع الدین احمد خان

» 58ᵃ—59ᵃ ذکر مخالفت شرف الدین سلطان[2] ابن یونس خان ابن عبد الرشید خان

» 59ᵃ ذکر لشکر فرستادن شجاع الدین احمد خان بر سر عمّ بزرکوارش عبد الرحیم خان

» 59ᵇ ذکر ابتدای احوال عبد اللطیف خان المشهور باپاق خان

» 59ᵇ—60ᵇ ذکر مخالفت نمودن اسکندر سلطان بن خدابنده سلطان با شجاع الدین احمد خان ولشکر کشیدن خان بر سر آقسو واوچ واختتام کار اسکندر سلطان

» 60ᵇ—61ᵇ ذکر تتمّهٔ کار شجاع الدین احمد خان ابن محمد خان خلّده الله فی ریاض الجنان

» 61ᵇ—63ᵃ ذکر لشکر کشیدن عبد اللطیف خان بر سر شاهان حرام نمك وخان بی دولتشان قریش سلطان بن یونس خان

» 63ᵃ—64ᵃ ذکر جلوس عبد اللطیف خان بر سریر خانی وآیین جهان‌بانی

» 64ᵃ—65ᵃ ذکر بعضی از حالات عبد الرحیم خان ولشکر کشیدن خان بر سر کوسن وآقصو وباز کشتن خان بی حصول مقصود وکرفتن میرزا ابو الهادی عبد الله خانرا

---

1) Ср. также ЗВО XV, 239.

2) Т. е. Курейшъ-султанъ, ср. ЗВО XV, 243.

(Здѣсь, между прочимъ, говорится и о сыновьяхъ извѣстнаго шейха شیخ خاوند طهور ум. въ 756 хиджры).

л. 74б ذکر لشکر کشیدن خان بطرف آت باشی اقسای وکشته شدن حسن بیك

» 74б—76а ذکر ابتدای احوال عبید الله سلطان [1] بن یولبارس خان

» 76б ذکر فرستادن خان میرزا طنی (?) بیك بکیچکرا به عبد العزیز خان (въ отвѣтъ на посольство бухарскаго хана Абд-ул-Азиза).

» 76б—77б ذکر محاصره کردن سنککه قصبهٔ کریهرا ولشکر کشیدن خان ویولبارس خان بدفع او

» 77б ذکر شمّهٔ از حالات یولبارس خان وعاصی شدن او به پدر بزرکوار خود واختتام کار عبید الله سلطان وقتل امرا

» 78б—79а ذکر آمدن نور الدین خان از آقسو وکریختن یولبارس خان بطرف قلماق

» 79а—79б ذکر وفات نور الدین خان ومدّت بادشاهی ومدت عمر او

» 79б—80а ذکر رفتن عبد الله خان از مملکت یارکند وآنچه در آن ایام بظهور بیوست (въ 1077=1666/7 г.).

» 80а—80б ذکر خانیّت حضرت اسماعیل خان بمملکت آقصو واوج وکوسن وبای

» 80б—81а ذکر جلوس یولبارس خان بر سریر سلطنت

» 81а—81б (?) ذکر آمدن سنککه از برای معاونت یولبارس خان وبیش یار رفتن حضرت خان بمقابلهٔ سنککه وآمدن یولبارس خان از فوت سنککه وباز کشتن ایشانان بی حصول مقصود

» 81б—82а ذکر خاتمت یولبارس خان وسلطنت عبد اللطیف سلطان وقتل علیشاه بیك بیکچیك

» 82а—82б ذکر نسب ارکا بیك وبعضی از حالات

» 82б—83б ذکر جلوس حضرت اسماعیل بر سریر خانی وآیین جهانبانی (въ понед. 11 зу-л-ка'да 1080=31/21 марта 1670 г.).

» 83б ذکر کرفتن بهرام سلطان ابن ابراهیم سلطان

» 84а ذکر آمدن ساقی بیك وآخوند کلان وآنچه در آن وقت بوده

Такимъ образомъ книга оканчивается разсказомъ о событіяхъ 1670 года.

Свѣдѣнія о событіяхъ до 1546 года заимствованы авторомъ изъ تاریخ رشیدی мирзы Хайдера, причемъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самъ ссылается на это сочиненіе; но о событіяхъ послѣ 1546 года онъ могъ дать такія подробныя свѣдѣнія благодаря только разсказамъ достовѣрныхъ лицъ

1) У кашгарскаго анонима Абдаллахъ, ср. ЗВО XV, 248.

اقوال الثقات. Авторъ анонимнаго турецкаго сочиненія, использованнаго В. В. Бартольдомъ[1]), безъ сомнѣнія пользовался сочиненіемъ Шахъ-Махмудъ-Чураса.

У туземца Хайру-д-динъ-бека, живущаго въ Шайхантаурской части, имѣется громадное количество старинныхъ рукописей; почти всѣ онѣ религіозно-богословскаго содержанія; изъ книгъ историко-географическаго содержанія замѣчательны только двѣ:

1) مجمع الغرائب, сочиненіе سلطان محمد بن درويش محمد مفتى البلخى, ср. Rieu, Pers. Man., p. 426.

2) تاريخ عبد الله خان или جهان نما, стихотворная хроника подвиговъ Абдуллы-хана, составленная извѣстнымъ поэтомъ مشفقى[2]) (умеръ въ 996 = году).

5.

Во время поѣздки въ разныхъ мѣстностяхъ я пріобрѣлъ для себя нѣкоторыя рукописи; важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) عبيد الله نامه, соч. مير محمد امين بخارى; см. Каль, стр. 27—28; F. Teufel, Quellenstudien etc., S. 5 f.

2) عبد الله نامه, соч. حافظ تانيش بن محمد البخارى.

3) ذخيرة الملوك, соч. على بن شهاب الدين الهمدانى (Grundriss, II, 349), списано въ Хорасанѣ въ 994 = 1585 году рукою سليمان بن محمود.

4) تاريخ نرشخى.

5) ملحقات الصراح, соч. جمال القرشى.

Послѣднюю рукопись мнѣ подарилъ наманганскій ишанъ Юсуфъ-ханъ-тюря; она списана рукою отца его Катта-Ходжи-Ишана и отъ тѣхъ двухъ рукописей, которыми пользовался В. В. Бартольдъ[3]), не отличается почти ничѣмъ; но въ концѣ помѣщены хвалебные отзывы (تقريظ) двухъ ученыхъ джагатайскаго улуса, современниковъ автора; первый изъ нихъ, ابو حفص عبد الله بن على الكاشغرى الخانقاهى, писалъ свой отзывъ въ 692 = 1293 году, второй حسن بن محمد بن عبد الملك المراغى въ 701 = 1301/2 году. Отецъ Юсуфъ-ханъ-тюри пользовался старымъ экземпляромъ, писаннымъ рукою вышеупомянутаго ابو حفص عبد الله الكاشغرى.

---

1) ЗВО XV, 236 и слѣд. Въ Аз. Музеѣ въ настоящее время имѣется еще другой экземпляръ того же труда (собр. Петровскаго № 9).

2) Объ этомъ поэтѣ см. تاريخ راقمى, рук. Петрогр. унив. № 949, л. 194б—196а, ср. Collections scientifiques, III, 133. Среди перечисленныхъ въ تاريخ راقمى сочиненій поэта جهان نما не названо.

3) См. ЗВО XI, 283—287, XV, 271—272; Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, II, 52.

6) تاريخ شوقی, историческая запись ферганскаго поэта شوقی о послѣднихъ дняхъ Кокандскаго ханства и о завоеваніи Ферганы русскими. Шауки относится къ русскимъ безусловно враждебно; хронограмма событія, по его словамъ, کمال ضرر «полный вредъ» (выходитъ 1291=1874/5 г., что не вполнѣ соотвѣтствуетъ датѣ событія—1876).

Къ сочиненіямъ, гдѣ говорится о русскомъ завоеваніи, можно присоединить еще انساب السلاطين сочиненіе мирзы Алима Ташкенди (см. выше стр. 303); его подробные разсказы не отличаются такою односторонностью, какъ сочиненіе Шауки.

7) رياض الدولة, исторія Хивинскаго хана Алла-кули (1825—1842), соч. извѣстнымъ хивинскимъ историкомъ محمد رضا ميراب بن نياز بيك по прозванію Агехи (آگهی), ср. Mél. Asiatiques, X, 278.

8) چنگيز نامه, ср. каталогъ Каля, № 806 и ЗВО XV, 226 и сл.

Рукопись получена мною отъ редактора татарскаго журнала «Шура» въ Оренбургѣ, Ризауддина Фахруддинова и оказалась несравненно полнѣе ташкентской. Наша рукопись состоитъ изъ 75 листовъ въ 16° д. л., изъ которыхъ рукописи Туркестанской публичной библіотеки соотвѣтствуютъ л. 15б—46б. Дата нашей рукописи 1019=1610/1 г.

А.-З. Валидовъ.

Апрѣль 1914 г.

Разсказъ шугнанскихъ исмаилитовъ о бухарскомъ шейхѣ Беха̄-уд-Динѣ[1]).

Среди многочисленныхъ святыхъ «Священной Бухары» первое мѣсто занимаетъ ея патронъ — «имамъ тарӣката, пиръ хакӣката и образецъ достойный подражанія въ знаніи шаріʼата»[2]), Хо̄джа-Мухаммед-ул-Боха̄рӣ, шейхъ Беха̄-уд-Дӣнъ-Ша̄х-и-Накшбендъ. Его гробница въ окрестностяхъ столицы ханства привлекаетъ огромное множество пилигримовъ не только со всѣхъ концовъ Бухары, но и изъ областей нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, Афганистана и даже изъ отдаленной Турціи.

Шейхъ родился въ мухарремѣ 718 г. хиджры (въ 1318 г. по Р. Х.) въ селеніи Ḳаср-и-ʻА̄рифа̄нъ (въ одномъ фарсангѣ отъ г. Бухары). Проведя дѣтство и юность въ общеніи съ знаменитыми шейхами своего времени: ходжею Ба̄ба̄-Сема̄сіемъ и сейидомъ Мӣръ-Куля̄лемъ, а равно подъ вліяніемъ своего дѣда, большого друга дервишей, — Беха̄-уд-Дӣнъ съ дѣтства глубоко усвоилъ тѣ мистически-религіозныя исканія, которыя впослѣдствіи привели его на путь высокихъ подвиговъ созерцательной жизни.

Беха̄-уд-Дӣнъ женился на семнадцатомъ году своей жизни. Онъ вмѣстѣ съ отцомъ ткалъ роскошную шелковую цвѣтную ткань «камха̄»[3]) и рѣзалъ по металлу разные узоры[4]). Затѣмъ исполнялъ обязанности палача при дворѣ

---

1) Статья прередактирована для печати В. В. Бартольдомъ, которому принадлежатъ заключенныя въ квадратныя скобки [ ] примѣчанія.

2) Такъ онъ названъ въ خزينة الاصفياء («Сокровищница Чистѣйшихъ»). сост. муфтій Гуля̄мъ-Мухаммедъ-бекъ-Муфтій Рахӣм-Улла Лагорскій. — Каунпоръ. 1312/1894. Т. I, стр. 548. Въ имѣющейся у меня старинной рукописи (безъ даты) تاريخ سيّد راقم (или تاريخ تام) приводится (л. 36) генеалогія Беха̄-уд-Дӣна, по которой онъ считается потомкомъ имама Хусейна въ 23-мъ поколѣніи. [Біографія шейха въ рукоп. Учебн. Отд. Вост. яз. л. 27а, ср. Collections scientifiques etc., III, 119; въ рукоп. Петрогр. Унив. № 949 л. 21б, гдѣ нѣтъ свѣдѣній о генеалогіи. В. Б.].

3) كمخا или كمخاب (по-бухарски камхо̄, по-ташкентски кимха̄б)—то же, что китайское «камфа̀» — плотная и довольно толстая шелковая ткань съ цвѣтными узорами, нерѣдко протканными золотыми или серебряными нитями; изъ нея шились самыя богатыя одежды. Нынѣ извѣстна въ Средней Азіи почти лишь по воспоминаніямъ да по уцѣлѣвшимъ образчикамъ, ибо уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ она никѣмъ не выдѣлывается.

4) Отсюда и прозвище шейха نقشبند.

одного изъ средне-азіатскихъ владѣтелей, султāна Халйля[1]). Послѣ трагическаго конца послѣдняго шейхъ всецѣло ушелъ въ созерцательную жизнь подвижника; охваченный мистическимъ настроеніемъ, онъ нерѣдко бывалъ «восхищенъ», и разныя чудесныя видѣнія проносились предъ его духовными очами. Подъ вліяніемъ этихъ мистическихъ переживаній онъ научается отъ своего пира, сейида Мйръ-Кулāля, «тайному зикру» и съ тѣхъ поръ достигаетъ моментовъ соединенія съ Божествомъ не путемъ видимаго экзальтированія себя въ родѣ громогласнаго и многократнаго произнесенія стиховъ Корана въ связи съ ритмическими тѣлодвиженіями, а посредствомъ самоуглубленія и безмолвнаго размышленія о присутствіи Бога въ себѣ. Отсюда послѣдователи шейха получили въ Средней Азіи названіе «хуфія» (خفیه), т. е. погружающихся въ экстазъ путемъ тайнаго, молча произносимаго, призыванія Бога[2]).

Не мало путешествуя на своемъ вѣку, Бехā-уд-Дйнъ посѣтилъ и священные города Аравіи, и большинство знаменитыхъ тогда городовъ мусульманскаго Востока, причемъ вездѣ старался повидать знаменитыхъ мѣстныхъ суфіевъ и отъ нихъ усовершенствоваться въ стадіяхъ духовной жизни.

Спасая свою душу въ міру, Бехā-уд-Дйнъ свято соблюдалъ завѣты нестяжанія и полнаго «опрощенія». У него не было ни дома, ни земельной собственности; въ его жилищѣ, которое онъ нанималъ, зимою вмѣсто постели служили сухіе листья, а лѣтомъ — старая циновка; изъ посуды у него былъ лишь разбитый глиняный кувшинъ. Не было у него ни слугъ, ни невольниковъ, и когда его спросили относительно отсутствія ихъ, то шейхъ отвѣтилъ: «рабство не совмѣстимо со старчествомъ» (بندگی با خواجگی راست نمی‌آید).

Удостоившись, по преданію, еще при жизни дара чудесъ и снискавъ огромную популярность среди населенія Мавераннахра, Бехā-уд-Дйнъ, почувствовавъ приближеніе смертнаго часа, отправился въ одинъ изъ бухарскихъ каравансараевъ и, занявъ тамъ одну изъ комнатъ, скончался, окруженный своими многочисленными учениками, въ понедѣльникъ 3-го рабӣ' I 791 г. хиджры (1 марта 1389 г. по Р. Х.).

Такова «правовѣрная» и, такъ сказать, обычная біографія знаменитаго бухарскаго святого[3]). Иначе онъ и его почитатели-бухарцы рисуются въ

1) [Халиль до своего возвышенія былъ дервишемъ; Бехā-уд-Дйнъ, по словамъ его біографовъ, былъ близокъ къ нему въ теченіе шести лѣтъ его дервишества и шести лѣтъ его царствованія. В. Б.].

2) [Ср. слова «Кандійе» о ذکر دل въ противоположность ذکر بلند, текстъ у В. Бартольда, Туркестанъ, I, 50 сл. В. Б.].

3) [Болѣе подробно, чѣмъ въ настоящей статьѣ, біографія изложена въ другой статьѣ А. А. Семенова, напечатанной въ сборникѣ, посвященномъ А. Н. Веселовскому, стр. 202—211. Тамъ же приведены свѣдѣнія объ источникахъ. Кромѣ упомянутаго тамъ انیس العابدین Салāх-ибн-Мубāрака ал-Бухāрӣ первоисточникомъ для біографіи шейха

представленіяхъ шугнанскихъ исмаилитовъ, заклятыхъ враговъ суннизма и его фанатичныхъ исповѣдниковъ —бухарскихъ суннитовъ. Ниже приводимое исмаилитское преданіе о Беха̄-уд-Дӣнѣ разсказано мнѣ и затѣмъ записано поперсидски однимъ грамотнымъ исмаилитомъ изъ выселка Юмчъ (отъ кишлака Поршинивъ) на рѣкѣ Пянджѣ, въ Шугнанѣ; оно осмѣивастъ распространенную въ Бухарѣ наклонность къ гомосексуализму, у исмаилитовъ строжайше воспрещенному.

Беха̄-уд-Дӣнъ былъ однимъ изъ святыхъ мистиковъ (از اولیآء صاحب کشف) Благородной Бухары, такъ что чудеса его записаны во многихъ мѣстахъ, ибо былъ онъ «Предотвратителемъ несчастій» (بلا گردان)[1]).

Однажды ему пришла мысль отправиться въ хаджъ и, поклонившись тамъ чистѣйшей гробницѣ его святѣйшества послѣдняго изъ Пророковъ, т. е. Мухаммеда, Посла Господня, возвратиться назадъ. Вслѣдствіе этого, собравъ бухарскій народъ, Беха̄-уд-Дӣнъ сказалъ слѣдующее:

— Явилось въ сердцѣ у меня желаніе поцѣловать порогъ усыпальницы Радости Пророковъ. Разрѣшите мнѣ исполнить это, дабы я отправился по влеченію своего сердца. Если буду живъ — я вернусь назадъ.

— О, Предотвращающій несчастья, сказали бухарцы, — необходимо, чтобы ты назначилъ намъ руководителя (عصا کشی), то есть поставилъ бы на это время замѣстителя себѣ.

Исполняя эту просьбу, Беха̄-уд-Дӣнъ назначилъ своимъ замѣстителемъ своего сына, а самъ отправился въ хаджъ. Сынъ шейха былъ необычайно красивъ и изященъ; вслѣдствіе этого народъ Бухары, по наущенію діавола (да будетъ онъ проклятъ!) захотѣлъ сдѣлать этого молодого человѣка предметомъ своей нечистой страсти (میخواستند بهمرای[2] آن پسر کار فحش کنند). И вотъ въ одинъ изъ дней нѣкоторые изъ «братьевъ діаволовъ» (اخوان شیاطین) собрались къ сыну Беха̄-уд-Дӣна и спросили:

является также انیس الطالبین Мухаммеда Па̄рса̄ (рукоп. Петрогр. унив. № 386). Въ نفحات الانس Джами біографія шейха занимаетъ стр. 247—250 ~~констант.~~ изд. В. Б.].

1) بلا گردان по исмаилитскимъ объясненіямъ (въ разговорѣ со мною у нихъ иногда встрѣчалось это слово) означаетъ святого, угоднаго Богу человѣка, который и послѣ смерти простираетъ свое покровительство на тѣхъ, кто его считаетъ своимъ патрономъ и кто призываетъ его въ несчастьи. При этомъ исмаилиты поясняли мнѣ, что, собственно, вѣрованіе въ такихъ святыхъ существуетъ не у нихъ, а у прочихъ мусульманъ,— однако мнѣ въ Средней Азіи среди господствующаго населенія не приходилось слышать это выраженіе. [Ср. въ نفحات الانس Джами, ~~констант.~~ изд., стр. 247 разсказъ о видѣніи шейха, гдѣ упоминается о дарѣ, полученномъ имъ отъ своего учителя Ба̄ба̄-Сама̄сӣ: ترا آن کرامت کرده اند که بلائی نازل شده از برکت تو دفع شود. В. Б.].

2) Вм. بهمراهیٔ.

— Чтó ты дѣлаешь?

— Я заступаю мѣсто моего великаго отца, отвѣчалъ онъ.

— Скажи, пожалуйста, продолжали пришедшіе, ты знаешь какой либо стихъ изъ Корана относительно (вѣчнаго) спасенія (در بابِ رستکاری) или нѣтъ?

— Какъ же, знаю.

— Чтò же это за стихъ? — продолжали допытываться бухарцы.

— «Совершайте молитвы (и) давайте очистительную съ имущества милостыню»[1]), отвѣчалъ сынъ шейха.

— Вѣрно, отвѣчали бухарцы, и твой великій отецъ этотъ стихъ неоднократно произносилъ своимъ сладкорѣчивымъ языкомъ (برزبانِ شکرفشان بتقریر می کردند). Но, какъ извѣстно, зекāтъ бываетъ двухъ родовъ: имущественный и тѣлесный и если ты не заплатишь зекāтъ тѣлесный, то тебѣ нельзя получить съ насъ зекāтъ имущественный.

---

1) Кор. LXXIII, 20: وَاقِيمُوا الصَّلوٰةَ و آتُوا الزَّكوٰةَ. Къ сему слѣдуетъ замѣтить, что зекāтъ у самихъ памирскихъ исмаилитовъ составляетъ необходимое условіе ихъ религіознаго уклада жизни, причемъ, однако, значеніе его пріурочено къ спеціально исмаилитскимъ воззрѣніямъ. Въ популярной книгѣ, сочиненіе которой приписывается Нāсыр-и-Хосрову, وجهِ دین или رویِ دین (т. е. «Лицо Вѣры», въ смыслѣ лицевой, обрядовой стороны религіи), зекāту посвящены главы (گفتار) 28, 29, 30, 31 и 32; самое понятіе зекāтъ въ нихъ опредѣляется такъ (цитирую по принадлежащей мнѣ полной рукописи, писанной наста'ликомъ типа «моллāп» въ 1284 году хиджры рукою Мубōрака Шō изъ кишлака Поршнивъ въ Шугнанѣ): گویم بتوفیق خدای تعالی اندر دادن زکواة پاکیزه شدن مؤمن است و زیادت است مر نفس مؤمن‌را بدان از بهر آنکه پاکیزهٔ نفس او اندر پاکیزهٔ جسم است و پاکیزهٔ جسم اندر پاکیزهٔ غذاست از حلال و حلال کردن مال اندر بیرون کردن حق خدایست ازو т. е. «Я говорю съ помощью Всевышняго Бога, что дать зекāтъ (значитъ) очиститься правовѣрному и тѣмъ увеличить его духовное богатство (букв.—душу правовѣрнаго), потому что чистота его души—въ чистотѣ его тѣла, а чистота тѣла—въ чистотѣ дозволенной пищи; дозволеніе же имущества (къ обращенію) обусловливается отчисленіемъ изъ него части (въ пользу) Господа Бога» (л. 91, гл. 28). А вышеназванный стихъ Корана въ روی دین (таже гл., л. 91б) объясняется такъ: همی گوید [خدای تعالی] نمازرا بپای دارید وزکواة بدهید وبنماز همی طاعت ناطق فرماید از بهر آنکه طاعت ناطق طاعت خدایست وبی طاعت او طاعت نیست واو علیه السلام نهایتِ مردم است т. е. «говоритъ (Всевышній Богъ): «стойте на молитвѣ и давайте зекāтъ». Предписывая молитву, Онъ приказываетъ повиноваться нāтику, ибо повиновеніе нāтику есть повиновеніе Богу, безъ повиновенія же нāтику нѣтъ покорности (вообще), а онъ,—да будетъ ему миръ!—есть конечная цѣль людей».

Символически же зекāтъ означаетъ асāса съ его истолкованіемъ (تأویل) словъ нāтика, очищающимъ душу отъ сомнѣній и колебаній. И приказаніе Корана «молиться и давать зекāтъ» необходимо къ исполненію для исмаилитовъ, чтобы быть твердыми во внѣшней доктринѣ нāтика и въ внутреннемъ ея смыслѣ чрезъ истолкованіе послѣдняго асāсомъ, и т. п. разсужденія (листы: 91а, 92б и 93).

Исходя изъ строго внушенной религіей необходимости давать зекāтъ, исмаилиты, несмотря на ихъ бѣдность, аккуратно выплачиваютъ его чрезъ своихъ пировъ Ага-Хану въ размѣрѣ 1/10 части своего годового дохода, а пиры получаютъ «доброхотныя пожертвованія» въ зависимости отъ благосостоянія пасомаго или мюрида. Это называется ḥакк-и-пӣр.

Послѣ продолжительнаго спора относительно безстыднаго и гнуснаго дѣла, бухарцы въ концѣ концовъ всѣ совершили съ сыномъ Беха̄-уд-Ди̅на . . . и цвѣтъ лица его, благодаря сему, сталъ другимъ.

Наконецъ настало время возвращенія шейха Беха̄-уд-Ди̅на изъ Мекки, и когда онъ прибылъ въ Бухару, то нашелъ у своего сына весьма измѣнившійся цвѣтъ лица. Онъ спросилъ его о причинѣ сего. Юноша послѣдовательно разсказалъ отцу все случившееся съ нимъ; послѣдній, опечаленный его разсказомъ, воззвалъ къ Богу, говоря: خدایا اهل فتنهرا از زیر دیوارش ویران کن «Боже, разрушь у нечестивцевъ низъ ихъ стѣнъ»[1]).

И теперь всюду, гдѣ есть люди этой (бухарской) вѣры, до дня Страшнаго Суда виденъ знакъ молитвы шейха на стѣнахъ ихъ жилищъ[2]), какъ воспоминаніе того порядка, который шейхъ Беха̄-уд-Ди̅нъ положилъ имѣть бухарцамъ до дня Второго Пришествія.

Послѣ сего случая шейхъ возымѣлъ слѣдующее намѣреніе (تدبیری بر انگیخت). Онъ взялъ осла и сталъ его дрессировать такимъ образомъ: ежедневно выводилъ его изъ своего жилища къ подножію одного дерева и тайно отъ людей давалъ ему тамъ солому и ячмень. И когда оселъ привыкъ получать ежедневно въ опредѣленное время полагающуюся ему порцію корму только подъ этимъ деревомъ, то если онъ не находилъ себѣ здѣсь пищу, топалъ ногой о землю и издавалъ ревъ, пока ему не давали солому и ячмень; жуя ихъ, онъ успокаивался. Послѣ сего шейхъ за городомъ Бухарою, гдѣ нынѣ находится его гробница, вырылъ подъ землею ходъ длиною въ нѣсколько фарсанговъ и затѣмъ написалъ книгу, имѣвшую тотъ смыслъ, что всякій человѣкъ — рабъ Господа и потому необходимо ему въ молодости нѣсколько разъ уплатить достойному человѣку (به مستحقّ) зека̄тъ собственнымъ тѣломъ, дабы получить спасеніе въ этой и будущей жизни. За нѣсколько дней до нижеописаннаго событія шейхъ отправилъ своего сына въ благословенную Джедду подъ предлогомъ хаджа, а когда приготовленія шейха къ исполненію его замысла были закончены, онъ взялъ

1) Слово ویران въ таджицкомъ языкѣ означаетъ *разрушеніе вообще*, а также *помѣху*; отсюда глаголъ ویران کردن (вајро̄н кардан) означаетъ: *разрушить*, *испортить*, *помѣшать*, въ послѣднемъ значеніи, напр., въ фразѣ: вај о̄мад-ӯ-га́па вајро̄н кард, т. е. *онъ пришелъ и помѣшалъ разговору*.

2) Всюду въ Средней Азіи заборы вокругъ усадебъ, да и самыя жилища, обычно возводятся не изъ сырцовыхъ (или обожженныхъ) кирпичей, а изъ сырого лесса болѣе или менѣе хорошо убитаго, и, притомъ, безъ всякаго фундамента, прямо на землѣ. Подъ вліяніемъ надземной влаги (отъ дождей или снѣгу) такія стѣны снизу сырѣютъ и наружный слой ихъ отваливается, благодаря чему онѣ производятъ всюду такое впечатлѣніе, будто снизу ихъ кто то нарочно подкопалъ. При отсутствіи въ такихъ случаяхъ ремонта весьма нерѣдко послѣ сильнаго дождя стѣны обваливаются и давятъ людей и скотъ.

написанную имъ книгу, зарылъ ее подъ тѣмъ деревомъ, гдѣ обычно кормилъ своего осла, и, собравъ бухарскій народъ, сказалъ:

— «Вотъ настало время отправляться мнѣ въ послѣднее путешествіе, т. е. умирать. Когда я уѣзжалъ въ хаджъ, я оставлялъ вамъ своего сына моимъ замѣстителемъ, но теперь и онъ уѣхалъ въ хаджъ и Богъ знаетъ — вернется (назадъ) или нѣтъ. Мнѣ обѣщалъ во снѣ Пророкъ Господенъ, что мое тѣло (تابوت مرا) возьмутъ на небо. А такъ какъ вы являетесь моими вѣрными послѣдователями (مريد صادق) то я вамъ покажу «небесную книгу»; и все, что въ ней написано, все — истина, поэтому вы поступайте согласно изложенному въ ней и чрезъ то спасетесь».

Бухарцы, услышавъ это и чрезвычайно любя шейха, заплакали и стали просить показать имъ небесную книгу. Беха̄-уд-Дӣнъ отвѣтилъ имъ на это:

— Не смущайте теперь мой духъ, но пусть каждый идетъ въ свой домъ, а завтра утромъ приходите и выведите моего осла изъ его помѣщенія и тамъ, гдѣ оселъ остановится, топнетъ ногою и зареветъ, вы копайте на томъ мѣстѣ и навѣрняка найдете тамъ книгу.

Народъ послушался этого совѣта и разошелся по домамъ. А когда настала ночь, шейхъ вошелъ въ вырытый имъ подземный ходъ и, съ намѣреніемъ отправиться въ Джедду (вслѣдъ за сыномъ), вышелъ изъ него съ другого конца.

Когда кончилась ночь, народъ, послушный наставленіямъ своего учителя, вывелъ его осла; послѣдній, не ѣвши цѣлую ночь и потому голодный, побѣжалъ по привычкѣ къ тому дереву (гдѣ всегда получалъ кормъ), но, не найдя тамъ ни соломы, ни ячменя, топнулъ о землю ногою и заревѣлъ. Бухарцы сейчасъ же стали копать на этомъ мѣстѣ (землю) и нашли (обѣщанную имъ шейхомъ) книгу; они стали ее читать и поступать согласно написанному въ ней. И въ настоящее время этотъ обычай среди суннитовъ существуетъ, благодаря установленію шейха Беха̄-уд-Дӣна, а по вышеназваннымъ основаніямъ[1]), до сего времени всякій отправляющійся на поклоненіе къ нему ѣдетъ непремѣнно на ослѣ.

А. Семеновъ.

---

1) Т. е. вслѣдствіе роли осла въ нахожденіи «небесной книги».

Бытовые рельефы на хаченскихъ крестныхъ камняхъ XII и XIII вв.

Въ тѣхъ областяхъ Арменіи, которыя за послѣднее время болѣе или менѣе систематически изучаются, крестные камни съ рельефными сценами представляютъ пока совершенно не отмѣченное явленіе. Имѣются, конечно, крестные камни съ изображеніями евангельскихъ сценъ, Спасителя, Богоматери, различныхъ святыхъ, въ томъ числѣ святыхъ-воиновъ, Саргиса, Георгія и др. но изображеній человѣческихъ въ собственномъ смыслѣ, взятыхъ изъ жизни, не встрѣчается[1]).

Крестные камни съ изображеніями людей были обнаружены впервые въ той части Арменіи, гдѣ вообще излюблена орнаментація рельефами, гдѣ на стѣнахъ храмовъ помимо ктиторскихъ группъ, обычныхъ и для другихъ мѣстностей Арменіи, встрѣчаются довольно большія рельефныя сцены, а именно — въ Хаченѣ[2]).

Въ августѣ 1909 г. во время поѣздки по древнему Хаченскому княжеству или царству мнѣ пришлось видѣть нѣсколько необычныхъ по виду крестныхъ камней XII и XIII вв.; имѣющіеся на нихъ рельефы даютъ любопытный матеріалъ. Работа этихъ рельефовъ крайне груба, и въ художественномъ отношеніи они не представляютъ ничего интереснаго; они важны по своему содержанію.

Почти всѣ эти рельефы изображаютъ вооруженныхъ всадниковъ, въ одиночку или въ сочетаніи съ другими фигурами. Большинство всадниковъ, за исключеніемъ одного, — воины, и ихъ изображенія особенно интересны потому, что являются пока почти единственными воспроизведеніями армянскихъ воиновъ ранней монгольской эпохи, взятыми прямо изъ жизни.

---

1) Сейчасъ не касаюсь интереснѣйшихъ крестныхъ камней Джульфы, требующихъ спеціальнаго изслѣдованія.

2) Нынѣ въ Джеванширскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губ.

Мнѣ удалось видѣть всего 13 крестныхъ камней съ изображеніями людей. Число это, вѣроятно, значительно возросло бы, если бы откопать нѣкоторые кресты, на половину ушедшіе въ землю, и если бы обслѣдовать еще другіе интересные пункты Хачена, гдѣ мнѣ не пришлось побывать, а также и всѣ одинокіе крестные камни, разбросанные по непроходимому мѣстами лѣсу. Вотъ перечень извѣстныхъ мнѣ крестныхъ камней съ рельефами.

I. Развалины пустыни Кочикъ[2]). Въ западной стѣнѣ южнаго притвора, снаружи, вдѣланъ большой крестный камень. Подъ крестомъ рельефное изображеніе всадника. Около фигуры всадника и подъ нею надпись въ 5 строкъ, смѣшаннымъ (иниціальнымъ и строчнымъ) письмомъ, слѣдующаго содержанія:

ԹԻՎ. ՈԾԲ Է: ԵՍ ՏԷՐ ԳԱԳԻԿ ԵՒ ԵՂԲԱՅՐ ԻՄ ԳՐԻԳՈՐ ՈՐԴԻՔ ՇԱՀԱՆԱՅ ԿԱՆԳՆԵՑԱՔ ՁԽԱՉՍ ՀԱՒՐ ՄԵՐՈ: ՈՐՔ ԵՐԿՐՊԱԳԱՅՔ Ի ԱՂԱԻԹ Յ⌞Ի⌟ՇԵՑԷ⌞Ք⌟:

*Лѣто—652 (*1203 г.*). Я, владыка Гагикъ, и братъ мой Григорій, сыновья Шаhана, поставили сей крестъ нашему отцу. Вы, кто поклонитесь, помяните въ молитвѣ.*

II. Тамъ же. Въ западномъ притворѣ, въ нишѣ восточной стѣны находится крестный камень съ рельефомъ всадника. Около всадника надпись въ 10 строкъ мелкими буквами иниціальнаго письма:

ԹԻ⌞Ի⌟ ՈՃԽԳ: ԵՍ ՎԱՍԱԿ ՈՐԴԻ ԱԲԼՀԷՋԻ ԿԱՆ⌜Գ⌝Ն⌝ԵՑԻ ՉԽԱ⌜ՉՍ⌝ Ի ՎԵՐԱՅ ՏԱ-⌞ՊԱ⌟ՆԻՆ ⌜Ե⌝ՂԲԱԻՐ ԻՄՈ ՀԱՍԱՆԱՅ:

*Лѣто 743 (*1294 г.*). Я, Васакъ, сынъ Абулhеджа, поставилъ сей крестъ на могилѣ брата моего hАсана.*

Сбоку мелкая надпись въ 4 строки:

ԱԾ ՈՂ⌝ՈՐՄ⌞ԵԱ⌟ ԳՈՐԾՈՂԻՆ: *Боже, помилуй рѣзчика.*

III. Тамъ же. Въ кладкѣ какого то сооруженія на сѣв.-зап. отъ церкви, быть можетъ монастырскихъ воротъ, лежитъ бокомъ нижняя часть большого крестнаго камня. Подъ крестомъ рельефъ всадника. Около фигуры всадника надпись въ 6 строкъ смѣшаннымъ письмомъ:

Թ⌞ԻԻ⌟ ՈԿԵ: ԵՍ ԳՐԻԳՈՐ ԿԱՆԳՆԵՑԻ ՉԽԱՉՍ ՎԱՍՈՒՐԱՆԱ: ՅԻՇԵՑԷՔ:

*Лѣто 665 (*1216 г.*). Я, Григорій, поставилъ сей крестъ Васурану. Помяните.*

IV. Тамъ же. Рядомъ съ только что упомянутымъ стоитъ другой крестный камень съ рельефнымъ изображеніемъ всадника. Надписи нѣтъ.

V. Тамъ же. Недалеко отъ церкви подъ развѣсистымъ деревомъ среди группы крестовъ, служащей мѣстомъ поклоненія (*սուրբ*) для окрестныхъ

---

2) Развалины пустыни Кочикъ (*Կոչիկ անապատ*) находятся на возвышенномъ хребтѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Кюлатакъ, въ $2^1/_2$ часахъ пути на Ю. отъ сел. Кюлатакъ.

жителей, находится большой крестный камень съ рельефомъ всадника. Передъ всадникомъ изображенъ сидящій младенецъ съ протянутыми къ нему руками. Около всадника надпись въ 5 строкъ смѣшаннымъ письмомъ:

ԹՎԻՆ ՈԿԴ: ԵՍ ՉԱՒԻՐ ԿԱՆԳՆԵՑԻ ԶԽԱՉՍ ՈՐԴՈՅ ԻՄՈՅ ԳՐԻԳՈՐՈՅ: ՅԻՇԵՑԷՔ:

*Лѣто 664 (*1215 г.*). Я, Чавиръ, поставилъ сей крестъ сыну моему Григорію. Помяните.*

VI. Тамъ же. Около крестнаго камня V имѣется еще одинъ, тоже съ рельефомъ всадника. Камень глубоко сидитъ въ землѣ между корнями дерева, такъ что нижней части не видно. Надписи, повидимому, не было.

VII. Тамъ же. Въ апсидѣ сѣверной церковки, на одномъ изъ трехъ вдѣланныхъ въ стѣну крестныхъ камней внизу находится рельефъ всадника. Около всадника надпись въ 9 строкъ смѣшаннымъ письмомъ:

ԹՎԻՆ ՈԿԵ: ԵՍ ՈԹՄԱՆ ԿԱՆԳՆԵՑԻ ԶԽԱՉՍ ԵՂԲԱՒՐ ԻՄՈՅ ՍԱՐԳՍԻ:

Лѣто 665 (1216 г.). *Я, Отманъ, поставилъ сей крестъ брату моему Саргису.*

VIII. Тамъ же. Подъ западной стѣной западнаго притвора находится крестный камень съ рельефомъ всадника. Надписи нѣтъ.

IX. Тамъ же. Въ западную стѣну сѣверной пристройки вставленъ крестный камень; внизу въ правомъ углу рельефное изображеніе фигуры въ длинномъ одѣяніи со сложенными на груди руками. Около фигуры надпись въ 5 строкъ, грубыми буквами смѣшаннаго письма:

ԹՎԻՆ ՈԼ ԷՐ: ԵՍ ՍՊԱՀԱՆԻԿ ԿԱՆԳՆԵՑԻ ԶԽԱՉՍ Ի ՎԵՐԱՅ ՏԱՊԱՆԻ ԱՄՈՒՍՆՈՅ ԻՄՈՅ ՀՐԱՆՈՂԱՅ: ՅԻՇԵՑԷՔ Ի ՔՐԻՍՏՈՍ:

*Лѣто 630 (*1811 г.*) было. Я, Спаһаника, поставила сей крестъ на могилѣ мужа моего һРаноға. Помяните во Христѣ.*

X. Развалины монастыря һАваптукъ[1]). На востокъ отъ церковки среди группы крестныхъ камней выдѣляется одинъ, большой, покривившійся и низомъ ушедшій въ землю. Подъ крестомъ рельефное изображеніе всадника. Надпись въ 7 строкъ:

ՈԼԳ: ԵՍ ՀԱՍԱՆ ՈՐԴԻ ԽԱՆԲԱԿԱՅ ԿԱՆԳՆԵՑԻ ԶԽԱՉԵՐՍ: ՈՎ ԵՐԿՐՊԱԳԷՔ ՅԻՇԵՑԷՔ Ի ՔՐԻՍՏՈՍ:

*633 (*1184 г.*). Я, һАсанъ, сынъ Ханбака, поставилъ сіи кресты. Кто (поклонитесь помяните во Христѣ)*[2]).

XI. Тамъ же. Въ той же группѣ находится одинъ большой двойной крестный камень, разбитый на нѣсколько частей; нижняя часть стоитъ въ землѣ. Внизу направо рельефъ всадника, ѣдущаго налѣво, по направленію

---

1) Развалины һАваптукъ (*Հաւապտուկ*) находятся на довольно высокой поросшей лѣсомъ горкѣ, въ 1 ч. пути на Ю. отъ селенія Ванкъ, на пятиверстной картѣ обозначены: *Р. Ц.*

2) Конецъ надписи скрытъ въ землѣ.

къ человѣческой фигурѣ въ плащѣ и головномъ уборѣ вродѣ капюшона. Около рельефа надпись въ 6 строкъ[1]):

ԹԻ˻Ի˼Ս ՈԼ ԷՐ: ԵՍ ՎԱՐՀԱՄ ԿԱՆԳՆԵՑԻ Զ.....

*Лѣто 630 (*1811 г.*) было. Я Варhамъ поставилъ.....*

Лѣвѣе фигуры въ капюшонѣ надпись въ 4 строки:

ՍԱՐԳԻՍ ՔԱՀԱ ˻ՆԱՅ˼: *Саргисъ священникъ.*

XII. Гандзасарскій монастырь[2]). Подъ сѣверной стѣной храма у западнаго угла стоитъ крестный камень; его нижняя часть скрыта подъ землей, которую для прочтенія надписи пришлось взрыть. Подъ крестомъ рамочка, раздѣленная на три части. Въ первомъ отдѣленіи помѣщено грубое рельефное изображеніе ложа (горизонтальная линія между двухъ вертикальныхъ); на ложѣ представлена женщина съ ребенкомъ; направо изображена группа въ два ряда кружковъ, чередующихся съ горизонтальными линіями.

Во второмъ и третьемъ отдѣленіяхъ рамочки рельефными иниціальными буквами выставлена дата:

ՈԼ ԹԻԻՆ ԷՐ: *630 лѣто было* (1181 г.).

Внизу идетъ надпись въ 4 строки врѣзанными иниціальными буквами:
ԵՍ ՀԱՍԱՆ ՈՐԴԻ ՎԱԽՏԱՆԳԱ ԿԱՆԳՆԵՑԻ ԶԽԱՉՍ Ի ՏԱՊԱՆԻ ԴՍՏԵՐ ԻՄՈ ԽԱԹՈՒՆԻՆ ԵՒ ՄԱՒՐ ԻՒՐ ԹԱԳՈՒՀՈ ԴՍՏԵՐ ԹԱԳՎՈՐԻՆ ԲԱՂԱՑ:

Я, hАсанъ, сынъ Вахтанга, поставилъ сей крестъ на могилѣ моей дочери Хатуны и ся матери Ṫагуhи, дочери царя Баïскаго.

XIII. Тамъ же. Въ юговосточномъ углу притвора къ восточной стѣнѣ прислоненъ большой крестный камень. Внизу въ полукруглой рамочкѣ человѣческая фигура съ кувшиномъ въ правой рукѣ и ѣдущій къ ней всадникъ съ длиннымъ посохомъ, на концѣ котораго видѣнъ крестикъ. Надъ крестомъ надпись въ 2 строки крупными буквами съ лигатурами, читающаяся такъ:
ԿԱՄԱՒՆ Ա̅Յ̅ ԵՍ ԳՐԻԳՈՐԻՍ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍ ԿԱՆԳՆԵՑԻ ԶՍՈՒՐԲ ԽԱՉՍ Ի ՓՐԿՈՒԹԻՒՆ ՀԱՒՐ ԻՄՈՅ:

Волею Бога я, католикосъ Григорисъ, поставилъ сей святой крестъ во спасеніе моего отца.

Внизу болѣе мелкими буквами съ лигатурами написано:
ՍՈՒՐԲ ԽԱՉՍ ՓՐԿՈՒԹԻՒՆ ՊԱՐՈՆ ՄԵՀՐԱՊԻՆ Ի ԿՈՉՄԱՆ ԱՒՈ˻Ւ˼ՐՆ:
Сей святой крестъ спасеніе парона Меhрапа въ день призыва.

Подъ всадниками, изображенными на всѣхъ этихъ крестныхъ камняхъ и ѣдущими обыкновенно влѣво для зрителя, кони выступаютъ медленно и

---

1) Первыя двѣ буквы на отбитомъ кускѣ. Продолженіе надписи скрыто въ землѣ.

2) На пятиверстной картѣ: *Ванкъ.*

размѣренно. Хвосты коней завязаны узломъ; конецъ хвоста бываетъ то спущенъ внизъ, то слегка приподнятъ и отведенъ отъ корпуса.

Какъ видно на рисункѣ, голова лошади украшена особымъ значкомъ или неразвѣвающимся султаномъ съ рѣзко обозначенными контурами. Нѣкоторые кони осѣдланы; сѣдло хорошо видно, напр., на крестномъ камнѣ III. Въ другихъ случаяхъ, какъ на крестномъ камнѣ I, всадникъ видимо сидѣлъ либо на голой спинѣ лошади, либо на очень маленькомъ сѣдлѣ безъ луки, либо на чепракѣ, снабженномъ стременами; послѣднія два предположенія болѣе вѣроятны, такъ какъ безъ стремянъ ноги всадника не должны были бы принять то положеніе, какое онѣ имѣютъ; кромѣ того, съ сѣдломъ, или замѣняющимъ его чепракомъ, долженъ быть связанъ ремень, обхватывающій шею коня у груди и снабженный какимъ-то нагруднымъ украшеніемъ (см. рис.). На рисункѣ видна и уздечка съ широкимъ ременнымъ кольцомъ, надѣтымъ на морду лошади. Рельефную шишечку, видную между мордой и шеей лошади едва-ли слѣдуетъ объяснять случайностью; скорѣе — это большая пышная кисть, связанная съ султаномъ или значкомъ, украшающимъ лобъ коня.

Рельефъ на I крестномъ камнѣ 1203 г. въ пустыни Кочикъ.

Посадка воина, такъ же какъ постановка лошади, условна и однообразна. Рисунокъ вполнѣ передаетъ общій типъ. Туловище и голова всадника обращены къ зрителю, нога показана въ профиль; въ общемъ всадникъ не производитъ безобразнаго впечатлѣнія, хотя, конечно, фигура непропорціональна, туловище слишкомъ длинно по сравненію съ ногами. Всадникъ сидитъ плотно въ сѣдлѣ, вытянувъ впередъ ноги, слегка согнутыя въ колѣнѣ; въ лѣвой рукѣ, согнутой въ локтѣ, всадникъ держитъ уздечку, въ правой рукѣ у него копье. На воинѣ длинное одѣяніе, доходящее почти до щиколодки, выше таліи узкое, кажется даже въ обтяжку, а внизу болѣе широкое. На таліи, вѣрнѣе немного ниже таліи (если только это не случайность) завязанъ плоскій поясъ. Детали лица всадника показаны недостаточно рѣзко, мѣстами едва намѣчены; говорить объ окладѣ лица или о типѣ во всякомъ случаѣ не приходится. Необходимо однако упомянуть, что всадникъ крестнаго камня X имѣетъ довольно рѣзко охарактеризованную бороду.

Всѣ всадники носятъ на головахъ особые уборы, несомнѣнно представляющіе собою шлемы; лишь въ одномъ случаѣ, на крестномъ камнѣ XI, можно предполагать наличіе не шлема, а конической шляпы съ полями, вродѣ сохранившихся и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ племенъ Кавказа, напр., свановъ и осовъ, схематически изображенной въ видѣ Δ; однако и тутъ не исключена возможность, что это шлемъ. Всѣ головные уборы, за исключеніемъ только что упомянутаго, снабжены повязками или же кольчужными бармицами; концы повязокъ или края бармицъ свѣшиваются по сторонамъ головы, всегда обращенной къ зрителю, обрамляя ее на подобіе локоновъ, спускаясь до плечъ и даже ложась на нихъ кончиками, какъ это видно и на рисункѣ. Шлемы встрѣчаются трехъ родовъ. На крестномъ камнѣ III и, кажется, на крестномъ камнѣ IV, шлемъ имѣетъ коническую форму. На другихъ экземплярахъ, какъ крестные камни I и X, шлемъ, сохраняя въ основѣ коническую форму, пріобрѣтаетъ внизу толстый ободъ или оторочку, а на верхушкѣ—шишку; въ такомъ видѣ онъ напоминаетъ головной уборъ третьяго царя въ сценѣ выѣзда царя Трдата[1]) въ росписи анійской церкви Тиграна hОненца и почти тождественъ съ головнымъ уборомъ всадника на рельефѣ въ ц. Аствацацинъ близъ Амаѓу̀ и князя Ячи Прошяна на его ковчегѣ[2]); особенно близко сюда подходитъ шлемъ всадника на крестномъ камнѣ X. Въ виду необычности такой формы шлемовъ, быть можетъ, слѣдовало бы признать въ головныхъ уборахъ всадниковъ на крестныхъ камняхъ I и X не шлемы, а шапки. Къ этому типу близко подходитъ головной уборъ всадника на крестномъ камнѣ V, отличающійся однако же тѣмъ, что онъ имѣетъ наверху не одну шишку, а три, вѣрнѣе—одну тройную; вѣроятно въ этой тройной шишкѣ слѣдуетъ видѣть условное изображеніе тройного султана, а въ шишкѣ на крестныхъ камняхъ I и X—простой султанъ.

На изображеніяхъ всадниковъ помимо шлемовъ представлено всего четыре принадлежности вооруженія: копье, мечъ, лукъ и колчанъ.

На всѣхъ почти крестныхъ камняхъ всадники вооружены длинными копьями; на рисункѣ хорошо видно, какъ воинъ держитъ копье остріемъ впередъ и слегка вверхъ, взявъ его подмышку правой руки, пропустивъ подъ локтемъ и поддерживая снизу изогнутой кистью. Копье имѣло длинный и прямой наконечникъ безъ сердцевиднаго или ромбовиднаго расширенія, но съ замѣтнымъ утолщеніемъ приблизительно на серединѣ длины наконечника.

Всадникъ на крестномъ камнѣ I имѣетъ помимо копья еще и мечъ,

1) Н. Марръ, О раск. и раб. въ Ани лѣтомъ 1906 г. СПБ. 1907, тбл. XVI.
2) Изд. архим. Гарегиномъ, Գեղարուեստ, 1911, № 4.

или скорѣе палашъ; палашъ подвѣшенъ двумя ремешками къ поясу; рукоять имѣетъ перекрестье; самая хватка — съ цилиндрической закругленной на концѣ головкой, загнутой подъ прямымъ угломъ къ стволу хватки.

Большинство всадниковъ вооружено не палашомъ, а лукомъ и стрѣлами. Луки представлены довольно точно, съ характерными отгибами на обоихъ концахъ. Засвидѣтельствовано два способа носить лукъ; всадникъ крестнаго камня VII имѣетъ лукъ за спиною, въ горизонтальномъ положенiи, а у всадника на крестномъ камнѣ X лукъ виситъ у поясницы. Больше однообразiя наблюдается въ манерѣ носить колчанъ, который виситъ всегда наклонно сбоку со стороны зрителя, обыкновенно на ногѣ (лѣвая). Колчанъ имѣетъ форму высокой трапецiи, основанiемъ вверхъ, съ изогнутымъ (?) устьемъ.

Такимъ образомъ въ изображенiи всадниковъ представлено все наступательное оружiе, а изъ оборонительнаго только шлемъ. Впрочемъ, весьма возможно, что броня, вѣроятнѣе кольчуга, предполагалась надѣтой, изобразить-же кольца или детали брони въ такомъ маленькомъ видѣ было невозможно. Отсутствiе щита можно объяснить опасенiемъ скрыть фигуру воина.

Реальное значенiе описанныхъ изображенiй выяснилось для меня не сразу. При видѣ перваго крестнаго камня со всадникомъ, единственное представившееся мнѣ объясненiе было толкованiе всадника какъ св. Георгiя Побѣдоносца или еще болѣе популярнаго у армянъ св. воеводы Сергiя (Саргиса). Но дальнѣйшiя находки, особенно крестные камни V и XI, съ несомнѣнностью устанавливаютъ, что рельефы на крестныхъ камняхъ изображаютъ не святого, а простыхъ смертныхъ — воиновъ. На крестномъ камнѣ V, поставленномъ, какъ видно изъ надписи, отцомъ на могилѣ своего сына, изображены всадникъ и младенецъ, протягивающiй къ нему руки; нѣтъ никакого сомнѣнiя, что тутъ представлены самъ ктиторъ памятника и его покойный сынъ.

Еще болѣе убѣдительный примѣръ имѣемъ въ крестномъ камнѣ XI, гдѣ всадникъ ѣдетъ по направленiю къ фигурѣ въ плащѣ и въ капюшонѣ или клобукѣ; какъ видно изъ надписи, этотъ крестный камень сооруженъ Варhамомъ, вѣроятно въ память его отца или брата, который и изображенъ тутъ же, съ пояснительной надписью: «священникъ Саргисъ». Этотъ Саргисъ не могъ быть изображенъ на крестѣ, какъ соучастникъ въ его постановкѣ: въ такомъ случаѣ надпись была-бы составлена отъ имени обоихъ, и Варhама и Саргиса.

Изображенiе Саргиса имѣетъ значенiе и независимо отъ того, что оно помогаетъ выясненiю смысла подобныхъ рельефовъ, въ немъ мы имѣемъ весьма рѣдкое изображенiе армянскаго духовнаго лица XII в. На Саргисѣ надѣто одѣянiе вродѣ плаща и остроконечный капюшонъ; въ первомъ безъ

труда можно признать фелонь, и до сихъ поръ сохранившую въ армянской церкви такой же видъ, а въ капюшонѣ — клобукъ, точнѣе — веґаръ, обычный головной уборъ армянскаго чернаго духовенства. Саргисъ названъ въ надписи *քահանայ священникомъ*; судя по тому, что на головѣ у него надѣтъ веларъ, признакъ принадлежности къ монашескому чину, Саргисъ былъ іеромонахомъ.

Итакъ, въ групповыхъ рельефахъ мы имѣемъ изображенія погребеннаго, въ память котораго сооружался крестный камень, и его родственника, взявшаго на себя этотъ трудъ и расходы по постановкѣ памятника. Одиночныя изображенія могли бы представлять и покойнаго и того, кто соорудилъ крестный камень. Во всякомъ случаѣ, что касается крестнаго камня I, то на немъ, безспорно, изображенъ покойный Шаһанъ, а не одинъ изъ его сыновей, владыка Гагикъ или Григорій: если предполагать здѣсь сына, то слѣдуетъ видѣть во всадникѣ старшаго, имя котораго упомянуто въ надписи первымъ, т. е. Гагика, а онъ лицо духовное, а не воинъ.

Разрѣшенію вопроса, изображаютъ ли рельефы погребеннаго или соорудителя памятника, не можетъ помочь родственный и современный имъ рельефъ IX въ пустыни Кочикъ. Въ описанной фигурѣ съ равнымъ основаніемъ можно видѣть и һРаноґа и его жену Спаһанику; и для одного и для другой вполнѣ умѣстны и длинное одѣяніе и сложенныя на груди руки.

Зато на находящемся въ Гандзасарскомъ монастырѣ крестномъ камнѣ несомнѣнно изображены погребенныя подъ нимъ лица, а не строитель памятника. Безъ сомнѣнія, сидящая на ложѣ женщина—Тагуһа, а ребенокъ—Хатуна. Этотъ рельефъ интересенъ двумя деталями: во-первыхъ, головнымъ уборомъ женщины, весьма напоминающимъ уборъ «княгинь» на фрагментахъ фаянсовыхъ чашъ и мисокъ XII-XIII вв. изъ раскопокъ въ Ани; во-вторыхъ, изображеніемъ ложа. Точно такой же типъ сохранили армянскія «тахты» и до нашего времени; несмотря на всю схематичность рельефа это отождествленіе не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію [1]).

Особо приходится разсматривать рельефы на недатированномъ крестномъ камнѣ XIII. Этотъ крестный камень долженъ быть значительно болѣе поздняго времени, чѣмъ выше перечисленные. Очевидно, католикосъ Григорисъ изобразилъ въ видѣ всадника себя и потому снабдилъ этого всадника крестомъ на длинномъ посохѣ. Неясно, почему отецъ Григориса предста-

1) Остается неяснымъ нелишенный интереса вопросъ, были ли ножки тахты вырѣзныя, точнѣе—въ видѣ столбиковъ, какъ у нашихъ столовъ, или вмѣстѣ съ боковыми бортами тахты представляли сплошную доску. Кромѣ того остается непонятымъ и реальное значеніе упомянутой группы кружковъ и горизонтальныхъ линій; вѣроятнѣе всего, что это — схематическое изображеніе плоскихъ подушекъ для сидѣнія и «мутакъ» (вальковъ), собранныхъ въ кучу, какъ это дѣлается и теперь.

вленъ съ кувшиномъ въ рукѣ; если видѣть въ этомъ указаніе на родъ занятій, то пришлось бы заключить, что отецъ Григориса былъ гончаромъ; другое, возможное, но слишкомъ натянутое объясненіе, можно дать въ связи съ народной этимологіей имени Меһрабъ, для чего нужно признать нижнюю надпись продолженіемъ основной, а не припиской, и видѣть въ Меһрабѣ отца Григориса: кувшинъ (съ водой) могъ быть символическимъ аттрибутомъ мираба, распредѣлителя оросительныхъ водъ, воднаго старосты. Болѣе вѣроятно другое объясненіе: кувшинъ имѣетъ какое-то неизвѣстное намъ общее символическое значеніе и долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ другими кувшинами, во множествѣ изображаемыми въ рукахъ фигуръ на болѣе позднихъ армянскихъ надгробіяхъ.

Въ рельефѣ Григориса для насъ важно то обстоятельство, что тутъ явно обнаруживается условный шаблонъ: на болѣе старыхъ крестныхъ камняхъ бываютъ обыкновенно представлены всадники-воины, и Григорисъ, не будучи воиномъ, изображаетъ себя на конѣ, при этомъ онъ держитъ въ рукѣ посохъ такъ же точно, какъ всадники-воины держатъ копье. На крестномъ камнѣ XI, какъ мы видѣли, воинъ представленъ на конѣ и при оружіи, а священникъ въ соотвѣтствующемъ его сану одѣяніи.

Старые рельефы (первые десять и два рельефа безъ всадниковъ) вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, мастеръ старался изобразить опредѣленное лицо, а не вообще человѣка; въ этомъ смыслѣ большое значеніе получаетъ борода, обрамляющая лицо всадника на крестномъ камнѣ X.

Свѣдѣнія наши о всемъ, что касается реальной жизни древней Арменіи отличаются такой скудостью, что каждая новая черта, какъ бы она ни казалась на первый взглядъ маловажной, пріобрѣтаетъ нѣкоторый интересъ. Рельефы на крестныхъ камняхъ при всей ихъ грубости, мнѣ кажется, весьма важны; тщательное и даже мелочное изученіе всѣхъ подходящихъ сюда памятниковъ обѣщаетъ открыть намъ много новаго, и, въ освѣщеніи и другихъ источниковъ, можетъ способствовать выясненію нѣкоторыхъ частностей обстановки армянской жизни въ XII-XIII вв.

І. Орбели.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

388. Азіатская Россія. Изданіе Переселенческаго Управленія Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. 1914. С.-Петербургъ. Томъ I. Люди и порядки за Ураломъ. VIII, 576, II стр. Томъ II. Земля и хозяйство. 638, II стр. Томъ III. Приложенія. CLV. стр. 4°[1]).

«По мысли и по непосредственнымъ указаніямъ Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, статсъ-секретаря А. В. Кривошеина» переселенческимъ управленіемъ издана «своего рода энциклопедія» свѣдѣній объ Азіатской Россіи (кромѣ Кавказа); цѣль изданія — «отвѣтить пробудившемуся интересу къ азіатскимъ окраинамъ». Въ первый томъ вошли статьи содержанія историко-юридическаго и этнографическаго, во второй — естественно-историческаго и экономическаго. Къ участію въ составленіи энциклопедіи были привлечены авторитетные ученые; достаточно сказать, что «Историческій очеркъ завоеванія Азіатской Россіи» составленъ покойнымъ С. М. Середонинымъ, которому эта работа, по словамъ авторовъ его некролога[2]), была предложена, какъ «лучшему знатоку русской исторической географіи»; часть статьи о земляхъ Кабинета Его Величества принадлежитъ проф. В. В. Сапожникову; среди другихъ статей есть статьи проф. А. И. Воейкова (о климатѣ), проф. К. Д. Глинки (о почвахъ), Л. С. Берга (объ устройствѣ поверхности), Б. А. Федченко (о растительности). Статьи, подписанныя менѣе извѣстными именами или совершенно не подписанныя, большею частью составлены, насколько можетъ судить неспеціалистъ, съ такимъ же знаніемъ дѣла[3]). Книга издана великолѣпно, со множествомъ превосходныхъ фотографій, рисунковъ, діаграммъ, картъ и т. п. Какъ собранныя въ двухъ томахъ[4]) данныя о культурныхъ успѣхахъ присоединенныхъ къ Россіи странъ, такъ и самый фактъ появленія въ

---

1) Все изданіе составляетъ одно цѣлое съ вышедшимъ еще въ 1913 г. «Атласомъ Азіатской Россіи» (см. ЗВО XXII, 201, пр. 3).

2) С. Ф. Платонова и Н. Д. Чечулина (ЖМНП 1914, ноябрь, соврем. лѣт., стр. 44).

3) Обращаемъ особенное вниманіе оріенталистовъ, интересующихся культурной исторіей Туркестана, на превосходную статью Е. Е. Скорнякова объ искусственномъ орошеніи (II, 219—255).

4) Въ третій томъ вошли указатели, перечень портретовъ, рисунковъ, картъ и т. п. и списокъ опечатокъ.

свѣтъ подобнаго изданія наглядно свидѣтельствуетъ о культурномъ ростѣ Россіи за послѣднія десятилѣтія.

Тѣмъ не менѣе издатели справедливо указываютъ на неизбѣжность несовершенства «первой попытки» составленія такого сборника. Рецензентъ не можетъ не выразить сожалѣнія, что къ участію въ составленіи и редактированіи книги, гдѣ, между прочимъ, собраны свѣдѣнія о такой древней культурной странѣ Востока, какъ Туркестанъ, не былъ привлеченъ ни одинъ изъ русскихъ оріенталистовъ. Вслѣдствіе этого тѣ мѣста, гдѣ говорится объ этнографическомъ составѣ, духовномъ бытѣ и прошломъ народовъ Туркестана, не всегда, къ сожалѣнію, удовлетворяютъ даже требованіямъ элементарной грамотности. Даже въ статьѣ С. М. Середонина мы встрѣчаемъ характерное замѣчаніе, что «киргизы, *какъ раньше калмыки* (курс. рец.), находились подъ сильнымъ вліяніемъ ханствъ Кокана, Хивы и Бухары» (I, 32). Автору, повидимому, осталось неизвѣстнымъ, что калмыки не были мусульманами и потому подъ вліяніемъ ханствъ находиться не могли. Большое число недоразумѣній заключаетъ въ себѣ этнографическій очеркъ, составленный И. П. Поддубнымъ (I, 93—178). Съ сохраненіемъ стараго термина «урало-алтайцы» и стараго дѣленія этой семьи языковъ на пять группъ можно было бы еще примириться; хуже, что авторъ смѣшиваетъ «монголовъ», какъ расу, съ «монголами», какъ лингвистической группой, вслѣдствіе чего дунгане оказываются одновременно «китайцами-мусульманами» и «представителями монгольской группы въ Туркестанѣ» (стр. 143). Таджики раздѣляются на горцевъ (гальча́) и жителей долинъ; «первые (т. е. горцы. В. Б.) говорятъ на языкѣ, родственномъ персамъ (sic. В. Б.), а вторые забыли родное нарѣчіе» (стр. 176 сл.). Въ дѣйствительности именно равнинные таджики говорятъ на языкѣ, близкомъ къ персидскому, тогда какъ нарѣчія горцевъ персамъ непонятны. Хезарейцы почему-то названы «хозарами» (стр. 178), вслѣдствіе чего читатель-неспеціалистъ можетъ смѣшать ихъ со средневѣковыми ха́зарами на Волгѣ. Афганцы-сунниты названы шіитами (стр. 177). Очень неточны свѣдѣнія объ исламѣ и шаріатѣ; источниками шаріата, кромѣ корана, названы «хасиды (чит. «хадисы». В. Б.) и фатвы (юридическія рѣшенія)— толкованія преемниками пророка (sic. В. Б.) разныхъ неясныхъ мѣстъ корана по разнымъ вопросамъ жизни» (стр. 169, прим.). О мусульманской географіи говорится, что «земля представляется какъ плоскость, со всѣхъ сторонъ окруженная горами *капъ*, гдѣ обитаютъ *полулюди* и *полуптицы—купъ*» (курс. автора, стр. 172)[1]).

---

1) Очевидно, авторъ неправильно понялъ выраженіе «кух-и-Кафъ» (гора Кафъ).

Исламу вообще не особенно посчастливилось. Въ статьѣ П. П. Любимова о «религіяхъ и вѣроисповѣдномъ составѣ населенія» невѣрно указано даже столѣтіе возникновенія ислама: VI в. вмѣсто VII в. (I, 232). Въ статьѣ Н. В. Турчанинова о школьномъ дѣлѣ между прочимъ сообщается, будто «въ старомодныхъ мектабахъ» (sic), кромѣ корана, преподаются также «исторія и географія Туркестана» (I, 258). Столь же скудны и неточны свѣдѣнія о другихъ сторонахъ культурной жизни Туркестана въ прошломъ и настоящемъ. И. П. Поддубный ошибочно полагаетъ, что Маргіана «привлекала вниманіе еще Александра Македонскаго» (I, 93)[1]). Объ исторіи городовъ Туркестана сообщается только (въ статьѣ Н. В. Турчанинова), что «древніе туркестанскіе города хранятъ слѣды былыхъ историческихъ событій; каждый имѣетъ свою исторію (? В. Б.), передаваемую изъ рода въ родъ въ красочныхъ формахъ восточныхъ сказаній, связанныхъ съ именами Александра Македонскаго, Тамерлана и другихъ легендарныхъ героевъ» (I, 318). Въ той же статьѣ (стр. 327) упоминается «Кокандъ, или по-мѣстному «Лятижъ», что въ переводѣ означаетъ «Прелестный» (имѣется въ виду слово *лятифъ* — эпитетъ, присоединяемый къ названію города Коканда, но не замѣняющій его). Изображеніе главнаго бухарскаго минарета (I, 338) снабжено непонятной подписью: «Башня Зинъ-Зандъ (? В. Б.) въ Бухарѣ». Надписи на персидскомъ языкѣ, сохранившіяся въ Джизакскомъ ущеліи, ошибочно названы «турецко-татарскими» (II, 548)[2]). Само собою разумѣется, что на собранныхъ въ книгѣ статистическихъ данныхъ о населеніи Туркестана отразились тѣ же недостатки переписи 1897 г. и тѣ же противорѣчія мѣстной статистики, которыя уже не разъ отмѣчались на страницахъ «Записокъ»[3]).

Незнакомство съ трудами оріенталистовъ отразилось, хотя и въ меньшей степени, также на свѣдѣніяхъ о другихъ областяхъ Азіатской Россіи. Такъ въ очеркѣ И. П. Поддубнаго встрѣчается не совсѣмъ понятная ссылка на какую-то «лѣтопись конца XII в.», по которой бурятскій правитель поднесъ Чингизъ-хану ястреба-утколова (I, 133). Очевидно, авторъ смѣшалъ время событія съ временемъ сочиненія «лѣтописи»; въ XII в. никакихъ лѣтописей ни у бурятъ, ни у монголовъ не было[4]). По статистической таблицѣ, приведенной въ статьѣ Н. П. Турчанинова (I, 80), со времени переписи 1897 г. нѣсколько увеличилось, между прочимъ, число енисейскихъ остяковъ (1021 чел. вмѣсто 988); въ дѣйствительности эта народность, какъ вновь установлено работами В. И. Анучина, произведен-

1) Объ этомъ В. А. Жуковскій, Развалины Стараго Мерва, стр. 6 сл.

2) Ср. о противоположной ошибкѣ кн. В. Н. Масальскаго ЗВО XXII, 203.

3) ЗВО XI, 354; XVIII, 0190 сл.; XXII, 204.

4) Извѣстіе, приведенное авторомъ, находится въ монгольской лѣтописи XVII в. Алтанъ-Тобчи, переведенной Гомбоевымъ (Труды Вост. Отд. VI, 133).

ными на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи[1]), принадлежитъ къ числу быстро вымирающихъ (такъ правильно сказано и въ статьѣ И. П. Поддубнаго, I, 106).

Исправленіе погрѣшностей, безъ которыхъ книга, по признанію самихъ составителей, не могла обойтись, нѣсколько затрудняется отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній о литературѣ предмета. Въ заключительной (анонимной) статьѣ «Исторія изученія Азіатской Россіи» (II, 617—638) приводятся только имена изслѣдователей, но не заглавія ихъ трудовъ. Среди указателей, вошедшихъ въ т. III, есть «указатель главнѣйшихъ источниковъ и пособій по Азіатской Россіи» (стр. LXXI—CXLI); но этотъ библіографическій обзоръ составленъ не вполнѣ удачно. Изъ сочиненій, касающихся Средней Азіи, опущены многія, по своему значенію отнюдь не уступающія книгамъ и статьямъ, вошедшимъ въ указатель; въ распредѣленіи матеріала не всегда соблюдена система; такъ трудъ Гаури, въ переводѣ Хомутова, упомянутъ въ отдѣлѣ «Населеніе» и т. д. (стр. LXXIII), остальные труды объ исламѣ— въ отдѣлѣ «Религія и вѣроисповѣданія» (стр. LXXVI). Только въ немногихъ статьяхъ (въ I томѣ анонимныя статьи о «крестьянскомъ переселеніи» и о «земельныхъ порядкахъ за Ураломъ», во II томѣ статья С. В. Востротина о сѣверномъ морскомъ пути) есть ссылки въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Въ заключеніе остается только присоединиться къ «горячему желанію» главнаго управленія, чтобы изданная имъ книга послужила «починомъ» и чтобы «въ ближайшемъ будущемъ появились другіе, болѣе совершенные труды, посвященные изученію Азіатской Россіи» (т. I, стр. VIII). Осуществленіе этого желанія, конечно, будетъ зависѣть отъ общихъ условій культурной жизни Россіи. Рецензентъ не видѣлъ бы основанія присоединиться къ сѣтованіямъ покойнаго С. М. Середонина, что у Ермака, Пояркова и друг. не было «больше знанія, больше чувства мѣры» (I, 14). Дѣятелей прошлаго приходится брать такими, какими они были; иными они и не могли бы выполнить свое историческое назначеніе; Ермака и Атласова съ «чувствомъ мѣры» такъ-же трудно себѣ представить, какъ профессора нашихъ дней въ роли сибирскаго землеискателя XVI—XVII в. Но времена измѣнились, и теперь, по справедливому замѣчанію неизвѣстнаго автора заключительной статьи, работа должна происходить при свѣтѣ «современныхъ научныхъ знаній и указаній исторіи и научнаго опыта» (II, 638). Надо надѣяться, что эта точка зрѣнія когда нибудь будетъ распространена и на ту отрасль русской науки, съ которой до настоящаго времени едва ли не меньше всего считались представители русскаго правительства и общества: на русское востоковѣдѣніе. **В. Б.**

---

1) Изв. Русскаго Комитета, № 5, стр. 10 сл.

389. С. В. Жуковскій. Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за последнее трехсотлѣтіе. Петроградъ. 1915 (= Труды Общества Русскихъ Оріенталистовъ. №. 2). XII, 214 стр. 8°. Цѣна 1 р. 25 к.

Новое изданіе «Общества Русскихъ Оріенталистовъ» заключаетъ въ себѣ подробный обзоръ сношеній Россіи съ Бухарой и Хивой съ половины XVI в.[1]), когда начались эти сношенія, до подчиненія обоихъ ханствъ русской власти въ 1868 и 1873 гг. Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о «весьма полезныхъ указаніяхъ», полученныхъ имъ отъ его учителя Н. И. Веселовскаго, и о содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и его «ближайшаго начальства по службѣ». Кромѣ печатныхъ книгъ (перечисляемыхъ на стр. IX—XII) онъ могъ пользоваться также «секретными дѣлами и документами архива министерства иностранныхъ дѣлъ»; во время составленія и печатанія книги онъ, кромѣ того, ознакомился съ нѣкоторыми дѣлами московскаго главнаго архива, но, «по чисто техническимъ соображеніямъ», не внесъ извлеченныхъ изъ этихъ рукописей данныхъ въ свою книгу[2]). Почти столь-же мало использованы въ настоящей книгѣ петроградскія рукописи; только въ краткихъ словахъ упоминаются «представляющій извѣстный интересъ рукописный сборникъ», подъ заглавіемъ «Выписки и примѣчанія о народахъ, обитающихъ въ Срѣдней (sic) Азіи» (стр. 66) и «довольно интересныя записки Виткевича о его пребываніи въ Бухарѣ» (стр. 109). Нѣтъ даже признаковъ непосредственнаго пользованія такими общедоступными сборниками документовъ, какъ «Полное Собраніе Законовъ», «Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею»[3]), «Письма и бумаги императора Петра Великаго» и т. п. Книга, такимъ образомъ, имѣетъ чисто-компилятивный характеръ; какъ во всѣхъ компиляціяхъ этого типа, текстъ чужихъ книгъ иногда не столько пересказывается, сколько переписывается, съ ссылкой на источникъ, но безъ ковычекъ. Тѣмъ не менѣе въ книгѣ С. В. Жуковскаго, какъ во всякой тщательно составленной компиляціи, исправлены нѣкоторые недосмотры и ошибки прежнихъ изслѣдователей[4]), и потому книга не лишена нѣкотораго научнаго значенія.

---

1) Упоминаніе въ заглавіи о «трехсотлѣтіи» объясняется тѣмъ, что составленіе книги пріурочено къ юбилею 1913 г.

2) О дальнѣйшей судьбѣ этого матеріала говорится только, что авторъ «не теряетъ надежды» опубликовать его въ будущемъ. Къ этой надеждѣ, конечно, можно только присоединиться.

3) Изъ этого сборника авторъ могъ бы извлечь много интересныхъ данныхъ, относящихся къ предмету его труда (можно указать, напр., на документъ 1646 г., т. IV, стр. 42—44 «о бывшихъ въ Астрахани персидскихъ, бухарскихъ и ургенчскихъ послахъ и гонцахъ»).

4) Сюда принадлежатъ также нѣкоторыя изъ ошибокъ, вкравшихся въ печатный университетскій курсъ пишущаго эти строки («Исторія изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи», Спб. 1911).

Трудъ С. В. Жуковскаго принесъ бы, однако, еще больше пользы, если бы авторъ обнаружилъ въ немъ нѣсколько меньше пристрастія къ старой литературѣ и нѣсколько больше знакомства съ новѣйшими работами. Въ спискѣ «библіографіи и источниковъ» упомянуты, между прочимъ, даже старыя газетныя статьи, въ томъ числѣ безграмотная, судя по заглавію, статья «Тегари-Шахрухіе» (Турк. Вѣдомости 1876 г.); между тѣмъ оставлены безъ вниманія такія статьи, какъ статья В. В. «Изъ области исторіи», въ той же газетѣ за 1899 г., № 32 [1]). Изъ этой работы авторъ могъ бы извлечь нѣсколько поправокъ къ списку бухарскихъ и хивинскихъ правителей, перепечатанному имъ (стр. 200—202), въ данномъ мѣстѣ даже безъ ссылки на источникъ, изъ вышедшаго въ томъ же 1899 г. перевода книги Лэнъ-Пуля «Мусульманскія династіи». Болѣе правильныя даты, чѣмъ въ этомъ спискѣ, авторъ могъ бы найти и въ нѣкоторыхъ работахъ пишущаго эти строки, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ 1899 г. [2]). Не говоримъ уже о томъ, что воцареніе, низложеніе или смерть правителя, оффиціально считавшагося главой династіи, не всегда обозначали собой перемѣну въ дѣйствительномъ политическомъ положеніи; такъ Пиръ-Мухаммедъ никогда не «правилъ Бухарою» (стр. 3, прим. 2), а Абдулла господствовалъ въ Бухарѣ не только съ 1583 г., когда онъ «смѣнилъ Искендера» (стр. 10, прим. 4), но уже съ 1557 г. Недостаточное знакомство съ литературой по Средней Азіи отразилось какъ на общемъ представленіи автора о прошломъ страны [3]) и письменныхъ памятникахъ этого прошлаго [4]), такъ и на нѣкоторыхъ частностяхъ [5]). Встрѣчаются мѣста, гдѣ

1) Ср. также мой отвѣтъ на эту статью въ № 42 той же газеты, за тотъ же годъ.

2) «Bukhārā» (Enz. des Islām, I, 809 f.); «Событія передъ хивинскимъ походомъ 1873 года по разсказамъ хивинскаго историка» (Кауфманскій Сборникъ, Москва 1910, стр. 1—19); «Къ исторіи орошенія Туркестана» (Спб. 1914).

3) По мнѣнію автора (стр. 2) сношенія Европы съ Азіей были «прерваны монголами»; торговый путь черезъ Азію въ Индію былъ «оставленъ послѣ погромовъ Тамерлана». Извѣстно, что именно при монголахъ сухопутныя сношенія Европы съ Азіей получили такое развитіе, какого никогда не достигали ни раньше, ни послѣ (ср. объ этомъ ЗВО VIII, 30; В. Бартольдъ, Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ и низовьяхъ Аму-дарьи, Ташкентъ 1902, стр. 55 сл.; Исторія изученія Востока, стр. 68 сл.). О торговомъ значеніи Самарканда въ 1404 г. (слѣдовательно, послѣ погромовъ Тамерлана) ср. данныя, приведенныя у Клавихо (Сборн. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1, стр. 329), гдѣ сказано, что товары привозились въ Самаркандъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ Индіи, изъ чего видно, что «торговый путь черезъ Среднюю Азію въ Индію» существовалъ.

4) Авторъ увѣряетъ (стр. V), что «нѣтъ даже никакихъ указаній» на существованіе «въ туземныхъ литературахъ (бухарской и хивинской)» данныхъ о сношеніяхъ съ Россіей; между тѣмъ въ текстѣ книги въ трехъ мѣстахъ (стр. 10, 19 и 56) упоминаются такія данныя, извлеченныя изъ одного бухарскаго сочиненія и двухъ хивинскихъ и вошедшія въ мой университетскій курсъ. Болѣе подробныя данныя изъ хивинской исторіи сообщены мною въ «Кауфманскомъ Сборникѣ». Хивинская исторія, которую я надѣюсь въ близкомъ будущемъ издать полностью, заключаетъ въ себѣ еще много другихъ интересныхъ данныхъ по тому же вопросу.

5) Автору, какъ показываютъ высказанныя имъ на стр. 3 предположенія, остались неизвѣстными слова Дженкинсона, что послы изъ Бухары, Балха и Хорезма, отправлявшіеся

авторомъ, очевидно, невѣрно было понято указаніе Н. И. Веселовскаго[1]). Несмотря на стремленіе автора къ полнотѣ, въ его книгѣ не упомянуты нѣкоторые факты изъ исторіи сношеній между Россіей и ханствами, о которыхъ уже была рѣчь въ русской литературѣ. Такъ автору, повидимому, осталось неизвѣстнымъ, что въ Ургенчѣ былъ русскій посолъ въ 1592 г.[2]). Слѣдовало бы упомянуть также о Михаилѣ Тихоновѣ и Алексѣѣ Бухаровѣ, бывшихъ въ Ургенчѣ въ 1614 г.[3]). Посольство было отправлено въ Персію и было въ Средней Азіи только проѣздомъ, но его принялъ въ Ургенчѣ ханъ Арабъ-Мухаммедъ; для автора оно, кромѣ этого, представляло бы интересъ, какъ первое посольство на Востокъ при домѣ Романовыхъ и первое путешествіе русскихъ людей черезъ Среднюю Азію, описаніе котораго дошло до насъ.

Въ заключеніе авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ (168—172) политикѣ Россіи по отношенію къ ханствамъ послѣ ихъ покоренія. Оффиціальному оптимизму, которымъ проникнуты эти страницы, можно противоставить мнѣніе едва ли не всѣхъ независимыхъ русскихъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и учителя автора, проф. Н. И. Веселовскаго[4]). Интересенъ, однако, приведенный въ приложеніяхъ (стр. 175—199) текстъ нѣкоторыхъ договоровъ Россіи съ ханствами отъ 1868 до 1913 г. (послѣдній документъ касается соглашенія по вопросу о желѣзной дорогѣ Каганъ — Термезъ).

Если книга С. В. Жуковскаго, несмотря на всѣ недочеты, все-таки можетъ быть признана полезнымъ пріобрѣтеніемъ для небогатой русской литературы о Средней Азіи, то о приложенной къ книгѣ картѣ, къ сожалѣнію, трудно было бы сказать то же самое[5]). **В. Б.**

съ нимъ въ Москву въ 1559 г., ѣхали туда съ большимъ страхомъ, такъ какъ передъ этимъ долго не было посольствъ изъ «Тартаріи» въ Россію. На этомъ и было основано мое предположеніе, что русскія свѣдѣнія о посольствѣ 1557 г. заключаютъ въ себѣ хронологическую неточность, такъ какъ рѣчь можетъ итти только о посольствѣ, прибывшемъ съ Дженкинсономъ («Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ» и т. д., стр. 103 сл. и 115). Само собою разумѣется, что дѣйствія Іоанна Грознаго объясняются не только «желаніемъ угодить англичанамъ»; царь и его совѣтники могли рѣшить, что желаніе англичанъ въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ выгодами Россіи.

1) Такъ армяниномъ былъ не Касимовъ (стр. 35, прим. 1), а Даудовъ (ЗВО XXII, стр. XXIV).

2) Н. И. Веселовскій, Памятники диплом. и торг. сношеній Московской Руси съ Персіей, I, 162 (слова персидскаго гонца: «То вамъ будетъ самимъ вѣдомо отъ посланника вашего, которой у Юргенского Азима царя»). Было приведено мною въ «Свѣдѣніяхъ объ Аральскомъ морѣ», стр. 115.

3) Подробно въ Пам. диплом. и торг. сношеній, II, 151 сл. Ср. «Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ», стр. 116 сл.; «Исторія изученія Востока», стр. 155.

4) ЗВО VIII, 163 сл.

5) Не отмѣчена даже линія желѣзной дороги; изъ рѣкъ не отмѣченъ Герирудъ; Чу вытекаетъ изъ Иссыкъ-куля; Шахрисябзъ помѣщенъ не къ юго-западу, а къ юго-востоку отъ Самарканда; въ Ферганѣ, приблизительно на мѣстѣ Намангана, помѣщенъ какой-то второй Маргеланъ и т. д. и т. д.

390. მ. გ. ჯანაშვილი. საინგილო М. Г. Джанашвили. Сайнгило [въ ძველი საქართველო (Древняя Грузія) т. II, отд. 4, стр. 51–276 съ Поправками и Дополненіями на стр. 350–352=отд. оттискъ, Тифлисъ, 1913 г., 231 стр.][1]).

Въ настоящей книгѣ М. Г. Джанашвили сообщаетъ историко-географическія, этнографическія и лингвистическія свѣдѣнія о Сайнгило, крайней грузинской области на Востокѣ, въ Закатальскомъ округѣ. Наиболѣе слабая часть книги—историческій очеркъ, наиболѣе сильная—этнографическія свѣдѣнія, порою очень подробныя и изложенныя весьма живо. Авторъ — ингилоецъ показалъ себя хорошимъ знатокомъ родного края, и даваемыя имъ картины изъ быта, нравовъ, обычаевъ и религіозныхъ представленій ингилойцевъ долго сохранятъ свою свѣжесть.

Лингвистическая часть книги, о которой поговоримъ подробнѣе, задумана хорошо, но исполнена слабо. Она состоитъ изъ трехъ частей: изъ текстовъ по ингилойскому говору, замѣтокъ по грамматикѣ и словаря. Къ сожалѣнію, ни одна изъ этихъ частей не выполнена вполнѣ удовлетворительно: въ текстахъ[2]) наталкиваешься на непослѣдовательности, не оговоренныя въ изслѣдованіи; чтеніе нѣкоторыхъ сказокъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онѣ записаны не со словъ ингилойцевъ; не обращено должнаго вниманія на возможно точную передачу ингилойскихъ звуковъ[3]); грамматическій обзоръ и вообще весь трудъ много выигралъ бы, если бы не было сопоставленій ингилойскихъ формъ съ мингрельскими, сванскими, армянскими, осетинскими, удинскими[4]); въ словарѣ обращаетъ на себя вниманіе прежде всего порядокъ расположенія словъ: располагать теперь грузинскій словарь въ простомъ алфавитномъ порядкѣ, это, право, регрессъ въ исторіи грузинской лексикографіи. Бросается въ глаза и то, что словарь составлялся какъ будто наспѣхъ, и, видимо, по памяти, и потому многія ингилойскія слова, которыя имѣются въ этой же книгѣ въ этнографическихъ матеріалахъ, не попали въ глоссарій, а въ числѣ приведенныхъ имѣются и такія, которыя ничуть не возбуждаютъ особаго интереса; такъ напр., въ словарѣ имѣется თავლ *медъ* съ ненужными здѣсь сопоставленіями, но пропущено თავლა-ვაშლი (стр. 53/101) *сортъ яблокъ*; имѣется ვაშლ *яблоко* опять съ лишними сопоставленіями, но нѣтъ ვაშლაჲ *сортъ сливъ* (стр. 53/101); въ словарѣ стоитъ слово сомнительнаго, во всякомъ случаѣ не грузинскаго, происхожденія ვარდ *роза,* но отсутствуетъ ингилойское ე-ვარდება (стр. 113/161), ჩა-ე-ვარდება (114/162) *выпадать на*

1) Ссылки сдѣланы и на стран. отд. отт. (первая цифра) и на стран. журнала (вторая ц.).

2) Почти все сказки. Своей поэзіи у ингилойцевъ, какъ замѣчаетъ авторъ (стр. 76/124), не имѣется. Есть только колыбельная пѣсня (стр. 84/132) и заговоры (стр. 127/175).

3) [illegible], [illegible], [illegible] М. Джанашвили транскрибируетъ (стр. 177/225, прим.) [illegible], [illegible], [illegible]! Кстати, звукъ ö (фр. eu) онъ передаетъ черезъ ̈ვ, а не ̈ჳ.

4) Не говорю о неправильномъ представленіи автора о хевсурскихъ словахъ и оборотахъ.

долю, доставаться. Но это еще ничего. Хуже обстоитъ дѣло съ нѣкоторыми объясненіями: ужъ лучше вовсе не объяснять происхожденія слова, нежели давать толкованія вродѣ слѣд.: «ნაზუქი[1]) = ნასუქი, რადგან ერბოთი ნასუქის» (стр. 49/97, 91/139; см. также въ словарѣ) или «ლოღათი[2]) არის იგივე ბერ-ძნული λόγος» и т. д. (стр. 176/324, прим.); не зная исторіи мингр. ირ, эквивалента груз. ყოველი, М. Дж. находитъ возможнымъ сопоставлять его со словомъ, находящимся въ ингилойскомъ на правахъ заимствованнаго, ჰარ (= прс. هر) *всякій* и т. п. Вообще, авторъ силенъ въ описательной части, но слабъ, когда дѣло доходитъ до толкованій, особенно иностранныхъ словъ.

Тѣмъ не менѣе, трудъ М. Г. Джанашвили является важнымъ пріобрѣтеніемъ для грузинской діалектологіи. Раньше у насъ не было почти никакихъ свѣдѣній объ ингилойскомъ говорѣ, приходилось лишь догадываться о громадномъ его значеніи по случайнымъ замѣткамъ самого М. Джанашвили и любителя-этнографа З. Эдили. Теперь же этотъ интересный говоръ извѣстенъ въ общихъ чертахъ и настоятельно требуетъ дальнѣйшаго детальнаго обслѣдованія. Можно сказать, что ни въ одномъ грузинскомъ говорѣ нѣтъ такого своеобразія, какъ въ ингилойскомъ. Мы знаемъ другой весьма своеобразный говоръ грузинскаго, хевсурскій, но всѣ особенности послѣдняго выдержаны въ извѣстномъ духѣ, въ то время какъ нѣкоторыя явленія въ фонетикѣ и морфологіи ингилойскаго носятъ совершенно исключительный характеръ: отсутствіе двухъ характернѣйшихъ звуковъ ძ и ჯ, сравнительное богатство гласныхъ (ე̈, უ̈), совершенно притупленное языковое чувство при образованіи отрицательныхъ причастій (უღაუწერელ, უღაუბანელ) и въ особенности ე въ качествѣ объективнаго суффикса множ. числа въ глагольныхъ формахъ (напр., ჰქონდაე = ჰქონდათ), все это накладываетъ особенную печать на ингилойскій говоръ и значительно удаляетъ его отъ другихъ грузинскихъ говоровъ. Къ сожалѣнію, пока еще нельзя вполнѣ учесть наслѣдія сильно вліявшихъ на него аварскаго и татарскаго языковъ.

Остается сдѣлать нѣсколько мелкихъ замѣчаній частнаго характера.

Неслоговое უ, соединяясь съ ა, даетъ въ ингилойскомъ ო: ყოვ *ворона*, გორ *родъ*[3]), ჯორ (= ჯუარი) *крестъ*, კოლ *слѣдъ*, ცორ *роса*, თოლ *глазъ* и т. п. По аналогіи, и ვა даетъ ო: ყონ (გაჲყონ и т. д. при др.-груз. გაიყვანე).

Это же неслоговое უ, перескакивая часто съ конца въ середину и соединяясь съ ე и ი, производитъ соотвѣтствующія измѣненія:

a) ლე̈ღ löğ *инжиръ*, ნე̈ს nös *дыня*, გე̈რც görϑ *рядомъ*, ნე̈ზ nöz *свинья* (самка) (= др.-груз. ლეღუ leğŭ, ნესუ nesŭ, გუერდს güerds, ნეზუ nezŭ).

b) კუ̈ც küϑ *жеребенокъ*, ფუ̈რტ φürt *легкія*, ბრუ̈ყ brük *съ дикими нра-*

1) Перс. نازك (есть и въ армянскомъ).

2) Арб. لغة.

3) Но გორ *загробная жизнь* (стр. 117/165) едва ли не перс. گور *гробница*.

вами, невоспитанный (=др.-гр. კიცუ̈ kiϑü, ფირტუ̈ (ფილტუ̈) φirtü, (φiltü), ბრიკუ̈ brikü). Аналогія и здѣсь сдѣлала свое дѣло: შუ̈ლ šül (< შვილი) *сынъ*, ჲ̈უ̈რ < უ̈რ < ვირ-ი) *оселъ*, ჲ̈უ̈ც (< უ̈ცი < ვიცი).

Въ სუ̈კდუ̈ლ *смерть* и წუ̈ცქუ̈ლ *мельница* имѣемъ ассимиляціи гласныхъ: въ первомъ — регрессивную. во второмъ — прогрессивную (სუ̈კდუ̈ლ sükdül < süikdil < si|küdi|l-i).

Любопытно удвоеніе *l* въ словахъ დილლა̈ *утро*, ილლაჯ (=арб. علاج) *средство*, а также подъемъ *ɛ* въ *i*: რიწყ (=арб. رزق) *жизненныя блага*.

Достойно вниманія образованіе сослагательнаго наклоненія на ა: «ღმერთმა აცხონას, ჯანნათში (=арб. جنّة *рай*) შაიყონას (стр. 113/161); გააკე-თან, იცოცხლან (154/202,27).

Очень сомнительно. чтобы глаголы წერს *писать* и ჭამს *кушать* спрягались такъ, какъ приводится на стр. 186/234; меня смущаютъ, именно, формы წერ, წერთ *пишешь*, *пишете* (мы ожидали бы სწერ, სწერთ) а также ჭამ *кушаешь* (слѣдовало бы სჭამ или შჭამ).

Ингилойское ღმერთიმა *ей-богу* и общегрузинское ღმერთმანი *id*, повидимому, разнаго происхожденія: ღმერთიმა < ღმერთი[ს] მა⌈ღლმან⌉ (მა⌈ღლსა⌉) или, быть можетъ, ღმერთი მა[ღალი = تعالى الله?], въ то время, какъ ღმერთმანი вышло изъ ღმერთმან იცის *Богу извѣстно*.

Въ лексическомъ отношеніи интересны нѣкоторыя точки соприкосновенія ингилойскаго съ другими грузинскими говорами: хевсурскимъ, тушинскимъ, пшавскимъ, а также кизикинскимъ.

Далѣе приводимъ слова. замѣченныя нами при чтеніи книги, но пропущенныя въ глоссаріи.

აარ 177/225,21; по личному сообщенію, произносится აჸრ (см. еще въ *Поправкахъ и Дополненіяхъ*, стр. 231/351: «ინგილოურში არის ხმა...» и т. д. [Поэтому, приводимое у I. А. Кипшидзе, *Грамм. мингр. (ивер.) языка*, стр. XVI2-3, утвержденіе: «въ ингилойскомъ встрѣчаются удвоенные гласные» должно быть подкрѣплено другимъ, болѣе удачнымъ, примѣромъ].

აღრეულა 53/101,2 сортъ мелкихъ орѣховъ: «მოწითანო-მოწაბლისფერო და აღრე შემოდის»; см., впрочемъ, у М. Джанашвили подъ словомъ ნულა.

ავლუა: «ავლუა იქნეს შენ ნაჭამ, **ხაშვალამ** იქნეს» 134/182,15.

ათხუთმეტ 182/230,3 пятнадцать.

აკუან 178/226,13 აკვანი, колыбель.

ალაცი 54/102,6 *сн.* «სართხამი». длинный шестъ для сбиванія орѣховъ и др. фруктовъ съ деревьевъ; шестъ вообще. 98/146,14-17: «აი მაყრიონმაც მოაცანა და ღელეფელის ეზოს კარებს მოადგა. კარები დაკეტილია და

იქვე მაღალ ხეზე (ალატზე) მაშხალაა გაკეთებული. გრძელი ალატი მიწაში დაურჭვიათ და მის წვერზე ვაშლი გაუკეთებიათ».

ალაჯურთი 94/142 видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ».

ალღუჯი 94/142 видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ».

ამან: «ამან, მელა, ჟაან მელა» 135/183,6.

ამბოვ (ამბობ), **ამბოვენ** (ამბობენ) 177/225,25.

ანგულუმო, მანგულუმო, მენგულუმო 141/189,26.

ანდ: გულანდ, პირანდ 183/231,11.

არახ 162/210,12 (т. آرق) არხი, арыкъ, каналъ.

არაჲფერ 134/182,17, 179/227,8 არაფერი, ничего.

არაწ 110/158, 115/163, 129/177; **ჭარაწ** 113/161.

არხოლოდ 143/191,5.

ასლან (т. ارسلان) 137/185,2.

ადილი: «იქვე გაკეთებულია საქონლის საზაფხულო შესამწყვდევი ადილი (=მეგრ. ქართი)» 49/97, 156/204,21.

აშურმა 91/139 ვერცხლის ქამარი.

ბათმან 96/144 «33 გირვანქა».

ბალახ: კმელ ბალახ сѣно (см. подъ სათვეჲ); სამწონე ბალახ 92/140.

ბალი მარცოლ: «კაჲ ბალი-მარცოლ შუ̈ლუ̈ბ გაჭჩენი» 141/189,13.

ბარ: «ფუ̈რტს-ფილტვს წვრილად დაუჭრიან, ნაწლევებს მოახვევენ და მოჭხარშვენ. ამას ბარი ჭქვიან» 115/163.

დოჲ-ბასოთ 137/185,27 დავიჭიდაოთ, помѣряемтесь силой (?).

ბასმა 85/133: «ბასმა ის არის, რომ ყმაწვილი ტანში შეიკვრის, ფეხზე ვეღარ დადგება».

ბაქმაზ 126/174,18.

ბაღ: «ქალამნის შესაკრავ ბაღებს (ბაწრებს)» [т. باغ повязка] 89/137, 90/138, 94/142.

ბაღური сортъ тыквъ, см. გუგრა.

ბაღჩეჲ (перс. باغچه) «ფურცლის ბაღი პარკის ჭიისთვის» 50/98,9-10; «აქაური ბაღჩა არის უთუთო ფურცლის ბაღი» 67/115,8. (См. ფურცელი).

ბეგ (тур. بك) 101/149 эпитетъ жениха.

....ბეჲთ, ...ბეჲ, ..ბეთ, ...ბე, (იმიბეჲთ, კოსალაჲბეჲთ, რაჲბე[თ], მელაჲბე, გელიბეჲ) 133/181 *слѣд.* для, у (....თვის).

ბეშ-ყარდაში (тур. بش قرداش) «ხუთძმოვანი» ჯეჯიმი 94/142 видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ».

ბიღებ [137/185,8, 138/186,19 «კატის ულვაში», какъ объяснено въ словарѣ, но на] 154/202,18 вообще *усы* (т. بيق усы).

გადა-ბიჭებაჲ 179/227,22 გადაბიჯება; **გადმააბიჭა** 160/208,2-3.

ბოლ: «საქმეჲ ბოლ გოქ» 84/132.

ბრიმაჲ 182/230,1 *сн.*; **დაბრიმავებულ** 156/204,18.

ბრუ̈ყ 178/226,23 ბრიყვი.

ბუდა-ბოჲნუზი 94/142 видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ».

და-ბუჩებაჲ 179/227,19 დაბუჟება.

გო̈გ-ჭამიანი 94/142 (т. كوك небо) «ცისფერი» ჯეჯიმი, видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ» (срв. თორჭამიანი).

გეზანგუ 58/106,12: «მეტი წყალიც ვნებს ჩალთუქს: უჩენს სენს «გეზანგუს», რომლისაგან მალე ჩალთუქი ყვითლდება და ფუჭდება».

გენჯური 51/99,19 сортъ винограда: «განჯური ყურძენი».

გოგაინებ 150/198,8.

გორგოლაჲ 177/225,26 (= ხორბოლაჲ).

გუგრა 56/104,5; 2 *сн.*, 179/227,11, 180/228,3 გოგრა, тыква; [она бываетъ двухъ сортовъ: ტრიანი съ длинной шейкой (бкв. съ рукоятью) и ბაღური (садовая)].

უ-**გულოჲ** 54/102,5 сортъ грушъ: «ყვითელი, ტკბილი, სხვილი, უკურკო» [значитъ, გული=კურკა, косточка? А. Ш.].

გუ̈რგალ 181/229,25 მგრგვალი.

გუ̈რგანა см. ხორბალი.

გუ̈შინ 180/228,4 გუშინ.

დაჲ-დაჲ, დაჲ или ლაჲ-ლაჲ 84/132, 85/133 баюшки-баю.

დარბაკებს 47/95,14 (срв. въ словарѣ у Дж. ტარბაკი).

დევის თვალაჲ 51/99,15 сортъ винограда: «დიდრონი მტევნები აქვს. მრგვალი დიდრონი მარცვლები, ღვინოდ არ ვარგა».

დგომელ: ვარცლზე დგომელ, ქევრზე (ქუ̈ვრზე?) დგომელ, ქობე-ბზე დგომელ 100/148.

სა-**დედო** 105/153.

დერიაჲ (прс. دریا) 140/188,17 море.

დიაღ (< დია ღმერთო) 135/183,9, 142/190,1,22, 148/196,20, 153/201,12 очень, весьма.

დილდიგი 50/98,10 «ბოსტანი».

დუვა 85/133, 122/170 (=دعا молитва).

დუ̈დრუან-თხილი 53/101,3 сортъ мелкихъ орѣховъ: «ცნობილი ბერძნული თხილი».

ეექ 142/190,1 *сн.* აქ, здѣсь.

ეეხლა 102/150 ეხლა, ახლა, теперь.

ემწო 157/205,8-9 ამოტელა.

ერ 133/181,14 ერთი, одинъ; **ერთა** 181/229,28 ერთად, вмѣстѣ. **ერუა** 148/196,22 მხოლოდ; 149/197,27, 150/198,1.

ექვს ჭრელიანი 94/142 видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ».

სა-**ვალაჲ** 94/142 видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ».

ვარანგელა часть ткацкаго станка.

უ-**ვარდება** 113/161,6 ერგება; ჩა-უ-**ვარდება** 114/162,3 *сн.* მიერგება.

ჩამო-**ვარდნა** პარკის 66/114,16 «ივასის გატეხა-შემცირება». თავში ჩა**ვარდნილ** 134/182,11 ჭკუაში ჩავარდნილა(?).

ვაშლაჲ 53/101,13 сортъ сливъ: «სხვილი, მოყვითანო».

ვერდანი (т. یورغان) 47/95,3 *сн.*, 90/138,22, 94/142,10 *сн.*, 98/146,9 *сн.*, 110/158—111/159 одѣяло.

გა-**ძალიანება** (= გა-ზალიანება?) 58/106,15: «ჩალთუქმა იცის აგრეთვე გაძალიანება თავთავ ამოღებამდე. გაძალიანება ის არის, რომ მცენარე სწრაფად იყრის ტანს, ღერო არ უსქელდება და მერე თავთავს ვეღარ იმაგრებს, სუსტი ნიავიც ძირს აწვენს და აფუჭებს. რომ არ წახდეს, დაორსულების წინად ჩალთუქს აჭრიან წვერებს და მით ანელებენ ზრდას».

ზამთრულაჲ 54/102.6 сортъ грушъ: «ნაგვიანევ შემოდგომას მწიფდება, მომრგვალოა, მომწვანო, ინახება მთელ ზამთარს».

ზარბაბ-ჯამიანი 94/142 (زرباف) видъ

мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ».

ზარგარი (прс. زرگر) ოქრო მჭედელი, золотыхъ дѣлъ мастеръ.

და-მ-**ზახებელნი** 96/144 посыльные для приглашенія званныхъ на свадьбу.

ზაჰლაჲ წაჴლი 151/199,14 докучать, надоѣдать? (срв. *զահլա տանել*).

ნა-**ზირ** 56/104,2 «ფურცლის ხმელი ტოტები»; 71/119,6 сн.: «ნაზირი = ნაძირალი, ე. ი. უფოთლოდ დაშთენილი ბალხის ტოტები-ხრალები; 76/124,18-19: «მესამე დღეს დაცახვის შემდეგ **ნაზირს** (ნაძირალს-**კრალებს**) გადაჰყრიან».

თალიან (срв. *Թալահ* счастье < طالع?) 96/144 იღბლიანი, счастливый.

თარვალ 56/104,13-17: «ბოსტანი რომ შემოსვლას იწყებს (ივნ.-ივლ.), მის შუაგულ ალაგას მაღალ ხეზე აკეთებენ თარვალს (ფარდულს) და იჭერენ მებოსტნეს, ე. ი. ბოსტნის ყარაულს, რომელიც თარვალზე ბინავდება და იქიდგან თვალ-ყურს იჭერს, რომ სხვა სხვის წილში არ შევიდეს და ბოსტანი არ მოსწყვიტოს».

თაფლა-ვაშლი 53/101,1 *сн.* сортъ яблокъ: «თეთრ-მოწითანო, რგვალი, ტკბილი, სურნელოვანი».

თაღარ 104/153, 155/203,19, 157/205,1 мѣра сыпучихъ тѣлъ (*Թաղար*, تغار).

თახტ 55/103,6 *сн.* гряда: «თვით ალაგილს კი იმდენ თახტად (კვალად) ჰყოფენ, რამდენიც საჭიროა დასათესად ხახვის, პირპილის (წიწაკის) და სხ. კვლები (თახტები) ხშირად 4—15 ალაბის სიგრძისა, სიგანით კი — 1—1½-ისა».

თახტაჲ: წონე თახტაჲ и თეთრ თახტაჲ 94/142 виды мѣстныхъ шерстяныхъ матерій «джеджимъ».

და-**თესვა** საქენის 129/177,8 обсыпать домъ зерномъ въ новый годъ съ благопожеланіями.

თეთრ-ვაშლა 54/102,3 сортъ яблокъ: «სხვილი, სურნელოვანი».

თექ-ზინზირი (т. تك زنجير) 94/142 «ერთმეწვგოვანი» ჯეჯიმი, видъ мѣстной шестряной матеріи «джеджимъ».

თოლ მოჭხტომი 84/132,3 *сн.* თვალი სცემია, сглазить.

თორბაჲ (т. طوربه) 155/203,1 ტორბა, торба.

თოფანჩაჲ 178/226,4 დაბანჩა.

თორ-ჭამიანი (т. طور сѣти) 94/142 ბადე-ბადე, ანუ უჯრა უჯრა ჯეჯიმი, видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ». (Срв. გöგ-ჭამიანი).

თურმენი (<თუ რომენი = თუ რომელი>) თურმე 153/201,21 оказывается.

თქამს 139/187,10 глотаетъ.

იახა: (т. ياقه) «პერანგს გულის პირზედ მძივის «იახა» აკერია» 104/152,2.

ილგა 90/138, 91/139, 106/154.

ილგაგი 99/147 «ფართო და განიერი ძეწკვი».

ილლაჲ (арб. علاج) «ილლაჲ გაჰწყეტი» 141/189,8, 151/199,14.

იმარათ (عمارة?) 106/154,5: «მზითევი ვერცხლის იმარათიანად (მოსართავი) უკანვე მამის ოჯახში შემოდის, პატარძალს მოჰყვება».

იმგურგლით 155/203,25, 158/206,12 ირგვლივ, кругомъ.

ისენ 178/226,8 ისინი, они.

ისფერი 53/101,13 сортъ сливъ: «იისფერი, სხვილი, ტკბილი».

იხტიარ (اختيار) 111/159,7 (выборъ > избранный > лучшій?).

კალო гумно (отъ него глаголъ:) «საკალოე ადგილს ჰკალავენ საკალავ ბარით» 58/106,7 *сн.*

კალოს-სხალი 54/102,6 сортъ грушъ: «ტკბილი, სურნელოვანი».

კარიპირ (=ეზოჲ) 158/206,12 дворъ.

კაჲ ქნილ 143/191,17 მორჩენილა, выздоровѣлъ.

კაც 145/193,13 ქმარი, мужъ.

კვირიშტავი 54/102,9-10 сортъ грушъ: «მოგრძო კვირისტავივით, მოყვითალო-მოწითანო, მეტად ტკბილი».

კიდბანა-ჭრელი 94/142 видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ».

კიჭკიჭაჲ 94/142 видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ»,

შე-მ-**კმაზავები** 97/145 მომრთველები, помогающіе жениху и невѣстѣ одѣться въ день свадьбы.

სა-**კმელაჲ** 51/99,18 сортъ винограда: «სურნელოვანი გემოს ყურძენია, ნაზი, მწყაზარი».

კმენა 179/227,2 კბენა, кусаться.

კოპე 58/106,8-11: «რომ წყალი თანაბრად მოხვდეს ჩალთუქის ყველა ნაბარტუ ძირს, ადგილს კვალავენ, ჰყოფენ წვრილ-წვრილ კოპებად (გუბეებად), რომელთა სიგრძე-სიგანე 1—2 საჟ. არა უმეტესია» (срв. გუბე, ***գուբ***).

კორკალ 146/194,24, 109/157 калъ животныхъ (лошади, овцы) (срв. კურკლი).

კოსალაჲ 133/181 კორსალა, კოდალა, дятелъ.

ძუძუებად შე-**კრვა** 79/127,12: (ამოხვეულ აბრეშუმს) «წვერებს ძუძუებად შეუკრავს».

შე-**კურტნე** 98/146: «პატარძლის გამოსტუმრებამდე ნეფიონისას, ნეფიონის ურმითვე, მიაქვთ ქალის ფართალი (ჯეჯიმები, ვერდნები, კიდობნები და სხ.). ურემს მიჰყვება «მეკურტნე», ქალის ნათესავი ყრმა. იმის მოვალეობა ის არის» და სხ.

სა-**კუწავ** 70/118,5 «წალდი», топоръ.

ლაბადა (прс. لباده): «ჩაიკვანი და ლაბადა ახალოხზე ბევრით მოკლეა» 103—104 (151—152).

გა-**ლალვა** погнать: «ულაყები უნდა გალალოს (გარეკოს) საძოვარზედ» 87/135.

ლაყაფ (арб. لقب) прозвище. «ყმაწვილს რომ მონათლავენ, ქრისტიანებრივ სახელს დაარქმევენ, მაგრამ შინაობაში, ხშირად, ნათლობის სახელს ივიწყებენ და ლაყაფ სახელს უწოდებენ».

ლოკმა (ар. لقمه) 141/189,7, 148/196,6, 179/227,15 ლუკმა, кусокъ (глотаемый).

მანჯანიკი (منجنيق) 77/125,11: «სახილველად ფრიად სასიამოვნო შენობა, საცა პარკისაგან იხვეოდა ხოლმე აბრეშუმი». (Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе). **მემანჯანიკე** 77/125,8 *сн.*

მაჲზარ (арб. مئزر) 104/152 ფიშტამალი, фартукъ.

მარაქა (معركه мѣсто, гдѣ собирается народъ или воины) 98, 99, 100. 101, 103, 113, 118 (146, 147. 148, 149, 151, 161, 166) собраніе.

მასრა 78/126,6 «საძაფო კოჭი» ка-

тушка для нитокъ въ მანჯანიკ'ჱ (см. это).

მაშუღლათი 98/146 (арб. مشغله занятіе; шумъ, гамъ).

მაჭარრამი (арб. مرّج) 54/102,8-9 сортъ грушъ: «სხვილი, ყელიანი, მეტად ტკბილი, სურნელოვანი».

მემლან 134/182,9 *слѣд.* მემრედა, а затѣмъ.

სო-მოზ въ словахъ ფეხსომოზ (= ფეკსომოზ, ფეყსომოზ?) обувь, ტანსომოზ одежда 178/226,17.

მრჭა-მრჭს იზახდა 138/186,11.

მუშამბა (арб. مشمع) 111/159,21: «კედარს სუდარის შეკვრამდე მუშამბას დაადებენ. მუშამბა სანთელ-წასმულ ამერიკულ ნაჭერია».

ნ: მინ, გინ, უნ 181/229,28 желать, хотѣть.

ნაბათი (арб. نوبه) очередь. ზროხი ნაბათი: «ნახირის მწყემსვა მეკომურთა შორის ჯერობით მოდის. ამ ჯერობას ზროხის ნაბათი ჰქვიან» 87/135, 144/192,1.

ნობათი 78/126,13: «ერთი ცხრილი პარკი, რომელიდამაც გამოვა ნახევარი ნობათი აბრეშუმი»; (срв. выше ნაბათი); 79/127,12-13: «ერთ ნობათად გამოჭკვანძავს».

ნაგახტან (т. ناگهان) 135/183,30, 137/185,1 вдругъ.

ნავ: ყურზნი ნავ 51/99,9 *сн.* давильня (საწნეხელი).

სა-ნათი 46/94,2 *сн.*: «სანათად იწოდება ქორაფისა და სხ. ხეების ხმელი ტოტების ნამტვრევები», хворость.

ნამკუდ 59/107,1-3. Смолотый хлѣбъ пропускаютъ черезъ рѣшето, «რომ ნამკუდმ გამოირჩეს თავ პურისაგან», чтобы отъ лучшаго зернового хлѣба отдѣлить зерна худшаго сорта (?). [Въ словарѣ ნამკუდ имѣется, но съ другимъ значеніемъ].

ნარ-არმუტი [прс. نار гранатовое яблоко, ارمود груша] 54/102,11 сортъ грушъ: «სხვილი ბროწეულს ხსდი, წონით გირვანქამდე, დიდხანს შენახული სურნელოვანად შაქრდება».

ნაყვა 59/107,15 ცეხვა, очищать рисъ отъ кожуры. «დაინაყება = გაიცეხვება».

ნაშირ 112/160,9: «მკვდარზე გაყოლილ ნაშირს მესაფლავენი იყოფენ».

ნეფეჲ 179/227,1.

ნეჭა, ნეჭები 48/96,16 ჭილობი: «ნეჭები სქლად დაწნულია ხმელ და გრძელ ნამჯისაგან თითის ხის ქერქით. ნეჭა ორი კაცის სიგძე მაინც იქნება. ქვეშაგების გაშლის დროს ჯერ მას შლიან და ისე, რომ მისი ნახევარი ისევ დაკეცილად რჩება და კაი მუთაქის მაგივრობას ეწევა». (Срв. Ч² и арм. Նաճայ).

ნიქა (نکاح?): «მაჭამადიანი ინგილოები კი რძალს სახლში მოიყვანენ და ნიქას გაუჭრიან» 97/145.

ნიჩაფ 177/225,26, 180/228,11 лопата, весло (и въ гурійскомъ говорѣ ნიჩაფ-ი, но въ большинствѣ груз. говоровъ ნიჩაბი).

ნუსმარ (арб. مسمار) 178/226,28.

ჲალვავ [въ транскрипціи М. Джанашвили ялвав] 177/225 (примѣч.) ალი, пламя.

ჲანზ [по М. Джанашвили янз] 177/225 (примѣч.) განზე, въ сторону.

ჲაფ [по Дж. яф] 177/225 (прим.), 178/226,25 «იაფი», дешевый.

ოინჩი (т. اوینچی) 101/149 ხუმარა, скоморохъ.

ოორ 134/182,14 ორი, два.

ორმოც გასვლა 82/130: «უწინ ცოლისა და შვილის ნახვა დღიდგან მშობიარობისა «ორმოც გასვლამდე» არ შეიძლებოდა».

ოღუზ (т. اوغوز быкъ; тупица) 153/201: «ოღუზ მაღალ ფანკაცა კაცებ ყოფილან.... ჭკო კი ბევრ არ ჭქონიაყ».

პირის ჩამოკდა: «პატარძალი წლის თავზე ქალ-მანდილს იხდის და «პირსაც ჩამოიხდის», ე. ი. პირს აღარ აიხვევს. მაშინ იგი ჩვეულებრივად დაიხურავს» 104/152.

პტარზალ 148/196,1.3 პატარძალი, новобрачная.

პუჭა 76/124,6 *сн.*, 79/127,2 *сн.*, 80/128,10 снимаемый съ шелковичнаго кокона пушокъ, изъ котораго дѣлаются веревки, гачники (ხონჯარი), яремные ремни (აპეური) и др.

ჟალდა-ბალი 54/102 сортъ черешни: «ნამყენი».

ჟანნათი (ар. جنّة) 113/161 სამოთხე, рай.

ჟაპუნი [у Дж. ჯაპუნი 65/113 *и слѣд.*] японская порода шелковичнаго червя, дающая два урожая въ годъ.

ჟაჭრა (прс. چرخه) 91/139 ჯარა, мотовило.

ჟეგა 179/227,20 ძეგვა, ცემა, бить.

ჟილავდრები (прс. جلودار) 98/146.

ჟიჟიმა 47/95,4-5 *сн.* ჯეჯიმი, «джеджимъ». [Подъ ჯეჯიმი въ Пшавіи понимается грубая шаль домашняго производства]. (Срв. Ч² и арм. ջէջիմ).

ჟინჟირი (прс. زنجير) 91/139, 104/152, 105/153 ძეწკვი, цѣпочка.

ჟინჭოლა 179/227,20 ჯინჭველი, муравей.

მა-ჟორჟოლებს 182/230,12 მაჟრჟოლებს, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу.

ჟიბე (ар. جيب) 143/191,5, 144/192,19, 181/229,18 ჯიბე, карманъ.

ჟუნსა 90/138, 103/151 «კისია», кисея (?)

საგალდა см. სა-ვალდა.

სალტე 105/153,2 სამაჯური, браслетъ.

სარმა-დუგმა (т. صارمه دوكمه) 104/152,3.

სარუბულდა см. ხორბალი.

სარქარ (прс. سركار) 111/159,11: «მამამო, ეგ ჩემო სარქარ მამაო».

სახლი: დიდი სახლი=ოჯახის საცხოვრებელი 49/97, 82/130; противопол. პატარა სახლი 49/97.

და-სიავება: «დასიავება ის არის, რომ კაცი რამე საჭმელს, ან ვისამე მომზადებულ ხორაგს მოინდომებს და მოილოდინებს, მაგრამ მოლოდინი კი არ შეუსრულდება. ეს მოლოდინის შეუსრულებლობა «დასიავებას» გამოიწვევს. ქართულად რომ იტყვიან: «კაცს საჭმლისთვის თვალის წყალი წაუვიდაო», დასიავებაც ეს არის» 109/157.

სიპ 48/96,8 *сн.* «ქვის ბრტყელი ფიცარი» вообще, а не только სარქველი, т. е. *крышка виннаго кувшина*, какъ объяснено въ словарѣ. (Срв. Орб. и Ч²).

და-ჭ-სრუმავს 101/149 «წააქცევს და ბღუჯავს».

ტანტალიკონი 119/167,17 შიშველნი, голые.

ტრიანი см. გუგრა.

და-ციცბვა 92/140, 93/141 გამოხარშვა, выварить.

ცოლადი (т. قلاق) 80/128,5 «პაჭიჭის მაგიერ წვივებზედ შემოსაკრავი»; 90, 94, 103, 105; ცოლახი 144/192,4.

ა-**ცრაყუნებენ** 150/198,14-15.

უმუდ (прс. اميد) 157/205,7, 178/226,21 იმედი, надежда.

ფარაქალ 75/123, 169/217,2 წილი, доля (часть чего-либо, посвященная Богу?).

ფართალი 85/133, 133/181. 144/192 ლოგინი, საწოლი, постель.

ფარჩა: «ფარჩას ინგილოები საერთოდ ჩითეულსა და ფარჩეულს უწოდებენ» 90/138 прим., 105/153.

გა-**ფაცულიება** (противопол. დამშვენება) 81/129: «კაჲ ქალ კაცს დაამშვენებს, არვარგ-გააფაცულიებსო».

ფახავ (= *փախաւ*?) 148/196,6.

ფენჯრებ (прс. پنجره) ფანჯრები, окна.

სა-**ფერავი** 51/99,17 сортъ винограда: «შავად მწიფდება, შავს ღვინოს იძლევა, თეთრი ღვინის საფერავად იხმარება» (срв. საფერავი: Н. Я. Марръ, *Дневникъ поѣздки въ Шавшетію и Кларджетію*, стр. 165).

ფეჴ 118/166, 103/151, 136/184,9, 137/185,24, 181/229,1 ფერჴი, ფეჴი, нога.

ფეჴის-ლობით 55/103,3 *сн.* «კუტი ლობით».

ფეხსომოჩ см. სო-მოჩ.

სა-**ფეხური** (вѣроятно, საფეჴური или საფეჴური) 78/126,2,5 *сн.* палка («კეტი»), употребляемая въ მანჯანიკ'Ѣ (см. это).

ფინ 182/230,3 ფინთი [см. Н. Марръ, *Происхожденіе изъ охотничьяго быта двухъ грузинскихъ терминовъ уголовнаго права*: ЗВО XVIII, 0168, пр. 1].

ფირ: «საქონლის ჭირის დროს პირუტყვის ნახირს ფირზე (ხის საყდარზე) წაასხმენ ხოლმე» 123/171,2-1 *сн.*

ფიქირ (ар. فكر) 138/186,5 ფიქრი, мысль.

ფთა штука (примѣнительно къ птицамъ): «ეზოს სამკაულს შეადგენენ აგრეთვე ბლომად ქათამი (ზოგს 100—200 ფთამდე ჰყავს) და ეზოს ძაღლები» 50/98,1-2.

ფურცელი 67/115,8 тутовое дерево.

ქალადა: «პატარძალს ზემოდგან ჩამოხურული აქვს აბრეშუმის დიდი ქალადა» 99/147 (срв. *քալաղի*).

ქან: აქანებს 53/101,5-4 *сн.* сбивать плодовыя деревья.

ქაფცარ (прс. كفتار гіена): გა-ქაფცრდება 120/188,7 გააფთრდება, превращаться въ гіену.

ქელახი 112/160,22 ქელეხი (*քելեխ*), тризна.

ქეჩიჲ (т. كچى) 141/189,15 какъ *коза*, такъ и козелъ [въ грузинскомъ вообще ქეჩი значить только *козелъ*, главнымъ образомъ, козелъ, идущій впереди бараны].

ქეჩი-ემჟაგი (бкв. *козья титька*: т. امجك *сосокъ*) сортъ винограда: «იგივე თითა» 51/99 [срв. ცხენის ძუძუჲ или *Ат-мемеси*: Н. Я. Марръ, *Дневникъ поѣздки въ Шавшетію и Кларджетію*, стр. 165].

ქიშმიშაჲ 51/99,13 сортъ винограда: «მწიფობისასაც მეტად მწვანე ფერი აქვს, მკვახე გეგონება, მაგრამ პირში

რომ ჩაიდებ, ქიშმიშივით ტკბილია».

ქლუნგ (*քլունգ*, прс. كلنك) 162/210,23 წერაქვი, кирка.

ქმნა: აბრეშუმის ჭია «ჰქმნის» პარკს 70/118,11 *сн.*; «შექმნილი» პარკი 73/121,14; «შეუქმნიათ» პარკი 76/124,10.

ქოთუქ (т. كوتوك стволъ) ტივი, плотъ.

ქორწილი: პატარა ქ.—პირველი დღეს; დიდი ქ.—მეორეს და მესამე დღეს. ფეხზე დგომელი ქ.—მეოთხე დღეს. 97/145, 102/150; **საქორწინო** 132/180,1 *сн.* деньги (200—300 рублей), выдаваемые холостому брату во время раздѣла.

ქუვა 134/182,13 ქვა, камень. **ქვა-ვაშლაჲ** 54/102,1 сортъ яблокъ: «მომრგვალო, წითელი, მაგარი, მეტად ტკბილი და გამძლო,—ზაფხულამდე ინახება».

ქუვილ 153/201,19?

ქუვრიან 153/201,16?

სა-**ღმოჲ** 181/229,21 **საღამო,** вечеръ.

ღარიბ-ღურბათნი (арб. غربه, غريب) 100/148 чужой людъ.

ღერობენ 118/166,11 *сн.*=ღრეობენ или, б. м., მღერიან?

ღრიმქჲ 144/192,12, 182/230,1 *сн.* ღრმა, глубокій; ჩაიღრიმიებს 161/209,13-14.

ღურღურ 142/190,16 водоворотъ(?)

გამო-**ღურღნა** 125/173 полоскать ротъ: «ყაპყაპით დასაძლევად პირში წყალი უნდა გამოაღურღნო (გამოავლო)».

ყაბ (тур. قاب чаша): «ერთ ყაბ ჰალვას=ერთ ლანგარ ალვას» 88/136, 89/137; «ერთ სინს ანუ ერთ ლანგარ ალვას «ყაბი ალვა» ჰქვიან» 91/139.

ყამჩი (т. قامچى) 78/126,18: «ნამგალივით მოკაკული კაკლის ტოტისაგან გაკეთებული მრგვალი **ყამჩი** (მოსასმელი» [გამოსახარშავ და ამოსახვევ პარკებისა]). **ყამჩი-ბაში** 79/129,7: «ამისთანა ამოხვეულ პარკის გროვას (выше дается описаніе) ჰქვიან **ყამჩი-ბაში** (ყამჩზედ გამოსული)».

ყარაბუღდა см. ხორბალი.

ყაშ: 91/139 застежка, бляха(?): «ქამრის ბოლოებზე ხელის გულის სიგანე და სიმსხო ვერცხლისავე ყაშებს (შესაკრავებს) აკეთებენ».

ყაჭბაჲ (арб. قحبه) 181/229,2 კახპა, კახპა, женщина легкаго поведенія.

ყბაჲს 156/204,27 болтаетъ(?)

ყერყანტუჲ 179/227,8 ყანყრატო, горло.

ყირს-ყინყირი (т. قرق زنجير): «ორმოც-ძეწკოვანი» ჯეჯიმი 94/142 видъ мѣстной шерстяной матеріи «джеджимъ».

ყოლანი (т. قولان подпруга) 90/138 «ცხენის გარ-საკრავი».

ყორიღი (т. قوروق) 50/98,11 «ყორუღი».

ყოჩ-ბოჲნუზი часть головного убора женщинъ: «საფეთქელზე ჰკიდია ეს ყოჩ-ბოჲნუზი (т. قوچ بوينوزى *бараній рогъ*) მცირე ნალსა ჰგავს, ვერცხლისა და ზედ ვერცხლის წვრილი ფული აკრია, რიცხვით სულ ექვსი. ლეჩაქს რომ თავზე გაიკეთებენ, ყოჩ-ბოინუზი თითქმის წარბებამდე ეცემა» 104/152.

ჩამო-ყრა პურისა («პურს ჩამოყრის»)

100/148,24 პურის ჩამორიგება, მირთმევა, подать хлѣба.

ყურდღელ 139/187,21, 180/228,18 კურდღელი, ყურდგელი, заяцъ.

შაბაშ [прс. شاباش «money thrown about at marriages, or given to singers» (Steingass). Въ арм. *շաբաշ*= *«այն արծաթը, որ ստանում են պարողներ հանդիսականներից և յետոյ տալիս են երաժիշտներին»*. **Րաֆֆի, Խենթը** (моск. изд. 1890), стр. 240, прим.)] 101/149; მეშაბაშე 101/149, 102/150.

შახ 100/148.14 нѣчто вродѣ елки къ свадьбѣ.

შიტო 133/181,3 *сн.* შტო, вѣтка.

უ-**შხივლა**: «სარკეჲ ალა, უშხივლა» 138/186,25.

ჩალთუქი 47/95,2 გამოუბრეცებელი ბრინჯი, рисъ, съ котораго еще не снята кожура (ბრე). [Послѣ удаленія кожуры, онъ уже называется ბრინჯი (ბრინჯ?), а не ჩალთუქი 59/107,18-19]. ჩალთუქ бываетъ трехъ родовъ: «თეთრ-წვერა, შავ-წვერა და ყვითელ-წვერა. თეთრ-წვერას ულვაშები აქვს მოთეთრო და ყველაზე ადრე მწიფდება. მისი მარცვალიც თეთრია» 57/105—58/106.

ჩარდათი 90/138,1?

ჩარჩაფ (*չարսաւ*, т. چارشف изъ перс. چادرشب) 99/147,3 *сн.* ფარდა, занавѣсъ.

ჩიგლაძა толстый войлокъ (?): «ვერდანებსაც სქელ ნაბდებს (ჩიგლაძას) დაუდებენ» 95/143,3-4.

ჩირაღ (прс. چراغ) 180/228,13 ჭრაქი, свѣтильникъ.

ჩიცო-სხალაჲ 54/102,11 сортъ грушъ: «წვრილი და ტკბილია».

ჩოვშე (т. چاوش) 149/197,19 გზირები, сельскіе разсыльные.

ჩოყაჲ 143/191,5, 181/221,5 ჩოკაჲ, чоха (платье).

ჩურჩაჲ 53/101,16 сортъ сливъ: «ყველაზე მეტად ფასობს. მისი ნაყოფი მოყვითლო-მოგრძოა და იჩურჩება. მას აძრობენ ჩურჩად (т. е. удаляя косточку?) ან და უჩურჩავად».

სა-**ყდარ** 130—131 (178—179): «დიდ საყდართ გასვლა», отправленіе на богомолье въ Курмухскую (ქურმუხი) церковь св. Георгія въ храмовой праздникъ 10 ноября.

ცარიალ 178/226,6 ცარიელი.

ციცოჲ 138/186,10, 19 кошка.

ციჭკუჲ 177/225,18?

ცოძაჲ 53/101,14 сортъ сливъ: «მხვილია, მრგვალი, დამწიფებისას ცომივით რბილი, ტკბილი».

ცუნცურიკ 133/181,4-3 *сн.* топорикъ?

ცუცქულ см. წუწქულ.

ა-**ცხივებენ** 58/106.1 *сн.* «აცხავებენ», пропускаютъ черезъ рѣшето (ცხივი=ცხავი. рѣшето?)

და-ხ-**წევნა** см. დახწევნა.

წითელაჲ 53/101,12 сортъ сливъ: «მოწითანო, მოგრძო, მეტად მჟავე».

წითლა-შუნდ 53/101,11 *сн.* сортъ кизиля.

წირინაჲ 134/182.21: «ყოვმა მითხრა, ყოვ წირინამ».

წვინტლ 179/227,28. (Въ словарѣ у Дж. имѣется წვლინტ).

წიწილები: «ზოგიერთნი სპარსულად წიწილებს (გრძელ თმებს) კეფიდგან მოკიდებული საფეთქლებამდე იხარბებენ» 114/162.

და-წოლბლავ 81/129 მოუღლოგინიაო, разрѣшилась, говорятъ, отъ бремени.

წრუღუან 159/207,17-18 წვრიმლიანი, кустарникъ (?)

წუცქულ, ცუცქულ 180/228,2-7 წისქვილი, мельница (но и წიცქულ 181/229,17); **წუცქულუ** (წუცქული) ქუებ 139/187,20 жернова.

ჭარული 53/101,2-3 сортъ мелкихъ орѣховъ: «სხვილი, მოწითანო».

და-მ-**ჭერულ** 142/190,19 თანაბარი, подобный, равный (?): «ლოყმან ჭაქიმი დამჭერულ ჭაქიმ ქუყანაზე არ ყოფილ».

ჭეჭა 51/99,7 *сн.* ჭაჭა, кожура винограда.

ჭიჭინა 182/230,13 ჭრიჭინა, стрекоза.

ჭუჭული 125/173,3 *сн.* წიწილი, цыпленокъ.

ხათირ (арб. خاطر) 102/150 ხათრი, расположеніе, уваженіе.

ხაიათი (арб. خيط?) 79—80 (127—128) толстая шелковая нить.

ხალხ (ар. خلق) 161/209,15 ხალხი, народъ.

ხანა 94/142 «საქსოვი» (точнѣе, ქსელი?), ткацкій станокъ (или ქსელი, основа ткани на станкѣ?).

და-**ხარჯვაჲ** (арб. خرج) 162/210,22 გარდაცვალება, смерть; **დაჲხარჯა** 162/210,20, 110/178 скончался [срв. ***ծախեցաւ*** (=დაიხარჯა=) მოკუდა *Исходъ* 9,6,7; 24,11].

ხაშკალამ см. ავლუჲ.

გაა-**ხივა**: «საკრეჲ აჲლა, გაახივა და გაახივა ასლანს» 138/186,7.

ხიზ 51/99,4 *сн.* «თხის ქონი» козье сало; გავხიზოთ 161/209,11 (срв. ხიზი у Орб., Чуб.² и арм. *խիժ, խէժ*).

ხიწიწ 115/163,4, 180/228,30 ხოხოზიკი, кусокъ жирнаго мяса, изъ котораго выжатъ весь тукъ.

ხორაგის ამხანაგობა 97/145 «товарищество пищи» (ხორაგი=خواره), т. е. сидящіе за однимъ столомъ?

ხორბალი (прс. خواربار) 57/105 пшеница; [она бываетъ трехъ родовъ: a) სარუბუღდა (т. صارو), b) ყარაბუღდა (т. قره) и c) გურგანა. Дороже стоитъ первая].

გა-**ხორთცაგდება** 120/168 «განხორციელდება, გაცოცხლდება» (მკვდარი), ожить, воскреснуть.

სა-**ხორცე** (вѣроятно, საკორცე) 47/95,11 «რქიანი საქონელი», рогатый скотъ; 105/153,10-11: «ხარი ან ფური», быкъ или корова. [точнѣе, საკორცე должно означать *убойное животное*].

ხოროლავებ 50/98,4-3 *сн.* «უნაყოფო ყლორტები».

ხოშკელდი (т. خوش كلدى) 137/185,3.

ხრის 54/102 «ბერტყავს», сбивать плоды съ деревьевъ.

გა-**ხსნილება** (точнѣе, გაკსნილება?) აღდგომა, Пасха (бкв. розговѣнье) 131,4 *сн.*, 132,11 (179, 180).

და-**ხწევნა**: «პურჭამუა-დახწევნას უკან» 147/195,4 по окончаніи ѣды(?); «ჩონგურ კელი დახწევნი») 146/196,5.

ჭეჩენ 54/102,1 *сн.* раскалывать, разбивать. «შემოდგომაზე კაკალს ჩაქუჩით კეჩენ (ამტვრევენ)» სა-**ჭეჩი** 54/102,16 сортъ персиковъ.

შე-**ჭინცა** 181/229,4 нанизывать.

ჭიფ 92/140: «დართულ ძაფს ორ-სამ-ოთხ წვერად (ტოტად) ჯარაზედვე დაჭძახავენ, მერე დაჭხვეწენ, დაჭკიფ-

ვენ, შეჭლებვენ და ძაფი საქსოვად მომზადდება».
ქმალი 94/142 часть ткацкаго станка.
ს-**კორცე** см. ს **ხორცე**.
ჭაგუბაჲ 139/187,7, 183/231,5 აბგა, маленькая переметная сумка.
ჭანდევარ 141/189,12, 142/190,13 окрестность (?)
ჭამფავ (арм. *համբաւ*) 135/183,1 ჭამბავი, ამბავი, вѣсть.
ჭარ რაჲმ (прс. هر) 148,9 всякая всячина.
ჭარაღ (т. ياراق) 155/203,24, 158/206,12-13 იარაღი, орудіе.
ჭარაწ см. არაწ.
ჭემთონ 155/203,10 ამდენი, столько.
ჭენდ 59/107 участокъ земли при многопольной системѣ обработки (?)
ჭიგი 155/203,10?
ჭოპოპი (*յոպոպ*, upupa) 125/173,21, 179/227,18 ოფოფი, удодъ.
ჭუმბარაგ (<უმბარაგ<მუბარაქ=مبارك) 96/144 ბედნიერი, счастливый.
ჭურაჲ: «აგვისტოს გასულსა და ენკენისთვის დამდეგს ბოსტანი რომ გამოილევა, მაშინ სათემო ჭურაჲ იმართება: დანიშნულ დღეს ყველა გამოვა საბოსტნეში და ვისაც სად ეპრიანება, იქ მოიკრეფს ბოსტანს და თავისს საქონელსაც მოაძოვებს» 56/104,20-24.
ჭუ̈რ 136/184,16 ვირი, оселъ.
ჭუ̈ქ: «ყოველს ჯეჯიმს ოთხად გადაჭკეცვენ და ჭუ̈ქად (წყობად) ლამაზად დააწყობენ» 95/143,2—3.

Въ заключеніе хотѣлось бы обратить вниманіе редакціи «Древней Грузіи», гдѣ напечатанъ трудъ М. Джанашвили, на желательность сохраненія журнальной пагинаціи въ отдѣльныхъ оттискахъ.

А. Шанидзе.

391. Albert Herrmann. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. Berlin 1914 (Abhandl. der kön. Ges. der Wiss. zu Göttingen, phil.-hist. Klasse, Neue Folge, Bd. XV, № 4). 57 стр. 8⁰ maj.

Настоящее изслѣдованіе вызвано, по словамъ автора, трудомъ пишущаго эти строки «Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ и низовьяхъ Аму-дарьи», вышедшимъ въ 1910 г. въ нѣмецкомъ переводѣ (на русскомъ языкѣ трудъ былъ напечатанъ еще въ 1902 г. въ Ташкентѣ). Въ дополненіе къ установленному мною факту впаденія Аму-дарьи въ Каспійское море въ средніе вѣка (XIII—XVI вв.) авторъ старается доказать, что то же самое явленіе имѣло мѣсто въ древности. Свидѣтельства античныхъ авторовъ даютъ, по его мнѣнію, возможность установить, что по Узбою въ то время протекала вода и даже происходило судоходство; на основаніи мѣстныхъ преданій, существовавшихъ еще въ эпоху арабскихъ географовъ, можно опредѣлить даже время исчезновенія воды въ этомъ рукавѣ рѣки.

Авторъ, конечно, сознаетъ, что при изученіи античныхъ извѣстій о

Средней Азіи изслѣдователь не находится на такой твердой почвѣ, какъ при изученіи извѣстій арабскихъ географовъ. Вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ исторической критикѣ приходится сложить оружіе, вообще остается спорнымъ; еще труднѣе въ такихъ случаяхъ установить границу между сколько нибудь обоснованными гипотезами и совершенно безпочвенными догадками. При изученіи дошедшихъ до насъ античныхъ извѣстій о среднеазіатскихъ областяхъ, особенно о тѣхъ, по которымъ не проходило войско Александра Македонскаго, приходится прибѣгать къ догадкамъ на всѣхъ стадіяхъ работы; даже когда удается, путемъ болѣе или менѣе остроумныхъ комбинацій, установить текстъ того или другого утраченнаго первоисточника, этотъ результатъ мало приближаетъ насъ къ цѣли изслѣдованія, такъ какъ и съ помощью такого текста нельзя создать сколько нибудь цѣльной картины. Достаточно сказать, что греки говорятъ объ Оксѣ (очень вѣроятно, что до Александра ту же рѣку называли Араксомъ), т. е. Аму-дарьѣ, и о странѣ хорасміевъ, т. е. о Хорезмѣ, но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ, что Оксъ (или Араксъ) протекаетъ черезъ страну хорасміевъ.

Можно предоставить спеціалистамъ по классической литературѣ рѣшить вопросъ, насколько убѣдительны доводы автора, что разсказы Геродота и Страбона о массагетахъ восходятъ къ общему источнику—сочиненію Гекатея милетскаго (стр. 13—17). Въ смыслѣ ясности географическихъ понятій о Средней Азіи Гекатей не представлялъ исключенія; описывая страну хорасміевъ, онъ, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ фрагментамъ [1]), тоже не говорилъ ни слова о рѣкѣ. Страбонъ [2]) (какъ полагаетъ авторъ, по Гекатею), описываетъ страну массагетовъ съ протекавшей по ней большой рѣкой, впадавшей однимъ рукавомъ въ «Гирканскій заливъ» (Каспій), другими въ какое-то «сѣверное море»; страна раздѣляется на горы, равнины, острова и приморскія болота; описываются нравы жителей каждой изъ этихъ мѣстностей; но не опредѣляется пространство страны, не говорится, были ли горы вблизи моря или далеко отъ него, гдѣ происходили военныя дѣйствія, изъ какой области, изъ Гирканіи или изъ другой, Киръ подошелъ къ «Араксу» и т. п. Предположеніе автора (стр. 19), что Киръ переправился черезъ Узбой около урочища Игды и что оттуда массагеты заманили его въ Балханъ, мало соотвѣтствуетъ какъ географическому характеру мѣстности, такъ и историческимъ аналогіямъ.

Если въ этомъ случаѣ аргументація автора только вызываетъ сомнѣ-

1) Hecataei Fragmenta №№ 172 и 173 (Fragm. hist. Graec., I, p. 12a): русскій переводъ въ «Свѣдѣніяхъ объ Аральскомъ морѣ», стр. 4 сл.

2) Strabo, cap. 512—513.

ніе, то о его попыткѣ доказать существованіе въ древности воднаго пути изъ Бактріи до Чернаго моря (по Аму-дарьѣ, Узбою, Каспію, Курѣ и Ріону) можно высказаться болѣе опредѣленно, притомъ въ отрицательномъ смыслѣ. Автору кажется (стр. 26), что слова Аристобула вполнѣ подтверждаются независимыми отъ него источниками — Патрокломъ и въ особенности тѣмъ спутникомъ Помпея, разсказомъ котораго воспользовался Варронъ и съ его словъ Плиній[1]). Между тѣмъ зависимость результатовъ экспедиціи Патрокла отъ взглядовъ, установившихся во время похода Александра, признается всѣми изслѣдователями; столь же естественно, что такой книжный человѣкъ, какъ Варронъ, въ свой разсказъ о походѣ Помпея вносилъ не только показанія своихъ источниковъ, но и заимствованныя изъ книгъ географическія представленія. Авторъ упускаетъ изъ виду, что мы имѣемъ возможность провѣрить разсказъ Варрона по другимъ извѣстіямъ, уже несомнѣнно восходящимъ къ спутнику Помпея и дѣйствительно передающимъ наблюденія очевидца, очень подробныя и интересныя, именно по разсказамъ Страбона объ Иверіи и Албаніи, заимствованнымъ у Ѳеофана митиленскаго. Въ этихъ разсказахъ не только нѣтъ ни слова о предположенномъ авторомъ водномъ пути, но прямо исключается возможность его существованія; вполнѣ опредѣленно говорится, что устье Куры все болѣе засорялось пескомъ, но населеніе Албаніи «совершенно не нуждалось въ морѣ»[2]), т. е. не вело никакой морской торговли. Торговый путь изъ Хорезма черезъ степь къ берегу Каспійскаго моря не только не является «географически немыслимымъ» («geographisch undenkbar», Hermann, l. c.), но всегда въ исторіи существовалъ; такъ и у Страбона говорится, что къ аорсамъ, жившимъ на сѣверномъ берегу Каспія, индійскіе и вавилонскіе товары привозились на верблюдахъ[3]).

Столь же не убѣдительны доводы въ пользу гипотезы о перемѣнѣ теченія рѣки въ V в. Дѣйствительно ли существовалъ городъ Балханъ на берегу моря и дѣйствительно ли къ нему относятся китайскія извѣстія о городѣ Бо-ло и греческія о городѣ Βαλαάμ, какъ полагаетъ авторъ (стр. 53), остается совершенно недоказаннымъ. Противъ этого, какъ уже было отмѣчено въ моемъ трудѣ[4]), говоритъ китайское извѣстіе о переселеніи народа изъ Бо-ло черезъ Гиндукушъ въ Индію. Персидскія извѣстія о событіяхъ V вѣка ничего не говорятъ о городѣ Балханѣ. Изъ арабской литературы

---

1) Подробности въ «Свѣдѣніяхъ объ Аральскомъ морѣ», стр. 11 сл. и 17.

2) Strabo, cap. 501: οὐδὲν δεῖ θαλάττης.

3) Strabo, cap. 506: ὥστε καὶ ἐνεπορεύοντο καμήλοις τὸν Ἰνδικὸν φόρτον καὶ τὸν Βαβυλώνιον παρά τε Ἀρμενίων καὶ Μήδων διαδεχόμενοι. Слова о посредствѣ армянъ и мидянъ относятся, конечно, только къ «вавилонскимъ» товарамъ.

4) Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ, стр. 28; нѣм. переводъ, стр. 19.

мы знаемъ, что существовало преданіе о какомъ-то «старомъ Хорезмѣ» у Балхана; гибель этого Хорезма связывали съ возникновеніемъ новаго, причемъ для объясненія этого непонятнаго факта была придумана легенда, разсказанная у Макдиси[1]). Легенда совершенно не считается съ фактомъ, что въ Узбой могла попасть вода только изъ того же Хорезма, черезъ Сарыкамышскую котловину. Тѣмъ не менѣе авторъ видитъ въ легендѣ отголосокъ историческаго событія и на основаніи подробностей разсказа опредѣляетъ, когда оно могло совершиться: упоминаніе турокъ показываетъ, что легенда до X в. могла существовать только нѣсколько столѣтій; царь Балхана въ легендѣ еще не является туркомъ, слѣдовательно, terminus ante quem ея возникновенія — время окончательнаго утвержденія турокъ въ мѣстности до Аму-дарьи, что произошло около 565 г. При этомъ забывается, какъ легко въ народныхъ сказаніяхъ одни этнографическія названія замѣняются другими. Съ такимъ же основаніемъ можно было бы доказывать, что всѣ эпизоды персидскаго эпоса, гдѣ говорится о войнахъ персовъ съ турками, относятся къ эпохѣ не ранѣе VI в. по Р. Хр.

Послѣ всего сказаннаго было бы трудно признать историко-географическое изслѣдованіе А. Германа большимъ шагомъ впередъ въ наукѣ.

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ своей книги и въ особой статьѣ, напечатанной въ нѣмецкомъ географическомъ журналѣ[2]), авторъ касается также исторіи изученія аму-дарьинскаго вопроса и здѣсь впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки, объясняемыя какъ незнакомствомъ его съ русской литературой[3]), такъ и не вполнѣ внимательнымъ отношеніемъ къ книгѣ, переведенной на нѣмецкій языкъ. Совершенно ошибочно авторъ полагаетъ, что русскими изслѣдователями было обращено мало вниманія на работу проф. Обручева о «закаспійской низменности». Изслѣдованіе проф. Обручева было помѣщено въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества[4]) и на него ссылались едва ли не всѣ русскіе ученые, писавшіе объ аму-дарьинскомъ вопросѣ послѣ него[5]). Споръ о пріоритетѣ геолога или историка, поднятый проф. Обручевымъ на страницахъ того же нѣмецкаго журнала[6]), осно-

1) Bibl. Geogr. Arab. III, 285; Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ, стр. 40 сл.; нѣм. переводъ, стр. 27 сл.

2) Petermanns Mitteilungen, 1913, II, 70 f.

3) Ср. напр. его слова (стр. 6) о работѣ R. Roesler «Die Aralseefrage», die Barthold leider ganz übersehen hat; между тѣмъ эта работа была использована мною еще въ 1897 г. (Сборн. статей учениковъ бар. Розена, стр. 7 сл.).

4) Зап. И. Р. Г. Общ. по общей геогр., т. XX, № 3.

5) Вопреки категорическимъ словамъ А. Германа (стр. 6, прим. 3): «Obrutschews Werk wird bei Barthold nirgends erwähnt», ссылка на работу Обручева есть не только въ русскомъ подлинникѣ моей книги (стр. 54, прим. 3), но и въ нѣмецкомъ переводѣ (стр. 36, прим. 3).

6) Petermanns Mitt., 1914, I, 87 f.

ванъ на недоразумѣнія; въ предисловіи къ нѣмецкому переводу моей книги рѣчь шла не о результатахъ, достигнутыхъ отдѣльными изслѣдователями, но о признаніи соотвѣтствующей научной средой доказательной силы научныхъ доводовъ. Доводы проф. Обручева (справедливо или нѣтъ — объ этомъ историку не приходится судить) были отвергнуты его товарищами по спеціальности, и натуралисты были склонны сдать вопросъ въ архивъ, какъ рѣшенный въ смыслѣ, противоположномъ мнѣнію Обручева; если нѣкоторые изъ нихъ теперь измѣнили свой взглядъ, то подъ вліяніемъ результатовъ историческаго изслѣдованія[1]). Остается, такимъ образомъ, фактъ, интересный съ методологической точки зрѣнія: научный вопросъ, касающійся области естествознанія, могъ быть рѣшенъ доводами исторической критики съ большей убѣдительностью, чѣмъ путемъ примѣненія методовъ такъ называемыхъ «точныхъ наукъ». **В. Б.**

1) Л. Бергъ, Аральское море, стр. 523: «Коншинъ утверждаетъ, что Аму никогда не могла течь по Узбою, Обручевъ держится противоположнаго мнѣнія. На нашъ взглядъ обстоятельная монографія проф. Бартольда разрѣшила этотъ вопросъ».